

АЛЬФРЕД
ШКЛЯРСКИЙ

3

АЛЬФРЕД
ШКЛЯРСКИЙ

«TERRA» - «TERRA»

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Альфред
Шклярский

СОЧИНЕНИЯ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том третий

ТАИНСТВЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ ТОМЕКА
роман

ТОМЕК СРЕДИ ОХОТНИКОВ
ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ГОЛОВАМИ
роман

МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1995

**ББК 84.4П
Ш66**

**Внешнее оформление
М. ПЕТРОВА**

Ш $\frac{4804010100-217}{А30(03)-95}$ Подписное

ISBN 5-300-00168-6 (т. 3)

ISBN 5-300-00156-2

© Издательский центр „ТЕРРА”, 1995

ТАИНСТВЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ ТОМЕКА

роман

I В ТАЙГЕ

Над широкими просторами русской части Дальнего Востока светало. На небосклоне медленно гасли звезды, и в сером полумраке клубился предрассветный туман. Вот лучи восходящего солнца коснулись округлых горных вершин, пробежали по склонам, поросшим лесом, и на всем пространстве тайги настал новый день.

Мягкий туман, обволакивавший девственную пущу, постепенно рассеивался, и перед взором наблюдателя открывались удивительные подробности пейзажа. Растительность, присущая северной тайге, соседствовала здесь с породами смешанных лесов Китая и Индии. По стволам аянских елей вились ветви дикого винограда; рядом с белыми березами и сибирскими кедрами росли бархатные деревья, маньчжурский орех и кусты карликовой дальневосточной пальмы, арали. Повсюду вокруг в небо вздымались вершины столетних кедров, золотисто-зеленой даурской лиственницы, белокорых пихт, среди которых пробивалась светлая зелень амурских лип, вязов, грабов, дубов и кленов.

Солнечные лучи все глубже и глубже проникали во влажную чащобу Приамурской тайги, где протоптанные оленями стежки скрещиваются с тропами тигров, а в жаркую летнюю пору скромные якутские мотыльки уступают свое место крупным тропическим бабочкам.

Здесь, на рассвете, тигры возвращаются к своим лежбищам с ночной охоты; в это время тайга замирает, и только птицы, сидя высоко над землей в своих гнездах, отваживаются резкими криками заявить о своем присутствии. Однако этим утром даже птицы при малейшем шелесте срывались с мест, а дикие животные

тайком пробирались сквозь чащу, потому что извечные устои тайги нарушил их самый коварный враг — человек. В самом сердце тайги, вблизи южной оконечности Буреинского хребта¹ появилась группа следопытов и звероловов, раскинувших здесь свой лагерь.

Когда солнечные лучи разогнали туман, стлавшийся по лесным полянам, на одной из них показались силуэты нескольких палаток, окруженных полукругом телег. Под телегами спали привязанные к колесам лохматые псы. Внутри полукруга телег стоял ряд клеток с дверками из железных прутьев. Вблизи лагеря паслись стреноженные лошади.

Из палатки вышел низкий, широкоплечий мужчина, одетый в штаны и куртку, сшитые из оленьей шкуры. Он внимательно окинул взглядом поляну, повернув к солнцу свое смуглое лицо с раскосыми глазами, маленьким носом и выдающимися скулами. Он был искренне рад, что туман исчез. Посмотрел вверх. Хмурое небо, а таким оно было уже две недели, наконец распогодилось и голубело в лучах восходящего солнца. Тихий, почти безветренный рассвет, свидетельствовал о том, что пора летних, муссонных дождей² прошла. Лицо мужчины озарилось улыбкой. Ведь он был проводник и следопыт — участник экспедиции, организованной белыми звероловами, приехавшими сюда из далекой страны. Проводник уже давно ждал подходящего дня, чтобы закончить охоту на тигров. После этого экспедиция должна была перейти в район, расположенный к западу от Буреинского хребта, чтобы очутиться вне сферы муссонных дождей, которые задерживались на восточных склонах гор.

Мужчина вернулся в палатку, потом снова вышел на поляну, держа в руках старую берданку. Теперь у

¹ Обширная горная территория, возвышающаяся над двумя прилегающими к ней равнинами: Зейско-Буреинской на западе и Нижне-Амурской на востоке. К югу хребет переходит реку Амур и в Маньчжурии носит название Малый Хинган.

² Муссон — ветер, меняющий направление зимой и летом. Зимние муссоны дуют с севера и северо-запада (из глубины суши к океану) и несут с собой холодную, сухую, солнечную погоду. Летние муссоны, не слишком жаркие, дуют со стороны океана (с юга и юго-востока), и несут с собой теплый, влажный воздух. Поэтому на восточных склонах Буреинского хребта лето бывает теплым и дождливым, хотя отличается частыми туманами.

него на ногах были мягкие унты из оленьей шкуры, и он, бесшумно ступая, направился в чашу леса. Как раз в этот момент из соседней палатки выглянул молодой человек довольно высокого роста. Это был зверолов, Томек Вильмовский, который с отцом и несколькими друзьями охотился в Приамурской тайге. Увидев уходящего проводника, он, несмотря на то что был еще полуодет, побежал вслед за ним.

— Нучи¹, куда ты собрался так рано? Если ты идешь искать обнаруженных вчера тигров, то я с удовольствием пойду с тобой,— по-русски крикнул он, догоняя следопыта, представителя местного племени нанайцев².

Нучи остановился, повернулся к юноше и на ломаном русском языке, перемежая его словами родного языка, ответил:

— Моя проверит, есть ли амбы³ и вернется за вами.

— Ты же знаешь, что я умею незаметно подкрасться к зверю. Я не вспугну тигров, возьми меня с собой,— просил Томек.

Нучи поднял голову, чтобы заглянуть в глаза юноши.

— Твоя такой же хороший охотник, как старый гольд, но амбы живут далеко за сопкой, шибко далеко! Твоя устанет ходить, а потом не может скоро ловить,— ответил он.

— Ну да, ты, пожалуй, прав, Нучи, но я при случае подстрелил бы что-нибудь для наших тигров. Остатки кабана я разделю между ними теперь. Их надо хорошо накормить, а то они будут шуметь целый день. Ты же сам говорил, что это мешает охоте,— искал Томек охотника, так как очень хотел отправиться в тайгу со знаменитым местным звероловом.

— Теперь наша не может стрелять,— твердо ответил Нучи.— Мы должны поймать амбы, а потом охотиться. Пусть твоя накормит амбы в клетках, а то голодные они злые и громко кричат своим братьям в тайге. Тогда совсем нет охоты.

— Хорошо, Нучи, я займусь тиграми.

¹ Нучи — на языке нанайцев значит малый.

² Нанайцы (прежнее название — гольды) живут на Дальнем Востоке по берегам рек Амура и Уссури.

³ Амба — тигр по-нанайски.

Нанаец подмигнул опечаленному юноше, забросил ружье за спину и быстро исчез в лесной чаще. С нескрываемой завистью Томек смотрел ему вслед, хотя в глубине души признавал правоту местного охотника. Здесь, в Приамурской тайге, ловля живых тигров осуществлялась по старому охотничьему способу, то есть без участия многочисленной облавы, которая могла бы окружить животных. Погоня за тиграми небольшой группы охотников с собаками была чрезвычайно изнурительна, в особенности на склонах сопок. Правда, в течение нескольких недель охоты они сумели поймать трех молодых хищников, но сильно при этом устали. Дождливое лето им не благоприятствовало. Размокшая от дождей земля затрудняла и без того тяжелую охоту. Поэтому опытный Нучи советовал отложить ловлю тигров до близкой осени — лучшей поры года в этом районе. Он объяснял, что после муссонных дождей быстро устанавливается солнечная и теплая погода, длящаяся до конца сентября и даже до начала октября. В конце осени, когда подсыхает и подмерзает земля, легче путешествовать на телегах. К сожалению, белые охотники не хотели воспользоваться хорошим советом. Они обосновались во влажной тайге и кружили по ней, словно духи.

Нучи исчез в чаще леса; Томек медленно вернулся в палатку. Стараясь не разбудить друзей, он взял одежду, полотенце, мыло и направился к протекавшему вблизи ручью. Вскоре одетый и умытый, юноша присел на поваленный бурей ствол дерева. Некоторое время прислушивался, подозрительно поглядывая вокруг. В лагере царила полная тишина. Все отдыхали перед новой охотой, которую обещал им Нучи.

Томек осторожно достал из поясного кармана листок бумаги. Разгладил его на колене. Это было письмо от его двоюродной сестры Ирены Карской, в семье которой он долгое время жил в Варшаве после смерти матери и побега отца за границу. Томек начал читать письмо:

Варшава, 10 мая 1907 г.

«Дорогой братец!

Я почти целый год не отвечала тебе на письмо, которого мы с таким нетерпением ждали. Из-за строгостей цензуры я не все могла тебе написать о трагиче-

ских событиях, происшедших в нашей семье. Только теперь я могу послать тебе ответ не по почте, а с оказией. Один из друзей папы уезжает за границу по торговым делам и обещал выслать мое письмо из Германии.

Дорогой Томек, прежде всего я должна объяснить тебе причину всех этих предосторожностей. Дело в том, что Збышек арестован и сослан в Сибирь¹. Ты, конечно, лучше других поймешь, каким это было ударом для всех нас, в особенности для мамы. Ты же помнишь — она всегда боялась всякого рода политических заговоров! Когда ты уехал со Смугой к своему папе, она, бедняжка, думала, что все заботы уже окончились. Во время революции в России и в Царстве Польском² она радовалась, что ты живешь в безопасности, далеко от нас! Она говорила тогда, что в твоей крови бушует революционный дух твоего отца и во время беспорядков ты не усидел бы спокойно на месте. А мой папа ей только поддакивал. Он постоянно называет тебя польским патриотом.

¹ В царские времена Сибирь в течение долгого времени была местом ссылки русских и польских революционеров. Первые поляки очутились в Сибири как военнопленные еще во время войн Стефана Батория с Иваном Грозным. В XVII в., когда войны между Польшей и Россией участились, в Сибирь направлялись пленные поляки в довольно значительном количестве. В XVIII в. в связи с Барской конфедерацией и восстанием Тадеуша Косцюшко в Сибирь были сосланы многие поляки. По указу от 29 мая 1768 г. царское правительство сослало членов конфедерации в Сибирь, включив их в качестве солдат в местные гарнизоны. После восстаний 1831 и 1863 годов, в Сибирь были сосланы десятки тысяч поляков. Позднее, участвуя в революционном движении XIX и начала XX веков, поляки разделяли ссылку с многочисленными русскими революционерами, томившимися в Сибири.

² Речь идет о революции 1905 г. в России. Революционные рабочие партии (Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы, а также Польская социалистическая партия) в ответ на события 9 января в Петербурге призвали рабочих начать всеобщую забастовку, которая охватила всю часть Польши, находившуюся в пределах Российской империи. После разгрома царскими войсками первомайской демонстрации в Варшаве в 1905 г. на всей территории бывшего Царства Польского вспыхнула ожесточенная революционная борьба. В ней участвовали студенты и ученики средних учебных заведений, которые требовали реформы образования и в частности, введения в школах родного языка. Несмотря на поражение революции, полякам удалось добиться некоторых облегчений.

Конечно — Збышек, Витек и я, стремились тебе подражать. Тем более, что представилось множество случаев. Студенты, а потом — следуя их примеру — гимназисты, начали школьные забастовки, требуя обучения на польском языке.

Збышек с группой друзей устроили в своей школе забастовку. Испугавшись бунта, директор вызвал жандармов. Они арестовали многих учеников и среди них Збышека. Стремясь защитить друзей от преследований, Збышек всю вину за организацию забастовки взял на себя. Его даже не судили. Просто в административном порядке выслали в Сибирь. Мы получили от него единственное письмо из Нерчинска, куда его сослали. Говорят, будто он поступил работать к купцу Нашкину, торгующему мехами, но из письма чувствуется, что он чрезвычайно тоскует по дому и родине. Бедный мальчик! Ему наверняка требуется помощь. Кто знает, увидим ли мы его еще когда-нибудь...

Около нашего дома постоянно кружат сыщики, спрашивают дворника, следят за нами...»

Томек не успел дочитать письмо до конца, но в этом и не было нужды, так как он знал в нем каждое слово. Он тщательно сложил письмо и всунул в кармашек у пояса. Сосредоточенно стал думать о необыкновенных событиях, которые привели его в сибирскую тайгу.

Письмо Ирки, вместе с корреспонденцией из Лондона, он получил в Алваре¹ после возвращения из неудачной экспедиции в Тибет. Всю корреспонденцию выслала ему в Алвар австралийка Салли. Томек и его отец были чрезвычайно опечалены трагическими известиями из Варшавы. Ведь они многим были обязаны семейству Карских. Карские долгое время заменяли Томеку родителей. Помогали ему в самые тяжелые минуты и заботились о нем, как о собственном сыне.

Друзья Вильмовских, Ян Смуга и боцман Новицкий, сочувствовали им в постигшем их горе. Ведь каждый из них по-своему был жертвой царского режима. Вильмовский и боцман были вынуждены бежать за границу, опасаясь ареста. Брат Смуги был со-

¹ Алвар — город, столица одноименного княжества в северо-западной Индии.

слан в Сибирь. Что из того, что благодаря счастливому стечению обстоятельств, ему удалось бежать из ссылки? За полученную свободу он заплатил жизнью. Желая выполнить последнюю волю умершего ссыльного, наши друзья направились в далекие горы Алтынтаг, чтобы отыскать спрятанное им золото. Половина сокровища должна была пойти на помощь польским ссыльным в Сибири. Однако экспедиция, трудная и опасная, закончилась полной неудачей. Каменная лавина закрыла вход в пещеру, где было спрятано золото. А теперь, еще не успев вернуться из неудачной экспедиции, они узнали о новом аресте и ссылке. Во время беседы с сочувствующей им рани Алвара и ее братом пандитом Давасарманом, который принимал участие в экспедиции в горы Алтынтаг, они решили помочь Збышеку бежать из Сибири. Судьба поляков показалась княгине похожей на судьбу индийцев под владычеством Англии. Входя в их положение, она предложила Вильмовскому свою яхту, чтобы облегчить побег ссыльного. Пандит Давасарман вызвался принять личное участие в этой рискованной экспедиции. Помощь его пришлась весьма кстати, потому что будучи пандитом, то есть специалистом, обученным англичанами для географических исследований различных стран Азии, он обладал колоссальным опытом. Кроме того, наличие яхты давало им возможность свободно плавать по морю и делало независимыми от транспортных средств, которые были под особым надзором властей.

Смуга и Вильмовский находились в тесных торговых отношениях со всемирно-известной фирмой Гагенбека, занимавшейся поставками диких животных в зоологические сады и цирки. Благодаря этому им удалось получить поддержку фирмы в деле организации охотничьей экспедиции в Сибирь. Однако ни Вильмовский, ни боцман, нелегально покинувшие Россию и разыскиваемые полицией, не могли отправиться туда под своими фамилиями. Поэтому Давасарман, используя свое влияние у английских властей в Индии, раздобыл им документы, согласно которым Вильмовский оказался «английским подданным Броуном, препаратором шкур диких животных», а боцман Новицкий стал, «германским подданным по фамилии Броль, укротителем диких животных». Та-

ким образом, удалось получить разрешение русских властей на организацию охоты в тайге на Дальнем Востоке, для отлова образцов сибирской фауны. Экспедиция уже около двух месяцев охотилась на тигров, а ее участники все думали над тем, под каким предлогом они смогли бы поехать в Нерчинск, расположенный в Забайкалье. Успеху опасного предприятия мешали не только огромный, почти лишенный дорог, край, но и целый ряд других обстоятельств.

Пандит Давасарман не принимал участия в охоте. Он постоянно находился на яхте, стоявшей на якоре в бухте Золотой Рог во Владивостоке, готовой в любой момент выйти в море. Индеец ждал тут сообщений и инструкций от друзей. Связь между командиром яхты и охотничьей экспедицией поддерживал Удаджалак, верный товарищ пандита Давасармана, принимавший не раз участие в исследовательских походах в различные страны Азии.

Томек призадумался. Сумеют ли они поехать в Нерчинск? Застанут ли там Збышека и смогут ли его освободить? Юноша достал из кармана куртки карту. Поискал на ней мощную реку Амур, естественное продолжение рек Шилки и Аргуни, которые берут свое начало на краю пустыни Гоби. После слияния этих рек в единое русло, Амур описывал широкий полукруг к югу, и только начиная с места впадения правого притока, реки Сунгари, делал крутой поворот на северо-восток. Как раз в самой южной точке Амура, между левым притоком Буреей и правым — Сунгари, на карте виднелся крестик, сделанный карандашом. Здесь находился лагерь охотников, расположенный на левом берегу реки.

Юноша внимательно разглядывал карту. Первую часть пути они проехали из Владивостока в Хабаровск по железной дороге вдоль реки Уссури. Из Хабаровска на лошадях направились вдоль левого берега Амура по сибирскому тракту до Рухлова (ныне Сквородино), откуда снова начиналась железная дорога до Нерчинска и Читы в Забайкалье.

Дело в том, что Сибирская железная дорога в те времена была построена от Москвы, через Урал, южную Сибирь в Читу и оттуда уже в качестве Китайско-Восточной железной дороги проходила через Маньчжурию и заканчивалась во Владивостоке, на

берегу Тихого океана. В результате русско-японской войны Россия должна была отдать Маньчжурию, оставляя в своих руках только Китайско-Восточную железную дорогу с довольно широкой полосой отчуждения вдоль пути и рядом городов, в которых находилась русская администрация железной дороги. Стремясь обезопасить себя на случай потери Китайско-Восточной железной дороги, царское правительство решило построить линию вдоль левого берега Амура между Рухловом и Хабаровском. Таким образом, должен был возникнуть новый участок Сибирской железной дороги от Читы до Хабаровска. Однако в те времена Томек и его друзья, оставив Хабаровск, очутились в девственной тайге, простиравшейся вплоть до Забайкалья¹. Томек так задумался, что не услышал тихих шагов, и даже испугался, почувствовав на своем плече чью-то руку. Он быстро обернулся, увидев Смугу, и с облегчением вздохнул.

— А я было испугался, что кто-то чужой поймал меня за изучением карты.

— Надо быть осторожнее, Томек. Будет лучше, если никто не заподозрит, что мы интересуемся топографией этого края, — сказал Смуга. — Кроме того, ты плохо реагируешь на неожиданные явления. Старайся владеть собой. Что-то стал нервным, мой друг? Во время прежних экспедиций ты был куда спокойнее...

Смуга уселся рядом с Томеком, а тот, наклонился к нему и вполголоса сказал:

— С тех пор как исправник в Хабаровске приставил к нам своего агента в качестве «опекуна» экспедиции, я никак не могу совладать с собой. Удастся ли нам в этих условиях освободить Збышека?! Кроме того, я боюсь за отца и боцмана.

— Ты напрасно волнуешься. У них документы на

¹ Долгие годы путешествие по Сибири совершалось по так называемому сибирскому тракту. Поездка из Москвы к берегам Тихого океана длилась около двух месяцев. Только в 1891—1906 гг. в южной Сибири была построена железнодорожная линия от Москвы до Владивостока. Позднее был построен участок Чита — Рухлово (Сковородино) — Благовещенск — Хабаровск, откуда до Владивостока вела линия, построенная в 1894 г. Строительство участка от Рухлова до Хабаровска было закончено в 1915—1917 гг., а во время, к которому относится наше повествование этот участок только строился.

чужие фамилии и они прекрасно играют свою роль. Если мы будем достаточно осторожны, их никто не уличит.

— Я повторяю себе это тысячу раз в день, но сверлящий взгляд этого шпика возмущает меня до глубины души.

— Не так страшен черт, как его малюют,— ответил Смуга.— Он следит за нами, а мы — за ним. Удаджалак не спускает с него глаз. Если он начнет ерепниться, мы его тихонько погасим, как свечу.

— Так ужасно находиться рядом с кем-то, кто следит за нами, а мы за ним.

— Любой порядочный человек чуждается предательства, но мы добровольно влезли в пасть медведю и никак не можем допустить, чтобы он нас прихлопнул зубами.

— Это правда,— признал Томек.— Ведь речь идет не только о нас, но и о Збышке.

— Послушай, Томек! Мы здесь, как на войне. Ты в качестве почетного члена племени апачей¹ обязан помнить, что главное достоинство воина это: терпение, рассудительность и молчание.

— Видимо, плохой из меня воин.

— Не болтай чепухи! — оборвал его Смуга.— Ты просто порешь горячку. Тебе не терпится попасть поскорее в Нерчинск. Но я знаю, как только мы приступим к настоящему делу, ты сразу обретишь уверенность и силу.

— Ах, если бы было по-вашему!

— Можешь вполне на меня положиться, я тебя очень хорошо знаю. Вы избрали меня начальником экспедиции. Поэтому обязаны доверять мне. Мы не имеем права поспешными, непродуманными действиями испортить все дело. У нас есть разрешение на охоту в Приамурье. А отсюда до Нерчинска довольно далеко. Поэтому мы сидим в тайге, несмотря на неудобную для охоты пору. Нам надо как-то обвести исправника вокруг пальца.

— И вы уже продумали план действий?

¹ За помощь, оказанную вождю племени апачей по имени Черная Молния во время пребывания Томека в Аризоне (смотри книгу «Томек на тропе войны»), индейцы-апачи избрали Томека почетным членом своего племени.

— Да. Мы отправимся в Благовещенск. Там разобьем лагерь, где оставим твоего отца, поскольку он в Нерчинске может быть узнан. А сами, вместе с боцманом и Удаджалаком попытаемся пробраться в Нерчинск. Ясное дело, нам придется заставить Павлова остаться с твоим отцом, что я и постараюсь сделать. Самое главное, чем я сейчас озабочен, это то, как нам спрятать Збышека в лагере, чтобы сыщик ничего не заметил. Я тебе говорю об этом, так как самому мне ничего подходящего в голову не приходит. Я рассчитываю на твою хитрость. Время не ждет, начинается наиболее благоприятная пора года для путешествия на лошадях.

— Я знаю. Попытаюсь что-нибудь придумать.

— Только никому не болтай об этом. Так будет лучше для нас всех.

Послышался лай собак. Смуга поднялся.

— Видно по всему, что будет хорошая погода,— сказал он немного помолчав.—“Если Нучи найдет следы тигров, нас ждет трудный день. Наши уже, наверно, проснулись, идем завтракать.

Томек смотрел на Смугу с восхищением. Необыкновенная отвага, честность и доброжелательность привлекали к нему сердца людей. Все уважали его и слушались так, словно считали естественным, что там, где находится Смуга, никто другой не может быть старшим. Поэтому Томек почувствовал себя гордым, что Смуга именно к нему обратился за советом.

Они застали друзей за различными хлопотами. Боцман Новицкий, настоящий великан, который в экспедиции играл роль не только укротителя, но и оружейного мастера, сидел с подвернутыми ногами на расprostертом на земле одеяле. Он торопливо чистил оружие и по всему его виду можно было понять, что он сейчас в плохом настроении.

Во время этой охотничьей экспедиции, в особенности в обществе русских или туземцев, Томек и его друзья говорили по-русски. Это было для них делом обычным, так как все они в свое время ходили в школы в так называемом Царстве Польском, где преподавание велось на русском языке. А Удаджалак познакомился с русским языком во время прежних экспедиций пандита Давасармана по Средней Азии.

Увидев Томека, боцман громко выразил свое неудовольствие:

— В этом чертовском краю насекомые еще при жизни поедом едят человека. А ты, браток, вместо того чтобы прятаться в кустах, приготовил бы лучше защитные сетки, потому что шкура у меня свербит при одной мысли о безветренной погоде!

Томек сочувственно взглянул на друга. Его опухшее лицо и шея были покрыты кровавыми струпьями. Правда, гнус — бедствие сибирской тайги — крепко досаждал всем охотникам, но моряк страдал больше других. Особенно в безветренные, погожие дни, перед дождем или во время сумерек, огромные тучи насекомых появлялись в тайге, нападая на людей и животных. Этих кровососущих, жадных насекомых было полно повсюду. Они толстым слоем покрывали воду в ведре, плавали в супе, в горшке и на тарелке, цеплялись за одежду, лезли в глаза, уши, косы, проникали под рубашки, а их укусы оставляли на человеческом теле зудящие ранки. Через некоторое время организм человека несколько привыкал к укусам и раны исчезали, но несчастный боцман, в противоположность своим друзьям, все еще никак не мог приспособиться к гнусу.

Томек подошел к моряку.

— Я сейчас принесу сетки, хотя бегать по лесу с закрытой головой очень неудобно,— сказал он.— Кроме того, я насобираю смолистых щепок, чтобы мы могли хоть дымом отгонять гнус. Если говорить правду, то удивительно, что именно вас так полюбили эти зловредные насекомые. Мы уже попривыкли, и почти не чувствуем их укусов.

— Ах, это чертовское племя, как видно, очень разборчиво,— ответил боцман, красноречиво посмотрев своими опухшими глазами на Павлова — сыщика, которого им подсунул хабаровский исправник в качестве «опекуна»,— и добавил: — Мне говорил один ученый, что гнус не нападает ни на тяжело больного, ни на отъявленного подлеца. И в том, и в другом случае насекомые прекрасно чувствуют кандидатов на тот свет, а, как известно, трупы гнус не кусает.

Томек с трудом подавил смех, поняв этот намек на Павлова, совершенно безразличного к гнусу.

Три сына Нучи, как все нанайцы, тонко чувствующие юмор, громко рассмеялись.

— Твоя хорошо говорит, зверь сразу узнает плохого человека,— сказал один из них.

— Вас тоже гнус не трогает,— сказал Томек, давая боцману знак, чтобы тот зря не дразнил шпикиа.

— Гнус умный, он знает, что нанаец сын тайги. Они знакомых не трогают,— ответил нанаец, весело подмигивая.

— Вместо того, чтобы шутить шутки, лучше давайте готовиться к охоте,— приказал Смуга.— Вот-вот, Нучи вернется! Проверьте веревки, займитесь собаками. Господин Павлов не любит гоняться за тиграми, поэтому он, пожалуй, как всегда, останется в лагере на страже?

— Вы начальство — вам виднее! Хорошо, я буду стеречь лагерь,— охотно согласился Павлов.

— А при случае пошарю во выюках,— вполголоса буркнул боцман Томеку.

— Заткните ваш фонтан, уважаемый Броль,— шепнул Томек.— Вы обязательно хотите обратить на себя его внимание?

Господин Броль, то есть боцман Новицкий, тихонько выругался, но оставил сыщика в покое, тем более, что Вильмовский позвал всех завтракать.

II

СИБИРСКАЯ ОХОТА

Нучи вернулся еще до конца завтрака. Он сообщил, что логово тигрицы с двумя тигрятами находится на расстоянии около трех верст от лагеря. Охотники тут же составили план охоты. Боцман и Удаджалак постараются выстрелами отогнать тигрицу от тигрят, а Нучи, три его сына, Томек, Вильмовский и Смуга должны окружить логово.

Павлов, как это было решено раньше, оставался сторожить лагерь.

Вскоре охотники направились в тайгу. Впереди шел Нучи, за ним — его сыновья с тремя собаками на поводках, а чуть дальше, по их следам, шли остальные охотники с четырьмя гончими. Томек замыкал шествие, идя сразу за боцманом.

Чем дальше они углублялись в дремучую тайгу, тем было тяжелее идти. Извилистый след тропинки едва различимый среди густых зарослей шиповника, тер-

новника и можжевельника, опутанных стеблями ломоноса, называемого якутами¹ «дьявольской сетью», часто совсем пропадал. Иногда приходилось уходить в сторону, чтобы обойти поваленные ветром стволы деревьев. В тайге лесные великаны не могли глубоко запускать корни в землю, поэтому свирепые ветры выворачивали подчас целые полосы леса и создавали трудные для прохода участки. Порой путь преграждали старые, насквозь прогнившие деревья, которые сами падали на землю, словно отдавая дань всемогуществу времени.

Дремучая, таинственная тайга возбуждала у людей страх перед чем-то неизвестным, что скрывается в ее глубине. Тайга казалась молчаливой и мрачной, но внимательный взор охотников ежеминутно раскрывал все новые ее тайны. У тропинки под поваленным стволом дерева, они открыли медвежью берлогу. Чуть дальше, на небольшом холмике, устроился жадный бурундук², один из самых маленьких в мире грызунов. На высохших ветвях сваленного дуба он сушил свои лакомства: грибы, коренья и орехи, запасы которых копил по крайней мере на два года вперед. Дальше, за холмом, вилась тропинка, протоптанная оленями; в дупле раскидистой липы пчелиный рой — вероятно, там можно было найти ароматный лесной мед.

Томек с интересом разглядывал все, что встречалось им по пути. Он впервые попал на этот участок тайги. Нучи вел охотников за собой почти не задерживаясь, а Томек шел последним. Когда впереди на мгновение показалась фигура старого охотника, Томек вспомнил о том, как он познакомился с Нучи. Нучи и его сыновья были взяты в качестве проводников и следопытов не случайно. Вильмовский знал Нучи по рассказам бывшего ссыльного, с которым встречался в Варшаве и вместе вел революционную работу еще до побега за границу. Помня рассказы

¹ Якуты (или саха, как они сами себя называют) живут в бассейне Лены и Енисея, вплоть до берегов Охотского моря.

² Бурундук (*Tamias sibiricus*) — грызун, величиной с крысу, по внешнему виду похожий на белку. Темные полосы на теле напоминают тигровую шкуру. Собирает на зиму запасы пищи, которую носит в свои кладовые в защечных мешочках.

польского ссыльного, он по прибытии в Хабаровск занялся поисками жилища Нучи в тайге и привлек его к участию в экспедиции. Выбор оказался очень удачным. Нучи был настоящим сыном тайги. Он родился и вырос в тайге, тайга его кормила и поила, поэтому ничего удивительного не было в том, что он знал все ее тайны и любил как родную мать, которая иногда бывает суровой, но любящей своих детей. Однажды, во время охоты, Нучи, услышав жалобы боцмана на «дьявольскую страну», стал уверять охотников в том, что тот, кто ближе знает тайгу, всегда будет тосковать по ней, если ему придется покинуть ее на время. Это напомнило Томеку слова их проводника по австралийскому бушу, туземца Тони, который говорил примерно то же самое об увлечении путешественников австралийским бушем.

Размышления Томека были прерваны тихим окриком боцмана Новицкого.

— Ах, чтоб тебя кит проглотил!..— выругался моряк по своему обычаю, отпрянув от колючей карликовой пальмы.

Боцман хотел перелезть через поваленный ствол дерева и, чтобы сохранить равновесие, оперся рукой о ствол дуба, стоявшего рядом. Внезапно под тяжестью его мощного тела, кора дуба треснула, и рука боцмана по самый локоть вошла в прогнившее дерево, как в масло. Моряк испугался, что гнилое дерево свалится на него, и отскочил в сторону, но чуть было не упал и схватился рукой за колючую ветку карликовой пальмы. Быстро отдернув руку, он выругался. Томек подбежал к приятелю, чтобы помочь ему вытащить из ладони шипы.

— Ах, что ж это за дьявольский кустарник?! — возмутился моряк.— Похож на пальму, а кусается, как кактус!

— В тайге нельзя прыгать куда попало,— сказал Томек.— Это дальневосточная аралия, своего рода достопримечательность этого края...

— Оставь свою ботанику,— буркнул боцман.— Морду мне разукрасили проклятые мошки, а теперь еще вспухнет лапа!

Однако друзья сейчас же затихли, потому что проводник остановился; наклонясь над землей, он внимательно что-то рассматривал. Охотники останови-

лись тоже. Томек подошел к Нучи и присел на корточки, чтобы лучше видеть.

— Очень свежий след,— прошептал Томек, внимательно рассматривая углубления, выдавленные лапами тигра на земле.— Это тигр, конечно тигр! Судя по расстоянию между следами и по их размеру, это, по видимому, взрослый тигр...

— Хорошо говорит, хорошо! — похвалил Нучи.

— Почему у него такие тяжелые шаги, следы очень глубоки? — громко продолжал рассуждать Томек, довольный похвалой опытного следопыта.

Он прошел несколько шагов по следам.

— Кроме следов, видны капли крови, может быть, его кто-нибудь ранил? — говорил Томек.— Нет, нет! Раненый тигр не ступал бы так уверенно. Уже знаю! Он тащил на спине добычу! На кустах терновника есть клочки светло-коричневой шерсти. Она мне напоминает шерсть одного из видов оленей, быть может, оленя Дыбовского¹.

Смуга, который тоже разглядывал следы, опередил Томека. Он слышал рассуждения юного друга и довольно улыбался.

— Ты делаешь правильные выводы,— сказал он.— Может быть, ты сумеешь точнее определить животное, которое тащил тигр.

После минутного раздумья, Томек сказал:

— В лесах южной Сибири обитает один из видов

¹ Олень Дыбовского (*Pseudaxis hortulorum*) был открыт выдающимся польским путешественником Бенедиктом Дыбовским. Дыбовский родился 30 апреля 1833 г. в Адамчине в Белоруссии, умер во Львове в 1930 г. После восстания 1863 г. Дыбовский был приговорен к смертной казни с заменой на 12 лет каторги в Сибири. Он тяжело работал на осушке болот и на лесных разработках в Забайкалье, и одновременно изучал фауну Байкала и Амура. Интересные открытия принесли Дыбовскому мировую славу, и каторга была заменена ссылкой. В 1873—1874 гг. Дыбовский в обществе Виктора Годлевского изучал фауну реки Уссури. В 1877 г. вернулся в Польшу, но вскоре, на этот раз добровольно, опять поехал в Сибирь, где в течение четырех лет исследовал Камчатку, Курильские и Командорские острова, собирал ценные экспонаты и изучал языки айнов, камчадалов (ительменов), коряков. Почти 50 видов животных получили название от имени Дыбовского. В 1883 г. Дыбовский вернулся в Польшу. Стал руководителем кафедры зоологии во Львовском университете. Опубликовал 175 научных трудов; составленные им словари изданы Польской академией знаний в 5 томах.

благородного оленя, который здесь зовут маралом¹. Но это мог быть также лось² или северный олень³.

— Нет, мой дорогой, это не был марал или лось и даже не северный олень,— ответил Смуга.— Пройди еще несколько шагов!

Томек медленно шел вдоль склона, тщательно изучая ясно видимые следы.

— Может быть, это был все-таки олень Дыбовского? — сказал он.— Я сразу вспомнил, что Дыбовский, будучи в ссылке, открыл в Сибири новый вид оленя, который стали называть его именем. Этот олень по внешнему виду напоминает индийского аксиса. На темной шерсти у него в несколько рядов в беспорядке разбросаны белые пятна.

— Bravo, Томек, у тебя превосходная память,— похвалил Вильмовский.

— Нет, дружище, ищи дальше, это не был олень Дыбовского,— возразил Смуга.— Олень Дыбовского обитает южнее, в Уссурийском крае.

Томек стал на колени. Низко наклонился над землей. На примятой траве виднелись какие-то пятна. Юноша сорвал один из стебельков. Понюхал его и издал тихий возглас триумфа. Клейкая, темная масса, видневшаяся на стебельке, издавала специфический запах.

— Уже знаю, это была кабарга⁴,— заявил он това-

¹ Марал (*Servus elaphus sibiricus*) — обитает на юге Уссурийского края, в бассейне реки Уссури, однако не переходит границы хвойных лесов Сихотэ-Алиня. На побережье встречается вплоть до мыса Олимпиады.

² Лось (*Alces alces*) — принадлежит к крупнейшему виду семейства парнокопытных. Мощное животное с короткой шеей, высокими ногами; рога лопатообразные.

³ Северный олень (*Rangifer tarandus*) — в противоположность всем другим видам оленей обладает нерегулярно разветвленными рогами, которые имеются как у самцов, так и у самок. Широкие копыта позволяют ему удерживаться на снегу и льду. Во время бега по твердому грунту суставы оленя издают характерный треск. В лесах и тундрах северных районов Старого и Нового Света обитает около 14 видов этого оленя.

⁴ Кабарга (*Moschus moschiferus*) — небольшой юркий, безрогий олень, обитающий в горных лесах Центральной Азии. Летом часто сходит ниже 2500 м. Из-за отсутствия рогов выделен в отдельный подвид оленей, но по строению тела тесно связан с ними. Высота кабарги колеблется около 70 см, длина туловища — около 1 м; кабарга выше сзади, чем спереди, обладает короткой шеей и тонкими ногами. Расставляя широко копыта, кабарга может скользить по

рищам.— Когда тигр тянул кабаргу по земле, разорвался подбрюшный мешочек, выделяющий мускус.

— Ну, ну, ты и в самом деле стал прекрасным следопытом,— удовлетворенно сказал Смуга.

— Какой же я глупец! Вы открыли запах мускуса раньше меня.

— У тебя и в самом деле не зря башка торчит на плечах,— вмешался боцман.— Ты вынюхиваешь следы, словно ищейка. Покажи-ка мне эту травку, интересно, как пахнет мускус! Боцман осторожно понюхал, скривился и буркнул:

— Вот так же пахло в аптечном складе на Повислье, куда мамаша посылала меня за синькой.

— Мускус очень ценится на мировом рынке. Его используют как для производства лекарств, так и в парфюмерной промышленности как средство, закрепляющее запахи,— пояснил Вильмовский.

— Вот, видишь, боцман, и в Сибири кое-что есть,— добавил Смуга.— Однако хватит болтовни. Тигрица поймала кабаргу. Насытившись, она, видимо, отдыхает со своими тигрятами. Легче будет ее захватить врасплох. Далеко еще до логова?

— Очень близко,— ответил Нучи.— За сопкой — долина и ручей. Там в кустах спят амбы. Теперь наша идти осторожно. Наша знать: амбы близко, надо быть тихо.

Все двинулись по следам тигрицы. Раньше приходилось сдерживать собак, рвавшихся вперед. Теперь собаки, поджав хвосты, жались к ногам охотников. Почувяв близость грозных хищников, они неуверенно стригли ушами и скалили зубы.

Окружив холм, охотники очутились в долине, по каменистому дну которой протекал ручей. По следам можно было заключить, что измученная тяжестью трофея тигрица некоторое время отдыхала на берегу и пила воду. Нучи повел охотников вниз по ручью.

гладким склонам гор, уверенно ходить по болотам, снегам и ледникам. Зимой питается, главным образом, древесными побегами, летом — сочной, горной растительностью. Ходит всегда по одним и тем же тропинкам, поэтому легко попадает в ловушки. У самцов внизу живота находятся железы, выделяющие мускус, который в свежем состоянии представляет из себя темную, клейкую массу, а в сухом виде — порошок с сильным, приятным запахом.

Вскоре они увидели широкую безлесную полосу, поросшую буйной травой, высотой в человеческий рост. Светлая голубизна неба сливалась на горизонте с неподвижным морем степного разнотравья.

— Там вдали, батюшка Амур,— шепнул Нучи, указывая рукой на юг.

— Мы, пожалуй, находимся вблизи Зейско-Буреинской степи? — обратился Томек с вопросом к отцу.

Вильмовский кивнул головой и добавил:

— Вероятно, скоро тайга отступит еще дальше на север. Зейско-Буреинская равнина одна из немногочисленных территорий на Дальнем Востоке, вполне пригодная для земледелия.

Нучи жестом потребовал молчания. Он внимательно всматривался в кусты, видневшиеся на берегу ручья на расстоянии около трехсот метров от охотников.

— Там спят амбы,— тихо сказал он.

Основная группа, в задачу которой входила поимка молодых тигров, должна была обогнуть кусты, чтобы зайти с противоположной стороны. Боцман и Удаджалак, которые должны были задержать тигрицу как можно дальше от ее потомства, направлялись прямо к логову.

Часть охотников направилась в обход. Через какое-то время, уже совсем не скрываясь, боцман и Удаджалак пошли к кустам на берегу ручья. Вскоре раздались пронзительные крики, лай собак и звуки выстрелов.

Поднятый охотниками шум, вынудил взлететь бесчисленные стаи птиц. Рябчики, фазаны, тетерева, куропатки и дикие гуси бросились во все стороны, но охотники даже не взглянули на них. Из зарослей осторожно высунула голову тигрица. Потом показалось все ее мощное, пружинистое, полосатое тело.

Боцман первый заметил появившуюся из кустов тигрицу. Он показал на нее товарищу и вместе с ним смело вошел в кусты. Охотники сразу же начали адскую канонаду. Увидев врагов у себя в тылу, тигрица огромными прыжками выскочила в степь, после чего, сделав небольшую дугу, пыталась по берегу ручья добраться до своего логова. Но охотники преградили ей путь, стреляя из револьверов. Потерявшее ориентировку животное бросилось в воду. Тигрица пыталась

добраться до своего логова то по воде, то по суше. Но она встречала все новых врагов, как раз в той стороне, куда стремилась. Острый запах пороха ударил ей в ноздри.

А тем временем в чаще кустов бесились два молодых тигренка. Окруженные со всех сторон людьми и собаками, они бросились наутек. Один из них, испуганный шумом, попал под ноги охотников, проскочил между ними и прыгнул в воду ручья. Тигрица сразу же заметила детеныша, плившего к ней по течению. Протяжно заревев, она бросилась на противоположный берег. Материнский инстинкт подсказывал ей путь к бегству. Два охотника все еще продолжали беспорядочную стрельбу, пытаясь отпугнуть тигрицу от детенышей.

Второму тигренку удалось удрать в степь. Действуя по указаниям Нучи, звероловы ловким маневром вынудили его броситься в долину и оттуда в тайгу. Они побежали за ним, все еще держа собак на поводках.

Началось длительное и утомительное преследование. Донельзя испуганный хищник сумел значительно опередить погоню. Нучи распорядился спускать с поводка по одной собаке через равные промежутки времени. Сначала спустили самых слабых из них, потому что охотники хотели, чтобы вся свора нагнала тигра одновременно. Если бы раньше спустили самых сильных псов, то они опередили бы более слабых и, нападая на тигра поодиночке, потерпели бы неудачу.

Но вот уже последняя собака спущена с поводка. Лай своры постепенно удалялся. Только через полчаса быстрого бега, расстояние между собаками и охотниками стало уменьшаться. Бег по таежной чаще утомил как хищника, так и погоню. Охотники пробирались через кусты, перескакивали через поваленные стволы деревьев и выстрелами придавали собакам смелости.

По лицам охотников ручьями стекал пот. Но, несмотря на то что они уже теряли силы, охотники ускоряли бег, потому что грозный рев отчаянно защищавшегося тигра заглушал лай и завывание собак.

Наконец охотники его настигли. Опершись задом о поросшую мхом кучу бурелома, тигр острыми клыками или лапой то и дело пытался достать одного из наседавших псов. Собаки выглядели столь же дико,

как и сам хищник. Они нападали на него то с боков, то спереди. Их темная, как у волков шерсть, взъерошилась и взлохматилась. Под влиянием охотничьей страсти псы не обращали внимания на полученные раны. Глаза собак горели кровавым огнем. Отскакивая от внезапного удара лапы тигра, они поджимали пушистые, длинные хвосты, но тут же, напрягаясь всем телом, готовились к новому прыжку, обнажая острые клыки в широко раскрытых пастьях.

Завидев охотников, собаки еще азартнее бросились на тигра. Нучи с сыновьями быстро овладели опасным положением. Их громкие окрики-приказания заставили собак сосредоточиться только с одной стороны, тогда как с другой — двинулись вперед звероловы.

Тигр отчаянно защищался. Густая шерсть на его загривке взъерошилась. Но вот, одна из собак подскочила к нему сбоку; тигр немедленно замахнулся лапой. Воспользовавшись этим, Томек молниеносно набросил на поднятую лапу петлю аркана. Свернувшись в клубок, хищник рванул аркан, и тогда один из сыновей Нучи поймал в петлю его заднюю лапу. Через минуту Вильмовский тем же способом захватил вторую переднюю лапу. Тигр пытался перегрызть веревку, но позади его очутился Смута; он набросил свою кожаную куртку на голову тигра. Вскоре покоренный хищник лежал на земле со связанными лапами.

Нучи остановился над ним и важно произнес:

— Ты мудрый, амба, ты понимаешь, ты можешь долго жить. Наша не убивает! Наша кормит и учит. Твой брат тоже быть у нас. Он тебе скажет, что наша говорит правду.

Слушая речь старого охотника, звероловы тщательно скрывали улыбки. Следопыт, как и большинство нанайцев, живших в примитивных условиях, был анимистом, то есть верил, что все окружающие его вещи живут, обладают собственной душой. Он с одинаковой важностью обращался со словами к зверю, к колючему кусту терновника, к дереву, которое собирался срубить на топливо, или к своей берданке, когда снаряжал ее перед охотой.

— Ты уже не будешь страдать,— продолжал Нучи, набрасывая петлю на пасть тигра.— Наша понесет те-

бя в лагерь. Наша даст тебе есть. Твоя это понимает, твоя — умница.

— Неужели ты и в самом деле думаешь, что тигр понимает твою речь? — спросил Томек.

— Амба такой же человек, как наша с тобой, — ответил Нучи, жестом руки требуя от сыновей, чтобы они поспешили с просовыванием длинной жерди между связанными лапами тигра.

Звероловы, время от времени сменяясь, несли на плечах «молодого» тигра, весившего не меньше сотни килограммов. Старый нанаец шел рядом, все время оправдываясь перед тигром и объясняя ему почему он должен был лишиться его свободы.

III

ВСТРЕЧА С ТИГРИЦЕЙ

Звездное небо искрилось над бескрайней тайгой. Стоял теплый, безветренный вечер. В лагере звероловов горело несколько костров.

Еще до сумерек боцман забился в свою палатку. Он даже не снял защитной сетки. Окутав голову марлей, моряк сидел у дымокура, то есть у треножника, где на проволочной жаровне горели кедровые шишки, от которых валил густой дым. Из глаз боцмана, раздраженных едким дымом, ручьями текли слезы, он ужасно потел, но с усердием римской весталки¹ подбрасывал шишки в огонь, чтобы тот не погас. Боцман заявил, что предпочитает утонуть в собственных слезах, чем дать себя на съедение проклятому гнусу. Поэтому он в одиночестве сидел в наполненной дымом палатке и из плоской бутылки глоток за глотком пил свой любимый ром.

Томек сидел в сторонке под деревом. Из-под полуприкрытых век он глядел на лагерь, совсем не обращая внимания на тучи гнуса, бешено вертевшиеся в неподвижном, влажном воздухе. И лошади, и собаки жались к дымящим кострам; их пугал жалобный вой

¹ Весталки — жрицы богини Весты в древнем Риме, которые поддерживали вечный огонь. По поверью, если бы этот огонь погас, страну постигло бы несчастье.

тигрицы, время от времени доносившийся из глубины тайги.

Неспокойно себя вели и тигры, запертые в клетках. Они поминутно бились о решетки, отделявшие их от свободы. Томек прислушивался к гневному рычанию тигров и одновременно наблюдал за отдыхающими друзьями. Вильмовский о чем-то беседовал с сыновьями Нучи, Смуга занялся перевязкой псов, раненных во время охоты, а Павлов, заткнув уши ватой, уселся рядом с неотступным Удаджалаком у костра, как можно дальше от клеток с разъяренными тиграми. Нучи ни на шаг не отходил от четвероногих пленников. Он пытался успокоить их словами.

Томек машинально отгонял рукой гнус, лепящийся к его лицу, выплевывал гнус изо рта, и все больше внимания посвящал старому нанайцу. После утренней беседы со Смугой, Томек не переставал думать о том, как спрятать в лагере Збышека, после его освобождения из ссылки. Ему приходили в голову самые фантастические идеи, но ни одну из них он не мог признать подходящей. Томек посмотрел на Павлова. Сыщик руками закрывал уши и исподлюбья недоверчиво поглядывал на сидящего рядом с ним Удаджалака. Как раз в этот момент Томеку пришла в голову блестящая идея. Взволнованный ею, он встал и подошел к старому нанайцу.

— Послушай, Нучи, может быть, разложить больше костров вокруг клеток? — спросил он. — Сегодня ужасно много гнуса.

— Наша развела довольно костер. Это не гнус их раздражает, — ответил нанаяец. — Очень близко кружит мать амбы.

— А ты знаешь, где сейчас кружит тигрица?

Нанаяец кивнул головой.

— Да, мы ее обидели, она тоскует по детям, — сказал Томек, наблюдая за выражением лица Нучи.

— Твоя хорошо говорит, — согласился следопыт. — Но наша любит малых амба и не обижает их. Наша дает есть, наша учит.

— Если бы тигрица знала это, она оставила бы нас в покое? — спросил Томек.

Нанаяец буркнул себе что-то под нос и опять посмотрел в темную чащу тайги.

— Нучи, помоги мне найти тигрицу,— шепнул Томек.

— Нет, нет. Амба очень, очень злой. Плохо будет с нами,— возражал Нучи.

Томек задумался; но вскоре ему опять пришла в голову какая-то идея, потому что он слегка улыбнулся и сказал:

— Если ты никому не скажешь, я тебе поверю тайну...

Заинтересованный Нучи, наклонился к юноше.

— Старый Нучи очень мало говорит,— заверил он юношу.

— Я обладаю тайной властью над дикими животными. Умею взглядом делать их покорными.

Нанаец удивленно взглянул на Томека; хитро блестя глазами, ответил:

— Так пусть твоя глазами говорит амбам в клетках, чтобы сидели тихо!

Томек пожал плечами и ответил:

— Если твои сыновья выполняют твой приказ, разве я могу мешать им в этом? А видишь! Молодые тигры отвечают на зов матери. Это тигрицу надо убедить, чтобы она перестала их звать. Я ей объясню, что ее детям здесь хорошо.

— Ты в самом деле можешь это сделать? — удивился гольд.

— Веди меня к ней и убедишься сам.

Старый следопыт еще минуту колебался, но наивное любопытство взяло верх над осторожностью. Он испытующе поглядел на юношу, словно видел его впервые. После короткого молчания, сказал:

— Моя поведет тебя к амбе!

— Хорошо, Нучи, но то, что ты увидишь, ты должен будешь сохранить в тайне, пока мы не уедем из Сибири. Согласен? Обещай!

Нанаец кивнул головой в знак согласия.

— Ну, хорошо! Жди здесь меня, я скажу Смуге, что мы пойдем отогнать тигрицу.

Томек незаметно отозвал Смугу в сторонку.

— Я уже знаю, как нам спрятать Збышека в лагере,— шепнул он на ухо Смуге, держа его под руку.

— Лишь бы идея была хороша,— ответил Смуга.— Что же ты придумал?

— Слушайте внимательно...

Томек долго излагал Смуте свой план.

— Что вы скажете об этом? — закончил он.

— Ты меня застал врасплох своей идеей, — ответил Смуга. Он смахнул с лица гнус и добавил: — Это совсем неплохая уловка, хотя на первый взгляд кажется довольно наивной. К счастью, царская полиция не обладает особой гибкостью ума.

— Значит, вы согласны?

— Черт возьми, я согласен! Мы без того потеряли уйму ценного времени. Нам надо использовать благоприятное время года для организации побега Збышека, так как потом суровая зима может помешать осуществлению наших планов. Послушай, Томек, надо испытать твой план.

— Испытаем, конечно испытаем! Томек опять наклонился к уху Смуги.

— Ладно, согласен, берись за дело, но будь осторожен. Тигрица до крайности разъярена. Пожалуй, мне следует пойти с тобой, — шепнул Смуга.

— Нет, зачем же? Нучи мог бы что-нибудь заподозрить.

Пожав руку другу, Томек снял штуцер, висевший на ветке дерева, тщательно проверил действие затвора и зарядил оружие. Следопыт ждал его у клеток с тиграми. За спиной нанайца висела старая берданка.

Следопыт двинулся вперед. Их сразу окружила черная, таежная глушь. Зрение охотников медленно приспособлялось к царившей вокруг темноте. Из мрака стали выступать стволы мощных деревьев, бурелом и кусты. Старый нанайец шел легкими, неслышными, скользящими шагами. Время от времени он останавливался, прислушивался, иногда становился на колени, прикладывал ухо к земле и менял направление. Томеку стало казаться, что они непрерывно бродят вокруг лагеря. Вскоре он уверился в этом, так как рычание тигров в клетках то удалялось, то приближалось.

Ночная ходьба по таежным дебрям порядком их измучила, поэтому Томек обрадовался, когда Нучи уселся на поваленный ствол дерева. Юноша сел рядом с ним.

— Наша ждать луны. Темно, наша амбы не видит, — шепнул гольд.

— Удастся ли нам ночью найти следы тигрицы? — тоже шепотом спросил Томек.

— Наша ничего не говорить, амба совсем близко, совсем близко.

Томек сразу умолк. Если старый следопыт не ошибается, необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность. Томек стал прислушиваться. Одновременно он пытался различить что-нибудь в чаще леса.

Время тянулось медленно. Томек ловил слухом таинственные голоса, доносящиеся из темной глубины тайги. Ему слышались какие-то глубокие вздохи, бормотанье, прерывистое рычание и странный шум. Вот где-то с треском повалилось дерево, плеснула вода в болоте и опять воцарилась тишина. Вдруг руки Томека сжали штуцер, лежавший на коленях. В кустах, как раз напротив него, на короткий миг, блеснули две светящиеся точки. Томек собрался стрелять прямо с бедра. Значит, тигрица пришла! Если она еще раз выглянет из кустов, он выстрелит прямо между ее светящихся глаз. Но что это?! Голубоватые огоньки блестят чуть левее, другие — появились с правой стороны, они бесшумно приближаются. Сердце сильнее забилось в груди юноши. Откуда здесь взялось столько тигров?!

Томек наклонился, приподнял ствол штуцера. Почему Нучи молчит? Неужели он заснул? Томек взглянул на гольда. Следопыт спокойно сидел на стволе дерева, опершись плечами о сук. Старая берданка неподвижно лежала у него на коленях. Нанаец не спал; он смотрел вверх на небо, просвечивающее сквозь ветви деревьев, словно вокруг ничего особенного не произошло.

«Он и в самом деле ждет, что я взглядом заставляю тигров слушаться», — промелькнула в голове Томека мысль. Чтобы вынудить суеверного нанайца отправиться на поиски тигрицы в тайгу, Томек пошел на обман, а теперь сам попал в расставленные собой сети! Он моментально понял, что не может рассчитывать на помощь следопыта.

Томек уже готовился вскочить на ноги, как вдруг мириады голубоватых искр засверкали вокруг. Они горели среди кустов, на ветках деревьев, блестели в воздухе, даже трава вокруг его ног искрилась как ковер, усеянный бриллиантами. Томек облегченно вздохнул и расслабил мускулы.

«Ах, пропади вы пропадом!» — мысленно выругал-

ся он и чуть было не расхохотался. Его испугали маленькие светлячки!¹

Томек оперся спиной о дерево. Рукой вытер пот со лба. Взглянул на нанайца, не заметил ли тот случайно его ошибки и замечательства? К счастью, Нучи, подняв голову, любовался светящимися искрами, мелькавшими среди ветвей.

Светлячки несколько отвлекли Томека. Он водил за ними глазами, дивясь красивому, любовному танцу маленьких жучков. Самки светлячков, как правило, не летают, они сидят в траве и привлекают поклонников своим ярким светом. Это было великолепное зрелище.

Вдруг, где-то вверху раздалось громкое «угу, угу, угу!». Это был крик филина², которого в народе называют «совиным царем». Издали донесся глухой топот копыт; вслед за ним послышался жалобный, стонущий рев оленя. Где-то, довольно близко, затрещали ветки, раздвигаемые его рогами. Светлячки исчезли так же внезапно, как и появились. Нучи тревожно вздрогнул. Наклонился и стал прислушиваться.

— Амба идет... — шепнул он.

Томек весь превратился в слух. Где-то сзади затрещали кусты. Юноша рукой дал знак следопыту, осторожно встал на ноги и прислонился спиной к мощному стволу дерева. Нучи последовал его примеру. Шорох в кустах приближался. Вот неподалеку послышалось глухое ворчание, потом наступила долгая, тревожная тишина.

¹ Светлячки (*Lampyris noctiluca* и другие виды) — жуки семейства мягкотелых. Самки и самцы этих жучков, а иногда даже их яйца, личинки и куколки имеют способность светиться. Свечение происходит за счет быстрых химических реакций некоторых веществ, находящихся в телах жуков. По всей вероятности, свечение взрослых особей носит половой характер.

² Филин (*Bubo bubo*) — самый выдающийся и наиболее известный представитель отряда сов. Достигает 75 см длины, то есть отличается значительными размерами. Характерны длинные перышки спереди головы, так называемые уши, и короткие крылья. Оперение у филина густое, сверху ржаво-желтого цвета, на горле беловато-желтое, уши черные. Гнездится в расщелинах скал или среди густых ветвей хвойных деревьев, иногда прямо на земле под деревом или около пня. Ловит тетеревов, глухарей и других лесных птиц, зайцев, крыс, белок, жаб, крупных жуков, бывает, что нападает на молодых косуль. Любит болотистую, темную чащу, где живет по ночам.

Охотники вперили взгляд в темную чашу. За их спинами снова раздался чуть слышный шорох ветвей. Они повернулись лицом в сторону, откуда слышался шорох, и плотно прижались спинами к дереву.

— Мы не можем торчать здесь до утра. Надо что-то делать,— сказал Томек после длительного молчания.

— Теперь делать нечего; сейчас взойдет луна,— лаконично ответил нанаяц.

Нучи дал добрый совет. Вскоре первые лучи луны робко проникли в тайгу, осветив пространство между деревьями. В серебристом тумане кустарники и стволы деревьев принимали странные очертания. Большие деревья в этом лесу стояли довольно редко, поэтому постепенно становилось светлее. Время тянулось медленно.

— Можно начать искать амбу,— отозвался Нучи.

Приготовив штуцер к выстрелу, Томек пошел вслед за следопытом, который почти бесшумно углубился в заросли кустов. Низко наклонившись, Нучи изучал следы вокруг деревьев. Руками осторожно раздвигал ветви кустов, внимательно рассматривая землю. Это продолжалось довольно долго. Томек уже начинал сомневаться в успехе ночного поиска, как вдруг Нучи опустился на колени. Он сосредоточенно ощупывал руками землю.

— Здесь прошел большой амба, пусть твоя хорошо смотрит! — тихо сообщил он.

Томек присел на корточки. Руками ощупал следы огромных лап тигрицы.

Нанаяц был опытным следопытом. Он даже ночью не терял свежего следа зверя. Если след на твердой почве был не слишком ясным, Нучи глубоко втягивал носом воздух, нюхал кусты, которых могло коснуться животное, и, почуяв характерный запах, безошибочно находил след.

Томек был восхищен охотничьими способностями старого нанаяца. Ведь и он умел находить следы животных в лесу, но не в таких трудных условиях.

Идя по следам, Нучи еще раз обошел вокруг то дерево, под которым они провели почти половину ночи. Это было еще одним доказательством того, что хищница кружила вокруг них и наблюдала. Теперь Томек вовсе не был уверен: только ли светлячков видел он ночью.

Следы тигрицы вели в сторону лагеря звероловов, но потом снова возвращались назад. Идя по этим следам, охотники сделали небольшой круг, а когда заметили поверх собственных следов свежие следы тигрицы, в испуге остановились. Не было сомнений: тигрица нарочно выманила охотников из удобного для защиты места и теперь кралась за ними.

Они очутились в незавидном положении. Тигрица могла притаиться за любым деревом или кустом. Привычный к опасностям, Томек вскоре овладел собой и преодолел подкрававшийся было к сердцу страх. Ведь он только для того уговорил нанайца отправиться в эту ночную экспедицию, чтобы встретиться с тигрицей с глазу на глаз.

Томек всадил приклад штуцера под мышку и положил палец на спусковой крючок. Он был готов. Взглянул на Нучи.

Следопыт стоял чуть наклонившись вперед. Он прислушивался, обшаривая взглядом росшие вокруг кусты. Где-то там притаился хищник. Как видно, Нучи даже не собирался стрелять в тигрицу, при нечаянной встрече с нею. Видавшая виды старая берданка спокойно висела у него за спиной. Вероятно, наивный, как ребенок, Нучи был уверен, что Томек и в самом деле может взглядом обуздать дикое животное. Стоило Томеку глянуть на следопыта, как он сразу почувствовал всю тяжесть ответственности за то, что должно вот-вот произойти. Томек тихо и осторожно подошел к Нучи.

— Ты свое сделал, теперь позволь действовать мне,— сказал он.— Иди следом за мной, и если увидишь амбу, тихонько толкни меня локтем.

В голосе Томека звучала такая требовательность, что старый следопыт, взволнованный необычностью положения, подчинился ему без возражений.

Томек пошел вперед... Шаг за шагом он прочесывал ближайшие кусты. Стволом штуцера осторожно раздвигал густые ветви, заходил почти за каждый кустик, но тигрицы нигде не обнаружил. Заинтригованный Нучи покорно шел вслед за Томеком.

Поиски не давали результата. У Томека медленно спадало первоначальное нервное напряжение. Вероятно, тигрица ушла отсюда и можно было считать, что ночное приключение окончилось вполне благополуч-

но. Правда, такой конец несколько осложнял выполнение задуманного плана, но Томек все же почувствовал облегчение.

Отказавшись от дальнейшего поиска, Томек остановился. Вдохнул всей грудью воздух и вдруг... почувствовал слабый запах животного. И в этот момент Нучи подал Томеку условленный знак.

Из-за огромной лиственницы показалась тигрица. Увидев преследователей, она остановилась как вкопанная. Несколько мгновений Томек и bestия смотрели друг другу в глаза. Потом тигрица наклонила голову, встряхнула ею, словно пыталась избавиться от человеческого взгляда, и выгнула спину, готовясь к прыжку. В одно мгновение Томек вскинул штуцер.

По счастливому стечению обстоятельств, опасная встреча произошла посреди небольшого участка, покрытого валежником. Это были стволы деревьев, поваленные бурей. Кустов тут почти не было и луна хорошо освещала всю площадку, что позволило Томеку хорошо прицелиться. Когда темное тело тигрицы взметнулось в отчаянном прыжке в воздух, молодой зверолов уверенно спустил курок. Одновременно он плечом оттолкнул в сторону Нучи и отскочил сам.

Тигрица грохнулась на землю. Несколько мгновений ее тело содрогалось в конвульсиях, когти впивались в землю, потом все это прекратилось. Тигрица была мертва.

— Меткий выстрел,— вполголоса сказал Нучи.— Амба не послушалась твоих глаз?

— Нучи, я должен был стрелять,— оправдывался Томек.

— Амба не слушала, твоя стрелять. Твоя хорошо сделать,— признал старый нанаяц.

Охотники уселись на пень дерева. Томек достал коробку папирос. В задумчивости смотрел он на следопыта. Первая часть плана выполнена, как будто успешно, но Томек никак не мог заставить себя и дальше использовать легкоеверие честного Нучи. В Сибири, типичной царской колонии, никто не заботился о просвещении туземцев. Чем темнее они были, тем легче было их заставлять подчиняться царским чиновникам. Нанайцы, или гольды, как их обычно тогда называли, были жертвами царского самодержавия.

Поэтому Томек все чаще приходил к мысли, что старому следопыту можно довериться. Старинная дружба нанайца с польским ссыльным, его враждебное отношение к сыщику Павлову вселяли уверенность. Кроме того, Томек заметил, что подтрунивание боцмана Новицкого над царским агентом нравится нанайцу, и он относится за это к моряку с симпатией.

После короткого размышления Томек перестал колебаться. Он погасил ногой окурок папиросы и обратился к Нучи:

— Скажи мне, Нучи, что за человек этот Павлов?

Старый следопыт пожал плечами и лаконично ответил:

— Косой глаз — плохой глаз. Смотрит туда, смётрит сюда, слушает и пишет. Потом начальство говорит: преступника в тюремный замок!

— А ты не боишься, что я ему повторю твои слова?

Нанаец посмотрел Томеку прямо в глаза.

— Моя думает, твоя свой человек,— ответил он.

— Ты прав, Нучи. Я и мои друзья враги белого царя, и друзья всех, кого преследуют царские чиновники. Теперь я могу тебе сказать, что я должен сделать что-то такое, о чем не может знать Павлов. Но, уверяю тебя, что мой поступок послужит хорошему делу. Хочешь ли ты мне помочь?

— Хороший человек, хорошее дело. Твоя скажет, моя сделает.

— Обещаешь, что никому ничего не скажешь?

— Твоя говорит, Нучи сделает и сразу забудет.

— Спасибо тебе, Нучи. Я был уверен, что на тебя можно положиться. Мы знаем, что ты беден. Ты тяжело работаешь за кусок хлеба. Я тебе дам сто рублей, думаю они тебе пригодятся!

Томек стал расстегивать куртку, чтобы достать деньги. Старый нанаец насупился. Удержал руку Томека.

— Услуга другу, рубли — нет! Тайга-матушка кормит свой человек.

— Прости меня, Нучи. Я тебя не хотел обидеть,— воскликнул Томек, крепко пожимая твердую руку следопыта.

— Нучи тебе друг. Твоя скажет, моя сделает и забудет.

IV

БОЦМАН ПОПАЛ В ПЕРЕДРЯГУ

Утро было туманное. Юго-восточный, летний муссон нес с побережья насыщенный влагой воздух. Вершины деревьев в тайге то и дело прятались в прядях тумана, сквозь которые время от времени пробивались лучи солнца.

Ухудшение погоды привело боцмана Новицкого в хорошее настроение — он знал, что ветер прогонит надоедливый гнус. На этот раз пришла очередь боцмана дежурить на кухне, поэтому он с удовольствием встал с самого рассвета, чтобы собирать ягод лимонника для компота, которым намеревался угостить друзей после обеда. Он спокойно шагал по тайге, беззаботно помахивая ведерком, которое держал в руке. Оружия при нем не было, если не считать охотничьего ножа за поясом — гневное рычание сидевших в клетках тигров далеко отогнало всякую дичь от лагеря охотников, и боцману казалось, что ему не может грозить опасность.

Вскоре он нашел в тайге кусты лимонника и стал срывать небольшие, красные, похожие на рябину ягоды. Набрав с полведра, боцман решил отдохнуть. Он с удобством устроился на траве, опершись спиной о ствол дерева, достал из кармана трубку, набил табаком и закурил. Одиночество скоро надоело общительному моряку. Он привык к частым беседам со своим другом Томеком Вильмовским, поэтому с некоторой обидой стал посматривать в том направлении, где, по его расчетам, находился лагерь. Поведение Томека в последние дни было боцману не очень понятно. Юноша стал молчаливым, сторонился товарищей, а если кто-нибудь пытался завязать с ним беседу, отвечал лаконично и лишь изредка обменивался многозначительными взглядами со Смугой.

«Что за муха его укусила?» — думал моряк.

Уже много лет они были неразлучными друзьями. Когда Томек учился в Лондоне, боцман почти ежемесячно навещал его. Они болтали в то время ночи напролет. Молодой друг поверял ему все свои думы,

просил совета. Во время каникул, когда друзья принимали участие в совместных экспедициях, они почти не расставались, так как по настоянию старшего Вильмовского, боцман оберегал Томека от опасностей охоты. Ничего удивительного, что боцман прекрасно знал все слабости друга и привязался к нему, как к родному сыну.

«Что-то лежит у него на сердце, это несомненно, но что? — пытался разгадать моряк.— Может быть, он тоскует по Салли? Нет, нет, дело, конечно, не в девчонке, в этом случае он обязательно обратился бы ко мне! Он знает, что в сердечных делах на меня можно положиться. Если такой умный и расторопный парень молчит и хмуро ползает из угла в угол, то ясно, как солнце, что дело здесь серьезное».

Раздумывая так, боцман достал из кармана плоскую бутылочку рома. Потянув из нее солидный глоток, моряк тяжело и грустно вздохнул.

«Что-то у нашего паренька кроется за пазухой? — продолжал размышлять боцман.— Ого, чувствую, что у меня посветлело в башке! Мы уперлись носом в тайгу, ловим своих тигров, а царский шпик, приставленный к нам исправником, следит за нами и всюду тычет свой нос. Тем временем Збышек сидит в Нерчинске, куда мы не можем попасть без особого разрешения губернатора. Тьфу, черт возьми! Не хотел бы я очутиться на месте Смуги! Он у нас главный, на нем — вся ответственность. К счастью, это стреляный воробей, его на мякине не проведешь! Если он втайне переглядывается с Томеком, то, ни дать ни взять, они что-то задумали. Ого! Наше сокровище в самом деле достойно занять место среди испытанных хитрецов! Сколько раз его удивительные выдумки спасали нас от беды! Ну, уж если они столь упорно молчат, видимо, так и надо,— мой папаша всегда говорил: «тише едешь, дальше будешь!»

Довольный своей догадливостью, боцман еще раз достал из кармана заветную бутылку ямайского рома.

«Ничто так не проясняет голову, как ром», — буркнул он, смакуя излюбленный напиток. Моряк вторично набил табаком трубку и вскоре его окружили клубы табачного дыма. Легкий шум ветра в вершинах деревьев стал навевать на боцмана дремоту. Он прислонился головой к дереву и закрыл глаза. Но вот ему

послышался шорох, доходивший откуда-то изнутри древесного ствола. Заинтересованный этим, боцман стал внимательно прислушиваться. Внутри дерева что-то шуршало. Боцман открыл глаза и посмотрел вверх.

Почти над самой его головой, в стволе дерева чернело дупло, вокруг которого вилась струйка табачного дыма, улетающего из трубки боцмана.

«Стодохлых китов тебе в зубы! Неужели я своей трубкой разбудил в дупле какое-то свинство?» — встревожился боцман.

Он вскочил с земли, срезал ножом длинную ветку можжевельника, и, не долго думая, воткнул ее в отверстие дупла. Результат был похож на тот, какой бывает, если всадить палку в муравейник. Оказалось, что в дупле находилось гнездо каких-то юрких зверьков. В испуге они выскакивали из дупла и, махая пушистыми хвостами, ловко взбирались на верхние ветки дерева. В первый момент боцман принял их за белочек, но их густой, пепельный мех отличался от привычного рыжего цвета.

— Чтоб меня тайфун унес! Судьба послала мне великолепный мех для подарка Салли, а я позволил ему улизнуть! — выругался боцман, разочарованно глядя на исчезающих в ветвях пепельных белок. Увидев собственными глазами полтора десятка грызунов, выскочивших из одного гнезда, боцман поверил теперь Нучи, который как-то похвастался, что его сыновья добывают по пятьдесят и больше беличьих шкурок за одну охоту.

Красавицы белки напомнили о последних событиях, участие в которых принимал старый Нучи, поэтому боцман опять уселся и продолжал свои размышления. Вечером того дня, когда был пойман четвертый тигр, Томек и Нучи отправились на таинственную прогулку по тайге, желая прогнать тигрицу, бродившую вокруг лагеря. Ночная стрельба, подняла на ноги всех его обитателей. Вильмовскому пришлось сделать выговор смельчакам за то, что они, без его разрешения, отправились на опасную прогулку. Именно тогда Смуга заявил, что уже пора кончать ловлю тигров, так как время выезжать в район Благовещенска, где в Приамурских пойменных лесах и на заливных лугах водится множество разной экзотической птицы. Зве-

роловы намеревались», пополнить коллекцию птиц Гагенбека чучелами сибирских пернатых.

Все участники экспедиции обрадовались перспективе переезда в район крупного сибирского города. Но поводы для радости у них были разные. Конечно, охота на птиц была для Томека и его друзей лишь благовидным предлогом, чтобы подъехать поближе к Нерчинску. Они радовались, что кончится вынужденное безделье и начнется настоящее дело, ради которого они сюда и приехали, то есть освобождение несчастного Збышека. Для сыновей Нучи, всю жизнь проведших в дремучей тайге, поездка в город была интересным событием, а Павлов мог, при случае, подать по начальству рапорт и получить дальнейшие инструкции. Один лишь Нучи отнесся к известию равнодушно; он даже попросил несколько задержаться. Перед отъездом на запад, ему надо было отправить домой собак, израненных тиграми, и вместо них взять других. На рассвете следующего дня Нучи оседлал лошадей и, захватив собак, отправился в путь. Теперь охотники ждали его скорого возвращения.

«За успех нашего дела!» — сказал про себя боцман, сделав глоток рома. Вскоре моряк крепко заснул.

Настойчивое глухое воркование и полет лесных горлиц¹ разбудили распростертого на траве боцмана. Он лениво приоткрыл глаза. Серые горлицы как раз исчезли в кустах, как вдруг какой-то коричневато-рыжий зверек в своем отчаянном беге перепрыгнул через боцмана, даже перекувырнувшись у него на груди. Боцман в испуге вскочил на ноги и увидел, как заяц-беляк² исчез в зарослях лимонника.

¹ Лесная горлица (*Streptopelia risorta*) — птица из семейства голубиных, похожая на обыкновенную горлицу (*Streptopelia turtur*). Издает звуки, состоящие из ясно выраженных слогов: «ку-кру-ну». У нее красивое серое оперенье с черным колечком на шее.

² Заяц-беляк (*Lepus timidus*) отличается от других зайцев способностью менять окраску меха. Из коричневато-рыжего летом, заяц-беляк становится снежно-белым — зимой. Изменение цвета происходит за счет осенней и весенней линьки и появления шерсти нового цвета. Пальцы на лапах у зайца-беляка покрыты твердой шерстью, что облегчает ему хождение по снегу. Зайцы-беляки распространены в северных областях Старого Света. Многочисленные их виды встречаются в Швеции, на севере России, в Ирландии и в северной Азии.

— Что они с ума посходили эти животные? — удивленно пробормотал боцман. — Сегодня они сами лезут мне в руки.

Но удивление боцмана быстро сменилось беспокойством: взглянув в сторону, откуда на него выскочил заяц, боцман увидел двух резвящихся медвежат¹.

«Ого, черт возьми! Медвежьи детишки, готовы позвать ко мне в гости свою мамашу!» — подумал боцман, разглядывая ближайшие кусты. Вдруг он замер на месте, его правая рука машинально коснулась ножа, торчавшего за поясом, и крепко сжала рукоятку. В кустах малины бушевала огромная медведица. Мощными лапами она пригибала ветки или становилась на задние лапы, чтобы губами достать спелую ягоду.

Боцман медленно припал спиной к стволу дерева. Он стоял неподвижно, утешая себя словами Смути, который как-то уверял, что даже самый сильный медведь нападает на человека только тогда, когда тот его ранит или атакует. Но бежать было тоже нельзя. Это могло только ухудшить положение. Медведица, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, легко догонит самого быстрого бегуна. Вступить с медведицей в единоборство с ножом в руках тоже не было смысла. Боцман стоял перед огромным, отличающимся недюжинной силой, зверем почти безоружным. Правда, ему приходилось слышать, что некоторые сибирские охотники вступали в борьбу с медведем один на один, причем совали ему в пасть левую, обмотанную шкурой, руку, а правой вбивали медведю под лопатку длинный, острый нож, но такая охота требовала большого опыта! Малейшая неосторожность могла повлечь за собой ужасную смерть! Боцман не был трусом и поэтому, несмотря на явное преимущество медведицы, он сжимал в руке рукоятку охотничьего ножа.

Однако медведица не обращала внимания на человека, сидевшего без всякого движения под деревом, но вот резвящиеся медвежата постепенно к нему приближались.

Наблюдая за веселой возней медвежат, боцман в сердцах буркнул: «Чтоб их тайфун унес! Эти малыши готовы втянуть меня в паскудное дело!»

Тем временем медвежата, обхватив друг друга пере-

¹ Бурый медведь (*Ursus arctos*). Существуют много видов этого животного. Медведи встречаются на всех материках от Камчатки до Испании и от Лапландии до Ливана и Западных Гималаев.

дними лапами, очутились совсем рядом с боцманом. В азарте борьбы, они внезапно подкатились прямо к его ногам. На лбу моряка проступили крупные капли пота, но он продолжал неподвижно сидеть. Вдруг, один из медвежат, которого братишка довольно сильно ущипнул за ухо, жалобно пискнул. Огромная медведица повернула к нему свою косматую голову. Потом она тяжело опустилась на все четыре лапы и медленно направилась к детенышам. Из-под полусомкнутых век боцман наблюдал за колышущейся поступью бурого животного.

В конце концов, медведица увидела человека. Возможно, это была ее первая встреча с неизвестным существом, потому что она от изумления даже остановилась и встряхнула головой, склоненной к земле. Послышалось глухое рычание и бормотание. Услышав гневный голос матери, медвежата прекратили свою возню. Быстро и ловко подбежали к ней. Медведица обнюхала детенышей, мордой подтолкнула одного из них к зарослям маличника, второго погнала туда же ударом лапы по задку и, не удостоив боцмана взглядом, побежала вслед за медвежатами.

Несколько минут боцман продолжал сидеть неподвижно. Потом, медленно достал из кармана бутылку рома. Одним духом опорожнил ее до дна.

— Тьфу, ко всем чертям! Меня словно паралич хватил! — буркнул он. — Видать не суждено мне кончить жизнь в медвежьем брюхе. На этот раз все сошло благополучно, но больше я в тайгу без ружья не пойду!

Он смахнул рукой пот со лба. Тяжело поднялся на ноги, взял ведерко с ягодами лимонника и, слегка покачиваясь, как ходят все моряки, направился в лагерь. Вскоре он очутился у палаток.

— Куда же это все разошлись? — обратился он к Смуге, оглядывая опустевший лагерь.

Смуга прервал ошипывание рябчиков¹ и ответил вопросом на вопрос.

¹ Рябчик (*Tetrastes bonasia*) — птица семейства тетеревиных, отряда куриных. Водится в лесах повсеместно от Пиренеев до Тихого океана, в основном в девственных лесах. Ведет скрытый образ жизни. Самцы достигают длины 45 сантиметров и отличаются от самок черным оперением на горле. Питаются листьями деревьев, почками и ягодами, зимой и весной — сережками березы, лещины, ольхи и побегами черники.

— А где же это пропадали вы, уважаемый боцман? Кто сегодня должен дежурить на кухне?

— Я ходил собирать ягоды для компота...— оправдывался боцман.

— И при случае вздремнули себе под деревом? — добавил Смуга.

— Это правда. Случилось со мной такое дело, но откуда вы знаете?

— Если принять во внимание количество трофеев и длительность вашего отсутствия, нетрудно об этом догадаться,— с иронией ответил Смуга.

— Оставшись в одиночестве, я кое о чем задумался и на меня напала сонливость, но вы не волнуйтесь, я раз-два приготовлю обед. Вижу, что вы постарались раздобыть рябчиков. Это весьма вкусная птица, прямо-таки лакомство!

— Нет, это не я подстрелил рябчиков. Их привез Нучи,— сказал Смуга.

— Неужели он вернулся во время моего отсутствия? А куда делись остальные?

— Нучи приехал час тому назад. Уговорил всех отправиться поохотиться на изюбров, которых он обнаружил вблизи лагеря. Я тоже охотно пошел бы с ними, но кому-то следовало остаться в лагере.

— Да, значит, мы, наконец, отправимся в Нерчинск,— обрадовался боцман.

— Завтра начнем сборы,— подтвердил Смуга.

— Вот и у нашего Томека улучшится настроение. В последнее время он совсем похудел с тоски и даже стал меньше говорить. Как вы думаете, удастся ли нам освободить того беднягу?

— Ведь это единственная цель нашего приезда в сибирскую глушь. Мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы освободить Збышека.

— Лишь бы нам посчастливилось! У меня прямо сердце на части разрывается, когда я вижу Томека опечаленным. Замечательный паренек! Хорошо, что он пошел на охоту, это его развлечет. Ну, если уж нам удастся заполучить ссыльного в свои руки, то мы никому его не отдадим.

— Говорите тише, боцман. Хотя мы тут и одни, но никогда не знаешь, где скрывается опасность,— предупредил Смуга.

— Вы правы, конечно, правы! Однако говорить

шепотом среди такого шума, прямо-таки невозможно. Почему животные в клетках сегодня ведут себя так беспокойно? Взбесились они, что ли?!

Боцман некоторое время внимательно рассматривал клетки с находившимися в них тиграми. Действительно, животные вели себя беспокойно, громко рычали и бились своими полосатыми телами о прутья клетки.

— Хорош из вас укротитель, нечего сказать! Вы плохо играете свою роль, слишком мало занимаетесь тиграми,— заметил Смуга.— Вы должны больше интересоваться животными, иначе можете возбудить подозрение у агента. Помните о том, что он за всеми нами внимательно наблюдает!

— Значит, я плохо играю свою роль — не так ли?! Но идея сделать из меня укротителя тоже несуразная,— возмутился моряк.— Вы же знаете, что я не люблю возиться со скотиной.

— Любите, не любите — дело ваше. Но нельзя подвергать нас опасности из-за всяких капризов. Животные волнуются, потому что Томек наверняка не дал им свежей воды.

— Вы, пожалуй, ошибаетесь. Наш паренек любит иногда пошалить, но за тиграми он ухаживает как нянька за детьми во время прогулки по Саксонскому саду¹.

— Спешил на охоту — мог и забыть,— сказал Смуга.— Проверьте, боцман, есть ли у них вода!

Моряк направился к клеткам с животными.

— Действительно, ведра совсем пустые,— пробурчал он под нос; схватил одно из ведер и побежал к ручью.

Вскоре он наполнил поилки в двух клетках и присел на корточки перед третьей.

— У тебя же еще есть вода, чего же ты мечешься по клетке, как полоумный? — ворчал моряк, заглядывая в клетку сквозь прутья.

Он наблюдал за поведением разъяренного животного. Тигр беспокойно метался из угла в угол, бился боками о прутья клетки и гневно рычал.

— Влепить бы тебе кусок свинца в башку, сразу бы успокоился,— сказал боцман.

¹ Речь идет о Саксонском саду в Варшаве.

В этот момент тигр внезапно прыгнул на прутья клетки. Боцман быстро отпрянул.

— Можно подумать, что бестия понимает человеческую речь, — удивился моряк. — Отойди-ка, а то оставлю тебя без воды и будешь сидеть с языком, высунутым до земли!

Тигр несколько отступил. Боцман подошел к клетке, наклонил ведро, чтобы долить воды в поилку, как вдруг тигр подскочил и ударил лапой по посудине с такой силой, что вода брызнула укротителю в лицо. От неожиданности боцман выпустил ведро из рук. Наклонив голову, он стал вытирать мокрое лицо.

Пораженный этим происшествием, боцман долго не мог выговорить ни слова. А тем временем тигр просунул между решеткой лапу и стал отодвигать задвижку, которой была заперта дверь клетки.

«Что это с ума я сошел или пьян?» — подумал боцман, шаг за шагом отступая от клетки.

Тигру удалось каким-то образом отодвинуть задвижку и отворить дверь. Полосатая бестия выскользнула из клетки на свободу. Одним прыжком боцман очутился возле дерева, на одной из веток которого висела винтовка, схватил ее, прицелился и спустил курок. Металлический щелчок иглы, ударившей в пустоту, свидетельствовал о том, что винтовка не была заряжена.

— Будьте осторожны, Ян! — крикнул боцман, отбрасывая бесполезную винтовку. В его руке блеснуло лезвие охотничьего ножа.

Но тигр не спешил нападать на отважного охотника. Он медленно встал на задние лапы и сказал человеческим, очень знакомым боцману голосом:

— Не бойся, морячок, а тебя не съем, хотя у меня в кишках уже давно урчит от голода!

Смутное лицо моряка посерело от возмущения. Он выпрямился и вложил нож в ножны. Из-под шкуры тигра показалось лицо Томека.

Проглотив набежавшую слюну, боцман процедил сквозь зубы:

— Ну, ну, не плохо вы позабавились на мой счет!

— Мы очень извиняемся перед вами, боцман, и клянемся, что это вовсе не была шутка, — серьезно сказал Смуга. — Это была генеральная репетиция, по-

пытка выяснить, можно ли укрыть ссыльного в клетке, надев на него тигровую шкуру.

— Превосходно! Попытка увенчалась успехом! — восклицал Томек, сбрасывая с себя тигровую шкуру. Он подбежал к изумленному моряку, обнял его, потом проделал тоже со Смугой и спросил: — Довольны ли вы?

— Конечно, Томек! — ответил Смуга.— Если нам удалось провести такого молодца как боцман, то можно считать твою идею выдержавшей самый суровый экзамен.

— Павлов побоится подходить к клеткам,— говорил Томек.— Другое дело боцман! У меня мороз пробежал по коже, когда он схватил винтовку, а потом достал нож. Даже настоящий тигр мог бы испугаться.

Чувствительный к лести, моряк посветлел лицом и буркнул:

— Ну что ж, раз дело обстоит так, я не могу на вас сердиться. Чтобы освободить несчастного ссыльного, я охотно дам обмануть себя несколько раз. Но вы молодцы, что надо! Действительно, фокус с тигром — это первоклассная идея! Если такой опыт провести с этим подлецом Павловым, его кондрашка на месте хватит! Я уже стал было думать, что сегодня вся дикая скотина на меня ополчилась. Если бы не медвежата, то я мог бы подумать, что и медведица в тайге была переодета...

— А что, у вас была какая-то встреча с медведями? — поинтересовался Томек.

— Да так, ничего особенного, сушая мелочь! При случае расскажу. Но откуда вы достали шкуру?

— Томек убил тигрицу, бродившую вокруг лагеря, а Нучи, под предлогом будто отводил домой раненых собак, взял ее к себе и выделал как надо,— пояснил Смуга.

— Наверно, это было тогда, когда ты ночью стрелял в тайге, а твой уважаемый папаша потом ругал тебя за это,— догадался боцман.— Но в таком случае вы должны были посвятить в тайну Нучи. А что будет, если он нас предаст?!

— Успокойтесь, во-первых, я ему не все сказал. Во-вторых, это верный человек и не меньше нас ненавидит жандармов.

— Конечно, это человек достойный доверия, раз Серошевский¹ вспоминал о нем твоему отцу,— сказал Смуга.

— Думаю, что вы правы, я тоже знаю Серошевского,— похвалился боцман.— Еще подростком, в Варшаве, я работал учеником слесаря в железнодорожных мастерских. Там я видел Серошевского и Варыньского², когда они вели агитацию в пользу социализма. Каждый из них был, пожалуй, не старше восемнадцати лет, а говорили они как профессора. Башковитые парни и настоящие патриоты!

— Вот поэтому царь их и преследует,— добавил Томек.— Ну, ну, боцман, я и не подозревал, что у вас такие выдающиеся знакомые! Вацлав Серошевский из ссыльного превратился в писателя и заслуженного исследователя Азии, а Людвик Варыньский, за то, что

¹ Вацлав Серошевский (псевдонимы: Сирко и К. Багриновский) родился в деревне Вулька Козловская близ Варшавы в 1858 г., умер — в 1945 г. За участие в социалистической организации, созданной Л. Варыньским, был сослан в Сибирь, где провел 15 лет, в том числе 12 — в Якутии. Он занимался исследованиями страны и изучением быта коренных жителей, после чего написал книгу «Двенадцать лет в стране якутов», изданную в Варшаве в 1900 г., за которую получил золотую медаль Петербургского географического общества и разрешение вернуться на родину. По поручению указанного общества, Серошевский в 1902—1903 гг. изучал народности Восточной Сибири, в частности айнов, обитающих на Сахалине и в северной части Японии. Из этой экспедиции он вернулся в Польшу через Корею, Китай, Индию и Египет. Принимал участие в революции 1905 г. Позднее путешествовал по Европе и Америке и использовал свои наблюдения и переживания в литературном творчестве. Написал около двадцати романов и много рассказов.

² Людвик Варыньский родился в 1856 г. под Киевом. Учился в Технологическом институте в Петербурге, потом — в Сельскохозяйственном институте в Пулавы. Участник революционного студенческого движения в России. Выдающийся представитель первого поколения польских социалистов, основатель и один из вождей социалистических кружков в Царстве Польском. Был главным обвиняемым на процессе социалистов в Кракове за революционную деятельность в Галиции. После освобождения уехал в Женеву, где редактировал журнал «Рувность». Участвовал в разработке так называемой «брюссельской программы польского социализма». В качестве основателя и предводителя первой польской рабочей партии «Пролетариат», был арестован и судим на процессе 29 деятелей партии. Варшавский генерал-губернатор Гурко заменил ему смертную казнь шестнадцатью годами каторги. Умер Варыньский в Шлиссельбургской крепости в 1889 г.

основал первую польскую рабочую партию, вместе с пятью товарищами был приговорен к виселице.

Боцман печально покачал головой и сказал:

— Я прекрасно помню судебный процесс членов партии «Пролетариат», на котором судили Варыньского. Хотя ему тогда удалось избежать смертной казни, но он и так погиб в тюрьме. А вот Серошевскому повезло! Он пятнадцать лет прожил в Сибири! Мне приходилось даже читать его книгу о якутах, за которую царь разрешил ему вернуться на родину. Ну, если Серошевский рекомендовал Нучи твоему отцу, то, пожалуй, ему можно доверять.

— Я, конечно, предпочитал бы не посвящать чужих в наши планы, но в этом положении помощь со стороны Нучи может быть нам очень полезна.

— Если бы вы слышали мою беседу со старым следопытом, вы перестали бы опасаться. Я ему верю! — горячо убеждал друзей Томек.

— Не возражаю, на союзников у тебя есть нюх, — согласился боцман.

— Ну, друзья! Довольно разговоров! — прервал их беседу Смуга. — Скоро могут вернуться наши. Давайте примемся за работу! Томек, ты хорошенько спрячь тигровую шкуру во вьюках, а вы, боцман, готовьте обед, а то мы все порядком проголодались.

Вскоре из котла, подвешенного над огнем, поплыл аппетитный запах. Боцман с поварешкой в руках просто двоился и троился, готовя обед и, одновременно забрасывая друзей вопросами.

— Хитро это вы придумали, ничего не скажешь! — вполголоса говорил он. — Сидя в клетке, Збышек сможет с успехом разыгрывать тигра, но даже Павлов сразу начнет сомневаться, если у нас появится новый тигр, которого мы не поймали. Как мы ему это объясним?

— Павлов ничего не заметит, потому что мы украдкой выпустим одного настоящего тигра из клетки, — пояснил Томек.

— Хорошо, боюсь только, долго ли выдержит Збышек в этой шкуре. Не задохнется ли он в ней.

— Придется ему некоторое время помучиться, — ответил Томек. — Как только мы спрячем Збышека в клетку, сразу же свернем лагерь и отправимся в Хабаровск, погрузим там животных в отдельный товарный

вагон, где будем посменно дежурить. Никого чужого туда не допустим, поэтому Збышек почувствует себя, как на свободе.

— Правда, правда, мне это не пришло в голову,— обрадовался боцман.— А если во время остановки кто-нибудь станет совать нос в наши дела, то я палкой подразню настоящих тигров и те так зарычат, что у любопытного поджилки затрясутся.

В таких беседах и фантастических предположениях время проходило совсем незаметно. В конце концов, боцман ударил ложкой по сковороде и заявил, что обед готов.

— Что-то наши долго не возвращаются,— сказал Томек, с нетерпением поглядывая на дымящийся котел.— Я проголодался и не знаю, стоит ли нам их ждать?

— Думаю, что твой отец и Удаджалак нарочно тянут с возвращением, чтобы предоставить нам больше времени на пробу с переодеванием. Боцман, давайте обед, потому что и мне захотелось есть,— ответил Смуга.

— Будем есть, да поскорее, потому что скоро дождь зальет огонь,— заявил боцман, с тревогой глядя на небо.— Лишь бы только наши успели вернуться перед бурей!

— Вы думаете будет буря? — встревожился Томек, расставляя на столе жестяную посуду.— По-моему, ничто не указывает на перемену погоды.

— Что может знать о погоде такая сухопутная крыса, как ты? — свысока ответил Томеку боцман.— Помни, браток, что у матросов глаза и нос лучше любого барометра. Я чувствую резкое изменение давления. Из-за леса мы не видим горизонта и не замечаем той черной тучи, которая быстро заволакивает южную часть неба. Приближается буря, притом не малая!

Друзья быстро доели фасолевый суп и рагу из рябчиков с ржаными сухарями и салом и стали проверять крепления палаток, укрепляя узлы расчалок, привязанных к колышкам, вбитым в землю. Потом охотники согнали лошадей, привязали их веревками к телегам, а котлы с супом вкопали в землю в центре самой большой палатки.

Не прошло и часа, как резкое дуновение ветра пронеслось по тайге; верхушки деревьев закачались.

Трое друзей ежеминутно с тревогой смотрели в южном направлении, откуда должны были прийти их товарищи. Успеют ли они вернуться перед бурей? В этой части азиатского континента, в конце лета мощные, теплые морские массы воздуха часто встречаются со слабыми, холодными континентальными течениями. Образуется район низкого давления, называемый циклоном, причем ветры дуют к этому району со всех сторон в направлении, противоположном движению часовой стрелки. Циклоны, несущиеся с юга на север, приносят значительные ливни и порывистые ветры, которые наносят иногда большой вред. Во время такого циклона очень опасно находиться в тайге, потому что ураганный ветер валит деревья на больших площадях.

На дворе внезапно потемнело, хотя до заката солнца было еще довольно далеко. Небо покрылось черными тучами. Ветер усилился.

— Как вы думаете, Смуга? Не стоит ли привязать клетки с тиграми к деревьям? — воскликнул боцман.

— Почему они так долго не возвращаются? — тревожился Томек, готовя веревки.— Лишь бы с ними не приключилось ничего плохого в тайге во время бури!

— Не бойся, с ними Нучи, а он их в обиду не даст,— утешил его Смуга.

— Я согласен с вами, но все-таки было бы лучше, если бы они уже вернулись,— тяжело вздыхая, сказал Томек.

Не успели они как следует укрепить клетки, как порывы ветра донесли к ним из глубины тайги звуки выстрелов.

— Это наши! Они пытаются укрыться от бури, покажем им направление! — крикнул Томек.

Побежали к палаткам за винтовками. Через минуту раздались три залпа, один за другим. Им ответили выстрелы в тайге, уже значительно ближе.

Черную тучу на небосклоне прорезала яркая молния. При ее свете три наших друга увидели свору собак и группу всадников, выезжающих из леса на поляну.

— Если бы не Нучи, мы ни за что не нашли бы лагеря,— воскликнул Вильмовский, соскакивая с лошади.

— Наконец-то вы вернулись, а мы уже беспокои-

лись о вас,— говорил обрадованный Томек, помогая отцу расседлать лошадь.

Вильмовский обнял сына и, интересуясь событиями, происшедшими во время своего отсутствия, шепотом на ухо спросил:

— Ну, как получилось с тигром?

— Очень хорошо, папа,— ответил юноша, обнимая отца.

Вильмовский удовлетворенно улыбнулся.

На поляну упали первые крупные капли дождя. Глухой гром прокатился с юга на север. Ветер подул с силой урагана. Он рванул кроны деревьев, стал сгибать столетние стволы. Прорываясь между деревьями, ветер свистел и выл; иногда на минутку переставал дуть, словно собирался с силами, но потом с двойным бешенством ударял по тайге. Девственный лес мужественно сопротивлялся буре. Тайга судорожно впивалась корнями деревьев в землю, подставляя ветру стройные, гибкие стволы. В лесу то и дело раздавались раскаты грома, слышался жалобный вой ветра, который иногда превращался в триумфальный грохот, когда на землю падало сломленное бурей дерево.

Пожалуй, сразу три грозных стихии объединились, чтобы уничтожить тайгу. Ураган рвал ее, как когтями, гнул деревья до самой земли, ливень вымывал землю из-под корней деревьев, а молнии жгли их огнем. Тайга дрожала от страшных ударов, деревья почти ложились на землю, но после каждого удара поднимались вновь и бесчисленными вершинами, словно копьями, грозили разгневанному небу.

Для охотников это была тяжелая, тревожная ночь. К счастью, девственный лес, окружавший лагерь, ослаблял удары вихря. Все же им пришлось до рассвета спасать имущество, потому что ветер срывал палатки, переворачивал телеги, поднимал в воздух лагерное оснащение и утварь.

Буря утихла только к утру; ветер ослабел, ливень превратился в мелкий дождь.

Измученные звероловы кое-как привели лагерь в порядок и легли отдохнуть.

V

КАПИТАН НЕКРАСОВ

Караван звероловов три дня пробирался через размокшую после ливня тайгу, пока добрался до левого берега Амура¹, четвертой по величине реки Сибири. Смуга распорядился разбить лагерь у небольшой речной пристани, к которой причаливали суда, чтобы пополнить запас дров, которыми в те времена питались судовые котлы.

Путешествовать на пароходе по реке было значительно удобнее, чем трястись на телегах по плохим дорогам. Во-первых, во время такого путешествия можно было высмотреть и выбрать на берегу реки соответствующее место под лагерную стоянку, во-вторых, добыть пищу для тигров и корм для лошадей, потому что пароход, по требованию путешественников, можно было остановить в любом месте.

Речная пристань состояла из небольшой дощатой платформы, уложенной на трех старых баркасах. Рядом с пристанью, на берегу стояло несколько жалких шалашей, покрытых кедровой корой, в которых ночевали китайские рабочие, заготавливавшие и грузившие дрова на суда. Речные пароходства часто нанимали жителей соседней Маньчжурии для рубки леса, так как жившие на берегу Амура шилкинские, амурские и уссурийские казаки неохотно занимались этой работой.

От китайцев наши охотники узнали, что завтра ожидается два парохода: вниз по реке пойдет пассажирско-грузовой, а вверх — почтово-пассажирский.

¹ Амур — река в Восточной Азии. Образуется слиянием рек Шилки и Аргуни. Амур впадает в обширный Амурский лиман Татарского пролива, соединяющего Охотское и Японское моря. Длина Амура с Шилкой и Ононом — 4354 км (9-е место в мире по протяженности). По площади бассейна (1843 тыс. кв. км) Амур занимает 10-е место среди речных бассейнов мира и 4-е место в Сибири (после Енисея, Оби и Лены). Китайское название Амура — Хэйлуцзян (река черного дракона), а также Хэйхэ (Черная река). Коренные жители низовья Амура называют его Маму, что послужило основанием для некоторых исследователей объяснить слово Амур, как искаженное Маму. По мнению других, Амур — искаженное название монголо-тунгусского — «Харамурень» («Черная река») (см. БСЭ, т. 2).

Это не очень обрадовало путешественников; экспедиции нужен был простой грузовой пароход, идущий вверх по реке порожняком. Поэтому звероловы решили ожидать вблизи пристани более удобного случая.

Нучи и его сыновья, вместе с Удаджалаком занялись устройством лагеря, а белые охотники, воспользовавшись вынужденным отдыхом, повели беседу с китайскими рабочими.

Они работали весь день, от восхода до заката солнца, валили деревья в тайге, пилили их на дрова необходимой длины, кололи их, укладывали на берегу возле пристани и грузили на останавливающиеся суда. Стремясь отложить кое-что на черный день из нищенских заработков, они добывали себе пищу кто как умел. Поэтому короткие минуты отдыха уходили у них на ловлю рыбы, которой — к счастью, для прибрежных жителей — в Амуре и в его притоках насчитывается девяносто девять видов¹.

Благодаря щедрости Амура, китайцы питались широко распространенными тут миногами, тайменями, линками, амурскими хариусами и встречающимися в Амуре рыбами из семейства карповых — амурским сазаном, а из сомовых — касаткой-скрипуном и китайским змееголовом, осетровыми рыбами Амура: амурским осетром и калугой².

Несмотря на это, бедные кули бывали сытыми только тогда, когда начиналась путина лососевых³, то есть ход рыбы из моря к истокам рек на икротетание. Тогда почти все жители прибрежных селений превращались в рыбаков. Из Охотского моря шла кета, из Японского — горбуша. Путина, состоящая из огромного количества рыбы, простиралась на расстояние 500 до 1000 км вверх по Амуре и его притокам вплоть до мелких горных ручьев. Во время путины рыбу можно было брать прямо руками. После нереста поч-

¹ Для сравнения можно напомнить, что в реках волжского бассейна обитает 75 видов рыб.

² Амурский осетр (*Acipenser schrenki*) и калуга (*Huso dauricus*) рыбы, которые заменяют в Сибири белугу, относятся к семейству осетровых и являются эндемичными породами, т.е. присущими только данной территории.

³ Ловля тихоокеанских лососей (кета, горбуша, кижуч и чавыча) является основой амурского рыболовства.

ти вся рыба погибала, и вода выбрасывала мертвую рыбу на мели, где она гнила и удобряла почву.

Во время путины жители Приамурья готовили запасы сушеной рыбы, которая служила им пищей. Вблизи селений по всему берегу Амура тогда расставлялись длинные ряды специальных заборов, увешанных блестящими розовато-желтыми полосами лососины.

Китайцы, одетые в латаные голубые куртки, штаны и шляпы, сделанные из бересты, любезно давали путешественникам объяснения на ломаном русско-китайском жаргоне.

Сообщение кули подтвердилось. Еще до полудня к пристани причалил, идущий вверх по реке, почтово-пассажирский пароход «Вера», принадлежащий компании амурского пароходства. Пока кули грузили дрова, путешественники, приглашенные капитаном на чашку чая «с огоньком», как называл капитан добавку арака к чаю, вошли на палубу парохода.

Все пассажиры первого и второго классов столпились у борта. Среди них были богатые купцы из Сре-тенска и Нерчинска, военные, едущие в отпуск, простые казаки, православный священник с длинной, седой бородой, который воспользовался случаем и стал собирать пожертвования на свою церковь, жены офицеров из Владивостока, едущие в Нерчинск, несколько бурятов и группа эвенков и удэгейцев.

Все они с любопытством смотрели на лагерь звероловов, и когда те появились на палубе, окружили их плотным кольцом. Посыпались приветствия и вопросы. Томек стал оживленно беседовать с купцом из Нерчинска, но Вильмовский шепнул ему, чтобы он ни о чем не спрашивал. Сыщик Павлов внимательно прислушивался, и каждое неосторожно сказанное слово могло возбудить у него подозрения. Капитан Крамер, немец по происхождению, сам того не зная, избавил охотников от настойчивой толпы, пригласив их в свою каюту. Они уселись за продолговатым столом, на котором сразу же появились две бутылки арака и пышущий жаром самовар.

После первого знакомства, Крамер спросил Вильмовского, почему экспедиция остановилась в столь пустынном месте. Услышав ответ, он хлопнул рукой по колену и сказал:

— Ваше счастье, господа! На рассвете я обогнал буксир «Сунгач» с двумя баржами. У капитана «Сунгача» настроение неважное, потому что по распоряжению купца Нашкина он едет в Сретенск за мехами, почти порожняком, лишь с мелким грузом рыбных консервов.

Как только Крамер упомянул фамилию Нашкина, заинтересованные звероловы обменялись друг с другом многозначительными взглядами. Хитрый боцман, чтобы отвлечь внимание Павлова от беседы, что-то шепнул ему на ухо. Павлов повеселел и согласно кивнул головой, тогда боцман наполнил свой стакан и стакан Павлова чистым араком. Вильмовский это сразу заметил и, воспользовавшись тем, что занятые собой боцман и Павлов стали чокаться стаканами, сказал:

— Это в самом деле было бы для нас счастливым стечением обстоятельств. Лишь бы только капитан «Сунгача» согласился взять нас на борт.

— Согласится, я уверен, — ответил Крамер с иронической улыбкой. — Такие как он умеют ждать и никогда не спешат. Это бывший каторжник!

— Спасибо за ваши сведения, — сказал Вильмовский. — Мне будет легче разговаривать с ним.

— Он согласится, ему необходимы деньги, — продолжал Крамер. — В Сибири никто не отгаликивает руку с государственными кредитными билетами. Это страна, где все возможно и где царят... взятки. Не подмажешь — не поедешь!

Вильмовский молчал, а вместо него в беседу вмешался Смуга:

— Еще во Владивостоке мне приходилось слышать о Нашкине. Если не ошибаюсь, он торгует мехами. Однако мне говорили, что он живет в Нерчинске.

— Верно, вам сказали правду, Нашкин живет в Нерчинске, притом в великолепнейшем дворце, который он купил у Бутина после банкротства его золотых россыпей. Нашкин — могущественнейший финансовый воротила Сибири, — пояснил Крамер. — Фактории Нашкина разбросаны по всей Восточной Сибири. У него есть отделение также и в Сретенске, откуда начинается навигация по Амуру.

— Ну и черт с ним, с этим Нашкиным! Ваше здоровье, господин капитан, — сказал Смуга, поднимая свой стакан.

— За здоровье дорогих гостей! — воскликнул Крамер.

Вскоре обе бутылки арака опустели. Китайцы погрузили дрова. Крамер неохотно прощался со звероловами, говоря им, что служба не дружба, особенно на почтовом пароходе.

— Другое дело такой «Сунгач», — сказал капитан, горячо пожимая руки боцману, которого он считал настоящим немцем. — Капитан «Сунгача» может ждать вас день, два и даже целую неделю, если только ему за это заплатить. Ну, желаю вам успешной охоты!

Гости сошли на пристань, «Вера», протяжно гудя, отчалила и, выбрасывая из паровой трубы искры, вскоре исчезла за поворотом реки. Воспользовавшись тем, что Павлов заинтересовался китайцами, звероловы отошли в сторонку, чтобы поговорить на свободе.

— Глупый немец дал нам важные сведения, — начал разговор боцман. — У меня даже дух захватило, когда он упомянул о Нашкине.

— Жаль, что мы не могли подробнее его расспросить, — вмешался Томек. — Если говорить правду, у меня уже чесался язык...

— Жалеть нечего, — заметил Смуга. — У Нашкина, конечно, много работников. Я сомневаюсь, интересовал ли Крамера ссыльный, который, наверное, не получил никакой важной должности.

— Ты прав, Ян, — сказал Вильмовский. — С каким же презрением он говорил о капитане «Сунгача», как о бывшем каторжнике!

— Возможно, у капитана мы узнаем больше, — сказал Томек.

— Не советую касаться того, что нас интересует, — сказал Смуга. — Мы доподлинно знаем, что Нашкин живет в Нерчинске. Это весьма важное известие. Мы все глубже и глубже лезем в волчью пасть. Один не слишком продуманный ход или даже слово могут повлечь за собой наше поражение.

— Я с тобой полностью согласен, Ян. Ты начальник экспедиции, остальные пусть прислушиваются и... молчат, — твердо заявил Вильмовский.

— Согласен, вполне согласен, — подтвердил боцман. — На пароходе я не вмешивался в разговор с этим немцем, а только занялся сыщиком, чтобы он вам не мешал.

— Должен признать, боцман, что вы, несмотря на свой темперамент, ведете себя почти образцово,— похвалил Смуга.— Ну, а если бы вы перестали подтрунивать над Павловым, было бы совсем хорошо.

— Иной раз я сам себе прикусываю язык, но это очень тяжелый вопрос, потому что у меня руки чешутся, как только увижу этого негодяя. Он не одного из наших уже выдал! Забавно то, что его лисья морда все время кажется мне почему-то удивительно знакомой... Видимо, все сыщики похожи друг на друга, а я на своем веку порядком на них насмотрелся.

Вильмовский внимательно посмотрел на моряка, задумался и насупил брови, но не сказал ни слова. Ему тоже показалось, что он откуда-то знает сыщика.

Спустя два часа к пристани подошел пассажирско-грузовой пароход «Онон». Как и раньше, китайцы быстро погрузили дрова, и «Онон» отправился вниз по реке.

Звероловы напрасно поджидали прибытия «Сунгача». Спустилась ночь. Кули наловили рыб, поджарили их на кострах, съели, искупались в реке и исчезли на ночь в шалашах. На страже остались только два старика.

На рассвете сторожа разбудили путешественников. К пристани подходил «Сунгач». Наскоро одевшись, звероловы выбежали на берег.

Вверх по реке шел старый, двухмачтовый буксир американского типа с длинной и высокой надстройкой, возвышавшейся над палубой. Буксир тянул за собой две баржи, соединенные друг с другом бортами. Вблизи пристани буксир уменьшил скорость, чтобы ослабить канат, после чего отцепил баржи.

Освобожденные баржи сперва остановились на середине реки, потом стали плыть вниз по течению, но «Сунгач» на всех парах ловко окружил их и пристал к баржам левым бортом. С барж на буксир перешли люди. Через минуту «Сунгач» с баржами у борта пристал к берегу.

Глазами знатока боцман наблюдал за ловкими маневрами буксира и одобрительно кивал головой.

— Молодец капитан, славно действует, особенно если учесть, что он бывший каторжник! — похвалил боцман.— Но Крамер не солгал, потому что, если судить по осадке, обе баржи идут порожняком.

— Тем лучше для нас,— вмешался Вильмовский.— Ян, пожалуй, вести переговоры с капитаном следует тебе?

— Хорошо, я поговорю с ним,— согласился Смуга.

Тем временем буксир медленно подходил к пристани. Полуобнаженные матросы бросили швартовы. Кули ловко набросили их на рымы¹. В окне капитанской рубки показалось лицо рыжебородого человека. Он с трудом протиснул широкие плечи в иллюминатор и оперся локтями о подоконник.

Кули на русско-китайском жаргоне хором его приветствовали. Капитан важно кивнул им головой.

— Ну как, ребята, дрова готовы? Можете начать погрузку? — спросил капитан по-русски.

— Уже, капитан, уже! — хором ответили кули.

— Ну, так беритесь за работу! — воскликнул капитан, мягко улыбаясь китайцам.

Смуга сошел на платформу пристани и снял кожаную шапку, обшитую по околышку мехом.

— Здравствуйте, господин капитан, можно ли с вами поговорить насчет одного дела? — спросил он.

Небрежным движением капитан поднял правую руку к козырьку клеенчатой фуражки, внимательным взглядом окинул Смугу, осмотрел группу мужчин, стоявших вблизи. После довольно длительной паузы он ответил:

— Только у вас ко мне дело или у этих господ тоже?

— Дело касается нас всех,— ответил Смуга.

— Хорошо, я сейчас сойду к вам.

Капитан исчез, но тут же его огромная фигура показалась на сходнях. Он медленно сошел на палубу, а потом неожиданным, ловким прыжком перескочил через борт судна и очутился на пристани.

— Слушаю вас,— обратился он к Смуге.

Смуга повел его к друзьям.

— Познакомьтесь, это господин Броун, английский подданный, препаратор чучел животных,— говорил он, показывая Вильмовского.— Наш юный друг, Томаш Вильмовский, путешественник и зверолов, а

¹ Швартовы — канаты с петлей на конце, которые крепятся на судне к кнехтам, а на суше к столбам, которые носят название рымов, или палов.

это — господин Броль из Германии, укротитель животных. Мы участники охотничьей экспедиции, организованной фирмой Гагенбека. Кроме нас, в экспедиции участвует стрелок из Индии, господин Удаджалак, четыре следопыта гольда и... еще один господин... господин Павлов, приставленный к нам в качестве опекуна хабаровским исправником.

— Очень приятно познакомиться с таким международным обществом,— ответил капитан, не называя своей фамилии.— Чем могу служить?

— Мы хотели бы нанять ваше судно для перевозки экспедиции в район Благовещенска, где мы собираемся заняться ловлей местных птиц.

— Гм, неудобный груз... Тигры, лошади, собаки, телеги, люди и... господин Павлов,— громко перечислял капитан, рассматривая лагерь путешественников.

— Мы сделаем все возможное для того, чтобы не причинить вам лишних хлопот,— вмешался Вильмовский.

— К сожалению, я не смогу разместить вас всех в каютах «Сунгача»,— сказал капитан.

— Нам это несколько не мешает, ведь и без того часть наших людей должна находиться на баржах рядом с животными,— любезно добавил Смуга.

— Гм, мне необходимо обдумать ваше предложение,— с явной неохотой в голосе ответил капитан.

Потерявший терпение боцман подошел к Смуге и довольно громко сказал по-польски:

— Если бы на моей калоше появился такой спесивец, то он в три мига очутился бы за бортом. Предложите ему монету, он сразу же станет мягче!

— Не мешайте, боцман,— шепнул Вильмовский.

Капитан «Сунгача» стоял задумавшись, слегка склонив голову на грудь. Вдруг он заглянул боцману прямо в глаза, подошел к нему так близко, что грудью коснулся груди боцмана.

— Это что, в Германии такие обычаи, что боцманы бросают за борт капитанов? — вызывающе спросил капитан тоже на польском языке.— Со мной не так-то легко справиться!

— Не вводи меня во искушение, браток,— проворчал боцман, прямо в лицо капитану.

Тот расхохотался и воскликнул:

— Ну наконец мы договорились! Немец и англича-

нин говорят по-польски. Очень интересное общество. Не удивляюсь, что исправник включил в его состав своего шпика! Однако, если господин Броль, укротитель животных, он же боцман, хочет выбросить меня за борт, я готов предоставить ему для этого случай. Грузите, господа, свой табор на баржи. Раз вы поляки, то мы как-нибудь потеснимся, а ваши паспорта меня мало интересуют. Насчет денег поговорим позже!

— Спасибо, вам, господин... извините я недослышал вашу фамилию,— сказал Смуга, придержав капитана за руку.

Капитан помрачнел, прищурил глаза и вызывающе ответил:

— Анастасий Петрович Некрасов, к вашим услугам, бывший матрос Балтийского флота, приговоренный к пятнадцати годам каторги за контрабандную перевозку нелегальных листовок в Петербург. Нужны ли вам еще какие-нибудь рекомендации? На каторге в Каре я сидел вместе с Коном, Рехневским, Маньковским, Дулембой и Лурия¹.

— Нам не нужны рекомендации, капитан! Неужели вы на каторге научились так хорошо говорить по-польски? — спокойно спросил Вильмовский.

— Нет, этот язык был мне знаком и раньше,— ответил капитан и, словно внезапно забыв польский язык, начал по-русски обсуждать подробности погрузки имущества экспедиции на баржи.

К группе беседующих мужчин подошли нанайцы, а потом из палатки показался Павлов. Некрасов приветствовал его, приложив руку к козырьку фуражки,

¹ В 1873 году на берегу реки Кары, близ нерчинских рудников, царские власти построили тюрьму; рядом находились золотые и серебряные рудники, принадлежавшие царскому дому. На протяжении 17 лет тюрьма в Каре была местом, где отбывали наказание политические «преступники», приговоренные к каторжным работам. Количество таких «преступников» увеличивалось в годы подъема революционного движения. В Каре среди заключенных были представители всех национальностей царской России. Первыми поляками, приговоренными к каторге за социалистическую деятельность, были члены партии «Пролетариат»: Феликс Кон и Тадеуш Рехневский — оба студенты юридического факультета, Мечислав Маньковский — столяр и Хенрик Дулемба — мыловар. Вместе с ними в Каре отбывал наказание тоже член «Пролетариата», русский Николай Лурия, капитан, военный инженер.

как видно, не заметив протянутую ему руку, потому что повернулся лицом к реке и пригласил звероловов осмотреть судно.

VI

ПО АМУРУ НА ПАРОХОДЕ

Во время плавания на пароходе по Амуру звероловы мало видели капитана «Сунгача». Дни стояли погожие. Благодаря этому, путешественники большую часть дня могли проводить под открытым небом на баржах, рядом с животными. Только во время обеда все сходились в кают-компанию, но тогда в основном они вели вежливые разговоры на русском языке.

Некрасов держал себя со звероловами любезно, но несколько свысока. Не навязывал пассажирам беседу, никого ни о чем не спрашивал. Явное пренебрежение он проявлял только по отношению к Павлову. Если капитану не удалось миновать его, он бросал на агента холодные взгляды.

Звероловы наблюдали за капитаном. Все говорило о том, что это был революционер, закаленный в борьбе с царизмом. Своим поведением он возбуждал доверие; даже Нучи, который презирал Павлова, о Некрасове говорил: «капитан хороший глаз, свой человек».

Сдержанность Некрасова была звероловам на руку. Находясь в другом положении, они, конечно, постарались бы познакомиться с ним поближе, но в этом рискованном путешествии они предпочитали избегать близкого общения с лицами подозрительными для полиции. Ведь Павлов непрестанно следил за капитаном глазами, откровенно подслушивал его разговоры. По приказанию Смути, верный Удаджалак продолжал наблюдать за каждым шагом шпика, поэтому звероловы могли не опасаться сюрпризов с его стороны.

«Сунгач» медленно шел вверх по реке. Вода стояла довольно высоко, как это бывает здесь всегда в период муссонных дождей. Берега становились все круче и круче, пока, наконец, каменные вершины гор совсем не закрыли горизонт. Как раз в этом месте Амур прорывался через Буреинский хребет. Буксир вошел в извилистый рукав. Течение становилось сильнее. Гроз-

ные и одновременно живописные скалы иногда вырастали прямо по курсу судна, но «Сунгач», направляемый опытной рукой, избегал опасных встреч с ними.

У руля на капитанском мостике стоял сам капитан Некрасов. Он спокойно смотрел на крутые, покрытые лесом, берега, словно видел их впервые. В уголке рта у него торчала погасшая трубка. Звероловы тоже не уходили с палубы: они были очарованы Сибирью, хотя раньше само это название вызывало у них чувство безграничного ужаса.

Прорвавшись через горный хребет, река стала шире, расширилась и ее пойма. Отдельные горные цепи отступили от реки, а прибрежные скалы, время от времени встречавшиеся по пути, напоминали развалины древних замков. Течение успокоилось, прозрачная как слеза вода становилась мутной в устьях притоков, которые несли с собой большое количество ила. Видимо, поэтому река и была названа Амуром, или Черной рекой.

Время шло... Буксир, пыхтя, поднимался вверх по реке. Однообразная равнина, кое-где украшенная елями или карликовой сосной, указывала на близость Благовещенска. Этот город был центром Амурской области, управляемой вице-губернатором, в канцелярии которого путешественники должны были оформить документы на право пребывания в Сибири. Для этого капитан Некрасов по просьбе Смуги согласился на некоторое время остановиться в Благовещенске.

Когда до города оставалось не больше суток пути, охотники решили устроить небольшой прием в честь капитана. Некрасов не только дал свое согласие, но и отрядил в их распоряжение своего повара. Само собой разумеется, что боцман в качестве известного гурмана взял дело подготовки к предстоящему пиру в свои руки. С самого утра он шарил во вьюках и около полудня явился на кухню с целой корзиной различных продуктов. Из других путешественников один только Томек, пользовавшийся специальными привилегиями у боцмана, был допущен к тайнам готовившихся яств.

Когда настал вечер, капитан поставил судно на якорь вблизи берега. Весь экипаж и пассажиры собрались в кают-компании. Некрасов не щадил усилий, чтобы вызвать у гостей приятное настроение, но все

его старания оказались напрасными. Хитрое выражение лица Павлова, бегающие, беспокойные глаза которого исподлобья следили за присутствующими, портило у гостей настроение и отбивало аппетит.

Не в своей тарелке был и боцман. Он целый день старался достичь вершин кулинарного искусства, но все его труды не приносили желаемого результата. Званный обед больше напоминал поминки, чем веселый пир. Кроме того, по странному стечению обстоятельств, Некрасов посадил Павлова рядом с боцманом. Правда, по другой стороне моряка сидел Томек, но все равно свободно беседовать они не могли. Они только обменивались многозначительными взглядами и, подобно другим гостям, время от времени бросали какое-нибудь ничего не значащее слово.

Томек скучал, хотя до этого он с большой радостью ожидал вечернего пира. Юноша надеялся, что в непринужденной обстановке ему удастся спокойно поговорить с Некрасовым, а оказалось все не так... Таким образом, как только обед подошел к концу, экипаж «Сунгача», нанайцы и Удаджалак с удовольствием покинули кают-компанию и вышли на палубу.

— По крайней мере они смогут свободно поговорить,— буркнул боцман, обращаясь к Томеку.

Томек кивнул головой. Он о чем-то сосредоточенно думал, потом незаметно подтолкнул друга локтем и шепнул:

— Почаще наполняйте рюмку Павлова!

— Да ты с ума сошел?! Водки на него жалко,— возмутился боцман.

— Дайте ему ее досыта и он уйдет отсюда!

— Не такой он дурак! Он только губы смачивает водкой...

— Надо его заставить напиться. Послушайте...— наклонился Томек к боцману, который сначала покраснел от возмущения, а потом вдруг повеселел и согласно кивнул головой.

Боцман громко кашлянул. Все с интересом посмотрели в его сторону.

— Мы вот сидим, повесив носы, словно неприкажные...— начал он.

Павлов привстал так резко, что чуть не сбросил на пол тарелку. Сыщик впился глазами в губы боцмана, чтобы не пропустить ни одного слова. На лицах Сму-

ги и Вильмовского отразилось явное беспокойство, а удивленный Некрасов неуверенно посмотрел на боцмана.

— Что ж, уважаемые господа, мы нагрешили довольно, но лучше признать свою вину и... исправить ошибку,— торжественно продолжал моряк.

— Напился, первый раз в жизни,— недовольно шепнул Вильмовский.

— Нет, скорее, с ума сошел,— прошипел Смуга.

Только Томек спокойно слушал речь своего друга, искоса посматривая на присутствующих. А боцман продолжал:

— Да, да, мы забыли, что надо отдавать «господнее Господу, а кесарево кесарю»! Мы должны немедленно исправить допущенную нами ошибку! Я первый провозглашаю тост за здоровье его императорского величества самодержца всероссийского, Николая Второго!

Если бы над парохомом нежданно-негаданно разразился гром, то он не произвел бы столь ошеломляющего впечатления, как тост, поднятый боцманом. Вильмовский побледнел от гнева. Некрасов презрительно пожал плечами, а Павлов испугался не на шутку, считая, что немец поймал его на значительном упущении. Возмущенный в первый момент, Смуга посмотрел на Томека. Заметил искорки смеха, притавившиеся в его глазах и сразу все понял.

Боцман встал, взяв в руки графин. Наполнил рюмки. Наклонившись над столом у места, где сидел Павлов, задержал руку на полпути и сказал:

— Собственно говоря, вы, господин Павлов, виноваты больше всех, потому что вы человек казенный.

Павлов сторбился, его лицо посерело, а боцман, обрадовавшись, что привел полицейского агента в смущение, продолжал:

— Виноваты вы больше, чем мы, гражданские, но не печальтесь. Мы восполним это достойное сожаления упущение большей порцией.

Говоря это, он отставил в сторону рюмки, Павлова и свою, а на их место поставил стаканы. Наполнил их до краев.

— Пьем до дна! — воскликнул он.

Павлов вскочил на ноги и, стоя навывтяжку, выпил водку. Как только он сел, безжалостный боцман начал опять:

— Мы не имеем права обижать и высокочтимую супругу царя, ее величество императрицу. Наливайте, господин Павлов!

Потом пришла очередь выпить за здоровье всех царских детей, родителей императора, родителей императрицы, пока Павлов, чокаясь с боцманом стаканами после каждого тоста, бессильно опустил в кресло. Посмотрев на него критически, боцман еще раз наполнил стаканы и воскликнул:

— Господин Павлов, за здоровье вашего начальника, его превосходительства, министра внутренних дел!

Павлов еле стоял на ногах, покачиваясь из стороны в сторону, и что-то бормотал себе под нос. Боцман крепко потряс им.

— За здоровье министра полиции, слышишь?! — крикнул он.

Павлов опустил в кресло. Свесив голову на грудь, он заснул. Боцман захохотал:

— Вот и прикончила его царская семейка! Даже про своего министра забыл! Как пить дать, пожалуюсь на него в Благовещенске губернатору. Но раз эта мразь спит, то я позволю себе изменить тост. Да здравствует революция!

Все встали и выпили до дна. Боцман удобно расположился в кресле, набил табаком трубку и обратился к Некрасову:

— Завершите мою работу, прикажите вашим людям вынести этого пьяницу! До утра он мешать нам не будет!

— Ах, чтоб вас черт подрал, медведь вы такой! — до слез смеялся Некрасов.— Идите ко мне, дайте я вас обниму! Мне всегда казалось, что у меня голова крепкая, но с вами я тягаться не могу!

— Э, что там, это мелочь. Пусть-ка Томек расскажет, как я во время последней экспедиции играл на полные рюмки с китайским купцом из Хотана¹. Вот у того была крепкая голова!

¹ Игра заключалась в том, что один участник показывал сжатый кулак и готовился разжать его, выставив несколько пальцев. Второй участник должен был безошибочно сказать, сколько пальцев покажет противник. Если он угадал, то противник должен был выпить столько рюмок водки, сколько он показал пальцев. Если ошибался, то должен был сам выпить такое же количество рюмок.

— Сейчас мы спокойно побеседуем,— продолжал смеяться Некрасов. Выглянув в иллюминатор, он ударил в ладоши и позвал: — Эй, Иван, зайди-ка сюда на минутку!

В кают-компанию заглянул матрос.

— Убери куда-нибудь этого господина! Пусть спокойно спит до утра и не портит нам настроения,— приказал капитан.

Взвалив Павлова на плечи, Иван исчез с ним так же тихо, как и появился.

Потекла свободная беседа. Некрасов очень интересовался приключениями своих гостей, которые они рассказывали, а капитан внимательно слушал, забрасывая их новыми вопросами. У боцмана прямо-таки не закрывался рот. Он умел рассказывать интересно и с юмором. Вот он отставил в буфет третью опорожненную бутылку из-под рома и, беря с полки новую, обратился к Некрасову:

— Сто китов вам в бок, капитан! По всему видно, что вы любите настоящие приключения. Так на кой же, извините, ляд, после выхода из тюрьмы вы очутились на этом буксире, вместо того, чтобы отправиться в широкий мир?

— Вы не первый, кто задает мне этот вопрос,— ответил Некрасов, печально улыбаясь.

Отхлебнув из бокала глоток рома, капитан затаился трубкой и стал говорить словно про себя:

— Тогда еще не было Сибирской железной дороги. Закованный в кандалы, с выбритой половиной головы, я в числе других арестантов пешком перешел через Урал. Трудно себе вообразить, что происходило в душах несчастных арестантов, которых гнали в Сибирь, когда они увидели пограничный столб, на одной стороне которого виднелся герб европейской Пермской губернии, а на другой — азиатской Тобольской. Некоторые из арестантов плакали, другие целовали родную землю, прощаясь с ней, или собирали ее в мешочек, который прятали на груди. Я не жаловался на судьбу. Я был готов ко всему. Прочел подписи на пограничном столбе. Нашел среди них знакомые фамилии. По команде: «стройся» поднял мешок с вещами и, не оглядываясь назад, пошел вперед навстречу судьбе.

Мне пришлось близко познакомиться с постоянно переполненными арестантами этапными тюрьмами, с

деревянными нарами, кишевшими насекомыми. Время от времени менялись солдаты конвоя, среди которых бывали службисты, а бывали и такие, которых можно было подкупить, а мы все шли и шли на восток. Так продолжалось многие месяцы. Измученные, исхудалые, мы шли через деревни и города...

Знаете ли вы причитания, которые поют арестанты, осужденные за уголовные преступления, когда проходят через населенный пункт? — спросил Некрасов. И не дожидаясь ответа, он затянул нараспев:

Пожалейте, отцы-благодетели!
Пожалейте усталых путников!
Арестантов несчастных вспомните!
Накормите, отцы-благодетели!..

Лицо Некрасова потемнело от печальных воспоминаний, он на минуту умолк. Потом продолжал:

— Тот, кто не слышал этой песни, которую не то поют, не то читают сотни голосов под аккомпанемент зловещего звона кандалов, никогда не поймет ужасного, нищенского существования, которое влачат несчастные арестанты.

Многие из них во время долгого путешествия, прерываемого «отдыхом» в этапных тюрьмах, заболели и умирали. С нами шли также арестантки и жены некоторых ссыльных, добровольно направлявшиеся в ссылку за своими мужьями.

В конце концов, мы пришли в Кару. Я уже вам говорил, что там мне пришлось встретиться с несколькими поляками. Я был искренне восхищен ими... С первого дня ссылки они думали над возможностью побега и возвращения на родину. Они принимали участие во всех протестах, голодовках, бунтах, совершали побеги, хотя за это грозило суровое наказание, даже смерть. Бунтарь по характеру, я чувствовал в них братские души. Мы очень уважали польских товарищей по несчастью. Поэтому среди песен разных народов, которые пели арестанты, много было польских. Некоторые из них были переведены на русский язык.

Некрасов замолчал, несколько раз затянулся табачным дымом. Воспользовавшись этим, Томек спросил:

— Может быть, вы помните какую-нибудь из польских песен?

Капитан согласно кивнул головой.

— Я вас прошу, спойте нам одну из них,— прошептал Томек, глубоко взволнованный рассказом капитана.

Некрасов снял со стены висевшую там гитару, сел в кресло, ударил по струнам...

Над тихой, сияющей лунным серебром, маньчжурской степью поплыли звуки песни, неразрывно связанной с трагической историей польского народа:

Боже, что Польшу родимую нашу
Холил, лелеял столь долгие годы,
Ныне к тебе мы возносим моление
Дай нам свободу, пошли избавленья...

Когда капитан замолчал, воцарилась тишина, которая была красноречивее всяких слов...

— Значит, вы и эту нашу песню... пели в Каре? — шепнул боцман, вытирая глаза носовым платком.

— Пели. Нам особенно нравились песни, в которых выражалась тоска по свободе, ну и, конечно, революционные. Многие из нас готовили побег и бунт, и знаете, кого мы брали за образец? Вашего земляка Бенёвского¹, бывшего участника Барской конфедерации!

— Неужели?! Ведь наш Бенёвский бежал отсюда больше ста лет тому назад! — удивился боцман.

— Да, вы правы, но его бегство, получившее тогда

¹ Маурицы Аугуст Бенёвский родился в 1746 г. в Вербове (Словакия, в то время на территории Венгрии) в семье кавалерийского генерала, женатого на баронессе Равай. В молодости служил в австрийской армии, некоторое время гостил в Польше у своего дяди. После недолгого пребывания в Венгрии поехал в Гданьск, Амстердам и Плимут, где изучал мореходное искусство. Бенёвский собирался выехать в Восточную Индию, но его вызвали в Польшу, где он присоединился к Барской конфедерации. За успешные бои под Ланцкороной и Краковом он был произведен в генерал-квартирмейстеры. В одном из боев под Краковом, Бенёвский попал в русский плен, что произошло 19 мая 1769 г. Его вывезли в Казань, после заключили в Петропавловскую крепость, а потом сослали на Камчатку, откуда ему удалось счастливо бежать. Погиб Бенёвский на острове Мадагаскар, где его предательски застрелили французы, позавидовавшие его успехам на острове.

Мемуары Бенёвского, переведенные на несколько языков, стали темой многих драм, опер и романов, написанными польскими и иностранными писателями.

известность во всем мире, особенно поразило умы ссыльных в Сибири. Многие из них стремились ему подражать. Когда в отчаянных головах зарождались фантастические планы бунта, они часто вспоминали Бенёвского.

— Действительно, у Бенёвского была голова на плечах. Он здорово надул своих преследователей,— сказал боцман.— Это верно, что такие истории укрепляют мужество человека.

— В Англии я читал записки Бенёвского, но очень хотел бы еще раз услышать от вас подробности его побега,— попросил Томек.— Я очень люблю такие рассказы...

— Я поддерживаю просьбу Томека,— горячо сказал боцман.— Прополосните-ка горло, а мы слушаем!

Боцман наполнил ромом рюмку Некрасова. Капитана не надо было долго упрашивать; он закурил трубку и начал рассказ:

— Попав в плен, Бенёвский сразу же задумал побег. Как только его привезли в Казань, он связался с местными татарами и находившимися там польскими ссыльными, с помощью которых хотел организовать вооруженное восстание и облегчить себе побег. Но кто-то выдал заговор. К счастью, Бенёвский вовремя уехал в Петербург. Там он разработал новый план побега, на этот раз на голландском корабле. И опять ему это не удалось из-за предательства капитана корабля. Обер-полицмейстер Чичерин арестовал Бенёвского. Его посадили в крепость и отдали под суд. В качестве опасного политического преступника его приговорили к ссылке в Усть-Большерецк на Камчатке.

Прибыв на место ссылки, Бенёвский очутился под строгим надзором. Несмотря на это, он не оставил планов побега. Вскоре ему удалось завоевать доверие губернатора Нилова. Его перевели в Петропавловск, где он стал преподавать языки дочери губернатора, Афанасии. Воспользовавшись этим, он сумел завязать знакомство с влиятельными жителями полуострова, которые предложили ему основать школу. Но Бенёвский об этом и не помышлял. Он знакомился с офицерами и чиновниками и при помощи удачной игры в шахматы сумел даже скопить немного денег.

В беспокойном уме Бенёвского возник новый план

побега. Он привлек к этому делу некоего Хрустеева и находившегося в ссылке уже больше пятнадцати лет Казимежа Бельского, бывшего чиновника польского короля. С их помощью он организовал заговор, который охватил широкие круги ссыльных. Деятельность Бенёвского была облегчена его близким знакомством с семьей губернатора. Дело в том, что молодая Афанасия влюбилась в него без памяти. Вынужденный необходимостью, Бенёвский некоторое время скрывал от нее, что уже был женат. Возможная опала губернатора свела бы на нет все его планы. Он намеревался ни больше, ни меньше, как захватить в порту корабль и бежать на нем с Камчатки. Однако заговор был раскрыт. Несмотря на это, Бенёвский отнюдь не растерялся! Он вступил в открытую борьбу. Губернатор Нилов погиб. Во главе доверенных людей Бенёвский окружил церковь, в которой в то время находились семьи русских чиновников, и пригрозил, что сожжет их, если солдаты не сложат оружие. Таким образом, Бенёвский овладел городом.

Захватив корабль, стоявший в порту, Бенёвский погрузил на него запасы продовольствия, вывесил польский флаг и, дав салют из двадцати пушек, отчалил вместе со своими друзьями. С Бенёвским бежала также и Афанасия, которая даже после того как она узнала, что Бенёвский не может на ней жениться, пожелала сопровождать его в качестве приемной дочери¹.

— А что случилось потом с этой несчастной девчонкой? — спросил боцман.

— Она умерла во время путешествия по морю, — ответил Некрасов, набивая табаком трубку.

— Гм, мне ее очень жаль, — заметил боцман. — Но и наша Салли тоже полетела бы за Томеком на край света!

— Это что, ваша невеста? — заинтересовался Некрасов. — Если судить по имени, она, наверное, не полька!

— Мы не помолвлены, хотя... очень любим друг друга, — ответил Томек, краснея. — Она австралийка и учится в Англии. Но вы нам не рассказали, почему остались в Сибири...

¹ Бунт и побег Бенёвского обросли многочисленными легендами, которые рассказывают во множестве вариантов.

— После того, что вы мне сказали, я уверен вы меня хорошо поймете,— ответил Некрасов, улыбаясь Томеку.— Сначала, находясь в Каре, я мечтал, по примеру Бенёвского, захватить корабль и бежать из России. Но позже я оставил всякую мысль о бегстве. Я находился в обществе многих революционеров. Благодаря им, я понял, что буду здесь нужен, когда настанет пора действий. После моего освобождения, я женился на студентке из Киева, приговоренной к ссылке в Сибирь. Мы живем в Хабаровске. Жена с двумя детьми все время остается там, а я бываю в семье несколько зимних месяцев, когда на Амуре прекращается навигация.

— Для моряка жена то же самое, что якорь для корабля,— буркнул боцман и громко добавил: — Не печальтесь, будет и на нашей улице праздник. Рабочие везде бунтуют, а моряки им помогают. Команда броненосца «Потемкин» в Одессе уже показала свои коготки.

— Во всяком случае, вы не оставили мысли завладеть судном. Ведь вы командуете «Сунгачом»,— вмешался Вильмовский, желая изменить щекотливую тему беседы.

Капитан Некрасов улыбнулся и сказал:

— Может быть, вас заинтересует то, что этот буксир принадлежит нескольким полякам, проживающим в Маньчжурии, в Харбине¹. Они принимали участие в изысканиях, начатых Россией перед постройкой нынешней Китайско-Восточной железной дороги, которая соединяет Читу с Владивостоком. Я тоже некоторое время работал на строительстве этой дороги, тогда и познакомился с моими теперешними компаньонами.

— Это и в самом деле приятное для нас стечение обстоятельств,— признал Вильмовский.— Я был знаком с первым вице-председателем Китайско-Восточной железной дороги инженером Станиславом Кер-

¹ Харбин — центр северо-восточной провинции Китая Хэйлунцзян. Насчитывает 1,5 млн. жителей. Советское правительство передало Харбин вместе с Китайско-Восточной железной дорогой китайскому народу. Участок этой дороги, протяженностью 1500 км, проходит от станции Маньчжурия до станции Пограничная. Кроме того, из Мукдена в Порт-Артур идет ответвление длиной 1000 км.

бедзем. Это очень способный инженер. Он, например, построил первый железный мост на Неве в Петербурге и на Висле в Варшаве, который так и называют мостом Кербедзя.

— Мне приходилось слышать о Кербедзе, но лично я с ним не знаком. Встречался я с инженером Адамом Шидловским, под руководством которого в 1898 году выбирали место под строительство Харбина. Теперь там уже довольно крупный город. Большинство поляков, осевших в Маньчжурии, живет именно там.

— Из этого можно заключить, что поляки немало потрудились на строительстве этой дороги,— приятно удивился боцман.

— Кроме того, поляки принимали значительное участие в исследованиях многих недоступных уголков Сибири,— вмешался Томек.— Они оставили здесь о себе хорошую память!

В этот момент где-то в глубине судна раздались глухие удары и резкий крик.

— Что такое? Что там случилось? — встревожился Смуга.

— Черт возьми, кто-то зовет на помощь! — добавил боцман.

— Иван, Иван! Пойди сюда на минутку! — крикнул капитан, не вставая с места.

Матрос появился на пороге.

— Ты что сделал с этим выпившим господином? — небрежно спросил Некрасов.

— То, что вы приказали,— добродушно ответил Иван.— Я его запер, чтобы он выспался и не мешал. Видать, отрезвел уже, потому что кричит...

— А куда ты его запер? — спокойно спросил Некрасов.

— В карцер, в других местах двери без замков.

Некрасов расхохотался.

— Выпусти его сейчас же! — приказал он.— Видимо, его разбудили крысы. Еще съедят его и тогда мы хлопот не оберемся!

— Слушаюсь, господин капитан, сейчас освобожу,— ответил матрос.

Боцман повеселел и крикнул:

— Послушай, Иван, спешить особенно нечего. Двери в карцер, наверно, заело!

— Так точно, заело,— согласился Иван.

— Раз так, то выпей стаканчик рома,— предложил боцман.

VII В ЛОВУШКЕ

На рассвете «Сунгач» отправился в дальнейший путь. Буксир уже прошел на траверсе китайского городка Айгуня, расположенного на правом берегу Амура, и теперь проходил около Хэйхэ¹, от которого до Благовещенска, построенного на противоположном берегу в 1856 году, оставалось всего лишь несколько километров.

После ночной беседы звероловы отдыхали на палубе одной из барж. Они с интересом смотрели вправо, потому что мутнеющая вода свидетельствовала о том, что они приближаются к месту, где Зея впадает в Амур. Как раз где-то здесь русский землепроходец, казак Поярков, вышел на берег Амура, который в те времена был известен в России только лишь по рассказам. Вильмовский, будучи прекрасным географом, напомнил друзьям об этом событии, которое произошло около двухсот пятидесяти лет тому назад; между путешественниками возникла интересная беседа на тему истории русских открытий в Восточной Сибири.

Амуром русские впервые заинтересовались в 1636 году. Спустя три года, они начали исследование долины Витима к востоку от Байкала, потом предприняли попытку найти дорогу к Амуру. По приказу иркутского воеводы, из Якутска на юго-восток направилась крупная экспедиция. Плохая организация ее привела к значительным потерям. Только часть казаков под командованием Пояркова дошла до реки Алдан и по ней до Станового Хребта, где обнаружила истоки Зеи. По Зее казаки дошли до берегов Амура. Вниз по Амуру экспедиция добралась до Охотского моря и вдоль его берегов пришла к городу Охотску.

¹ Хэйхэ — китайский город, расположенный в 14 км к северу от Айгуня.

Поощренные открытием Пояркова, его последователи нашли более удобную дорогу вдоль рек Олекмы и Урюма. В 1649—1651 годах в главе небольшого отряда к Нижнему Амуру прошел Ерофей Павлович Хабаров.

Хабаров во многих местах построил остроги и посадил в них гарнизоны казаков. Живописные места в районе устья Уссури восхитили Хабарова. Сихотэ-Алинский хребет, простирающийся в Уссурийском крае с юга на север и отделяющий морское побережье от бассейна реки Уссури, постепенно снижался к западу и подходил непосредственно к месту впадения Уссури в Амур. Возвышенность террасами опускалась к берегам рек и с нее открывался великолепный вид на просторные поймы. Двести лет спустя, Муравьев-Амурский построил на этом месте поселок Хабаровку, который потом стал городом Хабаровском в честь знаменитого землепроходца.

Русские поселенцы на Амуре встретились с сопротивлением маньчжур, завоевавших к тому времени весь Китай. В 1689 году был заключен Нерчинский договор, по которому были установлены границы между Китаем и Россией.

Губернатор Восточной Сибири, упомянутый уже Николай Муравьев-Амурский, основал также город Благовещенск. По Айгунскому договору, в 1858 году была установлена окончательная граница, по которой ничейный тогда Уссурийский край был закреплен за Россией. Дело в том, что в 1854 году Крымская война вызвала необходимость быстрого снабжения продовольствием и амуницией русского Тихоокеанского флота. Самый удобный и дешевый путь вел по Амуру. Муравьев, желая быстрее заселить Приамурье, даже вмешивался в семейную жизнь казаков и ссыльных, силой заставляя их жениться.

Вильмовский закончил свой рассказ. Томек подмигнул боцману и, смеясь, воскликнул:

— Жаль, что вас тогда здесь не было! Тогда вы уже давно были бы женаты!

— У тебя только женитьба на уме,— оборвал его моряк.— Мне женитьба нисколько не нужна, а вот ты, хотя у тебя еще под носом молоко не обсохло, вероятно, скоро пригласишь меня на свадьбу! Попадешь Салли под каблучок и сразу станешь покорным, как теленок!

— Вы так считаете?! — ответил обиженный Томек.— Вот я скажу Салли, что вы о ней говорите.

— Салли решит, что я прав! Она же умница-девушка! Она как-то очень обрадовалась, когда я сказал, что в старости буду нянчить ваших детей.

— Ох, не поздоровилось бы им от этого! — расхохотался Томек.— Таким нежным ручкам можно, пожалуй, доверить воспитание медвежат, да и то надо позаботиться об особой осторожности, чтобы вы не помяли им бока.

Боцман принял эти слова как комплимент. Он засмеялся и с удовольствием посмотрел на свои огромные суковатые руки.

— Ну, что ж, мои старики постарались наделить меня силой,— сказал он минуту спустя.— Но не печалься, браток, к старости я, конечно, ослабею и, кроме того, из любви к тебе и Салли буду осторожным.

Таким образом, ведя серьезную беседу об открытии Приамурья и обмениваясь шутивными замечаниями, звероловы и не заметили, как перед ними, там, где Зeya впадает в Амур, появился Благовещенск, город, выросший на месте прежней Усть-Зейской станции.

В это время сыщик Павлов, крадучись, появился на палубе. Он был одет в черный сюртук, на голову надел черный котелок. Колки, или жесткие шляпы с приподнятыми вверх краями, тогда часто носили агенты охраны.

— Посмотрите только, как сегодня разodelся наш ангел-хранитель,— вполголоса заметил боцман.— В этом черном одеянии, с котелком на голове, он похож на трубочиста или гробовщика.

— Скорее, на гробовщика! Вид его никому не приносит счастья,— добавил Томек.— В Благовещенске он наверняка сразу же побежит к исправнику, чтобы вручить ему рапорт.

— Ты прав, ему представится великолепный случай отплатить нам за карцер той же монетой,— с неохотой сказал Смуга.— Лишь бы он там не наболтал лишнего.

— Мрачное выражение лица сыщика не предвещает нам ничего хорошего,— добавил Вильмовский.— Будем надеяться, что рекомендательные письма к гу-

бернатору позволят властям не обращать внимания на доносы Павлова.

— Сто бочек испорченного китового жира вам в зубы, перестаньте вы каркать, как зловещие вороны! — обозлился боцман. — Не делайте из мухи слона! Он мрачен, потому что после вчерашней выпивки у него все внутренности огнем горят. Чего же ему жаловаться? Ведь мы угостили его как следует!

— Вы, вероятно, забыли о карцере и о крысах, — возразил Смуга. — Это неразумно забавляться спичками, сидя на бочке с порохом.

— Не я это предложил, — защищался боцман. — А Некрасов так ничего о нас и не знает!

Они прервали беседу. «Сунгач» освободил баржи, чтобы взять их на буксир сбоку. Ловко сманеврировав, пароход направился прямо к пристани.

В порту на якорях стояло несколько барж, а у самой пристани готовился к отплытию почтово-пассажирский пароход, который уже повернулся носом к середине реки.

Некрасов подвел «Сунгач» к берегу. Как только матросы выбросили на берег трап, Павлов подошел к путешественникам и сообщил, что направляется по начальству.

— А вы вернетесь на пароход к обеду? — любезно спросил Вильмовский.

— Нет, я предпочитаю пообедать в городе, — резко ответил агент и добавил: — Только не забудьте, господа, явиться к здешнему приставу. Надо было бы вам также нанести визит его превосходительству губернатору. По всей вероятности, мы встретимся в полицейском управлении.

— Спасибо за совет, мы, конечно, там с вами встретимся, — ответил Вильмовский. — Я надеюсь, что при вашей помощи нам удастся быстро оформить разрешение.

— Ну, конечно! Ведь вы все время находитесь под моей опекой, — сказал Павлов, сияясь улыбнуться. Он приподнял котелок и исчез на берегу.

После полудня четверо охотников и Удаджалак направились в полицейское управление, чтобы сообщить о своем прибытии в Благовещенск и получить согласие на охоту в верховьях реки.

Город Благовещенск состоял из нескольких сотен

одноэтажных деревянных домиков. Над ними возвышался блестящий на солнце купол собора. На немощеных улицах царило оживленное движение. Жители Благовещенска вели бойкую торговлю с китайцами и маньчжурами, приезжавшими с того берега реки, главным образом из Айгуня. Любой уважающий себя китайский купец считал своим долгом, по крайней мере, раз в месяц приехать в Благовещенск. Торговля прекращалась только в начале зимы, во время ледостава и весной. Зимой китайцы и маньчжуры толпами прибывали в Благовещенск, ставили на улицах города переносные ларьки и продавали в них муку, крупу, водку и привозимые с юга Маньчжурии орехи и яблоки.

Зимой Благовещенск становился крупным торговым центром. Буряты, эвенки, ханты и якуты на санных, на собаках и оленях приезжали сюда из самых отдаленных уголков тайги, чтобы выменять собольи, лисьи или беличьи шкуры на мешок муки, крупы, фунт табаку или бутылку водки. Для купцов это была очень выгодная торговля, так как наивные жители тайги часто не знали настоящей стоимости мехов.

Становой пристав принял охотников чрезвычайно любезно. Увидев гостей, он встал из-за стола, пожал им руки, угостил чаем с ромом.

— Господин Павлов предупредил меня о вашем визите. Я ожидал вас, господа, с нетерпением,— говорил пристав, потирая руки.— От Павлова я много слышал интересного... По-видимому, это вы, господин Броль, укротитель животных?

Говоря это, пристав повернулся лицом к боцману.

«Ага, Павлов уже наболтал здесь на меня»,— подумал моряк, но, не выдавая своего смущения, спокойно ответил:

— Да, это моя фамилия.

— Господин Павлов очень вас хвалил! — воскликнул пристав. Он мне посоветовал подать к чаю ром...

— Совершенно верно, я люблю ром, это настоящий мужской напиток,— согласился боцман.

— Знаю об этом, знаю также, что вы с уважением относитесь к его величеству императору и всей царской фамилии. Прекрасно, прекрасно. За ваше здоровье!

Прищурив глаза, боцман пытался угадать по выра-

жению лица полицейского, что он в самом деле знает о нем, но так ничего и не понял. Пристав вежливо улыбался, говорил комплименты.

Только через полчаса непринужденной беседы он спросил, куда хотели бы направиться звероловы и долго ли они намерены там находиться. Получив соответствующие разъяснения, он сказал:

— Не вижу препятствий. Мне остается только пожелать вам удачной охоты. Будьте любезны, передать мне ваши паспорта.

Довольные таким оборотом дела, охотники вручили приставу свои документы. Тот мельком взглянул на них, а потом небрежным движением бросил их в ящик стола.

— Все в порядке, завтра я доложу вашу просьбу исправнику.

— Как так, вы задерживаете наши паспорта? — удивился Смуга.

— Его благородие господин исправник с их превосходительством господином губернатором выехали из города. Поэтому я только утром смогу доложить им ваш вопрос. Впрочем, это простая формальность.

— А можем ли мы без всяких документов ходить по городу, — спросил Вильмовский.

— Ведь с вами находится господин Павлов. Вы можете вполне положиться на него, это очень способный человек, — двусмысленно ответил инспектор.

— Мы хотели бы нанести официальный визит господину губернатору... — начал было Смуга, но пристав улыбнулся и перебил его:

— Знаю об этом, знаю, и уже испросил у его превосходительства для вас аудиенцию. Он примет вас лично, завтра в одиннадцать часов.

— Мы вам чрезвычайно благодарны за вашу любезность. Скажите, когда мы сможем получить свои паспорта? — спросил Смуга.

— Безусловно, еще до вашего отъезда из Благовещенска, — ответил пристав. — А сегодня вы будете моими гостями. Я хотел бы показать вам достопримечательности нашего города. Разрешите пригласить вас на ужин в китайский ресторан Чанг Сена. Поскольку из-за отсутствия господина исправника мне придется заняться еще несколькими срочными делами, вечером меня заменит господин Павлов. Мы уже условились с

ним. А теперь разрешите попрощаться с вами. Желая приятно провести вечер.

Охотники поблагодарили пристава за приглашение и вышли на улицу.

— Вот змея! — взорвался боцман.— Сам вроде до земли кланяется, хвалит, приглашает на ужин, а одновременно отбирает паспорта...

— Интересно, что наболтал ему о нас Павлов,— спросил Томек.— Может быть, он рассказал о карцере и крысах...

— Не думаю, хотя мне казалось, что в тоне пристава слышалась нотка злорадства, когда он говорил о мнимом уважении боцмана к царской фамилии,— заметил Смуга.

— У меня тоже создалось такое впечатление,— добавил Вильмовский.

— Жаль, что нам не удалось избежать этого приглашения на ужин.

— Действительно, у китайцев чрезвычайно странные вкусы. Я до сих пор помню, как в Хотане знакомый пандита Давасармана потчевал нас засахаренными пивяками,— сказал боцман.

Путешественники вернулись на «Сунгач» в неважном настроении. На палубе они встретили Некрасова. Оказалось, что Павлова еще нет на буксире, поэтому, воспользовавшись случаем, путешественники пошли в капитанскую каюту на чай, Некрасов с большим интересом выслушал их сообщение о визите у пристава. В задумчивости он медленно пил чай с араком.

— Интересно, зачем он пригласил вас в этот китайский притон? — в конце концов сказал он.

— А вы знаете ресторан Чанг Сена? — любопытствовал Вильмовский.

— Конечно, знаю,— ответил капитан.— В этом ресторане находится тайная курильня опиума.

— Я полагаю, что в обществе полицейского агента с нами там ничего не случится,— сказал Томек.

— Возможно, вы и правы. Во всяком случае, пойти туда надо, раз вы приняли приглашение,— закончил Некрасов.

Перед самым закатом солнца на буксир прибежал запыхавшийся Павлов. От имени пристава он пригласил Некрасова на ужин в ресторан Чанг Сена. Капитан поблагодарил за приглашение и согласился. Охот-

ники добыли из вьюков соответствующую одежду. Не прошло и часа, как они в обществе Павлова и Некрасова оставили пароход.

Ресторан Чанг Сена занимал обширное помещение в двухэтажном доме. Над входом в ресторан, по обеим сторонам узкой двери, висели цветные китайские фонари из бумаги с горящими внутри свечами. На первом этаже за небольшим гардеробом находились два обширных зала, разделенных занавесью из разноцветных стеклянных бус, нанизанных на шнурки. С низкого деревянного потолка свисали лампы, бросающие мигающий свет на цветные китайские картины, которыми были увешаны стены. Вдоль стен обоих залов находились уютные ложи со столами и мягкими стульями.

Навстречу прибывшим гостям выбежали два китайца.

Низко кланяясь, они ввели путешественников во второй зал, где у столиков сидели гости. Играя роль хозяина дома, Павлов попросил путешественников усесться в заказанной заранее ложе и попытался развлекать их беседой о важнейших событиях, волновавших город.

Некрасов уселся в глубине ложи, откуда, сам будучи незаметным, превосходно мог видеть весь зал. Томек сел рядом с боцманом; с большим удовольствием он убедился, что стол сервирован по-европейски, застлан чистой, снежно-белой скатертью. О том, что ресторан китайский, можно было судить только по лежащим на подносе длинным палочкам из слоновой кости, которые заменяют в Китае вилки. Обслуживание гостей в ресторане Чанг Сена было поставлено великолепно. Не успели наши путешественники сесть за стол, как перед ними появились холодные закуски: заливное из мяса, грибы, салат из лука и овощей, маринованные березовые почки, ветчина, нарезанная тонкими полосками, яйца цвета сафьяна, жареные раковые шейки, светло-зеленая морская трава. Все эти блюда надо было поливать острым соусом темно-коричневого цвета, который подавался в маленьких рюмках к каждому прибору. Рядом со столом находилась жаровня с медным тазом, наполненным раскаленными углями; на углях подогревалось ведро с водой, в которой стояли серебряные жбаны с китай-

ской рисовой водкой. В эту водку для аромата примешивали розовое масло. Официант наполнял маленькие фарфоровые чашечки горячей водкой после каждой перемены блюд.

Примерно через час, закуска была убрана со стола. Пришла очередь горячих блюд. Сначала были поданы: телятина, запеченная в тесте, потом пельмени, пирожки и вареная птица в густом белом соусе, в котором плавали почерневшие от варки улитки.

Увидев это лакомство, Томек толкнул боцмана ногой под столом. Плавающие в соусе улитки напоминали жареных червей. К счастью, чашка крепкой водки облегчила нашим путешественникам соблюдение китайского обычая, который требовал, чтобы гость обязательно попробовал хоть немного от каждого блюда. На столе появлялись все новые и новые блюда. После жареного поросенка на стол поставили шашлыки, потом курятину, порезанную на полоски, бульон, вареный рис, макароны, куриные головки с шейками и различные виды супов. Томек уже давно перестал считать количество подаваемых блюд. А боцман, который неизменно пользовался хорошим аппетитом, вздохнул и незаметно расстегнул пояс. Обед из горячих блюд тянулся около трех часов. Официанты вновь убрали посуду и вынесли треногу со жбанами водки. Теперь на столе появились засахаренные фрукты, сладкие пироги, пирожные, орехи, оригинальный на вкус, горьковато-вяжущий, зеленый китайский чай и белое, игристое вино. Это означало, что обед подходит к концу.

Как раз в это время, к находившемуся навеселе Павлову, подошел мужчина, одетый в темное по фигуре пальто и с котелком в руках. Он стал что-то шептать Павлову на ухо. Веселое выражение лица у Павлова, как рукой сняло. Он внимательно выслушал краткое сообщение своего сотрудника и кивнул головой. Мужчина быстро ушел, а Павлов встал, говоря:

— Мне очень неприятно, но я вынужден оставить вас на несколько минут. Мне сообщили, что исправник вернулся в город, но завтра опять уезжает. Он ведет срочное следствие. Мне необходимо воспользоваться его присутствием в городе, чтобы оформить наши дела. Одновременно, я узнаю, не будет ли изменен срок вашей аудиенции у его превосходительства.

— Я думаю, что уже пора вообще окончить нашу приятную встречу,— заметил Вильмовский.

— Боже сохрани! Что вы? Мое отсутствие долго не продлится, я сейчас же вернусь. А после возвращения я вам покажу самый интересный уголок этого ресторана,— возразил Павлов.— В углу зала, за портьерой скрыта крутая лестница. Были ли вы когда-нибудь в курильне опиума?

— Я не знал, что здесь разрешено содержать такие курильни,— удивился боцман.

— Что вы, господин Броль! — возразил Павлов, подмигивая боцману.— Курильня доступна только для посвященных!

Все рассмеялись, услышав такое объяснение полицейского.

— Ну, раз так обстоят дела, мы подождем,— сказал Смуга.— Мне уже приходилось несколько раз видеть курильни опиума, но для моих друзей это будет новость.

— Прекрасно! Будьте любезные, не стесняйтесь, кушайте! Я постараюсь скоро вернуться.

Павлов обошел стоявшие в углу зала столики и исчез в гардеробе.

— Интересно, что он еще там надумал? — спросил капитан Некрасов.

— Вы что, не верите в возвращение исправника? — обратился к нему боцман.

Некрасов пожал плечами.

— Кто его знает? Меня с самого начала удивляет то, что пристав вообще пригласил вас в этот притон. Я пытаюсь разгадать, зачем это ему нужно?

— Не слишком ли много загадок? По-моему, все тайные агенты любят поужинать на государственный счет.

— Во всяком случае скучать нам не придется, прибывают новые гости,— заметил Смуга.

Действительно, в зале появилась группа мужчин. Они остановились на пороге, с любопытством оглядывая зал.

— Что за оригинальные типы! — вполголоса воскликнул Томек.

Задиристый, как всегда, боцман выглянул из ложи и пробурчал:

— Действительно, ничего себе гости! Выглядят они как черти, переодетые в ангельские одежды!

Удачное определение вызвало общий смех. Бородастые лица с резкими чертами и поведение прибывших гостей представляли резкий контраст с довольно приличной одеждой, которую они носили. Они смущенно переминались с ноги на ногу, пока, наконец, один из них, человек высокого роста, направился в соседнюю ложу, расположенную рядом с ложей охотников. Посетители, стуча сапогами, шумно расставляли табуретки вокруг стола. От официанта потребовали водки.

Некрасов незаметно стал изучать глазами странных соседей. Его лоб прорезала морщина, как будто он пытался что-то вспомнить. Китайский официант, который как раз принес новую бутылку шампанского и стал наливать бокалы, вдруг украдкой подал Некрасову записочку, свернутую в трубку. Капитан прочел записку. Смял ее, бросил в пепельницу и поджег спичкой. Это заметил только Вильмовский, потому что остальные с интересом слушали анекдот, который рассказывал боцман. Вильмовский хотел спросить Некрасова в чем дело, как вдруг один из гостей, сидевших в соседней ложе, быстро встал со своего места и бесцеремонно вошел в ложу путешественников.

Это был необыкновенно высокий человек. Теперь, когда он стоял близко, бросалось в глаза, что одежда на нем была как будто с чужого плеча. Пиджак с трудом закрывал его широкую, выпуклую грудь, с волосами, видневшимися из-под расстегнутого ворота грязной рубашки. Татуаж на груди изображал птицу. Короткие и тесные рукава пиджака не могли вместить необыкновенно развитые мускулы, короткие штаны еле достигали щиколотки. Одним словом, гость выглядел, как ряженный на масленицу, но, несмотря на это, мрачное выражение лица могло возбудить страх у любого человека. На давно небритой щеке посетителя виднелся широкий шрам, ведущий от левого уха через обе губы до конца подбородка. Из-под широких бровей глядели светлые, безжалостные глаза, хищные и агрессивные. Мужчина подошел к столу и оперся о него обеими руками.

Звероловы прервали беседу; в зале воцарилась тревожная тишина. Все посетители смотрели по направлению к ложе, где высокий человек по очереди всматривался в лица сидевших, словно искал кого-нибудь из знакомых. Удивленные звероловы смотрели на не-

го. Только один капитан Некрасов сидел в задумчивости, низко опустив голову на грудь. Взгляд мужчины остановился на боцмане Новицком. Он долго приглядывался к нему.

— Ты меня помнишь? — сказал он, наконец, хриплым голосом.— Долго я тебя искал, ты, царский шпион! Наконец-то мы встретились!

Боцман поднял голову. Мрачный взгляд незнакомого мужчины не произвел на него никакого впечатления.

— Если кто-нибудь хочет получить по голове, то получит,— спокойно ответил он.— Однако, если говорить правду, то я вас не знаю! Вы ошиблись!

— Ничего подобного, я ничего не забыл! По твоей милости мне всыпали двадцать пять горячих,— проворчал великан.— Я тебе за это отплачу!

Он подскочил к боцману, подсовывая ему под нос огромный, волосатый кулак. Боцман вытер губы салфеткой. Спокойно поднялся, вышел из-за стола. С удовольствием оглядел великана, который по крайней мере на полголовы был выше боцмана.

— Я тебя совсем не знаю, отстань от меня! — спокойно сказал боцман.

— Ах, не знаешь, так сейчас узнаешь! — воскликнул забияка.

Ловким движением он ударил боцмана в подбородок. От удара голова боцмана отпрянула назад, он отступил на шаг и тяжело упал на одно колено. Однако сразу же пришел в себя, словно его окатили водой, и встал. Забияка замахнулся на него вторично, но на этот раз опытный в кулачных боях боцман сумел избежать удара по голове, а наоборот, сам правым кулаком ударил противника в желудок, а левым в подбородок. Ошеломленный забияка закачался, но боцман схватил его за одежду в талии, приподнял выше своей головы, закружился на месте и с размаху бросил противника на пол. Под аккомпанемент криков испуганных товарищей и звона бьющегося стекла забияка неподвижно растянулся на полу, широко разбросав руки.

Посетители ресторана вскочили со своих мест и прижались к стенам. Звероловы тоже встали, потому что из соседней ложи слышался звук отодвигаемых стульев. В зал выскочили несколько человек и стали в

нерешительности глядеть то на боцмана, то на лежащего на полу своего предводителя.

Спустя некоторое время, забияка тяжело сел на пол. Волосатая рука потянулась к карману и в зажатом кулаке блеснуло лезвие ножа. Увидев это, остальные авантюристы тоже достали оружие. Они пригнулись, словно готовясь прыгнуть на противников, держа в руках кастеты, штыки и ножи.

Томек, Смуга и Удаджалак сразу же стали рядом с боцманом. Вильмовский уже подходил к бандитам, желая предупредить их атаку, но капитан Некрасов взял его за руку. Прищуриль глаза, он смотрел на обнаженную грудь бандита, поднимавшегося с пола. На груди было вытатуировано изображение кукушки с распростертыми крыльями. Некрасов вспомнил этого человека.

— Успокойте друзей, это ловушка,— шепнул он Вильмовскому, а сам вышел из-за стола; остановился между боцманом и группой бандитов. Слегка наклонившись вперед, боцман уже сделал шаг по направлению к противникам, но в этот момент Вильмовский очутился рядом с ним:

— Подожди, это провокация,— прошипел он.

Боцман остановился как вкопанный. Он внимательно следил за каждым движением противников, готовый защищаться.

Тем временем Некрасов подошел к великану.

— Эй, Василий, не узнаешь меня? — спросил он. — Тебе что, надоело жить, «генерал кукушка»?

Великан уже стоял на ногах, держа в руках открытый нож. Наклонив голову, бандит налитыми кровью глазами всматривался в Некрасова.

— Вспомни-ка, кого ты называл своим отцом-благодетелем? — еще тише сказал капитан.

Бандит сделал несколько медленных шагов к капитану. Острием ножа коснулся его груди. На мрачном, грозном лице великана отразилось сначала сомнение, потом крайнее изумление.

— Так это же ты... батюшка Некрасов,— в смущении прошептал он.

Вдруг он бросил нож на пол. С необыкновенным волнением стал целовать капитану руку.

— Прости мне, батюшка, ей-Богу не узнал... столько лет... — взволнованно говорил он.

Капитан обнял его и тихо спросил:

— Ты почему задирался, Василий?

— Я опять в тюрьме, батюшка. Подговорили нас, выпустили на эту ночь, одели, дали оружие... обещали наградить.

— Кто вас подговорил? — продолжал спрашивать Некрасов.

— Пристав, батюшка, только никому не говори об этом...

— Послушай, Василий, это мои друзья, а ты ведь, пожалуй, не ищешь со мной ссоры?!

— Скорее отгрызу себе руку!

— Спасибо, Василий! Полиция оцепила дом. Когда они должны были войти?

— Когда услышат выстрелы! Вы останьтесь, может быть нам удастся бежать в лес! До свиданья, батюшка!

Василий поднял нож, сложил его, спрятал в карман. Посмотрел на своих сообщников через плечо.

— За генералом кукушкой марш! — приказал он.

Видимо, он пользовался авторитетом у друзей, потому что те, не говоря ни слова, спрятали оружие. Побежали к завесе в углу зала. Послышался топот ног по ступеням лестницы, потом где-то хлопнула дверь, в глубине здания послышался чей-то сдавленный крик, и все затихло. Официанты мигом убрали помещение. Гости, как ни в чем ни бывало опять уселись за столики.

Звероловы вопросительно смотрели на Некрасова. Тот сначала налил всем по стакану шампанского, а потом коротко пояснил:

— Полиция подговорила варнаков¹ напасть на нас. Полиция оцепила дом и намерена арестовать нас после того, как послышатся выстрелы. Пристав был уверен, что, защищаясь от нападения, мы станем стрелять и нас схватят. Конечно, потом дело выяснилось бы и, если полиция не нашла бы ничего предосудительного, нас отпустили бы с извинениями.

— Зачем полиции такая провокация, — недоверчиво спросил Томек.

— Это работа подлеца Павлова, — вмешался боцман.

— Конечно, теперь у нас явное доказательство того, что Павлов подозревает вас в чем-то, — сказал Некрасов. — Дело в том, что здешняя полиция не хочет рис-

¹ Варнаками в Сибири называли беглых каторжников.

ковать, арестуя ни в чем не повинных иностранцев. Ведь это может повлечь за собой дипломатические осложнения. Поэтому они подготовили нам ловушку и только благодаря случайности нам удалось ее избежать.

— Это мы вас должны благодарить,— сказал Смуга.

— Откуда вы знаете этого человека?

— Ваську? Это варнак, с которым я сидел в Карийском остроге. Он ежегодно убегал из заключения, чтобы побродить по тайге. Один раз я ему помог снять кандалы. Отдал ему свою порцию продуктов. С тех пор он всегда считал меня своим благодетелем.

— Как видно, это довольно опасный человек,— заметил Смуга.

— Конечно, у него немало на совести дел,— согласился Некрасов.— Но я никак не подозревал, что господин Броль обладает такой нечеловеческой силой. Среди варнаков Васька считается отменным силачом. Думаю, что сегодня он впервые был побежден.

— Ничего себе парень,— признал боцман.— Но о каком генерале кукушке вы вспоминали этому бандиту? Неужели это пароль?

— Что вы? Дело в том, что варнаки бегут из тюрьмы весной, когда в тайге можно найти ягоды и съедобные коренья. Как раз в это время прилетают с юга кукушки. Поэтому варнаки считают эту птицу своим «генералом». Голос кукушки стал для них сигналом к бегству.

— А как вы догадались, что полиция устроила засаду на нас? — спросил Томек.

— Среди официантов ресторана у меня есть хороший знакомый. Когда варнаки вошли в ресторан, он мне сообщил, что полиция оцепила дом,— ответил Некрасов.

— Ах, это он подал вам записочку, которую вы сразу же сожгли,— вмешался Вильмовский.

— Вот именно. Я считаю, что всякого рода вещественные доказательства надо сразу уничтожать. Ведь я пользуюсь у полиции плохой репутацией.

— Внимание, на горизонте показался Павлов! — предупредил боцман.

Агент быстро подошел к столику. С трудом скрывая волнение, он сказал:

— Мне очень неприятно, что я вас оставил одних на столь длительный срок, но что поделать, служба не дружба! К сожалению, я больше не могу оставаться с

вами. Вечером из тюрьмы бежали арестанты... несколько человек. Сии вооружены, это опасные рецидивисты! Меня просили помочь в их преследовании...

— Как это можно, чтобы из тюрьмы бежали вооруженные преступники?! — притворяясь наивным, спросил боцман.

Злой на собственную неловкость, агент гневно посмотрел на моряка и, заикаясь, ответил:

— Оружие, видимо, они достали после бегства... Исправник опасался, чтобы вас не постигла какая-либо неприятность с их стороны и приказал мне предупредить...

— Вы немного опоздали, — перебил его Смуга. — Здесь были какие-то темные личности, пытались даже учинить скандал, но мы их попотчевали как следует.

— Договорились ли вы с исправником? — спросил Вильмовский.

— А как же, завтра утром он вас примет, — поспешно ответил Павлов.

— Как так, значит, он не уезжает? — с иронией заметил Томек.

— Нет, он изменил свои планы. Завтра утром мы вместе пойдем к исправнику, а потом к его превосходительству, господину губернатору, — заявил Павлов и тут же вышел.

VIII

ФУ ЧАУ

Странное положение, в котором очутились наши путешественники после нападения на них в ресторане Чанг Сена нисколько не изменилось и на следующий день. Павлов с самого утра появился на пароходе и был чрезвычайно вежлив и услужлив. Вместе с Павловым путешественники пошли к исправнику, который вернул им паспорта, разрешил охотиться на территории всей подчиненной ему области и приказал агенту оказывать экспедиции всяческую помощь.

Через час путешественники явились с визитом к вице-губернатору. Он принял их на своей частной квартире в присутствии трех адъютантов. Вице-губернатор расспрашивал об охоте, пожелал успеха и заве-

рил, что напавшие на них хулиганы будут пойманы и примерно наказаны.

Звероловы вернулись на «Сунгач» в отличном настроении. Было совершенно ясно, что полиция, после неудачной провокации, пыталась мнимой вежливостью затушевать дело и собственную неосторожность.

Сразу же после обеда «Сунгач» отчалил от пристани в Благовещенске и направился вверх по реке. По обоим берегам Амура, покрытым зарослями тальника и вербы, виднелись вдали вершины гор. Чтобы улучшить состояние лугов, туземцы часто поджигали осенью траву на пастбищах. Поэтому то тут, то там виднелись сполохи от многочисленных палов.

По мере продвижения «Сунгача» на запад, изменялся вид берегов Амура. Горные хребты придвинулись к самой реке, пойма ее сузилась, в лесах стали преобладать лиственницы, сосны и березы, белые и даурские.

На четвертый день путешествия, перед рассветом, Смуга обратился к капитану Некрасову с просьбой подойти поближе к левому берегу реки, чтобы выбрать место для высадки. По расчетам Вильмовского, они находились примерно на расстоянии двухсот пятидесяти километров к западу от Благовещенска. Отсюда было не больше ста пятидесяти километров до Рухлова, конечного пункта железнодорожной линии, по которой можно было доехать до Нерчинска.

Ничего не подозревая относительно истинных намерений звероловов, Павлов похвалил выбор места будущей охоты.

— Я, конечно, не очень большой знаток, но мне приходилось не раз слышать, что здешние места рай для охотников,— льстиво говорил он.— В свое время здесь охотился знаменитый наш путешественник и великолепный стрелок, его превосходительство Николай Михайлович Пржевальский¹.

¹ Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888) — генерал-майор один из самых выдающихся русских исследователей Азии. В 1868—1869 гг. совершил поездку по Уссурийскому краю между нижним течением Амура и берегами Японского моря. В 1870 г. и позже возглавил четыре экспедиции для исследования северной части Средней Азии, начало которым было положено Семеновым-Тянь-Шанским. Более подробные данные об этих путешественниках читатель может найти в книге «Томек ищет Снежного Человека».

— Несколько лет после него здесь же охотился польский ссыльный Бенедикт Дыбовский, который исследовал пути следования перелетных птиц,— вмешался Томек.— Вы, пожалуй, слышали и о нем?!

— А как же, слышал,— согласился агент и сразу же добавил: — Этот бывший каторжник был помилован по высочайшему повелению его величества. Вот вам, господа, лучшее доказательство, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадают!

— Говорите уж лучше об охоте,— перебил его обозленный боцман.

— Как я уже сказал, жаловаться на отсутствие дичи вы не будете,— миролюбиво продолжал агент.— Кроме того, здесь легко найти китайцев, которые охотно покажут богатые дичью места на противоположном берегу реки. Такое удовольствие требует большого риска.

— Почему же, если можно спросить? — полюбопытствовал боцман.

— Там легко встретиться с хунхузами¹,— ответил Павлов.

— А это еще что за черти, скажите, пожалуйста? — спросил моряк.

— Китайские бандиты! Буквально за копейку они могут подвергнуть человека ужасным пыткам или даже убить. Еще и теперь они иногда проникают и на нашу сторону реки.

— Ого, видно, мы действительно выбрали себе хорошее место для охоты,— с иронией сказал боцман.

— Ничего не бойтесь! Я похвалил выбор места не только потому, что здесь много дичи,— успокоил боцмана Павлов.— Когда мы шли по реке, я заметил, что в нескольких верстах отсюда находится казацкая станица. Близость станицы удержит хунхузов подальше от этого места.

— Если так, то все в порядке, хотя, как вы сами убедились, нам не слишком легко плюнуть в кашу, когда мы соберемся вместе,— ответил боцман, подмигивая Томеку.

Во время этой беседы «Сунгач» стал готовиться к

¹ Хунхузы — (китайское хунхуцзы), то есть краснобородые, участники вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае, с середины XIX века до победы революции в Китае.

стоянке. Подцепив свои баржи с одного бока, он подходил к берегу. В конце концов, машины парохода остановились; крайняя баржа стояла почти у самого берега. Загremели цепи якорей.

Выгрузка имущества экспедиции продолжалась до самого вечера, поэтому капитан Некрасов решил отправиться в дальнейший путь на рассвете. По сравнению с ценой пассажирских билетов, вознаграждение, которое потребовал Некрасов, оказалось весьма скромным. Поэтому к сумме трехсот рублей, названной Некрасовым, Смуга по своей инициативе добавил сто рублей в качестве премии экипажу.

С восходом солнца звероловы проводили капитана на судно. Некрасов долго прощался с боцманом Новицким. В последний момент, когда моряк уже собирался сойти на берег, Некрасов задержал его и сказал:

— Ты, парень, мне нравишься, медведь ты такой! Прежде чем замерзнет Амур, я сделаю еще несколько рейсов вверх по реке. Если случайно вы пожелаете еще раз покататься со мной, выстрелите в воздух четыре раза подряд. Проходя мимо, я буду внимательно наблюдать за тем, что происходит на берегу...

— Прекрасно, я даже ночью узнаю эту старую кашу,— весело ответил боцман.— Вы мне тоже понравились!

Некрасов наклонился к уху боцмана и тихо добавил:

— Вы не очень доверяйте вежливости этой полицейской крысы. Правда, после идиотской провокации в Благовещенске он явно переменял фронт, но я готов держать пари, что он продолжает свои козни!

— Вы так считаете?

— Да, притом я не люблю, когда полиция вдруг становится чересчур любезной.

— Хорошо, я буду глядеть во все глаза!

Выбрасывая из трубы снопы светящихся искр, «Сунгач» тронулся в путь. А звероловы собрались на совет, чтобы распределить свои занятия. Решили, что сыновья Нучи займутся уходом за тиграми, лошадьми и будут приготавливать пищу; Смуга, Броль и Томек — будут охотиться; Броун и Удаджалак — станут набивать чучела животных и птиц; Павлов — возьмет на себя общее наблюдение за безопасностью лагеря.

Такое распределение ролей должно было облегчить

Смуте и его двум спутникам поездку в Нерчинск. При Павлове им надо было следить за каждым словом, а на охоте, вне лагеря, они могли свободно обсудить все детали предстоящей операции. Сразу же утром следующего дня Смуга повел свою группу вверх по берегу реки; там было множество птиц. За короткое время им удалось подстрелить несколько экземпляров, после чего они остановились отдохнуть рядом с пристанью, где кули заготавливали дрова для пароходов.

У них охотники купили свежейпойманного лосося; боцман сразу же очистил рыбу, разложил костер и стал печь ее куски на камнях. Тем временем Смуга и Томек беседовали с китайцами. Вскоре Смуга заметил, что один из них, подросток, которому не было еще и двадцати лет, прямо-таки не отрывает взгляд от штуцера с оптическим прицелом, который Смуга прислонил к дереву.

— Я вижу, тебе нравится мое ружье,— обратился Смуга к юноше.— Из этого штуцера легко можно попасть в цель, находящуюся на противоположном берегу реки. Вот, пожалуйста, посмотри!

С этими словами, Смуга прицелился из ружья. Юноша старался заглянуть в прицел. Прижмурил один глаз. Затаив дыхание, он смотрел на далекий горный хребет, видневшийся на противоположном берегу Амура.

— Ах, какое ружье,— шепнул он на русско-китайском жаргоне.— Если бы у нас было такое ружье, то мой старик отец охотился бы до сих пор, а хунхузы не отважились бы подойти к нашей фанзе¹.

— Разве бандиты часто на вас нападают? — спросил Смуга.

Китаец пугливо взглянул на путешественника и опустил голову.

— Теперь приходят реже... Им уже нечем поживиться, потому что мы лишены всего...— тихо ответил он.

По просьбе Томека, он рассказал печальную историю своей семьи.

Они жили на маньчжурском берегу Амура, в деревушке, расположенной у подножия гор, поросших густым лесом. Мать с помощью детей засекала неболь-

¹ Фанза — китайский дом.

шое поле, а отец охотился на антилоп, соболей, лисиц и белок. Отец был отважным охотником; он не боялся даже снежных барсов¹, которые зимой сходили с отдаленных возвышенностей Средней Азии. Однажды они заметили, что вблизи их дома обосновалась банда хунхузов. С тех пор бандиты стали нападать на деревушку и безжалостно грабить жителей. Хунхузы оставляли им лишь столько продуктов, чтобы они не умерли с голода.

— Однажды мой отец пошел проверить ловушки, поставленные на белок, а хунхузы как раз в это время появились в деревушке,— говорил юноша.— Они были взбешены поражением, которое потерпели в битве с казаками на русском берегу. Хунхузы забрали почти все продовольствие, и потребовали от жителей выделить десятерых молодых мужчин, которые должны были заменить убитых членов банды. Никто не хотел идти к ним и в отместку за это бандиты стали жечь фанзы и убивать жителей. В отчаянии крестьяне бросились на хунхузов. Только немногие из безоружных крестьян спасли свою жизнь.

Юноша замолчал. Потом продолжал еще тише:

— Мне было тогда всего семь лет... Я видел как хунхузы убивали мою мать, братьев и сестер... От ужаса я потерял сознание; благодаря этому мне удалось избежать смерти. Вернувшись домой, отец нашел меня в бессознательном состоянии. Он похоронил убитых рядом с фанзой. Теперь он уже не может охотиться, как прежде. От слез он почти потерял зрение. Мы живем на те деньги, которые я получаю при вырубке леса.

— А что произошло с хунхузами? Вы не пытались отомстить им? — взволнованно спросил Томек.

— Почти все мужчины погибли, и некому было мстить,— ответил китаец.— Потом пришла другая банда хунхузов, они передрались между собой. Одни уходят, другие приходят!

¹ Снежный барс, или ирбис (*Uncia uncia*) принадлежит к семейству кошачьих, достигает роста пантеры, но обитает в холодном климате. Родина ирбиса — горы Средней Азии, от Туркестана до Амура. В Гималаях чаще встречается по тибетской стороне, чем по индийской, где летом находится на большой высоте. Зимой сходит ниже 3000 м.

Юноша наклонился к Томеку и шепотом добавил:

— Я откладываю часть из каждой получки и когда зажигаю лампаду у домашнего алтаря, то всегда говорю матери, братьям и сестрам, сколько уже отложил на покупку винтовки...

— Много ли тебе еще не хватает? — спросил Смуга.

— Винтовка много стоит, а отцу нужна пища. Но через несколько лет я куплю винтовку!

— Ты парень, молодец, — похвалил Смуга. — А ты можешь выследить дичь?

— Конечно! Отец меня научил!

— Может быть, ты сможешь нам выследить снежного барса? — предложил он.

— Когда я несколько дней тому назад был дома, отец мне говорил, что вблизи бродит барс. Он похитил нашего поросенка.

— Хочешь ли помочь нам поймать его? — настаивал Смуга.

— Да, но вам придется пойти со мной на китайский берег. Мы живем вверх по реке на расстоянии суток пути.

— Послушай, парень, если ты выследишь для нас ирбиса, я дам тебе хорошую винтовку. Согласен?

Юноша недоверчиво посмотрел на путешественника.

— Ну, как? Хочешь получить винтовку?

Искорки радости в глазах молодого китайца были достаточным ответом. Смуга потрепал его по плечу и сказал:

— Приходи в наш лагерь денька через два. Он находится вниз по реке не больше часа отсюда. Скажи, что ищешь охотника, который хочет поймать снежного барса.

— Хорошо, я приду и скажу, — согласился китаец. — Но что будет, если ирбис уже ушел из наших краев?

Смуга смерил юношу испытующим взглядом и ответил:

— Если не будет барса, ты все равно получишь винтовку. Однако в лагере ты обязательно уверяй всех, что приведешь нас к логову ирбиса. А как нам переправиться на противоположный берег реки?

— На пароме, — ответил китаец.

— Можно ли на этом пароме разместить нескольких человек и лошадей?

— Да, на нем можно перевезти даже телегу!

— Значит, помни! Ты должен прийти через два дня!

* * *

Вильмовский осторожно высунул голову из палатки и осмотрелся вокруг. Еще стояла глухая ночь. Ну-чи, покуривая короткую трубочку, бодрствовал у костра, который красными языками лизал несколько толстых поленьев. Рядом с ним, на земле, лежали черные собаки. В бледном свете луны виднелись контуры палаток и телег. В лагере царила ночная тишина, только с той стороны, где стояли клетки с тиграми доносилось отрывистое рычание, которое сливалось с плеском волн широкого Амура.

По земле стелился легкий туман...

Вильмовский долго прислушивался; потом исчез в глубине палатки. Некоторое время он задумчиво смотрел на спящих друзей. Боцман спал удобно растянувшись на походной кровати. Его широкая выпуклая грудь мерно вздымалась; время от времени он всхрапывал. Томек, пожалуй, тоже спал; он лежал без движения, повернувшись лицом к стене. Смуга все еще старательно увязывал вьюки. Вот он откинул рукой прядь волос, упавшую ему на лоб, и присел на связанном тюке. Достал табак из кармана кожаной куртки. Попыхивая трубкой, наблюдал за встревоженным Вильмовским. Через некоторое время Смуга тихо сказал:

— Андрей, ты бы соснул хоть немного до рассвета.

Вильмовский тяжело вздохнул и ответил:

— Мне совсем не хочется спать, не дают заснуть тревожные думы... Ведь если китаец не подведет, вы уже сегодня отправитесь в путь... Мне будет очень тяжело поджидать вас в полной неизвестности!

— Несколько дней промелькнет мигом, Андрей! Я тебе обещаю, что буду следить за безопасностью То-мека...

— Ах, ведь не только в нем дело! Томек и я, мы родственники Карских и выполняем свой долг, но вы двое?..

— Успокойся, дружище! Ради приключения боцман готов спуститься даже в ад! Он и так не умрет естественной смертью! Что касается Томека, то ты лучше меня знаешь — он такой же, как и боцман. Теперь его волнует только твоя безопасность.

— Держи их крепко в руках, Ян,— попросил Вильмовский, глядя на спящего сына.— Сам тоже не очень рискуй! Я ни за что не прощу себе, если с кем-нибудь из вас случится плохое!

— Мне приходилось попадать в куда более тяжелое положение,— ответил Смуга.— Что касается меня, я отправился в эту экспедицию в память о моем сводном брате. Ты же знаешь, как он стремился помочь ссыльным.

Вильмовский уселся рядом со Смугой. Закурил трубку, потом спросил:

— Все ли уже запаковано?

— Пожалуй, все, но мы еще проверим багаж,— ответил Смуга.— В этом тюке у меня пять меховых спальных мешков. Вон в том одеяла, немного белья и подручная аптечка. Здесь одежда для нашего ссыльного, то есть теплые штаны, бараний кожух, меховая шапка, рукавицы, белье, валенки. В кожухе зашиты искусственные усы, брови, борода и парик, что должно облегчить ему побег.

— Ты не забыл о клее? — спросил Вильмовский.

— Он в кармане кожуха. В следующем вьюке у нас палатка, а в том — необходимое лагерное имущество. Перед самым отъездом мы еще упакуем немного продуктов в присутствии Павлова. Оружие и амуниция уже упакованы.

— Сколько лошадей вы возьмете с собой?

— Шесть: четыре верховых и две упряжных для телеги, на которую погрузим клетку с барсом и вьюки.

— Думаю, этого хватит.

— Слушай, Андрей, до возвращения Удаджалака не отходи от Павлова ни на шаг,— предостерегал Смуга.— Особенно следи, чтобы он не подходил к тюку, в котором спрятана тигровая шкура.

— Буду об этом помнить, Ян, можешь на меня рассчитывать,— твердо ответил Вильмовский.

Друзья проговорили до рассвета. Они обсуждали план действий отдельных членов экспедиции, старались предусмотреть все препятствия, которые могут

встретиться на их пути. Больше всего трудностей вызывало присутствие полицейского агента. Смута советовал в случае надобности устранить его, не останавливаясь ни перед чем, но Вильмовский, как всегда, категорически воспротивился этому. Он считал, что никто не имеет права лишить жизни другого человека.

Они долго не могли прийти к согласию. В конце концов, увидев, что Томек и боцман пробуждаются, они прекратили спор.

Не успели путешественники выкупаться в реке и усесться за завтрак, как молодой китайский дровосек Фу Чау прибежал с известием о том, что он выследил ирбиса.

Волнение звероловов, вызванное этим, не возбудило у Павлова никаких подозрений. Места, где обитал снежный барс, в те времена были столь же мало известны европейцам, как и само это животное, весьма редко встречаемое в зоологических садах. Поэтому Павлов знал, что даже шкура снежного барса представляла чрезвычайно ценный трофей.

Во время краткого, но весьма оживленного совета, звероловы решили устроить облаву на барса. Павлов не возражал против экспедиции на маньчжурскую сторону, но рекомендовал сохранять особую осторожность, так как вблизи можно было нарваться на банду хунхузов, о существовании которой он узнал от Фу Чау.

В облаве должны были участвовать Смута, боцман, Удаджалак и Томек. Не теряя времени, они стали готовиться в путь.

Вильмовский и Павлов проводили охотников до самой переправы через Амур. Переправа осуществлялась на пароме с водяным колесом. Паром состоял из двух барж с деревянной платформой на них. Хозяин парома, бородатый китаец с лохматой головой, носил у окрестных жителей прозвище капитана Ванга.

Примитивный паром не мог перевезти телегу, шесть лошадей и всех людей за один раз, поэтому капитан Ванг был вынужден переправляться через Амур два раза.

Второй раз паром переправился только после обеда. Томек с нетерпением смотрел на приближавшийся правый берег реки. Ведь там находилась Маньчжу-

рия¹, столь же грозная страна, как и обширные районы Сибири. На западе граница Маньчжурии упиралась в Большой Хинган, на востоке — доходила до Уссурийской низменности и гор Северной Кореи. Северная граница Маньчжурии проходит по Амуру и Уссури. Между горами, покрытыми частично лесом, расположена степная Маньчжурская низменность; леса здесь растут только по берегам рек, но в этих лесах в изобилии водятся тигры, барсы, медведи, волки, лисы, дикие кабаны, косули, олени и горные антилопы.

Паром упорно преодолевал течение реки. Он медленно приближался к полосе прибрежной степи, которая поднималась узким предгорьем и доходила до прорезанного глубокими долинами, вздымающегося к небесам Большого Хингана. За северным краем гор текла река Аргунь, к западу от которой, на расстоянии всего лишь двухсот пятидесяти километров, был расположен город Нерчинск. Дальше к югу простиралась Монголия, родина знаменитого Чингисхана, крупнейшего военачальника в истории Азии, который на рубеже XII и XIII веков основал колоссальное монгольское государство, простиравшееся от Китая до реки Дунай в Европе.

Фу Чау со своим отцом жил у подножия гор, покрытых девственными лесами. Звероловы стремились дойти до их фанзы еще до наступления вечера, а тем временем паром неуклюже плыл наискосок против течения реки. Звенья привязанным к поясу чайником, капитан Ванг вроде бы погонял полунагих кули, крутивших водяное колесо, но сам помогать им не спешил. Он кричал, угрожал палкой, вертелся вблизи двуконной арбы и пытался рассмотреть, что скрывается в лежавших там мешках, тюках и вьюках.

¹ В настоящее время Маньчжурия представляет собой довольно плодородную и хорошо освоенную территорию, где сеют пшеницу, просо и сою. Маньчжурия отличается муссонным климатом, то есть там обычно бывает сухая, малоснежная зима с частыми песчаными бурями и жаркое лето, которое изобилует дождями. В Маньчжурии много минеральных богатств: каменного угля, железной и медной руды, золота, вольфрама, графита и марганца. Большинство населения — китайцы. Важнейшие города: Харбин, Чанчунь и Мукден (Шеньян). Маньчжурия обширная страна, площадью около 1 миллиона квадратных километров, входит теперь в состав Китайской Народной Республики.

В конце концов, паром пристал к жалкой, сбитой из нескольких бревен пристани. И звероловы, и кули порядком намучились при разгрузке клади. Как только выгрузили арбу, в нее тотчас же впрягли лошадей. Фу Чау ловко вскочил на вьюки, лежавшие на арбе, звероловы уселись в седла. Отдохнувшие лошади бодро направились на юго-запад.

С наступлением сумерек Смуга распорядился остановиться на отдых. Он опасался заблудиться в незнакомой стране. Стреноженных лошадей пустили пастись. Люди тоже поужинали, достав запасы из дорожных мешков. После того как животные несколько отдохнули, Фу Чау предложил отправиться в дальнейший путь. Он уверял, что попадет в свою фанзу даже с завязанными глазами. После недолгого колебания, охотники согласились на его предложение. Как только на небе показались звезды, они оседлали лошадей. Ехали, направляясь в сторону горного хребта. Лошади шли шагом, а путешественники вели непринужденную беседу, покуривая свои трубки.

IX СНЕЖНЫЙ БАРС

Из-за далеких гор выглянул серебряный лик луны. Звероловы ехали вдоль опушки довольно редкого леса. Со стороны широкой долины ветерок веял живой прохладой. Лошади, вероятно, почувствовали близость жилья, потому что без понуканий ускорили шаг.

— Уже близко, наша фанза находится здесь, за лесом,— воскликнул Фу Чау, обращаясь к Смуге.

— Если это так, то давай поедем вперед и разбудим твоего отца,— ответил зверолов.

Они пришпорили лошадей и вскоре арба осталась далеко за ними. Не прошло даже четверти часа, как Смуга и Фу Чау въехали в долину. Где-то вблизи залаяла собака, но сразу же умолкла, и вокруг опять воцарилась тишина. Редкий лес кончился, открыв небольшое поле. В лучах луны охотники увидели характерную, глинобитную китайскую фанзу с кирпичной трубой, торчавшей отдельно позади дома. Две боко-

вые стены и один из фасадов фанзы были полностью лишены окон, но во фронтальной стене было два больших окна, разделенных на квадраты, заклеенные бумагой. Между окнами виднелась широко открытая дверь. Двухскатная крыша фанзы была покрыта деревянной корой.

Охотники задержали лошадей у дома. Но никто не отозвался на их призыв, словно фанза была пустой. Соскочив с лошадей, они приблизились к открытой двери. Томек осторожно переступил порог. Потом он зажег спичку и в свете дрожащего огонька осмотрелся вокруг. С левой стороны двери, вдоль стены стояла низкая, каменная печь, называемая здесь каном¹. Кан сооружается из кирпича или камня и имеет вид широкой скамьи, на которой можно свободно лежать. Дымовые каналы проходят через весь кан от топки до трубы. Сейчас на кане лежали соломенный мат и ватное одеяло, в беспорядке свисавшее одним концом на пол.

Томек коснулся кана рукой и почувствовал тепло нагретого камня. В глубине фанзы от самых стропил свисала завеса, которая, наверно, прежде делила дом на две части. Томек зажег новую спичку и сделал еще несколько шагов. На чисто вымытом столе из гладких струганных досок стоял подсвечник с огарком свечи. Томек зажег огарок и увидел, что напротив кана стоит небольшой домашний алтарь, напоминающий часовенку, украшенную разноцветными бумажками и полевыми цветами. В фанзе, кроме стола и трех покосившихся табуреток, был еще старый, китайский сундук. Крышка сундука была откинута вверх, словно кто-то в спешке выхватывал оттуда все содержимое.

Не гася свечи, юноша вышел из фанзы.

— Там никого нет, — сообщил он друзьям. — Пожалуй, отец Фу Чау бежал, услышав топот лошадей. Видимо, он подумал, что мы хунхузы.

— А может быть, кто-нибудь и в самом деле напал на него до нашего приезда? — встревожился боцман.

— Раньше лаяла собака, а теперь ее нет, — вмешался Удаджалак. — Пес разбудил хозяина, а потом убежал вместе с ним.

¹ Кан — в русских домах похоже устройство так называемой лежанки.

— В этом нет ничего удивительного после всего того, что довелось пережить этим людям. Ведь они живут в постоянной тревоге, словно мышь под метлой,— заметил Смуга.— Наши призывы тут ни к чему, давайте лучше подождем Фу Чау.

Уставшие лошади стояли спокойно, и охотники уселись на скамью возле фанзы. Рядом стоял деревянный навес. За ним виднелся огород, окруженный низким, ажурным забором. Звероловы терпеливо ждали, пока арба подъехала к фанзе. Фу Чау спрыгнул с арбы на землю.

— Мы застали дверь открытой, а дом пустым,— воскликнул Томек.

Фу Чау вбежал в фанзу; при слабом свете свечи он быстро осмотрел помещение, вышел на двор и высоким голосом что-то крикнул по-китайски в темноту ночи.

Вокруг царила тишина, прерываемая только фырканием лошадей. Фу Чау повторил свой призыв. Из кустов показался сутуловатый мужчина. Нацелив на Фу Чау ствол старого ружья, он медленно подошел к юноше. Скрестив руки на груди, Фу Чау низко поклонился старику. Тот сначала коснулся рукой плеча сына, словно хотел удостовериться, что его не обманывает зрение, а потом приветствовал поклоном незнакомых гостей.

Фу Чау на своем языке сообщил отцу, кем являются его спутники. Старик согласно кивнул головой и направился к кустам. Вернулся с довольно большим узлом на спине в сопровождении лохматой собаки. Движением руки пригласил гостей в фанзу.

Охотники расседлали лошадей. Привязали их вместе с двумя распряженными конями к коновязи у навеса. Всю упряжь, мешки и вьюки внесли в фанзу. Удаджалак зажег фонари, а Смуга и боцман стали доставать из дорожных мешков продукты.

Старый китаец присел на корточки у кана. Он открыл дверку топки и раздул огонь из углей, покрытых пеплом. Потом Фу Чау принес охапку мелко нарубленных дров. Вскоре огонь весело играл в печи; старик подошел к столу, на который прежде положил узел. Звероловы увидели сокровище, которое он так прятал от хунхузов. Это были: простая синяя блуза и штаны, потертый овечий полушубок, несколько бе-

личьих шкурок, одна лисья и старый, довольно помятый, жестяной чайник. Старик налил в чайник воды из ведра и поставил его на огонь. Остальные вещи китаец спрятал в сундук, стоявший у стены.

Томек незаметно изучал внутреннее убранство фанзы. Верхняя часть стен и стропила потемнели от времени. Но, несмотря на это, в комнате царил чистота, хотя крайняя бедность хозяев выглядывала из каждого угла. Из подполья старик достал горшок с небольшим количеством вареного риса, но боцман тут же пригласил его к столу, отведать пищи, приготовленной из привезенных продуктов.

Китайцы уселись на краю кана, изумленные богатством содержимого дорожных мешков путешественников.

Боцман приготовил самый настоящий пир. Он открыл коробки мясных и рыбных консервов, подал солонину, сыр, сухари, консервированную фасоль в томатном соусе, сушеные фрукты и бутылку русской водки. Порядком проголодавшиеся путешественники, вместе с китайцами чинно уселись за стол.

К концу ужина Смуга подарил хозяину мешочек с табаком. Старый китаец сразу же привязал его к поясу. Потягивая трубку, он задумчиво кивал головой, но время от времени бросал неуверенный взгляд на дверь. Вероятно, ему не давала покоя какая-то мысль.

Вскоре охотники заметили странное поведение старика, и Смуга спросил его, не холодно ли ему случайно. Китаец отрицательно кивнул головой.

— Телега, много коней, хрощее оружие, мешки с дорогими вещами, это очень плохо. Если хунхузы узнают, что у нас такие богатые гости, они сразу появятся здесь! — пояснил он на русско-китайском жаргоне.

Смуга проницательно посмотрел на старика. Неужели эти два китайца были в сговоре с хунхузами? Ведь Павлов не раз говорил, что бандиты располагают сторонниками и разведчиками среди местных жителей, которые сообщают им, когда и на кого надо напасть. Действительно, почему этот старик и его сын остались на развалинах селения в столь близком соседстве с бандой хунхузов? Возможно, рассказ юноши об убийстве его семьи — обыкновенная сказка, а ирбис — приманка для того, чтобы заманить охотников в ловушку?!

— Много ли людей в банде хунхузов? — спросил Смуга, внимательно наблюдая за выражением лиц своих хозяев.

— Я видел их, когда они переправлялись на противоположный берег. Полтора десятка, от силы двадцать человек, — ответил старик. — Потом рассказывали, что они напали на строителей железной дороги...

— Подумаешь! Пришлось бы всего по пять человек на каждого из нас, — презрительно вмешался боцман.

Смуга тоже не выглядел испуганным возможностью встречи с бандитами. Заметив на его губах загадочную улыбку, Томек подумал, что на этот раз плохие известия были на руку Смуге.

— Ну, что ж, поживем увидим! — сказал Смуга. — А теперь пора спать, потому что скоро начнет светать!

— Кому первым становиться на часы? — спросил Томек.

— Сегодня нет нужды в охране! Вот-вот взойдет солнце, — громко ответил Смуга.

Удаджалак как раз стелил одеяла на кане. Боцман зевнул во всю свою мощную глотку и стал раздеваться.

— Раз не надо становиться на вахту, то давайте будем спать, — буркнул он. — Правда, многие нарушившие заповедь охраны с удивлением пробуждались затем в царстве святого Петра, то есть в раю, но вы здесь командир — вам виднее!

— Вы, конечно, правы, боцман, поэтому не бурчите, а идите спать, — шепнул Смуга. — Сегодня уже никто не успеет уведомить хунхузов...

— Возможно, но, по-моему, лучше никому здесь слишком не доверять!

— Я всегда верю только себе, — парировал Смуга.

— Так надо сразу и говорить! — буркнул успокоившийся моряк и подмигнул, показывая, что понимает в чем тут дело.

Убедившись, таким образом, что Смуга предпримет необходимые меры предосторожности, боцман, словно настоящий китаец, разделся до нага и лег на кан, повернувшись головой к центру фанзы, а ногами к стене. Натянул одеяло на голову и почти сразу начал храпеть. Его примеру последовали Томек и Удаджалак. Смуга тоже лег в постель, повернув лицо к двери. Притворившись спящим, он из-под прищуренных глаз наблюдал за китайцами.

Некоторое время Фу Чау шепотом вел беседу с отцом. Тот кивал головой, ежеминутно поглядывая на спящих гостей. Кончив беседу, Фу Чау снял с гвоздя на стене старое, подвязанное проволокой ружье, тщательно зарядил его и уселся на пороге открытых дверей фанзы. Отец погасил свечи в фонарях и присел за спиной сына.

Смуга повернулся на другой бок.

Заслуженный отдых охотников прервало ржание лошадей. Звероловы, как по команде, вскочили с постели. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что оружие их находится в целости и сохранности. Винтовки стояли, как и раньше, опертые о стену. Охотники выбежали на двор. Фу Чау стреножил лошадей и выпускал их пастись на луг. Его отец, в соломенной, конусообразной шляпе на голове, выгонял из огорода двух подсвинков. Охотники остановились во дворе. Старик-китаец встретил их поклоном и сказал:

— Сын говорил мне, что достопочтенные гости намерены поймать ирбиса. Видимо, в горах предстоит суровая зима, потому что одна самка уже показалась здесь. Недавно она зарезала у меня поросенка.

— Может быть, ты знаешь, где она прячется днем? — спросил Смуга.

— Несколько дней тому я ее выследил, — ответил китаец. — Ну и хитрая штука! Она обычно поджидает животных на берегу ручья, у водопоя.

— Мы просим вас, достопочтенный господин, чтобы вы еще сегодня показали нам это место, — вмешался Томек.

— Вы в самом деле обещали за это дать моему сыну винтовку? — недоверчиво спросил китаец.

Смуга, словно не дослышав вопроса, обратился к китайцу:

— Говорят, что вас часто посещают хунхузы? Твой сын рассказывал, что вы пережили тяжелые времена из-за них, правда ли это?

Старик подошел ближе. Движением руки он пригласил гостей следовать за ним. В нескольких шагах от фанзы они увидели невысокий плетень и за оградой насчитали семь могил в одном ряду. Могилы содержались тщательно, были покрыты цветами.

— Здесь лежит моя супруга и дети, — сказал ста-

рик, отвешивая глубокий поклон перед каждой могилой.— Хунхузы убили их и взяли все мое имущество.

— Послушай, друг, если нам когда-нибудь доведется встретить хунхузов, мы будем об этом помнить,— сказал боцман, сурово насупив брови.— А насчет винтовки, обещанной твоему мальцу, не беспокойся! Он получит ее, а не то провалиться мне на этом месте!

Старик поклонился боцману.

— Достопочтенный господин, такое оружие очень дорого стоит. Мой сын уже собрал немного денег, и теперь сказал мне, что отдаст их вам!

Старик подошел к одной из могил. Добыл из-под дерна жестяную коробку из-под чая и вручил ее боцману. Сконфуженный моряк заглянул внутрь коробки. Немного взволнованный, он глядел на горсточку серебряных монет. В конце концов он сунул руку в карман, достал оттуда золотую пятирублевку, бросил ее в «копилку», закрыл крышку и вернул коробку старику.

— Спрячь это на черный день, старик,— буркнул он, вручая коробку китайцу.— Идем в фанзу, Фу Чау, ты сейчас получишь там свою винтовку.

Старик еще раз поклонился моряку почти до самой земли, а тот, не желая отставать от него в вежливости, тоже низко поклонился, и они стукнулись головами как два козла. Взгрустнувший было Томек, сразу повеселел. Взяв друзей под руку, он повел их в фанзу.

Радость обоих китайцев была безгранична. Смуга вручил им новую винтовку, а боцман добавил к ней свой запасной оптический прицел. Томек подарил Фу Чау пачку патронов, Удаджалак отдал свой кукри, то есть короткий, кривой нож с широким лезвием, обычное оружие гурков, обитающих в Непале и Западном Бенгале, откуда был родом Удаджалак.

Позавтракав, охотники в обществе хозяев пошли на поиски следов снежного барса.

Старый китаец помолодел по крайней мере на несколько лет. Он шел быстро, твердо ступая по земле. С гордостью поглядывал на сына, вооруженного новой винтовкой. В ближайшем их окружении ни у кого не было такого великолепного ружья. Теперь они вместе будут ходить на охоту. Когда соберут немного

денег, купят участок земли, переедут поближе к крупному городу, где забудут о хунхузах. Старик уже не жаждал мести. Он понял, что смерть нескольких неизвестных бандитов не вернет к жизни его семью! Он хотел только уберечь единственного сына и спокойно умереть в окружении внуков. Поэтому его сердце было переполнено благодарностью к чужестранцам, которые так щедро одарили его. Он стремился как-то выразить свою благодарность и, вспомнив прежние годы, сам отважно повел охотников к логову снежного барса.

Вскоре он уловил хорошо знакомый ему шум ручья. Протоптанная антилопами тропа проходила несколько в стороне, потому что старик нарочно обходил ее, чтобы не пугать животных. Если антилопы изменят место водопоя, то ирбис пойдет вслед за ними.

Кружным путем охотники подошли к ручью. Китаец притаился в кустах. Осторожно раздвинул ветви.

— Это здесь,— шепнул он.— Посмотрите, достопочтенные господа, на этот раздвоенный ствол дерева, вершина которого склонилась к самой воде! Обычно ирбис на рассвете поджидает на нем антилоп...

— Эй, человек, даже самое глупое животное сразу увидит на дереве барса и удерет! — с сомнением сказал боцман.

— Ты ошибаешься, благородный господин,— возразил китаец.— Ирбиса даже днем трудно заметить на дереве! Он вытягивается вдоль крупной ветви, кладет голову на передние лапы и неподвижно ждет.

— Барсы чрезвычайно умные животные,— поддержал китайца Смуга.— Подождите меня здесь. Я пройду по окрестностям и обдумаю план засады.

— Хорошо, только осмотрите как следует местность, потому что нам надо будет попасть сюда ночью,— сказал боцман и с удобством расположился на траве под деревом. Томек уселся рядом с ним. Воспользовавшись тем, что китайцы и Удаджалак забрались в малиновые кусты, Томек спросил:

— Заметили ли вы, что Смуга совсем не обеспокоился известием о хунхузах?

— Ба, он, кажется, был даже доволен этим,— согласился моряк.— Если такой хитрец берется за дело, то хунхузам было бы лучше сойти с его дороги!

— Гм, если бы бандиты захотели преследовать нас по пути к Нерчинску...

— Сдается мне, что ты недалек от истины,— сказал боцман.— Смуга готов так устроить...

— Вот была бы потеха!

— Мы бы развлеклись немного,— добавил боцман. К счастью, твой уважаемый папаша остался в лагере!

При одной лишь мысли о встрече с хунхузами, боцман удовлетворенно стал потирать руки. Прежде, в различных портах мира, он охотно вмешивался в любые драки, но с тех пор, как Вильмовский пригласил его в компанию по поставке животных для Гагенбека, он не мог потворствовать своим желанием. Томек заметил красноречивое потирание рук и, помня предупреждение отца, сказал:

— А что мы сделаем, если хунхузы возьмут нас за горло?

— Ты спрашиваешь, что сделаем? Будем метко стрелять! — ответил боцман.

— Но это же ужасно, проливать зря человеческую кровь!

— Э-э, браток, сдается мне, что ты хочешь надуть Салли!

— При чем тут Салли! Зачем вы вмешиваете имя Салли в разговор о драках?!

— Потому что ты болтаешь как монах. Уже не задумал ли ты поступить в монастырь?! В таком случае ты здорово подвел бы нашу голубку! Если какой-нибудь подлец лезет на тебя с кулаками, придется забывать о библии!

— Хорошим вещам вы меня учите,— язвительно заметил Томек.

— Чему меня учили, тому и я учу! Подбил я однажды товарищу глаз и его мамаша пришла жаловаться к моему старику. В наказание мне пришлось целый вечер писать: «Если кто-нибудь ударил тебя в левую щеку, подставь ему правую!»

— Видимо, это вам помогло!

— А как же, даже очень! На другой день этот мой товарищ съездил мне по уху, а когда я по евангельскому завету подставил ему второе, он вышиб мне зуб. Узнав об этом, мой старик отлупил меня как следует за то, что такой здоровенный недотепа позволяет вышибать себе здоровые зубы!

Томек расхохотался. Вскоре наши друзья в самом лучшем настроении вели беседу о различных приключениях, которая продолжалась вплоть до возвращения Смути из разведки.

* * *

После обеда Смуга распорядился, чтобы все осмотрели и смазали оружие. Каждый участник экспедиции был вооружен двумя револьверами и винтовкой. Звероловы еще раз перевязали вьюки, так как телегу и часть снаряжения намеревались оставить на некоторое время в усадьбе старика.

Отдельно отложили тюки с одеждой для ссыльного, спальные мешки, палатку, скромные запасы продовольствия и снаряжение, нужное в пути.

Возбужденный этими приготовлениями, боцман отвел Смугу в сторону и спросил:

— Пожалуй, мы скоро отправимся в путь?

Смуга утвердительно кивнул головой, а моряк продолжал спрашивать:

— Вы ожидаете нападения хунхузов?

Смуга опять кивнул головой.

— А если они не нападут?!

— Тогда мы сами их поищем...— услышал он ответ.

Удовлетворенный боцман тихо засмеялся и шепнул:

— Я тоже так думал во время переправы на этот берег реки. Вам хотелось бы, чтобы бандиты погнали нас на запад?

— Либо они нас, либо мы их,— ответил Смуга.

Боцман опять басовито захохотал и спросил:

— Как вы думаете, они скоро узнают о нас?

— Если они не появятся через два или три дня, то мы сами начнем действовать. Но я думаю, что они раньше сунут сюда свой нос.

— А мы им его утрем, ей-ей!

Они заговорщицки засмеялись.

— Вильмовский опять станет читать нам проповедь,— сказал боцман.— Он благородный мужчина, но не слишком практичный...

— Не мудрите, боцман! В случае стычки ни на минуту не спускайте глаз с Томека.

— Можете на меня рассчитывать. Салли мне голову оторвет, случись с ним что-нибудь плохое!

Наступил вечер. Охотники пошли спать рано, но на этот раз выставили часовых. После Томека настала очередь Смуги. Заткнув револьверы за пояс, он вышел во двор.

Ночь была светлая и тихая. Огромный диск восходящей луны казалось касался темных вершин леса. Смуга проверил, хорошо ли привязаны лошади к конюязи под навесом, потом обошел кусты вокруг фанзы. Ничего подозрительного он не заметил, поэтому спокойно вернулся в фанзу. Не делая лишнего шума, разбудил товарищей. Вскоре они, вооруженные и одетые, вышли из дома. Смуга принес сеть и аркан.

— Мы трое пойдем в разведку к водопою, — заявил Смуга, когда все охотники собрались во дворе фанзы. — А ты, Удаджалак, останешься здесь на страже. Если заметишь что-либо необычное, выстрели из винтовки. До водопоя отсюда недалеко и мы прибежим через несколько минут. Будь осторожен, потому что хунхузы могут быть близко!

— Слушаюсь, сагиб, — по-военному ответил Удаджалак.

— Послушай, браток, лучше всего сядь возле дверей и прислушивайся хорошенько, — посоветовал боцман. — Если ты будешь бродить вокруг дома, то окажешься прекрасной мишенью для любого бандита, находящегося в кустах.

— Боцман прав, — сказал Смуга. — От дверей лошади видны, как на ладони, а именно к ним нельзя подпускать никого чужого. В случае опасности немедленно разбуди китайцев. Заряженная винтовка для старика стоит рядом с каном.

— Слушаюсь, буду наблюдать... — ответил Удаджалак.

Три охотника осторожно пробирались через чащу леса, поэтому прежде чем они дошли до водопоя прошло не меньше получаса. Томек посмотрел вверх. Ствол дерева, нависшего над потоком на темном фоне других деревьев, был почти не виден.

— Здесь пусто и глухо, — шепотом заметил он. — Жалко времени на беспцельную засаду... Мы можем возвращаться назад!

— Не говори глупостей, — перебил его Смуга. —

Мы нарочно говорили всем об охоте на ирбиса, поэтому теперь должны хоть притвориться, что охотимся. Ты что, уже забыл о Павлове?

— Ваша правда. Он, конечно, проведет целое следствие, когда мы отсюда исчезнем,— добавил боцман.— Поэтому многое зависит от показаний наших китайских хозяев. Именно для них мы устраиваем представление с охотой на ирбиса!

— Понимаю, боцман, понимаю, но что-то он сегодня неспокоен,— оправдывался Томек.

— Не думай о хунхузах, они, возможно, совсем не придут,— утешил его моряк.

— Прекратить разговоры! Боцман, лезьте на дерево и прикрепите сетку к стволу,— приказал Смуга.— Сделайте это так, чтобы западня закрылась, если потянуть за шнурок.

— Хорошо, флаг сейчас будет на мачте,— сказал боцман.

Он забросил сетку на спину и стал взбираться на дерево. Вскоре послышался его голос.

— Замечательное место для засады! Лезешь, как по лестнице...

— Тише там! — предостерег Смуга.

Его предостережение было излишним. Боцман сам умолк на полуслове. Он только теперь заметил на расстоянии вытянутой руки прижавшуюся к стволу дерева самку барса. Она смотрела на него блестящими, чуть прищуренными глазами. Вдруг тихо вскочила. К счастью, боцман не потерял присутствия духа. Он моментально закрыл лицо сеткой, которую держал на спине. Резкий удар чуть не сбросил его со ствола. С трудом удерживая равновесие, боцман впился рукой в мягкую шкуру на шее животного, которое когтями и клыками пыталось разорвать толстый свиток сети... Боцман старался сбросить с себя разъяренного хищника, но тот внезапно ударил его задними лапами по ногам. Клубок из животного и человека свалился на землю.

Бесшумная борьба на дереве продолжалась всего пару секунд. Поэтому Томек и Смуга не на шутку испугались, когда боцман и барс свалились с дерева прямо им на голову. Томек упал, получив удар по лицу пушистым хвостом. Смуга сразу же понял в чем дело. Всем своим телом он бросился на барса, стре-

мясь прижать его к земле. Боцман застонал. Томек поспешил им на помощь. Он схватил хищника за шкуру на шее возле самой головы. Вероятно, ему удалось бы голыми руками захватить зверя, но вдруг со стороны фанзы послышался винтовочный выстрел. И сразу же началась беспорядочная канонада.

Боцман поджал ноги, застонал от усилия, выпрямился и сбросил с себя барса и друзей. Освободившийся хищник скрылся в кустах, а звероловы схватили упавшие на землю винтовки и помчались к фанзе.

Х

БИТВА С КРАСНОБОРОДЫМИ

Беспорядочная стрельба вскоре сменилась отдельными выстрелами. Не обращая внимания на ветки, бьющие по лицам, падая на землю, спотыкаясь о лежащие на земле стволы деревьев, охотники что есть сил бежали к фанзе. Падая с дерева, боцман повредил себе ногу, разорванные когтями барса лоскутья одежды цеплялись за кусты, но он не отставал от других. Лицо у Смуги было окровавлено, так как и он не успел уклониться от острых когтей хищника. Удары веток причиняли ему нестерпимую боль. Один лишь Томек не пострадал и рвался вперед.

— Быстрее, они еще защищаются! — воскликнул он, ускоряя бег.

— Не выскакивай вперед!.. — крикнул Смуга, хватая юношу за руку.

— Беги за мной! — добавил боцман, рванувшись вперед.

Моряк без труда угадывал мысли Смуги. Чем больше они сохраняют сил к моменту появления около фанзы, тем мощнее будет их отпор врагу. В данный момент положение в фанзе не могло быть слишком угрожающим. Удаждалак, опытный стрелок и превосходный солдат, конечно, не позволил захватить себя врасплох банде обыкновенных бандитов. Отдельные выстрелы доказывали лучше всего, что первая атака была отбита.

Лес поредел... Впереди уже виднелась фанза. Смуга опередил боцмана. Он повел товарищей к навесу, под

которым были привязаны лошади. Скрываясь за кустами, они подбежали к навесу на расстояние нескольких шагов. Попытались наскоро определить положение. Хунхузы прятались в кустах перед фанзой и выстрелами пытались поразить защитников, находившихся внутри дома. Видимо, часть хунхузов в это время старалась окружить фанзу, чтобы приблизиться к ней со стороны стен, лишенных окон. На тылах дома были слышны их возгласы. Не было сомнений в том, что они начнут штурм еще до рассвета.

Два хунхуза, одетые в короткие полушубки с широкими, конусообразными шляпами на головах, пытались отвязать лошадей, стоявших под навесом. Однако бандиты не могли подойти к ним, потому что стоило только кому-либо из них показаться возле встревоженных лошадей, как из широко открытой двери фанзы раздавался выстрел. Хунхузы ругались на чем свет стоит, делали все новые и новые попытки, а тем временем, с одной стороны, пули защитников фанзы, а с другой — копыта брыкающихся лошадей не давали им возможности подойти к коновязи.

Опасаясь, что положение может в любую минуту измениться в пользу банды, Смуга решил начать атаку. Он тронул боцмана за плечо и кивком головы показал на хунхузов около лошадей. Боцман понял приказание и знаками потребовал от Томека, чтобы тот поддержал его огнем, в случае нападения бандитов, находившихся перед фанзой.

Юноша сразу же повернул винтовку в сторону фанзы, а оба его товарища положили свои винтовки на землю рядом с ним и достали ножи. В данном случае огнестрельное оружие было непригодно — пули могли ранить лошадей.

Смуга и боцман одновременно поднялись на ноги и побежали навстречу хунхузам. Разгорелась короткая схватка. Захваченные врасплох бандиты оказали слабое сопротивление. Первым ударом Смуга повалил одного из них, а боцман, хотя и получил удар арканом по лицу, от которого у него на мгновение помутилось в глазах, схватил хунхуза за руку. Борьба их закончилась криком ужаса и боли. Со стороны слышались выстрелы. На них ответил огонь из фанзы.

Трое охотников подползли ближе к дому. Теперь

они очутились между лошадьми и осадившими фанзу хунхузами. Бандиты прекратили огонь. Видимо, они стали совещаться.

Небо на востоке порозовело.

— Светает, сейчас они нападут на фанзу...— шепнул боцман.

— Удаджалак не терял времени даром,— пробурчал Томек.— Три трупа лежат на дворе перед домом.

— Вместе с нашими двумя, это уже пять...— добавил моряк.

— Тихо! Идут! — прошипел Смуга.

Из-за угла фанзы показалось бородатое лицо. Бандит взглядом измерял расстояние до широко открытой двери. Потом он осторожно вышел из-за угла и сразу же прижался спиной к стене. Шаг за шагом он подходил к двери. Вслед за ним показались другие. Их было несколько человек. Вскоре они находились уже у широкого окна. Опустились на четвереньки и поползли... Некоторые держали в зубах ножи, другие были вооружены палками. Только у троих были ружья.

— Девять человек... Я прыгну на них, поддержите меня огнем,— шепнул боцман.

— Хорошо, они ничего не знают о нас...— согласился Смуга.

Он не ошибся; бандиты, находившиеся сзади дома, не ориентировались в обстановке. Они руками давали знак товарищам, скрытым в кустах, чтобы те присоединились к атаке. До двери им оставалось всего лишь два или три шага.

Боцман не терял драгоценного времени. Положив винтовку на землю, он вынул из кобуры револьвер и засунул его за пояс. Нож передвинул так, чтобы его рукоятка была под рукой, поднялся на ноги и прыгнул...

— Не стреляй, Удаджалак! — крикнул Томек, увидев ствол винтовки в проеме дверей.

— Молчи! — прошипел Смуга, пытаясь ладонью закрыть рот юноши. Но было уже поздно.

Хунхузы на несколько мгновений раньше заметили, что к ним бежит чужой. Они, как по команде, вскочили на ноги. Первый из них замахнулся палкой; вероятно, он размозжил бы боцману голову, если бы тот не упал на землю. Удаджалак бросился на помощь

боцману. Он рванулся из фанзы и ударом приклада повалил хунхуза на землю. Разъяренный неудачей, боцман вскочил на ноги и бросился на хунхузов как ураган. Схватив поваленного Удаджалаком врага, он как перышко поднял его над головой и, размахнувшись, бросил в толпу нападающих хунхузов. Двое или трое из них упали, а великан-моряк уже очутился в толпе бандитов. Сильным ударом кулака он повалил одного из них на землю, второго ударил ножом. Трое остальных хунхузов набросились на него, но боцман стряхнул их с себя одним движением плеч. Держа нож в зубах, он бросался поочередно на врагов, разя их меткими ударами кулаков. Его поддерживал Удаджалак. Прикладом винтовки он бил направо и налево, защищая боцмана от внезапных ударов сзади. Вскоре в борьбу включились Фу Чау и его старый отец.

Засевшие в кустах хунхузы не могли ничего сделать. Стрелять было нельзя, так как рукопашная схватка не давала возможности определить, где свой, а где враг. Увидев, что их сообщники могут потерпеть позорное поражение, они решили броситься им на помощь. С ужасным воем они выскочили из кустов.

Смуга и Томек только этого и ждали. Они дали два залпа из винтовок, а затем, вооружившись револьверами, бросились на хунхузов с фланга. Раздались выстрелы. По лицу Смуги пробежала гримаса боли. Пуля попала ему в левую руку, и все же двумя меткими выстрелами он устранил разбойников со своего пути. Томек подставил подножку одному из хунхузов и собирался уже оглушить его ударом рукоятки револьвера, как вдруг в этот момент сам получил страшный удар. Юноша упал. Как сквозь туман он увидел Смугу, который вовремя защитил его от нового удара прикладом. Томек попытался преодолеть слабость и стал подниматься на ноги. Смуга схватился с одним из бородачей. Томек поймал хунхуза за шиворот и ударил рукояткой револьвера по темени.

Короткая, но чрезвычайно ожесточенная битва окончилась. Разъяренный боцман уже бежал на помощь своим друзьям. Хунхузы не отважились напасть на него в открытой борьбе. Раздалось несколько выстрелов. Хунхузы стали по одному удирать в лес.

С винтовкой в руках Смуга посылал им вслед вы-

стрел за выстрелом, вынуждая их отступать к горловине ущелья. С беспокойством он оглядел группу друзей. Боцман с окровавленным лицом наскоро перевязывал платком руку, порезанную ножом, но при этом весело улыбался, показывая белые зубы. Он кричал китайцам, чтобы те как можно скорее седлали лошадей. Удар, полученный Томеком, к счастью, пришелся по меховой шапке; ему удалось отделаться только шишкой на голове. Фу Чау был ранен ножом в спину, но легко. Острие ножа разрезало кожу и скользнуло по кости левой лопатки.

Томек испугался, заметив кровь, стекавшую с левой руки Смуги. Он немедленно побежал в фанзу за аптечкой. Когда юноша вернулся, Смуга уже стоял под навесом, рядом с лошадьми. Томек подбежал к нему, а в это время оба китайца вынесли из дома упряжь и вьюки.

— Сбросьте куртку! — воскликнул Томек. — Я принес бинт!

— Потом! Бери лошадей для боцмана и Удаджалака. Пешком они ничего не сделают, — ответил Смуга. — Присоединяйся к погоне! Гоните хунхузов вверх по реке! Поспешите же, черт возьми!

С помощью китайцев Томек стал спешно седлать лошадей. Вскоре он галопом мчался к горловине ущелья. В степи он увидел друзей, которые меткими выстрелами вынуждали хунхузов бежать по направлению к Амуру.

В это время Смуга седлал свою лошадь. С помощью китайцев навьючил две других.

— Ты быстро потеряешь силы, достопочтенный господин! Надо остановить кровотечение, — сказал старый китаец, когда Смуга уже собирался вскочить в седло.

— Вот здесь аптечка. Это недолго, — говорил Фу Чау.

Смуга всегда любил следовать хорошему совету. Неразумная спешка могла обречь на неудачу погоню.

— Помогите мне снять куртку, — сказал он после короткого размышления.

Старый китаец принес ведро воды. Смуга умылся, заклеил пластырем ссадину на лице. После этого он правой рукой ощупал кровоточащую левую. В мускулах застряла пуля. Китайцы крепко перевязали рану.

Фу Чау принес свежую рубашку, которую нашел среди вещей, оставленных в фанзе.

Смуга вскочил в седло.

Старый китаец подал ему винтовку, полученную от Удаджалака перед началом битвы.

— Возьмите свое ружье, достопочтенный господин! — сказал он.

— Ты храбро бился на нашей стороне, возьми эту винтовку себе на память, — ответил Смуга. — Арбу и вьюки сохрани до нашего возвращения.

— Мы будем их беречь как свои глаза, — сказал Фу Чау.

— Послушай, парень, мы организуем погоню за хунхузами. Они должны получить по заслугам. Мы их отдадим в руки русских властей. Сообщи об этом нашим товарищам, оставшимся в лагере на той стороне реки.

— Я это сделаю сейчас же, — уверил Фу Чау.

— Сейчас ты не можешь ехать, — возразил Смуга. — Сегодня вы должны похоронить убитых. Если ты завтра утром оставишь своего достопочтенного отца, то еще до наступления вечера будешь в лагере. Этого достаточно. Ну, до свиданья!

Смуга с места тронулся рысью, ведя на аркане две вьючные лошади. Он поехал через степь напрямик, прислушиваясь к доносившимся издали винтовочным выстрелам. В успехе погони он не сомневался. Боцман и Удаджалак располагают огромным опытом и не позволят хунхузам выскользнуть из ловушки. Поэтому на лице Смуги блуждала довольная улыбка. Разгром банды хунхузов и пленение их должно открыть им путь в Нерчинск.

Смуга пришпорил лошадь. Не обращая внимания на боль в раненой руке, он понукал коня, стремясь быстрее нагнать друзей. Вдруг лошадь, на которой он ехал, резко отпрянула в сторону, фыркая от испуга. Смуга чуть-чуть не слетел с седла. Он заметил мертвого хунхуза, лежавшего в траве. Ударил лошадь нагайкой и поскакал дальше.

Вскоре Смуга увидел погоню и бегущих хунхузов.

«Они прекрасно действуют», — подумал он, наблюдая маневры друзей.

Томек скакал сзади хунхузов, не позволяя им отклоняться к востоку. Боцман и Удаджалак нажимали

на них с боков, направляя банду прямо к реке. Было еще очень рано. Погоня должна продолжаться до вечера. Таким образом, им, по расчетам Смуга, удастся проскакать пятьдесят или даже шестьдесят километров. Значит, к вечеру, до первой железнодорожной станции останется не больше половины дня пути.

Смуга выстрелил из револьвера. Томек, оглянувшись, осадил коня.

— Как хорошо, что вы нас догнали! — воскликнул он, когда Смуга поровнялся с ним.— Ну, как ваша рана?

— Ерунда, Томек! Раной мы займемся вечером на стоянке,— ответил Смуга.— Не улизнул ли от вас кто-либо из хунхузов?

— Один было пытался, да боцман его застрелил.

— Сколько их теперь?

— Человек десять! Что будем делать?

— Пока что, позволим им бежать на запад...

— Ночью они от нас улизнут!

— Будь спокоен, до вечера мы всех их свяжем как маленьких,— ответил Смуга.

Погоня продолжалась... В течение дня хунхузы попытались еще раз рассредоточиться в степи. И снова один из них погиб. Через несколько часов они были уже полностью истощены. Некоторые не могли держаться на ногах от усталости и падали на землю.

Смуга в бинокль внимательно изучал местность. В сотне метров от него обрывистый берег реки значительно понижался. Полоса кустов, росших над рекой, затруднила бы преследование банды. Учитывая это, Смуга дал сигнал к атаке. Всадники повернули лошадей к Амуру. Выстрелами из винтовок они оттеснили хунхузов к обрывистому берегу. Лишенные сил бандиты прекратили сопротивление, их схватили и связали. Вскоре все хунхузы лежали на земле.

Уже вечерело. Необходимо было остановиться на отдых. И люди, и кони были измучены. Лагерь разбили на высоком берегу Амура.

Охотники сидели, уплетая наскоро приготовленный ужин, но Смуга почти ничего не ел и молчал. Он с усилием поднес здоровую руку ко лбу, чтобы стереть пот, и побледнел, словно терял сознание.

— Что с вами? — встревожился Томек.— Вы, наверно, плохо перевязали рану!

С трудом преодолевая слабость, Смуга ответил:

— В мякоти руки у меня застряла пуля... Я хотел подождать с операцией до Нерчинска, но, пожалуй, переоценил свои силы...

— Ах, сто бочек протухшего китового жира! Почему же вы сразу об этом не сказали? — возмущенно воскликнул боцман. — А ну снимайте куртку, я кое-что смыслю в этом деле!

Должно быть, Смуга чувствовал очень сильную боль, так как без всякого сопротивления при помощи друзей стянул куртку. Рукав рубашки был пропитан кровью. Боцман осторожно снял бинты.

— Здорово же они вам угодили! — буркнул моряк и громко приказал: — Удаждалак, дайте-ка сюда фонарь и воду! Томек, приготовь аптечку!

Боцман тщательно умыл руки и приступил к «врачебному» осмотру. Своими жесткими лапами он начал ощупывать руку так, что Смуга зашипел от боли.

— Чтоб ее кит проглотил, эту пулю, так глубоко сидит! — сказал боцман. — Пулю надо было сразу вынуть, тогда бы вы не потеряли столько крови. Однако не печальтесь, я ее мигом достану!

Томек приготовил бинты и дезинфицирующие средства. Боцман положил раненого на одеяло и опер его голову на свои колени. Потом добыл из ножен охотничий нож, тщательно вытер лезвие платком и стал медленно обжигать его над пламенем свечи.

— Теперь чего-нибудь для подкрепления духа. Давай-ка, бражок, бутылку с ромом, — обратился он к Томеку.

Юноша неуверенно взглянул на Смугу, но боцман прикрикнул на него и он поспешно достал из мешка, притороченного к седлу боцмана, плоскую бутылку. Моряк сначала потребовал, чтобы Смуга потянул порядочный глоток, а потом сам выпил за его здоровье и наклонился над раненой рукой. Пальцами своей левой руки боцман стал крепко нажимать на бока раны, а потом сразу вогнал в нее острие ножа. Смуга прикусил губы.

— Есть, есть эта чертова пуля! — взволнованно произнес боцман, показывая окровавленный, сплюснутый, свинцовый шарик. Моряк наложил тампон и искусно перевязал руку. Потом он сорвал куски пластыря с лица Смуги. Когти барса оставили болезненные следы. Боц-

ман что-то пробурчал относительно ротозейства китайцев, которые делали первую перевязку.

— Барс вас погладил, что надо. Вероятно, останутся шрамы. Как вы теперь себя чувствуете?

— Черт возьми, мне и в самом деле полегчало! Вы прекрасно оперировали! Дайте-ка еще глоток рома!

— Это лучшее доказательство, что завтра вы будете здоровы, как рыба,— обрадовался боцман.— Ямайский ром помогает от всех болезней! Сам я пью только ром и поэтому не родился еще такой, кто бы со мною справился! Даже утренняя царапина ножиком уже зажила под пластырем, который мне приложил Томек во время погони.

Смуга вернул бутылку моряку.

— Вы обязательно должны отдохнуть,— сказал Томек с тревогой и нежностью глядя на побледневшего Смугу.

— А как же,— вторил боцман.— Теперь спите до утра. Мы сами становимся на вахту! Ни слова возражений, я говорю как врач!

Ночь прошла спокойно. Смуга встал на рассвете. Несмотря на то что зверолов еще был довольно слаб, он приказал свернуть лагерь. Друзья не смели возражать. Длительное пребывание на маньчжурском берегу могло повлечь за собой встречу с местными жителями, или — что еще хуже — с отрядом китайских солдат. Они, конечно, потребовали бы выдачи хунхузов, которых охотники намерены были отдать в руки русских властей. Кроме того, они могли иметь неприятности из-за нелегального перехода границы.

Отправились берегом вверх по течению реки. Примерно около полудня они заметили большую лодку, шедшую вдоль берега. Обещав рыбакам хорошее вознаграждение, они договорились о переправе на русский берег Амура. Хунхузов посадили на носу лодки, на корме уложили багаж, упряжь, снятую с лошадей, и вьюки. Томек и Удаджалак решили переправиться через реку вплавь на лошадях.

Под тяжестью людей лодка погрузилась в воду почти по самые борта, но, несмотря на это, быстро шла вслед за лошадьми, которых несло течение. К счастью, лошади сумели добраться до берега. Довольный Смуга хорошо заплатил рыбакам и, кроме того, купил у них корзину свежей рыбы.

Сели на лошадей. Окружив пленных хунгузов, поехали на северо-запад. Берега Амура скоро исчезли из виду.

Три друга с тревогой наблюдали за Смугой. Он с трудом держался в седле. Заметив это, решили остановиться на одной из лесных полян. Ослабевший Смуга прилег в палатке, хотя был недоволен непредвиденной задержкой.

— Ничего мне не будет,— утешал он друзей, повесивших носы.— Видимо, железная дорога уже недалеко... Завтра я, конечно, почувствую себя лучше.

— Ничего не поделаешь! Вы потеряли много крови и должны отдохнуть,— категорически потребовал боцман.— Если будете ехать верхом, совсем обессилите. Что мы тогда без вас сделаем?

— Много людей, а продуктов мало,— вмешался Удаджалак.

— Давайте устроим носилки и пусть хунгузы несут вас,— посоветовал, как всегда изобретательный Томек.— Таким образом, вы будете отдыхать даже в пути.

Смуга стал было возражать, но боцман перебил его.

— Весь экипаж принял это решение и ваше дело подчиниться,— грубовато сказал он.— Ну-ка, друзья, беремся за работу!

Совет оказался и вправду хорош. Друзья приготовили удобные носилки. Утром боцман развязал четырех бандитов и распорядился, чтобы они несли раненого.

Охотники шли теперь через дикую, горную страну, которая по своей живописности не уступает Альпам. Они осторожно спускались в глубокие лесные овраги. Среди карликовых, белых берез, искривленных, узловатых сосен, носивших следы вихрей и длительных, суровых зим, росли стройные кедры и лиственницы. Здесь была родина мощных черных медведей и забайкальских рысей¹, которые по силе и отваге могут со-

¹ Рысь (*Lynx lynx*) — хищное животное семейства кошачьих. Отличается небольшой головой, острыми ушами с кисточками и большими бакенбардами. Несмотря на кажущуюся худобу, рысь чрезвычайно сильное животное. Длина его тела доходит до 1,3 м, высота до 75 см. Обитает в Тироле, Штирии и Швейцарии, в северной и восточной Европе. Из России рысь распространилась в Азию, где обитает в горных и покрытых лесами северных территориях.

перничать с тиграми. Томек уже несколько раз заметил по пути очень большие, круглые следы. Он обратил на них внимание боцмана. Где-нибудь здесь рысь могла прятаться днем в расщелине скалы. Возможно, и теперь одна из них следит за ними, ведь известно, что рыси отличаются превосходным зрением и слухом. Кроме того, здесь было вдоволь других животных. Об этом свидетельствовали многочисленные следы оленей и лосей, а также часто встречавшиеся лисьи норы. Были здесь и соболи¹, черно-серый мех которых весьма ценили охотничьи сибирские племена.

Из глубины леса веяло сыростью, чувствовался запах гниющей древесины и прелых листьев. Караван медленно обходил буреломы, время от времени останавливаясь на короткий отдых. Боцман менял хунхузов, несущих носилки, а Томек, пользуясь случаем, рассказывал Смуге обо всем интересном, что он заметил в пути.

Около полудня звероловы вышли из леса в долину, расположенную среди невысоких, каменных холмов. Долина носила степной характер. Люди и лошади ускорили шаг. Томек ехал впереди, рядом с носилками раненого. Вдруг Смуга приподнял голову.

— Слышишь? — вполголоса спросил он Томека.

Юноша задержал лошадь и рукой приказал остальным остановиться. Стал прислушиваться. Смуга не ошибался; издали к ним доносился звон колокольчика и топот лошадиных копыт. Томек подозвал боцмана.

— К нам приближаются всадники, — коротко сказал он.

— Эй, Удаджалак! Поезжай за нами в некотором отдалении. Хорошо следи за этими бандитами! При первой попытке к бегству, пуля в лоб! — воскликнул моряк.

¹ Соболь (*Martes zibellina*) от лесной куницы отличается конусообразной формой головы, высокими, крепкими конечностями, блестящей, шелковистой шерстью и большим желтым пятном на горлышке. Прежде соболь был распространен на всей территории северных областей Старого и Нового Света. Из-за ценного меха соболи безжалостно истреблялись. Только в последнее время поголовье соболей Сибири увеличилось благодаря предпринятым мероприятиям по их охране.

Боцман пришпорил лошадь, Томек поспешил за ним. В конце долины они увидели широкую степную дорогу, изрытую глубокими колеями. По дороге ехала тройка небольших крепких лошадок, запряженных в тарантас. Под дугой коренника висел колокольчик, резким звоном вторивший хриплым крикам ямщика, подгонявшего лошадей коротким, ременным кнутом. Тарантас ехал в сопровождении нескольких всадников, явно монгольского типа с безбородыми лицами и выдающимися скулами. Это были буряты. Они сразу же заметили вооруженных людей, остановившихся у дороги. Ямщик осадил лошадей, а всадники выскочили вперед. Некоторые из них держали в руках старые ружья. Всадники остановились рядом с двумя охотниками. Только теперь они заметили выходящий из долины небольшой караван. Они очень смутились, увидев связанных пленников.

К сконфуженным всадникам подошел Удаджалак.

— Добрый день! — приветствовал он их на бурятском языке.

— Добрый день! — ответили буряты. Услышав родной язык в устах незнакомца, они повеселели.

XI

СРЕДИ БУРЯТОВ

Некогда Удаджалак участвовал в экспедиции пандита Давасармана в Прибайкалье¹. Уже тогда он познакомился с бурятами, живущими на востоке и севе-

¹ Площадь пресноводного озера Байкал составляет 31 500 кв. км. Озеро расположено на высоте 453 м над уровнем моря. Длина озера 670 км, ширина — 73,5 км, глубина доходит до 1741 м. В Байкал впадает 330 рек, а вытекает из него только одна — Ангара. Озеро отличается своеобразной фауной, во многих случаях совершенно уникальной. В исследовании Байкала принимали, в частности, участие также польские ученые, политические ссыльные: геолог Александр Чекановский, заслуги которого в исследовании Сибири отмечены тем, что его именем названы горный хребет близ устья Лены, один из хребтов Даурских гор, поселок на верхней Хатанге; Ян Черский (хребет Черского — крупнейший горный массив восточной Сибири) и зоолог Бенедикт Дыбовский, открытия которого в области фауны Байкала и Амура принесли ему мировую славу. Именем Дыбовского названо около 50 видов животных.

ро-востоке от этого глубочайшего пресноводного озера в мире. Поэтому он знал, что западные буряты занимаются сельским хозяйством, а восточные — скотоводством и ведут кочевой образ жизни. Кроме того, Удаджалак изучил обычаи бурятов и даже их язык. Поэтому он мог приветствовать всадников на бурятском языке, что им очень понравилось. Дружеские взгляды бурятов убедили его, что он избрал правильную тактику. Удаджалак опять обратился к ним с вежливым приветствием:

— Здоровы ли ваши стада?

— Стада здоровы, а здоровы ли вы? — ответил самый старший по возрасту бурят.

Удаджалак рассказал бурятам о себе, своих друзьях и о положении, в котором они очутились. Он предложил перейти на русский язык, чтобы все присутствующие могли принять участие в беседе. Посыпались вопросы на ломаном русском языке. Теперь уже все включились в оживленную беседу. Буряты с почтением смотрели на четырех охотников, которые сумели противостоять многочисленной банде хунхузов. Соскочив с седел, буряты подошли к раненому Смуге. Томек с интересом рассматривал оригинальную одежду бурятов и упряжь их маленьких, но сильных лошадей. Эти последние были оседланы деревянными, покрытыми красным лаком седлами с двумя большими железными стременами. Лошадь, на которой ехал старший бурят, отличалась богатым убранством: на седле блестели чеканные серебряные набойки, стремяна были тоже покрыты серебром. Сразу видно, что этот всадник возглавляет всю группу.

Бурятские всадники были одеты в широкие и длинные кафтаны голубого, серого, зеленого или красного цветов с разрезом на боку и застежками с левой стороны. По вороту и на груди кафтаны были украшены позументами из китайского шелка. Поверх кафтана буряты носили цветные, шерстяные пояса. Под кафтанами у них были темно-синие рубашки и бумазейные штаны. Свои не слишком длинные волосы буряты заплетали в короткие косички, спускающиеся на шею, а на головах носили малахай, то есть остроконечные шапки с красным султаном, обшитые по околышку мехом, который во время морозов можно было опускать на уши. Одежду бурятов дополняли

Правда, боцман уже оказал Смуте первую помощь, но моряк не был искушен в медицине. Он даже не знал, что ему предпринять дальше. Конечно, бурятское лечение при помощи «заговора» святого ламы крепко отдавало «шаманством», глубоко укоренившимся у бурятов полтора века назад. Боцман сильно сомневался в результатах подобного шарлатанского лечения и даже опасался возможного ухудшения состояния Смути. Но пока что других средств помочь ослабевшему другу у него не было.

— Успокойтесь, пожалуйста,— утешал его Томек.— Отец говорил мне как-то, что ламы располагают хорошими лекарствами.

— На кой же ляд они занимаются разным колдовством? — спросил боцман.— Кто в наш век верит в «заговоры» или в изгнание беса из тела человека?!

— По-видимому, ламы делают это для того, чтобы поразить воображение примитивных людей.

— Черт их там разберет! Я мало смыслю в этих религиях!

— Я постараюсь вам кое-что рассказать. По верованиям шаманов, весь мир наполнен добрыми и злыми духами. Шаманы берут на себя роль толкователей воли этих духов. Они же будто бы призваны своими заклинаниями спрашивать благорасположения духов и отклонять их злые намерения по отношению к людям. Шаманы утверждают, что они вызывают духов, которые вселяются в них и говорят их устами. Таким образом, все дело зависит от ловкости и фантазии самого шамана. Изгнание духа болезни из тела человека происходит также с помощью разного рода фокусов, как, например, сжигания дурманящего зелья, игры на барабане, покрытом таинственными знаками, танцев в соответствующем одеянии и, наконец, пения. В результате этого шаман сам попадает в экстаз, бросается на землю и делает такие жесты, словно ведет борьбу со злым духом. Ламы, в качестве представителей новой религии, должны были считаться с укоренившимися среди населения шаманскими обычаями. Поэтому некоторые шаманские фокусы они включили в ламаизм и тем самым привлекли монголов к своей религии.

— Ого, браток, так это же целое представление,— расхохотался моряк.— Помнишь, как в Буганде кол-

дуны кабаки¹ лечили Смуге рану, нанесенную отравленным ножом?! Ты говорил, что они тоже устраивали похожее представление.

— А как же, ведь я подглядывал через отверстие в циновке,— ответил, улыбаясь Томек.— Но вы должны, однако, признать, что они располагали хорошими противоядиями. Они, в сущности, спасли Смуге жизнь! Может быть, и теперь ламы сумеют помочь.

— На безрыбье и рак рыба,— сказал, тяжело вздыхая, боцман.

— Интересно, ламы сами убеждены в своей силе или они занимаются «заговариванием» только для темного народа?

— Кто их там знает? Видите, буддистские верования во многом изменились и, приняв форму ламаизма, распространились среди многих азиатских народов, причем повсюду сохранились остатки шаманизма. Таким образом, ламаизм приобрел некоторые шаманские обычаи, а шаманизм, в свою очередь, принял многое из ламаистского вероучения.

— Вроде все ясно, браток, но скажи мне, в конце концов, буддизм и ламаизм это одно и то же?

— Первичный буддизм изменился и превратился в ламаизм. Поэтому последователей ламаизма часто называют буддистами.

— Я думаю, что в глубине тайги еще до сих пор можно найти шаманов,— заметил боцман.

— Я тоже в этом уверен, хотя буддизм, магометанство и христианство уже распространились здесь довольно широко.

— Посмотри, браток, мы никак подходим к порту! — воскликнул боцман.

На холме, у дороги, виднелся конус, усыпанный камнями. Это был так называемый обо, или священный холм. На его вершине торчала жердь, увешанная цветными тряпицами. Проезжая рядом с обо, буряты останавливались и подбрасывали на холм по одному камню — в честь духа, опекающего улус.

За холмом показалась деревушка из нескольких деревянных хат, построенных на высоких каменных фундаментах. Маленькое окошко и дверь, к которой

¹ Кабака — царь Буганды (Уганды) в Экваториальной Африке. Смотри книгу «Приключения Томека на Черном континенте».

вело деревянное крыльцо, находились только у фронтовой стены. Рядом с хатами стояли круглые войлочные юрты. Буряты летом предпочитают жить в юртах, ведь они пасут скот довольно далеко от своей деревушки. В домах же они живут только зимой. Теперь над конусообразными юртами виднелись столбы голубоватого дыма. Невдалеке стояли навесы для скота, овец и лошадей.

Первыми почуяли хозяев и гостей большие, черные собаки со стоячими ушами и длинными, острыми мордами. Всадники отогнали собак ударами нагаек. Из юрт стали появляться женщины, одетые так же, как и мужчины. Их длинные волосы были искусно заплетены в две косы, спрятанные в мешочки из черной материи, которые бурятки носили спереди на груди. Некоторые из буряток, по-видимому, богатые, украшали волосы цветными бусами и серебряными монистами.

Приехавшие мужчины подозвали женщин. Те бросали любопытные взгляды на незнакомых гостей; у всех у них были раскосые, узкие глаза, слегка прикрытые веками, почти лишенными ресниц и как бы припухшими.

Буряты спешили. Томек обратил внимание на их «утиную» походку, чрезвычайно напоминающую походку боцмана, столь характерную для людей, которые большую часть жизни проводят в седле или на борту корабля. Оказалось, что бурят, пригласивший охотников в улус и носивший фамилию Батуев, был старостой этой деревушки. По его приказу несколько подростков расседлали лошадей и ввели их за загородку.

Батуев спросил охотников, желают ли они поместиться в юрте вместе с его семьей или предпочитают занять зимний дом, стоящий теперь пустым. Вопрос был весьма щекотливым, потому что наши охотники желали поставить свою собственную палатку. В большинстве случаев жилища бурятов не представляют удобств с точки зрения европейцев. Но, не желая обидеть гостеприимного хозяина, охотники согласились остановиться в зимнем доме.

Батуев был, вероятно, человеком богатым, потому что его дом состоял из двух комнат. В центре первой из них находился очаг, сложенный из камня. Перед

очагом был расстелен обширный войлочный ковер, покрытый сверху овчинами, служившими постелью как членам бурятской семьи, так и гостям. Вторая комната была обставлена похоже. Мебель и посуда, наверно, находились в летней юрте. Убедившись, что в домике царила чистота и порядок, звероловы облегченно вздохнули. По совету хозяина, переднюю комнату они отвели под спальню, а во второй разместили вьюки, упряжь и другое имущество экспедиции.

Батуев распорядился запереть хунхузов в отдельную хату. У ее двери он поставил часовых, вооруженных ружьями. Охотники были до крайности утомлены. Битва с бандитами, длительная погоня за ними, переправа через Амур и тяжелый поход по тайге надломили их силы. Они стремились как можно скорее лечь спать, но Батуев помешал им. Как только охотники распаковали часть вьюков, Батуев пригласил их в свою юрту на обед. Правила гостеприимства бурятов исключали возможность отказа. Поэтому даже Смуга решил пойти вместе с друзьями. Путешественники наскоро почистили одежду. Томек принес ведро воды, чтобы охотники смогли умыться после длительного путешествия.

Гостеприимный Батуев не отходил от путешественников ни на шаг. Он с любопытством рассматривал предметы, которые они доставали из вьюков.

Вскоре охотники, вслед за хозяином, вошли в обширную юрту. В честь прибытия иностранных путешественников жена и дочери Батуева одели высокие шапки из собольего меха и украсили себя ожерельями из янтаря и кораллов.

Очувшись в юрте, охотники на момент остановились у входа. Они внимательно следили за Удаджалаком, который лучше других знал обычаи бурятов. В правом углу юрты, напротив входа, стоял домашний алтарь в виде шкафчика, покрытого красным лаком. На шкафчике, в позолоченной раме, висело изображение Будды. По обеим сторонам иконы стояли каменные изваяния, отображающие различные воплощения Будды, перед которыми находились небольшие медные чары, куда клали пожертвования. Весь алтарь был украшен разноцветными бумажками и полевыми цветами.

Прямо от двери Удаджалак медленно направился к

алтарю, сложил ладони как для молитвы, поднял руки высоко вверх и отвесил низкий поклон, кончиками пальцев касаясь края алтаря.

Наши путешественники по очереди повторили эту церемонию и только после этого поздоровались с хозяевами.

То, что гости совершили обряд по местному обычаю, чрезвычайно понравилось бурятам. Батуев многозначительно взглянул на сыновей, которые немедленно достали из сундука несколько квадратных мягких подушек, предназначенных для знатных гостей. Как и положено в богатом доме, подушки были покрыты желтым китайским шелком. Желая еще больше подчеркнуть огромное уважение к гостям, Батуев положил для каждого гостя по две подушки, притом усадил гостей вдоль почетной стороны юрты, то есть с левой стороны от входа. Звероловы уселись на подушки «по-турецки».

Хозяйка угостила всех излюбленным бурятами кирпичным чаем, который она раздробила в деревянной ступе и сварила с добавкой молока, масла и соли. Гости получили чай в новых деревянных чашках, а буряты вынули свои собственные чашки. Вскоре перед гостями очутился низенький столик. Все домашние уселись за него. Девушки поставили на столик большую миску с дымящимися пельменями, посуду с вареным мясом и лепешки, поджаренные по бурятскому обычаю на бараньем жире. Однако хозяйка, прежде чем поставить эти блюда на стол, бросила по несколько жирных кусков из каждой миски в огонь, чтобы насытились также души умерших, обреченные на длительное странствование по земле. Хозяин принес жбан крепкого напитка, приготовленного из молока. Пир был в самом разгаре, когда в юрту вошел какой-то бедняк, одетый в старые, рваные лохмотья. Он низко поклонился перед алтарем и приветствовал пирующих. Не спрашивая даже кто он и откуда, буряты пригласили его к столу и стали потчевать как гостя. Путешественники были поражены гостеприимством бурятов по отношению к любому гостю, вошедшему в их дом.

Буряты очень интересовались новостями из других стран и расспрашивали о них гостей, подсовывая им самые вкусные куски. Боцман и тут сумел блеснуть

аппетитом, причем, уплетая бурятские яства, он вел увлекательную беседу о различных приключениях. Когда Батуев узнал, что путешественники некоторое время находились в священном для всех буддистов монастыре в Кими, он достал из сундука бутылку русской водки. И Батуев, и его домашние жадно слушали интересные рассказы о жизни неизвестных им народов. Они прямо-таки не могли поверить, что, кроме Сибири, существует в мире еще такое множество стран. Конечно, Томек не преминул рассказать о печальной судьбе поляков под властью царизма. Буряты не скрывали своего сочувствия польским политическим ссыльным, которых они неоднократно встречали на строительстве железной дороги. Ведь они сами должны были терпеть гнет царских чиновников и не раз, возмущенные несправедливостью, оказывали им сопротивление. Многим из бурятов приходилось бежать в соседние страны.

Обед затягивался. Томек с тревогой смотрел на побледневшее лицо Смути, а Смуга никак не хотел встать раньше всех от стола, потому что отказ от угощения считался у бурятов оскорблением. Томек спросил потихоньку Удаджалака, как можно закончить пир, не обижая хозяев.

— Мы должны показать, что уже достаточно сыты,— тихо ответил Удаджалак.

— Я уже давно расстегнул пояс, но на это никто не обратил внимания, а дядя Смуга так побледнел, что я опасаюсь, не сделается ли ему плохо? — ответил Томек.

— Я сейчас тебе покажу, что надо сделать,— шепнул Удаджалак.

Удобно усевшись на подушках, Удаджалак громко икнул. Несмотря на тревогу о здоровье Смути, Томек чуть не прыснул со смеху, увидев на лицах хозяев огромное удовольствие. Недолго думая, он стал вторить Удаджалаку. Боцман сейчас же сообразил в чем дело, потому что этого рода способ был ему известен по предыдущей экспедиции в Среднюю Азию. Он икнул с такой силой, что чуть не свалился с подушек. Это вызвало у бурят огромное удовлетворение. Низко кланяясь, они благодарили гостей за посещение.

Поддерживаемый друзьями под руки, Смуга еле-еле доплелся до дома. Вскоре он лежал на мягких овчинах, укрытый одеялом. Его примеру последовали и

остальные путешественники. Этой ночью один лишь Удаджалак вставал два раза, чтобы проверить часовых перед домиком, в котором были заперты хунхузы.

Ворочаясь с боку на бок, Томек постанывал сквозь сон. Его мучили кошмары... С первых дней опасной экспедиции он пытался скрыть от друзей гнетущую его тревогу. Он знал, что и они тоже скрывали перед ним свои опасения. С особой ясностью помнил он ночь перед отправкой их на маньчжурскую сторону. Именно тогда отец и Смуга, считая, что все спят, держали тайный совет до самого рассвета. Но ведь Томек не спал... Отвернувшись к стене, он притворился спящим и слышал каждое слово... Теперь во сне его посетили мучительные видения... Запертый Павловым, отец сидит в клетке с тиграми; Томек зовет его и просит, чтобы он не ехал в Нерчинск. Потом ему приснился Збышек с кандалами на ногах, который взывал о помощи... Боцман варил хунхузов в большом котле и приглашал Томека на пир; но прежде чем он стал каннибалом, Смуга перестрелял несчастных и стал срывать с них скальпы. Томек хотел помешать ему в этом, но хунхузы вдруг ожили. С диким криком они стали выскакивать из котла. Боцман ждал их с ножом в руке. Вдруг отец заслонил собой этих несчастных...

XII

КОРЕНЬ, РОЖДЕННЫЙ МОЛНИЕЙ

Внезапно разбуженный, Томек вздрогнул и сел в постели. Еще не совсем проснувшись, он увидел над собой лицо склонившегося боцмана. Только теперь Томек сбросил с себя остатки ужасного сна. Со двора в самом деле уже доносились голоса людей, ржание и фыркание лошадей.

— Я тебя разбудил, потому что ты прыгал на постели, как рыба в сети,— сказал боцман.— Вставай, буряты уже запрягают тарантас. Мы сейчас поедем к буддийскому знахарю.

— Жалко, что вы меня не разбудили раньше! — ответил Томек, облегченно вздыхая.— Я видел страшный сон...

— Видимо, тебе мучили кошмары от слишком обильной пищи!

— Возможно, но я здорово перетрусил.

— Ого, у меня есть опыт в этом деле! Однажды во время рейса в Кейптаун ребята вынуждены были вылить мне на голову ведро холодной воды, так как решили, что я с ума сошел во сне!

— А что вам приснилось?

— Ах, какая-то негритянка хотела, чтобы я женился на ней и потащила меня к алтарю...

Томек расхохотался. Боцман всегда боялся даже думать о женитьбе.

— Ты, браток, не смейся над чужим несчастьем, потому что в случае чего тебя никто не пожалует! — пробурчал моряк.

— Но ведь с вами ничего не случилось! Вы же остались холостяком!

— Пожалуй, да, но кто там знает, не потому ли, что я на всякий случай в Кейптауне вовсе не сходил на берег.

— А я и не знал, что вы так суеверны!

— Хоть это и сон, но береженого Бог бережет! Дело в том, что в Кейптауне одна девчонка в самом деле строила мне глазки! Как только мы входили в порт, она уже там меня поджидала...

Услышав рассказ о неизвестном ему до сих пор эпизоде из бурной жизни друга, Томек совсем развесялился. Он быстро набросил на себя одежду и вышел на крыльцо. Смуга, одетый в дорогу, сидел на ступеньках. Выглядел он очень плохо. Сыновья Батуева кончали запрягать лошадей в тарантас.

— А я уже думал, что нам придется ехать без тебя, — сказал Смуга, увидев Томека.

— Боцман только что меня разбудил. Сейчас я оседлаю лошадей, — ответил юноша.

— Лошадей оседлал Удаджалак, а ты лучше позавтракай перед дорогой, — сказал Смуга с бледной улыбкой.

— После вчерашнего обжорства мне совсем не хочется есть. Вот, одену куртку и буду готов!

— Томек, поищи-ка в рюкзаке молитвенную мельницу и захвати ее с собой, — сказал Смуга.

— Хорошо, захвачу!

Вскоре Смуга с удобством расположился в таран-

тасе. Батуев вскочил на передок, подобрал вожжи и свистнул на лошадей. Трое звероловов вскочили в седла и поскакали за тарантасом. Они быстро мчались по изрезанному рытвинами тракту. Не задерживаясь, миновали укрытую в долине казацкую станицу. Она внешне выглядела совсем иначе, чем бурятский улус. Усадьбы были ограждены высокими заборами, в домах было по несколько окон и крылечки с навесами на низеньких столбах. Кроме дома, на каждой усадьбе стояли хозяйственные постройки, которых не было в бурятских улусах. Батуев погонял лошадей, и вся кавалькада скоро выехала на край обширной равнины. Здесь, на небольшом холме, среди рощи, стоял буддийский дацан¹.

Звероловы были восхищены живописным видом монастыря. Построенный по правилам буддийской архитектуры, отличающейся необыкновенной легкостью, оригинальными формами и живыми красками, трехэтажный монастырь поражал стройностью и красотой. Каждый верхний этаж храма был значительно меньше чем нижний и отделялся от него террасой и резной крышей, далеко выходящей за стены нижнего этажа. По углам крыши были изогнуты вверх; над ними, а также над входом в храм, виднелись позолоченные «хорла», то есть буддийские круги, символизирующие вечное круговращение. По обеим сторонам каждого хорла виднелись изображения косуль.

Батуев остановил лошадей у ворот, прорезанных в каменной стене, окружающей монастырь. Звероловы спешили и привязали лошадей к тарантасу. Потом они помогли Смуге выйти из тарантаса и подвели его к воротам. Здесь, как обычно перед буддийскими храмами, направо от ворот стояла большая молитвенная мельница, барабан которой был покрыт священными письменами. Проходя рядом с мельницей, верующие буддисты поворачивали ручку барабана, так как верили, что это равносильно чтению написанных на нем молитв.

На пороге монастыря их встретил молодой монах в красном одеянии. Батуев объяснил ему, что прибывший из далеких стран ангаши² просит врачебной по-

¹ Дацан — монастырь.

² Ангаши — профессиональный охотник.

мощи у святого ламы. Монах нисколько не удивился этой просьбе. Видимо, подобные посещения были часты в этом монастыре. Он наклонил голову в знак согласия и ввел гостей внутрь ограды монастыря. В этот момент в храме никого не было. Между двумя рядами деревянных колонн, поддерживающих перекрытие, в самом центре храма, находилось изваяние сидящего Будды. У его подножья стоял алтарь со многими мелкими изваяниями божеств и мисками с жертвенными дарами. Запах полевых цветов смешивался с одуряющим ароматом благовоний. С потолка свисали флаги с священными письменами и длинные хоругви, на которых были изображены буддийские божества. Стены храма были покрыты живописными изображениями различных воплощений Будды и его святых последователей.

Молодой монах раздвинул тяжелую портьеру. За ней показались ступени лестницы, которая вела на верхний этаж. Монах провел путешественников в комнату, стены которой были обиты шелковой материей. Вдоль стен лежали толстые циновки для сидения, рядом с которыми стояли низкие, лакированные столики. В углу находился домашний алтарь с золочеными фигурками святых.

Едва путешественники уселись на циновках, как появился «святой» лама. По виду трудно было определить его возраст. Коричневая, блестящая кожа на его лице не носила следов морщин, только под глазами виднелись мелкие складки. Лама внимательно взглянул на гостей, отвесил им поклон, наклонив голову в высокой, желтой шапке, сужавшейся вверху и немного согнутой вперед. Лама был одет в темно-красную пелерину без рукавов из китайской парчи. Поверх пелерины была повязана светлая, широкая шаль, один конец которой лама перебросил через плечо на спину. За шелковым поясом у него были заткнуты большие четки, а в руках он держал небольшую молитвенную мельницу. Смотря на гостей, лама одновременно медленно вращал колесо мельнички. От ламы доносился запах благовоний.

Путешественники встали с циновок, приветствуя ламу. А он сказал что-то молодому монаху тихим, бесцветным голосом. Тот сразу же исчез из комнаты, но вскоре появился вновь. От имени своего настояте-

ля он поочередно вручил путешественникам цветные, тонкие, шелковые шали, которые буддисты дарят только очень почетным гостям. Молодой монах делал это чрезвычайно торжественно, низко кланяясь каждому.

Смуга в свою очередь подарил «святому» ламе резную молитвенную мельницу из знаменитого монастыря в Кими, а потом вручил ему денежное пожертвование на монастырь. Таким образом, совершился обмен первыми подарками. Молодые послушники внесли котелок с чаем и деревянные миски с сухими пирожными, сладостями и фруктами. Лама достал из складок своей одежды личную чашку и протянул ее послушнику, разливавшему чай. Для гостей были поставлены красные фарфоровые чашки.

Не переставая вертеть ручку молитвенной мельницы, лама развлекал гостей беседой. Он рассказывал о своем пребывании в священной Лхасе, расспрашивал о монастыре в Кими. Батуев слушал рассказ ламы с набожным вниманием, время от времени склоняя голову на грудь. Лама прекрасно говорил по-русски, хотя с несколько гортанным оттенком, характерным для большинства монголов. Его живые, черные глаза непрерывно переходили от одного лица к другому, пока не остановились на бледном лице Смуги. Лама прервал речь, всматриваясь в Смугу. Все замолкли, а лама, не отрывая взгляда от Смуги, тихо сказал:

— В буддийской святыне любой человек найдет то, чего ищет, хотя русские попы считают наши монастыри местопребыванием дьявола. Русские чиновники и попы не считают братских¹ людьми.

— Мы не русские чиновники,— поспешно сказал Томек.— Мы явились к вам, достопочтенный лама, с просьбой помочь нашему раненому товарищу.

— Вы правильно сделали. Русские врачи заботятся только о том, чтобы получить мунгум². Прошу вас, идите за мной, дорогие гости!

Лама ввел путешественников в комнату, отделенную портьерой. Это был его врачебный «кабинет» и одновременно аптека. Две стены от пола до потолка были заняты полками с разнообразными сосудами, на

¹ Сибирские крестьяне зовут бурятов братскими.

² Мунгум — деньги.

третьей стене висели пузатые, кожаные мешочки с тибетскими надписями.

Лама помог Смуге раздеться и посадил его на циновку у окна. Снял повязку с раны. Рана немного гноилась. Лама взял со стены несколько мешочков. Стал сыпать зелье в один из сосудов, бормоча при этом заклинания или, возможно, молитвы. Руками он делал над сосудом какие-то таинственные движения и, поворачивая голову, тихо сплевывал за себя.

Боцман незаметно подтолкнул Томека локтем.

— У нас по деревням знахарки тоже лечат так глупых баб...— тихо сказал он по-польски.

— Тише, боцман,— прошептал Томек.— Пусть совершают свои смешные обряды, лишь бы лекарство подействовало.

— Твоя правда, браток, только приготовь на всякий случай чистые бинты, потому что этот священник, хотя он и пахнет как парфюмерная фабрика, может, пожалуй, редко.

Томек бросил на друга возмущенный взгляд, но все же достал из подручной сумки бинты. Он положил их на циновку рядом со Смугой. Тем временем лама разлил снадобья по мисочкам. Шелковым платочком обмыл снадобьями рану. Смуга переносил эту процедуру весьма терпеливо. Когда лама принес какую-то черную мазь, Смуга пододвинул свои бинты. Вскоре перевязка была окончена.

— Ты вовремя пришел сюда. Злой дух хотел уже поселиться в твоём теле, но я его прогнал заклинаниями,— сказал лама, закончив перевязку. Теперь он начал тщательное обследование пациента. Выслушивая и выстукивая его, беззвучно шевелил губами, морщил лоб, словно выражал гнев. Наконец, закончив осмотр, лама обратился к Смуге.

— Тебя уже лечил кто-то из наших благочестивых ламов,— сказал он громко.

— Ты не ошибаешься, достопочтимый господин,— ответил Смуга.— Это было в монастыре в Кими. Во время своей прежней экспедиции я был ранен...

— Можешь мне не говорить об этом, я все знаю,— перебил его лама.— Внутри тебя притаился ужасный злой дух... Кто-то, при помощи яда, помог ему овладеть твоим телом.

Томек и боцман изумленно переглянулись. Откуда

лама мог знать, что Смуга был когда-то ранен отравленным ножом?

— Твоя новая рана ничем тебе не угрожает. Через два дня можешь снять повязку,— продолжал лама.— Опасность представляет первый злой дух. Он только дремлет в тебе, но порой пробуждается. Вот и теперь...

Томек побледнел, да и боцман не на шутку обеспокоился. Неужели в самом деле Смуге опять что-нибудь угрожает? Томек вдруг вспомнил, что врачи кабаки Буганды не ручались за полное выздоровление Смуги.

— Ты вовремя обратился ко мне. Правда, злой дух останется в тебе, но я его снова усыплю,— сказал лама.

Он снял со стены еще несколько мешочков. Достал из них мелкотолченное сухое зелье и стал смешивать его, все время бормоча заклинания и делая руками таинственные жесты. Потом часть порошка лама бросил в сосуд с водой, который поставил на огонь, а остальную часть лекарства всыпал в мешочек. Так прошло несколько минут. Лама налил в чашку отвар из зелья, подал чашку Смуге и сказал:

— Выпей это лекарство. Я составил его из чудесного корня растения, которое по древним преданиям рождается от удара молнии. Это растение усыпит злого духа твоей болезни.

— Что же это за растение, уважаемый лама? — недоверчиво спросил боцман.

— Это жень-шень¹, досточтимый господин,— ответил лама.— Уже больше трех тысяч лет корень этого растения применяется в народной медицине. Его нелегко найти, потому что растет он только по берегам источников, которые появляются из земли после удара молнией.

¹ Жень-шень (*Ранах ginseng*) — растение из семейства аралиевых, встречается в Уссурийском крае, в Северном Китае и Корее. В настоящее время в России, Канаде, Соединенных Штатах Америки и Японии организованы плантации жень-шеня. Надземная часть высотой около 70 см отличается серо-зелеными пятидольными листьями и мелкими цветами. Осенью на месте цветов появляются светло-красные или черно-красные ягоды. Корень этого растения, употребляемый в медицине, благотворно влияет на работу коры головного мозга, нервную систему и является превосходным укрепляющим средством.

— И это в самом деле целебное растение? — продолжал спрашивать боцман.

— В знак того, что это животворное и целебное растение, боги придали его корням вид человеческого существа. Древние китайские врачи делали из этого корня лекарство, которое могло на некоторое время отогнать смерть от человека, лежащего на смертном одре.— Смуга выпил отвар, поданный ему ламой, а боцман, как всегда любопытный и недоверчивый, спросил опять:

— Можешь ли ты, уважаемый лама, открыть нам тайну, откуда ты узнал о чудесном действии этого корня?

— Достопочтенный чужестранец, искусство врачевания я получил от мудрецов священной Лхасы, само название которой говорит о том, что она находится под особым покровительством богов. На тибетском языке Лхаса значит Земля Богов. Согласно древней монгольской легенде, храм в Лхасе возник благодаря невольной помощи слепого мудреца. Как видно, это был знак благоволения со стороны богов.

— Это чрезвычайно интересно. Досточтимый лама, очень вас прошу, расскажите нам эту легенду,— попросил Томек.

Боцман и Смуга поддержали его просьбу.

— Я с удовольствием расскажу вам, достопочтенные гости, но прошу вас в мою келью, где больной удобно отдохнет на циновках.

Все вернулись в комнату ламы. Молодые опять принесли котелок с горячим чаем. Когда все расселись, лама начал рассказ.

— Давным-давно, в царстве Жунь¹ пастухи вознамерились построить большой храм. Место для его постройки они выбрали в живописной долине. Они долго свозили в долину ценные материалы, а когда их накопили достаточно, принялись за работу. Общими усилиями они возвели великолепные стены и уже кончали строительство, как вдруг все здание рассыпалось в прах. Пастухи чрезвычайно этим опечалились, но не оставили мысль построить в этом месте святы-

¹ Жунь — древнее название нынешнего Тибета. Лхаса — так первоначально назывался храм, построенный в VII в. нашей эры. Лха — по-тибетски бог, са — земля.

ню. Вскоре они возобновили работы. Однако и на этот раз почти уже законченное здание развалилось без какой-либо видимой причины. Тоже самое случилось и во время третьей попытки построить храм.

Святые ламы не могли ничем помочь. Тогда хан царства Жунь вызвал самого знаменитого в своей стране прорицателя. Но и тот не сумел ответить на вопрос, почему не удастся закончить строительство. Однако он сказал, что тайна эта известна одному святому мудрецу, находящемуся где-то на востоке.

Хан немедленно позвал отважного и хитрого ламу, которого послал на поиски мудреца. Лама посетил все известные страны к востоку от царства Жунь. Осторожно и незаметно он расспрашивал о местопребывании знаменитых мудрецов, но никто ему не мог помочь. Отчаявшись, лама отправился в обратный путь в царство Жунь. Однажды у его седла лопнула подпруга. Желая починить ее, он стал искать вокруг какое-либо жильё. На берегу озера заметил старую юрту. В юрте он застал старика, погруженного в размышления.

— Мир твоему дому, брат, — сказал лама.

— Садись у очага и не побрезгуй моим скромным угощением, брат, — ответил старец.

Лама вскоре заметил, что хозяин слеп. Во время беседы старец сам сказал ему о своем увечье. Он считал, что ведет беседу с кем-то из своего народа, потому что ловкий посланник хана Жунь притворился ламой с востока, совершающим паломничество по монгольским святым местам. Он попросил у старца ремень, чтобы починить подпругу. Конечно, слепой сам не мог исполнить его просьбу и позволил ему поискать нужный ремень в юрте. Когда лама исправил подпругу, старик сказал:

— Ты счастлив, лама с востока, потому что ты можешь посетить великолепнейший храм, какого никогда не видели и не имели пастухи из царства Жунь! Они не смогут построить храм в своей долине. Волны неизвестного им подземного моря разрушают стены. Если они узнают эту тайну, подземное море уйдет из царства Жунь и зальет наши пастбища. Тогда все мы погибнем!

Лама догадался, что перед ним сидит мудрец, которого он так долго и напрасно искал. А старец, все

еще принимая ламу за представителя своего народа, потребовал, чтобы тот не выдал его тайны никому из западных лам. Тогда отважный лама воскликнул:

— Беги несчастный старик! Подземное море скоро зальет твою страну, потому что я лама из царства Жунь!

Воскликнув это, он вскочил в седло и помчался к своим, а бессильный слепой старик сходил с ума от отчаяния. Вскоре в юрту вернулся его сын. Громко рыдая, старец приказал ему погнаться за чужим ламой, который поехал на запад.

— Догони его и убей! Он украл у меня тайну,— кричал он.

На одном из монгольских наречий слова «тайна» и «ремень» звучат почти одинаково, а рыдающий старец произносил это слово очень неясно. Поэтому сын неправильно его понял. Испуганный тем, что отец приказывает ему убить чужого ламу за столь незначительную вину, он стал просить старца опомниться.

— Я заклинаю тебя, сын, немедленно догони его и убей, если не хочешь, чтобы все мы погибли! — крикнул отец.

Что же делать в таком случае? Сын не хотел опечалить старого отца, поэтому вскочил в седло и в тот же день догнал ламу. Поприветствовав его надлежащим образом, он сказал:

— Ты сегодня был гостем моего отца и, по его словам, взял наш ремень. Прости меня, что я задерживаю тебя по такому незначительному поводу, но я выполняю волю отца, который приказал мне убить тебя за этот ремень. Отец мой был очень разгневан и не отдавал себе отчета в том, что говорит. Поэтому я прошу тебя вернуть мне ремень, чтобы я мог исполнить его желание, не проливая крови.

— Этот ремень мне твой отец подарил, но если он требует возврата, я обязан выполнить его волю,— ответил лама из царства Жунь.— Стариков следует почитать и нельзя их обижать. Вот твой ремень!

Молодой человек во весь опор поскакал к отцу. У юрты он увидел соседей, привлеченных плачем отца, поэтому сразу же вернул ему ремень, полученный от лампы.

— Исполнил ли ты мое приказание? — нетерпеливо спросил старик.

— Я же не мог убить ламу! Ведь он ничего плохого нам не сделал,— ответил сын.— Я только отобрал у него ремень, о котором ты говорил.

— О, горе нам! Ламы с запада победили! Видно, такова воля богов,— печально отвечивал старик.— Я говорил, что он украл у меня тайну, а ты понял, что ремень. Уходите отсюда все! Вскоре море зальет всю нашу страну!

Предсказание святого старца исполнилось уже на следующий день. Подземные громы потрясли всю землю. Вода озера вышла из берегов и поглотила святого мудреца, его сына и многих, многих других.

А лама вернулся к своему властелину. Он успокоил ламов и пастухов, испуганных землетрясением. Когда он им поведал о тайне, которую узнал, пастухи принялись за строительство нового, великолепного храма, вокруг которого вскоре вырос город, столица царства Жунь¹.

* * *

Перед тем как попрощаться лама вручил Смуте мешочек со снадобьями и предложил принимать их в течение трех ближайших дней. Потом он показал гостям весь монастырь и даже позволил заглянуть в обширный зал, где юноши с бритыми головами, по виду напоминающие взрослых ламов, сидели, склонившись над столиками. Одни изучали трудное дело иероглифического письма тушью, другие — учились рисовать изображения богов на толстой бумаге. Это были шаби, или послушники. Они вежливо приветствовали путешественников и вернулись к прерванным занятиям. По рассказу ламы, шаби начинали послушание на девятом году жизни. Многие годы они изучали тибетский язык и учились писать на нем; для

¹ Григорий Николаевич Потанин (1835—1920) — выдающийся русский путешественник, географ и этнограф, в своем труде, изданном в Томске в 1912 году, пытается определить источники сказания о строительстве чудесного храма, которое в различных вариантах распространено у многих народов Азии и Европы. Потанин опровергает прежнее суждение о том, что эта легенда берет начало в Индии. По его мнению, родина мифа о строительстве храма — Монголия, откуда легенда распространилась среди других, иногда весьма отдаленных народов.

этого им приходилось выучить огромное число различных знаков и уметь писать их тушью с помощью кисточки. В буддийской религии тибетский язык является церковным языком, подобно тому, как латынь у католиков. Благодаря этому, несмотря на наличие государственных границ, общий церковный язык объединял все монгольские племена Азии. Юные послушники усердно рисовали изображения богов, работали в монастырском хозяйстве. Выполняли всякие поручения, изготавливали молитвенные мельницы, которые ламы продавали благочестивым паломникам во время больших религиозных торжеств.

Спустя определенное время, послушники становились учениками, получая несколько более высокую степень посвящения. Они изучали религиозные тексты, принимали участие в торжественных богослужениях, учились играть на священных инструментах и танцевать священные танцы. Много времени посвящали они тайнам тибетской медицины, изучению целебных растений и изготовлению из них лекарств. Только после многих лет обучения их посвящали в число ламов.

Звероловы с интересом выслушали рассказ настоятеля монастыря, обошли все помещения храма и в конце пути очутились у его ворот. Там, в тарантасе, их уже ждал Батуев. После церемониального прощания, старый лама долго стоял на пороге монастыря, вращая молитвенную мельницу до тех пор, пока путешественники не исчезли за горизонтом.

ХІІІ

СИБИРСКИЙ ЛЕГИОН СВОБОДНЫХ ПОЛЯКОВ

В лесной долине, окруженной цепью не очень высоких, пологих холмов, раздавался стук топоров и грохот падающих деревьев. Вдоль только что построенной железнодорожной линии суетились рабочие. Одни из них отесывали стволы и разрезали их пилами на шпалы определенного размера, другие на тачках возили балласт, на котором укладывали шпалы и рельсы. Железнодорожный путь медленно вгрызался в девственную тайгу.

Среди толпы бородатых сибирских крестьян, одетых в старые полушубки и обутых в лыковые лапти, виднелась группа рабочих, одетых в одинаковые, изношенные серые кафтаны, холщовые штаны и рубахи. Это были каторжники, то есть люди, приговоренные к тяжелым работам. На головах, выбритых с одной правой стороны, они носили круглые шапки без козырьков. На ногах у них были кандалы, причем некоторые из них были прикованы цепями к тачкам. Группу окружал конвой из солдат в темно-зеленых мундирах.

Вольнонаемные рабочие и арестанты, равно как и солдаты конвоя, с одинаковым любопытством поглядывали на стоявший невдалеке барак, обмениваясь сведениями о необыкновенном событии. Они заинтересовались звероловами, которые вступили в жаркий бой с бандой хунхузов и победили их. Известие об этом распространилось в лагере утром того дня, когда конный бурят вызвал командира отряда казаков в улус. Спустя несколько часов, солдаты привели связанных бандитов. Вместе с ними приехали четыре иностранных путешественника. Теперь сотник Тухольский вел энергичное следствие, подозревая пойманных хунхузов в недавнем нападении на строителей железной дороги.

В то время как рабочие терялись в фантастических догадках, четверо героев дня сидели в бараке, как на раскаленных углях. Именно в этот момент решалась судьба всей опаснейшей экспедиции. Даже Смуга, всегда владевший собой, нетерпеливо поглядывал на дверь, за которой сотник Тухольский производил дознание. Казаки вводили бандитов по очереди. Удары нагаек и стоны доносились из соседней комнаты.

Томек старался не слышать стонов истязуемых. Судорожно сжав зубы и побледнев как полотно, он смотрел через окно. Он не мог оторвать взгляда от арестантов, работавших на насыпи. Возможно, между ними были и поляки?.. Вид людей, закованных в кандалы, прикованных цепями к тачкам, красноречиво свидетельствовал о тех муках и унижениях, которые вынуждены были переносить тысячи ссыльных, героических борцов за свободу своей родины.

Боцман сохранял мнимое спокойствие, курил трубку, но и в его голове были невеселые мысли. Он

мрачным взглядом провожал казаков, ведущих хунхузов на следствие и в конце концов пробурчал:

— Видимо, с нашими ссыльными тоже обращаются не лучше...

— Посмотри боцман через окно и у тебя сразу же пропадут всякие сомнения,— шепнул Томек.

Вспомнив своего сводного брата, Смуга тяжело вздохнул. Один только Удаджалак, казалось, не удивлялся ни чему. На его родине, как и во многих других странах Азии, часто во время следствия применялись пытки.

Прошло довольно много времени прежде чем казаки вывели последнего хунхуза. На пороге комнаты показался сотник Тухольский. Он в задумчивости смотрел на путешественников, как бы взвешивая в уме, что им сказать. Лишь после длительного молчания, он неуверенно произнес:

— Они сознались... Это их банда месяц тому назад совершила нападение на наших железнодорожников. Генерал-губернатор направил меня сюда, чтобы организовать преследование хунхузов. К сожалению, банда бежала в Маньчжурию... А жаль, повышение и награда пролетели у меня мимо носа...

Томек и боцман сделали такое движение, словно в голову им пришла одна и та же мысль. Однако Смуга взглядом приказал им молчать и закурил трубку. Подперев голову рукой, сказал:

— Но ведь теперь эти хунхузы в ваших руках... О нашем участии в их поимке можно и не упоминать.

Сотник Тухольский прищурил глаза и выжидательно молчал.

— Вы нас избавили от неудобств, связанных с пленниками,— говорил Смуга.— Нам теперь не до хунхузов, следствий и... наград. Мое здоровье возбуждает опасение. От ранения, полученного в бою с хунхузами, раскрылись старые раны. Мне необходим совет хорошего врача, чтобы поправиться и успешно закончить охоту.

На лице сотника появилось выражение надежды и удовлетворения. Неужели повышение и награда не минуют его?

— У нас в Сибири мало врачей. Жить добровольно здесь никто не хочет,— вмешался он.— Туземцы лечатся у своих монахов или шаманов, а мы, русские,

вынуждены лечиться у нескольких европейских врачей, занятых в больницах Читы или Нерчинска. Ни один из них не захочет сюда приехать.

— Неужели нельзя чем-нибудь помочь? — вздохнул Смуга, наблюдая за Тухольским.— Из-за этой бандитской пули может сорваться вся экспедиция...

Офицер потер руки и сказал:

— А если бы я отвез вас в больницу?

— Это для нас слишком большая потеря времени,— ответил Смуга.— Кроме того, один я не могу ехать. Я очень ослаб, а путь — далекий.

— Ваши спутники поехали бы с вами. Я постараюсь это как-нибудь устроить.

— Гм, мы подумаем над вашим предложением,— с колебанием ответил Смуга.— Во всяком случае, один из нас должен будет немедленно вернуться в лагерь близ Благовещенска, чтобы сообщить остальным товарищам о нашем отъезде. Но на это трудно решиться, так как ему пришлось бы ехать через тайгу в опасном одиночестве...

— И этому делу можно помочь,— сказал офицер.— Я еще не сказал вам о том, что выявило следствие. Дело в том, что хунхузы выдали своего шпиона, находящегося на нашем берегу Амура. Это старый паромщик, которого зовут капитаном Вангом. Он донес банде и о вас.

— Ах, лицемер! — воскликнул Томек.— Во время переправы я обратил внимание на интерес, проявленный им к нашим вьюкам!

— Стоило бы надеть ему петлю на шею,— буркнул боцман.

— Будьте спокойны, он понесет заслуженное наказание,— заверил офицер.— Я уже написал приказ об его аресте.— Несколько моих людей готовятся в путь. Паром капитана Ванга находится недалеко от вашего лагеря. Поэтому один из вас может сейчас же ехать с солдатами.

Смуга незаметно улыбнулся. Сотник Тухольский сообщил им о хунхузском шпионе только тогда, когда уверился в том, что путешественники не претендуют на награду.

Помолчав немного, Смуга сказал:

— Раз дело представляется так, нам остается только дать официальные показания о нападении хунхузов.

Офицер сразу же принес письменный прибор. Смуга продиктовал Томеку содержание заявления, из которого вытекало, что сотник Тухольский спас охотничью экспедицию от нападения хунхузов.

Четверо путешественников подписали заявление.

Сотник не скрывал своей радости. Он тщательно спрятал документ в карман.

— Я возьму вас в Нерчинск специальным поездом,— сказал он благожелательно.— В больнице Нерчинска работает европейский врач, и я подам соответствующий рапорт его высокопревосходительству генерал-губернатору, чтобы у вас не было никаких осложнений с полицией. Думаю также, что вами интересуется господин Нашкин. Я ему шепну несколько словечек. Ведь это он назначил награду за поимку хунхузов. Путешественники украдкой обменялись многозначительными взглядами.

— Кто такой, этот Нашкин? Это кто-нибудь из полиции! — равнодушно спросил Смуга.

— Сразу видно, что вы иностранец,— ответил офицер.— Это сибирский миллионер. Он разбогател на меховой торговле и неплохо сдирает шкуру с местных жителей.

— А почему он интересуется делом нападения на строителей железной дороги? — спросил Томек.

— Хунхузы тяжело ранили его племянника, инженера на строительстве,— пояснил сотник.

— Ах, вот как? — удивился Смуга.— Мы вам благодарны за вашу протекцию. Помощь господина Нашкина может нам пригодиться в Нерчинске.

— Его высокопревосходительство генерал-губернатор и Нашкин, конечно, будут вам очень благодарны за лояльное сотрудничество с русскими военными властями. Ведь вы пострадали в борьбе с преступной бандой!

— Прежде всего мы отдаем себя под ваше покровительство,— ответил Смуга. Он удовлетворенно подмигнул друзьям. План поездки в Нерчинск становился вполне реальным.

— Кто из вас отправится с моими людьми вниз по реке? — спросил сотник Тухольский, тоже вполне довольный путешественниками.

Смуга притворно задумался.

— Думаю, что в лагерь надо отправить Удаджала-

ка,— ответил он и, обращаясь к индийцу, добавил: — Расскажите господину Броуну и Павлову о всем, что с нами случилось.

— А что нам делать с лошадьми? — вмешался боцман.— Ведь не везти же их в Нерчинск?

— Вашими лошадьми займется комендант лагеря на первой железнодорожной станции,— предложил Тухольский.— Рано утром оттуда в Читу уезжает на специальном поезде заместитель главного инженера. Мы поедем вместе с ним. Я сейчас отдам распоряжение, а господин Удаджалак пусть приготовится в путь. Казаки отправятся еще сегодня.

Офицер вышел из барака. Смуга воспользовался случаем, чтобы посвятить Удаджалака в свои дальнейшие планы. Они должны вывезти ссыльного из Нерчинска, предварительно переодев его и загримировав, причем во время поездки он будет пользоваться фальшивым паспортом. На предпоследней остановке беглец должен сойти с поезда, скрыться в тайге и дожидаться там пока они не подоспеют с лошадьми. Потом они проберутся поближе к лагерю, где беглец будет надежно спрятан в тигровую клетку.

Не прошло и часа, как наши путешественники попрощались с Удаджалаком, желая ему удачи. Томек непринужденно болтал с сопровождающими Удаджалака казаками, а боцман даже выпил с ними «посошок» на дорожку.

* * *

Томек стоял у открытого окна. Вслушиваясь в размеренный стук вагонных колес, он с любопытством смотрел на проносившиеся мимо пейзажи Забайкалья. Вокруг насколько хватал глаз простирались горные хребты, высота которых не доходила, однако, до линии снегов. Отдельные горные цепи, лишенные ясно выраженных граней, представляли из себя широкие плоскогорья, между которыми вырастали куполообразные вершины. Время от времени среди густой сети лощин с пологими склонами, поросшими лесом, показывались «островки» типично степного пейзажа. Сибирская тайга на территории Забайкалья встречается с монгольской степью, которая двумя языками, открытыми к югу, далеко проникает в тайгу; на западе

это селенгинский клин, а на востоке — аргунско-ононский. Степные районы, с характерной для них растительностью на южных, каменистых склонах врезаются в царство тайги далеко на север, почти до пределов Якутии; тайга в свою очередь выходит далеко на юг, вплоть до реки Ингоды и даже кое-где доходит до засушливых степей южного Забайкалья.

Видимо, в наследство от отца, Томек получил страсть к естествознанию; он тщательно изучал виды растений и животных, встречавшиеся ему по пути; оказалось, что они присущи как сибирской тайге, так и монгольским степям амурско-уссурийского района и даже высокогорным областям.

Географические вопросы в уме Томека постепенно уступили место трагическим для поляков воспоминаниям, связанным с южной оконечностью Байкала, называемого бурятами священным морем. Под влиянием внезапного волнения, Томек обратился к друзьям.

— Отсюда недалеко уже до Мишихи¹ на берегу Байкала...— сказал он по-польски, но сразу же спохватился и умолк, вспомнив что они не одни.

Кроме Смути, с удобством расположившегося на овчинах, разостланных на диване вагона, и дремавшего боцмана, в купе находился заместитель главного инженера. Он ехал по делам строительства в Читу к генерал-губернатору. Это был пожилой человек с длинной седой бородой. Сотник Тухольский представил его звероловам как Станислава Красуцкого. Заметив его испытующий взгляд, Томек смутился. Внезапно проснувшийся боцман открыл глаза и спросил на русском языке:

— Ты что-нибудь сказал?

— Я говорю, что отсюда рукой подать до Байкала,— повторил Томек, тоже по-русски, благодарный боцману за то, что тот сохранил самообладание.

— Ну и что с того! — пробурчал моряк, пожимая

¹ Под Мишихой, на южном берегу Байкала в 1866 году польские ссыльные под командованием Густава Шрамовича выдержали неравный бой с русскими войсками. Русские власти на братской могиле погибших повстанцев поставили крест с надписью: «Здесь погребены взбунтовавшиеся польские мятежники, убитые во время перестрелки 28 июня 1866 г.».

плечами.— Подумаешь, важная причина для того, чтобы будить человека!

— Не обижайтесь на своего молодого друга. Байкал для поляков своего рода священное место,— вдруг отозвался, молчавший до сих пор, инженер Красуцкий.

— Почему же это? — удивился боцман.

— Несколько лет назад, группа польских ссыльных, находившаяся на берегах этого озера, подняла бунт. Ссыльные, принадлежавшие к другим национальностям, никогда не отважились бы на подобный шаг. Поэтому все поляки, приближаясь к Байкалу, вспоминают героев, погребенных в тайге под Мишкой, и других, убитых в Иркутске!

— Скажите, вы тоже поляк? По какой же причине вы решили жить в Сибири? — грубовато обратился к инженеру боцман.

— Сначала я здесь находился в качестве ссыльного. Потом мне удалось закончить в Петербурге Институт инженеров путей сообщения и я приехал сюда в поисках хорошего заработка. В Сибири я прожил почти сорок лет.

— Вы постоянно работаете на строительстве железных дорог? — спросил Томек.

— А как же! — подтвердил инженер.— Мне кажется, что постройка железной дороги облегчает ссылку нашим соотечественникам.

— Несомненно, ваши соображения не лишены основания,— вмешался Смуга.— Неужели вы находились здесь во время польского восстания на берегах Байкала?

— Нет, на Байкал я попал несколько лет спустя, но тогда здесь еще очень часто вспоминали трагедию поляков.

— В таком случае, вам пришлось многое слышать об этом восстании,— заметил боцман.

— Думается, что для поляков это тяжелое воспоминание,— ответил Красуцкий.

— Господин Броль уже многие годы сопутствует нам в охотничьих экспедициях,— поспешил пояснить Смуга.— И хотя он немец, но симпатизирует полякам. Он даже неплохо говорит по-польски.

— Раз так, то давайте перейдем на польский язык,— предложил инженер Красуцкий.— Мне будет полезно вспомнить родной язык.

— Прекрасно,— сказал боцман.— Думаю, что сотник Тухольский со своими казаками уже давно пошел на боковую, потому что связанные хунхузы не смогут улизнуть на ходу поезда. Давайте поговорим о чем-нибудь интересном. Кому первому пришла в голову мысль о мятеже на берегах Байкала?

— Очень трудно определить, кто первый задумал групповой побег из Сибири,— ответил Красуцкий.— Дело в том, что почти все польские ссыльные лелеяли мечту о бегстве по примеру Бенёвского. После январского восстания среди ссыльных поляков оказалось много студентов, художников, бывших офицеров, и героических варшавских ремесленников, попавших в плен на поле битвы. Еще во время этапа через Сибирь в их ушах раздавались отголоски прежней битвы. Любая искра могла вызвать пожар...

— В некоторых польских кругах считалось, что проект группового побега из Сибири принадлежит Ярославу Домбровскому, который позднее стал участником Парижской Коммуны¹,— заметил Смуга.

— Возможно, что так и было,— согласился Красуцкий.— Ярослав Домбровский в 1864 году содержался в московской пересыльной тюрьме. Тогда уже многие говорили о том, что в один и тот же день все партии ссыльных, разбросанные на длинном пути от Варшавы до Урала, должны одновременно разоружить конвой и вернуться в Польшу в те места, где еще продолжалось сопротивление повстанцев. Домбровский при помощи польских и русских революционеров сумел бежать из тюремной бани. После этого некоторые поляки занялись разработкой еще более смелых планов бегства. К примеру, находившийся в ссылке в Красноярске Павел Ландовский, бывший начальник повстанческой жандармерии в Варшаве, намеревался вместе с русским революционером Николаем Серно-Соловьевичем поднять русский народ на революцию.

¹ Парижская Коммуна — первое в истории правительство рабочего класса, возникшее в Париже в марте 1871 года в результате народного восстания против правительства Тьера. Парижская Коммуна просуществовала два месяца и пала в результате действий войск французской буржуазии, вступившей в сговор с германскими войсками. На стороне Коммуны воевали многие поляки во главе с генералами Ярославом Домбровским и Валерием Врублевским.

— Это и в самом деле был смелый план,— удивленно сказал Томек.

— К сожалению, русские власти раскрыли заговор,— продолжал Красуцкий.— Серно-Соловьевич был внезапно вывезен и умер по дороге в Якутск и с ним погибли тайны подготавливавшейся революции.

Однако поляки не оставили свое намерение бежать. Главный центр заговора был перенесен в Иркутск, где во время зимнего скопления арестантов в тюрьмах умерло больше ста человек. Организатором подготовки побега был там Нарциз Целинский, бывший участник восстания 1848 года в Познанском княжестве и в Галиции, позднее штабс-капитан на Кавказе и повстанец 1863 года. Его план вооруженного выступления и побега не предусматривал помощи со стороны русских революционеров.

Узнав о волнениях среди польских ссыльных, царские власти решили отобрать самых беспокойных из них и направить на строительство железной дороги, которая должна была проходить вдоль южного берега Байкала. Ссыльные сначала приняли этот проект с радостью. Работа на строительстве позволяла им находиться на свежем воздухе и могла облегчить планируемый побег. Целинский предлагал отправиться с берегов Байкала через киргизские степи в Бухару, где в то время шла война между Россией и бухарским эмиром.

— Мне кажется, что проект был вполне реальным,— вмешался Смуга.

— Вы правы, побег мог быть успешным, если бы не ряд непредвиденных обстоятельств. Дело в том, что в конце мая 1866 года первая партия ссыльных была отправлена в Култук, на южном берегу озера, расположенный на расстоянии около ста километров от Иркутска. Вторая партия была направлена еще на семьдесят километров дальше, в селение Мурино. Как раз тогда пришло известие о царском манифесте об амнистии в связи с неудачей покушения Каракозова на жизнь царя. По манифесту сроки тяжелых наказаний были уменьшены наполовину, менее тяжелые наказания — заменялись принудительным поселением в Сибири. Иркутские власти задержали отправку ссыльных на Байкал, чтобы провести новое распределение арестантов на группы по новым срокам. Амнистия

значительно улучшила настроение среди ссыльных, так что часть из них даже отказалась от мысли о бегстве.

В конце концов, на строительство дороги были отправлены семьсот двадцать человек. Арестанты попали в чрезвычайно тяжелые условия. Постоянные ветры, дующие над Байкалом, являются причиной частых бурь. Значительные перепады температуры воздуха на озере и на берегу приводят к тому, что ночью в ущельях дует резкий холодный ветер, который дает о себе знать особенно осенью. В тот год шли непрерывные дожди, питание арестантов было из рук вон плохим, рабочий день длился с пяти часов утра до шести вечера, жилища отсутствовали, и арестанты вынуждены были сами строить себе шалаши.

В озеро впадает множество реж, которые отделены друг от друга горными хребтами, и строителям приходилось через них пробиваться. Отвесные стены, высотой свыше двухсот метров, нависали прямо над водой. Весной, когда паводковые воды срывали мосты, прекращался подвоз продовольствия. Арестанты пробивали в скалах туннели, корчевали пни, валили деревья, копали землю и готовили материал для строительства мостов. В той пустыне они чувствовали себя полностью оторванными от цивилизованного мира. Правда, им разрешалось раз в три месяца писать письма домой, но из дому они почти не получали ответов.

Среди ссыльных, разбросанных отдельными группами вдоль южного берега Байкала¹, шла оживленная агитация в пользу побега. Густав Шрамович считал, что выхода нет: придется либо «подыхать как скот от непосильной работы», либо попытаться освободиться, а в случае неудачи погибнуть с честью с оружием в руках. К сожалению, среди ссыльных не было единомыслия. Нашлись даже предатели. Поэтому Целинский, избранный вождем восстания за его боевое прошлое, решил воспользоваться удобным случаем и отдал группе ссыльных в Мурино приказ начать борьбу. Это произошло в начале июля, в ночь с пятницы на субботу.

¹ Дорога строилась от станции Байкал, через Маритуй, Култук, Слюдянку, Утулик, Мурино, Танхой, Мишиху и далее до Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ).

Приказ Целинского поднял арестантов еще в нескольких местностях. В Лиственной Шрамович, а в Култук — Арцимович, разоружили стражников и направились вдоль Байкала на соединение с группой Целинского. В качестве арьергарда они выслали вперед восемьдесят кавалеристов во главе с Леопольдом Эльяшевичем. Адъютантом у Эльяшевича состоял Эдвард Вронский, гимназист из Вроцлава, настоящая фамилия которого была Сконечный. По пути в Мишиху отряд Эльяшевича встретил командира конвойных войск полковника Черняева и инженера Шаца, руководителя работ. Эльяшевич взял обоих в плен. Бывшие при них деньги он конфисковал, выдав пленным квитанцию с подписью: Сибирский легион свободных поляков. И тем самым выдал название польской военной организации.

Эльяшевич вскоре объединился с группой вождя восстания Целинского, но тот, не имея возможности слишком долго ждать прихода Шрамовича с пехотой, приказал Эльяшевичу немедленно занять Посольск. По дороге Эльяшевич встретился с русским отрядом под командованием поручика Керна. Поляки потеряли нескольких человек убитыми, часть попала в плен. В Посольск прибыли русские подкрепления под командованием майора Рика, поэтому Эльяшевич отступил в Мишиху, куда вскоре подошел и Шрамович во главе двухсот, плохо вооруженных, пехотинцев. В этих условиях рискованно было пойти на решительное сражение. Целинский советовал вернуться в Култук, где не было русских войск, и оттуда направиться к китайской границе. Повстанцы не приняли его план, так как считали, что русские уже заняли все местности на южном берегу озера. Целинский сложил с себя полномочия, и командование повстанцами взял на себя Шрамович.

Известие о восстании быстро дошло до русских властей в Иркутске, которые со всей энергией стали собирать силы для его подавления. Желая возмутить население против восставших, они распространили ложные слухи о том, будто бы взбунтовавшиеся арестанты намерены уничтожить русских и туземцев. Таким образом, кроме русских войск, против горсточка поляков обратилось местное население. Повстанцы попали в окружение. Во главе небольшого отряда Це-

линский попытался перейти китайскую границу. Шрамович, у которого осталось всего лишь сто пятьдесят человек, принял решительное сражение под Мишихой. Истратив патроны, повстанцы бросились врукопашную, но все же, в конце концов, были вынуждены отступить в тайгу. Рассредоточившись, они пытались небольшими группками пробиться в Китай. Донельзя измученные, истощенные голодом, они попали в руки русских войск.

— Бедняги, разве они не знали, что должны проиграть эту неравную борьбу? — перебил его Томек, тяжело вздохнув.

— А что случилось с теми, которые попали в плен? — спросил боцман.

Красуцкий насупил брови, словно пытаясь что-то вспомнить, и ответил:

— Вы, господа, найдете лучший ответ в стихотворении, написанном одним из поэтов в честь польских повстанцев с берегов Байкала¹. Послушайте, пожалуйста:

*«Лучше уж пуля, чем жизнь такая!»
Решили, восстали, страх разогнали!
В руках берданки. Страна родная
Их не дождется — в слезах, в печали!
В глуши таежной — голода муки.
Лишь тот был счастлив, что пал в сраженьи!
А им? — Им выпало поражение,
Опять сковали оковы руки.
И суд неправый... И строй пехоты...
И залпы — первый... третий... четвертый!*

Боцман достал из кармана клетчатый платок. Стал шумно сморкаться. Томек повернулся лицом к окну, пытаясь скрыть слезы, появившиеся у него на глазах. Смуга устремил на Красуцкого испытующий взгляд, словно хотел до конца прочесть его скрытые мысли. После длительного молчания закурил трубку и сказал:

— Царизм уже не раз применял метод разжигания вражды между завоеванными народами. Впрочем, то же самое делают с успехом и другие государства, ведущие политику завоеваний. Однако в данном случае

¹ Из стихотворения поэта Корнеля Уейского (1823—1897) «На смерть расстрелянных в Иркутске». Перевод В.Э. Арцимовича.

ложь царских чиновников была, видимо, быстро разоблачена. Ведь несчастные узники желали только своей свободы!

— Вы, конечно, правы! Даже жители Иркутска искренне сочувствовали повстанцам. Во время суда обнажилась подлая роль царского правительства, которое обвиняло польских узников в намерении уничтожить русских в Сибири,— признал Красуцкий.

— Как вытекает из стихотворения, к расстрелу приговорили четверых повстанцев,— вмешался боцман.— Что сделали с остальными?

— Из семи человек, приговоренных к смерти, расстреляли четверых: Шрамовича, Целинского, Рейнера и Котковского. Около четырехсот человек приговорили к многолетней или даже вечной каторге, некоторых отдали под надзор полиции.

— Как был приведен в исполнение приговор? — спросил Томек.

— Казнь состоялась близ берегов Ангары у подножия диких гор, в предместье Ушаковка. Несмотря на то, что стояли морозы и туманы, жители Иркутска собрались в пригороде. Не было только поляков, проживавших в городе. Власти запретили им показываться на улице в течение нескольких дней. Ответственность за поведение поляков была возложена на домохозяев.

— Вот подлецы! — возмутился боцман.

— И все же нашелся человек, который нарушил суровое распоряжение властей. Переодевшись в одежду чадона, то есть сибирского крестьянина, один из поляков, Болеслав Ольшевский, пробрался на место казни. Он мне рассказал, как все это происходило,— продолжал инженер.— Четверо поляков смело шли на смерть, как и положено героям. Их сопровождал иркутский ксендз, поляк, тоже из ссыльных, Кшиштоф Швермицкий.

Увидев, что у ксендза дрожат руки, Шрамович сказал ему:

«Ты святой отец, вместо того чтобы поддержать наш дух и тем помочь нам смело принять смерть от руки этих рабов царизма, дабы показать им, что поляки умеют умирать за свободу, ты сам ослабел и требуешь утешения, потому что у тебя дрожит рука, которой ты должен нас благословить! Выше голову,

польский пастырь, молись не за нас, а за будущее Польши! Нам все равно, погибнем ли мы на своей земле за ее свободу, или в изгнании! Идея, которой мы посвятили свою жизнь, не погибнет!»¹

Шрамович попрощался с товарищами. Остановился у столба, вкопанного в землю. Когда на него надели саван, он подбросил вверх шапку и умер с возгласом: «Еще Польша не погибла...»

Его шапка упала около царского полковника. Он отбросил ее ногой. Тогда в толпе, собравшейся на месте казни, раздались крики: «подлец!» Под грохот барабанов раздался ружейный залп...

Взволнованный Красуцкий умолк.

Первым вышел из состояния задумчивости Смуга. Он вытряхнул пепел из погасшей трубки и взглянул в окно вагона. На востоке поднималась заря. Таким образом, ночь в поезде прошла среди страшных воспоминаний.

— Уже светает, мы подъезжаем к Нерчинску², — громко сказал Смуга.

Услышав слова Смуги, Томек очнулся и выглянул в окно. В розоватом свете раннего утра простирался холмистый пейзаж, напоминающий пустыню. Монотонность дикого края кое-где прерывали узкие и глубокие овраги с высокими, крутыми, каменистыми склонами, иногда поросшие карликовой растительностью. Время от времени среди сухих оврагов и долин появлялись, окруженные горами, острова зеленых лугов, поросших всеми видами степных и луговых трав. В таком разнотравье в изобилии встречаются: мятлик, келерия, осока, ковыль, скабиоза и типчак.

Вид обширных степей взволновал Томека, так как это значило, что они приближаются к цели экспедиции — Нерчинску! Неуверенность, надежда и тайный страх попеременно овладевали сердцем юноши. Они перенесли столько трудов, преодолели столько опасностей, чтобы добраться наконец до места ссылки Збышека! Удастся ли им его освободить? В поисках

¹ По книге Владислава Евсевицкого: «В сибирской ссылке», Варшава, 1959 г.

² Нерчинск — город, расположенный близ реки Шилки в Юго-Восточной Сибири; в прошлом город был известен торговлей мехами, чаем и скотом. Основан в 1654 г.

ответа на этот вопрос, Томек невольно посмотрел на своих друзей. Смуга пыхтел короткой трубкой-носогрейкой и ленивым взглядом следил за клубами дыма, поднимавшимися в воздух, боцман опустил голову на грудь и, как ни в чем ни бывало, дремал. Их случайный попутчик Красуцкий просматривал какие-то бумаги. Томек повеселел и облегченно вздохнул. Их рискованная экспедиция должна была окончиться успешно, раз в ней участвуют такие умные и бесстрашные люди, как Смуга, отец и боцман!

XIV

ГРОЗНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Сто бочек прогорклого китового жира! Да перестань ты, пожалуйста, охотиться на тараканов! — обратился боцман к Томеку. — Заснуть не могу, если ежеминутно слышу, как ты ногами давишь их, проклятых!

Томек, шагавший из угла в угол, остановился у лежащего на полу соломенного тюфяка, на котором отдыхал боцман, и возмущенно ответил:

— Одному мешает гнус, другому — тараканы. Я вижу, что вы как-то очень быстро привыкли к этим проклятым насекомым. Смотрите, таракан лезет по вашей подушке!

— Ну что ж из того? Видимо, он чувствует мое доброе сердце. Ведь таракан тоже хочет жить! — философски ответил боцман. — Моряки, браток, не могут обращать внимания на такую мелочь. На кораблях всякое бывает. Знаешь, браток, однажды я плыл в Китай на старой калоше. Мы везли трубы, но, если бы я этого не знал, мог бы подумать, что везем груз крыс и тараканов. Они нам попадались даже в супе.

— Я бы ни одного часа не остался на таком судне, — воскликнул Томек.

— Ты так думаешь? Впрочем, возможно, такой храбрец как ты и прыгнул бы в море! Я же предпочел дойти до Коломбо на Цейлоне и только там, вместе с приятелем постарался опоздать на корабль. В дальнейший путь он отправился без нас.

— Мне теперь не до шуток, — буркнул Томек. —

Если бы не то, что господин Клеменсович получил эту нору в наследство от своего отца, польского ссыльного, я бы эту гостиницу поджег, не колеблясь ни минуты!

— Отличная идея, но тогда нам пришлось бы жить под открытым небом, так как в Нерчинске это единственная гостиница. Видно, этот Клеменсович был ловкий делец, если начал дело там, где у него не было конкурентов!

Возмущенный насмешливым тоном боцмана, Томек пожал плечами и отвернулся. Он подошел к окну, выходящему на темный, грязный двор. Смуга что-то долго не возвращался из города. Около помойной ямы во дворе вертелась кудлатая собака. Не дождавшись возвращения Смуги, юноша отвернулся от окна и осмотрел убогий номер гостиницы. На первый взгляд он был скорее похож на притон, чем на гостиничный номер. Краска на дверях и окнах лущилась и отпадала кусками, обнажая темное дерево, между досок грязного пола зияли щели, в которых кишели насекомые. Вся меблировка номера состояла из колченогого стола, покрытого не первой свежести скатертью, соломенных тюфяков и медного таза, который появился в комнате только по требованию путешественников. Тюфяки и таз принес из квартиры Клеменсовича неряшливый, как и все в этой гостинице, парнишка, слуга и одновременно повар.

— С ума сойти можно, сидя без дела в этой норе,— буркнул Томек.

— А что нам еще делать, раз Смуга запретил показываться на улице! — сказал боцман.— Скучно здесь, еда никуда не годится. Даже и подремать нельзя, потому что я выспался на год вперед.

— Дядя Смуга прав,— сказал Томек.— В маленьком городишке, таком, как Нерчинск, любой приезжий сразу же обращает на себя внимание. Чем меньше нас здесь видят, тем лучше! А впрочем, ничего интересного в городе нет. Я уже наизусть знаю все важнейшие дома: библиотеку, музей, три школы, казначейство и один, в самом деле великолепный, особняк Нашкина.

— Ты забыл о больнице, в которой лечат Смугу,— добавил боцман.

— К счастью, дядя Смуга быстро выздоровел бла-

годаря лекарству, полученному в монастыре. В этой больнице ему вряд ли смогли бы помочь.

— Смуга все это прекрасно организовал!

— Верно! Он все еще притворяется больным, чтобы подольше посидеть в Нерчинске, а одновременно пыгается разузнать побольше о Збышке.

— Что-то долго его нет,— заметил боцман.— Интересно, что ему сегодня скажет этот дружок пандита Давасармана. Ведь он обещал нам помочь!

— Будем надеяться, что поможет! Как он низко кланялся, узнав по чьему поручению мы к нему пришли,— заметил Томек.

— Да,— согласился моряк.— Я и не ожидал, что у пандита Давасармана такие «длинные руки»!

— Пандит Давасарман необыкновенный человек!

— Видимо, он важная рыба между пандитами¹. Даже англичане с ним считаются. У нас немало доказательств тому, полученных во время экспедиции в Тибет.

Друзья повели беседу о пандите Давасармане, потом перешли к разработке плана похищения ссыльного из Нерчинска.

Их тихая беседа была прервана скрипом двери. В комнату вошел Смуга. Томек и боцман подбежали к нему, но Смуга сначала тщательно запер дверь, снял куртку, уселся на тюфяк и закурил свою любимую короткую трубку. Только проделав все это, он взглянул на спутников. Жестом пригласил их сесть рядом с собой. Они уселись.

— Вы узнали что-нибудь новое? — с нетерпением обратился Томек.

Боцман откашлялся и тоже стал набивать трубку табаком.

— Известия у меня неважные,— после длительного молчания сказал Смуга.— Восемь месяцев назад Збигнев Карский отправлен из Нерчинска.

Томек побледнел и остановился, вопросительно глядя на Смугу. Боцман сбросил рукой таракана, ползавшего по подушке, и сказал:

— Я сразу же подумал, как только взглянул на вас, что вы приносите плохие вести... Выходит, бедняга исчез, словно его кит проглотил.

¹ Пандит — ученый в Индии. Подробности смотри в книге «Томек ищет Снежного Человека».

— Значит, все пропало...— дрожащим голосом прошептал Томек.

— Я этого не сказал! — возразил Смуга. Правда, тот факт, что Збышека нет в Нерчинске весьма осложняет дело, но одновременно доказывает крайнюю необходимость нашей помощи Збышеку.

— Есть ли хоть какой-нибудь шанс на его освобождение? — лихорадочно спросил Томек, хватая друга за руку.

— Успокойся, пожалуйста, Томек. Ты же знаешь, я сделаю все, что от меня зависит для его спасения,— ответил Смуга.

— Правильные слова! — похвалил боцман.— Честное слово, я готов броситься в огонь и в воду, если это будет нужно!

Смуга с улыбкой посмотрел на рослого моряка и сказал:

— Меня очень радует, боцман, ваша готовность, потому что вскоре нам может стать очень и очень жарко.

— Говорите прямо, как обстоят дела. На меня вы всегда можете рассчитывать,— твердо сказал моряк.— Что же ты нос повесил, Томек? Збышека мы в беде не оставим!

— Достаньте из моего чемодана карту,— приказал Смуга.

Через минуту карта была на столе, и Смуга пояснил:

— Восемь месяцев назад Збышека отправили из Нерчинска в Алдан. Вот сюда, в Якутию.

— Ах, чтоб их кит проглотил! Но ведь от нашего лагеря до Алдана ближе, чем до Нерчинска! — удивился боцман.

— Будет что-то около шестисот километров,— добавил Томек, измерив расстояние по карте.

— Ну что ж, мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям,— продолжал Смуга.— Давайте подумаем, как нам добраться до Алдана.

— Ба, добраться не трудно, но что на это скажет полиция? Ведь у нас на шее сидит Павлов,— опечалился боцман.

— Сумели же мы приехать в Забайкалье из Приамурья! Но, как и чем объясним мы необходимость поездки в Якутию? — поддержал боцмана Томек.—

Ведь нам придется идти по девственной тайге! А это верно, что Збышек в Алдане?

— Тот, кто нам сообщил это известие, сделал все от него зависящее, чтобы узнать правду. Его родственник работает у Нашкина. Это он сообщил мне о местопребывании Збышека!

— Может быть, он лично знаком со Збышеком?! — порывисто спросил Томек.

Смуга утвердительно кивнул головой.

— Что он еще сказал? Только ничего не скрывайте, — попросил боцман.

— Оказалось, что Збышек обладает большими способностями к торговле мехами. Благодаря этому хозяин на него обратил внимание. Протекция сибирского богача могла облегчить участь ссыльного. Ведь Нашкин пользуется благосклонностью губернатора и доверием полиции.

— Почему же Збышека вывезли отсюда? — вмешался боцман. — Никак не пойму...

— Слушайте терпеливо, и все поймете, — ответил Смуга. — Находясь в ссылке, парень не порвал с деятельностью против царского правительства.

— Что вы говорите? Вот строптивец! Молодец, парень! — похвалил Збышека моряк.

— Полиция установила, что он завел дружбу с молодыми русскими студентами, сосланными в Сибирь за революционную деятельность, и полиция поступила просто — разослала всех в разные места. Нашкин хлопотал за Збышека, но у него ничего не получилось. Хуже всего то, что говорят, будто полиция перехватила письмо, написанное Збышеком кому-то в Англии. В письме он просил, как можно скорее помочь ему.

— Господи, это он, наверное, писал мне, — прошептал Томек.

— Я тоже так думаю, — сказал Смуга. — Во всяком случае, Нашкин поступил очень прилично. Не имея возможности задержать Збышека в Нерчинске, он выхлопотал ему ссылку в Алдан в свою торговую факторию в Якутии. К сожалению, суровый климат повлиял на состояние здоровья парня. Говорят, он заболел... Последнее известие от него привез три месяца тому назад один из торговых агентов.

— Ах, унеси меня тайфун! Значит, у нас нет ни минуты времени, — твердо сказал боцман.

— Мы должны его спасти! — воскликнул Томек.

— Слушайте дальше, — остановил их Смуга. — Я еще ничего не сказал о самом важном. Полицейский агент, который раскрыл связи Збышека с русскими ссыльными, носит фамилию Павлов.

Боцман и Томек на момент остолбенели. Они изумленно глядели на Смугу. Первым опомнился моряк.

— Фью-фью, — присвистнул он сквозь зубы. — Это что, только однофамилец, или наш добрый знакомый Павлов? Ого, в самом деле становится жарко.

— Вы не смогли узнать какие-либо подробности об этом агенте? — лихорадочно спрашивал Томек, с трудом подавляя волнение.

— А как же, кое-что узнал, — ответил Смуга. — Спустя некоторое время его перевели в Хабаровск.

— Значит, это наш Павлов! — воскликнул боцман. — Вот гад! Ничего удивительного, что как только я его вижу, у меня руки чешутся!

— Надо, как можно скорее возвращаться к отцу, — сказал Томек. — Мне кажется, мы несколько недооценили хитрость этого шпиона!

— Верно, земля у нас горит под ногами, — согласился боцман. — Собираем-ка манатки и... ходу отсюда!

— Я пойду на станцию узнать, когда уходит поезд, — сказал Томек.

— Сиди, — твердо приказал Смуга, — и добавил: — Я знал, что это известие выведет вас из себя, поэтому и сообщил вам его в самом конце. Мы должны сохранить хладнокровие и рассудительность. Сегодня выехать мы не можем, потому что Нашкин пригласил нас на бал, который дает в нашу честь. Приглашение вручил мне сотник Тухольский, которого я встретил по дороге в гостиницу. Нашкин хочет отблагодарить нас за поимку хунхузов.

— Чтоб его кит проглотил вместе с его балом! — выругался боцман. — Только у нас и дела, что терять время на забаву!

— Мы должны немедленно предупредить отца о том, что знает Павлов!

— Поспешишь — людей насмешишь, — охладил его пыл Смуга. — В сложившихся обстоятельствах мы не имеем права поступать необдуманно, не можем со-

вершать ошибок. Ведь опасность угрожает не только Збышеку.

— Ваша правда! Особенно тяжелое положение у отца и боцмана, но, если полиция узнает о цели экспедиции, нам всем придется худо. Что теперь делать?

— Сегодня вечером мы пойдем на бал,— ответил Смуга.— Я уже заказал извозчика, который заедет за нами. Когда мы будем проезжать мимо вокзала, ты, Томек, скажешь, что забыл купить папирос. Остановишь извозчика и пойдешь в буфет. При случае узнаешь, когда уходит ближайший поезд на восток.

— Вы это ловко придумали! — расхохотался боцман, который уже снова повеселел.— Извозчик может быть агентом полиции, но он не догадается, что мы хотим улизнуть отсюда, как можно скорее.

— Осторожность не помешает,— сказал Смуга.— В царской России полиция следит за всеми подозрительными иностранцами. Хотя я старался, чтобы никто ничего не заметил, но полиция могла разнюхать мое знакомство с приятелем пандита Давасармана.

— Будем дуть на холодное, не обожжемся на горячем,— слегка переиначив поговорку, сказал боцман.— А вы не бойтесь, что шпики могут обыскать наши вьюки в гостинице?

Смуга утвердительно кивнул головой.

— Поэтому я и держал вас все время в комнате,— ответил он.

— Почему же вы сразу не сказали нам об этом?! — удивился моряк.

— Я и без того был уверен, что вы точно выполните мой приказ.

— Когда мы вечером пойдем к Нашкину, полиция может воспользоваться случаем,— опечалился Томек.— Соседние номера пустуют, и мы можем в одном из них спрятать тюк с экипировкой Збышека.

— Великолепная идея, Томек,— похвалил Смуга.— Грим и всякие парики возбудили бы только излишний интерес у полиции. Боцман, пойдите и заговорите зубы господину Клеменсовичу и его слуге, а мы с Томеком...

— Хорошо, будет сделано!

Боцман исчез в коридоре. Вскоре его громкий голос послышался откуда-то из глубины гостиницы.

Повернув голову, Томек проследил за извозчиком, пока тот не скрылся за поворотом. От вокзала до дома Нашкина было не больше сотни шагов, поэтому подвыпивший извозчик совсем не удивился, что один из пассажиров проделает остальной путь пешком. Томек медленно вошел в здание вокзала. У кассы толпились пассажиры.

«Видимо, скоро подойдет поезд»,— подумал юноша и направился в буфет, находившийся в соседнем зале. Подошел к стойке. Спросил две пачки папирос и бутылку хлебного квасу. Глотая освежающий напиток, Томек завел беседу с буфетчицей. Через минуту он уже знал, что вскоре прибудет поезд из Рухлова. В те времена пассажирские поезда на этом участке ходили довольно редко. Убедившись, что в обратном направлении они смогут выехать лишь в полдень следующего дня, Томек потребовал еще бутылку квасу. Время от времени он поглядывал через окно на перрон. Шипя и изрыгая клубы пара, к перрону подошел паровоз с вагонами. С поезда стали сходить пассажиры.

Томек как раз кончал вторую бутылку квасу. Он уже собирался отойти от буфета, как вдруг в зал вошел казак с саблей на боку. Новый гость показался Томеку знакомым. Казак заказал в буфете рюмку водки. Только теперь он взглянул на Томека, стоявшего у стойки. На лице казака отразились удивление и радость. Он спешно приложил правую руку к папахе, отдавая Томеку честь, и воскликнул:

— Здравия желаю, ваше благородие! Как хорошо, что я вас встретил. Ведь я привез хорошие новости! Мы арестовали капитана Ванга!

Только теперь Томек вспомнил, откуда он знает этого казака. Это он командовал отрядом, который по приказанию сотника Тухольского отправился на поиски паромщика-шпиона. Интересуясь известиями из лагеря, Томек радушно поздоровался с солдатом.

— Очень рад, что капитан Ванг не улизнул от вас,— ответил Томек, пожимая казаку руку.— Как вам удалось поймать этого преступника?

— Мы поймали, собаку, на пристани, там где гру-

зят дрова на суда. Ваш товарищ, который с нами ехал, сразу его узнал.

— Это значит, что Удаджалак благополучно прибыл в лагерь! — мимоходом отметил Томек про себя, внимательно наблюдая за выражением лица казака.

— Вы, ваше благородие, можете о нем не беспокоиться, — уверял казак. — Все очень обрадовались, когда услышали о счастливом окончании приключения с хунхузами. Очень интересовались здоровьем раненого господина.

— А вы быстро вернулись, — продолжал беседу Томек.

— Пришлось мчаться сломя голову, ваше благородие, потому что господин Павлов так приказал. Он дал мне письмо к штабс-капитану Голосову, потребовав срочно его вручить.

У Томека заколотилось сердце в груди. Он прикрыл веками глаза, чтобы не выдать своих чувств и, стараясь не показать волнения, спросил:

— Кто такой, этот Голосов?

— Это жандармский штабс-капитан в городе Нерчинске. Он ведает делами всех политических ссыльных в этом районе. Раньше Павлов работал вместе с Голосовым. Они друзья по службе.

Томек медленно выпил стакан квасу, с трудом сдерживая дрожь руки, державшей стакан. Спустя минуту, он спросил:

— Павлов вас послал с этим письмом как нарочного? Видимо, в письме важные сведения?

— Павлов весьма опечалился случаем с хунхузами. Он вручил мне письмо и приказал сразу же отдать лично Голосову. Сказал, что штабс-капитан сможет лучше других помочь раненому. За поимку Ванга мне дали месяц отпуска. Я еду домой в Иркутск. Ведь у меня родился там сын. Можно было бы поехать дальше этим же поездом, не знаю только как мне сейчас найти штабс-капитана Голосова, чтобы вручить ему письмо.

Томек задумался. Вот бы заполучить это письмо! Силой у казака его не отнимешь. Ну, а если бы он отдал его по доброй воле...

— Долго ли стоит поезд в Нерчинске? — спросил он.

— Всего полчаса... — тяжело вздохнув, ответил ка-

зак. Не успеть. Сейчас вечер, служба кончилась... Штабс-капитан Голосов, вероятно, где-то гуляет! Сразу его не найдешь...

Томек постучал о стойку буфета и потребовал подать рюмку водки.

— За здоровье новорожденного,— обратился Томек к казаку, чокаясь с ним квасом.

Они выпили. Казак слегка покраснел и поблагодарил Томека, а тот, достав из кармана две золотые десятирублевки, сказал:

— Это мы благодарны вам. Предатель Ванг будет примерно наказан. Вот, пожалуйста, примите наш скромный подарок сыну.

Томек опять позвал буфетчицу.

— Вы, конечно, стосковались по семье. Понятно, что вы хотите скорее увидеть сына,— говорил он, держа в руках стакан с квасом.— За ваше здоровье!

Тоскливым взглядом казак смотрел на поезд, уже готовый к отправлению.

— Просто не знаю, как тут помочь? — задумчиво произнес Томек, краешком глаз посматривая на собеседника.— Ну да видно, ничего не поделаешь, ведь вы обязаны лично вручить письмо. Через час или два я с друзьями буду на балу у господина Нашкина. Думаю, что и штабс-капитан Голосов приглашен туда тоже.

— Ну, если там намечается выпивка, Голосов будет обязательно, как обычно. Но это только через час...— озабоченно сказал казак.— Что поделаешь, не успею... Следующий поезд отправляется только завтра...

— Отсюда до особняка Нашкина недалеко. Вы же можете оставить там письмо у кого-нибудь,— искал казака Томек.

— А если не отдадут? — задумался казак.

Но вдруг ему пришла в голову славная идея. Он наклонился к Томеку и попросил:

— Вы, ваше благородие, будете на балу у Нашкина... Эх, не смею просить...

— Вы хотите, чтобы я передал письмо штабс-капитану Голосову? — спросил Томек.— Не стесняйтесь, это же мелочь. Я могу для вас это сделать.

Казак обрадовался, но, вероятно, у него вдруг возникли сомнения, потому что он продолжал, словно стараясь оправдать себя:

— Ведь его благородие Павлов говорил, что письмо касается вашего раненого друга, значит, кому же и отдать, как не вам? Думаю, что Павлов будет доволен, ну, а если нет, то черт с ним!

Говоря так, он еще ближе наклонился к Томеку и прошептал:

— Не люблю... шпионов!

— Вы лучше всего сделаете, если вовсе не скажете Павлову, что письмо передали через меня. Не бойтесь, сам я ему тоже ничего не скажу, — успокоил казака Томек. — Скорее, а то ваш поезд отходит!

Послышался третий звонок. Кондукторы стали закрывать двери вагонов. Казак махнул рукой, сорвал с головы папаху, достал оттуда конверт и, вручая его Томеку, сказал:

— Вот письмо, ваше благородие. Премного благодарен за вашу милость. Прежде чем кончится мой отпуск, штабс-капитан Голосов, забудет кто ему отдал письмо!

— Я еще сегодня постараюсь ему вручить письмо, — ответил юноша, небрежным движением пряча конверт в карман.

Они попрощались друг с другом. Казак побежал на перрон. Томек смотрел на него в окно. Солдат пересек перрон и вскочил в первый попавшийся вагон. Кондуктор запер за ним дверь. Поезд громыхнул и медленно тронулся. А Томек стоял у окна вокзала до тех пор, пока не опустел перрон, потом внимательно оглянулся. Он был единственным посетителем, поэтому уселся за столик в отдаленном углу и заказал себе чай.

«По какому это делу полицейский агент Павлов пишет штабс-капитану жандармерии? — задумался Томек, с нетерпением ожидая самовара. — Правду ли он сказал казаку?»

Вскоре буфетчица поставила на стол самовар и исчезла за стойкой. Томек налил в стакан кипятку. Осторожно огляделся вокруг. Достал из кармана конверт. Прочел адрес: Его высокоблагородию штабс-капитану Николаю Алексеевичу Голосову — нарочным — СЕКРЕТНО.

Томек подержал конверт над стаканом с кипятком. Потом лезвием перочинного ножа вскрыл письмо. Стал читать...

— Ведь его благородие Павлов говорил, что письмо касается вашего раненого друга, значит, кому же и отдать, как не вам? Думаю, что Павлов будет доволен, ну, а если нет, то черт с ним!

Говоря так, он еще ближе наклонился к Томеку и прошептал:

— Не люблю... шпионов!

— Вы лучше всего сделаете, если вовсе не скажете Павлову, что письмо передали через меня. Не бойтесь, сам я ему тоже ничего не скажу,— успокоил казака Томек.— Скорее, а то ваш поезд отходит!

Послышался третий звонок. Кондукторы стали закрывать двери вагонов. Казак махнул рукой, сорвал с головы папаху, достал оттуда конверт и, вручая его Томеку, сказал:

— Вот письмо, ваше благородие. Премного благодарен за вашу милость. Прежде чем кончится мой отпуск, штабс-капитан Голосов, забудет кто ему отдал письмо!

— Я еще сегодня постараюсь ему вручить письмо,— ответил юноша, небрежным движением пряча конверт в карман.

Они попрощались друг с другом. Казак побежал на перрон. Томек смотрел на него в окно. Солдат пересек перрон и вскочил в первый попавшийся вагон. Кондуктор запер за ним дверь. Поезд громыхнул и медленно тронулся. А Томек стоял у окна вокзала до тех пор, пока не опустел перрон, потом внимательно оглянулся. Он был единственным посетителем, поэтому уселся за столик в отдаленном углу и заказал себе чай.

«По какому это делу полицейский агент Павлов пишет штабс-капитану жандармерии? — задумался Томек, с нетерпением ожидая самовара.— Правду ли он сказал казаку?»

Вскоре буфетчица поставила на стол самовар и исчезла за стойкой. Томек налил в стакан кипятку. Осторожно огляделся вокруг. Достал из кармана конверт. Прочел адрес: Его высокоблагородию штабс-капитану Николаю Алексеевичу Голосову — нарочным — СЕКРЕТНО.

Томек подержал конверт над стаканом с кипятком. Потом лезвием перочинного ножа вскрыл письмо. Стал читать...

«Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Покорнейше вас прошу заняться следующим вопросом. Необходимо немедленно проверить в делах польского политического ссыльного Збигнева Карского, кому он пытался переправить письмо из Нерчинска в Англию. Думаю, вы хорошо помните это дело, потому что перехваченное мною тогда письмо весьма обрадовало вас. Если я не ошибаюсь, в моих руках очутились необыкновенно хищные «рыбы». Известие об адресате того письма, как можно скорее пришлите мне нарочным. Я буду находиться в...»— в дальнейшем Павлов точно указал место нахождения лагеря звероловов.

У Томека на лбу выступили капельки пота. Он еще раз прочел письмо. Значит, этот полицейский, над которым подшучивал боцман, проник в их тайну! Таким образом, все участники экспедиции очутились в смертельной опасности... Что за сюрприз приготовил бы им Павлов, если бы не случайная встреча на вокзале с его нарочным.

Томек спрятал письмо в нагрудный карман. Пораженный открытием, он с большим трудом пытался подавить закравшийся в душу страх. Только после некоторого размышления ему удалось успокоиться настолько, чтобы быть в состоянии снова логически думать. Если не отдавать письма штабс-капитану, можно выиграть много времени. Конечно, они должны немедленно возвращаться к отцу, свернуть лагерь и бежать из Сибири, прежде чем Павлов, не дождавшись ответа, не вышлет второе письмо. Однако необходимо сейчас же рассказать обо всем Смуге и боцману.

Томек подозвал буфетчицу и расплатился. Он вышел на привокзальную площадь. Уже стемнело... Томек вдохнул в грудь глоток свежего воздуха и быстрым шагом направился к особняку купца Нашкина.

XV

ПОЕДИНОК

Удрученный тяжелыми предчувствиями, Томек почти бежал к особняку Нашкина, выделявшемуся в темноте ночи своими ярко освещенными окнами. Будет ли у него возможность сразу же сообщить друзьям

о содержании письма? Ведь неожиданная встреча с казаком продлила его отсутствие! У подъезда уже стояли кареты и пролетки, кучера которых дремали на облучках, что свидетельствовало о давно начавшемся приеме. Если в разгар бала отозвать Смугу и боцмана на сторону, можно возбудить подозрение. Опасения Томека оправдались. Не успел он войти в прихожую, как лакей сообщил ему, что гости уже сели к столу.

Томек шел вслед за лакеем, искренне изумляясь роскоши особняка, а вернее, дворца, которому даже в тогдашней столице России, Петербурге, почти не было равных. На стенах, покрытых дорогими обоями висели картины знаменитых европейских живописцев. В одном из залов Томек увидел самое большое в ту пору зеркало, купленное на парижской выставке 1878 г. Зеркало было отправлено по морю в Николаевск, а потом по Амуру в Нерчинск на специально оборудованном для этой цели корабле. В блестящем паркете из ценных пород дерева отражались хрустальные люстры и мраморные статуи, а узорчатые персидские ковры, покрывавшие полы уютных кабинетов, заглушали шаги. Шелковые портьеры, оригинальная стильная мебель и экзотические комнатные растения красноречиво свидетельствовали о богатстве хозяина этого великолепного дворца.

Как всегда, на прием к сибирскому миллионеру явились все самые значительные жители города. Среди сидевших за столом можно было заметить двух владельцев золотых приисков, многих именитых купцов, военных и гражданских чиновников и представителей культурных кругов провинциального мирка. Когда лакей ввел в столовую нового гостя, оживленная беседа за столом несколько притихла. Нашкин как хозяин этого пира, встал навстречу Томеку, представил его всему обществу, после чего подвел к предназначенному месту.

Заняв свое место, Томек стал нетерпеливо искать взглядом своих друзей, желая дать им понять, что, как только представится случай, ему необходимо с ними поговорить. Сначала он увидел великана-боцмана. Весельчак боцман беззаботно подмигнул ему и сразу же повернулся к двум дамам, с которыми вел оживленную беседу. В черном сюртуке и белоснежной рубашке, боцман выглядел отлично, но в парадном

одеянии чувствовал себя, видимо, неважно, потому что ежеминутно подправлял рукой галстук. В противоположность боцману, Смута сразу же заметил необыкновенное волнение Томека. Сначала ему показалось, что это пышный прием несколько смущает Томека, но вскоре Смута отбросил эту мысль, потому что Томек совсем не обращал внимания на окружавших его гостей. Поэтому, когда юноша в конце концов заметил Смугу, сидевшего между какой-то дамой и средних лет офицером, то встретил его укоряющий взгляд.

Немой укор подействовал на Томека как холодный душ. Он покраснел и смущенно подумал:

«Видно, страх совсем лишил меня рассудка. Надо терпеливо подождать, пока мы не встанем из-за стола».

Как раз в этот момент Нашкин поднял тост за здоровье гостей из далеких стран. Томек, желая овладеть собой, поднял бокал с шампанским и выпил вино до дна. Он с усилием перевел дух, потому что не был привычен шампанскому. Вскоре Томек почувствовал облегчение. Теперь он мог взглянуть на сидевших рядом с ним соседок.

Дама, которая сидела с правой стороны, наклонилась к соседу и что-то шептала ему. Но молодая, одетая значительно скромнее девушка с левой стороны Томека, внимательно на него смотрела, слегка прищурив глаза. Это была стройная, голубоглазая блондинка с очень правильными чертами лица. Под ее испытующим взглядом Томек даже покраснел.

«Черт возьми, она, наверно, заметила мое глупое поведение», — подумал Томек.

Желая как-то загладить свою неловкость, он подал соседке блюдо с икрой. Соседка словно только и ждала этого случая, потому что улыбнулась и обратилась к нему по-русски:

— Вы опоздали и я уже стала подумывать, что вам не нравится общество сибирских дикарей!

— Я по дороге должен был кое-что купить, — оправдывался Томек. — Пожалуйста, извините мою рассеянность. Меня несколько ошеломило все это величие. Я никак не ожидал встретить столько замечательных произведений искусства в глубине Сибири.

— Сибирь — страна противоположностей. Люди, разбогатевшие на каторжном труде ссыльных, купа-

ются в шампанском, а местные жители мрут от голода,— резко ответила девушка.

Томек внимательно посмотрел на нее. Неужели она пыталась вызвать его на неосторожный разговор? Нет, это было на нее не похоже. Большими, светлыми глазами девушка внимательно смотрела на Томека. В уголках ее губ таилась загадочная усмешка.

— Контрастов здесь, пожалуй, меньше, чем в Индии,— ответил Томек.— Мы недавно были у магараджи Алвара. Великолепие его дворца может поразить любого европейского владетельного принца, а ведь большинство индийцев живут в нищете и часто гибнут голодной смертью. Мой друг, царь Буганды в Африке, тоже живет иначе, чем его подданные.

— Из вежливости или... по иным причинам, вы пытаетесь оправдать насилие над коренными жителями Сибири. Не удивляюсь, потому что вас я немного знаю, а вы обо мне не знаете ничего.

— Вы хотите сказать, что если бы я ближе вас знал, то иначе бы думал о тех или иных вопросах? — осторожно спросил Томек.

В этот момент кто-то из гостей поднял тост за здоровье хозяина. Беседа прервалась, все встали с мест, держа в руках бокалы. Томек чуть-чуть пригубил вина. Гости уселись. Девушка наклонилась к нему и шепнула:

— Моя фамилия Бестужева, Наталья Владимировна Бестужева. Нерчинск — это моя тюрьма. Я сюда сослана по суду, за политику.

— Никак не предполагал, что политические ссыльные могут участвовать в приемах сибирских богачей,— заметил Томек, окидывая девушку недоверчивым взглядом.— Выходит не так страшен черт, как его малюют!

— Это только благодаря влиянию всесильного здесь Нашкина. Он родственник моей матери. Узнав о моем аресте, Нашкин постарался, чтобы меня выслали в Нерчинск. Теперь я работаю в его конторе.

— Гм, если так, то он и в самом деле поступил хорошо,— сказал Томек.— У него работают и другие ссыльные?

— Да. Ведь это в большинстве случаев интеллигентные люди. В Сибири не хватает грамотных людей. А я училась в Москве на медицинских курсах.

— Это интересно, я слышал, что бывают трудности с работой для ссыльных.

— Нашкин чрезвычайно богатый человек, его даже губернатор запросто принимает у себя. Царские чиновники в Сибири не жалеют себе ничего, а это требует денег. Тот, у кого есть чем за это платить, может себе позволить многое.

Неожиданное признание молодой девушки заставило Томека задуматься. Он замолчал и стал наблюдать гостей, сидевших за столом. Вскоре он обратил внимание на высокого, широкоплечего офицера, который внимательно приглядывался к его собеседнице.

Наклонившись к ней, Томек шепнул:

— Здесь кто-то за вами наблюдает!

— Вы говорите о том офицере в жандармском мундире? — спросила она.

Томек утвердительно кивнул, и девушка ответила:

— Это штабс-капитан Голосов. Он утверждает, что влюбился в меня. Остерегайтесь его, это очень опасный человек. Я постаралась, чтобы вас посадили за столом рядом со мной. Мне хотелось предостеречь вас.

Изумленный Томек тяжело оперся о спинку стула. Что значат слова этой странной, таинственной девушки! Чего она хочет от него? В недоумении он взглянул на Смугу. Их взгляды на момент встретились. Томек глубоко вздохнул и, преодолев волнение, опять наклонился к Наташе.

— Спасибо вам за... совет, но я незнаком с штабс-капитаном Голосовым и не знаю, почему мне его следует бояться. Я не политический ссыльный, а всего лишь зверолов. А вы не будете иметь неприятностей за вашу беседу с иностранцем?

— Возможно, но в данном случае это не имеет значения. Я с нетерпением ждала этого вечера,— двусмысленно ответила девушка, глядя на Томека.

— Я вас не понимаю...— удивился Томек.

— Несколько дней назад сотник Тухольский сообщил Нашкину о поимке с вашей помощью банды хунхузов. Как только я услышала вашу фамилию, я сразу догадалась о цели вашего приезда в Нерчинск. К сожалению, вы опоздали! Несколько месяцев тому назад Збышека выслали в Алдан...

Из рук остолбеневшего Томека выпала вилка и со

стуком упала на тарелку. К счастью, внимательный, как всегда Смуга, хотя и не мог знать, что происходит с Томеком, заметил его смущение и ножом постучал в тарелку, давая знать, что желает произнести тост. Этим ловким маневром он привлек к себе внимание гостей. Смуга любезно поблагодарил хозяина за радужный прием. Во время его речи, Томек сумел преодолеть волнение. Слегка дрожащим голосом он спросил девушку:

— Неужели Збышек вам что-нибудь сказал?..

— Вы еще не знаете, что Збышек писал вам в Англию. Я читала это несчастное письмо, прежде чем оно попало в руки полиции,— сказала Наташа.— Я знаю все о вас и вашем отце. Збышек верит вам, как никому на свете. Мне было жалко его, потому что я считала, что никто не рискнет сделать попытку освобождения ссыльного из глубин Сибири.

Томек достал из кармана платок и вытер со лба пот. Девушка смотрела ему прямо в глаза. Томек тихо спросил:

— Что было в том письме?

— Збышек просил организовать его побег. Письмо должно было быть отправлено тайно. У одного из наших общих знакомых кончился срок ссылки. Он возвращался в Москву и должен был оттуда передать письмо за границу.

— Неужели он выдал?

— Ах, что вы! Это агент Павлов проник в нашу тайну и хитростью заполучил письмо.

— Вы были неосторожны... Почему здесь следили за Збышеком! Разве здесь следят за всеми ссыльными?

— Всеми делами ссыльных ведает у нас Голосов. Это настоящий каналья, притом он особенно возненавидел Збышека. Он мстил ему за то, что Збышек симпатизировал мне. Теперь вы уже знаете все.

Томек призадумался. Конечно, Наташа говорила правду. Ее слова не только совпадали с известными ему фактами, но даже логически их восполняли. Но она, как видно, не знала, что нити заговора снова очутились в хищных руках Павлова. После небольшого размышления Томек рассказал Наташе о письме Павлова. Впервые за всю беседу, девушка побледнела. Томеку показалось, что она вот-вот упадет в обморок,

но девушка овладела собой. Гневно насупив брови, Наташа сказала:

— Если бы я была мужчиной, то вызвала бы Голосова на дуэль под любым предлогом и в честном бою устранила бы его с вашей дороги. К сожалению, я всего лишь девушка-ссыльная. Поэтому я просто застрелю его, как бешеного пса!

Не на шутку встревоженный, Томек долго молчал, не в силах сказать ни слова. Он осторожно осмотрел зал. К счастью, ближайшие его соседи, целиком занятые собой, вели оживленную беседу. Томек наклонился к девушке и, силясь сохранить спокойствие, ответил:

— Что из того, что погибнет Голосов? Ведь останется Павлов!

— Я убью Голосова! Вы должны освободить Збышека! Он тяжело заболел и совсем упал духом, понимаете? Он умрет, если останется здесь.

— Вы преувеличиваете! Подумайте, что сделает Збышек, когда вас повесят из-за него?!

В глазах девушки блеснули слезы, у нее задрожали губы. Томек испугался, что Голосов или кто-либо из гостей заметит волнение Наташи, поэтому прекратил разговор и стал спешно накладывать закуски на ее тарелку. Когда она овладела собой, Томек уже не возвращался к прерванной беседе. Пир становился оживленнее по мере увеличения количества тостов. Из глубины дворца доносились звуки музыки... Гости начали вставать из-за стола. Томек взял девушку под руку и повел ее в бальный зал. На полукруглой галерее, рядом с инструментом, напоминающим церковный орган, стояли музыканты. Они играли вальс. Томек обнял Наташу и они стали танцевать.

— Ведите себя умно,— шепнул он, когда они очутились вдаль от других танцующих.— Оставьте все дело нам и поверьте, что мы не дадим себя в обиду. Ну и, конечно, не откажемся от того, чтобы освободить Збышека. Можете быть в этом уверены.

— Павлов не так опасен, это обыкновенный сыщик,— ответила девушка.— А вот Голосов, даже без помощи Павлова, может обо всем догадаться. Неужели вы не понимаете, что он интересуется вами, уже по одному тому, что вы иностранцы. Я должна обезвредить его во что бы то ни стало!

Томек задумался, ведь он прекрасно понимал, что в этот момент самая ужасная опасность грозила им со стороны штабс-капитана жандармерии. Юноша взглянул на решительное лицо Наташи и вдруг в его голове зародилась сумасбродная идея.

— Хотите ли вы помочь нам? — шепнул он.

— Для спасения Збышека я пойду на все...

— В таком случае, помните!..

Оркестр закончил вальс. Томек уже давно наблюдал за штабс-капитаном Голосовым. Тот стоял в стороне, у стены. Злым взглядом он следил за танцующей Наташей. Ловко маневрируя среди танцующих пар, Томек приблизился к нему. Стал кружиться в паре с Наташей, которая даже не заметила, как они столкнулись со штабс-капитаном. Захваченный врасплох Голосов, машинально оттолкнул девушку, когда она, потеряв на момент равновесие, оперлась на него. Томек поддержал Наташу. Заслонив ее собой, он воскликнул:

— Вы грубо толкнули женщину! Это подлость!

Штабс-капитан побледнел. Некоторое время он стоял ошеломленный; однако прежде чем он сумел что-нибудь ответить, Томек добавил:

— Так поступает только трус и подлец!

Штабс-капитан покраснел до ушей. Замахнулся правой рукой и нанес Томеку пощечину. Томек отшатнулся, потом подошел к офицеру, но не ударил его.

— Вы мне заплатите за это оскорбление! — злое ще сказал он. Гости, находившиеся вблизи, заметили неприятное происшествие. Они окружили противников. Среди них был и Смуга.

— В чем дело, Томек? — спросил он по-русски, окидывая взглядом своего друга и девушку, которую тот опять держал под руку.

— Что здесь происходит? — раздался бас боцмана, который вырос, словно из-под земли.

Томек нарочно не спешил с объяснениями, потому что заметил сотника Тухольского, пытавшегося пробиться к ним через толпу. Сотник был в погоне за подъесаула. Значит, за «разгром» банды хунхузов он уже успел получить повышение.

— Этот офицер сначала грубо оттолкнул даму, танцевавшую со мной, а потом нанес мне оскорбление,—

сказал Томек, когда Тухольский подошел к ним.— Я требую удовлетворения!

— Вот, скотина! Напился пьяным, надо его свести в участок, чтобы там протрезвел,— просипел штабс-капитан Голосов.

— Вы ведете себя, как во время следствия! — воскликнула Наташа.— К счастью, этот господин не арестант!

Смуга повернулся к штабс-капитану, смерил его презрительным взглядом и громко сказал:

— Попродержите-ка свой язык, господин штабс-капитан, чтобы мне не пришлось укоротить его вам, даже не вызвав на дуэль.

— Разрешите, я поговорю с этим...— сказал боцман, протягивая лапу к штабс-капитану.

— Извините меня, но это мое личное дело, ведь оскорблен я,— вмешался Томек.

— Одну минуту, господа, не станем мешать гостям. Разрешите пригласить вас в отдельную комнату,— предложил Тухольский.— Пожалуйста, следуйте за мной.

Три друга в обществе Голосова оставили бальный зал вслед за Тухольским.

— Ты с ума сошел! Что ты наделал? — шепнул Смуга Томеку.

— Потом расскажу... Нам грозит большая опасность... Я нарочно его вызвал...— тоже шепотом ответил Томек.

Все вошли в кабинет. Тухольский сухо сказал:

— Господин штабс-капитан Голосов, эти господа оказали нашим военным властям огромную услугу. Его превосходительство генерал-губернатор интересуется ими. Вы обязаны дать им удовлетворение!

Голосов бросил на Тухольского злобный взгляд. Тухольский был офицером для специальных поручений и любимцем губернатора. Его мнение могло повлиять на дальнейшую карьеру, поэтому Голосов удержался от проклятий и, подавляя бешенство, буркнул:

— У меня вовсе не было плохих намерений, он сам пристал... Чего вы от меня хотите?

В этот момент в кабинет быстрым шагом вошел Нашкин:

— Господи, какая неприятность приключилась с

вами в моем доме! — воскликнул он. — Извинитесь штабс-капитан перед нашим дорогим гостем, потому что иначе он Бог знает что подумает о нас!

— Да скорее, а то у меня чертовски чешутся руки, — добавил боцман, подходя к жандарму.

Но Смуга заступил ему дорогу, не спуская внимательного взгляда с Томека. Голосов дрожал от возмущения, но чувствовал все свое бессилие. Если против него выступают любимец губернатора и сибирский воротила, то противиться им совершенно невозможно.

Томек боялся, что боцман или Смуга могут помешать ему в его намерении, поэтому он подошел к Нашкину и твердо заявил:

— Мне очень неприятно, что это... случилось в вашем доме, но среди людей чести за пощечину нельзя заплатить простым извинением. Я требую удовлетворения с оружием в руках.

— Что ж, вы правы, но я прошу принять во внимание, что дуэли у нас запрещены, — обеспокоился Нашкин. — Что вы скажете, господин подъесаул?

Тухольский, к которому были обращены эти слова Нашкина, зло посмотрел на штабс-капитана. Многие военные, в том числе казаки, недолюбливали жандармов.

— Запрещение запрещением, а честь — честью, в особенности честь офицера! — ответил Тухольский. — Дуэль можно устроить, при условии сохранения ее в тайне.

— А что будет, если во время поединка этот господин встретится с более крупной неприятностью? — не скрывая гнева, спросил Голосов.

— Если у вас достаточно храбрости, то можете обо мне не беспокоиться, — вмешался Томек.

— Довольно, присылайте секундантов, — проворчал Голосов.

— Эй, я не выдержу, честное слово, — разозлился боцман.

— Господа, господа, я прошу вашего внимания, — примирительно воскликнул Нашкин. — Пусть лучше секунданты обсудят дело между собой. Я предлагаю обмен выстрелами. Думаю, что это удовлетворит обоих.

Боцман наклонился к Смуге.

— С ума что ли сошел наш парень? — спросил

он.— На кой ляд ему стреляться с жандармом?! Если он не мог ответить ему пощечиной, то я сейчас сделаю это за него, и мы квиты!

— Уже поздно, боцман,— ответил Смуга, удерживая горячего моряка за руку.— Томек сказал, что нарочно вызвал жандарма на дуэль. Нам грозит какая-то опасность...

— Неужели он что-нибудь разнюхал?

— Думаю, что да. Пока помолчите...

Смуга с тревогой следил за Томеком. Одновременно он терялся в догадках, что могло вынудить всегда рассудительного юношу решиться на столь опасный шаг. Это было непонятно тем более, что Томек всегда старался избежать борьбы с оружием в руках, а дуэли считал глупым фарсом. В чем причина такого странного поведения Томека? Предложенный Нашкиным обмен выстрелами не представлял особого риска для противников. Во время поединка на этих условиях противники в большинстве случаев пускают пули в воздух. Но какую цель преследовал Томек, стремясь дойти до пародии дуэли.

У Смуги не оставалось времени на размышления, потому что Томек поклонился Нашкину и сказал:

— Я согласен. Пусть секунданты обсудят условия поединка. Можно ли просить вас, господин Смуга, и вас, господин Броль, принять на себя обязанности моих секундантов?

— Конечно, пожалуйста,— ответил Смуга. А кто будет представлять господина Голосова?

С издевательской усмешкой жандармский офицер обратился к Тухольскому и Нашкину. Те не отказались. Довольный штабс-капитан мерил противника презрительным взглядом. В своей военной карьере он уже не раз дрался на дуэли и всегда выходил целым. Запрещенная дуэль, в которой принимали участие такие влиятельные лица, как Тухольский и Нашкин, не грозила неприятными последствиями, даже если бы он убил противника. Согласно кодексу чести секунданты удалились в отдельную комнату, чтобы обсудить дело и определить условия дуэли.

Как только три друга очутились в уютном кабинете, боцмана взорвало:

— Видно, бешеная акула цапнула тебя, Томек, и ты... С ума ты, верно, сошел! Что ты наделал?!

— Молчите, боцман! — остановил его Смуга.— Мы сейчас узнаем, почему Томек вызвал Голосова на дуэль.

Не говоря ни слова, юноша достал из кармана письмо Павлова к Голосову и подал его друзьям.

— Ага, значит, Павлов отгадал правду,— сказал Смуга после того, как прочел письмо вслух.

— А я и не думал, что этот гад такой хитрый,— удивился боцман.— Вот вернемся в лагерь и я сверну ему голову!

— Это еще не все,— добавил Томек и рассказал друзьям содержание своей беседы с Наташей.

Выслушав каким образом дошло до ссоры со штабс-капитаном, боцман похвалил Томека.

— Ты это ловко придумал, браток! Но, черт возьми, меня тошнит от одной мысли, что ты должен подставить голову под пулю этого жандарма! Скажите, Смуга, как по-вашему, нет никакой возможности заменить Томека на дуэли?!

— Я с самого начала скандала ищу способ, как это сделать,— задумчиво ответил Смуга.— Гм,.. Томек еще несовершеннолетний. Думаю, что опекун имеет право выступить на дуэли вместо него.

— Честное слово, прекрасная мысль,— обрадовался боцман.

— Нашкин и Тухольский кажется люди порядочные, они, наверное, согласятся, чтобы я заменил Томека.

— Ничего подобного! — порывисто заявил моряк.— Отец Томека поручил его моей опеке, значит, и стреляться за него буду я. Не дай Бог, чтобы что-то случилось, я тогда не смог бы показаться на глаза Вильмовскому и Салли!

— Вот что, боцман! Я знаю, что вы за любого из нас не задумаетесь пойти в огонь и в воду, но я здесь начальник, поэтому мне и карты в руки. Вы поклялись меня слушаться. Я сам выступлю на дуэли лишь бы только секунданты и Голосов не возражали. Мы должны обязательно обезвредить Голосова.

— Раз вы заговорили о послушании, мне придется уступить, но если вам не посчастливится, я без всяких дуэльных проволочек сам расправлюсь с Голосовым.

— Ерунду городишь! Если со мной случится что-

нибудь плохое, я приказываю вам с Томеком немедленно отправиться в лагерь к Вильмовскому и предостеречь его об опасности. Голосов и так уже слишком много знает.

— Ах, о чем говорить, ведь вы его уколоете с первого выстрела! А ты, что? Что это с тобой? — изумленно обратился боцман к Томеку.

Томек, бледный как полотно, устремил пылающий взгляд на лица друзей и тяжело дышал.

— Томек, что с тобой? — воскликнул перепуганный Смуга.

— Ища выход из трудного положения, они совсем забыли о Томеке. А тот, возмущенный до глубины души, не мог произнести ни слова. Лишь после длительного молчания он взял себя в руки и сказал с дрожью в голосе.

— Значит, вы... хотите сделать из меня... труса! Вы боитесь, что... он меня... застрелит... Что подумают обо мне люди?! И Наташа... и Збышек! Если вы не позволите мне стреляться, я покончу с собой от стыда... клянусь вам!

На глазах Томека показались слезы. Боцман вскочил со стула.

— Браток, дорогой, это совсем не пришло мне в башку! Правда! Но что мы сказали бы отцу?

— Что вы сказали бы отцу? То же самое, что должен буду сказать я, если с кем-нибудь из вас случится несчастье! — ответил Томек, вытирая слезы носовым платком. — Я знаю, что вы хотите пожертвовать собой за меня, но ведь это я вызвал штабс-капитана на дуэль...

Смуга сидел неподвижно, всматриваясь в темное окно. Он повернулся к друзьям, когда полностью овладел собой.

— Что ж, боцман, мы забыли, что Томек, несмотря на молодость, в самом деле храбрый мужчина, — серьезно сказал он. — Во время всех экспедиций он наравне с нами переносил все тяготы и опасности. О человеке свидетельствуют поступки, а не возраст. Томек, ты будешь стреляться с Голосовым.

— У меня сердце разрывается на части от одной этой мысли... но я вижу, что иначе поступить нельзя, — сказал боцман, тяжело вздыхая. — Теперь, дорогой браток, возьми себя в руки и послушай хорошего

совета. Выстрел из пистолета никогда не бывает точным, поэтому целься низко, прямо в живот, тогда его положишь навверняка!

— Время не ждет, давайте говорить о деле,— сказал Смуга, когда они опять уселись друг против друга.— Какие у тебя планы, Томек?

— Я хочу обезвредить штабс-капитана,— ответил Томек.— Если мне посчастливится, Голосов на несколько недель выйдет из строя и не сможет нам вредить. А мы за это время доберемся до лагеря, схватим Павлова и отправимся прямо к Алдану.

— Нет сомнения, что если нам удастся обезвредить Голосова, мы выиграем довольно много времени,— согласился Смуга.— Поэтому мы не можем согласиться лишь на обмен выстрелами, что может ни к чему не привести. Боцман, идемте к секундантам Голосова. Томек, у тебя не дрогнет рука, когда ты будешь целиться в человека. Помни, речь идет о жизни и смерти всех нас!

— Не бойтесь за меня, пожалуйста,— твердо ответил Томек.

Смуга и боцман вышли из комнаты. Томек остался один. Только теперь он отдал себе отчет в ответственности, которую возложил на свои плечи. «Целься низко, прямо в живот...»— припомнил Томек слова боцмана. Подумав о возможном убийстве, Томек вздрогнул... Правда, Голосов, желая выслужиться, преследовал ссыльных и пакостил им как только мог, но все же он мог считать, что исполняет свой долг.

«Можно ли убить человека только за то, что он опасен для нас?» — размышлял Томек. Ему казалось, что перед ним предстал отец. Он видел его серьезное, сосредоточенное лицо. Нет, нет, отец воспротивился бы убийству штабс-капитана! Он, наверное, сказал бы, что такой поступок граничит с предательством и трусостью! По всей вероятности, отец и так не похвалит их за кровавую битву с хунхузами. Томек пытался убедить себя, что хунхузы это злые, жестокие люди, которые принесли множество вреда спокойным жителям. Несмотря на это, он не мог полностью заглушить голос совести.

«Нет, я не должен убивать Голосова,— решил он.— Если я преодолею собственный страх, мне, наверное, удастся на время его обезвредить».

Желая отвлечь себя от неприятных раздумий, он обратился мысленно к... Салли. Сколько же прошло времени с тех пор, как он видел ее в последний раз! Что она делает, думает ли о нем, тоскует ли так, как он? Легкая улыбка появилась на лице юноши. Он вспомнил пережитые вместе с Салли приключения в Австралии и в Аризоне, прогулки в Лондоне.

— Как же долго я ее не видел,— прошептал он.— Это мой настоящий друг!

Однако мысли его упорно возвращались к событиям сегодняшнего вечера. Наташа... это она хотела убить Голосова, чтобы помочь освободить Збышека. Она подсказала мысль вызвать штабс-капитана на дуэль!

Так вот они какие эти революционеры: бесстрашные люди, решившиеся на все. Если Наташа полюбила Збышека, значит, и он теперь стал великолепным парнем!

Думы Томека были прерваны приходом друзей. Они были серьезны и с трудом скрывали тревогу.

— Мы разработали условия. Голосов согласился стреляться. Каждый из вас имеет право сделать лишь один выстрел,— сообщил Смуга.— Дистанция — двенадцать шагов. Дуэль назначена через несколько минут. Слуги уже выносят мебель из бильярдного зала.

— Значит, дуэль состоится сегодняшней ночью?! Впервые слышу о чем-либо подобном,— удивился Томек.

— Дело в том, что Голосов весьма уверен в себе,— сказал боцман.— Он заявил секундантам, что не намерен портить себе настроение из-за какой-то глупости. Поэтому дуэль должна состояться сейчас же или ее вообще не будет.

— Видимо, он предполагал, что запугает нас этим,— добавил Смуга.

— Раз так, я готов! — заявил Томек, поднимаясь с кресла.

— У нас есть еще несколько минут, доктор послал за инструментами и бинтами,— сказал Смуга.— Послушай, Томек, будь осторожен. Помни, что выстрел из пистолета не очень меток. Ствол гладкий, не нарезной... лучше всего целиться низко и надо крепко держать рукоятку. Тогда не подбросит руку вверх!

— Я об этом помню, дядя,— ответил Томек.— Как-то боцман подарил мне ко дню моего рождения пару пистолетов, из которых я часто стрелял.

— На дистанции шести шагов он гасит свечу,— хвастливо уверял моряк.— Моя школа, ничего не скажешь.

— Послушай, Томек, Тухольский шепнул мне, чтобы мы были осторожнее с противником,— снова отозвался Смуга.— Говорят, он меткий стрелок.

— Как будет происходить дуэль? — спросил Томек.

— Вы станете на расстоянии двенадцати шагов друг от друга, повернувшись спинами. По сигналу «готов» вы поворачиваетесь друг к другу лицом и любой из вас стреляет тогда, когда хочет. У тебя твердая рука и меткий глаз. Советую стрелять сразу же, как только повернешься.

— Хорошо, дядя,— сказал Томек, храбрясь, потому что в его сердце стала закрадываться тревога.

Томек прекрасно отдавал себе отчет в том, что теперь вся судьба экспедиции зависит только от него. Он знал также, что оба друга тщательно скрывают от него свои опасения. Он ежеминутно ловил их тревожные, озабоченные взгляды.

Кто-то постучал в дверь. Вошел Тухольский.

— Все готово,— заявил он.

— Тогда пойдем, мы тоже готовы,— ответил Смуга.

Он взял Томека под руку. Вскоре они очутились в бильярдном зале. Томек почувствовал красноречивое пожатие руки друга.

— Я буду осторожен, честное слово...— шепнул Томек.

Прошло довольно много времени пока его глаза привыкли к яркому освещению зала.

Врач, одетый в белый китель, раскладывал на столике, поставленном в сторонке, инструменты и перевязочные средства. Штабс-капитан Голосов появился в сопровождении Нашкина. Обе стороны церемонно поклонились друг другу.

— В качестве секунданта и... хозяина дома ячитаю своей обязанностью еще раз предложить решить ваше дело полюбовно,— сказал Нашкин.— Человек стреляет, а Бог пули носит... Не обижая ни в чем господина Вильмовского, я думаю, что спор можно за-

кончить искренними извинениями со стороны господина Голосова.

— Условия дуэли уже обсуждены окончательно. Я готов,— твердо ответил Томек.

— Пожалуйста,— сказал штабс-капитан Голосов.— Однако прошу перед тем соблюсти некоторую... формальность. Вы иностранец, и в случае несчастья могут произойти осложнения. Напишем заявление, что я участвую в дуэли по вашему прямому настоянию, а я подпишу, что если со мной случится что-нибудь плохое, я не буду иметь никаких претензий. Все присутствующие подпишут это заявление в качестве свидетелей.

Тухольский вопросительно посмотрел на Томека и его друзей.

— Мы не возражаем, и со своей стороны просим вручить нам один экземпляр такого заявления,— ответил Смуга.

Все присутствующие подписали заявление. Тухольский достал футляр с длинными пистолетами, и они вместе с боцманом зарядили их. Тухольский поклонился Томеку и сказал:

— Вы, как оскорбленный, имеете право первым выбрать оружие.

Томек взял в руки тяжелый пистолет. Его примеру последовал Голосов. Тухольский отсчитал шаги, а Смуга установил противников на их места.

— Можем начинать,— сказал он, ободряя взглядом Томека.

Штабс-капитан Голосов небрежным движением поднял тяжелый пистолет на уровень головы, направляя ствол в потолок. Томек крепко зажал рукоятку пистолета, опустил дуло вниз и занял позицию.

Боцман внимательно следил за каждым движением юного друга. Заметив на его лице выражение твердости, он облегченно вздохнул.

«Хорошо, парень взял себя в руки»,— подумал он.

— Налево кругом! — скомандовал Тухольский.— Я считаю до трех, по команде «готово» прошу повернуться и... стрелять. Предупреждаю, что каковы бы ни были результаты, каждый из вас имеет право лишь на один выстрел.

Томек сосредоточенно ожидал команду.

— Раз, два, три... готово!

Томек молниеносно повернулся. Поднял оружие вверх, целясь в пистолет, который штабс-капитан Голосов еще держал у головы. Нажал спуск...

Раздался выстрел! На момент дым заслонил противника от Томека. Он невольно закрыл глаза и ждал...

— Доктор!

Томек не разобрал, кто крикнул это слово. Открыл глаза. Штабс-капитан Голосов еле держался на ногах. Наклонившись вперед, он руками закрыл лицо. Пистолет лежал на полу у его ног. К нему подбежали врач и секунданты. Подвели его к дивану. Томек подошел как раз тогда, когда доктор отстранил руки раненого от его лица.

— Инструменты и бинты,— потребовал врач.

Томек ужасно побледнел. Отвернулся, чтобы не смотреть на залитые кровью губы противника.

Тухольский подошел к Томеку с пистолетом Голосова.

— Что за необыкновенный случай,— сказал он.— Вы попали в курок пистолета, который отскочил и ударил Голосова прямо в рот.

— Он жив? — спросил Томек, стараясь, чтобы голос его не дрожал.

— Будьте спокойны, отлежится.

Томек присел в сторонке. Вскоре к нему подошел боцман, который вместе со Смугой помогал доктору.

— Курок пистолета выбил у него зубы, изранил губы и язык,— обеспокоенно сообщил он.— Медик кончает начатое тобою дело. Удаляет выбитые зубы.

— Его жизнь вне опасности? — спросил Томек.

— Что ж, его пистолет спас ему башку, но паковать он сможет не скоро. Рана чертовски неприятная. Он ежеминутно теряет сознание.

— Слава Богу,— шепнул Томек.

— Да, что ты, браток? Неужели жалеешь этого... жандарма?! Ты говоришь так, будто и не думал отправить его на тот свет!

— Я не хотел его убить. Целился в пистолет...— искренне признался Томек.

— Тьфу, сто дохлых акул тебе в зубы! А если бы он вышел невредимым?

В зал вошли слуги. Они на руках вынесли стонущего Голосова. Смуга, Нашкин и Тухольский подошли к Томеку.

— Поздравляю вас, Голосов получил болезненный сюрприз,— говорил озабоченный Нашкин.— Придется ему полежать две, три недели. Вы на всю жизнь его проучили.

— Я хотел бы дать вам дружеский совет,— начал сотник Тухольский.— Так или иначе, а дуэли запрещены. Было бы хорошо, если б вы, на всякий случай, по возможности быстро уехали из Нерчинска. Завтра дело получит огласку, начнется следствие. Отсутствующих вызывать на дознание невозможно. Я покажу его превосходительству, генерал-губернатору, заявление, подписанное Голосовым, и надеюсь, что дело тем и окончится.

— Совет правильный и хороший,— признал боцман.— Когда уходит ближайший поезд?

— Только завтра в полдень...— ответил Тухольский.

— Я распоряжусь предоставить в распоряжение гостей мою карету,— предложил Нашкин.— К полудню вам удастся проехать значительный кусок пути. А там, на одной из станций, вы пересядете в поезд. Вы, господа, оказали мне большую услугу при поимке банды хунхузов. Я не хотел бы, чтобы вас встретили неприятности.

— Большое спасибо, мы сейчас же возвращаемся в гостиницу Клеменсовича,— сказал Смуга.— Через полчаса, не больше, мы будем готовы в дорогу.

— Разрешите попрощаться с вами, господа, мне надо к гостям, которые, вероятно, обеспокоены и удивлены нашим долгим отсутствием,— сказал Нашкин.— Танцы, как всегда, продлятся до утра, а утром все могут болтать сколько угодно! Штабс-капитан Голосов останется у меня, и я постараюсь окружить его всяческой заботой.

Тухольский любезно проводил гостей к выходу через сад. Таким образом, они обошлись без нежелательных встреч с другими гостями. Но, несмотря на эти меры предосторожности, кое-кто заметил выходящих. К ним подошла стройная девушка. Она заступила им дорогу, когда они проходили мимо великолепной оранжереи. Это была Наташа.

— А вы что здесь делаете? — удивился Тухольский.

— Я обязана поблагодарить господина Вильмовского за рыцарскую защиту моей чести,— ответила она.

— Ах, тогда мы не станем мешать,— улыбнулся сотник, увлекая за собой Смугу и боцмана.

Как только Томек и Наташа остались одни, девушка шепнула:

— Вы необыкновенный человек... Если бы не то, что я люблю Збышека, я могла бы влюбиться в вас. До свиданья!

Наташа встала на цыпочки и поцеловала Томека. Прежде чем он опомнился, девушка исчезла в глубине оранжереи.

XVI

ПАВЛОВ

Павлов с трудом поспевал за боцманом и Томеком, которые шли впереди. Он ускорял шаг и, вытирая платком лицо, покрытое потом, украдкой поглядывал на молчаливых спутников. Особую тревогу возбуждал в нем Броль, этот высокий, широкоплечий укротитель диких животных. Павлов уже давно испытывал чувство страха перед мнимо неуклюжими и добродушными великанами. Несколько лет назад, именно такой великан свихнул в самом начале его карьеру в царской охранке. И даже чуть не лишил его жизни. Это было в Варшаве, куда Павлова откомандировали из Петербурга для слежки за польскими революционерами.

Сразу же после прибытия в Варшаву, новый начальник поручил ему расследовать дело о таинственном распространении нелегальных, революционных листовок. Молодой, честолюбивый агент, с необыкновенным рвением принялся за работу. Судьба ему покровительствовала. Вскоре безошибочный полицейский инстинкт помог ему раскрыть источник, откуда в город поступали запрещенные издания. Не желая ни с кем делиться успехом, Павлов сохранил в тайне результаты своей работы и подготовил ловушку, в которую должны были попасть заговорщики.

Павлову удалось установить, что руководителем тайной организации революционеров был учитель географии одной из варшавских гимназий, а его связным — молодой великан, ученик слесаря, работаю-

щий в мастерских Варшаво-Венской железной дороги. Долго Павлов плел свою предательскую паутину. Но в конце концов совершенно точно узнал, когда и каким образом нелегальная литература поступает к учителю. Терпеливость агента была вознаграждена. Вооруженный револьвером, он застал обоих заговорщиков в момент передачи связки запрещенных изданий.

К своему несчастью, Павлов не принял в расчет решительности и отваги молодых революционеров. Рослый и, казалось, мешковатый ученик слесаря, неожиданно ловко подскочил к нему и молниеносным ударом кулака по голове лишил сознания. Правда, Павлов успел нажать курок револьвера, но пуля полетела в потолок, никому не причинив вреда.

Случайно в этом же самом доме жил один из чиновников канцелярии генерал-губернатора Варшавы. Услышав выстрел, он по телефону уведомил полицию, которая нашла оглушенного агента охраны. Оба заговорщика успели улизнуть из холостяцкой квартиры, захватив с собой нелегальную литературу и оружие Павлова.

Приключение неудачливого агента вскоре стало достоянием гласности. Начальство Павлова, возмущенное его самоуправством, воспользовалось случаем и отослало агента в Россию с не очень лестным отзывом о нем. Это весьма неблагоприятно отозвалось на дальнейшей карьере Павлова. Несколько месяцев спустя его перевели в Нерчинск.

Шли годы... Способный агент добился в конце концов желаемого повышения. Его назначили чиновником для особых поручений при канцелярии губернатора. Со временем он забыл о постигшей его неудаче.

Однажды губернатор назначил его сопровождать экспедицию по ловле диких животных в Приамурье. Это назначение Павлов принял без особого энтузиазма. Девственная тайга, где в изобилии водятся хищные звери, таила в себе множество опасностей. Кроме того, Приамурье кишело тогда бандами бродяг и хунхузов. Но как только Павлов познакомился с участниками экспедиции, он забыл о своих опасениях. Безошибочный инстинкт полицейского агента подсказал ему, что звероловы выдавали себя не за тех,

кем они были в действительности. Поэтому он день ото дня все более внимательно стал присматриваться к ним...

Массивный и грубоватый немец Броль и англичанин Броун приводили ему на память какие-то неясные образы. Походка Броля больше напоминала моряка, чем зверолова. Слишком часто у него срывались с уст польские слова, да еще притом с характерным варшавским акцентом, что было странно для немца. Сдержанный и молчаливый англичанин Броун относился к юному участнику экспедиции, Томеку Вильмовскому, почти с отеческой нежностью. Индиец Удаджалак, несмотря на гражданскую одежду, был больше похож на солдата. Руководитель экспедиции Смуга поддерживал среди своих спутников железную дисциплину. Его холодные и как бы предостерегающие взгляды закрывали рот даже многоречивому Бролю.

Через несколько недель постоянного пребывания в обществе таинственных звероловов, Павлов пришел к выводу, что ловля диких животных не единственная цель их пребывания в тайге. Он безустанно, но и безрезультатно напрягал память, пытаясь что-то вспомнить и разгадать правду, пока, наконец, странный случай не вызвал у него конкретного подозрения. Это произошло в тот день, когда Удаджалак прибыл в лагерь с известием, что во время охоты на снежного барса, на маньчжурском берегу Амура, хунхузы напали на небольшую экспедицию. Едва лишь Павлов услышал, что трое участников экспедиции направились в Нерчинск в больницу, он сразу же вспомнил одно дело, с которым ему пришлось столкнуться в этом городе. Тогда ему удалось перехватить письмо, написанное польским ссыльным к кому-то в Англии, в котором он просил помочь в организации побега из Сибири. Если память не изменяла Павлову, адресатом письма был некто по фамилии Вильмовский.

Как только это воспоминание промелькнуло в его голове, он судорожно схватился за него, потому что фамилия юного зверолова уже давно казалась ему знакомой. Павлов не стал терять времени. Воспользовавшись случаем, он немедленно послал письмо своему другу, жандармскому штабс-капитану, в Нерчинск с просьбой проверить его подозрения.

Павлов нетерпеливо ждал известий от штабс-капи-

тана Голосова. Раскрытие столь опасного заговора открыло бы ему путь к дальнейшей карьере. Что за великолепная месть за варшавское поражение!

Прошло несколько дней, а от штабс-капитана Голосова все не приходило известие, с таким нетерпением ожидаемое Павловым. Агент стал уже подумывать кого бы еще послать с новым письмом, как вдруг в лагерь вернулись из Нерчинска Смуга, боцман и Томек. Павлов внимательно наблюдал за ними. Если его подозрения справедливы, то рискованная поездка в Нерчинск должна была закончиться безрезультатно. Ведь ссыльный, подозреваемый в подготовке побега, по предложению того же Павлова, был в свое время отправлен в Якутию.

К своему искреннему неудовольствию, Павлов никак не мог заметить на лицах троих смельчаков какого-нибудь выражения разочарования из-за постигшей их неудачи. Они немного устали от верховой езды, но весело приветствовали всех, причем боцман и Томек, перебивая друг друга, с воодушевлением рассказывали о своем маньчжурском приключении. И только лишь тогда, когда все уселись за обеденный стол, Смуга хлопнул себя рукой по лбу и лаконически сообщил:

— Ах, кстати, я совсем забыл! Господин Павлов, жандармский штабс-капитан из Нерчинска просил передать вам одно известие. Вам завтра надлежит быть на пристани, куда должен подъехать на пароходе нарочный.

На следующий день Павлов вскочил с постели на рассвете. Пожираемый любопытством, он даже не возражал, когда Смуга предложил боцману сопровождать Павлову до пристани пароходов, чтобы обеспечить его безопасность.

Однако в этот день посланец Голосова не прибыл. К берегу приставали по очереди два парохода, чтобы погрузить дрова, но ни один из пассажиров не сходил на берег. Боцман по-приятельски хлопал Павлова по плечу, утешая его тем, что нарочный, наверное, появится завтра.

Павлов провел бессонную ночь в шалаше китайских кули. Боцман ежеминутно пытался завязать с ним беседу и не отходил от него ни на шаг. Чтобы разогнать скуку, он подсовывал Павлову свой любимый ямайский ром.

Настало утро. Опять у пристани остановился пароход и, погрузив дрова, отправился в дальнейший путь. Нарочного на нем не было. Вдруг около полудня, на пристани появился Томек с известием, что два часа тому назад в лагерь прибыл всадник с письмом для Павлова от штабс-капитана Голосова и ждет его там. Они спешно направились в обратный путь.

Быстрыми шагами они шли через тайгу, причем Павлов терялся в догадках о том, какое известие прислал ему Голосов. Он никак не мог понять, почему гонец миновал пристань, расположенную на пути, ведущем к лагерю. Почему многоречивый и добродушный час тому назад великан Броль вдруг замолчал и, идя с Томеком впереди, время от времени бросал на Павлова насмешливые взгляды? В душу Павлова стало закрадываться нехорошее предчувствие. Этот немецкий великан казался ему знакомым. Где и когда он его встречал?

Наконец, они дошли до края знакомой, прибрежной поляны. Павлов остановился как вкопанный. Лагерь исчез. Исчезли палатки, телеги, клетки с животными, проводники. У нескольких навьюченных и готовых к верховой езде лошадей суетились только Смуга и Броун.

Беспредельное изумление агента преобразилось вскоре в безудержное бешенство. Забыв на момент об осторожности, он подбежал к Смуге и крикнул:

— Где нарочный?! Что это значит?! Немедленно дайте отчет, потому что...

Правой рукой он потянулся в карман за револьвером. Смуга не сделал ни одного движения, только кивком головы дал знак кому-то стоявшему позади Павлова. Несмотря на крайнее волнение, агент заметил этот немой приказ. Он отскочил в сторону и выхватил револьвер из кармана. Но он все же замешкался, так как боцман, словно тигр, подскочил к нему и нанес сокрушительный удар, явно намереваясь попасть в голову. Однако Павлов успел уклониться, кулак боцмана попал в правое плечо, что заставило агента выпустить револьвер.

— Довольно, оставь его! — приказал Смуга.

Моряк ногой отбросил револьвер. Павлов, согнувшись, шаг за шагом отступал, не отрывая взгляда от великана. Теперь он уже знал, откуда знакомо ему это

лицо! Хищный, молниеносный прыжок и стальной кулак помогли ему узнать в фальшивом немце бывшего ученика слесаря из Варшавы, который уже однажды преградил дорогу Павлову. Если это действительно он очутился здесь в тайге с фальшивым паспортом, то англичанин Броун, такой прекрасный знаток географии, был, видимо, варшавским учителем, руководителем ячейки, распространявшей нелегальную литературу.

Словно в озарении, Павлов взглянул на Вильмовского, потом на боцмана и, наконец, узнал своих старых врагов. Но теперь он был уже достаточно опытным полицейским агентом, чтобы понять грозившую ему смертельную опасность. Если они его тоже узнали — он погиб!

Павлов постарался преодолеть волнение. На его устах появилась вынужденная улыбка. Ведь со времени тех памятных событий в Варшаве прошло уже более полутора десятка лет. Все они за это время сильно изменились. Сам он, по удивительному стечению обстоятельств, узнал заговорщиков только теперь, не смотря на то, что в Варшаве следил за ними несколько недель. Трудно было предположить, чтобы они помнили его лицо, которое видели когда-то не больше нескольких минут.

Стараясь выиграть время, Павлов стал потирать ушибленную руку и как-то вынужденно улыбаться. Украдкой наблюдая за противниками, шпик заметил выражение облегчения на лице мнимого Броуна.

«Значит, мои дела не так уж плохи! — подумал Павлов.— Он доволен, что я еще жив, значит, у них нет намерения меня убить».

За время длительной охоты в тайге, Павлов превосходно изучил характеры участников экспедиции. Он знал, что нечего ожидать жалости от господина Смуги и бывшего ученика слесаря, а теперь укротителя диких животных Броля, но остальные два участника всегда избегали насилия. На это и рассчитывал Павлов.

— Где нарочный от штабс-капитана Голосова? — вторично спросил он, на этот раз довольно мирно.

Все это время Смуга наблюдал за Павловым весьма внимательно. Увидев внезапное изменение поведения Павлова, он подошел к нему и сказал:

— Давайте откроем наши карты, господин Павлов! Думаю, что вы многое поймете!

Павлов побледнел, увидев в руках Смуги свое письмо, посланное Голосову. Значит, он не ошибся! Они в самом деле приехали в Сибирь с целью освободить ссыльного! Не найдя его в Нерчинске, они, видимо, хотят теперь пробраться на Алдан. Поэтому звероловы свернули лагерь, который им сейчас только мешал, и отправили домой нанайцев.

Из груди агента вырвался тяжелый вздох. Ему надо было во что бы то ни стало выиграть время. Любое необдуманное слово могло повлечь за собой его смерть, но если ему удастся вырваться из рук заговорщиков, он им оплатит за все, в том числе и за неудачу в Варшаве!

Смуга будто слыша его мысли, приказал:

— Боцман, обыщи карманы господина Павлова!

— Не имеете права, это нападение на представителя власти,— закричал агент.— Вы за это понесете суровое наказание!

— Вот что, господин Павлов, вы лучше помолитесь, чтобы я вконец не потерял терпения,— сказал боцман.— Я плевать хотел на твои власти. Если бы от меня зависело, ты уже гнил бы в земле!

Боцман бесцеремонно стал обыскивать агента. Он отобрал у него перочинный нож, записную книжку, карандаш, второй револьвер и документы. Внимательно осмотрев документы, Смуга подал их Вильмовскому, говоря:

— Зарубите себе на носу, господин Павлов, что с этого момента господин Броун становится чиновником для особых поручений при канцелярии губернатора. Он заменит вас достойно, можете не опасаться.

— Не забывайте, что вы находитесь в глубине Сибири, на земле русского императора,— ответил Павлов, не теряя самообладания.— Вы еще горько пожалеете, что посмели напасть на меня.

— Не угрожай,— прикрикнул на него Смуга.— Я поручаю тебя опеке господина Броля. При малейшей попытке к бегству или в случае предательства, ты получишь удар ножом. Уверяю тебя, что у господина Броля не задрожит рука и он попадет прямо в сердце!

XVII

В СТРАНЕ ЯКУТОВ

Группа всадников украдкой пробиралась через холмистую, девственную тайгу. Пользуясь компасом, Смуга и Вильмовский вели группу наискосок от Амурса, на северо-запад, к реке Уркуну, правому притоку Зеи. Таким образом, они обходили железнодорожную станцию Невер, расположенную на расстоянии около сотни километров к юго-западу, откуда начинался старый тракт на Алдан и в Якутск, столицу Якутии. Смуга предполагал выйти на тракт в районе западного подножия хребта Тукурингра. Это было бы примерно на полпути между станцией Невер и Становым хребтом¹. От Станового хребта до Алдана оставалось еще около двухсот восьмидесяти километров.

Конечно, участники экспедиции полностью отдавали себе отчет в том, что избранный путь весьма тяжел и чреват многими непредвиденными опасностями. С того момента, как они взяли в плен Павлова, любая встреча с властями, все равно гражданскими или военными, грозила путешественникам тюрьмой. Легальная до сих пор охотничья экспедиция превращалась в диверсионную группу, деятельность которой была направлена против царских властей. Поэтому Смуга и боцман тщательно следили за поведением Павлова. Это по его причине пришлось преждевременно открыть тайную цель экспедиции, что по первоначальному плану должно было произойти лишь после освобождения ссыльного. Несмотря на это, Вильмовский категорически воспротивился уничтожению шпика. Во время бурного спора по этому поводу он спас Павлову жизнь, заявив, что смерть полицейского агента сделает невозможной их дальнейшую дружбу. Такой ультиматум заставил боцмана и Смугу уступить.

Томек, замирая от тревоги, слушал горячую защиту врага, предпринятую отцом. После ухода из Не-

¹ Становой хребет — горная цепь в Восточной Сибири, простирающаяся от северной части Яблонового хребта до побережья Охотского моря. Самая высокая вершина — Голец Скалистый достигает высоты 2412 м.

рчинска сама мысль о необходимости уничтожения Павлова наполняла сердце Томека ужасом. Но он не смел противиться старшим, более опытным друзьям, которые несли всю ответственность за успех экспедиции. Не считаясь, однако, ни с чем, Вильмовский спас Павлова, потому что таковы были его понятия о благородстве и честности. Томек с восхищением смотрел на отца и облегченно вздохнул, когда оба приятеля подчинились требованию старшего Вильмовского.

Но оставляя Павлова живым, положение участников экспедиции еще больше усложнилось. Согласно прежнему плану они намеревались, переодев ссыльного тигром, посадить в клетку и привезти его во Владивосток, где их поджидал корабль. Теперь это было невозможно. Они пошли против закона и тем самым доступ в крупный портовый город, полный войск и полиции, был для них закрыт. О неожиданном изменении планов необходимо было возможно скорее уведомить пандита Давасармана, находившегося на корабле. Вот поэтому-то Смуга и отправил Павлова на пристань под предлогом встречи нарочного от Голосова, чтобы во время его отсутствия произвести соответствующую подготовку. Прежде всего необходимо было погрузить на судно, идущее вниз по Амуру в Хабаровск, лишнее лагерное имущество, а именно: телеги и клетки с животными. Сопровождать животных на судне должны были нанайцы и Удаджалак. В Хабаровске Удаджалак должен был расстаться с проводниками и поездом поехать в Уссурийский край.

Инструкции, посланные через Удаджалака пандиту Давасарману, заключали требование, как можно скорее уйти из Владивостока. Смуга советовал отправиться на несколько сот километров восточнее в японский порт Отару, расположенный на западном побережье острова Хоккайдо¹, откуда ровно через два месяца с момента

¹ Хоккайдо (древнее название Эдзо) — один из четырех крупных японских островов, самый северный из них. От Уссурийского края отделен Японским морем. Гористый остров, покрытый в большинстве хвойными и лиственными лесами, располагает залежами угля, нефти, железной руды и руд других металлов. На острове работают судостроительные заводы. По поручению Русского географического общества на этом острове в 1902—1903 годах Вацлав Серошевский исследовал быт коренного населения острова — айнов.

отъезда Удаджалака из лагеря на Амуре корабль должен был отправиться к заливу у города Терней на побережье Уссурийского края. Туда намеревался Смуга дойти после освобождения ссыльного.

Далее в инструкции говорилось, что пандит Давасарман должен в определенные дни, два раза в неделю, подходить ночью к берегу, погасив на судне все огни. Путешественники обещали просигнализировать на судно ночью, разложив костры по индийскому способу. Сигналы означали требование прислать с корабля лодку за участниками экспедиции.

Подробно разработанный план похищения ссыльного требовал от всех участников экспедиции самого тщательного выполнения. Действия группы, находящейся на суше, должны быть точно согласованы с действиями пандита Давасармана на корабле. Малейший недосмотр мог повлечь за собой самые печальные последствия. Именно поэтому Смуга, вынужденный по требованию Вильмовского держать Павлова в плену, приказал боцману стеречь его как зеницу ока.

А Павлов, убедившись, что жизни его пока ничто не угрожает, притворялся покорным и испуганным. Он знал, куда направляется экспедиция. Знал, что у него в запасе несколько недель времени, и что он сможет, воспользовавшись удобным случаем, подумать о мести. Только теперь Павлов мог полностью оценить огромный опыт заговорщиков, как он про себя называл участников экспедиции. В чужой, незнакомой стране, пользуясь только не слишком точной картой и компасом, они быстро шли к цели, старательно обходя населенные пункты. Путешественники берегли лошадей, экономили продовольствие, уничтожали следы вечерних костров, использовали встречавшиеся болота и каменистый грунт, чтобы замести за собой следы.

Перейдя вброд реку Уркан, участники экспедиции прошли у подножия хребта Тукурингра, миновали по дороге расположенные южнее у тракта два поселка. Переправившись вторично через Уркан, путешественники очутились на старом тракте. Участники экспедиции пришпорили лошадей. Теперь они в течение одного дня прошли довольно большой участок пути и только четыре раза встретили небольшие караваны туземцев.

Смуга не опасался случайных встреч с представителями местного населения. В этой части Восточной Сибири, которая простирается с запада на восток на расстоянии свыше трех тысяч километров, а с юга на север — больше чем на две тысячи пятьсот километров¹, редко встречались представители царской администрации. Наши путешественники, одетые в бараньи полушубки, меховые шапки и валенки, не возбуждали к себе лишнего интереса со стороны туземцев, а в случае необходимости Вильмовский, пользуясь документами Павлова, мог выдавать себя за чиновника для особых поручений при губернаторе.

К вечеру путешественники заметили на горизонте дым, поднимающийся из труб. Это был последний поселок перед Становым хребтом на тракте. Поэтому Смуга вскоре направил экспедицию в сторону от дороги. Участники экспедиции разбили бивак в пойменном лесу на берегу одного из притоков Зеи. Здесь они расположились на дневку. Перед переправой через Становой хребет надо было дать лошадям хорошенько отдохнуть. Через Становой хребет они намеревались пройти между истоками рек Алдана и Гонама, которые стекают с ледников этой горной цепи.

Переход через горы был чрезвычайно утомителен как для людей, так и для лошадей. Дорога то взбиралась на крутые горные перевалы, то спускалась в дикие ущелья или вела через быстрые ручьи, берега которых соединяли мостки из шатких бревен. Иногда приходилось переправляться через горные потоки вброд по камням. Смуга все время требовал спешить. Он надеялся, что в Якутии им удастся обменять измученных лошадей или купить других. Он знал, что якуты, в особенности живущие вдоль тракта, занимались не только разведением крупного рогатого скота и

¹ Восточная Сибирь, расположенная между Западной Сибирью и Дальним Востоком, занимает огромную территорию: от водораздела Оби и Енисея на западе до горных хребтов, простирающихся вдоль берегов Тихого океана на востоке; на юге граница Восточной Сибири проходит вдоль государственной границы России с Монгольской Народной Республикой и Китаем, а на севере доходит до берегов Северного Ледовитого океана.

Местные национальности, прежде находившиеся под царским гнетом, после революции получили автономию, положившую начало их культурному и экономическому развитию.

овец, но и лошадей, известных своей неприхотливостью и выносливостью.

Как нам уже известно, боцман не любил путешествий по горам, поэтому на трудном участке пути он то и дело тяжело вздыхал и жаловался. Не отходя ни на шаг от Павлова, он не мог вести с Томеком свободную беседу и подшучивать над ним. Поэтому, когда усталые путники увидели перед собой обширную панораму Алданского плоскогорья, боцман вздохнул с облегчением.

Вильмовский остановил коня; *его примеру последовали остальные. Путешественники очутились у порога Восточной Сибири, в те времена мало известной, почти безлюдной и таинственной страны.

Якутия — настоящее царство тайги и самой суровой в мире зимы. Если взглянуть на Якутию с высоты птичьего полета, то в разгар здешнего короткого лета взору представится бескрайнее море темной зелени, окруженное с юга зеленовато-желтой полоской степей, занимающих в основном горные склоны, а с севера — Ледовитым океаном с тундровыми берегами, тянущимися тоже полосой, шириной около трехсот километров. Среди моря лесов, покрывающих Якутию, словно мощные острова поднимаются горные хребты, покрытые растительностью рыжеватого цвета и светло-желтым ягелем; иногда это совершенно голые, черные, серые, желтые и красные скалы. Пейзаж разнообразят длинные, голубые ленты широких рек и многочисленные горные озера.

Зимой эта обширная страна как бы впадает в ледяной сон. Почва начинает подмерзать еще в сентябре; в октябре почти вся Якутия бывает покрыта снегом. Все реки и озера замерзают. Ночи становятся все длиннее и длиннее... Животворное солнце только на короткий миг всходит над бескрайней страной. Когда наступает ночь, исчезают птицы, животные прячутся в норах. Вся жизнь замирает в оковах суровой зимы, стихают даже ветры. Только время от времени в тайге слышится треск деревьев, лопающихся от мороза.

Если бы существовал демон зимы, то он, пожалуй, именно эту страну избрал бы своим царством. Ведь здесь зима почти никогда не кончается. Она только отступает в глубину скованной вечным льдом земли в

период от апреля до августа и уходит к вершинам Саянского, Верхоянского и Черского хребтов¹, где даже летом снег никогда не тает. Часто после жаркого дня земля ночью покрывается белым инеем, или выпадает град. Именно здесь, в Восточной Сибири, на Оймяконском нагорье, между восточной оконечностью Верхоянского хребта и хребта Черского, находится полюс холода² северного полушария.

Смуга внимательно прислушивался к рассказу Вильмовского о географическом положении страны и господствующей там погоде. Приближалась середина августа. Мимолетные дожди предвещали конец короткой в этих краях осени и предупреждали о том, что через четыре или пять недель здесь наступит суровая, сухая зима, длящаяся около семи месяцев. С вершины холма Смуга разглядел у подножия гор обширную долину и несколько столбов дыма, медленно вздымавшихся к небу, что указывало на близость человеческого жилья.

¹ Ян Черский, исследователь Восточной Сибири, родился в 1845 г в Витебской губернии. После польского восстания 1863 года, в семнадцатилетнем возрасте, был отдан в солдаты и служил в отряде, расположенном в Омске. От военной службы освобожден в 1869 году, после чего в Омске изучал сравнительную анатомию, потом поселился в Иркутске и посвятил себя изучению геологии и географии Восточной Сибири. Возглавил ряд экспедиций в Забайкалье, к Саянским горам, Верхоянскому хребту, изучал бассейны Индигирки и Колымы. После освобождения из ссылки, в течение 5 лет находился в Петербурге, где работал в Академии наук. Летом 1891 г. Черский с женой и двенадцатилетним сыном верхом на лошадях направился в Верхне-Колымск через Верхоянские горы и параллельные им хребты, которые позднее получили название хребтов Черского. Тяжелые условия зимовки в Верхне-Колымске подорвали здоровье Черского. Несмотря на это, он отправился в путь вниз по реке. Умер в 1892 г. на берегу Колымы и похоронен в устье реки Омолона. Умирая, он просил жену довести экспедицию до Нижне-Колымска, что она и сделала. Черский — автор многих трудов. Кроме горного хребта в Северо-Восточной Сибири, имя Черского присвоено одному из горных хребтов Забайкалья, простирающемуся параллельно реке Инготе к востоку от Читы.

² Полюс холода — место на земле с самыми низкими температурами воздуха. В северном полушарии до недавнего времени таким полюсом считали район Верхоянска, где температура зимой понижается до -69°C . Но позднее установлено, что полюс холода находится несколько дальше к северу на Оймяконском нагорье, где отмечена температура ниже -70°C . В южном полушарии полюс холода находится на Антарктиде, где отмечена температура -83°C .

— В путь! — воскликнул он, погоняя лошадь нагайкой.

Путешественники направились вниз по склону в видневшуюся, как на ладони, долину. Смуга ехал рядом с Вильмовским и потихоньку вел с ним беседу. Уже было необходимо поменять измученных долгой дорогой лошадей. По предположениям Смуги, они подъезжали к летнему якутскому поселению. Встреча с туземцами в этом безлюдном районе не могла повлечь за собой неприятностей для экспедиции. Не было нужды и опасаться, что кто-нибудь из местных жителей узнает Павлова. До сих пор его деятельность проходила только на юге Сибири между Иркутском и Хабаровском.

Согласовав с Вильмовским тактику, которую следует применить при встрече с местным населением, Смуга выехал вперед. У выхода из котловины стояли живописные, серебристо-белые ураса, в которых якутские пастухи живут летом на пастбищах. Ураса с древнейших времен является местной формой дома. Строится ураса из тонких, длинных жердей, обкладываемых снаружи берестой. Одинаковые по размеру листы укладываются наподобие черепицы и старательно сшиваются волосом. Ураса лишена окон; небольшой дверной проем закрывают шкурами домашних животных. Внутри такого дома свет поступает только через дымовое отверстие в крыше.

По своей форме и покрытию из серебристо-белой бересты с красивым и нежным естественным узором ураса напомнили Томеку индейские типи. Однако у него не было времени восхищаться стройными формами якутских домов, потому что к путешественникам уже приближались люди.

Это были якуты. Их легко отличить по очень смуглой коже, напоминающей по цвету медь, и по глазам не так раскосым, как у монголов и тунгусов (эвенков). Лица якутов, почти лишенные волос, как правило, оживляются лишь под влиянием волнения или гнева, обыкновенно же остаются спокойными, словно вытесанными из камня. Некоторые из якутов носили на головах суконные фуражки, у других — твердые, черные волосы были перевязаны цветными платками или ремешками. Якуты одеты были в «соны» из вельвета, то есть в кафтаны, достигающие колен, подшитые сукном. На ногах у них были длинные кожа-

ные штаны. Старики были подпоясаны кожаными поясами, за которыми с левой стороны держали нож в ножнах, а с правой огниво и мешочек с губкой. За мягкими голенищами остроносых сапог из конской шкуры торчали трубка и кисет с табаком.

Как Томек убедился позднее, якуты под кафтанам носили сорочки и короткие, кожаные штаны, которые называют «сиали». К этим штанам с пришитыми к ним металлическими кольцами они прикрепляют ногавки. Сиали якуты не снимают даже на ночь.

Якуты окружили путешественников полукругом. Смуга соскочил с седла и приветствовал якутов по-русски.

— Приветствую вас! — ответил на ломаном русском языке один из якутов. — Вы нуча?

Смуга не понял вопроса, потому что название нуча, якуты употребляют для определения вообще белых людей с юга. Поэтому он вопросительно посмотрел на Вильмовского. Однако тот не мог понять, о чем спрашивают якуты. Вдруг Павлов соскочил с лошади и, прежде чем боцман успел задержать его, остановился рядом со Смугой.

— Он не нуча, он — беляк! — воскликнул Павлов.

В этот момент Павлов почувствовал на своем плече тяжелую руку боцмана. Он оглянулся и, встретив угрожающий взгляд моряка, услужливо пояснил:

— Они русских называют нуча, а поляков — беляк... Я ничего плохого не сказал!

— Спасибо за... помощь, но в будущем прошу без разрешения в разговоры не вступать, — предупредил Смуга.

Полицейский агент замолчал, злорадно улыбаясь. Якуты знали поляков в основном как ссыльных, потому что суровый, безлюдный край был для царского правительства местом ссылки особо опасных политических преступников. Большинство ссыльных умирало здесь от истощения. Некоторых ссыльных административные власти направляли в якутские селения, где якуты вынуждены были содержать их за свой счет. На этой почве здесь возникали иногда споры, которые вызывали неприязнь якутов к ссыльным.

Но на этот раз злорадство агента оказалось преждевременным, потому что якуты смотрели на Смугу благожелательно.

— У нас был один такой,— сказал якут.— Все умел, учил нас. Беляк хороший... Здравствуйте, рассказывайте, что и как.

После обычного у якутов приветствия, Смуга и Вильмовский начали объяснять им то по-русски, то жестами, цель своего прибытия в поселок. После длительных переговоров пришли к соглашению. Якуты решили за небольшое вознаграждение снабдить их свежими лошадьми, задержав в качестве залога изнуренных коней путешественников. Возвращаясь с Алдана, надо было снова обменять лошадей и тем самым они возвращались к своим первоначальным владельцам. Таким образом, это была выгодная сделка для обеих сторон.

Как только переговоры окончились, владелец табуна пригласил путешественников к себе на обед. За время обеда его сыновья должны были привести лошадей с пастбища. Путешественники вошли в урасу. Лучи дневного света, преломляясь вверху на светложелтых, берестяных стенах, приобретали характерный оттенок. Но несмотря на это, внизу царил полумрак, хотя на каменном очаге, устроенном в виде углубления в земле, горел огонь. Над огнем, на деревянных жердях висели котел и чайник, от которых вились клубы пара; на рожне жарился кусок мяса, с приятным для голодных путешественников запахом.

Как только в урасу вошли путешественники, находившиеся там женщины стыдливо спрятались в углу, бросая на гостей любопытные взгляды. Около очага, в своеобразной колыбели, лежал ребенок, укрытый меховым одеялом, привязанным к ее деревянным бокам. Стоя рядом с колыбелью, косматый пес широким языком слизывал липкий жир, блестевший на круглом личике ребенка. Собаку никто не отгонял, да и ребенок не проявлял никаких признаков неудовольствия по поводу столь бесцеремонного обращения. Лица всех других якутов тоже блестели от жира, потому что холод, господствующий во все времена года в якутских жилищах, мешает частому мытью, а натирание всего тела жиром является местным обычаем. Вокруг стен урасы находились низкие скамьи, покрытые шкурами, на которых днем сидели, а ночью спали. Каждый обитатель урасы, как и каждый гость, в зависимости от своего положения, располагался на

заранее назначенном месте. У входа, с левой стороны, как правило, садились менее значительные гости. У самого очага были места почетных гостей или родных. Перед их лавкой стоял небольшой столик, над которым висела полочка с иконами. Несколько поодаль находилась скамья хозяев, сзади нее были места молодежи и наемных работников.

Хозяин указал путешественникам на почетные места. Видимо, это был довольно богатый человек, потому что пожилая женщина поставила перед ним затирку из муки, миску с жареной говядиной, костный мозг и язык, который у якутов считается лакомством. На столе появился также кирпичный чай и жбаны с кумысом, облегчающим пищеварение после жирной еды.

Хозяин и его домашние стали подсовывать гостям яства, наливали кумыс и приглашали всех присутствующих отведать еды. Якуты считают еду общим достоянием, поэтому они никогда не берут с собой запасов продовольствия. Повсеместно господствующий среди них старый обычай возлагает на каждого якута обязанность бесплатно угощать путешественников.

Порядком проголодавшийся Томек, с аппетитом поглощал куски мяса, несмотря на то, что оно было наполовину сырое. Одновременно он с опаской следил за якутами, которые усевшись вокруг надетой на рожон говядины, отрезали от нее кусок поджаренного мяса и брали его в зубы, отрезая ножом у самого рта мелкие кусочки. При каждом таком движении ножа Томеку казалось, что они могут отрезать себе носы. Однако ничего подобного не произошло. Удовлетворив свой голод, хозяин присоединился к гостям и стал угощать их кумысом. Это значило, что он предлагает свою дружбу. Для полноты церемониала он подарил Смуте как руководителю экспедиции свой нож с рукояткой из бивня мамонта¹ и получил от путешественника взамен индийский кинжал.

¹ Почти вся территория Якутии находится в районе вечной мерзлоты, поэтому уже на небольшой глубине в земле царит низкая температура. Таким образом, здесь хорошо сохранились останки животных минувших эпох, как например: мамонта и волосатого носорога, которые жили на территории Восточной Сибири до похолодания климата. Кости мамонта часто находят в речных отложениях, а на побережье Северного Ледовитого океана их чрезвычайно много.

Довольный хозяин поставил на столике «симир» — кожаный мешок с кумысом и стал наполнять жбаны свежим, слегка пенящимся напитком.

Сын хозяина стал играть на хамисе. Это единственный музыкальный инструмент якутов. Играющий берет его в рот и языком, а также зубами регулирует звуки пружинки, находящейся в железной рамке.

Якуты чрезвычайно общительны, поэтому хозяин, хотя и не очень хорошо понимал русский язык, все время расспрашивал гостей о новостях из широкого мира. Когда не менее общительный боцман упомянул о путешествиях по многим морям, на лице хозяина появилось выражение недоверия. Наблюдая за тем, как Павлов прислушивается к словам боцмана, Смуга и Вильмовский всячески старались приостановить его красноречие. Желая удовлетворить любопытство якута, Смуга как бы мимоходом сказал, что они едут в Алдан, чтобы купить там меха. К счастью, вскоре сыновья хозяина привели с пастбища лошадей и все вышли поглядеть на них.

Томек сразу заметил, что якутские кони очень отличаются от забайкальских. Они ниже ростом, туловища у них короткие, большие, удлинённые головы, широкая морда, горбатый нос, масть, как правило, серая или сивая. Хотя лошади, на первый взгляд, казались неловкими и невзрачными, у них было много достоинств. Якутские лошади могли с всадником на спине, с его выюками и постелью, которую здесь все возят с собой, преодолевать участки дороги большой протяженности. Кроме того, они весьма неприхотливы. На постояях довольствуются сухой травой и ветками карликовых деревьев, которые отгребают зимой из-под снега. Именно такие лошади и были нужны участникам опасной экспедиции, поэтому они, не торгуясь, вручили якуту условленное вознаграждение.

Приближался вечер. Гостеприимный хозяин пригласил путешественников переночевать у него. Это устранило бы необходимость разбивать палатки, потому что нигде вблизи не было постоянного двора. Смуга колебался, ведь в тесной хижине якута обитала вся его семья. Но когда узнал, что на расстоянии около двух километров по дороге находится пустующая зимняя юрта хозяина, он охотно воспользовался приглашением.

При помощи якутов путешественники оседлали свежих лошадей, простились с хозяином и, взяв с собой в проводники младшего его сына, отправились в путь.

Зимняя юрта, которую в Якутии повсеместно зовут «балаганом», представляла собой сооружение в виде пирамиды с низко усеченной вершиной. Боковые стены юрты наклонены к двухскатной крыше под острым углом и создают внутри нечто вроде ниш, где размещаются широкие скамьи для сидения и сна. Вся юрта, построенная из бревен, была сверху обмазана глиной и навозом, а до уровня небольших окошек обложена землей. Кровля из коры лиственниц тоже для сохранения тепла была присыпана глиной и землей. Построенная так, зимняя юрта больше напоминала землянку, чем деревянный дом. Летом два окна закрывались бычьими пузырями, зимой их закладывали кусками льда. В юрту вела дверь из досок, обитых кожей.

Путешественники расседлали лошадей, поставили их в небольшую загородку, находившуюся вблизи юрты, и вошли внутрь жилища. Внутренний вид зимней юрты был весьма похож на урасу, с той разницей, однако, что от очага к потолку шла наискосок дымовая труба, которая напротив двери имела большое отверстие, прикрытое козырьком, благодаря чему тепло направлялось в глубину юрты. Эта труба была построена из связанных тальником жердей и обмазана внутри глиной.

В юрте царили мрак и холод, поэтому юный якут принес дров и разложил в очаге огонь. Вскоре он попрощался с гостями, так как хотел еще до наступления ночи вернуться домой.

Измученные путешественники наскоро распаковали вьюки с постелями. Удобно устроились на скамьях. Они намеревались на рассвете отправиться в дальнейший путь. Уже давно им не приходилось ночевать под крышей дома.

На биваках боцман, как правило, перед уходом ко сну заковывал ноги Павлова в его же собственные кандалы. В тайге, где существовали благоприятные условия для бегства, это было прямой необходимостью. Но рослый, добродушный моряк не был мстительным человеком. Когда прошел первый гнев, он

сделался даже вежливым в обращении с агентом. Этим вечером Павлов выглядел чрезвычайно измученным тяжелой для него верховой ездой. Боцман, как всегда достал кандалы, но не спешил надеть их на ноги Павлова. В конце концов, подошел к Смуге и шепнул:

— Послушайте, если мы не можем свернуть этому шпику голову, то надо позволить ему отдохнуть. Верхом на лошади он подохнет, можете быть уверены! Шпик еле волочит ноги.

— Так пусть идет спать,— ответил Смуга, не поняв чего хотел от него боцман.— Впрочем, всем нам нужен хороший отдых до рассвета.

— Это правда,— согласился моряк.— Однако плохо спать с железом на ногах...

— Послушайте, боцман, вы прекрасно знаете сколько трудов стоило нам убедить Вильмовского и Томека, что эта осторожность необходима для нашей же безопасности.

— Конечно, знаю, а как же! Ведь я сам настаивал на этом. И все же я не могу заснуть, когда этот тип рядом со мной гремит кандалами, словно каторжник.

Смуга вовсе не желал поиздеваться над побежденным противником. Поэтому, хотя он и считал, что это не очень разумный поступок, буркнул в ответ:

— Черт подери, делайте как хотите, но помните, что вы за него отвечаете головой.

— Ничего не бойтесь, ведь я сплю чутко, как заяц,— шепнул боцман и приказал Павлову ложиться спать без кандалов.

Вильмовский и Томек были довольны поступком боцмана. Прежде чем лечь спать, боцман изнутри запер дверь деревянной задвижкой. Однако он до самого рассвета не сомкнул глаз. Ему казалось, что Павлов может бежать.

А Павлов с радостью принял перемену в поведении своего стража. В первый момент он даже подумал о бегстве, но сообразил, что это может быть ловушка, подстроенная ему нарочно.

«Ему надоело постоянно следить за мной,— думал Павлов.— Если я попытаюсь бежать, а он только этого и ждет, то погибну, так как не могу рассчитывать на чью-либо помощь. Перед нами еще далекий путь, может быть, представится случай получше».

Придя к такому выводу, Павлов заснул крепким сном.

А вот жалостливый боцман и его три друга, бодрствовали всю ночь. Все они вместе и каждый в отдельности, наравне с моряком, чувствовали себя ответственными за успех экспедиции. Таким образом, один лишь Павлов встал на рассвете, отдохнувшим и выспавшимся.

XVIII

ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ

Проходил день за днем, а трудному пути все не было видно конца... Старый тракт вился по распадкам и по дну ущелий на северо-восток. Путешественники пользовались случаем, чтобы как можно лучше ознакомиться со страной. Хорошее знание топографии страны могло им весьма пригодиться на обратном пути после освобождения ссыльного Збышека. Поэтому по пути они тщательно изучали местность. Иногда они удалялись в сторону от тракта и искали удобных мест, где можно было бы укрыться от возможной погони. Рельеф местности, как нельзя лучше, подходил для этого.

Алданское плоскогорье находится на высоте от 700 до 1000 метров над уровнем моря. Многочисленные, отдельно стоящие вершины и их группы почти нигде не создают явно выраженных горных хребтов, хотя высота отдельных вершин достигает 2150 метров. Преобладают мягкие, округлые очертания возвышенностей с куполообразными, массивными, оголенными вершинами, иногда сплошь покрытыми каменными осыпями. Бурные реки мчатся через многочисленные пороги и перекаты, но в обширных котловинах успокаиваются и текут крутыми извилинами.

Котловины и мягкие склоны покрыты типичной якутской таежной растительностью, которая, по словам Вильмовского, на севере не переходит через Верхоянский хребет. Путешественники убедились, что флора тайги состояла, в основном, из сосны и ели, а в южной части — кедра. Лиственница росла почти везде на сухих, возвышенных и лишенных болот, мес-

тах. Из-за сурового климата деревья росли довольно редко, чаще стужалась лишь в узких, речных поймах.

Сильные морозы и резкие ветры, господствующие тут зимой, придали тайге характерные черты: стволы большинства деревьев искривлены, вершины часто были обезображены сухими ветками. Бедный подлесок состоял из карликовой ольхи, багульника, восточносибирской облепихи; у самой земли часто встречались заросли брусники, редкое разнотравье и ягель.

Животный мир тайги был особенно богат вблизи рек, лесных озер и полян. Но в глубине девственной тайги, вдали от путей перелета пернатых, царила глухая тишина, не слышно даже пения птиц.

Охотников привлекали места, где в изобилии водилась дичь. Там можно было встретить медведей, волков, лисиц, росомах, выдр, соболей, барсуков, а иногда и рысей. Водились здесь также дикие олени и лоси. По нагим, каменистым вершинам прыгали козлы, излюбленная дичь эвенков. Мелкие животные, то есть бурундуки, белки и зайцы встречались везде в довольно больших количествах.

По мере того как путешественники продвигались в глубину Якутии, они все меньше избегали встреч с местным населением и обходили только крупные поселения, где могли встретить представителей царской администрации. Поэтому им удалось довольно подробно ознакомиться с бытом якутов, одного из многочисленных тюркских племен¹ и менее многочисленных эвенков, называвшихся раньше тунгусами, которые относятся к монгольской расе и составляют отдельную языковую группу².

Некогда якуты заселяли почти всю Восточную Сибирь, между Леной и Чукоткой. Часть из них относилась к тюркской языковой группе, а часть — эвенкийской. Якутские и эвенкийские племена были быстро покорены русскими и стали платить русским ясак.

Местное население испытывало гнет со стороны царских чиновников и жестокую эксплуатацию купцов.

¹ К числу тюркских народов, проживающих в Сибири, кроме якутов относятся монголы и буряты.

² Коренное население средней Сибири — тунгусы или эвенки. С языковой точки зрения к тунгусам близки гольды или нанайцы, а также маньчжуры.

1911
M. A. C.

Православное духовенство насаждало среди якутов христианскую религию, причем за принятие крещения выплачивали неофитам премии. Многие якуты крестились по нескольку раз, чтобы получить эти премии, оставаясь в душе такими же поклонниками шаманизма, какими были до крещения.

Якуты занимались в основном скотоводством. Большинство из них вели оседлую жизнь. Серебристо-белые урасы в качестве летних жилищ возводили себе только богатые хозяева. Бедняки не могли себе позволить кипячение бересты в молоке, пригонку соответствующих кусков и шитье их, поэтому они строили похожие по форме, покрытые дерном так называемые «калиманы», которые постепенно стали вытеснять живописные урасы. Зиму якуты обычно проводили в юртах.

Эвенки занимались охотой и оленеводством, вели кочевую жизнь. Они строили для себя переносные юрты. Летом, стремясь защитить свои стада оленей от гнуса, они перегоняли их ближе к вершинам гор или пасли в ущельях, где господствовали постоянные ветры. Они ездили на оленях верхом или запрягали их в нарты, питались оленьим мясом, оленье молоко пили с чаем, из оленьих шкур шили себе одежду. Эвенки были превосходными проводниками, великолепными следопытами и охотниками. Кроме того, они всегда отличались веселым и добродушным нравом.

Знакомство с жителями Якутии, ее флорой и фауной, помогло путешественникам освоиться с окружающим, новым для них, миром. Теперь Томек с еще большим восхищением вспоминал отвагу исследователей Сибири, среди которых встречались и поляки. Будучи сами изгнанниками из родной страны, они не колебались отдать даже жизнь для того, чтобы собрать ценные, научные материалы об этой бескрайней и суровой стране. Научные работы многих из них принесли им известность, а иногда досрочное освобождение из ссылки.

В частности, представляет интерес описание Сибири, сделанное на основе собственных впечатлений в 1831—1834 годах поляком Кобылэцким, который обратил внимание на экономические возможности этой обширной страны. Крупные научные заслуги положил, путешествуя по Сибири и Монголии, ссыльный,

виленский студент, позднее профессор Казанского и Варшавского университетов, Юзеф Ковалевский. Среди исследователей Сибири получили известность: Александр Чекановский, исследователь природы Иркутской области и района Нижней Тунгуски, а также бассейна в нижнем течении Лены и Оленека; геологическими исследованиями прославился Ян Черский. Большой вклад в науку сделал Бенедикт Дыбовский, который изучил фауну Байкала, Забайкальского края, Приамурья, Камчатки и Командорских островов. Сосланные за революционную деятельность поляки Вацлав Серошевский и Бронислав Пилсудский обратили на себя внимание научными и литературными произведениями о Сибири. Первый из них превосходно описал быт якутов, второй привел замечательные сведения о жизни и языке айнов, гиляков и ороченов на Сахалине. Кроме политических ссыльных, в Сибири работали многие польские ученые, в частности Талько-Гринцевич, Богданович и Морозевич, которые вели здесь научные исследования над природой Сибири и языком ее жителей.

Знакомство со страной и ее обитателями, интересные беседы у вечерних костров служили путешественникам разрядкой среди опасностей их пути. Спустя восемь дней после выезда с прежнего места наши путешественники приблизились к Алдану. Смуга и Вильмовский ломали себе голову над тем, как самым незаметным образом узнать, где тут находится Збышек. Дело в том, что появление в Алдане целого каравана могло возбудить лишний интерес и законные подозрения. Поэтому наладить связь с ссыльным мог только один из них, тогда как остальные должны были поджидать его в каком-нибудь укромном месте, в тайге.

Это труднейшее и опаснейшее задание хотел взять на себя Смуга. Но случай заставил путешественников изменить план. В этот день они собрались свернуть с тракта в тайгу, чтобы поискать удобное место под разбивку лагеря. До Алдана оставалось всего лишь полтора десятка километров. Городок Алдан расположен на берегу реки Алдана, там, где она делает большую петлю. Смуга предлагал выбрать место в тайге к востоку от города. На эту тему он полупшепотом вел беседу с Вильмовским. Как вдруг, совершенно не ожи-

данно, откуда-то сбоку на тракт выскочил конный казачий разъезд.

Томек первым заметил всадников. Они появились сразу и так близко, что можно было рассмотреть их обмундирование и вооружение. Выскочив на тракт, казаки сразу же заметили путешественников. Один из них, видно старший, подал команду. Отряд остановился на краю дороги.

— Надо бежать, казаки! — предостерегающе крикнул Томек. Он натянул поводья коня.

Смуга моментально оценил положение.

— Стой, слишком поздно! Они нас догонят, — обрattился он к юноше.

— Спокойно. Едем дальше, — добавил Вильмовский, с опаской поглядывая на вооруженный отряд.

— Андрей, у нас нет иного выхода, ты должен представиться им как агент охраны, — шепнул Смуга, положив руку в карман и высвободив предохранитель револьвера.

— Хорошо, я покажу им документы Павлова, — шепнул Вильмовский.

— Внимание, говорить разрешаю только Броуну, — тихо приказал Смуга. — Револьверы держать наготове, конечно, не вынимая из карманов! Боцман, вы будете следить за пленным и, если он хотя бы мигнет глазом, стреляйте в него сразу, и только потом стреляйте в казаков.

— Ты слышал?! — прошипел боцман. — Морду на замок, а то тебе крышка!

Павлов побледнел. Он понял, что если путешественники покажутся казакам подозрительными, он погибнет первым. Конечно, Павлов мечтал отомстить бунтовщикам, но не ценой собственной жизни!

Тем временем, казалось, что стычки с казаками не миновать. Офицер, командовавший отрядом, внимательно глядел на подъезжавших путешественников, и, заметив притороченные к лукам их седел винтовки, снова бросил казакам короткую команду. Несколько солдат взяли ружья на изготовку. Павлов увидел, как его спутники прячут в карманы револьверы, готовые к выстрелу. Вдруг ему пришла в голову спасительная идея.

— Господин Броун! — спешно крикнул он. — У вас мои документы! Они ничего вам не сделают, если вы

скажете, что едете по служебному делу в Алдан, к уряднику! А мы являемся вашей охраной!

Удивленные неожиданным предложением Павлова, путешественники с недоверием посмотрели на него. Отразившийся на его лице ужас, подсказал им цель, которую он преследует, помогая своим врагам. Он просто трясся за собственную шкуру.

— Ну что ж, попытаемся...— ответил Смуга, подмигивая Вильмовскому. Они и без постороннего совета намеревались воспользоваться документами агента. Он подсказал лишь способ, как можно сделать их поездку в Алдан правдоподобной.

Расстояние до места, где стояли казаки, постепенно уменьшалось. Вильмовский, видя, что офицер едет им навстречу, тоже выдвинулся вперед.

— Стрелять только по моей команде! — тихо предупредил Смуга боцмана и Томека.

— Кто такие?! — сурово крикнул офицер.

— Здравствуйте, мы свои, чиновники,— спокойно ответил Вильмовский.

— Что за чиновники? — уже несколько вежливее спросил офицер.

— А вот, пожалуйста!..— ответил Вильмовский, медленным движением доставая из кармана документы.

Он небрежно протянул их казачьему офицеру, а тот, увидев бумагу, подписанную губернатором, махнул казакам рукой, чтобы они опустили ружья.

— Куда же вы направляетесь? — спросил офицер у Вильмовского, возвращая ему документы.

— В Алдан... У нас дело к уряднику.

— А подорожная у вас есть? — спросил офицер.

Вильмовский презрительно посмотрел на офицера. Пожав плечами, холодно ответил:

— Мы сами даем подорожные другим, господин офицер! Откуда вы едете и зачем?

Смуга хуже, чем Вильмовский был знаком с отношениями, господствующими в царской России, поэтому, услышав вопрос казака, приложил указательный палец к спуску револьвера, не вынимая его, однако, из кармана. Но Вильмовский прекрасно знал, какой властью обладала тогда в России полиция. Он гневно насупил брови и смерил казака суровым взглядом.

И он не ошибся в своей тактике. Офицер решил, что чиновник для особых поручений при губернаторе важная шишка, раз с такой смелостью к нему обращается. Поэтому он сразу же забыл о подорожной. Вежливо отдавая честь, он оправдывался:

— Прошу меня извинить, ваше высокоблагородие, без мундира трудно узнать с кем имеешь дело, а ведь встреча с вооруженными людьми частенько не предвещает здесь ничего хорошего. Мы, конвойные Алданского золотого прииска, обследуем окрестности ради обеспечения безопасности. В тайге бродит банда варнаков.

— Похвально, весьма похвально, предусмотрительность достойна быть отмеченной,— сказал Вильмовский.— Я подам рапорт его высокопревосходительству, губернатору. Как ваша фамилия?

— Хорунжий Николай Сергеевич Натковский из казачьей сотни в Якутске, командированный для охраны золотых приисков в Алдане,— по-служебному доложил офицер.— Может быть, ваше высокоблагородие желает, чтобы мы проводили вас до Алдана?

— Благодарю вас, но у меня свой конвой. Ну, до свиданья!

— Дать дорогу! — приказал офицер своим казакам.

Те быстро отъехали в сторону. Построились по два в ряду, направляясь на юг. Хорунжий приложил руку к козырьку фуражки. Обе группы всадников стали удаляться друг от друга в противоположные стороны.

Как только казаки исчезли за поворотом, боцман громко вздохнул и сказал:

— Ну, господин Павлов, вот и вы разок пригодились для доброго дела!

— Дурак, он и не знал, как близко был от достойной награды... то есть пули! — злобно ответил за Павлова боцман, хотя тот тоже облегченно вздохнул после благополучного окончания неожиданной встречи.

Смуга укоризненно посмотрел на боцмана.

Спустя несколько минут путешественники свернули с дороги. Пробираясь по ущельям, они до вечера сумели обойти Алдан вокруг и вместо того, чтобы подойти к нему с юга, очутились к востоку от него. По расчетам Вильмовского, от Алдана их отделяло расстояние не больше восьми или десяти километров. Путешественники остановились в небольшом ущелье,

затерянном среди каменных скал. Нигде вокруг не было видно следов человеческого жилья; мелкие грызуны не боялись людей и не бежали от них.

После заката солнца боцман поместил Павлова в палатку, потому что по нем была больше всего заметна их крайняя усталость. По-видимому, то опасное положение, в котором ему пришлось очутиться, подорвало физические силы шпика. Боцман надел ему на ноги кандалы и присоединился к друзьям.

Смуга будто только этого и ждал, потому что сразу попросил друзей приблизиться.

— Долго оставаться здесь нам нельзя. Город близко, кто-нибудь случайно может нас обнаружить,— сказал он.

— Ты прав, необходимо сразу же приступить к делу,— согласился Вильмовский.

— По дороге вы говорили, что уже обдумали план действий,— заметил боцман.

— А как же! Я хотел потихоньку отправиться в разведку,— сказал Смуга.— Збышек видел меня в Варшаве, когда я туда приезжал за Томеком. Он меня, наверно, узнает.

— Но ведь лучше всех знаю Збышека я...— вмешался Томек.

— Нет, мой дорогой, вы слишком близки друг другу! Волнение, вполне понятное в данном случае, могло бы оказать вам медвежью услугу,— перебил Смуга Томека.— Тебе я не могу поручить эту задачу.

— Совершенно верно,— согласился боцман.— А если бы так, я пошел в разведку?..

— Это невозможно, боцман, вы слишком заметны и сразу обращаете на себя внимание,— сказал Смуга.— Итак, я уж было сам решился пойти в разведку, но встреча с казаками подсказала мне другое решение.

— Видимо, нам одновременно пришла одна и та же мысль,— сказал Вильмовский.— Ты считаешь, что урядника можно также ввести в заблуждение, как и казачьего офицера?

— Нельзя ожидать, что в такой отдаленной местности, как Алдан, на должности урядника состоит орел. Если только он лично не знает Павлова, то дело может удасться.

— И мне так кажется. Я даже не предполагал, что

сумею столь убедительно сыграть роль агента охранки,— сказал Вильмовский.— Но в таком случае разведка должна быть поручена мне, потому что я лучше любого из вас говорю по-русски и... знаю обычаи царских чиновников.

— С казаками ты разыграл игру великолепно! К сожалению, в Алдане ты сможешь рассчитывать только на собственные силы,— задумался Смуга.— Тебе придется крепко держать себя в руках!

— Знаю, ведь дело идет о наших жизнях. Давайте подумаем теперь, с какой целью я мог быть направлен в Алдан, если я агент охранки?

— Нам нельзя слишком усложнять дело. Чем больше лжи, тем легче попасть впросак. Агент охранки может приехать сюда лишь для того, чтобы допросить ссыльного. Надо помнить, что Павлов является чиновником для особых поручений!

— А если урядник потребует письменное подтверждение!

— Казачий офицер тоже спрашивал бумагу,— добавил боцман.

— Что ж из того? Спросил и перестал спрашивать,— ответил Смуга.— Допрос ссыльного агентом охранки дело совершенно обычное. Кроме того, надо будет кое-кого подмазать...

— Это бы лучше всего подействовало, но под каким предлогом можно дать уряднику взятку?

— Разве нельзя сказать, что губернатор шлет ему наградные, выплата которых поставлена в зависимость от результатов «инспекции»,— подсказал Томек.

— Прекрасная идея, сынок,— похвалил Вильмовский.

— Томеку достаточно пошевелить башкой и он всегда что-нибудь хорошее выдумает,— сказал боцман.

— И правда, советы Томека всегда хороши,— согласился Смуга.— Ты знаешь, Томек, как я ценю твой ум. Что ты думаешь о нашем плане?

— По-моему рыба попадет на крючок, только я, на месте папы, начал бы с награды и похвал, и лишь потом стал бы говорить о допросе ссыльного.

— Хороший совет, как пить дать! — поддержал Томека моряк.

— Согласен и с этим,— сказал Смуга.— Таким образом, первый вопрос нами решен успешно. Давайте теперь подумаем о втором деле, то есть о бегстве Збышека с Алдана.

— Я уже обдумал это дело,— заявил Вильмовский.— Административные ссыльные в Сибири, а таким и является Збышек, проживают свободно. Они должны только периодически являться в полицию. Поэтому я согласую с ним время побега и ночью он выйдет из дому и придет в условленное место, где я буду его поджидать. Потом мы оба направимся к вам.

— А что мы сделаем с Павловым? — спросил Смуга.

— Возьмем его с собой,— твердо ответил Вильмовский.

— Иного решения и быть не может,— задумчиво заметил боцман.— Теперь уже неудобно свернуть ему голову, как цыпленку! Человек — удивительное существо, ко всему может привыкнуть. Один из моих товарищей матросов, так привык к болячке на известном месте, что ни за что на свете не хотел ее оперировать.

— Значит, решено, Андрей. Ты отправляешься завтра на рассвете,— закончил беседу Смуга.

ХІХ

ПОХОРОНЫ ССЫЛЬНОГО

Моросил мелкий дождь, когда Вильмовский на коне въезжал в Алдан. В те времена это был небольшой городок с несколькими немощеными улицами. Кое-где, вдоль заборов, за которыми скрывались дома, были уложены деревянные тротуары. Единственным каменным строением в городе была небольшая церковь с зелеными куполами. Как и во всех других поселках на тракте, несколько в стороне была расположена этапная тюрьма. На прямоугольной площади, выделенной под этап, стояло несколько жалких барачков, окруженных высоким частоколом, на четырех углах которого виднелись сторожевые вышки. У закрытых ворот стояли часовые с ружьями на плечах. Около них толпились женщины с корзинами, наполнен-

ными провиантом. Они ежедневно продавали арестантам хлеб, холодное мясо, яйца и молоко. Видимо, они ждали, когда их пустят на тюремный двор.

Вильмовский въехал на центральную улицу городка и остановился перед постоялым двором, над воротами которого висела вывеска с шумной надписью — гостиница «Европейская». Дверь открыл полусонный хозяин. Вильмовский вошел в общую комнату. Обстановка комнаты состояла из грязного буфета и четырех деревянных столиков, накрытых клеенкой. Вильмовскому отвели небольшой номер, и пока он распаковывал свои вещи, якутский слуга отвел лошадь в конюшню.

Было еще довольно рано, потому что Вильмовский плохо спал ночью и выехал из лагеря на рассвете. Он решил отправиться к уряднику на его частную квартиру. Вильмовскому казалось, что благодаря этому ему удастся избежать многих формальных разговоров. Поэтому он быстро почистил одежду, умылся и, спросив все еще сонного хозяина о том, где живет урядник, вышел на улицу.

Усадьбу урядника он нашел без всякого труда. За жилым домом виднелся небольшой овощной огород, а еще дальше — паровая баня. Именно такие дома чаще всего строили в Сибири русские поселенцы. Построенный из кедрача, деревянный дом стоял на каменном фундаменте, за которым угадывались обширные подвалы. В центре фронтальной стены находилось крыльцо с козырьком. Карнизы под крышей, обрамления окон, дверей и балюстрад крыльца были украшены деревянной резьбой. Большие окна, за которыми виднелись горшки с геранью, на ночь закрывались массивными ставнями.

По дорожке, посыпанной желтым песком, Вильмовский вошел на крыльцо. Постучал в дверь висевшим там молотком. Дверь открыла краснощекая девушка. Увидев хорошо одетого, красивого мужчину, она еще больше покраснела.

— Здравствуйте, скажите, я застал господина урядника, Александра Ивановича Булгакова? — спросил Вильмовский.

— Сию минуту, ваше благородие, — ответила девушка и побежала в глубину коридора по дорожке из полотна местной выделки. Исчезла в глубине дома, откуда послышался ее голос:

— Ольга, Ольга, пришел важный господин!

Вильмовский остановился у порога и осмотрел прихожую. От парадного входа по обеим сторонам сени размещались гостиные или, как их еще называют, чистые горницы. Напротив входа в кухню находилась дверь в кладовую и лестница на чердак. В прихожей чувствовался вкусный запах готовящегося завтрака.

Вскоре к Вильмовскому вышла молодая, красивая сибирячка. Увидев гостя, она чуть смутилась и обратилась к нему певучим голосом:

— Вы к Александру Ивановичу? Пожалуйста, пожалуйста, прошу в гостиную. Муж уже встал и одевается.

Вильмовский поклонился, вошел в горницу. Полушубок и шапку повесил в сенях. Он чувствовал на себе любопытные взгляды хозяйки. Остановился перед иконой, висевшей в углу, перед которой горела лампадка. Перекрестился и трижды поклонился иконе.

Хозяйка предложила ему сесть и выбежала из комнаты. Вильмовский изо всех сил старался сохранить спокойствие. Удастся ли ему провести урядника? Успех или неуспех всей рискованной экспедиции зависел теперь от одной короткой минуты разговора. К счастью, урядник появился через несколько минут, спешно застегивая пуговицы парадного мундира.

— Здравствуйте, здравствуйте, чем могу служить? — сказал он, бросая на гостя внимательный взгляд.

Вильмовский встал. Постарался отразить равнодушные на лице.

— Здравствуйте и прошу меня простить за слишком ранним визитом, — сказал он. — Моя фамилия Павлов, я чиновник для особых поручений его превосходительства, господина губернатора. Задержался здесь по дороге в Якутск, чтобы вам кое-что передать.

Несколько высокомерный тон и небрежное движение, с которым гость подсунил уряднику документ с печатью и размашистой подписью губернатора, оказали на полицейского чиновника большое впечатление. Поэтому нервным движением он одел на нос очки. Как только прочел бумагу — принялся низко кланяться.

Вильмовский облегченно вздохнул и стал действовать увереннее. Он удобно уселся на предложенный ему стул и процедил сквозь зубы:

— Высылая меня с секретным поручением в Якутск, его превосходительство приказал мне доложить о порядках на вверенной вам территории. В зависимости от результатов я получил право вручить вам известную сумму наградных. Правда, сумма не очень большая, но перед праздниками и она пригодится!

Урядник покраснел до корней волос. Нервным движением потер руки. Низко кланяясь, быстро сказал:

— Не знаю, не знаю, ваше благородие, будете ли вы столь добры, но вы у меня желанный гость. Вы еще, наверное, не завтракали, жена сейчас накроет стол. Извините, я отлучусь на минутку, извините...

Урядник выбежал в сени. Вильмовский воспользовался случаем и вытер платком пот, выступивший на лбу. Пока все идет успешно... Теперь он мог осмотреть комнату. За полуоткрытой, разноцветного шитья занавеской, виднелась кровать с горой перин и подушек. Между окнами фронтальной стены, напротив стола, помещался длинный плюшевый диван с высокой спинкой. В углу стоял лакированный сундучок с позолоченными уголками и замком. Видимо, это был дорожный чемодан урядника. По сравнению с грязными постоялыми дворами и бедными якутскими юртами, дом урядника светился образцовой чистотой. Вильмовский призадумался. Уже много лет он ведет кочевой образ жизни. Его домом были палатки, лесные шалаши, изредка неудобные номера в гостиницах или меблированных комнатах. И такой же дом он оставляет в наследство своему сыну, таская его по бездорожью диких стран. Он вспомнил свою прежнюю квартиру в Варшаве, вспомнил жену... и тяжело вздохнул. Вдруг его охватил гнев. Их преследователи живут спокойно в домашнем тепле, чувствуют себя счастливыми и довольными, а он с сыном должен метаться по свету. Чувство умиления прошло. Когда урядник появился в дверях со своей супругой, Вильмовский, преисполненный горечи, бросил на них суровый взгляд.

С полицейской наблюдательностью урядник заметил перемену в настроении гостя. Сконфуженный, представил ему жену. Вильмовский вежливо поздоровался с ней и стал хвалить образцовый порядок, царящий в комнате.

— О, это хорошая хозяйка, сибирячка,— сказал урядник.— Она вышла за меня замуж, хотя, как вам самому известно, сибиряки недолголюбивают нас, царских чиновников.

— Ах, вы снова за свое, Александр Иванович,— укорила его жена.— Пожалуйста к столу на скромный завтрак.

На белой скатерти появились тарелки с блинами, чашки с румяным топленым маслом, икра, творог со сметаной и жареная курятина. Девушка, которая открывала Вильмовскому дверь, принесла большой, бухающий паром самовар, а урядник достал из шкафчика бутылку водки и графин с настойкой.

— Пожалуйста, садитесь,— любезно говорил он, не забывая о награде губернатора.

— Перед завтраком я хотел бы покончить с делами,— сказал Вильмовский, медленным движением доставая из кармана бумажник. Я с удовольствием установил, что во вверенном вам районе царит порядок и спокойствие. Поэтому я могу с чистой совестью вручить вам награду, а в рапорте его превосходительству не премину упомянуть об этом.

Вильмовский отсчитал сто рублей бумажками. По тем временам это была довольно значительная сумма. Урядник взял деньги и принялся благодарить.

— Для порядка прошу мне дать расписочку в получении с вашей собственноручной подписью,— сказал Вильмовский.

— Конечно, конечно, порядок должен быть во всем,— согласился урядник.— Ольга, принеси бумагу, ручку и чернила! Вильмовский спрятал расписку в бумажник. Все уселись за стол. Бутылка водки была быстро опорожнена до половины. Вильмовский только время от времени прикладывал рюмку к губам, зато урядник охотно пил рюмку за рюмкой. Завтрак продолжался около двух часов. Урядник много рассказывал об условиях, господствующих в его округе. Он ругал якутов, которые приняли православие, но по-прежнему оставались язычниками и не хотели подчиняться царским чиновникам, жаловался на конфликты с ссыльными, работающими на золотых приисках и обвинял местные власти в плохом исполнении своих обязанностей.

В конце концов, Вильмовский взглянул на часы.

— Уже поздно, а меня ждет конвой в лагере под городом. Еще сегодня или, в крайности, завтра с утра мне надо ехать дальше. Я хочу вернуться на юг еще до первого снега,— сказал он, прерывая красноречие подвыпившего полицейского.

— Понимаю, понимаю, уже вчера ночью у нас был заморозок,— заметил урядник.

— Находясь здесь проездом, я хотел бы при случае закончить еще одно служебное дело,— сказал Вильмовский.— В Алдане находится ссыльный, которого я должен дополнительно допросить.

— Вот как? — удивился урядник.— Кто это, если не секрет?

— Да так, один поляк, присланный сюда из Нерчинска. Говорят, он работает в фактории Нашкина.

— Как его фамилия?

— Збигнев Карский,— кратко ответил Вильмовский.

На лице урядника появилось выражение сосредоточенности, будто он что-то вспоминал.

— Сейчас, сейчас, это тот, который собирался бежать? — спросил он минуту спустя.

— Да, видимо, именно он,— сказал Вильмовский.— Ведь это я раскрыл его намерения...

— Как же-с, помню, помню. Ведь я лично читал ваш рапорт, подшитый к бумагам ссыльного. Это вы подчеркнули красным карандашом: «опасный преступник, отмечаться через каждые три дня».

— У вас хорошая память,— осторожно похвалил Вильмовский.— Это ценное качество; я вижу, что награда вами вполне заслужена...

Довольный урядник, вдруг обеспокоился.

— Этот допрос имеет важное значение? — спросил он.

— Может быть, важное, а может быть, и нет. Дело касается кого-то другого.

— Не знаю, успеете ли вы,— опечалился урядник.— Он, правда, здесь, но, пожалуй, это его последние минуты... Лечил его наш фельдшер, говорят, что и шаман приходил, но никто ему не помог. Он умирает, а может быть, уже умер этой ночью. Несколько дней тому назад Нашкин прислал сюда кого-то для упорядочения дел фактории.

Чтобы не выдать охватившей его дрожи, Вильмов-

ский крепко ухватился руками за стол. Он не мог произнести ни слова. Это было весьма печальное известие. К счастью, урядник в этот момент разливал в рюмки сладкую настойку и не заметил бледности, покрывшей лицо его собеседника.

Вильмовский взял рюмку и опрокинул ее в рот.

— Что ж, у нас будет меньше хлопот,— буркнул он.

— Я сейчас пошлю в участок,— сказал урядник.— Мы узнаем, можно ли допросить ссыльного.

— Где живет ссыльной? — спросил Вильмовский.

— В пригороде, не больше четверти часа ходьбы отсюда.

— В таком случае я сам пройду к нему с вашим человеком.

— Я пойду с вами,— предложил урядник.

— Нет, нет, зачем же, я и так отнял у вас множество драгоценного времени,— возразил Вильмовский.— А после я сам посету вас в вашей канцелярии и расскажу о том, что увидел.

— Как вам будет угодно! Значит, встретимся в участке, а потом, будьте любезны ко мне на обед. Прошу не возражать, это большая честь и удовольствие для нас. Ольга, Ольга! Пошли Марусю в участок, пусть сейчас же придет Сашка!

Вильмовский сидел как на раскаленных угольях. Он притворялся, что слушает болтовню урядника, который, подвыпив, расстегнул мундир и стал весьма разговорчив. А Вильмовский неотступно думал об умирающем ссыльном. Что за печальная судьба. Столько труда, столько жертв, и все напрасно. Збышек умирает... Вильмовский хотел теперь увидеть его, хотя бы на короткий миг, утешить, обнять. Какое же одиночество стало делом Збышека в этой суровой, почти безлюдной стране!

В сенях послышались тяжелые шаги Сашки — высокого, бородатого полицейского. Вильмовский надел полушубок. Урядник передал городского в распоряжение влиятельного «сослуживца» и еще раз обязал гостя принять приглашение на обед. Наконец, Вильмовский очутился на улице. Городовой, придерживая саблю на боку, услужливо повел Вильмовского в пригород, где в стороне от других стоял небольшой домик.

— Это здесь,— сказал городской.— Я войду пер-

вым, ваше высокоблагородие! Прошу осторожнее, притолока низкая.

Городовой открыл дверь. Они очутились в небольшом коридоре. Городовой постучал в следующую дверь. Не ожидая приглашения, широко ее открыл. Сердце у Вильмовского билось учащенно. В маленькой, полутемной комнате он сразу же заметил в углу кровать, на которой лежал человек. На краю кровати сидела молодая девушка. На небольшом столе в подсвечнике горела свеча, бросая желтоватые блики на убогую обстановку комнаты.

Городовой наклонился, чтобы не удариться головой о притолоку двери. За ним последовал Вильмовский.

— Как ваше здоровье? — спросил городовой. — Ого, вы опять здесь! — обратился он к девушке.

— Тише! Он умирает... — ответила девушка, красноречивым жестом прикладывая палец к губам.

— Воля Божья, — буркнул городовой. — Что поделаешь!.. А я к вам привел гостя по казенному делу...

— Спасибо, друг, ты свое сделал, возвращайся в участок, — сказал Вильмовский. — Скажи уряднику, что я скоро там буду.

Городовой откозырял, стукнул каблуками и вышел, закрывая за собой дверь.

Вильмовский долго стоял молча. Его глаза постепенно привыкали к царившему в комнате полумраку. Ссылный лежал с закрытыми глазами. На его худое, бледное лицо падала тень от длинных ресниц. Под одеялом рисовались контуры истощенного тела. Вильмовский молчал. Волнение сжало ему горло так, что он не мог сказать ни слова. Впрочем, он не знал девушки, сидевшей у постели больного и боялся показать, что он заинтересован в судьбе Збышека. Девушка тоже подозрительно смотрела на Вильмовского. В конце концов она привстала и спросила:

— Кто вы и что вам здесь надо? Могли бы ему хотя позволить умереть спокойно...

Холодный тон девушки отрезвил Вильмовского. Он глубоко вздохнул и тихо спросил:

— Неужели нет надежды?

— Вы же видите...

— А он... в сознании? С ним можно говорить?

— Что вам от него надо?

— Я чиновник для особых поручений. Мне надо

лично поговорить с Карским. Вы можете оставить нас одних. Моя фамилия... Павлов...

Девушка подбежала к нему. Расширенными от изумления глазами посмотрела в лицо Вильмовскому, потом отступила к стене, судорожно сжимая руки на груди. Ее худые плечики встряхнули рыдания. Из глаз потекли слезы. Сдерживая их, она стала шептать:

— Збышек. Збышек, посмотри на него... посмотри!

Ссылный открыл глаза. Стал напряженно искать лицо гостя. Вильмовский шаг за шагом стал подходить к кровати больного. Остановился рядом с кроватью и медленно снял меховую шапку с головы. Несчастный ссылный посмотрел на него. Словно в полусне он приподнялся на локтях и с усилием сел. Вдруг Збышек сдавленно крикнул:

— Дядя!..

Плача, как ребенок, больной обнял Вильмовского за шею. Вильмовский в молчании прижимал к себе юношу. По его мужественному, суровому лицу текли слезы. Наташа, подчиняясь движению сердца, обняла обоих мужчин.

— Видишь, Збышек, ты не верил... а они, несмотря ни на что, явились сюда к тебе,— шепнула она.

Вильмовский нежно снял ее руку со своего плеча.

— Благодарение Богу, ты жив и мы не можем терять времени,— тихо сказал он.— Ложись-ка парень, а вы... скажите мне, кто вы будете?

— Я родственница Нашкина, и упростила его послать меня сюда, в фабрику, чтобы заменить Збышека на время его болезни.

— Ах, вот как! — перебил ее Вильмовский.— Это о вас мне говорил урядник.

— Дядя, это моя невеста, Наташа Бестужева, которую Томек повстречал в Нерчинске и из-за которой дрался с Голосовым на дуэли.

— Значит, это вы,— сказал, улыбнувшись Вильмовский.— Я о вас уже наслышан.

Наташа перестала плакать. Овладев собой, она сказала:

— Томек обо всем рассказал. Я решила помочь вам освободить Збышека. Он и в самом деле больной, а вот до смерти ему, к счастью, далеко. Однако, если бы все поверили, что он умер, то перестали бы им интересоваться.

— Ах, значит, это вы причина моего волнения. Ведь я очень разволновался, когда узнал, что мы, кажется, прибыли слишком поздно! — сказал Вильмовский. — Урядник и в самом деле убежден, что Збышек умирает.

— Вот и прекрасно! Раз уж вы прибыли, то он умрет еще до вечера. В гроб мы положим камни и завтра утром похороним ссыльного! А я подготовила место, где Збышек будет ждать вас...

— Осторожнее, не надо так спешить, давайте спокойно обсудим все дело, — перебил ее Вильмовский. — А именно: почему, когда я упомянул фамилию полицейского агента, вы посмотрели на Збышека и сказали ему, чтобы он на меня посмотрел.

— Я поняла, что вы кто-то другой, потому что и я, и Збышек прекрасно знаем Павлова. Ведь это он преследовал нас в Нерчинске.

— Ах, вот как! Молодец. Но каким чудом ты, Збышек, сразу меня узнал?

— Наташа очень хорошая девушка, дядя! Если бы не она, мне пришлось бы очень плохо! Когда Павлов перехватил мое письмо к Томеку, Нашкин вступился за меня только по ее просьбе. А тебя я сразу узнал, так как только в Нерчинске сжег вашу фотографию, которую Томек прислал мне из Африки.

Вильмовский достал платок и вытер с лица пот. Энтузиазм Збышека и Наташи заставил его подумать, что вопрос бегства может осложниться.

— По вашему плану, Збышек должен сегодня умереть. Убедить в этом урядника будет не слишком трудно, — громко сказал он. — Поэтому сразу же после похорон, мы можем отправиться в путь. Я сказал уряднику, что еду в Якутск. Где вы намерены укрыть Збышека?

— Я высмотрела в лесу, неподалеку от дороги шалаш. Это почти рядом с городом, — ответила Наташа. — А где ждут остальные?

Вильмовский достал из кармана кусок бумаги, нарисовал карандашом план окрестностей Алдана и показал место, где находится лагерь.

— Вот и хорошо, — воскликнула Наташа, изучив план. — Вам и так придется ехать мимо его шалаша. Вот здесь...

Она показала на бумаге.

— Приму к сведению. Впрочем, мы, пожалуй, будем на «похоронах» вместе!

— Само собой разумеется, ведь нам необходимо убедиться, что никто не заглянет в гроб с мнимым покойником,— сказала Наташа.

— А что вы намерены делать потом? — спросил Вильмовский, внимательно глядя на девушку.

Наташа опустила глаза и покраснела. Збышек сорвался с постели.

— Дядя! Я без нее... никуда не уйду! Она тоже ссыльная! Она революционерка, как и я... и я ее люблю!

Вильмовский согласно кивнул головой. Значит, его предположения сбылись. Он стал раздумывать, как поступить. Взять с собой Наташу, значит, еще более усложнить и без того рискованное бегство. Но разве можно разделить два любящих сердца! Ба, если бы он мог, он вывез бы из Сибири всех царских ссыльных.

— Вы согласны сопровождать Збышека? — спросил Вильмовский у Наташи.

Она судорожно схватила его за руку.

— А вы... возьмете меня с собой?

— Возьму, но, считаю долгом предупредить, что путь к свободе далек и изобилует многими опасностями. Кто знает, унесем ли мы отсюда свои головы в целости и сохранности!

— Я пойду с вами и если надо погибну без слова упрека,— уверяла Наташа.

— В таком случае, прекрасно! Мы возьмем вас с собой, Наташа. Скоро здесь хватятся вас?

— Нет, этого нечего опасаться. Я приехала на время, под предлогом упорядочения дел в фактории. Еще сегодня заявлю полиции, что возвращаюсь в Нерчинск и исчезну, как камень в воду.

— Все это вы великолепно обдумали,— признал Вильмовский.— После похорон вы проберетесь в шалаш Збышека. Я попрощаюсь с урядником и поспешу к вам. Завтра к вечеру мы будем уже далеко от Алдана.

— Идите к уряднику,— сказала Наташа.— Скажите ему, что ссыльной умер при вас. Остальное я беру на себя. Збышек закроет лицо простыней, если кому-нибудь вздумается посетить нас. Якуты боятся мертвых,

а полиция не очень любопытна. Они подготовлены к его смерти. Я сейчас закажу гроб. Похороны назначим на завтрашнее утро...

— Вы взяли на себя трудную и... неприятную задачу...

— Не бойтесь за меня, я все уже обдумала.

* * *

Только к обеду Вильмовский ушел из одинокого домика ссыльного. Овладев собой, он отправился в участок к уряднику.

XX

ГНЕВ БОГА ОГНЯ И ГРОМА

Павлов сидел на обломке скалы. Он понуро следил глазами за великаном боцманом. Не было сомнений — заговорщики собирались в дорогу.

На рассвете предыдущего дня его разбудила суета в лагере. Через дырочку в брезенте палатки Павлов наблюдал за отъездом мнимого Броуна, которого он некогда знал в Варшаве как учителя географии, распространявшего нелегальную литературу. Сцена прощания и тихие предостережения, которые давал Смуга Броуну, заставили Павлова призадуматься. По-видимому, Броун с его документами отправился прямо в Алдан! Павлов заметил, что вечером Смуга тоже исчез из лагеря. Вернулся он лишь после полуночи, и бунтовщики долго совещались между собой. Павлов предположил, что Смуга где-то встретился с Броуном. Какие известия он привез?

Проснувшись на рассвете, Павлов, с трудом скрывая тревогу, внимательно следил за заговорщиками. Они сложили палатки, а необходимейшее лагерное имущество и запасы продовольствия разделили на шесть равных частей, запаковали во вьюки и приторочили к седлам. Таким образом, они освободили от груза две вьючные лошади.

Павлов терялся в догадках. В обратный путь они подготовили под седла лишние две лошади. Неужели, кроме Карского, они намерены освободить еще кого-

нибудь? Павлов сидел на камне внешне спокойный, но в его сердце кипела злоба. Нельзя было сомневаться в успехе экспедиции этих бунтовщиков. Когда уехал Броун, Павлов удовлетворенно наблюдал за беспокоемством на лицах охотников, но после ночной поездки Смуги убедился, что им, видимо, удалось связаться с ссыльным. Об этом свидетельствовали красноречивые, радостные взгляды, тайные беседы и совсем явная подготовка к дальнейшему пути.

Павлов дрожал от гнева и страха. Какую судьбу уготовили ему заговорщики?! Неужели они опять потащат его по глухой тайге, а потом... нет, они не лишат его жизни. Ведь они могли это сделать значительно раньше. Однако Павлов заботился не только о своей жизни. Позор второго поражения мог весьма тяжело отразиться на его карьере. Что он скажет губернатору? Сможет ли признаться в том, что выпустил из рук грозных заговорщиков и позволил им безнаказанно уйти? Ко всему прочему, еще и служебные документы Павлова помогли заговорщикам в их действиях против царя!

В немом бешенстве Павлов скрежетал зубами, а тем временем великан-боцман седлал лошадей. Остальные два бунтовщика, при полном вооружении, исчезли из лагеря. Быть может, они прочесывали окрестности, желая убедиться в возможности безопасного отступления. Закончив седлать лошадей, боцман стал чистить оружие. Он зарядил два револьвера, спрятал их в кобуры, притороченные к одному из седел, потом спокойно уселся на землю. Не хуже опытного оружейника, он проверял действие затворов винтовок, заряжал их патронами. Погруженный в собственные мысли, боцман словно забыл о Павлове.

Агент не спускал глаз со своего преследователя. А боцман и в самом деле не обращал на него внимания. В голове шпика, видимо, зародилась какая-то идея, потому что он все время поглядывал то на оседланных лошадей, то на боцмана. На его землистом лице появился румянец. Павлов сжал высохшие губы и осторожно поднялся с камня. Боцман сидел вполоборота к Павлову, занятый винтовками. Павлов осторожно сделал шаг к лошадям. Потом, не отрывая взгляда от боцмана, сделал еще шаг и еще один — пошире.

Ржание испуганного коня, оторвало боцмана от его дум. На его лице отразился гнев.

— Прочь от лошадей! — крикнул он, вскакивая на ноги.

В руках у него была винтовка. Застрелить Павлова ему ничего не стоило, но боцман боялся, что на выстрел появится кто-либо лишний. Поэтому он отбросил винтовку и подскочил к Павлову.

Полицейский агент боялся боцмана как огня. Панический страх заставил его броситься к лошади. Он уцепился за кобуру, висевшую у седла, и выхватил оттуда револьвер. Павлов выстрелил прямо в лицо боцману, который, раскинув руки, грохнулся оземь, но, падая, головой ударил Павлова в грудь. У Павлова потемнело в глазах. Деревья и вершины гор закружились, как в сумасшедшем танце. Он потерял сознание. Когда агент пришел в себя, то увидел лежащего рядом боцмана. Моряк лежал лицом к земле, широко раскинув руки. Павлов со стоном поднялся на ноги. Во рту он чувствовал солоноватый вкус крови. Ужасная боль разрывала ему грудь. С ненавистью и с почти суеверным страхом он глядел на боцмана.

Павлов стал медленно отступать назад. Он поднял с земли револьвер и только теперь повернулся к лошадям. Схватил одну из них под уздцы. С усилием взобрался на седло. Агент знал, что ему нельзя терять времени. На звук выстрела, вот-вот могли показаться Смуга и Томек. Павлов наклонился в седле. Поехал в том же направлении, в котором вчера утром уехал Броун. Вскоре он очутился на узкой каменистой дороге. Повернул коня в сторону Алдана.

Павлов сплевывал кровь, выступавшую у него на губах. Боль в груди усилилась. Агент знал, что если он опять потеряет сознание, то погибнет наверняка. Страх перед возможной погоней прибавил ему сил. Он понукал коня, нервно оглядываясь назад. Павлов дрожал от одной мысли, что его может догнать Смуга. Этого обмануть не удалось бы никогда, и он не пожалел бы Павлова...

Вскоре агент увидел вдаль крыши домов. Он наклонился к луке седла и пятками прищпорил коня. Якутская лошадка побежала галопом. Павлов крепко сжал руками луку седла. Копыта коня глухо стучали по дороге. Алдан приближался, вот уж показались

первые домики пригорода. Словно услышав лошадиный топот, из маленького домика выбежала девушка, одетая в короткий полушубок. Она увидела всадника, галопом мчавшегося в сторону города и остановилась на краю дороги. Лошадь чуть-чуть не сбила ее с ног. Но она не обратила на это внимания. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы узнать бледное лицо всадника. Девушка вскрикнула и что было сил побежала следом за ним.

* * *

Вильмовский упаковывал вещи в подручный мешок. На его лице показалась довольная улыбка. Фантастический, как первоначально думалось, план Наташи оказался чрезвычайно простым и удался на славу. Урядник не удивился, услышав о смерти ссыльного. В присутствии Вильмовского он составил соответствующий рапорт в губернию, а на следующий день вместе с Вильмовским присутствовал на похоронах. Заявления чиновника для особых поручений о том, что ссыльной умер в его присутствии, оказалось вполне достаточно. Он несколько не удивился присутствию на похоронах Бестужевой. Ведь она прибыла в Алдан для упорядочения дел фактории, в которой работал покойный.

Вильмовский только что вернулся с похорон. Минуту назад он сообщил хозяину гостиницы «Европейская» о своем отъезде. Не пройдет и часа, как он в обществе Збышека и Наташи будет на пути к лагерю. Вчера ночью Вильмовский встретился со Смутой в условленном месте вблизи города. Таким образом, его друзья уже знали об успехе дела и были готовы к отъезду.

Вильмовский завязал мешок. Перебросил его через плечо и всунул заряженный револьвер в карман полушубка. Вдруг на улице он услышал топот коня. Топот затих у гостиницы. Вильмовский подумал, что прибыл новый постоялец. Желая избежать лишних разговоров, он вышел в общую комнату. Когда он вручал хозяину плату за номер, с улыбкой принимая его благодарность за чаевые, входная дверь распахнулась настежь. Послышались быстрые шаги и кто-то крикнул:

— Где участок?

Вильмовский удивленно вздрогнул, услышав знакомый голос. Он сразу повернулся. Увидел Павлова! Сгорбленный Павлов, левой рукой держался за грудь, а в правой сжимал револьвер. Спутанные волосы на голове, кровь на подбородке, гримаса боли на лице агента привели Вильмовского в ужас. Он сразу понял, что в лагере произошло что-то страшное.

Павлов тоже узнал Вильмовского. Не тратя времени, он направил на него револьвер:

— Руки вверх! — злорадно прошипел он.

Вильмовский медленно поднял руки. На лице Павлова отразился триумф. Один из бунтовщиков против царя уже лежит мертвый в лагере, а теперь судьба снова помогла. Перед ним, подняв вверх руки, стоит второй его враг! Что за великолепная месть за все неудачи! Несмотря на свое волнение, он заметил, что Вильмовский несколько опустил руки.

— Руки вверх... или я стреляю! — предупредил Павлов еще раз.— Ты арестован по обвинению в организации заговора с целью осуществления побега ссыльного, а также за сопротивление власти и... присмотришься-ка лучше ко мне, ты, скотина!

В голове Вильмовского словно молнии метались мысли. Как удалось Павлову бежать? Что случилось с его друзьями в лагере? Он ни минуты не думал сдаваться живым! Поднял руки вверх, чтобы выиграть время.

Павлов выглядел ужасно. На его губах выступила кровавая пена. По всему было видно, что он недавно вышел из ужасной борьбы и серьезно ранен. Павлов подошел к Вильмовскому и бросил ему в лицо:

— Ты ускользнул от меня в Варшаве! Помнишь?! Теперь наконец я тебя поймал! Заплатишь за все; получишь петлю на шею! Твой сообщник лежит мертвый в лагере!

У Вильмовского побледнело лицо, потом покрылось кровавым румянцем гнева. Он уже знал, почему Павлов казался ему знакомым! Это был прямой виновник всей его трагедии! Это он лишил его дома и жены!

— Наконец-то мы встретились...— ответил Вильмовский, прерывающимся голосом.— Ну что ж, жизнь за жизнь...

— Ты погибнешь! — крикнул агент, видя, что противник опускает руки.

Не обращая внимания на угрозу, Вильмовский уже протягивал руки, чтобы схватить Павлова... В этот момент кто-то вбежал в комнату. Вильмовский замер. Павлов заметил изумление в его глазах и через плечо взглянул на дверь.

На пороге стояла молодая девушка, та самая, которую он чуть-чуть не сбил копытами лошади. Теперь и он ее узнал. Это была ссыльная из Нерчинска. Она дружила со ссыльным Карским, отвергнув ухаживания влюбленного в нее штабс-капитана Голосова. Павлов сразу понял, кому заговорщики приготовили второго коня.

Вильмовский подскочил к агенту. Однако тот вовремя заметил это, отпрянул вбок и нажал спуск револьвера. Дым закрыл Вильмовскому лицо. Агент выстрелил еще раз. Промахнулся... Наташа вырвала из кармана полушубка небольшой пистолет. Она сделала пять выстрелов и пришла в себя только после того, когда вместо шестого выстрела раздался сухой щелчок курка. Кончились все патроны.

После каждого выстрела Павлов все больше склонился к земле, пока не грохнулся мертвым на пол.

— Скорее отсюда, видимо, полиция уже все знает! — воскликнула Наташа.

Горящими глазами вглядывался Вильмовский в распростертого на полу агента. Не обращая внимания на предостережения Наташи, он медленно склонился к Павлову. Повернул его лицо вверх. Павлов был мертв.

— Хозяин бежал через черный ход, — говорила Наташа. — Еще немного и нас здесь захватят!

Вильмовский спрятал револьвер Павлова в карман.

— Идем отсюда, — коротко сказал он, поднял свой дорожный мешок, забросил его на левое плечо, положил правую руку в карман полушубка и сжал рукоятку револьвера.

— Идем! — повторил он.

Они выскочили на улицу. Рядом с лошадей Вильмовского стояла лошадь Павлова.

— Ты умеешь ездить верхом? — спросил Вильмовский.

— Да!

— Садись и скачи к Збышеку, — приказал он.

— А вы?!

— Садись, скорее! Я тебя догоню!

Не теряя времени, Наташа вскочила в седло. Выстрелы всполошили жителей соседних домов. Некоторые из них выглядывали из окон. Слышны были тревожные крики. Наташа поняла, что Вильмовский хочет задержать погоню. Она помчалась по улице, ведущей из города. Вильмовский лишь через некоторое время сел на своего коня. Не спеша, он поехал вслед за Наташей. Вскоре и он очутился за городом. Впереди него на дороге клубилось облачко пыли.

Вильмовский прищипорил лошадь и помчался галопом. Постепенно он стал догонять девушку. Вскоре они вместе углубились в тайгу. Медленно пробираясь сквозь чащу, они давали Збышеку условленный сигнал.

Збышек выбежал им навстречу. Они приостановились, дали ему возможность вскочить на лошадь за Наташей. Опять помчались дальше. Вильмовский все время понукал лошадей. Секунды казались ему часами. Он дрожал от одной мысли о том, что застанет в лагере. Бегство Павлова не предвещало ничего хорошего.

Вскоре они выехали на опушку поредевшего леса. Вильмовский приподнялся на стременах, нетерпеливо высматривая лагерь. И вдруг вздох облегчения вырвался из его груди. Из-за каменных скал появились знакомые ему силуэты всадников. Два из них вели оседланных лошадей, третий — вьючного коня. Значит, Павлов солгал! Потому что великан-боцман и Томек выскочили вперед, ведя лошадей для беглецов. Правда, у боцмана была перевязана голова, но он бодро махал рукой, приветствуя Вильмовского и его спутников.

Они остановились. Встреча Томека со Збышеком растрогала всех присутствующих, но она продолжалась всего лишь минуту, потому что Смуга вернул всех к грозной действительности, кратко сообщив Вильмовскому:

— Андрей, наш Павлов бежал! Мы должны немедленно отправляться в путь, если, если не хотим...

— Павлов уже больше никому не сделает вреда, — перебил его Вильмовский, насупив брови. — Однако за нами, наверно, уже скачет погоня!

Боцман протяжно свистнул.

— Папа, что случилось в Алдане? Ты ранен? — спросил Томек.

— Не время сейчас на рассказы! По коням! Томек, веди нас по условленной дороге,— приказал Смуга, доставая рюкзак с перевязочными средствами.

Прежде чем Смуге удалось перевязать рану Вильмовского, остальные путешественники отъехали несколько сот метров.

— Пуля только царапнула тебя! Твое счастье,— облегченно сказал он.— Давай теперь скорее догонять наших!

Они вскочили на лошадей. Только через несколько часов быстрой езды путники остановились на короткий отдых. Ослабили подпруги у лошадей, пустили их пастись, а боцман занялся приготовлением обеда из сухого провианта. Поев, Смуга обратился к Вильмовскому:

— Андрей, расскажи нам о событиях в Алдане! Нам уже давно следует уточнить положение.

Вильмовский кратко рассказал все, что произошло в «Европейской». Услышав в каком состоянии Павлов очутился в гостинице, боцман улыбнулся. Невольно коснулся рукой перевязки на голове.

— Плохо, что Павлову удалось бежать,— сказал Смуга, выслушав сообщение Вильмовского.— Мы недооценили его ум! Это была хитрая лиса!

— Меня бы надо было побить,— смущенно сказал боцман.— Я дал себя провести и он обоим нам оставил метки на память.

— Ты даже не знаешь, что Павлов хотел свести с нами старые счеты,— вмешался Вильмовский.

— Какие счеты? — изумился боцман.

— Ведь это он выследил нас тогда, в Варшаве.

— Неужели? Что ты говоришь?

— Он сам мне это сказал!

Боцман замолчал, пораженный неожиданным известием. Потом смачно сплюнул и сказал:

— А я-то думал, почему его физиономия мне казалась такой знакомой!

— Ну, да! Он нас узнал. Тогда он следил за нами довольно долго, а мы его видели лишь один короткий миг.

Боцман опечаленно сказал:

— Молодец, Наташа, однако жаль, что она меня

подменила. Ба, если бы не она, то Павлов теперь спокойно издевался бы над нами!

Вильмовский опустил голову. Он стыдился признаться в том, что во время трагического события в Алдане, готов был, без сожаления, застрелить Павлова.

— Когда Павлов бросил мне прямо в лицо злобные слова, я его узнал, — тихо сказал Вильмовский. — Память о печальной судьбе моей жены и о наших скитаниях по свету привела к тому, что я забыл о милосердии. Я готов был убить Павлова. Наташа спасла мне жизнь, потому что Павлов держал меня на мушке револьвера.

Томек с благодарностью взглянул на девушку.

Отдохнув около часа, путешественники опять сели на лошадей. Смуга принял все меры предосторожности, хотя ему казалось, что только случай мог открыть погоне место их пребывания в этой каменной пустыне. Он прежде всего построил караван соответствующим образом. Сам выехал вперед, в нескольких десятках метров за ними ехал Вильмовский с Наташей и Збышекком; на некотором расстоянии за ними, в качестве арьергарда, ехали боцман и Томек. Теперь, когда над путешественниками нависла грозная опасность, хладнокровие и громадный опыт Смуги были заметны на каждом шагу. В обширной, безлюдной стране, он умел каким-то шестым чувством выбирать правильное направление. Караван шел вдоль каменных ущелий, чтобы конские копыта не оставляли следов. Смуга напоминал всем о необходимости быть бдительными.

Так прошло два дня. Они уже довольно далеко отъехали от Алдана. До сих пор Смуга вел караван прямо на восток. По его расчетам, возможная погоня должна была направиться на юг вдоль дороги в Невер. Таким образом, они направлялись в разные стороны, и расстояние между путешественниками и возможной погоней постоянно увеличивалось. Только лишь на второй день, когда солнце стояло в зените, Смуга стал поворачивать на юго-запад. Если погоня ехала по дороге, то благодаря этому маневру караван находился теперь позади погони. Поэтому Смуга уменьшил скорость похода и разрешил частые остановки на отдых. Ведь необходимо было сохранить силы лошадей.

К вечеру они углубились в дремучий лес. Под легким ветерком березки роняли на землю золотые листочки. Кусты шиповника и сибирской смородины покраснели от ночных холодов. Это был безошибочный знак, что осень приближается быстрыми шагами.

Смуга, как всегда, ехал впереди, осматриваясь вокруг. Вдруг он наклонился вперед, стал напряженно вглядываться. Через минуту он убедился, что под деревом сидит сторбленный одинокий человек. Смуга поднял руку, остановил коня. Жестами приказал друзьям окружить чужого человека. Вскоре вся группа остановилась близ дерева, под которым сидел незнакомец.

— Сто бочек прогорклого китового жира, так ведь это же мертвец! — воскликнул боцман.

— Вы, боцман, кажется не ошиблись, — согласился Смуга. — Птицы выклевали у него глаза...

— Видимо, это эвенк, — вмешался Вильмовский. — Они так хоронят своих мертвецов.

Высушенная мумия старого эвенка была прислонена спиной к стволу дерева. На ее коленях лежали лук и топорик со сломанным топорищем. Рядом стояли присыпанные землей нарты и около них валялись кости оленей и полусгнившая упряжь.

Вильмовский рассказал, что эвенки оставляют своим мертвецам предметы, которыми те пользовались при жизни, но ломают топорища, чтобы мертвец не нападал на живых людей. Збышек, который успел познакомиться с некоторыми обычаями якутов, добавил, что якуты прежде хоронили своих мертвецов на специальных платформах, расположенных на деревьях. В настоящее время они хоронят так только шаманов.

Путешественники отправились в дальнейший путь, тихо беседуя об удивительных обычаях туземцев. Вскоре они очутились на берегу лесного озера. Смуга опять задержал товарищей. Не больше чем в нескольких сотнях шагов от них находилась хата. Над ней вился дымок. Вскоре отворилась дверь и на пороге появилась человеческая фигура. Как только человек заметил караван, он быстро ушел внутрь. Путешественники, следуя примеру Смуги, подъехали к дому. Раз жители их заметили, скрываться нельзя, а наоборот, надо убедиться не опасны ли они для путешест-

венников. Жалкое жилище сильно обветшало. Глиняная обмазка во многих местах отпала, единственное окошко заложено дерном. У хаты лежала брошенная рыболовная сеть, а на самом берегу озера виднелся наполовину вытянутый из воды челнок, выдолбленный из цельного ствола дерева.

Смуга соскочил с коня, намереваясь войти в хату. Но вдруг на пороге появились две человеческие фигуры. Путешественник отпрянул, пораженный ужасным видом. Лица туземцев были покрыты ранами и струпами.

Один из них вытянул вперед руку, лишённую пальцев.

Наташа испуганно крикнула.

— Не подходите к ним, это прокаженные,— воскликнул Збышек.

Путешественники в испуге стали отходить. Один из несчастных туземцев стал что-то говорить ртом, лишённым губ. Желтые его зубы, торчавшие изо рта, производили тяжкое впечатление.

— Збышек, ты понимаешь, что он говорит? — спросил Смуга, с трудом преодолевая отвращение.

— Он просит есть, он голоден,— перевел юноша.

Смуга достал из вьюков мешок сухарей и коробку консервов, положил продукты на землю.

— Спроси у него, в каком направлении находится дорога из Невера и Алдан,— сказал он.

Збышек, помогая себе жестами рук, задал этот вопрос. Прокаженный вытянул обрубок руки, указывая на запад. Путешественники поехали в ту сторону.

И якуты, и эвенки изгоняли прокаженных из поселений. Время от времени волость выделяла несчастным немного продуктов или одежды, но зато больные не имели права подходить к жилищам здоровых людей. Путешественники долго не могли забыть вида туземцев, больных этой страшной неизлечимой болезнью. Они погоняли лошадей, желая как можно скорее выбраться из леса, где находились мертвецы и заживо погребенные — прокаженные.

Смуга задержал караван в небольшом каменистом распадке лишь после того, как совсем стемнело. По его расчетам, они были уже недалеко от тракта. Хотя они больше не ожидали погони, но не разводили костров и не ставили палаток. Только для Наташи по-

строили из веток шалаш. Он состоял из одной наклонной стенки, которая немного защищала от дождя и ветра. Поужинали сухими продуктами, напились воды из ручья, после чего легли спать в спальных мешках. Мужчины, за исключением Збышека, поочередно дежурили, охраняя лагерь.

Звездная, холодная ночь прошла спокойно. С рассветом путешественники уже снова были на конях. Задолго до обеда они подъехали к краю обширного луга. Несколько стогов сена свидетельствовали о том, что где-то близко находится якутское селение. Смуга остановил караван. Через бинокль он внимательно рассматривал холмистую местность. Вдали виднелись темные контуры хат. Однако из труб не шел дым. По-видимому, туземцы еще жили в своих летних урасах. Усталые лошади путешественников тянулись к стогам сена. После краткого совещания Смуга решил остановиться здесь на отдых. По местным обычаям, любому путешественнику разрешалось воспользоваться сеном для своей лошади.

Пока лошади с ослабленными подпругами у седел хрустели сеном, всадники тоже завтракали. Немного отдохнув, стали готовиться в дорогу. Смуга опять ехал впереди. Он как раз въезжал на мягкий склон холма, с вершины которого хотел осмотреть окрестности. Добравшись до вершины, он соскочил с коня. Взглянул на узкую полосу равнины, открывшейся перед ним. Тракт из Невера в Алдан находился не дальше нескольких сот метров. По дороге ехала группа всадников, направляясь с юга на север. Смуга достал бинокль. Увидел довольно крупный отряд, состоявший из якутов-охотников в сопровождении нескольких казаков. Не теряя времени, Смуга быстро отпрянул назад и укрылся за холмом. В этот момент караван шел по открытой местности и его легко могли заметить с дороги. Как только Смуга очутился за холмом, он стал подавать своим товарищам предупредительные знаки.

Вдруг откуда-то из-за холма послышались выстрелы.

Значит, солдаты их заметили! Услышав выстрелы, ехавшие позади каравана быстро присоединились к основной группе. Все направились на восток, где чернела полоса леса. Смуга пропустил вперед Вильмовского с двумя ссыльными и вьючным конем.

Из-за холма показались солдаты. Это, по всей вероятности, была погоня, которая после двух дней безрезультатных поисков, возвращалась в Алдан. Об этом свидетельствовали крики и выстрелы, которыми солдаты пытались задержать группу удаляющихся всадников.

— Чтоб их тайфун унес! Они нас догонят! — воскликнул боцман, оглядываясь.

Смуга оглянулся тоже. Внимательно измерил взглядом расстояние, отделяющее караван от погони.

— Догонят нас,— сказал он.— Мы должны их задержать!

Он осадил коня. Боцман и Томек последовали его примеру. В одно мгновение всадники повернулись лицом к погоне.

— Целиться в лошадей! — приказал Смуга.

Три путешественника дали залп. Они промахнулись, потому что испуганные кони чуть не сбросили их с седел. Солдаты сразу рассыпались цепью. Три беглеца выстрелили еще раз. На этот раз удачнее. Два всадника упали на землю вместе с лошадьми. Следующий залп вынудил погоню принять меры предосторожности. Солдаты уменьшили скорость погони и еще больше растянули цепь.

Смуга посмотрел в сторону леса. Вильмовский уже подъезжал к первым деревьям.

— Теперь, галопом за ними! — приказал Смуга.

Припав к гривам лошадей, три смельчака помчались вперед. За ними послышались протяжные крики.

— Они пытаются нас окружить, фланги цепи изогнулись вперед! — крикнул он товарищам.

— Да, они пытаются нас окружить,— ответил боцман.

Путешественники пришпорили лошадей, которые в диком галопе мчались чуть-чуть не касаясь брюхом земли. Лес из карликовых деревьев был уже совсем близко. Вдруг над головами беглецов послышался свист пуль. Они как раз добрались до опушки леса. Конь Томека заржал, бросился в сторону, а затем грохнулся оземь. К счастью, Томек успел выхватить ноги из стремян, сделал в воздухе сальто-мортале и упал на спину на подстилку из мягкого мха. Несколько минут он лежал, словно лишившись чувств.

Его друзья с трудом осадили своих лошадей и спе-

шились. До путешественников донесся триумфальный крик погони. Но Томек вскочил на ноги еще до того, как к нему подбежали испуганные Смуга и боцман.

— Что с тобой? — крикнул Смуга.

— Со мной ничего... А вот коня убили, — успокоил он друзей.

— Прыгай на мою клячу! — крикнул боцман. Он подхватил друга под мышки и подняв, как перышко, посадил на свою лошадь.

— Томек, лети вперед и задержи отца, — приказал Смуга, поднимая с земли винтовку юноши. — Видно, придется драться... Скорее, мы сами не сможем задержать погоню.

Томек прикусил губы. Вскачь помчался к отцу.

Спрятавшись за стволом дерева, Смуга спокойно приложил приклад винтовки к плечу. Целился недолго. Ближайший к нему всадник упал на землю, широко раскинув руки. Смуга непрерывно стрелял. Тем временем боцман снял седло с убитого коня Томека. Потеря скромных личных вещей в этом суровом краю была почти равносильна смерти. Забросил седло на коня Смуги. Потом спрятался за раскидистой березой и вместе с приятелем стал стрелять в сторону врагов.

Фланги цепи солдат уже подходили к лесу. Чтобы избежать окружения, Смуга и боцман начали быстрое отступление, время от времени останавливаясь и посылая врагам пули.

Крики солдат и выстрелы подсказали Вильмовскому, что его друзья находятся в опасности. Поэтому вместо того чтобы скакать дальше, он вместе с Наташей и Збышекком повернул обратно. Вскоре они встретили Томека и вместе поспешили на помощь двум смельчакам.

Вильмовскому достаточно было одного взгляда, чтобы оценить всю тяжесть положения, в каком они очутились. Потеряв нескольких людей, преследователи спешили и, прячась за деревьями, пытались окружить беглецов.

— Збышек, Наташа! Укройтесь с лошадьми, — крикнул Вильмовский.

Он и Томек включились в борьбу. Меткий огонь удвоившегося отряда беглецов несколько приостановил погоню. Преследователи стали осторожно перебегать от дерева к дереву. Несколько казаков криком

поощряли охотников-якутов к атаке, но те не проявляли никакого воодушевления.

Смуга хотел избежать рукопашной, которая при столь большом численном преимуществе противника несомненно закончилась бы полным поражением. Задерживая погоню выстрелами, путешественники медленно отступали все глубже в лес.

Встревоженный боцман наблюдал преследователей, которые стали собираться в сплошной отряд.

— Вот что, Смуга, нам, видно, не сдобровать! — воскликнул боцман.

— Черт возьми, они готовятся идти в атаку, — добавил Смуга.

— И правильно, ведь они прижали нас к болоту. Посмотрите-ка назад и вы поймете их тактику.

Местность заметно снижалась к востоку. Между стволами деревьев виднелось болото, поросшее зеленовато-желтыми кочками травы.

— Андрей, веди нас прямо через болото, — приказал Смуга.

— Мы же утонем в трясине, — возразил Вильмовский.

— Лучше утонуть, чем попасть к ним живыми, — сказал Смуга. — Еще немного и они ударят на нас. Тогда мы вряд ли выдержим...

Огонь со стороны преследователей заметно усилился. Видимо, они знали, что путь отступления беглецам отрезан. Казаки стали готовиться к атаке. Якуты следовали их примеру.

Беглецы отступали в болото. Вильмовский, Наташа и Збышек вели лошадей под узды и силой вынуждали их переправляться через глубокие места. Смуга, боцман и Томек сдерживали винтовочным огнем погоню. Лошади погрузились в воду почти по брюхо, они ржали, испуганные призраком смерти в грозной трясине.

Преследователи, видимо, почувствовали, что победа близка. Сплошным кольцом они прижали беглецов к предательскому болоту.

Первым отказался от безнадежного отступления боцман. Он укрылся за стволом дерева и опустился на одно колено. Вскинув винтовку, боцман посылал в сторону погони пулю за пулей. Смуга и Томек поняли, что настал их последний час. Они решили дорого

продать свою жизнь. Скрывшись за деревьями, друзья помогали боцману. Тем временем погоня приближалась. Преследователи шли во весь рост, намереваясь окружить горсточку беглецов. В этот момент Вильмовский, Наташа и Збышек подскочили к своим друзьям. Болото оказалось совершенно непроходимым, поэтому они решили погибнуть вместе с ними. В тайге послышался торжествующий крик пого-ни...

Боцман схватил винтовку за ствол и выскочил из-за дерева. Смуга, сжимая в руках рукоятку револьвера, последовал его примеру. Томек, Вильмовский, Наташа и Збышек решительно побежали за ними. Вот они уже подбежали к цепи преследователей, как вдруг раздался пронзительный свист или вой. Встревоженные якуты остановились как вкопанные. Забыв о битве, они смотрели в небо, закинув вверх головы. Боцман по инерции подбежал к одному из казаков и грохнул его прикладом винтовки, второго сразил ударом кулака и вступил в рукопашную с офицером. Это была короткая, хотя и отчаянная борьба. А все остальные с ужасом смотрели вверх на необыкновенное явление. По небу с юга на север мчался ослепительно яркий огненный шар, влача за собой длинный, черный хвост... Вскоре шар исчез за деревьями, где-то в тайге. Ужасный, глухой гром потряс землю... Небо раскалилось добела, потом стало красновато-желтым, а в конце — посерело и воцарился полумрак. Жаркая волна воздуха, как ураган пронеслась по тайге. С треском падали деревья.

В рядах якутов началась паника.

— Огда! Игда! — раздалось их испуганные голоса.

Охотники-якуты бросали винтовки хватали лошадей и в панике бежали из ужасного леса. Паника охватила также и казаков. Они повернули лошадей и бросились наутек.

Пронзительные крики стали постепенно стихать.

Через некоторое время горячий ветер утих, хотя небо все еще было погружено в полумрак.

Ошеломленные путешественники смотрели друг на друга испуганными, недоверчивыми взглядами, ничего не понимая.

— Неужели это конец света?! — воскликнул боцман, недоверчиво оглядываясь вокруг.

— На земле произошла какая-то необыкновенная катастрофа¹,— ответил Вильмовский.

— Якуты кричали, что это знамение Огды, то есть бога огня и грома,— вмешался Збышек, который за время своей ссылки несколько ознакомился с языком туземцев.

— К дьяволу суеверия, ловите лошадей и в путь! — крикнул Смуга.

XXI

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Боцман и Томек уже пять дней поджидали судно на берегу Амура. Спрятавшись в прибрежных кустах, они сидели на высоком обрыве, круто спускавшемся к воде. Моряк лежал на животе и, опираясь на локти, держал в руках морской бинокль. Время от времени он смотрел через него вверх по реке или наблюдал за противоположным, русским берегом. Томек следил за лошадьми, спрятанными в роще, окружающей мыс, и, задумавшись, молчал.

Со времени памятной схватки с преследователями,

¹ Подобная катастрофа случилась 30 июня 1908 года, когда в бассейне Подкаменной Тунгуски упал знаменитый тунгусский метеорит. Взрыв был настолько силен, что образовался высокий столб дыма, похожий на атомный гриб. Взрыв слышался на расстоянии около 800 км; сила ветра была такова, что деревья валились с корнем, ветер срывал крыши, переворачивал заборы, валил людей и животных еще на расстоянии 150 км от места взрыва. Сейсмографические обсерватории в Сибири, Ташкенте и Иене (Германия) отметили крупное землетрясение. Воздушная волна два раза обогнула земной шар и была отмечена барографами в Лондоне. Падение метеорита на землю послужило темой научно-фантастической книги, в которой выдвигалась гипотеза, что это был не метеорит, а межпланетный космический корабль. Новейшие исследования советских ученых в районе падения тунгусского метеорита во многом объяснили загадку. По мнению ученых, над Сибирью в 1908 году взорвалась небольшая комета. Разница между метеоритом и кометой состоит, в частности, в их размерах. Диаметр метеорита не превышает 1 км. Большие по размерам небесные тела астрономы относят к так называемым астероидам, или планетоидам. Кометы по своей величине напоминают небольшие астероиды, но в отличие от них и метеоритов обладают еще светящейся газовой оболочкой, так называемой головой и хвостом.

которая едва не закончилась трагически для участников таинственной экспедиции, прошло уже две недели. Только благодаря удивительному небесному явлению, им тогда удалось спасти свои жизни. Они долгими днями и ночами пробирались по каменистым холмам через тайгу, пока наконец не добрались до Амура. Во время ночной переправы на маньчжурский берег они понесли чувствительную потерю: переплывая реку в лодке, взятой у рыбаков, они тянули за собой лошадей на поводках. К сожалению, три из них утонули. Перегруженная людьми, шаткая лодка и темнота помешали спасению животных. Измученные путники с трудом добрались до фанзы Фу Чау, где предусмотрительный Смуга оставил после битвы с хунхузами немного различных запасов. Старый китаец принял их радушно. Он не спрашивал ни о чем.

Затерянная у подножья гор, фанза была превосходным убежищем для наших спутников. Всем требовался хороший отдых, причем измученный и больной Збышек и непривычная к конной езде Наташа вообще не могли тронуться с места, тем более что перед ними была дорога, чреватая непредвиденными опасностями.

Смуга долго раздумывал, по какому маршруту им лучше направиться к морю. Из-за потери лошадей, часть участников экспедиции должна была идти пешком. Это исключало возможность прибытия на побережье в сроки, условленные с пандитом Давасарманом. Что будет, если он уйдет без них, потеряв возможность ждать неопределенное время? Смуга ходил по фанзе, напряженно размышляя. Иногда он вполголоса советовался с друзьями. Раньше они намеревались через Маньчжурию добраться до Уссури, переправиться через нее и, продвигаясь вдоль берега притока Уссури, Имана, дойти до залива Терней. Потеря лошадей и слабость ссыльных делали этот план несбыточным.

Во время одного из таких совещаний боцману пришла в голову идея. Он вспомнил прощание с капитаном «Сунгача» Некрасовым. Тогда капитан сказал боцману, что прежде, чем замерзнет Амур, он совершит несколько рейсов вверх по реке. Он также обещал, что охотно перевезет экспедицию назад в Хабаровск. В качестве сигнала, по которому Некрасов

остановил бы свой буксир, было условлено дать четыре выстрела. Все участники экспедиции считали, что Некрасову можно доверять. Ведь он сам был политическим ссыльным и так же, как и они, ненавидел самодержавие. Он даже предостерегал их от Павлова. Неизвестно было одно — захочет ли он теперь помогать беглецам, преследуемым властями? Пойдет ли он на такой риск?

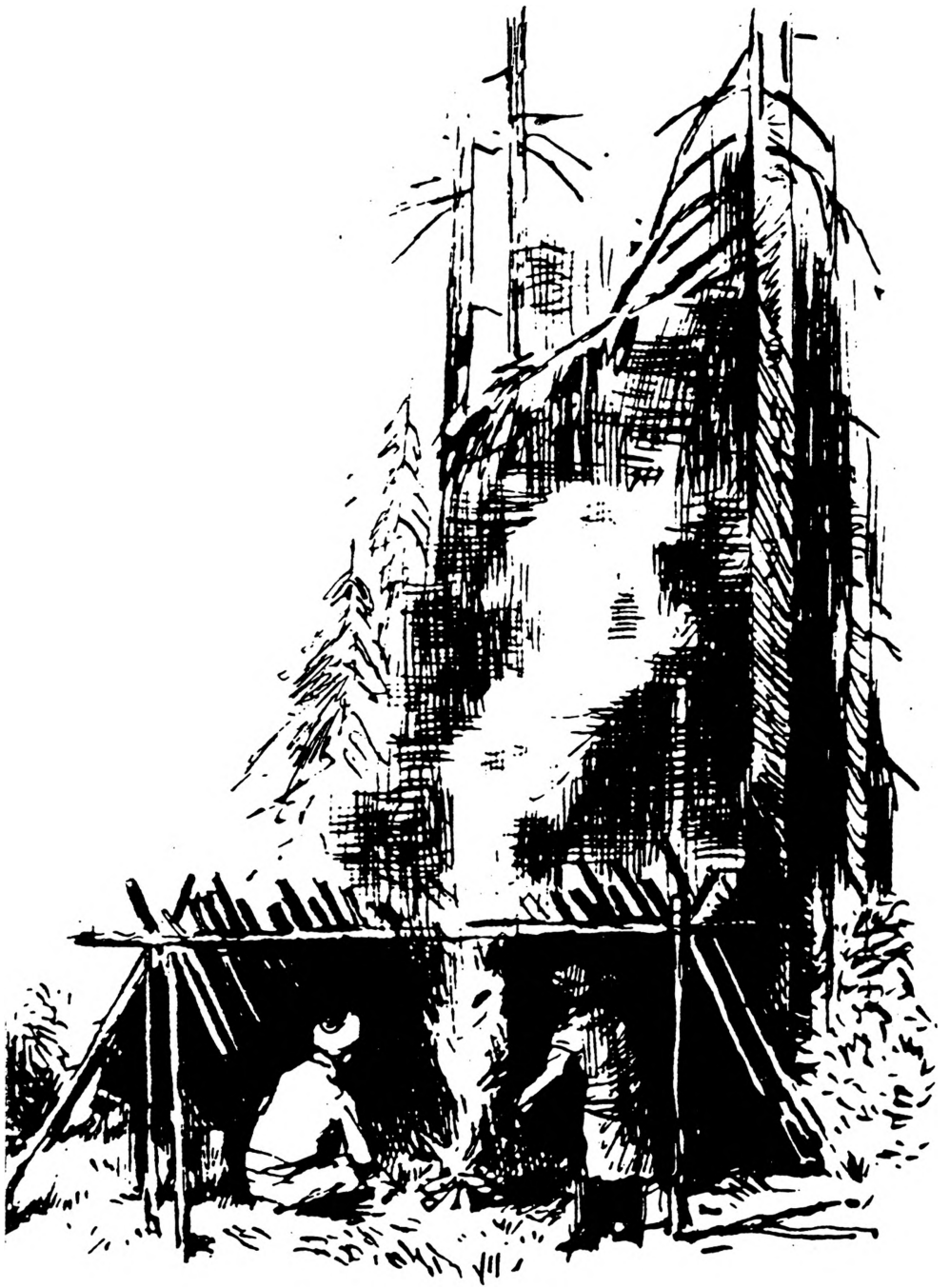
Слишком длительная задержка грозила печальными последствиями. Вот поэтому-то Смуга отправил боцмана и Томека на берег реки, чтобы, если посчастливится, задержать буксир.

Со времени ухода из фанзы прошло уже пять дней. За это время мимо боцмана и Томека прошли только три судна: одно вверх и два — вниз по реке. По приказанию Смуги сторожить на берегу Амура можно было не больше недели. Если за этот срок «Сунгач» не покажется, Смуга решил идти на восток пешком. Конечно, все отдавали себе отчет в ничтожных шансах встречи с «Сунгачом». Во-первых, они могли вообще не дожидаться прохода буксира, а если бы он шел вниз по реке, не могли бы ожидать его возвращения. Кроме того, капитан Некрасов мог не согласиться на тайную перевозку беглых ссыльных. Смуга не очень рассчитывал на счастливый случай. Он послал боцмана и Томека на берег Амура, скорее, для очистки совести, тем более, что и без того надо было ждать пока Збышек и Наташа отдохнут и восстановят свои силы.

Но пока что боцман и Томек бессменно дежурили на берегу. Они боялись, что «Сунгач» пройдет мимо них ночью. В темноте они могли его не узнать. Однако суеверный боцман верил твердо в счастливую звезду Томека. Сколько раз сообразительность и чутье его юного друга помогали боцману выйти сухим из воды! Поэтому он ежеминутно отдавал Томеку бинокль, говоря:

— Взгляни-ка браток! Ты ведь кое-чему научился от шаманов. Может быть, тебе удастся приворожить «Сунгач»!

Томек без устали следил за движением на реке, но буксира все не было и не было. На пятый день к вечеру, когда Томек готовил ужин, боцман, рассматривавший в бинокль зеркальную гладь Амура, воскликнул:

— Вниз по реке плывет старая калоша!

Томек забыл о еде. Он посмотрел на запад. Узкий столб дыма поднимался к небу. Через какое-то время обозначились контуры судна.

— Ах, пусть меня акула проглотит, если этот буксир не похож на «Сунгач», — воскликнул моряк.

Томек схватил бинокль. Он долго разглядывал судно, а потом одним духом выпалил:

— Вы не ошибаетесь, это буксир! И он тащит за собой две баржи!

— Я это уже давно видел и без бинокля, — высокомерно заметил боцман, гордый своим «соколиным зрением», остроту которого он неоднократно подчеркивал. — Я думал, что ты прочел его название!

— Увы, еще слишком далеко, но, может быть, вы разглядите в бинокль?

— Э, нет, в трубу смотри лучше ты! — ответил боцман. — Ты ведь во всех случаях жизни становишься на четыре лапы, как кот, возможно, и на этот раз тебе улыбнется счастье...

Томек опять поднял бинокль. Сосредоточенно смотрел... Потом повернулся к другу.

— Знаете боцман, это, пожалуй... и в самом деле «Сунгач»! Проверьте, пожалуйста...

Моряк выхватил бинокль из рук Томека. Через минуту боцман бросил его на землю и стал быстро раздеваться.

— Вы с ума сошли?! — воскликнул Томек. — Зачем вы снимаете штаны?!

— В одежде несподручно плавать, — кратко ответил боцман. — Это «Сунгач».

— Вы не ошибаетесь?! — Томек все еще не верил.

— Я знал, браток, что ты первый эту калошу увидишь! Ты свое сделал, теперь моя очередь. Я нанесу визит капитану Некрасову.

— Неужели вы думаете вплавь добраться до буксира?

— А как же, браток! Стрелять, пожалуй, здесь не очень можно, а кроме того, вероятно, Некрасов не обратил бы внимания на выстрелы. Ведь мы находимся на маньчжурском берегу.

— Да, но ведь вода чрезвычайно холодна...

— Не беспокойся, мне не впервой!

— Так давайте поплывем вместе!

— Нельзя, браток, держи наготове лошадей. Я доплыву мигом. А ты поезжай верхом вниз по реке, наравне с «Сунгачом», пока я не вернусь к тебе. Понял?

— Хорошо, боцман, только берегите себя!

— Не бойся, кому суждено висеть, тот зря не утонет...

От берега до буксира было не больше трехсот метров. Томек теперь и без бинокля свободно читал его название. Это был «Сунгач».

Боцман немного разбежался и прямо с обрыва бросился в воду. Он вынырнул на поверхность в нескольких метрах от берега. Быстрое течение сносило его вниз. Боцман взял направление наискосок к середине реки. Сначала он довольно быстро удалялся от берега. Моряк внимательно смотрел вперед, желая обойти водовороты и опять мерил глазом расстояние, остающееся до буксира. Вдруг прямо перед собой он заметил широкую, крутящуюся воронку воды. Попытался ее обойти, но быстрое в этом месте течение толкало его прямо в водоворот. Боцман решил поддаться течению. До водоворота оставалось всего лишь несколько метров, когда он ловким движением тела нырнул и мощными взмахами рук и ног пошел вниз, чтобы проскочить водоворот у дна, в самом его узком месте. Вот он почувствовал сильный рывок, вода подхватила его, завертела и потянула вниз. Однако моряку удалось выскочить из предательской ловушки. Вскоре, отплеываясь, он вынырнул на поверхность, но тут же почувствовал острую боль в левой ноге. Боцман перестал бороться с течением. «Сунгач» его догонял, а боль в ноге все усиливалась. Несмотря на то что моряк стучал зубами от холода, на лице его выступили капли пота.

Боцман на саженках поплыл вниз по реке. Если ему не удастся догнать буксир, все погибло. Судорога скрутила ему ступни, нога была словно парализована. Еще несколько минут отчаянных усилий и боцман очутился всего в нескольких метрах от «Сунгача». Буксир обходил его, сыпля из трубы миллионы искр.

— Некрасов! — крикнул боцман.

На короткий миг он исчез под поверхностью воды. Вынырнул опять. Перед его глазами показались красно-черные круги. Собрав остаток сил, он еще раз крикнул: «Некрасов».

— Алло, капитан, человек за бортом! — крикнул кто-то на буксире.

Спасательный круг упал на расстоянии вытянутой руки от боцмана. Он схватил его левой рукой и почувствовал огромное облегчение. Моряк продел руку через круг, оперся на него всем телом. Услышал, как застопорились машины на «Сунгаче». Спасательный круг, который вытягивали с борта с помощью троса, коснулся судна. Спустили трап. Сильные руки матросов подхватили боцмана и помогли ему войти на борт.

Колени у боцмана подгибались. Он как был, так и повалился на палубу, прямо под ноги своих спасителей. Матросы повернули его на спину, поддержали голову.

— Судорога, — с усилием шепнул боцман. — Вы вовремя подоспели...

— Иван, водки! — крикнул Некрасов, с изумлением глядя на посиневшее лицо моряка.

Боцман глотнул сивухи. Иван умело массировал ему ноги. Вскоре боцман почувствовал значительное облегчение. Он приподнялся, сел и глубоко вздохнул.

— Черт возьми, медведь ты этакий! Я скорее ожидал найти тебя в когтях царских сыщиков, чем в реке, — воскликнул Некрасов. — Значит, вас не поймали! Где же твои друзья? А как тот ссыльный, которого вы хотели освободить из Алдана? Он в самом деле жив?

От изумления боцман совсем онемел.

— Где твои друзья? Что с ними?! — Некрасов нетерпеливо повторил вопросы.

— Все живы и здоровы... — осторожно ответил боцман. Он никак не мог понять, откуда капитан «Сунгача» узнал подробности о поездке в Алдан и о спасении ссыльного.

Некрасов присел около боцмана и спокойно продолжал:

— Слушай меня хорошенько, медведь ты этакий! Я возвращаюсь из Сретенска. Там много рассказывают о вашей сумасшедшей экспедиции. Говорят, будто вы искали какого-то ссыльного в Нерчинске. Не застав его там, подстрелили на дуэли жандармского штабс-капитана, взяли в плен агента охраны — я догадываюсь, что это Павлов — и пробрались в Алдан, где находился этот ссыльный. Один из вас будто бы пред-

ставился уряднику как Павлов, похоронил мнимо умершего ссыльного и потихоньку удрал бы с ним отсюда, если бы снова не Павлов. Он бежал от вас и наделал шуму. Говорят, что ваша сообщница, сосланная за неблагонадежность, застрелила Павлова, когда тот в Алдане пытался арестовать заговорщика, который пользовался его документами. После вашего бегства из Алдана, урядник начал дознание. Он приказал раскопать могилу ссыльного. В гробу лежали камни...

— Сто бочек прогорклого китового жира, этого мы от него не ждали! Вот хитрец,— воскликнул боцман.

— Слушай дальше,— продолжал Некрасов.— Урядник уведомил власти в Чите и Хабаровске, послал за вами погоню, которая вернулась с большими потерями, вдобавок до смерти перепутанная вашими «волшебствами». Говорят, будто вы позвали к себе на помощь дьявола... Теперь военные патрули ищут вас на всех дорогах, а в Сретенске люди бьются об заклад, поймут вас или нет!

— Ну, раз вы знаете почти все, тем лучше,— сказал моряк.— Мы укрылись на маньчжурском берегу Амура. Во время переправы мы утопили нескольких лошадей и теперь...

— Пойдем в мою каюту,— перебил его Некрасов.— Иван, брось якорь около правого берега. В случае чего, авария в котельной, понимаешь?

— Слушаюсь, господин капитан! — ответил Иван и весело подмигнул боцману.

Они вошли в каюту.

— Вы что, не очень доверяете своим молодцам? — спросил боцман.

— Не бойся, не бойся, медведь ты этакий, я сам подбираю людей,— ответил Некрасов.— Догадываюсь, что вам нужна срочная помощь.

— Люблю откровенную речь, поэтому говорю вам кратко: нам необходимо добраться до реки Иман в Уссурийском крае,— сказал боцман.— Если мы вовремя не придем в условленное место, то потеряем связь с нашим кораблем и... и...

— И веревка виселицы может затянуться на ваших шеях,— закончил Некрасов.

— Именно это я и хотел сказать,— согласился боцман.

Некрасов немного подумал, потом заявил:

— Я иду с грузом полушубков в Камень-Рыболов на берегу озера Ханка. Таким образом, я буду проходить мимо устья Имана в Уссури. Сколько вас?

— Пятеро и девушка.

— Я буду ждать вас на расстоянии одного километра от пристани, где суда пополняют запас дров, то есть в шести или семи километрах отсюда. Брошу якорь вблизи маньчжурского берега. Вы сумеете дойти туда к полуночи?

— Должны суметь, господин капитан! Но, пожалуйста, в случае провала, вы повиснете с нами на одной виселице,— предостерег Некрасов боцман.

На лице Некрасова появилась мягкая улыбка. Он хлопнул боцмана по плечу и ответил:

— Ну что ж, по крайней мере, покачаюсь в хорошем обществе. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Не беспокойтесь обо мне! Эй, Иван!

В каюту заглянул широкоплечий матрос.

— Подними якорь и... иди как можно ближе правого берега,— приказал Некрасов.

Вскоре «Сунгач» стал незаметно подходить к маньчжурскому берегу. Некрасов выглянул через иллюминатор.

— Ну, пора,— сказал он.— Возьмите с собой лишь самое необходимое и упряжь. Лошади на барже могут привлечь внимание патрулей, которые вас ищут.

Боцман согласно кивнул головой и протянул руку Некрасову.

— Вы хорошо запомнили, где мы должны встретиться? — спросил капитан, крепко пожимая руку боцману.

— Я туда попаду с завязанными глазами...

Они вышли на палубу.

— Иван, что там на горизонте?! — крикнул капитан.

— Путь свободен! — ответил Иван.

Боцман помахал им рукой на прощанье, взобрался на фальшборт и прыгнул в воду. Вскоре он вышел на берег и еще издали заметил Томека, подъезжавшего верхом на лошади. Побежал навстречу ему.

— Давай мое барахло, а то я немного замерз,— крикнул он, когда Томек с ним поровнялся.— Мы должны во весь опор скакать к нашим, потому что я уже купил билеты на судно! На борт войдем еще до полуночи...

«Сунгач» быстро шел вниз по реке, ведя на буксире две баржи. Капитан не оставлял мостика. Уже недалеко было до Благовещенска. По всей вероятности, все основные сети, расставленные для поимки беглецов, были сосредоточены в этом городе. Мнимая экспедиция звероловов началась в Приамурье, дошла до Алдана в Якутии и, вероятно, тем же путем должна была направиться к морскому побережью или китайской границе.

Следовало ожидать, что Благовещенск, крупный административный центр Приамурья, будет местом контроля всего движения по Амуру. Ведь на всех пристанях, где «Сунгач» грузил дрова, рассказывали о военных патрулях, прочесывающих страну вдоль и поперек.

Некрасов отдавал себе полный отчет в том, что оказывая помощь беглецам, он вмешался в опасную игру, ставкой которой была жизнь горсточки бесстрашных людей. Он знал также, что в случае неудачи, ему придется разделить их судьбу. Несмотря на это, он ни минуты не колебался. Во время долгих лет каторги он сам не раз мечтал о побеге. Разве мог он теперь отказать беглецам в помощи? Он уже знал, почему Вильмовского и боцмана преследовала царская охранка, знал, за что приговорены юный ссыльный и Наташа; они тоже боролись с самодержавием.

Некрасов покуривал трубку. Капитан, казалось, спокойно смотрел на надстройку на руфе одной из барж. Там в трюме находилось помещение, где он спрятал беглецов.

Кончался пасмурный, дождливый день. Некрасов выглянул в окно и поглядел на небо. До темноты оставалось не больше двух часов.

— Иван, на место! — приказал он. Потом скомандовал ускорить ход машин.

С узелком под мышкой Иван побежал в надстройку на барже. С левой стороны уже выросли строения Благовещенска.

Некрасов поднес бинокль к глазам. У пристани стояло какое-то судно. На передней палубе толпились пассажиры. Они были оцеплены отрядом городских.

На пристани стояли вооруженные солдаты. Пасмурная погода мешала пароходу отчалить. Обычно, на Амуре по ночам прекращалась навигация.

Капитан «Сунгача» положил руку за пазуху. Коснулся рукоятки револьвера. Убедившись, что револьвер у него в порядке, Некрасов раскурил погасшую было трубку и бросил краткий приказ:

— Причаливаем! Все по местам!

Коротким прерывистым гудком «Сунгач» сообщил о своем прибытии. Осторожно, левым бортом пристал к судну, стоявшему у пристани. К «Сунгачу» подбежал становой пристав.

— Прикажите всем подняться наверх! — потребовал он.

Некрасов был знаком с приставом. Он отдал ему честь и ответил:

— Пожалуйста, прошу, однако, прислать санитаров и взять с борта тяжело больного!

— Что за больной? — подозрительно спросил пристав.

— Один из экипажа...

— А что с ним?

— Я не уверен, но... боюсь оставить его на судне...

— Сейчас мы им займемся. Есть у вас пассажиры на борту.

— Нет. Эй, Милютин, давай всех наверх!

Экипаж «Сунгача» стал собираться у левого борта судна, рядом с бунтом троса. Там было скрыто оружие. Один из кочегаров держал в руке тяжелый железный ключ, у второго за поясом торчал длинный нож. Становой пристав, сопровождаемый городовыми, шпиками в гражданском и несколькими солдатами, очутился на палубе.

— Я не вижу больного, — резко сказал он, меряя взглядом молчаливых членов экипажа. — Где он?

— В надстройке, на барже, — ответил Некрасов.

— Почему там? — подозрительно спрашивал пристав.

Некрасов наклонился к нему.

— Вы, ваше высокоблагородие, сначала на него посмотрите, тогда все поймете...

— Обыскать буксир. Если кто-нибудь не вышел на палубу, заковать в кандалы, — приказал пристав городовым. И добавил: — Шесть человек со мной!

Некрасов перелез через борт буксира на баржу. Пристав, окруженный вооруженными солдатами, последовал за ним. Некрасов отворил дверь надстройки.

— Почему здесь темно? — буркнул один из городских, подозрительно глядя на капитана.

— Больного раздражает свет, — ответил Некрасов. — Я сейчас приоткрою окно.

Он поднял жердь, всадил ее в надстройку и немного отодвинул мешок, закрывавший окошко. Пристав вошел в надстройку. За ним последовал солдат с винтовкой в руках. Они остановились, увидев человека, лежавшего на койке. Его грудь тяжело вздымалась от прерывистого дыхания. Наружной стороной ладони он закрывал глаза. Пристав наклонился над ним. Руки и заросшее бородой лицо больного были покрыты красными пятнами и черными струпьями. Полицейский быстро отпрянул.

— Что с ним? — спросил он изменившимся голосом.

— Похоже на оспу, — полушепотом сказал Некрасов. — А впрочем, черт его знает, может быть, это проказа. Я в этом деле смыслю мало. Держу его здесь, чтобы не заразить остальных ребят... Прикажете, ваше высокоблагородие, взять его в больницу...

Начальник спешно вышел на воздух.

— Вы что, хотите распространить заразу в городе? — возмущенно сказал он. — Вон из порта! Что везете и куда?

— Полушубки в Камень-Рыболов.

— Выходи оттуда! — приказал пристав солдату, который чуть не разбил голову о притолоку низкой двери, выбегая из надстройки.

Только теперь Некрасов незаметно вынул руку из-за пазухи. Он насупил брови и сказал:

— Этого человека надо отправить в больницу. Я не могу остаться без экипажа!

— По приказанию его превосходительства губернатора вы обязаны немедленно уйти из порта!

— Я не могу идти ночью, — возразил Некрасов.

— Бросьте якорь где-нибудь на середине реки, подальше от города. А ну-ка, — обратился он к солдатам, — обыскать груз на баржах! Да тщательно ищите!

Пристав вернулся на буксир вместе с командиром взвода солдат. Некрасов закурил трубку и исподлобья

смотрел на солдат, рывшихся среди тюков на баржах. Никто из них не подходил к помещению, где лежал больной. Через несколько минут городовые и солдаты оставили буксир, который сейчас же отчалил.

«Сунгач» медленно удалялся от пристани. Некрасов стоял на палубе до тех пор, пока последние строения Благовещенска не скрылись во мраке ночи. Только тогда он подошел к надстройке на барже.

— Иван, ступай на вахту, но сперва умойся, — крикнул он с порога.

— Слушаюсь, капитан... «Струпья» поотпадали сами, потому что хлеб высох...

Капитан расхохотался и зажег свечу. Открыл люк в полу.

— Конец тревоги! Прошу всех наверх, к ужину! — крикнул он.

— Ну, я начинаю верить, что нам удастся выбраться из ловушки, — сказал боцман, с трудом протискиваясь через небольшой люк в полу. — Великолепная идея с этой оспой.

— Тем лучше... для них и для нас, — ответил Некрасов. — Можете положить оружие. Думаю, что ночь пройдет спокойно...

XXII

НЕ ПОДВЕДЕТ ЛИ ПАНДИТ ДАВАСАРМАН?

Стояла одна из тех темных, холодных и ветреных ночей, какие бывают в Уссурийском крае. На берегу залива Терней, несколько выше места впадения реки Сицы в Японское море, время от времени появлялся красноватый, меняющий яркость свет. Казалось, что кто-то посылает сигналы неизвестному, находящемуся в открытом море. Это Смуга и его друзья, призывали пандита Давасармана, чтобы он взял их на свой корабль.

С тех пор как они притаились среди скал на крутом побережье, прошло пять долгих дней и ночей. Они давали условленные сигналы, а пандита Давасармана все не было. Смуга стоял, склонившись над огнем, горевшим в очаге, выложенном из камней, который сверху накрывался одеялом. В равные промежут-

ки времени он снимал одеяло и открывал огонь в сторону моря. Оттуда свет костра можно было заметить на весьма далеком расстоянии.

— Сидим на мели,— недовольно пробурчал боцман.— Дело выглядит так, что вместо пандита Давасармана мы привлечем к себе внимание казаков...

— Возможно, Удаджалак не очень точно запомнил инструкцию,— печалился Томек.

— Мы прибыли на несколько дней позже, чем это было условлено,— сказал Вильмовский.— Однако я не думаю, чтобы пандит Давасарман не посчитался с возможностью нашего опоздания.

Томек пытался взглядом пробить темноту ночи. Издалека слышался монотонный шум морского прибоя. Пронзительный ветер свистел среди прибрежных скал... Томек взглянул на Наташу и Збышека. Они, нахохлившись, сидели под скалой. Непривычные к далеким путешествиям, они особенно страдали во время этого двухнедельного похода по Уссурийскому краю. Некрасов довез их на своем «Сунгаче» до самого устья Имана, но здесь им пришлось расстаться. Они не могли также пойти на риск покупки лошадей, так как это могло стать известно полиции. Поэтому, захватив скромные запасы продовольствия и спальные мешки, они пешком углубились в Уссурийскую тайгу. Смуга и Вильмовский не боялись заблудиться. Достаточно было идти вдоль течения реки Имана. К сожалению, силы ссыльных быстро иссякли. Темпы марша слабели день ото дня. Несколько раз пришлось на коротких участках дороги нанимать у туземцев лодки. Они редко, однако, заглядывали в их жилища. Известие о появлении вооруженной группы иностранцев, могло быстро дойти до военных властей. Одинокие охотники и сборщики жень-шеня часто принимали их за хунхузов и бежали от них прочь.

Таким образом, они пришли к берегу моря значительно позже, чем это было условлено с пандитом Давасарманом, что могло повлечь за собой весьма печальные последствия.

Измученные, без запасов продовольствия, участники экспедиции со скрытым отчаянием ждали спасения, которое все не приходило.

Один лишь Смуга не падал духом. Из ночи в ночь он упорно подавал сигнал. Всегда любивший пошу-

тить, боцман теперь только притворялся веселым, чтобы поддержать друзей. Втайне от других он все крепче затягивал пояс, а вслух подшучивал, что вскоре станет стройнее Наташи.

Томек в мрачном раздумье наблюдал за Смугой и боцманом, которые часто сменяли друг друга у сигнального костра.

— Что мы сделаем, если пандит Давасарман уже отплыл без нас? — сказал он, не в силах скрыть свои опасения.

— Пандит Давасарман не подведет, — ответил Смуга. — Видимо, ему нельзя слишком часто подходить к берегу.

— Думаю, вы правы. Пандит Давасарман — это хитрец из хитрецов и знает, что делает, — согласился боцман, хотя опасался неудачи не меньше Томека.

— К счастью, со вчерашнего дня луна скрывается за тучами, — заметил Вильмовский. — В такую темную ночь огонь виден лучше и с большего расстояния.

— Вы в самом деле верите в возможность спасения? — шепнула Наташа.

Боцман присел рядом с девушкой. Жесткой рукой он погладил ее по щеке и сказал:

— С голоду барабаны бьют у нас в животах, вот мы и повесили носы. Но мы и не в таких переделках бывали! Правда, браток? — обратился он к Томеку.

— Верно, бывало и хуже...

— У нас было такое же настроение, когда индейцы похитили нашу Салли и увезли ее в Мексику. А мы все же нашли ее...

— Как это было? Расскажите, пожалуйста, — спросил Збышек, желая рассеять грустные мысли Наташи и развлечь ее.

— А вот как. Собрались мы с Томеком в Аризону, где должны были встретиться с Салли...

— Тише, — предостерегающе крикнул Смуга, внимательно прислушиваясь к чему-то.

Где-то сзади покотился камень. Смуга накрыл костер одеялом, схватил в руки винтовку. Боцман, Томек, Вильмовский и Збышек заняли позицию вокруг Наташи. Слышно было как кто-то крадется со стороны суши. Это мог быть только враг...

Смуга пытался проникнуть взглядом темноту. Вдруг где-то прямо над ними кто-то сказал по-русски:

— Не стреляйте! Кто вы такие?!

Они молчали, сжимая винтовки в окоченевших от холода руках.

— Не двигайтесь, мы вас держим на прицеле,— снова послышался тот же голос.— Кто вы такие?

— Если вы интересуетесь, то идите сюда и посмотрите! — ответил Смуга.

Кто-то соскочил со скалы и сорвал одеяло, прикрывавшее костер. Красноватый свет ожил. Они увидели мужчину, одетого в непромокаемый плащ с капюшоном. В руках у мужчины был револьвер. А дальше во мраке виднелись еще фигуры людей тоже в капюшонах, с винтовками, направленными в сторону беглецов, спрятавшихся за скалами.

— Мы здесь, сагиб! — раздался спокойный, незабываемый ни для кого, кто его слышал хоть раз в жизни, сильный голос.

— Друг! — крикнул Смуга.

Этот суровый и сдержанный мужчина порывисто протянул индийцу руки.

Через минуту все пожимали руку пандита Давасармана, а тот перебежал взглядом от одного лица к другому.

— Боги сохранили вас...— сказал он, волнуясь.— Все целы.

— А то как же! Нашего полку даже прибыло и теперь нас больше чем ты ожидал,— засмеялся боцман.

— Скоро рассвет, не будем терять времени,— сказал пандит Давасарман.— Шлюпка стоит в сотне метров отсюда...

Наташа зашаталась на ногах, Боцман подхватил ее на руки.

— Веди нас, пандит Давасарман, потому что мы умираем от голода и жажды,— воскликнул он.— Я понесу этого ребенка на руках, так будет скорее!

* * *

Большая шлюпка с молчаливыми фигурами людей быстро удалялась от берега. Вильмовский обнял Томека. Молча, но с радостью в душе они вглядывались в темный силуэт яхты.

ТОМЕК СРЕДИ ОХОТНИКОВ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ГОЛОВАМИ

роман

I

Пролог

ISLA DE LA MALA GENTE¹

Элеле Когхе шел по тропинке, вьющейся среди зарослей, покрывавших горный склон. Напрягая зрение, Элеле внимательно вглядывался в чашу тропической зелени. Его голову, покрытую густыми, как войлок, волосами украшали яркие разноцветные перья райских птиц. Султан из перьев, придерживаемый на макушке лыковой сеткой, походил на широко развернутый веер, блестящий пурпурным цветом крови. По верованиям некоторых папуасских племен, перья этой величественной и красивой птицы не только способны защитить воина от раны, полученной в открытом бою или коварно нанесенной из засады, но являются также весьма могучим амулетом против пури-пури, то есть колдовства, которого боятся самые отважные воины. Вот почему храбрый Элеле Когхе никогда не расставался с чудодейственным султаном, и даже получил от своих соплеменников имя, которое на местном наречии означает — Красная Райская Птица.

Элеле Когхе, как и все другие мужчины, обитающие в глубине огромного таинственного острова, с малолетства был воином и охотником. На правом плече Элеле нес знаки своей воинской доблести: лук из пальмового дерева, длинные стрелы с зазубринами, копье и каменный топор, крепко привязанный лыком к деревянному топоричу.

Элеле не носил никакой одежды, кроме короткой

¹ Остров злых людей — так называли Новую Гвинею португальские и испанские мореходы, открывшие остров в XVI веке. Остров назван Новой Гвинеей испанцем Иньиго Ортис де Ретесом, посетившим северное побережье острова в 1545 году; ему показалось, что тропические леса и население, похожее на негров, напоминают западноафриканское побережье Гвиней.

набедренной повязки из белой коры. Его темно-коричневое тело было раскрашено в черные и белые полосы. Припухлые губы и пронизательные глаза окружены кольцами, нанесенными на лицо красной и желтой красками. Высушенные, слегка заплесневелые свиные хвосты, свисавшие из продырявленных мочек ушей, и кость казуара, торчавшая в носу, указывали на то, что Элеле — Когхе выдающийся вождь своего племени. И это было действительно так. Ведь на ожерелье, сплетенном из тонких лиан, которое висело на шее Элеле, виделось восемь узлов. А каждый из них означал победу над врагом в рукопашной схватке.

Элеле Когхе шел осторожно, готовый в любой миг отразить неожиданное нападение. Ведь Элеле сам был частичкой джунглей, в которых непрестанно идет борьба за жизнь, как, впрочем, и во всей природе. Нападение, оборона, триумф победы и смерть соседствуют друг с другом на всем пространстве джунглей. Побеждает смелый, а слабый должен погибнуть, чтобы сильный мог жить.

В погоне за живительными солнечными лучами высоко в небо тянутся кроны деревьев. Из переплетения их ветвей нельзя даже понять, кто вышел победителем в этой погоне. Внизу, у подножия лесных великанов, ведут беспощадную борьбу между собой растения подлеска, состоящего из папоротников, колючих пальм, бамбука и различных вьющихся растений. В борьбе за сохранение вида животных и растительный мир джунглей находился в равновесии. Деревья и лианы душили друг друга в смертельных объятиях, насекомые точили деревья, птицы пожирали насекомых, а единственные хищники новогвинейских джунглей — крокодилы, притаившись, готовились напасть на любое живое существо не исключая человека. Обитающие в джунглях люди тоже вели между собой непрерывные войны и не брезговали человеческим мясом, то есть были каннибалами¹.

Элеле Когхе в одиночестве направлялся к ручью, где недавно нашел место, удобное для ловли рыб. Никто из его соплеменников не хотел идти на ловлю вместе с ним. Дело в том, что к берегу ручья надо было идти через местность, которую посещали злые ду-

¹ Каннибализм — людоедство. Каннибал — людоед.

хи. Элеле Когхе был храбрый человек, но и он, с каждым шагом вперед, чувствовал усиливающийся страх. Идти оставалось совсем недалеко — среди зеленой чащи, справа от тропинки, лежал огромный валун. На его плоско срезанной вершине, покрытой толстым слоем зеленовато-желтого мха, росло несколько суковатых деревьев. Корни их свисали с валуна по бокам как желтые ядовитые змеи. Между ними, у самой земли, виднелась расщелина. Каким образом одинокая скала очутилась в глубине джунглей никто не знал, но среди соплеменников Элеле, из поколения в поколение, передавалась легенда, что в темном гроте у подножия валуна обитают злые духи. У этих духов огненные глаза и желтые жала.

Проходя через чащу, за которой скрывался таинственный валун, Элеле ускорил шаг. Он даже отвернулся, чтобы случайно не встретиться взглядом с огненными глазами злого духа. Здесь даже днем безопаснее ходить в обществе шамана, знающего различные заклинания.

На этот раз храброму Элеле удалось спокойно пройти мимо обиталища духов. Из его груди вырвался вздох облегчения. Элеле Когхе побежал прямо к ручью и вскоре услышал плеск воды, пробивающейся через каменные пороги.

Лес поредел. Элеле Когхе замедлил шаг и стал внимательно осматриваться. Вскоре он нашел место, где в прошлый раз спрятал свое рыбацкое снаряжение. Укрытием служил ствол молодого бамбука¹, с которого Элеле сорвал тогда цветы и листья, выгнул его в дугу, привязав вершину к нижней части и соорудил, таким образом, нечто вроде обруча диаметром примерно в полтора метра. Элеле Когхе с удовольствием убедился, что весь обруч уже заткан сетью с крупными ячейками. Он с благодарностью взглянул на сидевшего в центре сети паука величиной с лесной орех, обладателя мохнатых, темно-коричневых ног.

¹ Бамбук — древовидный злак, растущий повсеместно в тропической и субтропической Азии. Существуют около 50 родов и 200 видов бамбука. Иногда встречаются целые бамбуковые леса, в которых стволы бамбука достигают 40-метровой высоты. Древовидная «соломина» бамбука доходит до 30 см в поперечнике. Цветы часто имеют вид колоса, плоды — зернистые.

Изобретательные жители острова часто использовали этих пауков для плетения рыболовных сетей. С этой целью они выбирали в джунглях подходящий бамбук, сгибали его в обруч, а все остальное доделывал паук, который найдя кольцо, очень удобное для устройства засады на насекомых, опутывал его гибкой и достаточно прочной сетью, сохранявшей свои достоинства даже в воде.

Элеле Когхе осторожно, острием копья прогнал паука, потом каменным топором срубил ствол бамбука и направился к протекавшему поблизости ручью. Вскоре он очутился на одном из крупных камней. Как раз в этом месте каменная осыпь некогда перегородила русло ручья и образовала естественную плотину, за которой возник омут и водоворот. Элеле Когхе отложил оружие в сторону. Широким движением руки он погрузил сеть в воду омута. Через некоторое время ему попалось несколько небольших рыбешек. Элеле положил их в кошелку, сплетенную из лиан, забросил ее себе на спину; взял в руки оружие и бамбуковую сеть с паутиной и направился к скалам, где намеревался спрятать все рыбацкое снаряжение до следующего раза.

После недолгих поисков ему удалось найти удобное место. Спрятав сеть, он пошел обратно в поселение, вдоль небольшого горного склона. Внезапно с плоской вершины одной из скал послышался тоскливый крик. Элеле Когхе остановился. Стал прислушиваться. Спустя минуту на его лице появилась улыбка — это голеве¹ пела свою любовную песню...

Элеле Когхе осторожно и бесшумно взобрался на остро срезанную вершину скалы. Скрываясь в чаще кустов, Элеле глядел на талантливую птицу. Мы, европейцы, называем этих птиц шалашниками, или беседковыми. Это весьма способные птицы-строители. Самец, готовясь к брачному периоду, несколько меся-

¹ Голеве — местное название хохлатой беседочницы (*Amblyornis inornatus*), которая встречается в горах Тамрау (полуостров Чендравасих) и в районе гор Фоя. Это близкая родственница райских птиц. Из числа птиц-строителей лучше других строит оригинальные свадебные беседки. К этому же виду птиц относятся обитающие в Австралии и лучше других изученные фиолетовые шалашники (*Ptilonorhynchus violaceus*), крупные птицы, достигающие 28 см в длину.

цев строит свадебную беседку, а вернее, великолепный бальный зал. Прежде всего он выбирает удобное, ровное место, потом клювом и когтями расчищает площадку, выравнивает ее и вырывает траву. Если на площадке растет кустарник, птица срывает с него листья и кору, чтобы растения засохли. Она оставляет лишь один куст, вокруг которого строит земляную платформу, диаметром около одного метра. Потом с помощью мха и стеблей одного из видов орхидных¹, растущего на ветвях больших деревьев, укрепляет откосы платформы. После этого птица собирает в лесу золотистые листья и ветки, красные, белые и зеленые ягоды и раскладывает их на платформе, образуя различные узоры. Кроме того, свой бальный зал птица украшает разного рода цветами, яркими плодами, даже грибами и разноцветными насекомыми. Если, спустя некоторое время, украшения завянут и потеряют вид, птица выбрасывает их и заменяет свежими.

Элеле Когхе сосредоточенно вслушивался в приятные и мелодичные трели птицы. Он радовался, наблюдая за птицей. Ведь местные жители превосходно знали обычаи голеве и внимательно следили за их работой по строительству свадебных беседок. Деятельность голеве заменяла туземцам календарь их собственных хозяйственных работ. Когда голеве начинали расчищать землю, женщины знали, что пора уже приниматься за расчистку своего поля. Когда птицы начинали постройку платформы, женщины тоже приступали к рыхлению земли заостренными палками. Когда птицы строили вокруг платформ ограждение — женщины ограждали свои поля, чтобы уберечь урожай от прожорливых диких кабанов. Посадку овощей следовало начинать тогда, когда птицы приступают к украшению платформ, а окончание этих работ и любовное пение птиц совпадало по времени с созреванием овощей. Поэтому-то так обрадовался Элеле. Наступало время уборки урожая, время изобилия, танцев и веселых песен. Вскоре Элеле вышел из укрытия и снова очутился в джунглях.

Тропическая жара умерила суету живых существ, кроющихся в лесной чаще. Элеле Когхе не спеша вошел под сень деревьев. У него было достаточно вре-

¹ Dendrobium.

мени и он мог вернуться в свое селение еще до того, как женщины приготовят обед. Но вдруг в лесной тишине, почти одновременно раздался свист стрелы, выпущенной из лука, и крик смертельно раненой райской птицы. Элеле Когхе инстинктивно присел, прячась за стволом дерева. Он пытался уловить слухом трепетание крыльев, шелест ветвей и глухой стук упавшего на землю тела птицы. Сделав несколько бесшумных прыжков, Элеле приблизился к месту неожиданной охоты. Тихо и осторожно раздвинул ветви куста, за которым скрывался. Всего лишь на расстоянии нескольких шагов от Элеле, у подножия высокого дерева, какой-то мужчина с луком в руках нагнулся над охотничьим трофеем. На охотнике была надета набедренная повязка из древесной коры и пояс черного цвета. Нос, проткнутый насквозь костью казуара, был окрашен в желтый цвет, на лице виднелись симметричные красные полосы. Мочки его ушей были украшены высушенными колибри, шея — ожерельем из раковин и собачьих зубов. Рядом с охотником лежали копье и каменный топор. Став на одно колено, он рассматривал убитую птицу.

В глазах Элеле блеснула молния гнева. Чужой охотник принадлежал к племени мафулу¹, с которым племя таваде вело войну. Протекавший поблизости ручей, как раз служил границей между охотничьими угодьями этих племен. Нарушение границы представителями обеих сторон всегда влекло за собой кровавую месть.

Элеле Когхе тихонько прислонил копье к стволу дерева; топор и сетку положил рядом, на землю. Потом достал зазубренную стрелу и крепко натянул тетиву лука. Раздался резкий свист стрелы. Несчастный мафулу пытался подняться на ноги со стрелой, пронзившей его шею, но не успел, так как вторая стрела угодила ему прямо в грудь. Со сдавленным стоном мафулу тяжело упал на мертвое тело райской птицы. Элеле Когхе подбежал к поверженному противнику.

¹ Здесь и дальше автор приводит названия новогвинейских племен, принятые в западноевропейских источниках. Советская этнография, базируясь на языковых различиях, выделяет меланезийцев Новой Гвинеи и папуасов, которые, естественно, подразделяются на ряд отдельных племен. (*Примеч. пер.*)

Среди туземцев Новой Гвинеи войны, в основном, ограничивались отдельными нападениями на врагов из засады. Воин, убивший неприятеля и уцелевший сам, считался героем. Поэтому Элеле Когхе с гордостью завязал девятый узел на своем зловещем ожерелье. Он быстро подобрал оружие мертвого врага, прихватил райскую птицу, сетку с пойманной рыбой и побежал в свое селение, неся соплеменникам радостную весть об одержанной победе.

Родное селение Элеле Когхе раскинулось на небольшой возвышенности посреди плоскогорья. Несколько домов, построенных на высоких сваях, вбитых в землю, стояли двумя параллельными рядами, как бы обрамляя довольно широкую улицу, покрытую хорошо утрамбованной красной глиной. В конце улицы, на краю обрыва, стояло сооружение покрупнее, которое туземцы называли эмоне. В эмоне происходили собрания старейшин, жили вожди и неженатые члены племени. Жилые дома были оборудованы со стороны улицы небольшими галереями, прикрытыми слегка изогнутыми кверху крышами. Селение было защищено полукругом частокола из заостренных бревен. Это укрепление свидетельствовало о воинственности таваде, которые, ведя непрерывную войну с соседями, опасались возможного нападения с их стороны.

Элеле Когхе, что было сил спешил к своим. Вот он уже очутился на улице, укрытой за частоколом. Победный клич воина сразу же обратил на него внимание мужчин, мирно сидевших на галереях. Все они сразу же направились вслед за Элеле Когхе в эмоне.

Известие о новой победе Элеле Когхе с быстротой молнии разнеслось по всему селению. Несколько воинов немедленно стали готовиться в путь, намереваясь сопровождать Элеле Когхе в джунгли, чтобы доставить в деревню кровавый человеческий трофей. Обитатели селения были радостно взволнованы. Пока один отряд спешно направлялся в джунгли, второй — отправился к женщинам, работавшим в поле на пологом горном склоне. На земле таваде появился враг, и надо было немедленно организовать охрану работавших в поле женщин.

Вскоре несколько воинов заняли посты на горных склонах, окружавших обработанные поля; сверху им

было удобно следить за всем, что происходит вокруг. Весть о возможности неожиданного нападения врагов молниеносно облетела работавших в поле женщин. Низкорослые, полные, в огромном большинстве довольно неуклюжие женщины передавали известие из уст в уста. Женщины племени таваде не носили одежды. Только небольшие повязки вокруг бедер скрывали их наготу. Никогда не мытые тела многих из них были обезображены струпьями, оставшимися от плохо залеченных ран. Как и полагалось женщинам воинственного племени, они носили на шее ожерелья из тонких лиан с нанизанными на них костями их мужей и близких родственников, сложивших головы в битвах с врагами племени.

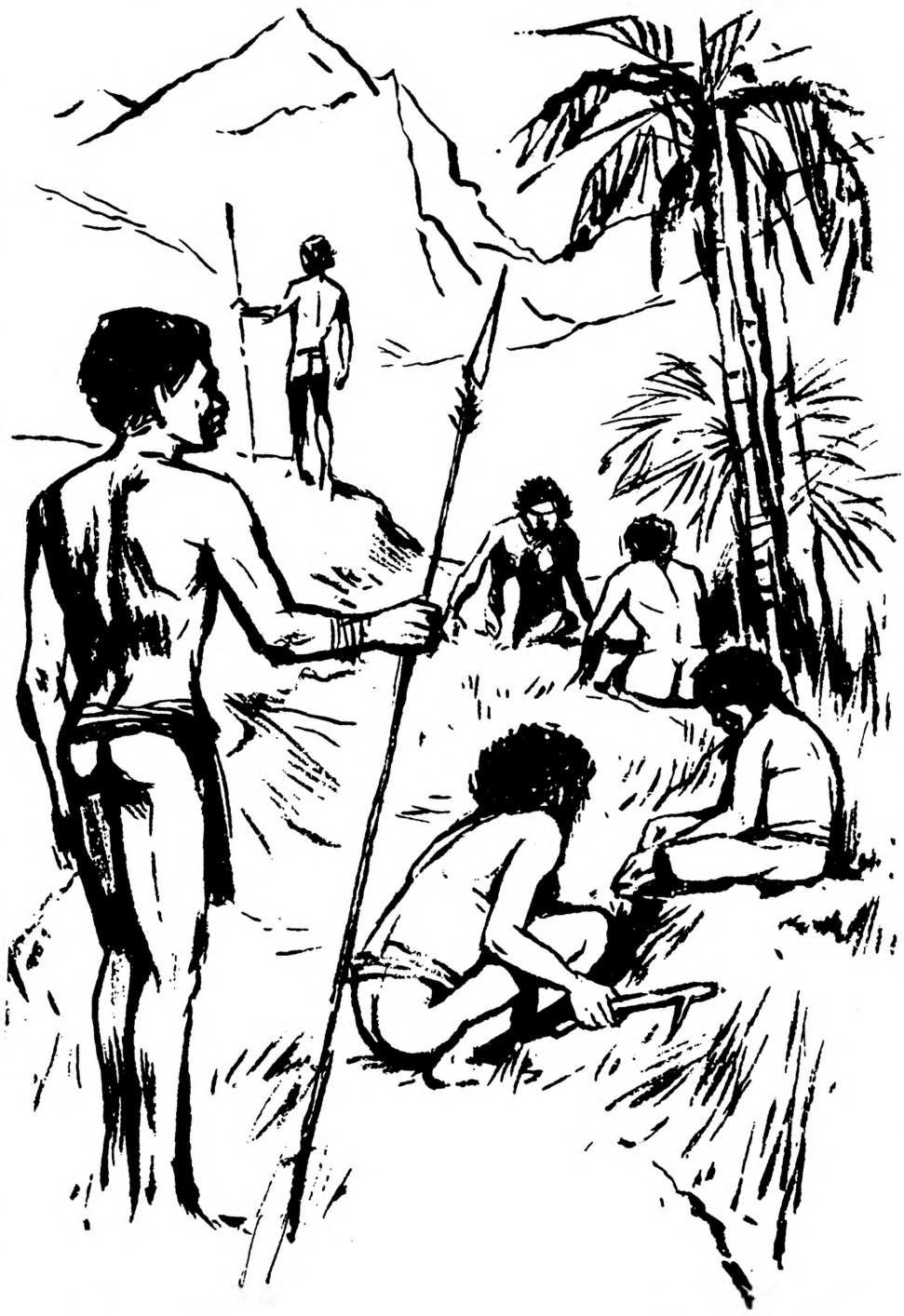
Как только женщины услышали весть, принесенную воинами, они стали работать еще усерднее, чем раньше. Ведь необходимо собрать как можно больше овощей к вечернему пиру. Они быстро заполняли огромные, сплетенные из лиан, корзины коричневатокрасными, шероховатыми плодами батата¹ — основной пищей туземцев, корневищами таро², сахарным тростником³ и самыми любимыми у папуасов овощами — крупными клубнями растения, носящего назва-

¹ Батат (*Ipomoea batatas*) — многолетнее травянистое растение семейства вьюнковых. Корни батата, похожие на клубни картофеля, идут в пищу и отличаются сладковатым вкусом. Разводится во всех тропических странах.

² Таро (*Colocasia esculenta*) — тропическое растение семейства ароидных. Встречается в Индии, на Малайском архипелаге и в Америке. Клубни растения, весом 0,5—3,5 кг в большинстве случаев с мякотью белого цвета в сыром виде несъедобны. В вареном или печеном виде идут в пищу как картофель.

³ Сахарный тростник (*Saccharum*) — род многолетних тропических, реже субтропических растений из семейства злаковых. В высоту достигает 2—6 метров. Стебли толщиной 2—6 см заполнены внутри сочной, чрезвычайно сладкой мякотью. Вырастает очень быстро, урожай собирают через пять месяцев после посева. Сахарный тростник с древних времен культивировался в Месопотамии, в долине Ганга и Индии, позднее проник в Индокитай, Китай и на Малайский архипелаг. Арабы научились культивировать тростник у индийцев, от арабов сахарный тростник научились возделывать испанцы и португальцы, которые распространяли культуру сахарного тростника на Антильских островах. Крупнейшие плантации сахарного тростника в настоящее время находятся на острове Ява, Кубе, Гавайских островах и в Африке.

ние ямс, или диоскорейя¹. После этого женщины нагрузили корзины небольшими полосатыми тыквами и огурцами, не забыв прихватить и листья табака.

Покончив с наполнением корзин, женщины забросили их себе за спину, удерживая с помощью тонких лиан, перекинутых через склоненные вперед головы. На самом верху огромного тюка из овощей и бамбуковых стволов, наполненных водой, матери сажали еще своих ребят, помещая малышей в специальные бамбуковые клетки. Ну, а если какая-либо из женщин откармливала собственной грудью поросенка, то она несла его на руках перед собой. Нагруженные до отказа, словно выючные мулы, женщины направились в деревню под охраной мужчин, державших в руках только оружие.

Возвратившись в селение, женщины немедленно принялись разжигать костры, чтобы в них накалить добела длинные, плоские камни. По обычаю племени, еда готовилась в первобытной печи, то есть в специально выкопанном рву, куда клали горячие камни, на них слой продуктов, потом опять клали горячие камни и продукты, повторяя эту операцию до тех пор, пока ров не наполнялся до краев. После этого ров засыпали землей. Приблизительно через два часа доставали из рва готовую еду и тогда начинался пир.

Однако на этот раз радостное ожидание пиршества было нарушено еще до того, как нагрелись камни для печи, печальным возвращением отряда воинов под командованием Элеле Когхе. Оказалось, что вместо трупа поверженного врага они принесли с собой тела двух собственных воинов, погибших в стычке с отрядом мафулу. Вблизи того места, где Элеле Когхе застрелил врага, воины мафулу устроили засаду и неожиданно осыпали из-за кустов отряд Элеле Когхе градом стрел. Два воина из отряда таваде погибли сразу, несколько других были ранены. И только благодаря

¹ Ямс (*Dioscorea*) — иначе иньям, или диоскорейя — род выющихся травянистых однодольных растений. Плоды — коробочки или ягоды. Многие виды ямса образуют подземные клубни. Из многочисленных видов важное значение имеет *Dioscorea japonica* var. *batatas*, выведенный в Восточной Азии. Клубни ямса мучнистые, водянистые, по вкусу напоминают молодой картофель. Ямс — растение не требовательное к влаге. Мелкие клубни некоторых видов ямса содержат ядовитые вещества.

осторожности мафулу, которые, несмотря на явный перевес сил, очень боялись известных своей жестокостью соседей, отряд таваде мог отступить, потеряв только брата Элеле Когхе и еще одного пожилого воина.

По местным убеждениям, смерть брата Элеле Когхе могла считаться прямым возмездием за смерть одного из мафулу. Ведь его убил Элеле Когхе, а в джунглях действовал неписанный закон — смерть за смерть. Но второй убитый таваде и несколько раненых требовали отмщения. Надо было убить и ранить столько же мафулу, сколько потеряли таваде.

Тем временем с окрестных гор полплыли тоскливые звуки, похожие на нежный звук тысяч серебряных колокольчиков. Это лягушки-тоундулы начинали свой вечерний концерт. А в селении таваде, вместо радостных песен раздавались причитания и слышались рыдания. Единственная жена погибшего брата Элеле Когхе и три жены старого воина в знак траура вымазали тела белой глиной и, громко рыдая, катались в пыли. В своих причитаниях они славили погибших мужей и осыпали проклятиями их убийц. Мужчины тоже не отставали от них. Элеле Когхе повязал топор набедренной повязкой брата и присягнул жестоко отомстить врагам. Такую же присягу приносили близкие и дальние родственники второго убитого воина, ведь костры, разложенные на вершинах гор, уже подавали вест о трагическом событии окрестным племенам, и их представители уже собирались на тризну.

В этот день женщины раскопали дымящие печи с яствами только поздним вечером. Мясо двух кабанов, специально заколотых для тризны, и огромную кучу овощей разделили между собравшимися жителями селения и прибывшими на тризну гостями. Лучшие куски мяса и ямс получили старейшины племени и знаменитые воины. Они брали свои порции, заворачивали их в листья и съедали, отойдя в сторонку. Женщины разделили между собой остатки мяса и овощей. Дети и собаки копались в пепле на дне рва, добывая оттуда неподобренные случайно куски.

Погребальный обряд тянулся довольно долго. Поэтому после ужина мужчины направились в эмоне на совет. Уселись рядами вдоль огня, пылавшего в углуб-

лении, идущем по всей длине пола эмоне. Вождь племени свернул несколько листьев табака и добыл из сетки оригинальную трубку. Она была сделана из довольно толстого бамбукового стебля, длиной сантиметров тридцать. Трубка с обеих сторон наглухо замкнута. По концам бамбукового стебля, наверху, находились отверстия. В одно из отверстий вождь вставил свернутые, как сигару, листья табака и поджег их горящей веточкой, вынутой из костра. Приложив второе отверстие ко рту, он стал всасывать воздух до тех пор, пока вся трубка не наполнилась табачным дымом. Вождь выбросил догоревшие листья и передал трубку соседу. Все собравшиеся по очереди затягивались дымом, накопившемся внутри трубки.

После этой церемонии началось долгое совещание. Собравшиеся пришли к единодушному решению отомстить племени мафулу, что, несомненно, должно порадовать души погибших воинов.

Члены совета вышли на площадь. Там царило большое оживление, потому что в эту ночь не только женщины, но и дети не ложились спать. Вдовы продолжали причитать, публично показывая глубину своего отчаяния; они калечили тела острыми бамбуковыми ножами, рыдали и катались в пыли.

Воины начали немедленную подготовку к походу. Они осматривали оружие, выводили на телах сажей и белой глиной полосы, надевали на головы султаны из птичьих перьев, вешали на шею ожерелья из зубов диких кабанов. Они еще до рассвета были готовы в путь. Но перед походом надо было совершить обряд военного танца.

В полном вооружении воины разделились на две группы, которые построились друг против друга, лицом к лицу, в длинные ряды. Сначала воины обеих отрядов бросали друг на друга грозные взгляды, напевая вполголоса устрашающую песнь. Потом танцоры стали потрясать копьями, луками и каменными палицами. Стоя на месте, они мерно и крепко били ногами по земле, так что облако красноватой уличной пыли совсем заволокло их ряды. Темп танца постепенно убыстрялся. Обе группы танцоров делали один шаг вперед, потом отступали на два шага назад, поворачивались раз направо, раз налево и внезапно бросались друг на друга, издавая боевой клич. Они долго то

наступали друг на друга, то отступали пока, наконец, в воздухе раздался свист стрел, пущенных из луков.

Оба отряда танцоров внезапно остановились как вкопанные. Боевая песнь утихла. Как раз в этот момент из-за гряды горных вершин показался край солнечного диска. После тропической ночи вставал новый день. А это означало, что злые духи джунглей теряли свою силу. Воины могли отправляться в поход.

В этот же день главный вождь племени таваде — Элеле Когхе во главе отряда своих воинов перешел пограничный ручей и опустошил ближайшее селение мафулу. Полилась кровь. С тех пор долгое время то таваде, то мафулу по очереди организовали пиршества в честь победы или тризны по погибшим соплеменникам.

* * *

Однажды Элеле Когхе снова готовил военный поход против мафулу. Ведь во время каждого предыдущего похода погибали воины, что обязательно требовало отмщения. Старейшины и вожди держали совет в эмоне. Говорил Элеле Когхе. Он напомнил все обиды, нанесенные вредными мафулу, упомянул о добыче, доставшейся таваде во время прежних походов. Поощряемый гулом одобрительных голосов, Элеле все больше волновался. Щедро одаренные приношениями, жрецы предсказывали победу племени таваде.

Вот вождь разжег трубку, чтобы отпраздновать решение начать новый поход. В эмоне воцарилась тишина. Вдруг откуда-то со стороны горных вершин послышался голос, многократно усиленный эхом.

— Хо-о-о, хо-о-о! Вы, находящиеся внизу по ручью, слушайте! — неслось по долине.

Элеле Когхе красноречивым жестом потребовал тишины. Он выбежал на галерею. Приложил обе ладони ко рту и словно в рупор крикнул:

— Хо-о-о! Вы с вершины горы, говорите, мы слушаем!

— Хо-о-о! К вам приближаются белые духи, похожие на людей! Они собирают в джунглях красивейших птиц и цветы! Горе нам!

Услышав весть о необыкновенных духах, мужественный вождь Элеле Когхе вздрогнул. Его сердце за-

трепетало. Он долго молчал, а потом, собрав все силы, крикнул:

— Хо-о-о! К нам ли идут белые духи?!

— Они идут вниз по ручью! Через три луны¹ будут у вас! Берегитесь, спасайте ваших птиц!

II

ВСТРЕЧА В СИДНЕЕ

В южном районе Сиднея², на предместье, в коттедже директора парка Таронга — огромного зоологического сада, справлялся шумный бал. Господин Филипп Гарт принимал необычных гостей, потому что, кроме его закадычного друга Карла Бентли, директора зоологического сада в Мельбурне³, остальные гости были до сих пор ему совершенно незнакомы.

Прием давался по инициативе известного зоолога Карла Бентли. Несколько лет назад, Карл Бентли участвовал в качестве научного советника в охотничьей экспедиции в глубину Австралийского континента. Экспедицию организовали польские звероловы по поручению гамбургского предпринимателя Гагенбека. Вместе со взрослыми мужчинами в экспедиции принимал участие мальчик, Томаш Вильмовский, сын руководителя экспедиции. Бентли очень полюбил юного Томека. Он даже хотел заняться его воспитанием, так как опасался, что постоянные разъезды отца помешают Томеку получить систематическое образование. Тогда Томек, тронутый вниманием ученого, поблаго-

¹ У жителей Новой Гвинеи не было календаря; время они измеряли «лунами». Одна луна соответствовала суткам.

² Сидней — столица штата Новый Южный Уэльс, одновременно один из крупнейших морских портов Австралии. Принадлежит к числу самых совершенных в техническом отношении портов мира. Численность населения составляла в 1973 году свыше 2800 тыс. человек.

³ Мельбурн — город в Австралийском Союзе, столица штата Виктория. Расположен на обоих берегах реки Ярра-Ярра у ее впадения в залив Порт-Филипп, в его северной части. Население города составляло в 1971 году 2390 тыс. человек. Превосходный порт. Второй по величине город Австралии. В 1901—1927 годах был столицей Австралийского Союза, основанного в 1900 году.

дарил его за заботу, но отказался от предложения, не желая оставаться в Австралии. С тех пор прошло уже четыре года. За это время Томек участвовал в нескольких охотничьих экспедициях и превратился в весьма энергичного и храброго молодого человека.

Узнав из письма, что его польские друзья снова приехали в Австралию, Бентли срочной телеграммой предложил им встретиться в Сиднее. Звероловы охотно приняли его приглашение и вот теперь они вместе с Бентли гостили в доме господина Филиппа Гарта.

Вильмовские и их друзья приехали в Австралию сразу же после экспедиции в Сибирь, где помогли Збышеку Карскому, двоюродному брату Томека, бежать из ссылки¹. Вместе со Збышеком из ссылки бежала и его невеста, молодая студентка, медичка, Наталия Владимировна Бестужева.

Во время предыдущего пребывания в Австралии звероловы познакомились с семьей овцевода Аллана, жителя Нового Южного Уэльса. Супруги Алланы очень полюбили Томека за то, что он нашел и привел домой их дочь Салли, которая заблудилась в буше. Салли было тогда двенадцать лет. С тех пор Томек и Салли крепко подружились. Они виделись часто, так как учились в Лондоне, хотя и в разных школах. Теперь молодая девушка уже получила аттестат зрелости. Перед тем как поступить в университет Салли решила несколько месяцев провести в родительском доме. Узнав от Салли, что Томек и его друзья находятся на Дальнем Востоке, Алланы пригласили их к себе на Рождество. Таким образом, вся группа поляков опять очутилась в Австралии.

Отдохнув месяц у Алланов, наши друзья вынуждены были уехать, так как их ждали неотложные дела. В Сиднее их поджидал Бентли и, кроме того, в этом удобнейшем порту мира стояла на якоре яхта боцмана Новицкого. Следует напомнить, что в экспедиции в Сибирь принимал деятельное участие брат прелестной индийской княгини, рани Алвара, пандит Давасарман. Чтобы помочь бегству ссыльного, прекрасная и благородная рани, которая очень любила Томека,

¹ Рассказ о драматических событиях, связанных с побегом ссыльных из Сибири, читатель найдет в книге «Таинственное путешествие Томека».

не только убедила брата принять участие в экспедиции, но и подарила участникам свою яхту. В Рабауле¹, где после возвращения из Сибири наши друзья попрощались с пандитом Давасарманом, поляков и в особенности боцмана Новицкого ожидал приятный сюрприз. Пандит Давасарман вручил добродушному боцману акт собственности на яхту, подписанный рани Алвара. Одновременно он сообщил звероловам, что вместе с частью экипажа возвращается в Индию на германском пароходе. Боцман сначала онемел от неожиданности, а потом решительно отказался принять столь щедрый дар. Но в конце концов, Яну Смуте, путешественнику и зверолову, давнему знакомому и даже другу рани Алвара, удалось уговорить боцмана не обижать княгиню отказом от ее подарка. Смута похлопал боцмана по плечу и сказал:

— Ну, вот и исполнилась твоя мечта, боцман. Правда, мы не добыли золота в горах Алтынтаг, за которое ты хотел купить себе какую-нибудь старую морскую калошу, но ты все же теперь стал капитаном. Бери, раз тебе дают от чистого сердца! При случае, ты сумеешь отблагодарить княгиню, прислав ей, например, какой-либо оригинальный подарок.

Так боцман Новицкий стал капитаном собственной яхты. Первый самостоятельный рейс он совершил с друзьями на борту в Сидней. Оставив там яхту на попечение индийского экипажа, членам которого доверял, сам в обществе друзей отправился с визитом на ферму Алланов. Вернувшись в Сидней, друзьям пришлось разместиться на яхте, так как им не удалось снять подходящую квартиру в городе.

В противоположность капитану Новицкому, Томек пребывал в подавленном состоянии духа. Он так радовался перспективе провести праздники на ферме Алланов в обществе Салли, а застал там ее кузена Джемса Бальмора, юношу несколько старше Томека, родственника Алланов, постоянного жителя Лондона. Именно у своего дяди, отца Джемса, и жила Салли во время обучения в лондонской школе. Джемс, или

¹ Рабаул — город и порт на севере острова Новая Гвинея в архипелаге Бисмарка. До первой мировой войны Рабаул был столицей Земли императора Вильгельма и главным городом германской колонии в Новой Гвинее.

Джимми, как звала своего кузена Салли, постоянно ухаживал за своей юной кузиной. Вот это-то и портило Томеку настроение.

На встречу в Сиднее Бентли пригласил также Алланов. Отец Салли не мог оставить хозяйство, поэтому в Сидней приехали только миссис Аллан с дочерью и кузенком Джемсом Бальмором.

Томек с самого начала приема был не в своей тарелке. Он с трудом понимал, что творится вокруг него. Бентли как раз сообщил, что приготовил гостям необыкновенный сюрприз, а Томек в это время с тревогой поглядывал на веранду, где пребывала остальная молодежь. Он прислушивался к веселому смеху Салли и серьезному голосу Джемса Бальмора.

Сразу же после ленча хозяин дома повел гостей в кабинет. Пришел момент объявить что за сюрприз ожидает звероловов.

— Пожалуйста, садитесь, прошу вас,— пригласил Бентли.— Я хочу сообщить вам кое-что интересное. Гм, если говорить правду, то нашу встречу я организовал специально с этой целью.

— Говорите прямо, уважаемый Бентли. Между старыми друзьями церемонии ни к чему,— вмешался капитан Новицкий.

— Если так, то я могу сразу приступить к делу. Ты, милый Томек, будь особенно внимательным. Я очень рассчитываю на тебя,— сказал Бентли, с доброй улыбкой на устах.

— Не знаю, чем могу быть вам полезен? — удивленно ответил Томек.— Вы не шутите?

— Нет, нет, мой дорогой! Я и в самом деле хочу кое-что предложить и буду очень рад, если ты одобришь мой проект.

— Не понимаю, зачем вам мое одобрение? — спросил Томек, видя, что зоолог обращается к нему совершенно серьезно.

— Я думаю, что твое воодушевление побудило бы других согласиться на мое предложение,— пояснил Бентли.

— Я не ожидал от вас подобной уловки,— весело заметил Новицкий.— Вы в самом деле правы. Этот молокосос часто водит нас за нос!

Присутствующие разразились веселым смехом.

— Что касается меня, то я всегда охотно соглаша-

юсь с мнением Томека,— подал голос Смуга.— Наш молодой друг обладает редким даром предвидения, который почти никогда его не обманывает.

Томек был смущен столь откровенными похвалами, а Бентли между тем продолжал:

— Один весьма богатый австралийский промышленник со всем пылом страсти занимается коллекционированием райских птиц и орхидей¹. Он стремится пополнить свою коллекцию новыми, мало известными или вовсе неизвестными экземплярами. С этой целью он предложил мне организовать научную экспедицию...

— Ого! Значит, эта экспедиция до некоторой степени носит романтическую окраску,— вмешался Томек.— Парадизея апода, то есть безногая райская птица!

Все присутствующие с любопытством посмотрели на Томека, а импульсивная Салли воскликнула:

— Мне не приходилось слышать о райских птицах, лишенных ног, это, видно, какая-то легенда?!

— Конечно, легенда, притом романтическая,— согласился Томек.

— Я не знаю ее, Томми, и прошу тебя, расскажи эту легенду нам,— попросила Салли.

— Потом, моя дорогая! Извините, пожалуйста, что я невольно перебил вас,— обратился Томек к Бентли.

— Неужели вы, молодой человек, уже когда-нибудь интересовались райскими птицами? — спросил Гарт, внимательно следя за выражением лица Томека.

— Я читал книгу маркиза Де Рагги, организовав-

¹ Райские птицы (Paradiseidae) — семейство птиц отряда воробьиных, близки к врановым, от которых отличаются, кроме прочих черт, отсутствием щетинистых перьев у основания клюва. Самцы обладают такими пышными, красивыми перьями великолепной расцветки, что равняться с ними могут, пожалуй, только колибри. В настоящее время известно около сотни видов райских птиц.

Орхидеи (orchidaceae — ятрышниковые) принадлежат к числу самых удивительных растений на земле. Поражают разнообразием форм, расцветок, запахом цветов, способом жизни, оплодотворения и т. п. Всего насчитывается около 12—17 тысяч видов орхидей, а может быть, и значительно больше. Распространены на всем земном шаре за исключением высоких гор и полярных местностей. Кроме Бразилии и соседних стран Южной Америки, особенно многочисленны на Мадагаскаре, островах Индийского океана и во всей тропической зоне земли.

шего в конце XVIII века специальную экспедицию на Новую Гвинею для изучения жизни райских птиц и принявшего в ней личное участие, — ответил Томек.

— Если так, то присоединяюсь к просьбе Салли и прошу рассказать нам, откуда взялась легенда, будто бы райские птицы лишены ног, — сказал Гарт.

Томек сразу же сообразил, что директор зоологического сада в Сиднее задумал проверить его знания. Сначала Томек смутился, но, овладев собой, начал рассказ:

— Истоки этой легенды кроются в глубине веков, ведь первые сведения о райских птицах появились в Европе еще до открытия морского пути в Индию и задолго до открытия европейцами Новой Гвинеи. Шкурки райских птиц с Новой Гвинеи и окрестных островов были завезены купцами на остров Яву. Там их увидел первый европеец, венецианский купец Николо де Конти, посетивший этот остров в середине пятнадцатого столетия¹. Один из участников кругосветного плавания Магеллана получил в 1522 году от султана острова Бочана на Молукках шкурку райской птицы, которую привез в Европу. Красочные перья райских птиц в XVII и XVIII веках весьма ценились, особенно в Китае и Индии. Вскоре мода на них распространилась и в Европе, где женщины стали украшать ими шляпы. Вот тогда-то и появилась легенда, будто птицы эти попадают на землю прямо из библейского рая. Будто бы они, как только вылупятся из яиц, сразу начинают полет к солнцу, под лучами ко-

¹ Ява — остров в Малайском архипелаге, в группе Больших Зондских островов, входит в состав Индонезии. В описываемое нами время Ява была голландской колонией. В настоящее время Индонезийская республика расположена на крупнейшем архипелаге мира между Австралией и Азией. Архипелаг состоит из Больших и Малых Зондских островов, но в Индонезию входят также: Молуккский архипелаг и северо-западная часть Новой Гвинеи — Западный Ириан. В составе Индонезии находятся около 3000 обитаемых островов, из которых к числу крупнейших принадлежат: Борнео (ныне Калимантан) — площадью 539 460 кв. км, Суматра — 473 607 кв. км, Целебес (ныне Сулавеси) — 189 035 кв. км, Ява — 128 703 кв. км, Хальмахера — 17 998 кв. км, Флорес — 15 200 кв. км. Столица Индонезии город Джакарта находится на острове Ява.

Молукки (острова Пряностей) — группа островов в Малайском архипелаге. Расположены между Сулавеси и Новой Гвинеей. Входят в состав Индонезии.

торого и получают свое красочное оперение. Легенда гласит, что райские птицы лишены ног для того, чтобы не могли соприкоснуться с землей и испачкать оперение. Они снижаются к земле лишь для того, чтобы испить росы, которой они питаются. Если же они не могут в полете найти росу, то погибают.

— Я согласна, Томми, что это весьма романтическая легенда, но она, как видно, лишена какого-либо логического основания, — заметила мадам Аллан.

— Возникновение легенды очень легко объяснить, — ответил Томек. — В местах, где водились райские птицы, например на островах Ару и Новой Гвинеи, туземцы интересовались только сказочно яркими перьями, которыми они украшали головы во время религиозных торжеств. Поэтому, снимая шкурку с птиц, они отрезали лишние, по их мнению, ноги. В таком виде они продавали ценные шкурки купцам и невольно дали повод к возникновению столь чудесной легенды.

— Я этого не знала. Но ведь птицы должны же где-нибудь вить гнезда и высиживать птенцов, — недоверчиво сказала мадам Аллан.

— Создатели легенды дали объяснение и этому, — продолжал Томек. — Они считали, что райские птицы не могут выводить потомство на земле. По их мнению, самки откладывали яйца на спинах самцов, летающих в воздухе. Позднее легенду несколько видоизменили. Правда, продолжали утверждать, что райские птицы лишены ног, но у них в хвосте есть два загнутых пера и они якобы цепляются этими перьями за ветви деревьев и отдыхают в таком положении. Легенда о райских птицах, лишенных ног, была даже научно подтверждена. Шведский ученый Карл Линней, давший определения райской птицы, наделил ее на латинском языке названием «апода», то есть «безногая».

Само собой разумеется, что с течением времени обнаружилась беспочвенность легенды. Ведь множество охотников за райскими птицами, распространенными в Новой Гвинее, могли воочию убедиться, что райские птицы, как и все другие птицы, обладают нормальными ногами, гнездятся на деревьях и высиживают яйца. Женская мода вызвала большой спрос на перья райских птиц, что привело к повышению

цен на них. Это стало причиной истребления огромного числа прекрасных птиц. По-моему, коллекционер, о котором упоминал Бентли, правильно поступает, стремясь пополнить свою коллекцию. Кто знает, не будут ли в скором времени райские птицы истреблены полностью?¹

— Я восхищен столь исчерпывающим объяснением старинной легенды,— одобрительно заявил Гарт.— Сразу видно, что вы специалист своего дела.

— Томек в этом, как две капли воды похож на своего папашу,— воскликнул капитан Новицкий.

— Мне уже говорил об этом Бентли,— согласился Гарт.— Остается только добавить, что райские птицы обитают не только на Новой Гвинее, хотя там их больше всего, но и в северо-восточной Австралии и на Молукках. А Новая Гвинея до сих пор еще не достаточно нами изучена.

— Короче говоря, вы предлагаете нам организовать экспедицию в глубинные районы Новой Гвинее? — спросил Смуга.

— Чтоб уж быть совершенно точным, добавлю — в страну охотников за человеческими головами и, возможно, людоедов,— заметил Вильмовский.— Еще и сегодня карты Новой Гвинее почти сплошь покрыты белыми пятнами.

— Вы, несомненно, правы,— согласился Бентли.— Новая Гвинея до сих пор остается для белых людей страной великих тайн. Кто может сказать, что кроется внутри таинственного острова.

— Конечно, это весьма интересная страна, не только для географов, но и для ботаников, этнографов, зоологов, орнитологов, золотоискателей,— серьезно сказал Вильмовский. Весьма интересная, но и очень опасная экспедиция.

— Ты говоришь, Андрей, что там живут людоеды? — спросил капитан Новицкий.— Черт возьми! Моя туша может стать для них весьма сильным искушением.

— Не опасайтесь, капитан,— ответил Бентли.— Мне никогда не приходилось слышать, чтобы ту-

¹ В 1924 году охота на райских птиц и вывоз их перьев с территории Новой Гвинее были запрещены. Ныне только папуасы могут охотиться на райских птиц, лишь для удовлетворения своих нужд.

земцы Новой Гвинеи съели когда-либо белого человека.

— Ах, значит, они к нам относятся доброжелательно? — удивленно спросил капитан Новицкий.

— Не в этом дело! — возразил Бентли.— Любой человек, независимо от расы, легко может лишиться там головы. Но, говорят, что мясо белого человека возбуждает у людоедов отвращение из-за неприятного для них запаха...

— То, что вы говорите очень интересно, но подставлять башку ради каких-то райских птиц, тоже немного жалко!

— А ты, Томек, что скажешь? — спросил Бентли.

Томек нагнулся к зоологу и порывисто сказал:

— Я готов отправиться с вами, хоть сейчас! Конечно, если папа позволит.

— Я знала, что Томек так ответит! — сказала Наташа.

Салли встревоженно взглянула на Наташу. Чуть-чуть насупила брови и стала о чем-то напряженно думать.

— Как вы, господин Вильмовский? Готовы ли вы разрешить сыну отправиться в экспедицию? — спросил Бентли.

— Я думаю, что мой сын может принять решение самостоятельно. Но вот, что касается меня, то сразу ответ дать не могу. Я должен сначала выполнить договор, подписанный мною с Гагенбеком.

— Вы, конечно, правы, и я это предвидел,— сказал Бентли.— С Гагенбеком я уже все согласовал. Вам же известно, что я тоже сотрудничаю с фирмой Гагенбека. Вот, пожалуйста, письмо, адресованное вам от Гагенбека!

Вильмовский вскрыл конверт. Внимательно прочитал письмо и передал его Смуге.

— Да, значит, у нас есть конкретные предложения от Гагенбека,— прочитав письмо, сказал Смуга.— Вы предполагаете, что осуществление этого заказа можно совместить с вашими планами?

— Я думал над этим. Предложение Гагенбека сходно с моим,— ответил Бентли.— Конечно, следует принять во внимание то, что транспорт двойного количества экземпляров птиц и животных значительно затруднит дело.

— Томек, прочти письмо Гагенбека,— сказал Смуга, подавая Томеку бумагу.

Молодой человек прочитал письмо два раза; потом передал его капитану Новицкому. Этот только мельком пробежал по письму глазами и буркнул:

— Я не люблю потрошить птиц, хотя в этом деле некоторый опыт у меня есть. Приходилось мне быть коком на одной старой калоше. А, впрочем, все равно, ведь мы теперь бедны, как церковные крысы!

— Вы и правда умело потрошите птиц,— признал Томек.— Это очень важно в тропическом климате, в котором необходимо весьма тщательно препарировать шкурки. Их надо оберегать не только от гнили, но и от насекомых. А это значит, что их нужно постоянно проветривать и защищать от солнечных лучей, чтобы они не полиняли.

— Я вижу вы знакомы с этим делом,— удовлетворенно сказал Томеку директор Гарт.— В таком случае, у меня есть к вам еще одно, частное предложение. Я готов уплатить вам по пятьдесят фунтов стерлингов¹ за каждый оригинальный, пойманный вами экземпляр бабочки. Я готов хоть сегодня подписать соответствующий договор и вручить вам в качестве аванса, ну, хотя бы... пятьсот фунтов. Конечно, если вам удастся поймать какой-нибудь особенно редкий экземпляр, мы согласуем его цену отдельно.

— Давайте сначала обсудим основное предложение,— перебил их Смуга.— Два последних года мы, как вы знаете, не занимались ловлей животных. Поэтому у нас нет средств, необходимых для организации охотничьей экспедиции. Каковы ваши предложения, Бентли?

— Мне нравится, когда к делу подходят по-мужски, прямо,— ответил зоолог.— Прежде всего мне необходимо вам сказать, что дирекция зоологического парка в Сиднее и дирекция моего сада в Мельбурне весьма заинтересованы этой экспедицией. Конечно, оба наши учреждения располагают некоторыми кредитами на эту цель. К этому следует добавить сумму, предложенную частным коллекционером, и получится

¹ Английская монетная единица, равная 20 шиллингам. Впрочем, в последнее время в Англии введена десятичная денежная система.

довольно значительный капитал. Вся сумма уже депонирована в местном банке.

— Что вы можете предложить нам за участие в экспедиции? — продолжал вопросы Смуга.

— Мы готовы выплатить каждому из вас по две тысячи фунтов. Одну четверть вы получите сразу же после подписания договора, остальная часть будет положена на ваше имя в один из банков по вашему усмотрению. За свой счет вам пришлось бы приобрести только необходимое личное снаряжение. Организаторы экспедиции покроют стоимость путешествия по морю, пешего похода по Новой Гвинее, все расходы на питание в пути и, сверх того, выделяют определенную сумму на покупку этнографических экспонатов.

— Скажите, пожалуйста, неужели райские птицы и эти самые... цветочки столь ценны? — удивился капитан Новицкий.

— За одну доставленную живую орхидею, вида еще незнакомого ученым, вы можете получить от любителя до десяти тысяч фунтов, — пояснил Бентли.

— Ого! И все же мне кажется, уважаемые господа, что вы покупаете kota в мешке. А если охотники за человеческими головами и людоеды помешают экспедиции выполнить задание, и мы вернемся с пустыми руками?

— Все может случиться. Тут уж организаторы идут на риск, — пояснил Бентли. — Однако, чтобы до минимума ограничить размеры риска, организаторы решили поручить дело вам. Ведь Гагенбек считает вас лучшими специалистами в деле организации экспедиций такого рода.

— Вы требуете от нас немедленного отъезда? — спросил Вильмовский.

— Да, дело весьма срочное. Я хотел бы очутиться на месте еще до периода дождей, — заявил Бентли. — Кроме того, у меня есть особый заказ Музея естественной истории в Нью-Йорке, адресованный лично вам. Вы уже имели дело с этим учреждением. На этот раз им хотелось бы узнать способ препарирования человеческих голов, применяемый туземцами Новой Гвинеи. Вот соответствующее письмо руководства музея.

Салли вдруг встала с кресла и сказала:

— Извините, пожалуйста, могу ли я поговорить с

Томми наедине, перед тем, как вы примете окончательное решение?

Директор Гарт с удивлением взглянул на девушку, но остальные понимающе улыбнулись. Ведь все знали, что молодые люди очень дружат. Салли была любимицей капитана Новицкого, поэтому он сразу поспешил ей на помощь:

— Вы поворкуйте себе там, а мы за это время тоже кое-что обдумаем. Поспешись — людей насмешишь! Неправда ли, уважаемые господа?

— Конечно, — согласился Бентли. — Дамам всегда надо уступать.

— Пожалуйста, пожалуйста, — вторил ему Гарт, тоже сообразив в чем тут дело.

Вильмовский и Смуга обменялись многозначительным взглядом.

Салли и Томек вышли на веранду. Как только они очутились наедине, девушка возбужденно воскликнула:

— Ах, вот как, Томми? Ты готов отправиться в экспедицию, хотя бы сегодня? Я вижу, что ты обо мне совершенно забыл!

— Что ты, Салли! Как тебе не стыдно так говорить? — возмутился Томек.

— Не стыдно, потому что ты забываешь о том, что всего важнее для меня, — ответила Салли, чуть не плача.

— О чем это я забыл? Будь добра, напомни...

— Разве ты год назад в Лондоне не обещал, что исполнишь любое мое желание, как только я выдержу экзамен на аттестат зрелости?

Томек облегченно вздохнул. Значит, только в этом дело!

— Салли, я прекрасно это помню. Я не давал тебе повода сомневаться во мне и ни в чем не нарушил обещания, соглашаясь на участие в экспедиции на Новую Гвинею. Ты же слышала, сколько мне заплатят? Завтра я получу аванс и куплю тебе все, что только ты пожелаешь! Ну, скажи, ты уже не обижаешься на меня?

— Нет, Томми, я не обижаюсь. Я знаю, что ты ни за что на свете не нарушишь данное слово.

— Конечно!

— Вот и отлично. Я была в этом уверена! Поэтому

теперь ты должен исполнить мое сокровенное желание!

— Завтра я куплю тебе подарок, какой только ты пожелаешь. Хорошо?

— Нет, мой дорогой! Исполнить обещание ты должен еще сегодня! Я, кроме того, прошу тебя никогда не упоминай о каких-то деньгах!

Томек, не зная что ему думать о требовании Салли, внимательно заглянул ей в глаза. Вдруг у него возникло ужасное подозрение.

— Салли... неужели ты хочешь...

Девушка заискивающе улыбнулась.

— Наконец-то ты уже, пожалуй, знаешь, чего я хочу! — немного помолчав сказала Салли.

— Салли, Салли, это же совершенно исключено!

— Я знаю, что для тебя нет ничего невозможного, Томми. Ты нашел меня в буше, когда все другие уже потеряли всякую надежду! Ты вырвал меня из плена у мексиканских индейцев! Ты научил меня любить животных! Я только потому и поступаю на зоологический факультет, чтобы вместе с тобой ездить в экспедиции. Кроме того, ты дал мне честное слово, что исполнишь любое мое желание, как только я получу аттестат зрелости и вот оно мое желание — ехать с тобой на Новую Гвинею! Мы возьмем с собой и Динго. В последнее время ты что-то перестал о нем заботиться. Наш милый песик уже на корабле. Если ты меня хоть немножко любишь, ты исполнишь мое желание, как обещал!

Аргументы Салли были столь неотразимы, что ошеломленный Томек почувствовал слабость в ногах и опустился в кресло. Хитрая Салли ловко расставила на него сети. Но ведь ни Бентли, ни кто-нибудь из друзей Томека не дадут согласия на участие женщины в таком опасном путешествии. Томек был в отчаянии. Он не мог не сдержать данного слова и не знал, как это сделать. Только после довольно долгого молчания, Томек сообразил, что если Салли хочет ехать с ним, значит, она вовсе не думает об ухаживаниях кузена. Это несколько его утешило. Томек сказал почти спокойно:

— Я сдаюсь, Салли. Но так как я не могу взять тебя с собой, то и сам не приму участия в экспедиции. Жаль, конечно... деньги нам очень нужны... но я дал слово... и я сдержу его!

Салли подошла к Томеку совсем близко. Она прекрасно понимала, на какую жертву готов пойти Томек ради нее. Девушка положила руки на плечи Томеку и, глядя ему в глаза, спросила:

— Ты не обижаешься на меня?

— Нет, нет, что ты! Я дал слово и я должен его сдержать. Мои друзья поедут без меня. Ах, возможно, так будет лучше. Ведь должен же кто-нибудь остаться со Збышеком и Наташей.

— Томми, неужели ты только из-за меня хочешь остаться? Что-то слишком спокойно ты отказываешься от участия в экспедиции!

— А в чем дело? Ты, видимо, опять хитришь? — встревожился Томек.

— Ничего я не хитрю! А скажи, ты взял бы меня с собою, если бы на это согласились твой папа и другие?

— А что я мог бы сделать, раз ты требуешь, чтобы я сдержал данное слово?

— Прекрасно, значит, еще не все потеряно! Я видела, как они считаются с твоим мнением! Даже Бенгли и Гарт.

— Салли, не говори глупостей! Не согласятся ни они, ни твои родители!

— Ты так думаешь? В таком случае хорошо, вернемся к ним и ты заявишь, что отказываешься от участия в экспедиции. Но скажешь им всю правду!

III

ПОБЕДИТ ЛИ САЛЛИ?

Томек и Салли вернулись в кабинет. Все с любопытством посмотрели на них и сразу же прервали беседу. Не трудно было догадаться, что между молодыми людьми произошел важный разговор. На лице Салли отражалось волнение. Томек был бледен, шел с опущенной головой и избегал взглядов товарищей. Вильмовский и Смуга снова обменялись многозначительными взглядами.

— Ну и как, совещание закончилось? — беззаботно начал Новицкий. — Поэтому, уважаемые господа, давайте перейдем к делу...

— Не спешите так, капитан,— перебил его Смуга.— Пусть сначала выскажется Томек.

Юноша медленно поднял голову, взглянул на Смугу, потом перевел взгляд на отца. Поняв, что они угадали правду, он побледнел еще сильнее. Капитан Новицкий почувствовал странное беспокойство. Он внимательно посмотрел на Томека, бросил взгляд на Салли и насупил брови.

— Что ты там ему наболтала? Поссорились вы, что-ли?! — вполголоса обратился к Салли капитан Новицкий.

Томек не мог больше молчать. Он собрался с духом и заявил:

— Мне очень неприятно, но я не смогу принять участие в экспедиции...

— Это почему же?! — изумился Новицкий.

— Салли...

— Можешь не говорить больше ни слова, я все уже знаю! — воскликнул моряк.— Нам не надо было при женщинах говорить о людоедах и охотниках за человеческими головами. Нет ничего удивительного, что Салли за тебя испугалась! Но не беспокойся, я ей все объясню!

— Вы ошибаетесь,— возразил Томек.— Салли выразила желание ехать в экспедицию вместе с нами и прихватить с собой Динго. В свое время я обещал, что исполню любое ее желание, как только она получит аттестат зрелости. Взять Салли на Новую Гвинею без вашего разрешения я не могу, поэтому вынужден отказаться от поездки, чтобы не дать повод к обвинению меня в нарушении данного слова.

— Салли, моя дорогая, нельзя так ставить вопрос. Ведь Томек едет в экспедицию не для личного удовольствия. Охота и ловля животных его профессия. Томек должен зарабатывать на жизнь,— возразила миссис Аллан, подходя к дочери.

— Не говори так, мамочка! Все подумают, что я ужасная эгоистка,— серьезно сказала Салли.— Я только потому поступаю на зоологический факультет, чтобы ездить вместе с Томми в экспедиции.

— Кто же осмелится назвать тебя эгоисткой, моя красавица! — воскликнул капитан Новицкий.— Ты уже не раз говорила нам о своих планах! Но почему ты, как раз теперь, уперлась ехать в эту экспедицию?

Что касается Динго, то будь покойна, мы его возьмем с собой, с ним ничего не случится!

— Это была бы прекрасная практика перед началом обучения в университете,— сказала Салли.— Вы же знаете, что я не плакса и вовсе не из трусливых!

— Ты девушка молодец, ничего не скажешь,— горячо подтвердил Новицкий.— Она, уважаемые господа, весьма храбро вела себя, когда мексиканские индейцы захватили ее в плен!

— Неужели Салли участвовала в экспедиции,— удивленно спросил Гарт, который, как и Бентли, до сих пор в молчании прислушивался к беседе друзей.

— Два года назад мы с Салли гостили в Аризоне у моего деверя,— пояснила миссис Аллан.— Туда приехали и Томек с боцманом... ах, извините, с господином капитаном Новицким.

— Пожалуйста, пожалуйста, я не слишком обращаю внимание на звания,— вмешался Новицкий.— Да и экзамен на право вождения яхты я сдал только два месяца тому назад.

— Так вот, в Аризоне индейцы похитили Салли по наущению одного мексиканского ранчero,— продолжала рассказ мисс Аллан.— Только благодаря Томми и капитану Новицкому удалось освободить Салли.

Гарт и Бентли обменялись взглядами, после чего последний обратился к миссис Аллан:

— Говорила ли вам дочь о намерении отправиться в экспедицию вместе с Томми Вильмовским? Сдается мне, что вы не очень удивлены ее предложением.

— Конечно, она уже очень давно начала об этом говорить.

— Можно ли понимать это так, что вы не возражаете против ее участия в экспедиции? — продолжал спрашивать Бентли, не скрывая удивления.

Миссис Аллан смущенно замолчала и взглянула на Салли и Томека. Они стояли рядышком. Высокий, широкоплечий Томек держал Салли за руку, словно старший брат сестренку. В глазах молодых людей отражалась немая просьба. Миссис Аллан почувствовала волнение. Она ответила тихо, но твердо:

— Нет, я не возражаю! Я не могу им отказать! С тех пор как у моей дочери завязалась дружба с Томми, она сумела превратить наш дом в зоологический музей. Во время каникул она ловит и препарирует

различных птиц, чучела которых потом продает в Европе. И все это для того, чтобы накопить средства для участия в следующей экспедиции Томми.

— Кто вас научил набивать чучела птиц? — спросил Гарт, обращаясь к Салли.

— Конечно, Томми, — ответила девушка. — Я умею также обрабатывать бабочек и других насекомых.

Директор Гарт вопросительно взглянул на Бентли. Они обменялись понимающим взглядом.

— Губернатором Папуа теперь является мой хороший знакомый сэр Хьюбер Меррей¹, — сказал Бентли. — Он пользуется известностью как прекрасный знаток обычаев обитателей Новой Гвинеи. Недавно он писал мне о чрезвычайно интересном обычае. Если группу воинов в походе сопровождают женщины, то туземцы считают это признаком мирных намерений отряда. Возможно, присутствие Салли в составе экспедиции облегчит нам выполнение нашего задания?

— Как видно, нет худа без добра, — порывисто заявил капитан Новицкий. — Ну-ка, Андрей, скажи свое веское отцовское слово!

— Мы очень просим господина Вильмовского высказаться по этому вопросу, — добавил Бентли.

Вильмовский уже давно и внимательно наблюдал за сыном и Салли. Теперь он медленно повернулся к Бентли и Гарту.

— Я не хотел бы, чтобы мои чувства по отношению к Томеку и Салли заглушили голос разума, — сказал он. — Самый опытный путешественник среди нас — это Смуга. Поэтому я прошу тебя, Ян, скажи, что ты об этом думаешь.

— Прекрасно, мы тоже заранее согласны с мнением господина Смуги, — вмешался Бентли. — Его мнение ценно еще и потому, что мы с Гартом хотели просить его взять на себя руководство экспедицией.

В комнате воцарилась тишина. Смуга медленно набил трубку табаком, раскурил ее и только после этого сказал:

— Мне приходилось уже руководить экспедициями, в которых участвовали женщины. Тогда бывало

¹ Сэр Хьюбер Меррей являлся губернатором Папуа с 1907 года до самой смерти, которая последовала в 1940 году.

по-разному. Все зависит от того, что эти женщины из себя представляют. В данном случае Салли — дочь австралийского ранчера. Она с детства привыкла к бушу и тяжелым условиям существования. Мне приходилось видеть чучела птиц, выполненные ею. Солидная работа. Принимая во внимание исследовательский характер экспедиции, нам, я полагаю, не придется делать больших переходов. Наоборот, следует считаться с возможностями длительных стоянок. Предлагаю поручить Салли обязанности препаратора.

— Вы это хорошо решили,— заявил Бентли.— Я хотел было взять с собой троих работников зоологического сада в Мельбурне в качестве препараторов. Но, если так, то возьму только двоих. Вознаграждение Салли Аллан за работу составит 500 фунтов.

Томек успокаивал Салли, которая плакала от радости, положив голову ему на плечо, как вдруг Смуга снова потребовал внимания:

— У меня есть еще одно предложение.

— Пожалуйста, мы вас слушаем,— в один голос сказали оба директора зоологических садов.

— Говорите, говорите,— вторил им капитан Новицкий, вытирая глаза носовым платком.— Поистине Соломонова мудрость сегодня на твоих устах!

— Раз уже мы решили взять в экспедицию женщину-препаратора, то, думаю, хорошо было бы взять с собой и сестру милосердия. Во время такой экспедиции студентка медицинского факультета может нам очень и очень пригодиться. Кроме того, двум женщинам будет легче переносить тяготы путешествия, чем одной. Предлагаю в качестве медика взять Наташу. Нам придется также решить, что поручить Збышеку Карскому, который в настоящее время находится на нашем попечении. В таком составе мы согласны участвовать в экспедиции на Новую Гвинею.

— Вы берете на себя руководство экспедицией? — еще раз, для верности, спросил Бентли.

— Да!

— Если так, то мы завтра подпишем договор, а теперь я прошу вас к себе на обед! Нам полагается достойно отметить сегодняшний день!

Прием у директора Гарта затянулся до ночи. Бентли был очень доволен. Экспедиция под руководством столь опытных звероловов и путешественников не

могла не удался. Поэтому Бентли, сидя за столом между Томеком и Салли, сиял от радости. Капитан Новицкий сыпал остротами, как из мешка. Он посмеивался над Томеком, попавшим под башмачок австралийской сороки, и предлагал Смуге прихватить с собой несколько детских сосок, чтобы кормить малолетних членов экспедиции. Томек и Смуга не оставались у него в долгу и отшучивались как могли, подсмеиваясь над Новицким и над собой. Развеселившись, моряк обратил внимание на опечаленного Бальмора, а когда тот признался, что тоже охотно поехал бы в экспедицию, капитан Новицкий до тех пор уговаривал Смугу и Бентли, пока они не согласились зачислить в экспедицию и кузена Салли. Добряк и весельчак, капитан Новицкий не выносил рядом с собой опечаленных лиц друзей или знакомых.

На следующее утро Бентли и Гарт поднялись на борт яхты, чтобы подробно обсудить детали экспедиции. Капитан Новицкий с гордостью показал гостям свою яхту. «Сита»¹ была двухмачтовой яхтой водоизмещением в двести восемь тонн. Между мачтами на палубе была большая надстройка, в которой помещались кают-компания и курительная комната. На крыше надстройки находились капитанский мостик и навигационная рубка. Солидная конструкция позволяла яхте плавать по всем морям и океанам. Пассажирские каюты, кубрик для экипажа, санитарные помещения, магазины и цистерны для пресной воды находились внутри корпуса яхты, под палубой.

Еще накануне было решено, что морской участок пути от Сиднея до Новой Гвинеи и обратно экспедиция проделает на яхте «Сита». Это весьма обрядовало капитана Новицкого, и он пребывал в прекрасном расположении духа. Плата за наем яхты позволяла капитану содержать экипаж из четырех человек и произвести необходимый ремонт.

Збышек, Джемс Бальмор и женская часть экспедиции еще отсыпались после вчерашнего пира. Поэтому, совершив беглый осмотр яхты, капитан Новицкий пригласил гостей в курительную комнату, где их уже ждали три друга. Капитан Новицкий угостил присутствующих чаем с ромом, и совещание началось. Бент-

¹ Яхта названа по имени рани Алвара.

ли выложил на стол большую карту, на которой красной линией обозначил будущий маршрут экспедиции. Из Сиднея экспедиция должна была пройти на корабле через два прибрежных моря Тихого океана¹, именно: на северо-восток через Тасманово море, расположенное между юго-восточным побережьем Австралии, Тасманией и Новой Зеландией, потом должна повернуть на северо-запад и пройти через Коралловое море, граничащее с востока с Новой Каледонией, Гебридскими островами, островами Санта-Крус и Солмоновыми, с севера с архипелагом Бисмарка² и восточной частью Новой Гвинеи, а на западе с Большим Барьерным Рифом³, который расположен вдоль северо-восточного побережья Австралии на протяжении около двух тысяч километров.

Почти в пятистах километрах к востоку от Торрессова пролива, самого коварного для моряков места на земном шаре, маршрут поворачивал к северу, к юго-восточному побережью Новой Гвинеи, крупнейшего острова Океании⁴ и второго по величине после Грен-

¹ Площадь Тихого океана с морями составляет 179 миллионов квадратных километров и почти на три четверти превышает площадь Атлантического океана. Вместе с Индийским океаном занимает половину общей площади земного шара.

² Общая площадь островов архипелага Бисмарка составляет 47 тысяч квадратных километров. Три четверти этой площади заняты основными островами: Новая Британия (действующие вулканы), Новая Ирландия и Лавонгай. Численность обитателей архипелага — около 130 000 человек.

³ Большой Барьерный Риф, или Большой Коралловый Риф.

⁴ Океания — совокупность островов, расположенных в центральной и юго-западной части Тихого океана между Австралией, Малайским архипелагом на западе и широкой, безостровной полосой океана, вплоть до берегов Америки на востоке. Эти острова континентального, вулканического или кораллового происхождения создают большей частью группы, расположенные между тропиками. Океания занимает площадь акватории океана 70 миллионов квадратных километров, то есть почти столько же, сколько Азия и Африка, взятые вместе, но суша составляет всего лишь 1 миллион квадратных километров, из которых Новая Гвинея занимает 785 тыс. квадратных километров. Вся эта, казалось бы, хаотически разбросанная масса островов, с точки зрения климата, фауны, флоры и занятий населения, похожа друг на друга, что обосновывает их объединение под названием Океании. За тропиками расположены только немногочисленные острова, из которых два острова Новой Зеландии, площадью 265 тыс. квадратных километров и окружаю-

ландии на земле. Там, в Порт-Морсби, где была резиденция губернатора провинции Папуа, экспедиция должна была оставить яхту и начать пешеходное путешествие в глубину страны.

Искрящимся взором смотрел Томек на огромный остров, нарисованный на карте, площадь которого почти равнялась всей Скандинавии. Остров этот некогда составлял вместе с Зондскими островами сушу, соединявшую Южную Азию с Австралией. Какие же необыкновенные приключения ожидают их на этом таинственном острове? Даже форма острова, странно удлинённая, напоминала Томеку какое-то допотопное чудовище или райскую птицу, в погоню за которой они отправляются вместе с Салли.

Через весь остров от его юго-восточного края и до западного тянется хребет высоких гор, похожий на карте на позвоночный столб какого-то первобытного чудовища или птицы. Северная часть острова до самого морского побережья покрыта многочисленными отрогами этих гор. Восточный и западный край южного побережья, тоже гористый, но в центре виднеется обширная болотистая низменность. Горный хребет в глубине острова даёт начало многочисленным ручьям, которые позднее сливаются в крупные реки: Марктэм, Раму, Сепик и Мамберамо в северной части острова и Пурари, Флай и Дигул — в южной.

Участники экспедиции очень интересовались реками на юго-восточном побережье. Ведь маршрут вел из Порт-Морсби на северо-запад к горному хребту, который на этом участке носил название Оуэн Стэнли. Дальше, красная линия маршрута врезалась прямо в центр горного хребта, и только почти у места впадения реки Пурари в залив Папуа, снова поворачивала к югу.

щие островки, выходят далеко на юг, создавая некоторое отдельное целое. Вне тропиков, если не считать Новой Зеландии, как северная, так и южная части Тихого океана представляют из себя водную пустыню, почти лишённую обитаемых островов.

Островная часть Тихого океана разделяется на: Меланезию, острова, расположенные между экватором и тропиком Козерога, рядом с Малайским архипелагом и Австралией, к которой относится также Новая Гвинея; Микронезию, лежащую между экватором и тропиком Рака с восточной стороны Филиппинского бассейна до около 180° восточной долготы; Полинезию, занимающую юго-восточную часть островного района океана.

— Сто протухших китов! Да ведь это самая настоящая горная экспедиция! — разочарованно воскликнул капитан Новицкий, рассмотрев на карте маршрут.

На устах присутствующих появились улыбки, потому что они знали нелюбовь моряка к горным походам.

— Пока что это только теоретический проект маршрута, дорогой капитан, — пояснил Бентли. — Ведь вы видите, сколько белых пятен еще покрывают центральные части Новой Гвинеи. До сих пор существует убеждение, что центральный горный массив представляет из себя необитаемый скальный блок, который совершенно непригоден для жизни человека. Если это действительно так, мы ограничимся только исследованием гор Оуэн Стэнли и их подножия. Недавно я встретил золотоискателя, который прошел довольно далеко вверх по Пулари. По его словам, среди недоступных гор могут существовать цветущие жизнью долины. Кто знает, где таится правда?

— Ба, чтобы это проверить, надо сначала взобраться на вершины гор, — сказал Новицкий. — Не люблю лазить по скалам!

— Не бойся, Тадеуш, — утешил его Вильмовский. — Ширина Новой Гвинеи не превышает семисот километров, да и то в самом широком месте, а длина составляет две тысячи четыреста километров. Во время сибирского путешествия нам приходилось преодолевать значительно большие расстояния.

— Знаю, знаю, тебе только того и надо! — ответил Новицкий, видимо, готовый покориться своей участи. — Как все географы, ты любишь совать нос туда, куда до тебя его еще никто не совал.

— Вы, капитан, должны радоваться, что примете участие в экспедиции, которой, быть может, удастся сделать новое открытие, — сказал Томек. — Впрочем, можете утешиться — обратный маршрут до самого побережья ведет по равнине.

— По болотистой и влажной низменности, — добавил Смуга и, обращаясь к Бентли, спросил: — Почему вы выбрали именно этот маршрут?

— Я как раз собирался объяснить это, — ответил зоолог. — Разрабатывая маршрут, я принимал во внимание территории, которые в недалеком прошлом уже посещались европейцами. Я бы не хотел, чтобы

экспедиция все время шла по неисследованным местам.

— Вы правы,— согласился Вильмовский.— По карте видно, что почти весь маршрут проложен по территории Папуа¹. Я охотно послушал бы историю исследования этой провинции. Это поможет правильно оценить наш будущий маршрут.

— Мы всегда, прежде чем отправиться в экспедицию, собираем сведения о путешественниках, совершивших аналогичные путешествия до нас,— пояснил Смуга.— Пожалуйста, расскажите!

— С большой охотой. Я знал, что вы будете интересоваться этим и успел подготовиться,— ответил Бентли.— Так вот, о существовании Новой Гвинеи стало известно в начале XVI века, но до последнего времени остров оставался почти не исследованным. Даже точных карт берегов острова не было. Время от времени путешественники наносили на карты отдельные участки берегов. Положение улучшилось только в XIX веке. Голландская экспедиция, организованная в 1826 году, изучила юго-западное побережье острова. Семнадцать лет спустя Блэквуд на корабле «Флай» и Оуэн Стэнли на корабле «Раттлснейк» произвели картографическую съемку юго-восточного побережья острова. В 1873 году, то есть всего лишь тридцать пять лет назад, Морсби подробно изучил восточное побережье от залива Астролябии до восточного края острова и окончательно определил очертания Новой Гвинеи.

— Видимо, Порт-Морсби, откуда нам предстоит начать путешествие по острову, назван так по имени этого путешественника? — спросил Томек, который внимательно и сосредоточенно слушал рассказ Бент-

¹ Общая площадь территории Папуа, то есть юго-восточной части Новой Гвинеи и островов, входящих в ее состав: Луизиада, Д'Антракстро, Тробриан и Вудларк (ныне Муруа), составляет 462 000 квадратных километров с населением свыше 2600 тысяч человек. Папуа была захвачена правительством Австралийской провинции Квинсленд в 1883 году; спустя некоторое время стала колонией, подчиненной центральному правительству Австралии. Столица Папуа, Порт-Морсби (ныне 66 000 жителей), является теперь административным центром не только Папуа, но и всей Австралийской Новой Гвинеи, бывшей ранее (до первой мировой войны) германской колонией.

ли об истории открытия и исследования Новой Гвинеи.

— Да, именно он открыл этот порт,— подтвердил Бентли.

— Чтобы увековечить эту экспедицию, одна из самых больших рек Новой Гвинеи, Флай, названа именем корабля, на котором совершил свое открытие Морсби, а имя Оуэна Стэнли получил горный хребет в юго-восточной части острова.

Бентли набил табаком трубку, раскурил ее и продолжал рассказ:

— Вскоре после возвращения Морсби, на юго-восточном побережье Новой Гвинеи появились миссионеры. Кроме попыток обращения туземцев в христианскую веру, они постепенно уточняли карты некоторых районов острова. Итак, Лоу и Челмерз вели оживленную деятельность на берегу залива Папуа. В 1886 году Челмерз открыл реку Уикгэм, которую папуасы зовут Алеле. Семь лет назад Челмерза убили туземцы, жители одного из прибрежных островов. В 1887 году Гартман и Хантер совершили восхождение на вершины хребта Оуэн Стэнли. Мактрегор, спустя два года, идя вверх по реке Ванана дошел до горы Виктория, одной из вершин этого же хребта. Зимой 1889—1890 года ему удалось пройти вверх по реке Флай около 605 миль, почти до границы германской части Новой Гвинеи.

В 1870 году Новую Гвинею посетил русский путешественник Миклухо-Маклай. В первое свое путешествие он высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, участок которого назван по его имени Берегом Маклая, и прожил среди папуасов свыше 15 месяцев. В 1874 году Миклухо-Маклай побывал на юго-западном берегу Новой Гвинеи (Папуа-Ковиай). В 1876—1878 годах он снова жил среди туземцев Берега Маклая. Проведя несколько лет в Сиднее, Миклухо-Маклай в 1881 году второй раз посетил южное побережье Новой Гвинеи. Умер он в России в 1886 году. Велики заслуги Миклухо-Маклая в изучении обычаев и языка папуасов, уважением и любовью которых он пользовался.

В 1907 году, то есть всего лишь год назад, Монктон прошел поперек всей южной оконечности острова — от истоков реки Ауре до южного берега залива Папуа. Несколько месяцев тому назад Макей и Лайтл

вернулись из путешествия вдоль берегов верхнего течения Пулари. Мне удалось получить отчет об их путешествии, который я внимательно проштудировал. Это, пожалуй, в достаточной степени объясняет, почему я предложил этот вариант маршрута. Мы будем идти по местам, где уже до нас побывали белые путешественники.

— Прекрасно, большое вам спасибо за рассказ,— сказал Смуга.— Из этого можно заключить, что только участок маршрута, ведущий через центральный горный массив, проходит по неисследованной местности.

— Я полагаю, что делать такой вывод преждевременно,— возразил Бентли.— Практически весь маршрут ведет по необследованной территории. Упомянутые мною путешественники не располагали возможностями подробного изучения местностей, по которым проходили. Кроме того, что удалось одним, может не удастся другим. Но все же нам кое-что известно о реке Пулари и хребте Оуэн Стэнли.

— Таким образом, нам предстоит из Порт-Морсби направиться к горному хребту Оуэн Стэнли,— сказал Смуга.

— Да, нам следует учесть, что, по словам губернатора, на расстоянии около ста пятидесяти километров от Порт-Морсби находится миссионерская станция, расположенная на плоскогорье Пополе. Это первый этап нашего сухопутного путешествия. Оттуда мы направимся на северо-запад к центральному горному массиву.

— Что за племена обитают в районе Пополе? — спросил Томек.

— Их называют мафулу,— ответил Бентли.

Смуга снова стал внимательно рассматривать карту. Через минуту сказал:

— Наш маршрут ведет не только по территории, принадлежащей Австралии. А если нам придется нарушить границу Земли Императора Вильгельма¹, это не вызовет осложнений?

¹ Ныне подопечная территория Австралии. Она включает северо-восточную часть Новой Гвинеи, архипелаг Бисмарка и северную часть Соломоновых островов, занимая площадь 240 870 квадратных километров с населением 1305 тысяч человек. Начиная с 1884 года территория эта была колонией Германии и носила название Земля

— Думаю, что нет,— ответил Бентли.— Правда, Новая Гвинея разделена на три части: голландскую¹, германскую и австралийскую, но границы этих колоний до сих пор проведены только ориентировочно. Ведь даже неизвестно точно, что находится в глубине острова. Граница между владениями Австралии и Голландии проведена в 1893 году. Что касается границы между колониями Австралии и Германии, то пограничная Британско-Германская комиссия должна закончить свою работу только в конце 1909 года. В глубине острова мы не встретим пограничных постов. Я думаю, что обратный путь мы совершим по реке, на лодках. Так будет легче перевезти собранные нами коллекции.

— Видимо, поэтому вы назначили обратный маршрут вдоль реки Пурари? — спросил Вильмовский.— По-моему это весьма разумно. Возможно, нам удастся обнаружить истоки этой реки.

— Все ли согласны с разработанным мною маршрутом? — спросил Бентли.

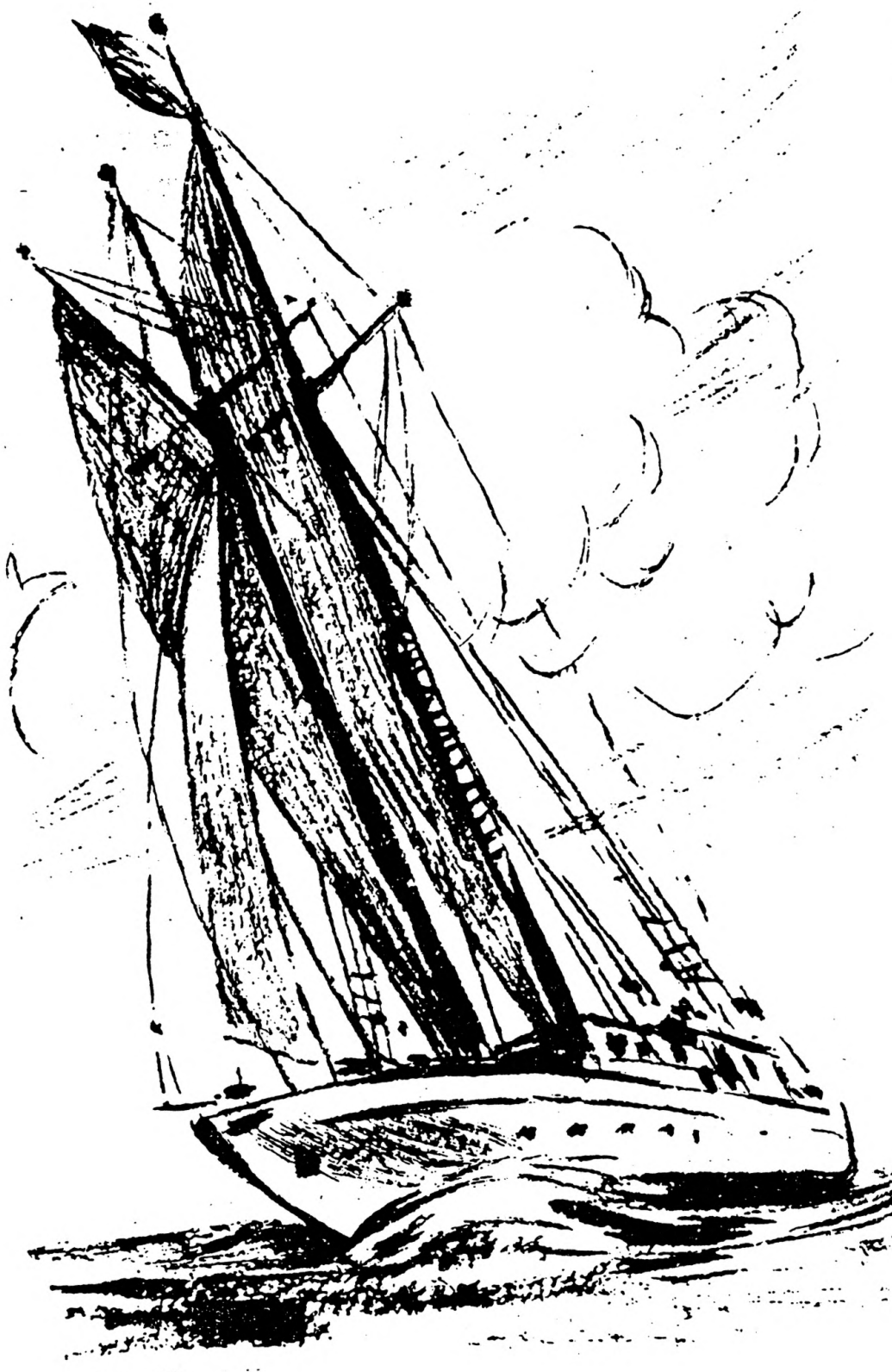
— В общем проект можно принять. Ну, а что будет на самом деле — покажет будущее,— ответил Смуга.— Ты согласен со мной, Андрей?

— Да, согласен,— ответил Вильмовский.— Может быть, есть возражения у капитана или у Томека?

Императора Вильгельма. После первой мировой войны Австралия получила мандат на управление этой территорией от Лиги Наций. Во время второй мировой войны Австралийская Новая Гвинея очутилась под оккупацией Японии. После капитуляции последней, Австралия управляет этой частью Новой Гвинеи на основе мандата Организации Объединенных Наций, как подопечной территорией. Австралийская колония Папуа и подопечная территория Новой Гвинеи управляется губернатором, назначаемым правительством Австралийского Союза, которому «в помощь» придан Законодательный Совет, состоящий наполовину из белых и папуасов.

¹ С 1 мая 1963 года Западный Ириан (Индонезийское название Новой Гвинеи) входит в состав Индонезийской республики в качестве освобожденной территории. Площадь Западного Ириана составляет 412 781 квадратный километр, а население — 700 тысяч человек. В состав Западного Ириана входят несколько островов, расположенных близ юго-западного побережья. К числу крупнейших из них принадлежат: Мапия, Япен, Биак, Миссол, Вайгео и Салавати. Столица Западного Ириана Джаяпура прежде носила название Холландия и Катабару потом Сукарнпура. До 1963 года Западный Ириан был голландской колонией и назывался Голландской Новой Гвинеей.

— В этих делах вы умнее меня, вам и карты в руки,— ответил Новицкий.— Раз вы считаете, что проект хорош, то больше и говорить не о чем!

— Я полностью согласен с мнением капитана,— заключил беседу Томек.

IV

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

Совещание было прервано приходом обеих девушек, из-за спин которых показались Збышек Карский и Джемс Бальмор.

— Завтрак готов,— заявила Салли.— Подать его вам сюда, или вы предпочитаете перейти в кают-компанию?

— Это уж как пожелают наши гости,— ответил капитан Новицкий.

— Я предлагаю продолжить совещание за завтраком. Иначе мы потеряем много времени,— сказал Бентли.

— Ваша правда! В таком случае, давайте позавтракаем здесь,— предложил капитан Новицкий.

— Если вы хотите послушать нашу беседу, то присаживайтесь к нам,— пригласил новоприбывших девушек и молодых людей Гарт.— Вы, господа, наверно, не станете возражать?

— Ну, конечно, нет! Мы не хотели слишком рано будить нашу молодежь, но сведения Бентли могут пригодиться всем участникам экспедиции,— ответил Смуга.— Пожалуйста.

Миссис Аллан помогла девушкам быстро накрыть стол скатертью и подать блюда; не прошло и четверти часа, как прерванное совещание возобновилось.

— Пока что Бентли рассказал нам историю исследований Папуа. Теперь, чтобы полностью войти в курс дела, нам будет полезно ознакомиться с историей открытия остальных двух частей Новой Гвинеи,— начал Смуга.

— Может быть, начнем с голландской части,— предложил Вильмовский.— Колониальные власти почти ничего не делают для научных исследований страны,— сказал Бентли. До сих пор во всех трех час-

тях Новой Гвинеи работают только геологические партии, организованные крупными фирмами горнодобывающей и металлургической промышленности. Естественно, что их исследования касаются только залежей полезных ископаемых и минералов. Здешние геологи совершенно не интересовались туземным населением и не стремились проникнуть в тайны труднодоступных местностей¹.

До 1893 года в голландской части Новой Гвинеи никто не интересовался тем, что находится в глубине острова. Немногочисленные экспедиции проходили только по некоторым участкам побережья. Английский естествоиспытатель и путешественник Альфред Рассел Уоллес в середине XIX века посетил Дорей на северо-западе. Он исследовал Зондские острова от Малайского полуострова до Новой Гвинеи и сделал немало ценных этнографических, лингвистических и зоологических открытий.

— Скажите, пожалуйста, не он ли предложил деление земного шара на зоогеографические зоны? — спросил Томек.

— Да, мой дорогой, это предложение внес именно Уоллес, — согласился Бентли. — После него, как я уже упоминал, в 1870—1871 годах русский путешественник Миклухо-Маклай три раза посетил Новую Гвинею. Он изучал в основном восточное побережье, названное его именем, но бывал и на западном.

— Мне приходилось читать статьи этого путешественника в русских журналах, — заметила Наташа. — Мне кажется, это был необыкновенный человек. Ведь он несколько лет жил среди папуасов, научил их применять нож и топор, пытался организовать содружество племен. Туземцы звали его Тамо Рус. Я ни за что не согласилась бы жить среди людоедов.

— Я тоже читал некоторые труды этого путешественника в немецких журналах, — сказал Вильмовский. — Пожалуйста, Бентли, продолжайте ваш рассказ.

¹ Политика колониальных властей стала причиной общей экономической и социальной отсталости населения Новой Гвинеи. В глубине острова часть населения до настоящего времени остается на уровне каменного века; среди жителей еще встречаются случаи каннибализма и охоты за человеческими головами.

— Примерно в это же время итальянец Альбертис обследовал долину реки Флай и хребет Тамрау с горой Арфак на полуострове Вогелькоп, а Майер прошел от залива Мак-Клур¹ до залива Гелвинк²,— продолжал Бентли, то и дело поглядывая в записную книжку.— Второй период исследований начался лишь после 1893 года. Путешественник Врза снова посетил места, где до него побывал Альбертис, причем значительно расширил и уточнил знания об этом районе. В 1903 году он направился в глубину страны к востоку от залива Гелвинк. В 1904 году в южной части Нидерландской Новой Гвинеи он исследовал реку Дигул. Съемка течения рек южного побережья произведена только в прошлом году. По самым последним сообщениям губернатора из Порт-Морсби, в настоящее время исследуется течение реки Мамберамо.

— А как обстоят дела в германской колонии? — спросил Смуга.

— Как только немцы появились в Новой Гвинее, они организовали экспедицию, возглавляемую Финшем; экспедиция произвела съемку береговой линии на протяжении около тысячи миль,— ответил зоолог.— Экспедиция открыла реку Императрицы Августы, которую туземцы зовут Сепик. Спустя два года, Дальман прошел вдоль берегов этой реки около сорока миль, а адмирал фон Шлейниц и ученый Шрадер обследовали реку Сепик на участке протяженностью в 326 миль, считая места ее впадения в море. Другие путешественники исследовали побережье острова между заливом Астролябии, рекой Сепик и заливом Хьюон. В 1887 году те же Шрадер и Шлейниц опять отправились исследовать реку Сепик и дошли почти до границы Нидерландской части Новой Гвинеи.

¹ Ныне: залив Берау, полуостров Чендравасих и гора Квока.

² В 1910 году голландская экспедиция прошла по всему побережью острова. Экспедиция Гудфлоу, позднее под руководством Роулинга дошла до Снежных гор со стороны южного побережья. В 1913 году А.Р.Ф. Уолстон взшел на гору Карстенс, а Вейерман исследовал притоки реки Дигул и определил высоту горы Юлианадорп (ныне гора Мандала). Клостер исследовал страну на юг и юго-восток от залива Гелвинк (ныне залив Иран). В 1914 году Опперман обследовал течение реки Мамберамо, а лейтенант Стреве ее западного притока Руфайе (ныне Увиммерах). Исследования, прерванные войной, были возобновлены в 1918 году.

Спустя девять лет Лаутербах прошел от залива Астролябии (на новых картах Астролейб) до гор Бисмарка и открыл реку Раму. Совсем недавно Даммкелер и Фрелих исследовали район между реками Маркгэм и Сепик. Как видите, исследование Новой Гвинеи на всех трех частях острова продвигается очень медленно.

— Вы совершенно правы! Организованные до сих пор экспедиции принесли очень мало сведений о центральной части острова,— сказал Смуга.— Именно тут нам придется идти по необследованной территории.

— Немцы, как и все другие, ведут в колониях беззаботную жизнь,— вмешался Новицкий.— Но мы по опыту знаем, что для туземцев даже лучше, если колонизаторы не очень спешат совать нос в их дела.

— Правильно, капитан, я даже не знаю, разумно ли будет нам присоединиться к какой-либо из правительственных экспедиций. Ведь мы не стремимся к завоеванию страны. Это нам поможет в общении с туземцами¹.

— Ну, мне кажется, пора приступить к подписанию договора,— заметил директор Гарт.— Предлагаю пойти к нотариусу. Я уже распорядился подготовить соответствующие документы.

— Сразу же после подписания договора все участ-

¹ В то время, как герои нашего романа готовились к путешествию, в германской части Новой Гвинеи экспедиция Нейгаусса исследовала течение реки Маркгэм. Германско-нидерландская пограничная комиссия прошла вверх по реке Сепик почти до границы британской части, не дойдя до нее всего лишь 60 миль. Путешественник Турнвальд изучал бассейн реки Сепик, а миссионер Пилгофер прошел от реки Вари, протекающей вблизи границы британской части, до реки Маркгэм. После начала первой мировой войны Австралия захватила германскую часть Новой Гвинеи. Тогда фон Детцнер, стремясь избежать плена, укрылся в глубине джунглей и пытался дойти до границы нидерландской части, где намеревался сесть на германский корабль и отправиться на родину. Хотя ему это и не удалось, он все же сумел пройти места до него не исследованные. После войны Детцнер опубликовал свои наблюдения, не лишённые интереса, несмотря на то, что они часто основывались только на сообщениях туземцев. Австралийские власти, после занятия германской колонии, застали там всего лишь несколько плантаций на побережье и несколько миссий, расположенных вблизи джунглей. Германские власти не заботились об организации научных экспедиций в глубину острова.

ники экспедиции получают чеки на всю сумму следующего аванса,— добавил Бентли.— Деньги вам будут нужны на покупку необходимого личного снаряжения. Капитан, когда ваша яхта будет готова к отплытию?

— Гм, я буду готов через десять дней,— ответил капитан, после минутного размышления.

— Значит, через десять дней мы отправляемся в путь,— решил Бентли.— А теперь, за работу, друзья!

К вечеру Смуга распределил функции и дал задания всем участникам экспедиции. Это выглядело, примерно, так:

Ян Смуга — руководитель и начальник экспедиции;

Тадеуш Новицкий — охотник-следопыт и вооруженная охрана;

Томаш Вильмовский — охотник-следопыт и вооруженная охрана;

Андрей Вильмовский — научно-исследовательские работы;

Карл Бентли — научно-исследовательские работы;

Салли Аллан — препаратор животных и повар полевой кухни;

Наталья Владимировна Бестужева — медсестра и повар полевой кухни;

Збигнев Карский — снабжение и кладовая;

Джемс Бальмор — препаратор и работы по лагерю;

Джек Станфорд — препаратор и работы по лагерю;

Генри Уоллес — препаратор и работы по лагерю.

Кроме того, во время плавания по морю все участники экспедиции входили в состав экипажа корабля и подчинялись капитану Новицкому. Постоянный экипаж яхты, состоявший из четырех индейцев, не принимал участия в сухопутном путешествии. В задачу этого экипажа входила охрана яхты во время отсутствия капитана.

Само собой разумеется, что верный Динго, полученный Томаком в подарок от Салли во время первого пребывания Томака в Австралии, тоже принимал немаловажное участие в экспедиции. Он прекрасно умел находить следы животных и нести сторожевую службу на марше и во время стоянок.

Вся следующая неделя прошла в работе с рассвета до поздней ночи. Капитан Новицкий почти не поки-

дал борта яхты. Вместе с Динго он заглядывал во все уголки, следил за работой по внутренней перестройке судна. Остальные участники собирали на складе в парке Таронга различные припасы, купленные Бенгли, сортировали их, составляли списки и упаковывали в ящики из тонкой жести, которые тщательно запаивали. В этом деле не принимала участия только Наташа, которая проходила медицинскую практику в одной из больниц Сиднея.

Томек делал все возможное, обучая Збышека его ответственному делу. Ведь малейший недосмотр мог свести на нет все усилия участников экспедиции и угрожал потерей ценного оборудования или припасов, добыть которые в глубине джунглей было совершенно невозможно. Десятки ящиков постепенно грузили в трюмы судна. Только на восьмой день Томек попросил «штаб» экспедиции проверить книги снабженца-кладовщика. Все жестяные ящики и брезентовые мешки были тщательно пронумерованы и вписаны в прошнурованную книгу с указанием цены, веса или количества упакованных предметов. Смуга медленно читал записи вслух. Сначала шли хозяйственные предметы, то есть: 2 палатки четырехместные, 2 двухместные и 2 большие с противомоскитными сетками для научной и препаратурской работы, 10 противомоскитных сеток, 4 раскладные койки из бамбука с балдахинами и москитьерами, 10 гамаков, 15 теплых, легких одеял, жестяные миски, ложки, вилки, кружки, кастрюли и котелки, спиртовка, керосиновая лампа, раскладная брезентовая ванна для купания, мыло, различные туалетные принадлежности, бидон с керосином, 3 банки спирта, комплект слесарного инструмента и аптечка.

Далее в книге были тщательно записаны запасы продовольствия: консервы мясные и рыбные, супы и молоко в порошке, мука, крупа, рис, горох, фасоль, сахар, соль, чай, кофе, мед, сухари и табак. Из предметов, необходимых для научной работы, в книгу были занесены: измерительные приборы, компасы, микроскоп, фотоаппарат с необходимыми принадлежностями, приборы и химические средства, употребляемые при препарировании шкур животных и птиц, консервировании растений, сетки для ловли насекомых, ловушки, стеклянные банки, жестяные коробки и бидоны.

Личное снаряжение участников экспедиции состояло из двойного комплекта одежды, итак: для похода по джунглям припасались для каждого — мягкая полотняная шляпа, тонкая рубашка с длинными рукавами, длинные полотняные штаны, у которых нижняя часть штанин заправлялась в невысокие суконные башмаки; для похода по легкодоступной местности — короткие штаны до колен, куртка с короткими рукавами, чулки и суконные башмаки.

Кроме того, каждый участник располагал четырьмя комплектами личного белья, носками, брезентовыми куртками с капюшонами, башмаками, подбитыми гвоздями для похода по горным местностям, женщины брали с собой юбки и краги.

Предпоследние страницы книги содержали записи о заменителях денег — меновых товарах для туземцев: топорах, ножах разного рода, ожерельях, зеркальцах, губных гармошках, разноцветных хлопчатобумажных тканях, жевательном табаке в черных палочках, ящиках с запасом продовольствия для носильщиков.

В конце книги находились записи о вооружении экспедиции: штуцерах, винтовках, револьверах, охотничьих ружьях, мелкокалиберных винтовках для охоты на небольших птиц, амуниции и сигнальных ракетах.

На борту яхты отдельно хранились запасы продовольствия на время путешествия по морю. Осмотр снаряжения и его проверка продолжались до самого вечера; в конце концов, «штаб» пришел к заключению, что подготовка к экспедиции закончена. По словам капитана Новицкого, «Сита» будет готова к выходу в море через три дня. Поэтому гостеприимный Гарт предложил путешественникам совершить поездку на морской пляж в Наррабин.

Томек с удовольствием принял предложение. Во время прежнего пребывания в Австралии он хорошо ознакомился с Мельбурном, родным городом Бентли, и теперь обрадовался возможности сравнить Мельбурн с Сиднеем.

На другой день утром участники экспедиции выехали в город на двух экипажах, запряженных парами лошадей. Оказалось, что директор Гарт прекрасный проводник. Экипажи сначала промчались по улочкам пригорода, буквально утопавшим в зелени садов, по-

том проехали через южные районы, застроенные особняками и изрезанные многочисленными лагунами и заливами с множеством парусных судов. Потом посетили зоологический и ботанический сады, музеи, церкви, купили кое-что на память в торговом районе центральной части города и, в конце концов, приехали на набережную порта.

Всю дорогу Томек рассказывал молодым друзьям о всех достопримечательностях, встречавшихся по пути. Он сообщил им, например, что Сидней четвертый, а Мельбурн пятый город по величине во всем южном полушарии. Превышают их по площади и населению только южноамериканские города: Буэнос-Айрес, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро¹. Вся торговая, промышленная и культурная жизнь Австралии сосредоточена в двух городах — Мельбурне и Сиднее. Отсюда отправляются в свет основные австралийские товары: шерсть, мясо, кожа и пшеница.

Город Сидней носил характер портового города. Южная часть отделялась от северной заливом Порт-Джэксон, который врезался в сушу языком десятикилометровой длины, тянувшимся вплоть до устья реки Парраматта. Сильно изрезанный берег изобилует здесь десятками заливов и бухт.

Наши путешественники остановились на берегу, чтобы полюбоваться видом северной части города, расположенной на противоположной стороне залива Порт-Джэксон. Они уселись на скамьях посреди обширного парка, сплошь заросшего кустарником и пальмами.

— Ну, как, Томек, нравится вам наш Сидней? — спросил Гарт.

— Не в обиду, Бентли, надо признать, что Сидней, пожалуй, красивее Мельбурна. Здесь не столь правильная и симметричная застройка как в Мельбурне, поэтому город выглядит живописнее, — ответил Томек.

— Если так, то, может быть, вы решите поселиться здесь? Я могу предложить вам хорошую должность в управлении парка Таронга.

— Ничего из этого не выйдет! Я как-то пытался задержать Томека в Мельбурне, — вмешался Бентли. —

¹ Буэнос-Айрес — Аргентина, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро — Бразилия.

В ответ он пригласил меня в Варшаву, после того как Польша получит независимость.

— Что ж, с течением времени суждения меняются,— со смехом сказал Гарт.— Часто на такое изменение влияют личные обстоятельства.

Томек покраснел, а Гарт добавил:

— Не спешите с ответом. Я возобновлю свое предложение после возвращения экспедиции из Новой Гвинеи.

— Спасибо, я подумаю,— ответил молодой человек.

— Как пить дать, Томек готов сесть на мель,— зычно шепнул на ухо Смуге капитан Новицкий.

— Мне тоже очень нравится Сидней,— бойко заявила Салли.— Сюда обязательно надо перенести столицу Австралийского Союза.

— Ого, вашими устами говорит жительница Нового Южного Уэльса,— возразил Бентли, поддерживая спор между Мельбурном и Сиднеем о том, какому городу быть столицей Австралийского Союза, основанного в 1900 году.

— Вы убедитесь, что в будущем Сидней станет еще красивее¹,— сказал Гарт.— Я слышал о проекте, который придаст городу еще большую монументальность и красоту. Я думаю о проекте постройки колоссального моста, который соединит южные районы города с северными².

— Каждый кулик свое болото хвалит,— громогласно заявил Новицкий.— Но нигде нет такого города, как наша старая Варшава!

Путешественники вернулись на «Ситу» в прекрасном настроении. На яхте уже заканчивались последние работы по подготовке к выходу в море. Яхта блестяла, как зеркало. Везде пахло свежей краской.

¹ В 1908 году правительство Австралийского Союза приняло решение о постройке в Новом Южном Уэльсе столицы на юго-запад от Сиднея, на берегу реки Маррамбиджи. Строительство новой столицы, получившей название Канберра, началось в 1913 году. Первое заседание австралийского парламента в Канберре состоялось в 1927 году. Так был решен спор двух городов.

² Гарт не ошибся. В марте 1932 года в Сиднее закончилось строительство великолепного всеякого моста через залив. По мосту проложена железная дорога, трамвайные пути, автомобильная дорога, шириной в пять полос движения, и тротуары для пешеходов.

Миссис Аллан была очень взволнована. Она ни на шаг не отходила от дочери, просила всех и каждого оберегать ее от опасностей. Ведь это был предпоследний день перед отъездом ее единственного ребенка в опасное путешествие.

Беседа друзей на яхте затянулась до глубокой ночи, но несмотря на это, путешественники вскочили с коек на рассвете. Захватив с собой Динго, они направились к пристани, откуда на пароме переправились в северную часть Сиднея. В обществе Гарта они в экипажах отправились на пляж Наррабен. Все охотно искупались, не опасаясь нападения акул, так как пляж находился на берегу лагуны, соединяющейся с морем проливом, через который акулы не заплывали. Динго, которому порядком надоело пребывание на тесной яхте, прямо-таки ошалел от радости. Теплый солнечный день прошел весело и беззаботно.

Вечером все иллюминаторы яхты «Сита» ярко светились. Капитан Новицкий давал торжественный, прощальный обед. На рассвете следующего дня корабль должен был сняться с якоря.

V

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Яхта «Сита» на всех парусах шла по гладкому, как зеркало, океану. На руле стоял опытный моряк, индеец Рамасан, который уверенно вел корабль на север, точно по курсу, вдоль восточного побережья Австралии. Поэтому капитан Новицкий, хотя и выходил время от времени, словно по привычке, из каюты и поднимался на капитанский мостик взглянуть на полосу суши на западе, сразу же исчезал в навигационной рубке¹. Он часто склонялся над картой, лежавшей на столе в навигационной рубке; внимательно просматривал вахтенный журнал, куда дежурные офицеры обязаны были вписывать данные обо всем, что было замечено во время их вахты. Встречая в журнале

¹ Навигационная, или штурманская рубка — место на судне, где сосредоточены навигационные приборы и карты, на которых капитан, а на крупных судах, штурман, наносит курс судна.

свои поправки к несоответствующим морскому коду записям, капитан снисходительно улыбался, потому что вахтенными офицерами на «Сите» были его ученики по морскому делу: Вильмовский, Смуга и Томек. Они уже многому научились. Во время рейса с Дальнего Востока в Индию, и потом в Австралию, они принимали деятельное участие во многих работах на яхте. В трудной и ответственной профессии моряка до сих пор только Томек мог похвастаться серьезными успехами. Даже капитан Новицкий не мог найти в записях Томека, сделанных во время вчерашней вахты, каких-либо ошибок. А записано было вот что:

«Брисбен»¹, 21 января 1909 года, четверг.

В 9.15 утра «Сита» пришвартована² к пирсу в порту Брисбен, тем самым закончен первый участок пути из Сиднея. «Сита» прошла 460 морских миль за 5 дней при средней скорости 3 до 4 узлов³. Причина малой скорости — встречное восточно-австралийское течение, которое отклоняло судно от курса. «Сита» стояла в порту 7 часов. Во время поста пополнялись запасы: взято на борт 3000 литров свежей воды, поданной насосом в главный резервуар, ящик помидоров, 10 вилок капусты, 50 килограммов картофеля, 20 килограммов бататов, ящик яблок и 20 килограммов свежей говядины. В 4.15 пополудни отдали швартовы и покинули порт. Вахтенный офицер — Томаш Вильмовский».

Из дальнейших записей можно было убедиться, что «Сита» около двенадцати часов назад оставила за

¹ Брисбен — порт, основанный в 1824 году для высадки ссыльных преступников. С 1859 года столица штата Квинсленд.

² Пришвартовать — прикрепить судно к пристани с помощью стальных или пеньковых канатов. Действие обратное — отдать швартовы, или концы.

³ Узел — скорость судна, равная 1 морской миле в час. Морская миля — единица расстояния в море, соответствующая длине 1 минуты земного меридиана. Поскольку эта длина зависит от широты, то морская миля имеет различные значения. В СНГ морская миля принята как средняя длина 1 минуты земной широты и равна 1,852 километра; в США миля равна 1,853 249 километра и составляет 1 минуту некоей условной величины земного сфероида. Протяженность британской морской мили меняется в зависимости от места нахождения корабля, так как равняется 1 минуте местного меридиана, поэтому ее значение колеблется от 1,843 до 1,862 километра.

собой мыс Санди-Кейп на северной оконечности островов Фрейзера, расположенный на расстоянии ста семидесяти миль от Брисбена. Капитан Новицкий сделал нужные расчеты и определил положение яхты на карте. Оказалось, что яхта прошла уже три четверти пути, то есть триста двадцать пять морских миль от Брисбена до Рокгемптона на реке Фицрой. Это был последний порт на Австралийском материке, в котором должна была задержаться «Сита». По расчетам капитана Новицкого, «Сита» придет в Рокгемптон утром следующего дня.

На рассвете почти весь экипаж «Ситы» поднялся на палубу яхты, чтобы в блеске безоблачного дня полюбоваться южной оконечностью Великого Кораллового Рифа, или Барьера, как его называют. С тех пор как в 1770 году англичанин Джеймс Кук¹ прошел через рифы Великого Кораллового Барьера и очутился во внутренних водах материка, барьер этот считался одним из чудес мира. Как раз «Сита» проходила по естественному широкому каналу, левый берег которого был Австралийским материком, а правый состоял из множества островов, разбросанных по Коралловому морю.

Салли Аллан впервые довелось увидеть грозные коралловые рифы Великого Барьера, возбуждающие такой страх у всех моряков. Поэтому она, сгорая от любопытства, подбежала к Томеку, стоявшему у правого фальшборта.

— Томми, как называются эти живописные острова? — спросила она, придерживая за ухо Динго, ласкавшего ее ног. — Далеко ли еще до рифов?

— Это так называемая группа Козерога по-латыни Каприкорн, а мы идем по проливу Каприкорн, моя красавица, — весело ответил Томек, подражая голосу капитана Новицкого. — Ты спрашиваешь, далеко ли до рифов? Вот они, присмотришься-ка хорошенько,

¹ Джеймс Кук — английский мореход, уроженец Йоркшира, один из самых выдающихся путешественников мира. Исследовал северные и южные моря у полюсов и Тихий океан, открыл новые пути для мореплавателей и новые рынки сбыта для английской торговли. Основательно разработанные карты многих морей и океанов, делают Кука основоположником английской картографии. Убит туземцами Гавайских островов за нарушение экипажем ко-рабля Кука местного закона табу.

только не высовывайся слишком далеко за борт, а то еще свалишься в воду.

— Ну и что же,— ответила Салли, пожимая плечами.— Я хорошо плаваю, и кроме того, такой знаменитый путешественник и рыцарь как ты, наверняка спас бы меня!

— Конечно, только вряд ли было бы что спасать... Ты же знаешь, что здешние воды кишат акулами! А ты для них — лакомый кусочек!

— Ты в самом деле считаешь меня лакомым кусочком? — кокетливо спросила Салли, лукаво поглядывая на Томека.

— Гм, если я так сказал...— буркнул Томек, смутившись, и отвернулся.

— Ты сильный, Томек! С тобой и Динго я ничего не боюсь, но, пожалуйста, не смейся надо мной.— По-твоему это риф?! Хотя мне и не приходилось бывать в этих краях, я все же могу отличить живописный островок от опасного барьера, созданного Великим Коралловым Рифом!

— Я вовсе не насмехаюсь,— возразил Томек.— Группа островов Каприкорн — это самая южная оконечность Великого Барьера, который вопреки распространенному мнению вовсе не является сплошной преградой. Значительная его часть состоит из множества мелких рифов, островков и островов и только лишь на севере, на протяжении шестисот миль, рифы стоят сплошной стеной. Впрочем, вскоре ты в этом сама убедишься.

— Честное слово, я думала, что ты подшучиваешь надо мной! — недоверчиво ответила Салли.

— Спроси кого хочешь, если не веришь мне. По дороге из Сибири в Австралию мы все видели Великий Коралловый Барьер, а папа много нам о нем рассказал.

— Значит, меня ввело в заблуждение название «барьер»!

— Дело в том, Салли, что название Великий Коралловый Барьер относится к роду рифов, из которых он состоит. Ты, пожалуй, помнишь из уроков географии, что различают три рода рифов: береговые, то есть прилегающие непосредственно к берегу, барьерные, или находящиеся на некотором расстоянии от береговой линии и отделяемые от нее лагунами и, на-

конец, атоллы, имеющие форму кольца с лагуной внутри. Великий Коралловый Риф относится к роду барьерных рифов.

— Да, да, я теперь вспомнила! Кроме того, рифы бывают подводными и надводными,— воскликнула Салли.

Беседу молодых людей прервала зычная команда капитана Новицкого:

— Эй, вы, там, голубки! Довольно ворковать! Все наверх! Грот и бизань — на гитовы!!

С капитанского мостика то и дело раздавались краткие команды. Весь экипаж, за исключением рулевого и матроса, измерявшего лотом глубину воды, работал на мачтах и реях. На тросы крепили паруса к гикам², гафелям и реям, привязывая их тонким тросом и тщательно выравнивая фалды.

«Сита» шла теперь только лишь на фок-стапселе³ и скорость хода значительно уменьшилась. По приказу капитана Новицкого Смуга и Томек, стоя на носу судна, несли обязанности впередсмотрящих; они выискивали глазами подводные рифы по курсу корабля. Вскоре судно пришвартовалось к пристани в Рокгемптоне, небольшом порту, удобном для малых судов.

Рокгемптон, городок с несколькими десятками тысяч жителей, был в Австралии центром фермерско-молочного производства, поэтому капитан «Ситы» распорядился запастись здесь молочными продуктами, в особенности сырами, без которых не представлял себе хорошего завтрака. Стоянка в Рокгемптоне была короткой. Как только экипаж «Ситы» взял на борт продовольствие и пополнил запас пресной воды, «Сита» отдала концы и направилась на восток к островам пролива Каприкорн. Как опытный моряк, капитан Новицкий намеревался остановиться на ночь у одного из островов, чтобы из-

¹ Грот — главный парус на гротмачте; бизань — кормовой парус, прикрепляемый к ближайшей к корме бизань-мачте. Гитовы — тонкие канаты, которыми крепятся и на которых поднимаются и спускаются паруса.

² Гик — в рангоуте парусных кораблей — нижний брус со свободным концом; к брусу крепится нижняя кромка паруса, верхняя кромка крепится к гафелям.

³ Косой треугольный парус на носу судна.

бежать опасного плавания в темноте среди коралловых рифов.

Курс, назначенный капитаном Новицким, после короткого обсуждения был полностью одобрен его друзьями, мнением которых, как известно, капитан очень дорожил. После ночной стоянки у островов Каприкорн курс корабля вел к восточному краю островных рифов, группа которых носит название Суэйн-рифы¹. Отсюда, выйдя на просторы открытого Кораллового моря, корабль должен был повернуть на север вдоль наружной стены Великого Кораллового Барьера, идя на некотором расстоянии от него. Барьер этот, начиная от тропика Козерога до Новой Гвинеи словно стена защищал восточное побережье Квинсленда.

На первом участке пути капитан Новицкий соблюдал особую осторожность, так как корабль шел здесь по внутренним водам Великого Кораллового Барьера. По курсу корабля здесь находилась южная оконечность рифа, лежащая на расстоянии почти ста миль от берегов Австралии. Только дальше к северу, на траверсе города Боуэн, Большой Коралловый Барьер несколько приближался к материку и в районе мыса Мелвилл подходил к нему почти вплотную, так как расстояние от барьера до берега материка не превышает здесь семи миль. В северной части Большого Кораллового Барьера почти полностью исчезают проходы между рифами, довольно частые на юге, а к северу от мыса Мелвилл, Большой Коралловый Риф встает сплошной, непроходимой стеной, отделяя берега Австралии от открытого моря. Капитан Новицкий не хотел рисковать судном и стремился как можно скорее уйти от опасных рифов, поэтому назначил Рокгемптон последним портом на берегах Австралийского материка на пути в Новую Гвинею, где намеревался остановиться в Порт-Морсби.

Яхта на одном только фок-стапселе медленно приближалась к рифам в проливе Каприкорн. Почти весь экипаж находился наверху. Два человека на носу яхты напряженно высматривали подводные рифы, немедленно сообщая о них капитану, остальные — восхи-

¹ Суэйн-рифы — рифы влюбленного юноши.

щенно глядели на живописный пейзаж страны коралловых полипов¹.

Необыкновенные по красоте виды открылись перед путешественниками при плавании по протоке между Большим Коралловым Барьером и материком, с гористыми в этом месте берегами. Прямо из глубины моря вырастали островки, высотой в несколько десятков метров, окруженные кольцом прибрежных рифов. Склоны их и вершины покрыты тропической растительностью, наполнены суетой и голосами тысяч разнообразных птиц. В изумрудных волнах моря, между живописными островками, дремлют длинные или круглые по очертаниям, таинственные тени, которые на близком расстоянии превращаются в обманчивые отмели из камней, отливающих всеми оттенка-

¹ Коралловые полипы (Anthozoa) — класс беспозвоночных животных типа кишечнополостных. Принадлежат к числу колониальных (то есть живущих колониями), но есть и одиночные виды. Полип обычно цилиндрической формы, срастивается основанием с другими полипами или (у одиночек) прикрепляется к донным отложениям. На свободном конце тела полипа находится ротовое отверстие, окруженное щупальцами. Глоточная трубка снабжена бороздками, реснички которых гонят по трубке заглатываемую воду. Токи воды необходимы для питания и дыхания. В кишечной полости имеются перегородки, расположенные по шести или восьми лучевым направлениям. Большинство полипов обладает мощным известняковым скелетом. Наиболее известный представитель коралловых полипов, красный коралл (*Corallium rubrum*), скелет которого идет на разные поделки. Красные кораллы обитают, в основном, в Средиземном море.

Не все коралловые полипы обладают скелетом. Например, крупнейшие полипы, актинии, красочные, красивые животные подводных глубин, достигающие 1 метра в диаметре, прирастают к подводным скалам одной ногой, которая часто служит им также средством передвижения. Некоторые виды актиний, такие как: *Adamsia* и *Sargatia* живут в симбиозе с раками отшельниками. Среди коралловых полипов, обладающих скелетом, очень важную группу составляют мадрепоровые кораллы (*Madreporalia*). Они отличаются от актиний сильно развитым скелетом. Колонии кораллов образуются размножением отдельных особей, происходящим путем отпочкования и деления. Срошенные скелеты полипов образуют обширные коралловые рифы. Живут коралловые полипы в тропических морях и не выходят севернее 38 параллели в северном полушарии и южнее той же широты — в южном. Для их размножения нужна чистая, лишенная взвешенных частиц вода, температура которой не падает ниже 20,5 °С с достаточным количеством извести. Живут коралловые полипы на глубине 20—30 м.

ми голубого, опалового и зеленого цветов. Это не что иное, как подводные коралловые рифы. Некоторые из них, показывающиеся из воды во время отлива, по форме напоминают извилины головного мозга¹, а другие, пористые, отличаются отверстиями в стенках, ведущими к разветвленным канальчикам, устланым живыми полипами самых фантастических расцветок. Среди великолепных по красоте коралловых подводных рифов носились в воде стаи столь же красочных рыб, плавали медузы, морские ежи, моллюски и другие животные южных морей. Чудесный подводный мир напоминал сказочные леса или мифические райские сады.

Незабываемые по красоте виды, по-разному воспринимались членами экипажа «Ситы». Молодежь восхищалась таинственной красотой подводного мира, ученые — Вильмовский и Бентли — изумлялись богатству и разнообразию жизни в южных морях, а капитан Новицкий мрачно устремлял взгляд в опасные для моряков подводные рифы.

— Прямо-таки трудно поверить, что ничтожные по размерам коралловые полипы способны образовать столь мощные скалы,— говорила Салли, заглядывая через борт судна.

— Дело в том, моя милая, что хотя коралловые полипы животные скромные, они сыграли громадную роль в истории геологии,— заметил Бентли.— Остатки их скелетов находятся в виде окаменелостей в отложениях почти всех геологических эпох. Еще около четырехсот миллионов лет назад коралловые полипы образовали крупные рифы на дне тогдашних морей. Эти древние рифы теперь обнаружены во многих местах восточной Австралии и Тасмании, убедительно свидетельствуя о том, что некогда там были древние моря.

— Это и в самом деле удивительно, в особенности если сравнить малый размер животных с образованными ими прочными и мощными отложениями,— сказала Наташа.

— Если уж быть абсолютно точным, то надо сказать, что коралловые рифы образуются также благодаря мшанкам и известняковым водорослям,— уточнил Вильмовский.

¹ *Diploria cerebriformis*.

— Кончайте-ка ваши восторги, дорогие друзья! Неужели вы забыли, сколько превосходных судов пошло на дно из-за этих дьявольских рифов? — возмутился капитан Новицкий. — Своей болтовней вы готовы накликать на нас беду!

После слов суеверного капитана, громкая беседа сразу же притихла. Выражение лица капитана не сулило экипажу ничего хорошего. Ведь капитан, чтобы прервать лишние, по его мнению, восторги, способен заставить членов экипажа еще раз швабрить палубу. Один только Динго не обращал внимания на плохое настроение капитана. Опершись передними лапами о планшир фальшборта, он внимательно следил за полетом птиц над живописными островками.

* * *

Погруженный в глубокий сон, Томек повернулся на койке, переменив положение тела. Чуткий Динго сразу же подхватился со своего места. Он тихо заскулил, но это не разбудило хозяина, и Динго коснулся его лица шершавым, влажным языком. Томек улыбнулся сквозь сон. Ему как раз снилось, что Салли, в благодарность за подаренное великолепное перо райской птицы, поцеловала его в щеку. Потеряв терпение, Динго крепче лизнул хозяина. Молодой человек проснулся, открыл глаза и увидел рядом морду своего любимца.

«Ах, это ты!..» — разочарованно буркнул Томек и окончательно пришел в себя, убедившись, что в каюте совсем светло.

«В чем дело? — удивленно подумал Томек. — Мы должны были сняться с якоря на рассвете, а на судне до сих пор тихо и не чувствуется движения?»

Томек выглянул в иллюминатор. Увидев светлую голубизну неба, встревожился еще больше. Почему «Сита» до сих пор у причала? Капитан Новицкий отличался пунктуальностью и на яхте строго придерживался раз заведенного порядка. Томек бросил взгляд на койку Джемса Бальмора, своего сожителя по каюте. Его койка была застлана так, будто он и не ложился вовсе. Томек вспомнил, что Джемс с двенадцати ночи до четырех утра должен был стоять на вахте. По-видимому, Джемс заснул и не разбудил смену.

«Не хотел бы я быть в его шкуре»,— буркнул Томек и одним прыжком вскочил с койки.

Быстро одевшись, Томек в сопровождении Динго выбежал в коридор. Минуту спустя очутился на палубе. Осмотрелся вокруг и необъяснимая тревога охватила его. Услышал тихий лай своего друга, Динго. Собака стояла у левого борта, рядом с лежавшей там одеждой. Томек подбежал к Динго и сразу же узнал зеленую курточку Джемса. Насупил брови. Томек не любил хладнокровного и немного спесивого англичанина.

Тихо скуля, Динго внезапно оперся передними лапами о поручни фальшборта, словно пытался заглянуть за борт.

«Видимо, Джемс хотел искупаться и полез в воду...» — подумал Томек. С тревогой в сердце он выглянул наружу. На расстоянии каких-нибудь двухсот метров от яхты зеленели берега небольшого кораллового островка. Там, на песчаном пляже у самого обреза воды Джемс Бальмор занимался утренней зарядкой.

В первое мгновение Томек хотел было направиться в каюту капитана. Кроме Новицкого, там ночевали Смуга и старший Вильмовский. Достаточно было их разбудить, чтобы Джемс получил от них изрядную головомойку за самовольную отлучку. Однако прежде чем он дошел до двери каюты им овладело чувство стыда. Несмотря на неприязнь, которую чувствовал Томек по отношению к Бальмору, он не хотел быть ябедником. Вернулся обратно к борту судна. Стал подавать Джемсу знаки. Вскоре англичанин заметил его усилия. Махнул в ответ рукой и прыгнул в воду, намереваясь вплавь добраться до яхты.

В этот момент за спиной Томека послышался зердитый голос капитана Новицкого:

— Сто дохлых китов в зубы! Почему вахтенный не просигналил подъем?! Мы уже полчаса назад должны были сняться с якоря! Вахтенный, ко мне!

Прежде чем Томек успел что-нибудь сказать, на палубе появился Смуга.

— Где Бальмор? — спросил он.— Бальмор держал ночную вахту!

— Знаю! Сейчас я ему покажу кузькину мать,— с гневом ответил капитан.— Алло, а чья это одежда? Кого там за бортом высматривает Динго?!

— Не сердитесь, капитан,— примирительно сказал

Томек.— Джемс Бальмор уже плывет к яхте... Если бы вы не проснулись так рано...

Тем временем Динго упорно пытался взобраться на фальшборт и тихо скулил.

— Что? Купаться ему захотелось во время вахты?! Честное слово, посажу его в карцер на хлеб и воду,— пенился капитан.

— Тихо, вы оба! Смотрите! — вдруг воскликнул Смуга, изменившимся от волнения голосом.

Перегнувшись через борт, он вглядывался в спокойную глубину моря. Лицо у Смуги побледнело. Заинтересованные возгласом Смуги, капитан Новицкий и Томек подбежали к нему. Смуга молча протянул руку вперед. Друзья посмотрели по направлению его руки и замерли от ужаса. На некотором расстоянии от яхты, на небольшой глубине медленно двигалась серовато-голубая грозная тень, похожая сверху на вытянутое веретено. Форма головы, приплюснутая и выдвинутая вперед, словно длинный клюв, треугольные плавники на спине, из которых передний был больше заднего, и крупные, широкие серповидные грудные плавники, позволяли сразу же определить опасную, хищную акулу¹.

Капитан Новицкий первый подумал о необходимости помочь беззаботно плывшему Джемсу Бальмору. Не говоря ни слова, капитан бросился в каюту и вернулся оттуда с заряженной винтовкой.

Увидев в руках капитана оружие, Смуга побледнел еще сильнее и тихо сказал:

— Ты с ума сошел?! Не стреляй, если хочешь сохранить парню жизнь! Он не должен знать, что ему грозит опасность!

— Надо предупредить Джемса, он еще не заметил акулы! — взволнованно возразил Томек.

¹ Акулы — рыбы семейства пластиножаберных. Среди них есть хищные виды, нападающие иногда на людей (*Carcharodon carcharias*), обитающие в тропических морях, к счастью, не в очень большом количестве. Некоторые виды акул достигают длины до 10—12 м. Акула-людоед, вопреки названию, на человека нападает редко. Ее часто сопровождает рыба-лоцман, причем на себе акула носит рыбу-прилипалу. Однако при встрече эта акула довольно опасна. Скелет у акул имеет хрящевое строение. Число видов акул пока еще полностью не установлено. Некоторые ученые, например, Ф.Д. Вуд, насчитывают до 400 видов акул.

— Молчите и ведите себя спокойно, будто ничего не случилось,— настойчиво потребовал Смуга.— Спасти жизнь в таком положении может только человек, который не сознает грозящей ему опасности. Если Джемс увидит акулу, то испугается и начнет плыть изо всех сил. Станет производить резкие движения, которые, как мне приходилось слышать, только способны привлечь внимание акулы.

— Так что же, будем смотреть на трагедию пассивно?! — с дрожью в голосе спросил Томек.

— В данном случае с одного выстрела акулу не убьешь, а раненая акула будет еще опаснее, чем теперь. Если она не голодна — не нападет. Здесь много рыбы...

— Если бы у Бальмора был нож, он мог бы защищаться,— понуро сказал капитан Новицкий.

— Никто не сможет подплыть к акуле так близко, чтобы левой рукой схватить за нижний грудной плавник, а правой разрезать ей брюхо. Да и самое лучшее лезвие ножа не пробьет твердой шкуры акулы,— ответил Смуга.

Они умолкли, а тем временем Бальмор, совершенно не подозревая о грозящей ему опасности, спокойными взмахами рук рассекал воду и постепенно приближался к судну. До борта яхты оставалось не больше сорока метров. Акула двигалась вслед за юношей. Она делала широкие круги, постепенно уменьшая расстояние, отделявшее ее от легкомысленного пловца.

— Смотрите, смотрите! Вон налево! Вторая акула...— в ужасе прошептал Томек.

— Вижу...— тихо сказал Смуга.

— Теперь Джемсу не уйти...— мрачно буркнул капитан.

На лицах друзей, в бессилии стоявших у борта судна, показались капли пота. В отчаянии они следили за поведением пловца и за движениями его загорелых рук. Две морские бестии приближались к нему.

Пораженному ужасом Томеку показалось, что прошла целая вечность, пока Джемс Бальмор схватился за нижнюю перекладину веревочного трапа, свисавшего с левого борта яхты. Но вот он уже показался из воды и быстро стал взбираться вверх. Только теперь Джемс смог взглянуть на лица поджидавших его на

палубе друзей. Он чрезвычайно удивился их необыкновенному виду. Динго, оскалив зубы, зловеще ворчал, поглядывая вниз через фальшборт. Бальмор машинально тоже взглянул вниз. У трапа в воде виднелись два мощных тела хищных акул-людоедов. Джемс замер, будто пораженный молнией. Он сразу понял, в чем дело. Побледнел как полотно, зашатался на ступеньках трапа и вдруг обессиленно опустил голову на грудь. Чуть не потерял равновесие... К счастью, Смуга быстро подхватил его под мышки. Томек тоже поспешил на помощь. Общими силами они вытянули Бальмора на палубу.

Подобно большинству моряков, капитан Новицкий ненавидел акул. Поэтому, как только Бальмор очутился на палубе, капитан молниеносно подхватил винтовку и выстрелил вниз. Звук выстрела сухо раздался в утренней тишине. Одна из медленно пливших акул резко свилась, как пружина, и сильно ударила хвостом в обшивку судна. Новицкий выстрелил еще раз. Серовато-стальные бестии скрылись в морской глубине.

Выстрел всполошил остальных членов экипажа и они выбежали на палубу. Конечно, прежде всего пришлось заняться потерявшим сознание Бальмором, который не давал признаков жизни. Только после того, как Наташа подсунула ему под нос бутылочку с нашатырным спиртом, Джемс глубоко вздохнул и открыл глаза. Испуг, бивший из его глаз, несколько остудил гнев капитана, который забыл о карцере и только резко сказал:

— Послушай-ка, молодой человек! По своей глупости ты чуть-чуть не попал на завтрак чертовым акулам. Если на этом судне ты еще раз сделаешь что-нибудь без моего приказа, я высажу тебя на берег и мы с тобой распрощаемся навсегда.

— Не было запрещения купаться, а об акулах я забыл,— смущенно оправдывался Джемс.

— Поблагодари Смугу, это он спас тебя от верной смерти,— сказал Томек.— Мы хотели предупредить тебя об акулах, когда ты плыл. Если бы мы это сделали, ты бы погиб. Ну и нагнал ты нам страху!

— Всех акул надо истребить,— заметил Збышек, который все еще оставался под впечатлением неприятного приключения Джемса.

— Это слишком поспешный вывод и непродуманное предложение, — ответил Бентли. — Достойна наказания только легкомысленность Джемса Бальмора. Вопреки общему мнению, не все виды акул опасны для человека. Крупнейшие из них, например, гигантская акула и подстать ей сельдевая питаются только планктоном и мелкой рыбой. Кроме того, с некоторой точки зрения акулы полезны, так как пожирают падаль и тем очищают моря¹.

— Правильное замечание. Особенно надо опасаться тигровой акулы и небольшой по размерам барракуды, — добавил Вильмовский. — Нынешний случай с Джемсом свидетельствует о том, что даже акула-людоед не всегда нападает на человека.

VI

ПИРАТЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Джемс Бальмор был удручен выговором, полученным от капитана. Правда, все избегали разговоров с ним на эту тему, но, несмотря на это, Джемс стыдился своего легкомыслия и старался не вмешиваться в разговоры. Он тщательно выполнял все приказания, усердствовал на палубных работах, но в свободное время уединялся в каком-нибудь уголке и хмурым взглядом следил за Томеком. Конечно, он не мог винить Томека ни в чем. Ведь Томек повел себя по-товарищески и даже получил за это нагоняй от капитана Новицкого. Но этот нагоняй еще больше подчеркнул благородство Томека, которому Бальмор втайне давно завидовал.

«Томек, вероятно, не упал бы в обморок, увидев акулу-людоеда», — с горечью думал Джемс.

А ведь он так хотел понравиться Салли! Разве она теперь не может посчитать его трусом? Повесив нос, Джемс не обращал внимания на виды, простиравшиеся с палубы яхты. Он не слышал восторгов остальных членов экипажа.

Между наружной стеной рифов, к которой подхо-

¹ Мясо некоторых видов акул съедобно, причем высушенные плавники считаются лакомством китайской кухни; из печени некоторых видов акул получают рыбий жир.

дила яхта, и зоной коралловых островков в глубине моря часто можно было видеть покрытое песком дно, усеянное живыми разноцветными кораллами. Около полудня на горизонте показалась группа островов Суэйн-риф, тянувшаяся по курсу яхты на расстоянии свыше 50 миль. Между островками вился истый лабиринт проток. Географические условия весьма своеобразно отразились на пейзаже островов. С наветренной стороны их берега покрыты чистым песком, с подветренной — густыми мангровыми лесами, сквозь которые не может пробиться даже довольно сильный морской бриз. Поэтому в воздухе чувствовались запахи болотных испарений и гниющей растительности. Фауна тоже соответствовала особенностям болотистой местности. В глубокой воде плавали рыбы, а по дну, среди подвижных моллюсков и ползающих крабов, копошились стаи различного вида мелких червей и других безногих существ.

Капитан Новицкий опасался риска, связанного с плаванием в коварном лабиринте протоков между островками. «Сита» шла, обходя острова широкой дугой с юга на север, направляясь в открытое море и оставляя группу Суэйн-рифов с левой стороны. Вверху над судном носились неисчислимы стаи различных птиц.

Молодежь не спешила уходить в каюты. Томек внимательно изучал взглядом низкие песчаные берега островов. В поле зрения бинокля ему несколько раз попадались борозды, прорытые в песке, тянувшиеся прямо из моря к дюнам, поросшим кустарником. Была пора кладки яиц черепахами. Поэтому, по мнению Томека, борозды в песке проложены самками зеленой черепахи¹, ежегодно выходившими на сушу, чтобы отложить яйца. Зеленые черепахи принадлежали к морскому виду этих земноводных и по строению тела значительно отличались от своих родственников речных и болотных черепах. Передние лапы зеленых черепах почти ничем не отличаются от рыбьих плавников, пальцы задних лап — перепончатые. Ничего удивительного, что черепахи чувствуют себя лучше в воде, чем на суше, и только самки в определенное время выходят на сушу, чтобы закопать в песок яйца.

К вечеру яхта обошла южный и восточный край

¹ Зеленые черепахи (*Chelonia mydas*).

Суэйн-рифов. Капитан Новицкий изменил курс на северо-восточный и облегченно вздохнул. Минуту назад он вернулся с кормы корабля, где измерил лагом скорость хода корабля¹. Скорость «Ситы» составляла примерно восемь узлов. Яхта оказалась в зоне благоприятного, северо-западного течения. Таким образом, при попутном ветре яхта уже через шесть суток должна бросить якорь в бухте Порт-Морсби.

К северу от Суэйн-рифов, вдоль всего материка, тянулась главная, внешняя часть Большого Барьерного Рифа, стоявшего на краю выдвинутого в море шельфа, который в этом месте круто падал вниз в глубину океана.

Чем дальше к северу уходила «Сита», тем реже встречались на ее пути проходы, по которым суда могли бы подойти к материку. В этом месте Большой Коралловый Барьер оставлял впечатление сплошной стены, построенной между открытым морем и тропической лагуной. На внутренних водах этого естественного коварного канала в изобилии встречались неисчислимы подводные и наводные рифы и островки, кишевшие различными животными и рыбами. С наружной стороны Коралловый Барьер погружен в воду, показывается из нее только во время отлива и почти полностью лишен жизни. На протяжении многих миль, в волнах стоит гладкая, твердая, блестящая стена. Мощные морские валы перекатываются через нее во время прилива, растут и усиливаются до невиданных размеров во время тропических бурь, и тараном бьют в гладко отполированную стену Барьера, но тот стоит неприступно, чрезвычайно медленно поддаваясь силам водной эрозии. Здесь идет неустанная борьба между постоянно растущей коралловой стеной и мощными разрушительными силами природы.

¹ Простейший лаг — навигационный прибор для измерения скорости корабля, применявшийся на парусных судах, состоял из троса (лаглиня) с метками на нем (узлы) и поплавком на конце. Поплавок оставался неподвижным по отношению к воде. Число выбежавших за полминуты узлов соответствует числу проходимых судном морских миль в час. Более совершенный механический лаг снабжен ротором с винтообразными лопастями. Скорость судна измеряется числом оборотов винта. Гидростатический лаг определяет скорость хода корабля по разности уровней двух сообщающихся между собой стеклянных трубок.

Томек и его друзья проводили на палубе яхты все свободное время. Уникальное на Земном шаре создание мельчайших полипов — Великий Коралловый Барьер, магнитом притягивал их внимание.

Бентли не скупился на пояснения. По его мнению, удары морских волн не так угрожали кораллам, как губительные для их жизни потоки пресной воды, сопутствующие тропическим ливням во время тайфунов и циклонов¹. Пресная вода, устремляясь с берегов материка по бесчисленным рекам и ручьям, попадает в канал между материком и Коралловым Барьером, от чего коралловые полипы погибают. Бентли утверждал также, что малодоступная наружная часть Барьера чрезвычайно интересна. Правда, наружная сторона, показывающаяся из воды во время отливов, совершенно бесплодна и лишена признаков жизни на ней, но часть, круто спускающаяся вниз, на глубине нескольких метров от уровня океана кишит неисчислимым множеством морских созданий. Однако об их жизни почти ничего не известно, так как доступ к рифам со стороны открытого моря чрезвычайно труден и опасен, даже в самую тихую погоду.

Тем временем «Сита» бойко шла на север. Уже давно остался позади проход, известный под названием прохода Флиндерса, по которому можно пройти к городу Боуэн; дальше к северу яхта миновала проход Магнетик-пассаж, потом — проходы Графтон, Крузер, Ларк и вблизи небольшой группы островов Оспри-риф, стала, наконец, отходить от коварного Барьера.

С этого момента Томек большую часть дня стал проводить в навигационной рубке, чтобы вести корабельный журнал и записывать туда все события, случившиеся во время плавания. Кроме результатов на-

¹ Циклон — от греческого «киклес», то есть кружиться, вращаться — мощное круговое движение воздуха, в котором давление уменьшается к центру; тропические циклоны сравнительно небольшого размера по захватываемой площади возникают между 10 и 15 градусами северной и южной широты. Циклоны часто сопровождаются ветрами ураганной силы, бурями и ливнями. Тайфун — китайское название циклона. Вблизи западных берегов Австралии циклоны носят название «вилли-вилли».

вигационных наблюдений и расчетов, а также распоряжений и приказаний по кораблю, в журнале отмечались все встреченные на пути суда, пройденные острова, мысы, маяки, приметные точки на побережье, причем Томек, будучи прекрасным географом, давал в журнале интересные сведения по географии пройденных мест. Капитан Новицкий с интересом читал поучительные замечания своего любимца, а поскольку сам «не любил марать бумагу», приказал Томеку вести журнал даже во время своей вахты. Томек не жаловался на дополнительную работу; часто он разнообразил монотонную вахту, определяя положение яхты на карте морских корабельных путей, которая со стороны походила на негатив географической карты с морями, усеянными таинственными знаками и материками, представленными в виде белых пятен.

Как раз кончалась вахта Томека. Он уже определил положение судна, нанес его на карту и сделал соответствующую запись в журнале. За истекший час скорость яхты значительно снизилась. Несмотря на это, Томек отправился на капитанский мостик в прекрасном настроении. До Порт-Морсби оставалось не больше полутора суток пути. Оттуда должно было начаться сухопутное путешествие в глубину таинственного острова.

Томек остановился у борта. «Сита» медленно шла по глади открытого моря. Большие паруса висели на реях почти неподвижно. Ничего странного в этом не было. В тропиках бывают полосы затишья, где воздушные течения почти неощутимы. Жара усиливалась.

«Хорошо бы немного дождя для прохлады», — подумал Томек. С удовольствием отметил, что небо на северо-восточном горизонте как бы несколько потемнело. Томек знал, что в зоне затишья в вечерние или предвечерние часы почти ежедневно проходят дожди.

В это время на палубе показался Збышек Карский. По трапу он поднялся на капитанский мостик. Остановился рядом с Томеком.

— Твой отец прав, утверждая, что путешествия многому учат, — сказал он, обмахиваясь носовым платком, как веером. — Во время уроков географии я

не раз задумывался, почему самый большой океан Земного шара назван Тихим. Мне казалось, что огромные водные пространства чрезвычайно опасны. Мне ведь приходилось столько читать о грозных тайфунах и циклонах. А на самом деле действительность развеяла опасения. Огромный Тихий океан и в самом деле ведет себя тихо и совсем не страшен.

Томек улыбнулся и весело ответил:

— Только не говори так при капитане Новицком! Ты помнишь, как он возмущался нашими восторгами по поводу красоты коралловых рифов? Я, конечно, не так суеверен, как он, но в море не чувствую себя уверенно. Эти воды назвал Тихим океаном Фердинанд Магеллан¹, который за три месяца своего путешествия через весь океан ни разу не переживал бури. В зоне пассатов такие периоды затишья бывают часто. Но мне уже приходилось переживать циклон в открытом море.

— Ты мне никогда об этом не говорил! Когда это было? — с любопытством спросил Збышек.

— Это было мое первое боевое крещение во время путешествия в Австралию. Я тогда здорово перепугался.

— Разве циклон возник неожиданно и захватил вас врасплох?

— События происходили довольно быстро, — ответил Томек. — Сначала на горизонте появилась небольшая, черная как смола, тучка. В воздухе царила необыкновенная тишина. Только короткая волна стала будоражить поверхность моря. Вскоре небо покрылось темными тучами. Упали первые капли дождя, потом начался ужасный ливень. Ветер подул со страшной силой. Корабль, взлетая на водяные горы и падая вниз в морскую пучину, трещал по всем швам, словно вот-вот готов был развалиться.

¹ Фердинанд Магеллан (1480—1521) — португальский мореплаватель на испанской службе; совершил много путешествий и в частности, руководил первой в мире кругосветной экспедицией. Первооткрыватель опасного для мореплавателей Магелланова пролива, отделяющего Огненную Землю от Южно-Американского материка. Был одним из выдающихся путешественников эпохи великих открытий. Погиб на Филиппинских островах в битве с туземцами, которых он хотел насильно обратить в христианскую веру.

— Томек, посмотри-ка на горизонт! — вдруг перебил его встревоженный Збышек.— Небо почернело совсем так, как ты рассказывал только что!

Томек стал пристально всматриваться в небо на северо-востоке. Темноватая полоска на горизонте, на которую он уже обратил внимание раньше, теперь сильно почернела. Томек насупил брови и побежал в навигационную рубку. Вскоре он снова показался на палубе.

— Беги, зови капитана! Давление резко упало! — воскликнул он.

Не прошло и двух минут, как на капитанский мостик поднялся Новицкий. Видимо, его внезапно разбудили от послеобеденного сна, потому что он на ходу застегивал пуговицы кителя.

— Барометр падает, капитан,— докладывал взволнованный Томек.— Посмотрите, пожалуйста, на норд-ост!

Новицкий посмотрел на небо, потом отправился в навигационную рубку. Томек шел за ним следом. Старый морской волк взглянул на барометр и сразу же склонился над картой.

— Это что? Приближается циклон, да? — тревожно спросил Томек.

— Как пить дать. Можешь быть уверен,— ответил капитан.— Кто сейчас у руля?

— Джемс Бальмор...

— Пусть его сменит Рамасан,— приказал Новицкий.— Командуй всех наверх! Надо сменить паруса. Прежде чем циклон дунет на нас, на мачтах должны быть штормовые паруса¹, понятно?! Я тем временем посмотрю в бинокль. Здесь где-то неподалеку находятся коралловые острова. Хорошо бы спрятаться в какой-нибудь тихой лагуне.

Томек выбежал из рубки. В предвечерней тишине раздались острые звуки свистка. Весь экипаж немедленно выбежал наверх. Новицкий довольно улыбнулся, услышав первые команды Томека.

«Молодец, паренек! — подумал капитан.— Придет время — назначу его своим заместителем...»

¹ Штормовые паруса меньше по площади, чем ходовые, и делают их из очень толстого брезента, укрепленного веревками.

Вооружившись огромным морским биноклем, капитан вышел на мостик. Он долго изучал горизонт; потом нагнулся к отверстию рупора, намереваясь предупредить рулевого об ожидающих судно маневрах и заодно проверить его готовность.

— Алло, у руля! — крикнул он в рупор.

— Есть, сагиб капитан, рулевой слушает¹, — был ответ.

Довольный ответом, Новицкий улыбнулся, он знал Рамасана как образцового матроса. На него можно положиться во всем.

— Быть наготове! — приказал капитан. — Три оборота влево!

— Есть, быть наготове, сагиб капитан! Три оборота влево, — как эхо, ответил Рамасан.

Новицкий опять приложил бинокль к глазам. На палубе все еще слышались пронзительные свистки команд. Экипаж работал напряженно, потому что порывы ветра уже вздымали безмятежную прежде гладь океана.

Не прошло и часа, как главные штормовые паруса захлопали на мачтах. Капитан ежеминутно давал команды по акустическому телефону. Управляемая опытной рукой яхта, смело разрезала короткие, словно сердитые волны.

Офицеры, включая Бентли, поднялись на капитанский мостик. Приложив бинокль к глазам, Новицкий пытался что-то высмотреть на западной стороне.

— Томек говорил, что ты намерен переждать циклон в укромной лагуне, — сказал Смуга. — Что-нибудь уже видно на горизонте?

— В этом районе, судя по карте, должны быть коралловые острова, где в случае нужды можно спрятаться и переждать бурю, — ответил Новицкий.

— Пока что я ничего не заметил, — вмешался Томек.

— Не печалься, браток, волна сейчас высокая и трудно с расстояния заметить островок, только чуть-

¹ Рулевая рубка — помещение рулевого, где находятся приборы управления кораблем. Как правило, находится в месте, удобном для обзора моря впереди судна. С капитанским мостиком обычно соединена акустическим телефоном.

чуть возвышающийся над водой,— утешил Томека капитан.— Как только его, наконец, заметим, свернем паруса за несколько минут.

Воцарилось довольно долгое молчание. Черные тучи на западе огромным полукругом покрывали небо. Порывистый ветер — авангард циклона — ударял в паруса «Ситы», все время ускоряя ее ход.

— Не лучше ли совсем свернуть паруса? — наивно спросил смущенный Бентли.— Ведь циклон может нас догнать прежде, чем найдем какую-либо пристань, и тогда порывы урагана могут перевернуть яхту вверх килем.

— Без парусов яхта потеряет управление и мы, как пить дать, разобьемся вдребезги на первом рифе. Разве вы не видите, что циклон несется с востока на запад, то есть прямо на Великий Коралловый Барьер? Сразу видно, что вы не очень сведущий человек в морских делах! — ответил Новицкий.

— Капитан, капитан, посмотрите! Какой-то корабль на курсе! — воскликнул Томек.

— Корабль, говоришь? — ответил Новицкий.— А ну-ка, взгляни на него в бинокль!

— Может быть, это военная эскадра бросила якоря в лагуне? — быстро говорил Томек.— Вижу целый лес мачт...

Он умолк, приложив бинокль к глазам, потому что вскоре маячившие в поле зрения мачты превратились в великолепный тропический лес, выроставший, казалось, прямо из океана.

— Остров! — обрадованно воскликнул Томек.

— Атолл, браток, атолл и лагуна, где мы сможем спокойно переждать бурю,— добавил Новицкий.— Я давно уже невооруженным глазом заметил на горизонте этот спасательный круг за бортом!

Капитан очень удачно сравнил коралловый остров со спасательным кругом. Коралловые острова, как правило, возникают там, где вершина подводного вулкана не достигла поверхности океана во время извержения. На вершине погасшего вулкана селились мириады мелких морских животных с известковым скелетом, то есть красные водоросли и глубинные коралловые полипы. Они отмирали, но на их скелетах

селились новые поколения. Таким образом, вокруг кратера погасшего вулкана постепенно нарастал круг белой известковой скалы. Когда подводное сооружение приближалось к поверхности океана, водоросли продолжали занимать наружный, подводный край скалы, а на месте глубинных кораллов стали появляться настоящие рифообразующие коралловые полипы, живущие сплошными колониями на совместном основании. Как известно, их существование обусловлено непосредственной связью с водами открытого океана, очень солеными и находящимися в непрерывном движении. Поэтому из глубин океана появлялось только кольцо известняковых пород, обрамляющее кратер бывшего вулкана. В океане образуется кольцеобразный островок со стоячим озером в центре. Позже волны и ветер наносят на берега нового острова семена различных растений; белое кольцо атолла становится зеленым. Со временем на нем появляется веер из стройных и гибких кокосовых пальм.

Однако в этот опасный момент никто не обратил внимания на образное сравнение капитана. С мостика раздалась новая команда, которые экипаж бросился немедленно исполнять. Вильмовский, сидя в корзине на носу яхты, измерял лотом¹ глубину океана, остальные сворачивали паруса или дежурили у кабестана², готовясь бросить якорь, как только яхта окажется на водах лагуны. Капитан Новицкий искусно направлял судно прямо в проход, видневшийся в конце атолла. Ширина прохода была вполне достаточна для «Ситы». Несмотря на это, из-за сильного волнения и прибоя яхту ожидал очень опасный маневр. Поэтому все члены экипажа старались молниеносно выполнять все команды и напряженно следили за приближающимся берегом.

¹ Лот — в данном случае ручной. Навигационный прибор для измерения глубины воды по ходу судна. Ручной лот состоит из размеченного лотлиния с лот-гирей на конце, вьюшки для наматывания лотлиния и лотлинь-блока, для облегчения подъема лот-гири. Стоя на носу судна, матрос забрасывает лот-гирю с наветренного борта и по мерке на лотлине делает отсчет глубины.

² Кабестан — лебедка с вертикальным барабаном. Применяется на причалах и для подъема якоря на судне.

Издали представлялось, что атолл весь покрыт буйной тропической зеленью, но вблизи оказалось совсем не так. Вся растительность острова состояла из кокосовых пальм и редкого кустарника. Человеческого жилья нигде не было видно.

«Сита» благополучно пророснула через проход в кольцо атолла. Якорь, брошенный моментально, осадил ее на месте. Качка прекратилась почти совсем, так как пальмы прикрывали лагуну от порывов ветра, а узкая полоса суши защищала ее от волн.

Только теперь капитан Новицкий получил возможность свободно вздохнуть. Черные тучи покрыли уже почти все небо. Несмотря на полуденную пору, над островком царил сумрак. Северо-восточный горизонт, казалось, приблизился, потому что черные, тяжелые тучи спустились низко и словно соединились с поверхностью воды. Что это значит, капитан Новицкий знал превосходно. Циклон нес с собой мощный ливень, во время которого казалось целые потоки воды льются с небес. К счастью, яхта находилась уже вне опасности.

В этот момент на палубе «Ситы» послышались крики.

— Корабль, второй корабль! — кричали матросы.

Вильмовский, Смуга, Томек, а вслед за ними и остальные поспешили на капитанский мостик.

— Мы здесь не одни. На противоположной стороне лагуны стоит какое-то судно, — сказал Вильмовский.

— Двухмачтовое, — добавил Томек.

— Вероятно, спряталось здесь от бури, так же, как и мы, — догадалась Салли.

Недовольный собой, капитан Новицкий поднес к глазам бинокль. Он не мог себе простить, что не заметил судна, стоявшего на якоре почти рядом. Зато теперь он внимательно изучал в бинокль соседа, осмотрел мачты, обследовал палубу.

— Странно! — сказал капитан, опуская бинокль. — На мачте нет флага, на борту никого не видно!

— Ты не смог прочесть название судна? — спросил Смуга.

— Нет, на носу надписи нет, — ответил Новицкий.

— Может быть, на этом судне что-нибудь случилось? — вмешался Збышек Карский.— Я читал о судне, экипаж которого погиб от заразы из-за отсутствия помощи.

— Сказки, молодой человек, ведь в таком случае они бы подняли желтый флаг,— в сомнении сказал капитан Новицкий.

— А может быть, это судно оставлено своим экипажем? — высказала предположение Наташа.

— Без экипажа корабль сам в лагуну бы не вошел и не стал бы на якорь,— заметил Смуга.— Кроме того, кто бы отважился поселиться на необитаемом, бесплодном острове?

— Ваша правда, сто дохлых китов черту в зубы! — выругался капитан.— Где корабль, там должны быть и люди! — Новицкий посмотрел в бинокль.— Томек, подай сигнал ракетой! Скорее, а то того и гляди циклон начнет свой дьявольский танец!

Вскоре с палубы «Ситы» понеслась вверх белая светящаяся полоса — след траектории ракеты, выпущенной Томеком. Ракета прочертила в небе широкую дугу. Все внимательно наблюдали за судном, лишенным признаков жизни. На сигнал ракетой — ответа не было.

— Что там могло произойти? Мне кажется это очень загадочным,— изумился Новицкий.— Выглядит так, будто на судне и в самом деле живого духа нет!

Несколько минут капитан в молчании смотрел на корабль, потом рассмотрел в бинокль окрестный берег.

— Дай-ка мне бинокль, капитан,— попросил Смуга.

— Черт возьми, это какое-то таинственное судно,— сказал Новицкий, вручая Смуге бинокль.— Сдается мне, что нос недавно покрашен. Не нравится мне это дело...

— Видимо, случилось что-то необычайное,— подтвердил Вильмовский.— Возможно, им нужна помощь...

Солидарность моряков перед лицом грозящей кому-либо опасности сразу же призвала капитана к действию.

— Мне нужны три добровольца,— обратился Новицкий к членам экипажа.

Все мужчины сразу же подняли руки, выражая охоту подчиниться всем требованиям капитана.

— Это дело касается меня как руководителя экспедиции, поэтому я отправлюсь на чужое судно,— заявил Смуга.

— Извините, пожалуйста! Это на суше вы руководитель, на «Сите» я капитан и я решаю,— возразил Новицкий.

— Прекрасно, если так, то прошу считать меня добровольцем,— ответил Смуга.

— У меня есть основания для выбора кого-нибудь другого,— решительно заявил Новицкий.— Вы, по-видимому, будете больше необходимы здесь.

Говоря это, капитан провел глазами по лицам остальных членов экипажа.

— Андрей! — сказал Новицкий после минутного молчания.— Возьми с собой Бентли и Бальмора. Постарайся проверить, что происходит на той калоше! Спустить шлюпку! Оружие взять только одному Вильмовскому!

— Ты с ума сошел! — прошипел Смуга прямо в ухо капитану.— В случае опасности эти трое ничего не сделают!

— Помолчи-ка! — потребовал Новицкий.— Вот в этом-то и дело! Вскоре шлюпка уже колыхалась на воде лагуны. Вильмовский последним вступил на ступеньки штурмтрапа. Новицкий нагнулся к нему и что-то тихо сказал. Вильмовский выслушал его, кивнул согласно головой и шепнул:

— Ты правильно поступил, уж я знаю, что делать!

— Скорее, вам надо успеть еще до начала бури,— громко крикнул капитан.

Бентли и Бальмор сели на весла. Вильмовский взялся за руль. Шлюпка стала отходить от яхты. Томек подошел к Смуге.

— Почему капитан был так невежлив с вами? Какая муха его укусила?

— Его право, он здесь начальник,— спокойно ответил Смуга.— Во всяком случае он доказал, что умеет логически мыслить.

— Я вас не понимаю...

— Приготовить винтовки! — слышалась команда капитана.

Добровольцы, находившиеся на шлюпке, уже не могли слышать эту команду. Они молча подходили к совершенно, казалось, безжизненному кораблю. Все быстрее работали веслами. Темнота сгущалась, в душной атмосфере чувствовалась тишина, какая бывает перед бурей. Когда они пристали к левому борту судна, Вильмовскому пришлось зажечь фонарь. Ажурная балюстрада фальшборта находилась на высоте трех метров от уровня воды. Вильмовский бросил вверх крюк с прикрепленной к нему веревкой. Крюк зацепился за борт только после второго броска. Вильмовский с помощью товарищей взобрался на борт. Вслед за ним там очутились Бентли и Бальмор. Они привязали шлюпку к поручням и последовали за Вильмовским, который уже начал обследовать палубу судна. Вдруг Вильмовский остановился над люком, закрытым деревянной крышкой. Ему показалось, что оттуда доносятся приглушенные голоса.

— Поднимите крышку, я вам посвечу,— шепнул он друзьям.

Они с усилием подняли один конец крышки. Вильмовский сунул руку с фонарем внутрь лаза. В слабом свете фонаря видны были человеческие фигуры, сидящие на полу помещения. Их ноги были продеты в двойные, деревянные колоды и закованы в железо. Из мрачного отверстия повеяло невероятно тяжелым, спертым воздухом.

— Судно работорговцев! — тихо воскликнул Вильмовский, пораженный небывалым открытием.

Он отступил на шаг, пытаясь достать револьвер. Его товарищи, изумленные не меньше чем он, выпустили крышку из рук. Она упала с глухим стуком.

В этот момент резко распахнулась дверь надстройки на носу судна. Добровольцы увидели группу вооруженных людей.

— Руки вверх, если вам жизнь мила! — грозно крикнул по-английски широкоплечий великан, целясь в них из револьвера.

Бентли и Бальмор подчинились приказу маши-

нально, но Вильмовский храбро вышел несколько шагов вперед и возмущенно заявил:

— Я офицер судна, идущего под английским флагом. Если вы тронете хотя бы волос на наших головах, будете висеть на реях! Отсюда вам не уйти, наш экипаж превосходно вооружен.

Великан в капитанской фуражке медленно подходил к Вильмовскому, держа его на мушке своего револьвера. За ним следовала группа вооруженных верзил. Они шли в молчании, готовясь к внезапному прыжку.

Вильмовский не отступил перед ними. Он стоял чуть наклонившись вперед. Незаметно взглянул на «Ситу». На топе мачты горел фонарь. Внезапным движением он выхватил из кармана револьвер и выстрелил вверх. В этот момент толпа врагов бросилась на него.

— Пираты! — что есть силы крикнул Бальмор, так что голос его разнесся по всей лагуне.

С «Ситы» грянул винтовочный залп. Над палубой пиратского судна просвистели пули. Пираты повалили почти не сопротивлявшегося Вильмовского на доски палубы. Теперь, под прикрытием фальшборта бросились к Бальмору и Бентли.

Охваченный ужасом Бальмор был убежден, что все они погибнут. Вильмовский лежал без движения, к нему тянулись вооруженные лапы пиратов. В отчаяний, Бальмор грохнул ближайшего нападающего кулаком в подбородок, молниеносно подскочил к борту и словно олень прыгнул через него. Бальмор прекрасно плавал, поэтому выплыл только в нескольких метрах от судна работорговцев.

VII

КАПИТАН НОВИЦКИЙ АТАКУЕТ

На «Сите» услышали сигнальный выстрел Вильмовского и крик Бальмора. По команде капитана Новицкого с «Ситы» прогремел винтовочный залп, но, конечно, так, чтобы пули прошли выше палубы пи-

ратского корабля. Капитан Новицкий не отрывал глаз от бинокля. В полумраке видимость была плохая, но несмотря на это, капитан заметил момент поражения своих товарищей и прыжок Бальмора в воду. Новицкий приказал немедленно спустить шлюпку.

Томек, Смуга и два матроса уселись за весла. Новицкий, не выпуская из рук винтовки, сел за руль. Они быстро подошли к пловцу. Капитан помог Бальмору взобраться на борт шлюпки, которая потом, уже без всяких осложнений, вернулась к яхте.

Как раз в этот момент упали первые капли дождя. Порывистый ветер усилился, и вскоре превратился в настоящий ураган. Дождь перешел в ливень. Вода сплошным потоком лилась на качающуюся палубу корабля. К счастью, судно, ставшее на якорь в относительно тихой, защищенной от ветра лагуне, находилось в безопасности. Беснующийся в темноте ураган, не позволял пиратам напасть на судно. Поэтому капитан Новицкий оставил на палубе только дежурных индийских матросов, а сам с остальными членами экипажа удалился в кают-компанию на совет.

Сначала Бальмор рассказал присутствующим обо всем, что произошло на пиратском судне. Все внимательно выслушали его рассказ; когда Джемс Бальмор умолк, капитан Новицкий сказал:

— Ого, мы уже вторично встречаем работорговцев во время наших экспедиций. Первый раз это было в Африке. Помнишь, Томек, нахала Кастанедо?

— Конечно, помню! Ведь вы вели с ним настоящий бой!

— Да, силен был, верзила! Жизнью заплатил за свою позорную торговлю! Но теперь положение у нас гораздо хуже. Кроме несчастных рабов, пираты держат у себя наших товарищей.

— Ведь ты предусматривал, что на судне наши могут встретиться с опасностью! — заметил Смуга.

— Ну, что и говорить! Этот корабль, якобы оставленный экипажем, сразу возбудил у меня подозрение, — признал Новицкий.

— Почему же вы поступили столь легкомысленно и послали туда моего отца, который — вы знаете это

прекрасно — не признает употребления оружия, даже против преступников, — взорвался Томек. — Вдобавок, в помощь ему вы дали Бентли и Джемса!

— Не вини капитана в легкомыслии, — возразил Смуга. — По-моему он поступил очень разумно. Не зная, что происходит на судне, которое, казалось, оставлено своим экипажем, капитан послал туда людей умных, не увлекающихся применением оружия по любому поводу. Правда, посланцы попали в переплет, но зато есть кому им помочь.

— Как пить дать, это самое я и думал! — согласился капитан. — Если приключится что-нибудь плохое одному из наших, пираты ответят своими головами!

— Подумай-ка, Томек, — продолжал Смуга. — Ведь пираты могли сразу же пристрелить пленных, но не сделали этого. Они не стреляли даже в бегущего Джемса.

Томек понурил голову и сказал:

— Извините, пожалуйста... но я очень беспокоюсь об отце и Бентли. Что нам теперь делать?

— Сидеть сложа руки не будем, — утешил его капитан Новицкий. — Кто атакует первым, тот легче побеждает!

— У тебя есть уже план? — спросил Смуга.

— Какой бы я был капитан, если бы у меня не было плана! — ответил Новицкий. — Мне в Рабауле говорили, что британские корабли несут патрульную службу в Торресовом проливе. Эти торговцы рабами, по всей вероятности, скрылись здесь совсем не от бури! Видимо, кто-то преследовал их!

— Ты, возможно, прав. Я слышал, что в последнее время англичане вынуждены были серьезно взяться за блекбердинг¹. Позорная деятельность людей, наживающихся на блекбердинге, привела к обезлюдению побережья залива Папуа и одиноких островков в океане, — сказал Смуга.

— Что такое блекбердинг? — спросила Наташа.

— Блекбердинг, или охота на черных дроздов, это

¹ Блекбердинг, или работоторговля процветала в Новой Гвинее и Полинезии еще в период первой мировой войны. Теперь формы несколько изменились — рабов вывозят на плантации после подписания ими «добровольного» договора.

ни что иное, как ловля и продажа в рабство туземцев Новой Гвинеи. Это весьма выгодное дело. Еще и теперь австралийские плантаторы из Квинсленда платят высокие суммы за рабов,— ответил Смуга.

— В последнее время у нас стали осуждать это позорное явление,— сказал Станфорд, препаратор, включенный в экспедицию Бентли.— Блекбердинги, или, как их еще зовут,— стервятники Тихого океана, здорово наживались на торговле рабами. Теперь, пожалуй, золотые времена для них уже кончились! По закону, если их поймают с поличным, им грозит виселица.

— Скажите, капитан, ведь мы не оставим несчастных туземцев в руках пиратов?! — воскликнула Салли.

— Дело трудное,— с сомнением сказал Станфорд.— Работоторговцы, как правило, набирают на службу людей из самых подонков общества, авантюристов, преступников, каторжников, бежавших из ссылки на Полинезийские острова, вообще людей, стоящих вне закона. Они способны пойти на все. Без борьбы они свою добычу не отдадут!

— Ну что ж, поживем — увидим! — ответил Новицкий, грозно насупив брови.— Я выполню свой долг!

— Что ты думаешь делать? — снова спросил Смуга.— Если ты намерен ударить первым, то бушующий циклон, лучший наш союзник!

— Ты прямо-таки читаешь мои мысли! — ответил капитан Новицкий.— Я решил вывести пиратское судно из строя. Тогда они будут вынуждены принять наши условия.

— Значит, ты стремишься избежать открытого боя? — с недоверием спросил Смуга.— Я думал, что ты намерен каким-нибудь способом освободить рабов и с их помощью ударить по пиратам.

— У нас тогда было бы численное преимущество,— добавил Томек.— Их можно расковать, воспользовавшись тем, что беснуется буря...

Новицкий тяжело вздохнул. Он с превеликим удовольствием расправился бы с пиратами в открытом бою, но капитан «Ситы» нес личную ответственность за безопасность корабля и экипажа. Новицкий трях-

нул головой, словно пытаюсь отвести искушение, и сказал:

— У меня самого руки чешутся, как только вспомню о подлецах-работорговцах, но я не имею права подвергать опасности своих людей. Расправлюсь с пиратами и без кровопролития!

Смуга и Томек остолбенели от изумления. До сих пор Новицкий никогда не пытался избежать борьбы. Совсем наоборот, он часто сам искал случая ввязаться в драку. Они ожидали, что и теперь капитан воспользуется моментом. Новицкий, как видно, заметил их изумление, потому что сразу же стал оправдываться:

— У меня на борту две женщины... Кроме того, освобождение рабов нам ничего не даст. Они нас не знают, а всех белых они ненавидят. Как возбудить у них доверие, и как объяснить им, что мы хотим помочь? Мы можем рассчитывать только на собственные силы.

— Я не подумал об этом! Вы правы, капитан, отец будет гордиться вами! — восторженно воскликнул Томек.

— Согласен, на «Сите» ты командир! Как ты думаешь вывести из строя пиратское судно? — спросил Смуга.

— Мы испортим рулевое управление на их корабле! — ответил Новицкий.

— Замечательная идея! — похвалил Томек.— Но если они начеку и охраняют судно, придется драться?!

— Ну что же, тогда вы все будете свидетелями, что я пытался избежать кровопролития, — ответил Новицкий, с трудом подавляя радость, охватившую его при одной лишь мысли о возможности открытой борьбы.

— Можете рассчитывать на меня, капитан, — серьезно сказала Наташа.

— На всех нас, — добавила Салли.— Я проберусь вместе с вами на пиратское судно. Буду стоять на страже, пока вы...

— Не говори глупостей, голубушка! — прикрикнул на нее Новицкий.— Хвалю за отвагу, но это мужское дело. Прикрывать меня будут Смуга и Томек. Кто из вас поможет мне сфабриковать мину?

— Я! Мне приходилось уже делать бомбы для моих товарищей в России,— предложила Наташа.

— Прекрасно, давай, иди в мою каюту. Как только циклон чуть ослабнет, мы начнем дело.

Не прошло и двух часов как на койке капитана лежала готовая, довольно большая коробка, завернутая в брезент. Новицкий вызвал в кают-компанию весь экипаж «Ситы». Трое смельчаков явились одетыми в плотно прилегающие брюки и рубашки темного цвета. Они были подпоясаны кушаками с заткнутыми за них револьверами и длинными охотничьими ножами.

— На время моего отсутствия на судне команду поручаю Рамасану,— кратко заявил Новицкий.— Вот тебе, Рамасан, моя капитанская фуражка, но лучше не носи ее! Она тебе велика, и ветер может ее унести!

— Есть, капитан! — по-уставному ответил Рамасан.

— Я уже привык к ней, сидит на голове как приклеенная. Теперь, слушай внимательно: если на пиратском корыте послышатся выстрелы, и мы не вернемся до рассвета, немедленно на всех парусах пойдешь в Порт-Морсби. Там обо всем доложишь губернатору. Тот уж будет знать, что ему делать.

— Есть, капитан.

Распоряжения капитана Новицкого оказали на присутствующих гнетущее впечатление, но сам капитан, видимо, несколько не был взволнован предстоящей опасностью. Смуга и Томек тоже держались бодро. За ужином Томек быстро покончил с едой и стал утешать испуганных девушек, которые даже не дотронулись до еды. Бальмор не мог оторвать глаз от Томека, потому что сам чувствовал страх при одном лишь воспоминании о пиратах...

Рамасан со своими людьми вступил на вахту. Остальные члены экипажа ждали в кают-компании, когда буря позволит приступить к делу. Однако Рамасан вошел в кают-компанию только лишь за каких-нибудь три часа до рассвета.

— Сагиб капитан, буря несколько утихла! — доложил он.

— Шлюпка готова? — спросил Новицкий.

— Так точно, готова! Двоих я назначил на весла.

— Поехали! Снимите ботинки, возможно, нам придется плавать,— сказал Новицкий, вставая с кресла.

В темноте они вышли на верхнюю палубу. Дождь еще шел, но ветер несколько приутих. Из своей каюты капитан Новицкий вынес большую, тяжелую коробку, завернутую в брезент, и бутылку с письмом-ультиматумом¹ к пиратам. Все это он осторожно погрузил в шлюпку, подпоясался веревкой с крюком на конце и сел у руля. Томек нежно простился с Салли, которая вполголоса просила его побережь себя, и занял место в шлюпке рядом со Смугой. Два моряка вскочили в шлюпку только после того, как она была спущена на воду. Оттолкнулись от борта.

Новицкий направил шлюпку к берегу. Некоторое время они молча шли на веслах вдоль берега, окружая лагуну. Томек и Смуга помогали матросам, потому что довольно сильное волнение норовило выбросить шлюпку на берег. По их лицам струился пот. Однако вскоре они заметили темный силуэт пиратского судна. Ни на палубе, ни на мачтах не было огней. Свист ветра и грохот волн заглушали все звуки.

Капитан Новицкий смело подвел шлюпку к борту судна в носовой его части, с правой стороны. Таким образом, шлюпка очутилась между кораблем и береговой линией. Шлюпка слегка коснулась якорной цепи, торчавшей из клюза². Смуга и Томек, ухватившись за цепь, подтянули шлюпку вплотную к борту корабля. Новицкий привязал шлюпку к цепи. Знаком приказал им придерживать цепь, чтобы не звенела, а сам стал взбираться по ней. Вскоре он очутился у самого клюза, овального отверстия, из которого выходила якорная цепь. Ухватившись рукой за край клюза, капитан подтянул все тело вверх. Придерживаясь ногами, он свободной рукой развернул веревку с крюком, которой был подпоясан. Зацепил крюк за фальшборт судна.

¹ Ультиматум — требование выполнить определенное условие под угрозой войны.

² Клюз — якорный, отверстие в борту для пропуска якорной цепи. Швартовый клюз — такое же отверстие для пропуска швартовых.

Соблюдая осторожность, Новицкий мягко ступил на палубу и присел, спрятавшись за балюстрадой фальшборта. Внимательно осмотрелся кругом. Никого не заметил и, крадучись направился к стоявшей в нескольких метрах от него рулевой рубке. Короткая волна, ударяя в левый борт судна, слегка раскачивала его. На мокрой палубе было скользко, так как дождь все еще продолжал идти.

Медленно и осторожно ступая, Новицкий пробрался к рулевой рубке. Заглянул туда. Всего лишь на расстоянии вытянутой руки в рубке сидел вахтенный. Закрытая капюшоном и опущенная на грудь голова свидетельствовала о том, что вахтенный спит. Новицкий достал из-за пояса револьвер. Тихо скользнул в рубку. Рукояткой револьвера ударил вахтенного по голове; рукой поддержал падающее тело. Достал из кармана бечеву и кляп. Быстро сорвал капюшон и брезентовый плащ. Опытной рукой завязал вахтенному рот, всадив туда предварительно кляп. Связал матроса по рукам и ногам. Забросив его себе на спину, Новицкий направился на полубак. Там он положил потерявшего сознание вахтенного у фальшборта и привязал его к балюстраде. Обеспечив себя с этой стороны, Новицкий направился к противоположному борту. Троекратно подергал за веревку с крюком на конце, давая сигнал товарищам, что путь свободен. Вскоре на борту появился Смуга, а вслед за ним — Томек. Соблюдая осторожность, они втянули на борт тяжелую коробку.

— Вахтенный связан, пошли в рулевую! — шепнул Новицкий.

— Ночная вахта кончается в четыре, теперь около трех часов. Времени у нас довольно, — шепотом сказал Смуга.

— Лишь бы нам не помешали... — буркнул Томек.

Они внесли коробку в рулевую рубку. Новицкий подал Томеку брезентовый плащ с капюшоном.

— Надень и притворись вахтенным, — приказал он. — Если заметишь что-либо подозрительное, свисти два раза.

Томек надел брезентовый плащ, глубоко опустил на брови капюшон. Остановился у борта, откуда мог

наблюдать за всем, что происходит в надстройке и на палубе... Ежеминутно поглядывал в сторону рулевой рубки. Как раз там показался скудный желтоватый свет.

«Готовят мину»,— подумал Томек. Невольно положил правую руку под плащ и нащупал рукоятку револьвера, заткнутого за пояс...

К счастью, на судне царила невозмутимая тишина. Слышались только отголоски удаляющейся бури, шум дождя, да грохот волн. Томек внимательно прислушивался ко всем звукам и оглядывался вокруг. На палубе, вблизи надстройки виднелись контуры люка. Томек вспомнил сообщение Бальмора.

«Видимо, там они держат рабов»,— промелькнуло у него в голове.

Томек сделал несколько шагов по направлению к люку. Однако быстро сообразил, что неосмотрительный поступок может повлечь за собой неудачу всего предприятия. С трудом преодолел искушение.

Время тянулось медленно... Наконец, у входа в рулевую рубку показалась тень. Это был Смуга.

— Уходим, Новицкий поджигает бикфордов шнур. Через минуту произойдет взрыв...— шепнул он.

Томек и Смуга тихо проскочили к правому борту и по очереди спустились в шлюпку. Сразу же отвязали ее от якорной цепи. Индийские матросы сидели на веслах, готовые по первому сигналу отчалить от пиратского судна.

В это время Новицкий, стоя на коленях, пытался поджечь шнур. Ветер уже погасил в его руках две спички. Дождь все еще шел, и воздух был насыщен влагой.

«Ах, черт, запальный шнур может погаснуть...» — подумал Новицкий, беспокоясь за исход дела.

Оставив попытку поджечь шнур спичками, Новицкий приоткрыл дверку керосинового фонаря, который держал в руках, и приставил огонь к концу шнура. По бикфордову шнуру, с легким шипением, побежал резвый огонек. Новицкий закрыл дверку фонаря, и не спеша вышел наружу. Недалеко от входа в рулевую рубку поставил бутылку с закупоренным внутри письмом. Довольный капитан, вздохнул всей грудью. Че-

рез несколько секунд взрыв уничтожит рулевое оснащение корабля, вместе с рубкой. Новицкий уже собрался было перелезть через балюстраду, как вдруг дверь надстройки распахнулась. Новицкий увидел высокого, плечистого мужчину, освещенного желтоватым светом, бившим из притворенной двери. Новицкий спрыгнул с балюстрады, на которую уже было взобрался.

Мужчина направился к рулевой рубке.

«Смена вахты», — догадался Новицкий, и как змея пополз к новому вахтенному. Надо было спешить. Если вахтенный войдет в рубку и заметит шнур, он погасит его в последний момент.

Вдруг мужчина задел ногой бутылку, поставленную Новицким, и нагнулся, чтобы ее поднять. В ту же секунду Новицкий подскочил к нему. Ударил кулаком по голове. Мужчина упал на колени, но, как видно, он обладал недюжинной силой, потому что сразу же вскочил на ноги. Новицкий ударил его в подбородок. Мужчина отпрянул верхней частью корпуса назад, будто падая, но вдруг, совершенно неожиданно бросился в атаку сам. От сильного удара между глаз, Новицкий, ошеломленный, отступил на полшага; он выхватил из-за пояса револьвер. Как ураган прыгнул на противника. Мощный удар рукояткой револьвера по голове, и победа явно склонилась на сторону капитана Новицкого. Капитан отдавал себе отчет в том, что взрыв может произойти с секунды на секунду. Поэтому он охватил обессиленного мужчину в охапку, подбежал к борту, перелез через балюстраду...

Взрывная волна отбросила его от судна. Новицкий погрузился в воду, но не выпустил из рук добычи. Как только ему удалось вынырнуть на поверхность, Новицкий левой рукой схватил начавшего приходить в себя пленника за шиворот и поплыл к шлюпке.

Смуга и Томек сначала втянули в шлюпку пленника, находившегося в полубессознательном состоянии, потом капитана Новицкого. Шлюпка стала быстро отходить от пиратского судна, крики ужаса на палубе которого стали уже мешаться со словами команды. С борта судна заметили отчалившую шлюпку. Раздалось

несколько выстрелов, к счастью, безвредных, потому что темнота не позволяла взять на мушку, качающуюся на волнах шлюпку.

— Ты чего там копался так долго? — спросил Смуга у Новицкого, связывая пленнику руки.— Это он тебе помешал?

— А как же, я уже лез через фальшборт, как он вышел на палубу,— ответил Новицкий.— Я боялся, что он погасит шнур. Пришлось его обезвредить.

— Зачем ты его взял с собой? — упрекнул Новицкого Смуга.— Ты же сам мог погибнуть!

— Если бы я оставил его в беспамятстве около рулевой рубки, он полетел бы в тартарары вместе с ней,— объяснил свой поступок Новицкий.— Вяжи его крепче — это твердый парень! Рубанул меня кулаком между глаз и чуть не оглушил совсем... Видимо, наградил меня порядочным синяком...

Услышав это, Смуга стал крепче затягивать узлы на веревках, опутывающих пленника. Новицкий был известен своей силой, и обыкновенный человек вряд ли мог оглушить его.

Томек и Смуга схватились за весла, чтобы помочь индийским матросам. Пиратское судно постепенно скрылось во мраке ночи. Теперь Новицкий уже без всяких опасений мог направить шлюпку прямо к «Сите». Вскоре показался темный силуэт яхты.

— Эй там, на яхте! — крикнул капитан.

— Есть, капитан! Мы готовы, уже бросаем гини¹. Все ли у вас в порядке?! — ответил Рамасан.

— Все в порядке!

Через несколько минут участники вылазки уже были на борту. Капитан развязал пленнику ноги и помог ему выйти из шлюпки.

— Посветите мне,— приказал капитан.

Он внимательно присмотрелся к широкоплечему пленнику. Внешний вид пирата совсем не соответствовал его позорному занятию. Он, правда, бросал на экипаж «Ситы» мрачные взгляды, но все же было видно, что это человек не лишенный некоторых при-

¹ Гини — приспособления для подъема грузов на судах. После того, как шлюпку втянут на борт ее крепят найтовами.

знаков интеллигентности. Новицкий подозвал Рамасана и приказал:

— Отведи пленника в карцер и поставь стражу у двери. В случае попытки к бегству — пуля в лоб!

— Я требую, чтобы меня направили к капитану этого судна. Я должен кое-что сказать ему, прежде чем мои товарищи начнут гулять, воспользовавшись моим отсутствием,— потребовал пират.— Предупреждаю, что позже нам не о чем будет говорить!

— Ты хочешь говорить с капитаном?! — удивился Новицкий.— Хорошо. Будь по-твоему! Рамасан, дай мне фуражку!

Полным достоинства движением, Новицкий надел на голову капитанскую фуражку, окинул пленника суровым взглядом и сказал:

— Кто ты, что требуешь беседы с капитаном?!

— В моем положении нет смысла скрывать правду,— ответил пират.— Я капитан того судна.

Жестом руки Новицкий успокоил волнение среди членов своего экипажа, наклонился к пленнику и спросил:

— Ты, капитан судна?! С каких это пор атаман шайки пиратов получил право называть себя капитаном, а корыто, неспособное выйти в море,— судном?!

Лицо широкоплечего пирата покрылось красными пятнами гнева. Не обращая внимания на связанные руки, он сделал шаг в сторону Новицкого и прошипел:

— Нахал! Твое счастье, что я лишен возможности загнать назад в твою глотку дерзкие слова! Это корыто, как ты осмелился назвать мой корабль, легко обошло три британских корвета¹, которые пытались его догнать! Если бы не они, мы никогда бы не встретились здесь!

— Ага, ты сам признался, что за тобой гнались британские корабли! — с триумфом подхватил капи-

¹ Корвет — военный корабль XVII—XVIII веков, предназначенный для крейсерских операций. Позже — трехмачтовый парусный корабль водоизмещением 300—400 тонн. В настоящее время в английском флоте корветами называют сторожевые корабли водоизмещением 900—1500 тонн, вооруженные орудиями среднего калибра.

тан Новицкий.— Я тоже плаваю под британским флагом и выполню свой долг! Отправлю тебя...

— Не бросай слов на ветер! Возможно, потом пожалеешь о них! — перебил пират.— От моей судьбы зависит и судьба твоих людей, пойманных на моем судне! Во время борьбы с тобой я слышал взрыв на борту. Доведенные до отчаяния мои молодцы легко укокошат пленных. Поэтому в наших интересах поскорее найти общий язык.

— За моих людей ты отвечаешь головой,— предупредил Новицкий.

— Не обольщайся пустыми надеждами, ты ведь не знаешь моих ребят, капитан! Поняв, что им грозит петля, они никого не пощадят! Мое отсутствие может стать причиной нежелательных последствий для нас всех.

— Ты что, не уверен в своих людях? — удивился Новицкий.

— Поворачиваться к ним спиной опасно,— двусмысленно ответил пират.— Давай договоримся, пока не поздно... Я вас не трогал и трогать не хочу. Разойдемся так, будто мы и не встречались.

— Ишь ты, приткий какой! Это я здесь диктую условия, а не ты! — возмутился Новицкий.— К твоему сведению, мы вывели из строя рулевое управление на твоём корабле. Вы не в состоянии выйти в море. У меня есть время вызвать помощь. Тогда все вы повиснете на реях¹. Однако я готов на небольшую уступку. Верни мне моих людей и отдай несчастных рабов. Тогда я пойду в Порт-Морсби и только там доложу о событиях этой ночи. Выбирай, что лучше, да... поэкорее!

Пират молча обдумывал предложение. До австралийских берегов отсюда совсем близко. Туда можно добраться даже на шлюпках. Они попали в ловушку, выбора нет...

— Хорошо, я принимаю ваши условия,— после минутного молчания ответил пират.— Я потерял корабль, поэтому вынужден прекратить охоту за черны-

¹ Рея — поперечный брус на мачте корабля, к которому крепится такелаж, поддерживающий паруса.

ми дроздами. Попытаю счастья на золотых россыпях Новой Гвинеи¹.

— Ну гляди, чтобы мы там с тобой не встретились! Тогда нам пришлось бы за все рассчитаться,— пригрозил Новицкий.

— Ничего не имею против такой встречи в джунглях,— ответил пират.

— Я тоже. А петлю можно повесить на суку не хуже, чем на рее,— сказал капитан Новицкий.

VIII

ПРОВОДНИК ИЗ ПЛЕМЕНИ МАФУЛУ

По заключенному соглашению, капитан Новицкий позволил атаману шайки пиратов вернуться на его корабль. На рассвете пират сел в ялик и поплыл к пиратскому кораблю. Однако белый флаг появился на мачте корабля только лишь спустя четыре часа. Это был условный знак, что работоторговцы принимают условия капитана Новицкого.

После бурной ночи настал жаркий, солнечный день. «Сита» уже была готова к отправлению в дальнейший путь. Как только на «Сите» заметили белый флаг, поднятый на пиратском судне, «Сита» снялась с якоря. Новицкий медленно подошел к пиратскому кораблю. Он предпринял все нужные меры предосто-

¹ Испанский мореплаватель Алваро де Сааведра первый нашел золото в Новой Гвинее, когда, потерпев аварию в пути, в 1528 году, вынужден был высадиться на острове. Однако испанцы, впрочем, как и немцы спустя четыре столетия, не придавали значения этому открытию, так как считали, что добыча золота из горных пород не рентабельна. Кроме того, все исследователи тоже считали невозможной эксплуатацию золота в долинах рек Маркгэм и Вариа, скрытых за тройным хребтом гор и заселенных, вдобавок, весьма воинственными племенами туземцев.

В Британской Папуа золото было найдено в 1877 году вблизи Порт-Морсби. Однако поисковые экспедиции, направленные в глубину гор, погибали от рук охотников за человеческими головами. Только лишь в 1918—1927 годах, сын торговца из Сиднея, Сесиль Левьен, используя современные средства передвижения — самолеты, построил аэродром в долине Булоло и начал эксплуатацию золотых россыпей в русле реки Коранге.

рожности; сам дежурил на капитанском мостике, не отрывал глаз от бинокля, расставил всех членов экипажа вдоль правого борта с оружием в руках. «Сита» остановилась в нескольких десятках метров от пиратского корабля.

Капитан пиратов вышел на палубу. Увидев за ним Вильмовского и Бентли, капитан Новицкий успокоился. Они не были связаны. Видимо, им сообщили о заключенном соглашении, потому что они махали платочками, приветствуя «Ситу».

— Вижу наших! — обрадованно крикнул Новицкий. — Они целы и невредимы! Дадим в их честь приветственный салют!

— Стрелять вверх! — скомандовал Смуга. Раз, два, три... огонь.

Грохот выстрелов и свист пуль вызвал переполох среди пиратов, но резкая команда их капитана быстро навела порядок. Одни из пиратов стали спускать шлюпки, другие открыли люки, ведущие в трюм, где сидели несчастные рабы. Вскоре на палубе показались папуасы с темно-коричневыми, а у некоторых и с совершенно черными лицами. Подгоняемые вооруженными пиратами, они с опаской становились вдаль левого борта. Все они были почти нагими, и мужчины, и женщины. Они тревожно поглядывали на своих преследователей.

С борта пиратского судна спустили веревочный трап. Пираты грубо толкали рабов в шлюпки, которые поочередно подходили к «Сите». Вот уже последняя группа освобожденных рабов стала спускаться по трапу в шлюпку, как вдруг из надстройки выскочил молодой папуас и бросился на колени перед Вильмовским.

Один из пиратов ударил юношу по спине и схватил рукой за кучерявые волосы. Одним ударом кулака Вильмовский свалил пирата с ног. Несколько других бросились на помощь своему товарищу. Но в этот момент капитан пиратов заслонил Вильмовского своим мощным корпусом. В его руках блеснул револьвер. Это сразу же остудило пыл у взбешенных молодчиков.

С борта «Ситы» раздался предупредительный залп.

Капитан с гневом стал что-то объяснять Вильмовскому; он, очевидно, пытался задержать молодого папуаса. Однако Вильмовский не уступал. Он решительно отстранил капитана от молодого раба и стал осторожно отступать к левому борту. Казалось, на пиратском судне вновь разгорится борьба; рослый атаман грозно наклонился к Вильмовскому, словно готовился к прыжку.

Капитан Новицкий быстро отложил бинокль в сторону. Поднял карабин с оптическим прицелом. Раздался выстрел... с головы пирата слетела шапка, пробитая пулей.

Теперь Вильмовский без всяких препятствий сошел по трапу в шлюпку.

Не прошло и получаса, как «Сита» вышла из лагуны в открытое море. Только тогда друзья обнялись и стали рассказывать о пережитых волнениях.

Молодой папуас, чуть-чуть не ставший причиной новой битвы на пиратском судне, возбудил любопытство у всего экипажа «Ситы». По рассказу Вильмовского, атаман пиратской шайки назначил юношу своим личным боем¹, и вопреки обещанию об освобождении всех рабов, не хотел отпустить его на волю. Только лишь вмешательство Вильмовского и решительность, проявленная белыми путешественниками спасли папуаса, который очутился на «Сите» в числе других освобожденных пленников. Молодой туземец не присоединился к группе своих соплеменников, разместившихся на полубаке корабля. Он ни на шаг не отходил от своего спасителя. Ежеминутно обнимал его и терся носом о нос Вильмовского. Заметив это, капитан Новицкий сказал:

— Посмотрите, пожалуйста! Дикарь, а умеет быть благодарным. Видать, это хороший парень, но у него оригинальный способ проявлять чувства... Благодарю судьбу, что это не я его спас!

Как видно, папуас знал несколько английских слов, потому что догадался, что речь идет о нем и воскликнул:

¹ Бой (англ.) — мальчик, здесь в значении слуга.

— Канак¹ быть хороший парень! Ол райт!² Добрый мастер³ спасти канак. Теперь бой служить добрый мастер. Ол райт.

Речь юноши, хотя ее трудно было поначалу понять, очень заинтересовала Бентли. Перед отправлением в экспедицию он несколько месяцев занимался новогвинейскими языками и знал, что папуасские племена, даже живущие в соседних деревнях, часто говорят на совершенно разных языках. Кроме того, в голландской части острова некоторые туземцы пользуются при общении жаргоном⁴ малайских охотников. Что касается германской и английской частей Новой Гвинеи, то переводчики пользовались там языком англо-пиджин⁵. Это весьма забавный язык, в котором английские слова в своеобразном произношении получили малайское склонение и окончания. Папуасы, например, не могли употреблять личные местоимения, несвойственные их родному языку, не умели запоминать английские фамилии, и в конце каждого предложения обязательно добавляли «ол райт», то есть «хорошо».

Узнав, что молодой человек владеет немного английским, Бентли обрадовался. Он сразу же обратился к папуасу по-английски, на англо-пиджин:

— Канак уже не бой. Ты вернись домой, твоя деревня!

— Нет, нет! — возразил папуас.— Деревня далеко. Ол райт. Только один белый отец попасть туда, но злой дух влезть ему внутрь и трясти его крепко, крепко. Ол райт. Белый отец умереть, канак остаться сам на великий вода, злой мастер опять поймать кзнак, если канак не быть бой у добрый мастер. Ол райт.

¹ Канаки — так англичане называли обитателей Полинезии; колонизаторы звали канаками также всех обитателей островов южных морей и туземцев, привозимых на плантации сахарной свеклы в Квинсленде в Австралии.

² All right (Ол райт) — хорошо, по-английски.

³ Мастер — здесь в значении белый человек.

⁴ Жаргон — испорченный, искаженный язык, распространенный в определенных кругах или местностях.

⁵ Англо-пиджин — упрощенный английский жаргон для объяснений с туземцами. Во французских колониях имел хождение аналогичный упрощенный французский язык — пти-негр.

Моя хороший, очень хороший бой, моя уметь варить чай и яйцо. Ол райт. Теперь моя быть бой, очень добрый мастер. Добрый мастер спасать канак. Ол райт.

Чтобы доказать свою безграничную благодарность, папуас обнял Вильмовского за колени.

— Вот болтун, проглоти его сто дохлых китов! — вмешался капитан Новицкий. — Вы что-нибудь поняли из этой болтовни?!

— А как же, я немного знаком с англо-пиджин, — ответил Бентли. — Он рассказал мне печальную историю. Служил боем у какого-то миссионера, с которым из глубины острова пришел на побережье. Миссионер заболел малярией и умер, а беднягу поймали работорговцы. Он хочет стать боем у Вильмовского, так как надеется, что это помешает работорговцам снова его поймать. Уверяет, что умеет готовить чай и варить яйца.

— Ничего нет удивительного в том, что миссионер переселился в лучший мир, раз питался только чаем и яйцами. — Что же нам делать с этим упрямым?

— Я слышал, что новогвинейские слуги отличаются верностью и преданностью по отношению к своим хозяевам, — сказал Бентли. — Лучше всего передать его властям вместе с остальными освобожденными рабами.

— Можете вы узнать у него к какому племени он принадлежит, — внезапно отозвался Томек.

— Верно, — согласился Вильмовский. — Может, мы будем проходить недалеко от его деревушки.

— Он сказал, что его родная деревня где-то очень далеко, — пояснил Бентли. — Я думаю, он не очень хорошо ориентируется в расстояниях. Не в обычае жителей центральных районов Новой Гвинеи совершать далекие путешествия.

— Спроси его, как называется племя, из которого он происходит, — предложил Новицкий.

— Как называть твоя люди? — обратился Бентли к папуасу.

— Моя мафулу, — был ответ.

— Мафулу обитают на возвышенности Пополо, через которую ведет первый этап нашего маршрута, — воскликнул Томек.

— Ты не ошибаешься, парень попал как раз туда, куда надо! Мы можем отвести его в родную деревню,— согласился Бентли.

Он немедленно сообщил об этом папуасу, который, вместо ожидаемой радости, был явно обеспокоен. Он подошел к Вильмовскому и шепотом предупредил:

— Очень хороший мастер не ходить туда! Там близко, близко за рекой живут таваде. Они очень злой люди. Они каи-каи человек...

— Он говорит о людоедах? — спросил Вильмовский.

— Я думаю, да! — подтвердил Бентли.

— Значит, он нас предупреждает об опасности,— заметил Томек.

— Этот парень может нам пригодиться,— сказал Смуга.— Если хочет — пусть идет с нами.

* * *

К утру следующего дня на небе снова появились свинцовые тучи. Порыв сильного юго-восточного ветра надул паруса «Ситы». Весь экипаж яхты был поднят вверх, потому что сильный ветер сносил корабль к мелководному Торресовому проливу, усеянному подводными рифами. Однако на этот раз центр циклона находился несколько южнее «Ситы». Через несколько часов распогодилось и Новицкий мог взять правильный курс. Определив положение «Ситы», он установил, что буря отклонила яхту к западу.

Еще до обеда на горизонте замаячила полоска суши. Это была Новая Гвинея. За узкой полосой низкого берега виднелись темно-зеленые грани мощного горного хребта. Вдали, на фоне ясного неба, выделялся силуэт крупнейшей вершины хребта Оуэн Стэнли — горы Виктории¹, расположенной к северо-востоку от Порт-Морсби².

¹ Высота горы Виктория 4073 м.

² Порт-Морсби — морской порт на южном берегу Новой Гвинеи; отличная глубоководная гавань внутри кораллового рифа. Гавань открыта в феврале 1873 года капитаном Джоном Морсби, возглавлявшим экспедицию на судне «Базилиск». Британцы овладели

Весь экипаж «Ситы» поднялся на палубу, чтобы разглядеть землю таинственного острова, но капитан Новицкий никому не позволил празднично любоваться открывшимися видами. Вход в порт отнюдь не отличался легкостью и изобилует многими опасностями. Среди однообразной голубизны чистых морских глубин виднелись желтоватые пятна мелей. Из-под воды здесь и там торчали огромные скалы и вершины коралловых рифов, среди которых часто виднелись акулы, по внешнему виду напоминавшие торпеды.

Берег приближался. Вдоль песчаных коралловых пляжей, обрамленных рощами кокосовых пальм, на пирогах с боковыми поплавками носились туземные рыбаки. На горизонте громоздилась, все яснее выделявшаяся горная цепь, поросшая тропическим лесом.

Салли и Наташа стояли на капитанском мостике, откуда можно было в бинокль превосходно видеть все побережье.

— Капитан! Я вижу деревушку, построенную в море на сваях, — воскликнула Салли. — У берега стоит на якоре оригинальное парусное судно! На палубе судна — бал! Танцуют мужчины и женщины.

— Скажите, капитан, что это за деревушка? — спросил Вильмовский.

— Я полагаю это Хануабада, или как ее называют туземцы — Кила-Кила, от которой до Порт-Морсби всего лишь несколько миль, — ответил Новицкий.

— Об этой деревушке мне говорил губернатор, — вмешался Бентли. — Хануабада и соседняя деревушка Элевада славятся превосходными керамическими изделиями, которые пользуются большим спросом.

— А я думала, что это рыбаки празднуют удачный улов, — сказала Салли.

портом в 1883 году, после аннексии территории Папуа. В 1888 году Порт-Морсби стал главным центром английской колонии. Во времена, к которым относится наш рассказ, Порт-Морсби состоял собственно из нескольких примитивных барачков. В 1939 году город насчитывал всего лишь 2628 жителей. Во время второй мировой войны, в феврале 1942 года, подвергнулся бомбардировке японской авиации; японцы несколько раз пытались овладеть городом и портом с суши со стороны хребта Оуэн Стэнли. Ныне Порт-Морсби — современный город с несколькими тысячами жителей.

— Здешние жители не занимаются рыбной ловлей,— сказал Бентли.— Женщины работают на гончарных промыслах, мужчины возят их изделия по морю даже в довольно отдаленные места. Мы подъезжаем к Новой Гвинее как раз в пору, когда начинается дуть юго-восточный муссон, поэтому мужчины готовятся в далекий путь, продолжающийся иногда несколько месяцев. Женщины, видимо, прощаются с мужчинами и устроили танцы.

— Кое-кто из них очутится в брюхе акулы! — добавил капитан Новицкий.— В заливе Папуа бури не редкость...

— Думаю, что морские бури представляют огромную опасность для столь оригинальных моряков,— сказал Бентли.— Капитан такого судна не посещал морское училище. Правильное направление он находит или интуитивно, или, чтобы не сбиться с пути, идет вдоль берегов.

— Можно ли подойти немного ближе к берегу,— попросила Наташа.— Интересно взглянуть на этот странный парусник с близкого расстояния.

— Мне приходилось видеть такие суда на иллюстрациях,— сказал Джемс Бальмор.— Их называют катамаранами.

— Но ведь это судно совершенно лишено корпуса! — изумился Збышек.

— Вы правы. По сути дела, это ни что иное, как большой плот,— сказал Бентли.— Судно сделано чрезвычайно просто. Несколько выдолбленных из древесных стволов челнов связывают по шесть или десять в ряду. После этого загруженные горшками плоты располагают в длинный ряд. На этом плоту кладут пол из бамбукового тростника, на котором устанавливают бамбуковые домики, покрытые сверху циновками. На палубе ставят мачты, на них вешают два огромных паруса, прикрепленные к рамам, что делает судно похожим на допотопную птицу с крыльями диковинной формы.

— Разве в Хануабада только женщины занимаются гончарным мастерством? — спросил Вильмовский.

— Да, это их наследственная профессия,— ответил Бентли. У них есть соответствующая организация и

разделение труда. Одни из них разрабатывают модели, другие занимаются обжигом. Модельщицы голыми руками искусно придают глине нужную форму. Другие женщины в течение нескольких дней сушат изделия на солнце, а потом обжигают их на раскаленных углях или на костре.

Вскоре «Сита» подошла к берегу ближе. Несколько папуасов из числа освобожденных из рук работорговцев были, видимо, жителями этих мест, потому что на яхте слышались гортанные крики радости. На катамаране и на берегу началась суматоха. Многие туземцы стали сталкивать на воду длинные лодки с поплавками по бокам. Некоторые из них бросились к «Сите» вплавь.

Волей-неволей капитану Новицкому пришлось дать команду свернуть паруса и бросить якорь. Пловцы и целая стая лодок окружили «Ситу». Теперь уже не было такой силы, которая могла бы удержать папуасов, собравшихся на носу корабля. Все они один за другим стали прыгать за борт, прямо в воду. Один только мафулу остался на яхте, хотя и он тоскливо посматривал на близкий берег. Тронутый верностью молодого папуаса, Томек подошел к нему и спросил:

— Почему ты не приветствуешь своих соплеменников? Не бойся, мы обязательно возьмем тебя в экспедицию.

— Моя не умеет плавать,— с искренним сожалением ответил мафулу.

Томек расхохотался и присоединился к остальным членам экипажа, собравшимся у левого борта яхты, с которого был спущен веревочный трап. Несколько туземцев уже взбирались по трапу на палубу судна. Они торжественно приветствовали капитана Новицкого и благодарили его за освобождение земляков из рук работорговцев. Стали приглашать членов экипажа принять участие в танцах, но Новицкий отказался, так как еще сегодня хотел войти в бухту Порт-Морсби.

Танцы на катамаране, прерванные было неожиданным возвращением похищенных рабов, возобновились. Снова оттуда слышалась музыка. Улыбаю-

щиеся молодые женщины, одетые только в шелестящие, короткие, до колен юбочки из стеблей травы, пели и танцевали вокруг музыкантов. Их коричневые тела были покрыты оригинальной татуировкой, головы с короткими, пушистыми черными волосами украшали венки из цветов и ракушек. Мужчины, одетые в короткие набедренные повязки из цветных материалов и с цветами кетмии¹ в кудрявых волосах, бойко отбивали такт ладонями и сами охотно начинали танцевать.

Экипаж и пассажиры «Ситы» с интересом наблюдали за танцами, любясь живописной их картиной. Невдалеке находилась деревушка из домов на сваях, возвышавшихся над водами залива. У каждого деревянного дома виднелись платформы, или веранды, пристроенные к торцевой стене, сверху частично прикрытые свисающими концами крыш, покрытых травой. Подступ к домам был возможен только на лодке или вплавь, что защищало жителей деревушки от нападения воинственных горных племен, обитавших в глубине острова. Их воины, живя вдалеке от моря, не умели плавать и не могли брать с собой в далекий поход тяжелые лодки. Впрочем, на узкой полосе песчаного берега тоже стояло несколько домов на сваях. Близ них играли толпы детей. Подражая старшим, они пускали на воду игрушечные бамбуковые катамараны, пели и танцевали.

Збышек и Наташа печально смотрели на веселье счастливых туземцев. Их охватила тоска по родине, по оставленным там близким. Стихийное веселье папуасов с особой силой подчеркивало горькую долю изгнанников из родного края. Занятые своими делами, Томек и Салли не обращали внимания на них, но Вильмовский вскоре заметил их подавленный вид. Он подошел к молодым людям и спросил:

— В чем дело, мои дорогие? Почему у вас вдруг испортилось настроение?

Збышек вздрогнул, словно его внезапно разбудили.

¹ Кетмия (*Hibiscus syriacus*) — древовидное растение семейства мальвовых. К этому семейству принадлежат многие виды, объединенные общим латинским названием (*Hibiscus*), например, китайская роза, кенаф, розелла и др.

— Я как раз думаю, почему все люди не могут жить так беззаботно и весело, как обитатели этого острова...— ответил он, тяжело вздыхая.

— Столько здесь счастья и радости! Я бы охотно поселилась на каком-нибудь из островов Тихого океана,— добавила Наташа.

— Я вас прекрасно понимаю, раньше и я мучился подобными мыслями и искушениями,— печально ответил Вильмовский.— На первый взгляд, экзотические островки Тихого океана кажутся легендарным раем, обитатели которого ведут идиллическую жизнь. Тихие лагуны, залитые солнцем пляжи, поросшие стройными пальмами, танцующие и поющие жители с разукрашенными цветами головами... Картина влекущая, но куда как обманчивая!

— Дядя, но ведь все веселятся по-настоящему! — возразил Збышек.

— Минуту назад мы беседовали на эту тему с Бенгли, мой друг,— ответил Вильмовский.— Долгие месяцы женщины деревушки работали не покладая рук над своими изделиями. В это время мужчины оберегали их спокойствие от нападений со стороны грабительских горных племен, добывали пищу. Сегодня женщины прощаются с отцами, мужьями и братьями, которыми повезут изделия их рук в дальние страны на продажу. Это опасная дорога... Не все вернутся домой. Во время бури, бушующие волны океана могут поглотить не одного из них. Другие, прельщенные легким заработком, пристанут к ловцам жемчуга... Поэтому в проводах принимают участие все жители деревушки. Они хотят напоследок провести время вместе. Но как только паруса катамарана растают на горизонте, в деревушке воцарится печаль. Женщины по вечерам будут плотно закрывать двери своих изб.

— Возможно, в горной, малодоступной Новой Гвинее и правда жизнь нелегка,— заметила Наташа.— Но я охотно поселилась бы на каком-нибудь небольшом, одиноком коралловом островке... Я так жажду спокойной жизни!

— Слой плодородной почвы на коралловых островах, как правило, очень мал, да и плодородие ее весь-

ма относительно. Там растут только кокосовые пальмы и некоторые виды неприхотливого кустарника. Я бы советовал избрать для поселения островок континентального или вулканического происхождения. Благодаря влажному морскому и тропическому климату, такие островки отличаются плодородием и обильной растительностью¹,— сказал Вильмовский, задорно улыбаясь бойкой Наташе.— Но я все равно уверен, что и там вы не нашли бы покоя, которого жаждете.

— Это почему же, разрешите вас спросить?

— Во-первых, потому, что тропический климат Океании европейцы переносят с трудом. Во-вторых, циклоны, тайфуны и ураганы, которые, если даже не учитывать людских и материальных потерь, часто опустошают острова Океании, и почти всегда влекут за собой голод. Кокосовые пальмы и хлебные деревья, дающие основную пищу обитателям этих островов, погибают совсем, затопленные волнами океана, либо на несколько лет теряют способность к плодоношению. Поэтому жители островов живут впроголодь даже и в те годы, когда стихийных бедствий не было. Я уже не говорю о землетрясениях и извержениях вулканов...

— Неужели обитателям Океании приходится переживать столько ужасных бедствий? — удивилась Наташа.

— Я еще не закончил рассказ о них, моя дорогая,— продолжал Вильмовский.— Через Океанию ведут морские пути из Америки в Азию и Австралию. Поэтому велико стратегическое значение островов, расположенных на обширных пространствах Тихого океана. Борьба за исключительное обладание ими ведется вот уже свыше ста лет. В середине XIX века ожесточенное соперничество шло между Англией, Францией и Испанией. В конце прошлого столетия

¹ На таких островах, кроме кокосовых, растут саговые и другие пальмы, хлебные деревья, панданусы, древовидный папоротник, бананы, ананасы, папайя, или дынные деревья. Возделываются — сладкий картофель, сахарный тростник, ямс, таро, маниока и рис. Следует отметить, что чем дальше на восток от Индонезии, тем беднее растительность океанских островов.

Германия овладела рядом островов, вытеснив оттуда испанцев. Теперь этими островами заинтересовались и Соединенные Штаты Северной Америки¹.

Сначала на островах появляются миссионеры. За ними идут торговцы-спекулянты, охотники до жемчуга, кокосовых орехов, копры, сандалового дерева и перьев райских птиц. Потом появляются военные гарнизоны, белые губернаторы, плантаторы и вместе с ними болезни и неизвестные до того приемы жесточайшей эксплуатации. Изнурительная работа на плантациях приводит к вымиранию местного населения. Вот как на самом деле выглядит жизнь в экзотическом «раю» на островах Океании.

— Я уже не завидую бедным папуасам их маленькой радости,— тихо сказала Наташа.

На катамаране танцы прекратились. Наступила обеденная пора. К «Сите» подошла лодка, груженная вкусно пахнущими блюдами из рыб, ямсы и таро. Путешественники не отказались от угощения, и в свою очередь подарили туземцам некоторое количество коробок с мясными консервами. Вскоре капитан Новицкий дал команду к отправлению в дальнейший путь. Туземцы дружественными криками проводили яхту, медленно тронувшуюся к Порт-Морсби.

¹ Во время первой мировой войны тихоокеанские колонии Германии были захвачены Великобританией и Японией, но после окончания военных действий Соединенные Штаты сумели вытеснить Японию и усилили эксплуатацию французских, британских колоний и британских доминионов Австралии и Новой Зеландии. В настоящее время основные стратегические базы США в Океании охватывают всю северную зону Тихого океана, Аляску, арктические области Канады, Японию, Формозу (Тайвань) и Филиппины; военные базы США находятся также на Марианских, Каролинских и Маршалльских островах. Незадолго до второй мировой войны США и Великобритания захватили даже забытые и необитаемые атоллы, организовав на них авиационные и морские базы. Они разместили на них также многочисленные метеорологические и астрономические обсерватории (наблюдения за искусственными спутниками Земли). В последнее время некоторые районы Тихого океана превращены в полигоны для испытания ядерного оружия.

IX

НА ПОРОГЕ НЕИССЛЕДОВАННОЙ СТРАНЫ

Солнце клонилось к закату. На небосклоне от самого горизонта до зенита пылала чудесная радуга цвета расплавленного янтаря, золота и пурпура, вплоть до нежных оттенков фиолетового и зеленого цветов. Окрестные горы, поросшие джунглями, и равнина, простирающаяся у их подножия, пылала красноватым заревом заката. Казалось, в жаркой глубине острова пылает огромный пожар.

Взобравшись на камень, лежащий на вершине скалистого холма, Томек присел отдохнуть. Как зачарованный, смотрел он на открывавшийся с вершины холма великолепный и одновременно грозный вид. Ему казалось, что сама природа предостерегает от попытки проникнуть в тайны Новой Гвинеи, забытой людьми.

Как только экспедиция выгрузилась в Порт-Морсби, на каждом шагу стали возникать трудности и препятствия. Губернатор, вопреки прежним обещаниям и посулам, пытался отсоветовать путешествие в глубину острова. По непроверенным сообщениям, в стране племени фьюджи, где находился миссионерский округ Мафулу, первая цель экспедиции, разразилась война. Будто бы войну начало жестокое племя таваде. Земли таваде до сих пор отмечались на карте белым пятном. Еще никому из белых не удалось проникнуть на их территорию. Губернатор не мог дать экспедиции военный конвой. Немногочисленные британские офицеры контролировали только некоторые округа на побережье. Опасаясь неожиданных нападений, губернатор запретил туземцам находиться в Порт-Морсби после заката солнца.

Все же, в конце концов, после переговоров, Бентли удалось получить от губернатора разрешение на путешествие в глубь острова. Ведь экспедиция была довольно многочисленна и превосходно вооружена. Во главе ее стояли опытные путешественники. Не-

смотря на это, Смуга в качестве официального руководителя вынужден был дать письменное обязательство в том, что без действительной надобности, вызванной внезапной опасностью, не будет въезжать в деревушки и стоянки туземцев в ночное время и разбивать вблизи биваки.

Не успел Смуга закончить хлопоты с получением разрешения, начались другие препятствия. Среди членов племени мотуан, обитающих вокруг Порт-Морсби, не оказалось охотников нести багаж экспедиции. Туземные жители южного побережья как огня боялись жителей горных районов страны, которые часто нападали на их деревушки, грабили продовольствие и уводили в плен женщин.

Совершенно неожиданно делу помог самозванный бой Вильмовского, освобожденный из плена у работников Айну'Ку, или в переводе с языка племени фьюджи¹ — «сладкий картофель», как звали юного мафулу; он с воодушевлением расписывал своим соплеменникам сверхъестественное могущество белых опекунов. Среди местного населения была очень распространена вера в духов и колдунов, поэтому молодой мафулу везде находил внимательных слушателей. Для них было вполне понятно, что только могущественные чародеи могли без боя вынудить пиратов освободить пленных рабов. Возможно, «белые мастера» были даже сами духами, раз они могли во время бурной ночи проникнуть на корабль пиратов, притом так, что их никто не заметил, а потом столь же таинственным образом уйти оттуда, прихватив с собой капитана корабля. По мнению суеверных туземцев, именно духи и злые колдуны были единственной причиной человеческих несчастий, болезней и даже смерти. Поэтому рассказы Айну'Ку убедили их лучше, чем обещание высокого заработка, что в обществе белых путешественников они будут в совершенной безопасности. Таким образом, благодаря болтовне Айну'Ку, удалось нанять сотню папуасов, согла-

¹ Язык племени фьюджи был распространен среди папуасов, живших в бассейнах рек Дилава, Ауга и Ялоге, где обитало также племя мафулу. Позднее, вся территория распространения языка фьюджи была названа округом Мафулу.

сившихся нести багаж экспедиции до миссионерской станции в горах Пополе.

Смуга по достоинству наградил Айн'у'Ку за оказанную им услугу, назначив его «босс-боем», то есть начальником над всеми носильщиками, и, кроме того, позволил молодому мафулу носить карабин. Правда, из опасения несчастного случая при неосторожном обращении с оружием, Смуга не дал патронов Айн'у'Ку, но тот и без того был в величайшем восторге от оказанного доверия. Айн'у'Ку стал слепо выполнять все распоряжения белых хозяев, причем иногда сильно перебарщивал в усердии и послушании.

Размышляя над положением, в котором очутилась экспедиция, Томек радовался, что в их распоряжении есть преданный туземец. С его помощью они смогут завоевать доверие обитателей внутренних областей острова.

Солнечный диск почти скрылся за гребнями высоких гор. Пурпур заката значительно побледнел. Последние красноватые лучи солнца отражались на западе от краев темных туч, слабо освещая узкую горную тропинку. Хорошо заметный в блеске дня Порт-Морсби, расположенный на узком побережье залива, теперь совсем исчез в туманной дымке. Как это всегда бывает в тропических областях, ночь упала на землю внезапно, без длительных сумерек.

— Томми!.. Томми!.. Иди ужинать! — раздался многократно усиленный эхом призыв Салли.

Сидевший у ног юноши Динго, пошевелил ушами. Гибким движением вскочил на все четыре лапы и глухо залаял, поглядывая на хозяина. Томек очнулся от обуревавших его мыслей. Погладил рукой шерсть своего любимчика и бодро крикнул:

— Иду уже!..

Встал с камня; побежал по тропинке вниз по склону. Динго вырвался вперед. Вскоре Томек очутился в кругу палаток, разбитых на стоянке. Его товарищи сидели у костра, на котором висел котел с горячим супом. Томек уселся рядом с капитаном Новицким.

— Где это вы, уважаемый, так долго гуляли? — спросила Салли, ставя перед Томеком жестяную миску с супом.

— Я был на вершине холма. Любовался великолепным закатом солнца,— с улыбкой ответил Томек.— Пурпурное зарево заката походило на отдаленный пожар в западной стороне острова.

— Ты того и гляди начнешь вирши писать,— иронически заметил капитан Новицкий.

— Откуда вы взяли такую глупость? — возмутился Томек.

— Ну что ж, браток, сначала человек увлекается красотами природы, потом тяжело вздыхает и поглядывает на даму своего сердца, как баран на новые ворота, а в конце концов начинает писать стихи. Все влюбленные молокососы всегда так делают.

— Вы в самом деле думаете, что Томек влюблен? — кокетливо спросила Салли.

Желая скрыть охватившее его смущение, Томек низко нагнулся над миской, а капитан Новицкий продолжал:

— А как же. Только не одного его угодила стрела Амура¹. Сдается мне, что и Джемс Бальмор часто любит луну и что-то задумчиво пишет в тетрадке.

Бальмор покраснел и поперхнулся горячим супом. Томек, однако, успел оправиться от смущения и сказал:

— Что касается меня, то вы попали пальцем в небо, капитан! В жизни я не написал ни одной строчки стиха!

— Жаль, браток, очень жаль,— ответил Новицкий.— В будущем было бы что почитать твоим детям! Насчет уменья складно писать, ты собаку съел! Я сам с удовольствием слушал чтение твоих писем, которые ты посылал одной австралийской голубушке! Да и твои записи в корабельном журнале тоже ловко написаны. Многие могли бы кое-что полезное почерпнуть о мире из твоих записей. По-моему, тебе обязательно надо их напечатать.

— Превосходная идея, дорогой капитан! — подхватила Салли.— У меня собралось немало писем Томе-

¹ Амур — бог любви у римлян соответствует Эросу у древних греков, сыну Ареса и Афродиты, которого почитали также богом верности и дружбы.

ка, высланных из разных экспедиций, в которых он принимал участие.

— Кончайте этот пустой разговор,— сказал Томек, пожимая плечами.— Кого могут интересовать мои письма к тебе?!

— Ты так полагаешь? — возмутилась Салли.— Хорошо, если ты на меня не рассердишься, то я могу тебе кое-что рассказать!

— Не рассержусь! — уверил ее Томек.

— Честное слово?

— Конечно!

— Это было еще в школьном интернате в Австралии. Однажды я получила от тебя письмо из Африки, написанное в поезде, шедшем из Найроби к озеру Виктория. Было поздно, и я вечером смогла прочесть письмо только один раз. Твои описания страны были так захватывающе интересны, что утром следующего дня, сидя на первом уроке, я украдкой стала перечитывать твое письмо. Занятая интересным чтением, я забыла обо всем на свете. Вдруг кто-то выхватил письмо, которое я держала в руках под верхней доской парты. Учительница с немым укором во взгляде суровых глаз вернулась с письмом к кафедре и стала про себя его читать. Я думала, что мне от нее здорово достанется. Тишина длилась не меньше четверти часа. Учительница вызвала меня к доске и спросила, кто этот молодой путешественник, приславший письмо. Я ответила...

Тут, всегда бойкая Салли вдруг покраснела и в смущении умолкла. Однако взяла себя в руки и продолжала:

— Ну, это неважно, что я ей ответила. Во всяком случае, мистрис Карлтон пожелала мне всего самого наилучшего и просила, чтобы я не скрывала от других столь интересные письма из разных стран. С тех пор я на уроках географии читала все твои письма вслух в качестве дополнительного чтения. Мистрис Карлтон всегда утверждала, что эти письма должны быть опубликованы в печати.

— А, что я говорил? — с триумфом ответил Новицкий.— Честное слово, браток, у тебя есть новая специальность, которую сможешь использовать в старости!

Томек что-то буркнул в ответ. Он искоса следил за молодой девушкой, а Джемс Бальмор укоризненно заметил:

— И все же ученицы не должны на уроках заниматься письмами от молодых людей.

— Сразу видно, что вы до сих пор не получали приятных писем,— вмешалась Наташа.

— Ваше замечание не относится к делу. Во время уроков надо заниматься уроками,— упрямо твердил свое Бальмор.

— Ах, не будьте таким педантом, видимо, не только в уроках дело,— улыбаясь заметил Новицкий.

— Не всегда и не все ведут себя на уроках как нужно, Джемс,— заявил Бентли.— Думается, что каждый из нас в школе иногда грешил.

— Совершенно верно, например, я любил на уроках дергать за ухо товарищей, сидевших впереди,— признался капитан Новицкий.— За это мне не раз доставалось линейкой по лапе от учителя, потому что никто из учеников не отваживался ответить мне тем же!

— Да, да, в школе капитан был немалым шалунишкой,— сказал Вильмовский, который в свое время сидел с Новицким за одной партой.— Однако следует отдать ему справедливость,— он всегда выступал в защиту слабейших товарищей.

— Мне мама говорила, что в школе, где учился Томек, учителя тоже считали его большим шалуном и нарушителем спокойствия,— заметил Збышек Карский.— Он ненавидел подлиз и всегда подстраивал им каверзы. Но учился превосходно!

— Если бы я была мальчиком, хотела бы быть такой же, как он! — порывисто сказала Салли.

— И я тоже,— добавила Наташа.

— Время заняться делами,— перебил беседу Смуга.— Надо подготовиться в дорогу и пораньше лечь спать, потому что мы тронемся в путь на рассвете. Завтра нам предстоит трудный участок пути.

— И верно, горы уже перед нами,— вздохнул капитан Новицкий.

— Томек, с вечера становись на часы,— приказал Смуга.— В двенадцать я тебя сменю, в два часа ночи

мое место займет капитан, который объявит подъем, как только начнет светать.

— А вы не считаете, что пора молодежь привлекать к участию в лагерных делах? — спросил Новицкий. — Все должны научиться держать вахту по ночам. Вот, например, может быть, Салли поупражнялась бы с Томеком?

Смуга удивленно взглянул на капитана, который подмигивал ему одним глазом. Догадавшись о чем думает моряк, Смуга улыбнулся и ответил:

— Правильное замечание, капитан, если, конечно, Салли не имеет ничего против и не слишком устала.

— Что вы? Я хоть сейчас готова в дальнейший путь, — обрадованно воскликнула девушка. — Я охотно буду бодрствовать вместе с Томеком.

— Хорошо, но через два часа ты должна обязательно лечь спать, — добавил Смуга.

По уверениям Бентли, что подтвердил Айн'у'Ку, ночью в Новой Гвинее белым путешественникам ничто не угрожало со стороны туземцев. Дело в том, что необыкновенно суеверные папуасы опасались выходить по ночам из дому; они свято верили, что ночью джунгли становятся обиталищем злых духов. А духов они чрезвычайно боялись. Поэтому ночная служба на стоянке путешественников заключалась, в основном, в наблюдении за порядком в лагере.

Весьма добросовестный при исполнении своих обязанностей Томек, ни в чем не мог упрекнуть Збышека, который уже через три дня марша взял на себя обязанности не только кладовщика, но и хозяина лагеря. Продовольствие к ужину было уже всем роздано, ящики с продуктами и другим багажом отсортированы и уложены в определенном месте и в полном порядке.

Томек и Салли заглянули по очереди во все палатки. Белые участники экспедиции спали на отдельных койках. Томек с удовлетворением отметил, что ножи коек, как и полагалось, вставлены в коробки из-под консервов, наполненные водой, для того, чтобы не допустить к спящим разных лесных насекомых. Москитьеры над койками были плотно закрыты. Поскольку в горных районах Новой Гвинее ночи бывали

довольно холодными, в разных местах лагеря были собраны запасы валежника, чтобы подкладывать его в горящие костры, вплоть до самого рассвета.

— Молодец, Збышек,— похвалил Томек кузена, закончив обследование лагеря.

— Збышек весьма самолюбив! Он образцово выполняет возложенную на него работу,— сказала Салли.— Ты должен обратить внимание на Збышека, а то он иногда работает сверх сил. Ведь он еще не пришел в себя после тяжелых переживаний в Сибири.

— Я знаю и помню об этом, Салли,— ответил Томек.— Я говорил на эту тему с отцом. Он считает, что трудности экспедиции только закалят Збышека.

— Твой папа всегда думает обо всем,— сказала Салли.

Беседуя так, Томек и Салли подошли к кострам, у которых намеревались провести ночь носильщики-папуасы. Они как раз кончали ужин. Как всегда после обильной еды у них было хорошее настроение. Они зажарили на костре поднесенную им Смугой свиную тушу и по-братски разделили ее между собой. Одни туземцы еще копались в пепле костра, выискивая оставшиеся бататы, ели их запивая водой из импровизированных кружек, свернутых из листьев, другие — жевали бетель, коллективно курили трубки, или, лежа у костров, расчесывали волосы бамбуковыми гребешками, похожими на искривленные вилки.

Молодой Айн'у'Ку важничал среди папуасов. Одетый в слишком большую для его роста сорочку Томека, спускавшуюся у него ниже колен, он что-то громко говорил соплеменникам на своем гортанном языке. Довольно большая группа папуасов молча и сосредоточенно прислушивалась к его словам, потому что в стране, где все ходят нагишом, одежда придает человеку важности. Поэтому гордый Айн'у'Ку ежеминутно оглядывал и оглаживал расстегнутую на груди рубашку, и не выпускал из рук незаряженного карабина.

Вдруг один из туземцев стал напевать меланхолическую песню. Несколько других сейчас же подхватили мелодию. Папуасы вскочили и начали танцевать вокруг костров. Темно-коричневые, нагие силуэты ту-

земцев среди голубоватого дыма многих костров были похожи на фантастические, колышущиеся тени.

Салли с тревогой наблюдала за танцами. С самого начала похода от Порт-Морсби ужин туземцев всегда кончался коллективным танцем, продолжавшимся до глубокой ночи. Салли обратилась к Томеку.

— Послушай, Томми, я опасаясь, что наши носильщики скоро совсем выбьются из сил. Ведь они почти не отдыхают после дневных маршей.

— Ты опечалена тем, что они танцуют? — спросил Томек.

— Вот именно...

Томек улыбнулся и ответил:

— Не беспокойся за них! Если туземцы танцуют, это значит они наелись и веселы. Хороший знак для нас. Ведь мы опасались, что они завтра откажутся нести наш багаж дальше. А завтра мы уже очутимся на землях, куда не заглядывают офицеры и чиновники губернатора.

— Ага, это потому Смуга распорядился выдать туземцам на ужин целую свиную тушу? — догадалась Салли.

— Да, моя дорогая! У туземцев мясо считается настоящим лакомством. В Новой Гвинее почти не водится крупный зверь. Поэтому папуасы поневоле вегетарианцы¹ и не отличаются мощным строением тела. Их повседневная пища — бататы, таро, дикая фасоль, кукуруза, огурцы, корни некоторых кустарников, сахарный тростник, бананы, плоды пандануса², а по большим праздникам — ямс. Туземцы разводят свиней, но колют их только в очень торжественные дни. Иногда тому или другому из охотников удастся подстрелить попугая, дикого голубя или райскую пти-

¹ Вегетарианцы — люди не потребляющие в пищу мяса. Стронники вегетарианства питаются исключительно растительными продуктами.

² Панданус (Pandanus) — род однодольных деревьев и кустарников из семейства пандановых. Отличается наличием придаточных корней, растущих от ствола в землю. Нижняя часть ствола нередко отмирает и дерево стоит на придаточных корнях как на подпорках. Листья мечевидные, собраны пучками на концах ветвей. В Новой Гвинее растет вид Sararanga.

цу. Бывает, что охотник подстрелит небольшого медведя коала, казуара или дикого кабана, вот и все, что здесь можно встретить.

— Откуда ты знаешь все эти подробности? — удивленно спросила Салли.

— Вчера вечером я долго слушал в палатке беседу отца с Бентли. Ты же знаешь, что мой папа собирает научные материалы.

— Конечно, я это знаю! Когда он примется рассказывать о разных странах, то слушаешь и не наслушаешься. Я готова слушать его до утра, не смыкая глаз.

— Я тоже, но теперь вспомни, что тебе приказал Смуга. Время спать. Завтра у нас тяжелый день.

— Томми, милый, позволь мне остаться еще немного, хорошо?

— Только на минутку. Посмотри, на небосклоне показалась луна!

Как раз в это время из-за вершин горной цепи выглянул сияющий край лунного диска. Было полнолуние и огромный, блестящий, с красноватым оттенком шар, медленно поднимался по серебристо-белесому небу.

Откуда-то снизу, из-за холмов, покрытых джунглями, послышался тягучий вой. Эхо разносило его по склонам гор, и вскоре во многих местах раздался ответный вой, протяжный звук которого терялся где-то вдали. Салли испуганно придвинулась к Томеку. Он покровительственно обнял ее и сказал:

— Не бойся, это новогвинейские собаки воют на луну...

— Собаки!.. Дикие псы?..— недоверчиво шепнула Салли.— Томми, а может быть, это и в самом деле неизвестные существа призывают друг друга ночью в джунглях?

Томек улыбнулся.

— Забудь о наивных рассказах суеверных туземцев! — ответил он.— Возможно, в джунглях Новой Гвинеи кроются нераскрытые еще тайны, но можно быть уверенным, что там нет ни чудовищ, ни духов. Зловещий вой, который мы слышим, это голоса собак, обитающих в туземных деревьях.

— Ты думаешь?..

— Можешь мне верить,— убеждал девушку Томек.— Один путешественник говорил Бентли, что близ Мерауке¹ в лунные ночи он часто слышал завывание домашних собак, которое всю ночь сопровождало луну в ее путешествии по небосклону. Псы Новой Гвинеи отличаются тем, что совершенно не умеют лаять и воют во время восхода луны.

— Томми, австралийские дикие псы, динго, хотя и лают, но их лай тоже переходит в неприятное завывание,— заметила Салли, несколько успокаиваясь.

— До сих пор не установлено, родственны ли здешние псы австралийским динго. Во всяком случае, они появились в Новой Гвинее вместе с людьми и до сих пор не потеряли с ними связи, а вот австралийские динго теперь совершенно одичали.

В этот момент у их ног раздалось тихое подвывание. Салли нагнулась, чтобы погладить своего любимчика, и сказала:

— Милая собачка думала, что мы говорим о ней.

В ответ Динго потерся лбом о ее колени и тихо залаял, глядя на Томека.

— Молодец, Динго. Он пришел напомнить, что его хозяйка уже давно должна лежать в постели,— сказал Томек.— Спокойной ночи, Салли!

— Спокойной ночи, Томми! Динго, проводи меня домой!

— Динго, береги хозяйку, чтобы ей не приснились злые духи джунглей,— шутливо сказал Томек, ласково гладя собаку по голове.

— Дорогой Томми, когда ты и Динго найдите вблизи, я почти ничего не боюсь.

Салли и Динго исчезли в палатке. Томек уселся на камень; окинул взглядом стоянку. В палатках погасли огни. Его друзья уже спали. Среди туземцев тоже восстанавливалась тишина. Пение и танцы кончились. Папуасы один за другим дожились около костров и засыпали. Но сон их был и не глубокий, и не долгий. Время от времени кто-нибудь из них поднимался и

¹ Мерауке, ныне Мураква — морской порт и город на южном побережье Западного Ириана, бывшей голландской колонии.

подбрасывал в костер несколько веток валежника, потому что в горах ночи были довольно холодны.

Томек вглядывался в темную даль. На светлом фоне неба выделялись вершины горных цепей. Вниз, в долину, простирающуюся у его ног, медленно спускался туман. В лагере уже умолкли песни. Слышалось только звонкое монотонное пение ночных сверчков.

Х

ДЫХАНИЕ ДЖУНГЛЕЙ

Капитан Новицкий дал сигнал к подъему еще затемно. Утро встало холодное и туманное. Долина внизу, целиком затянутая дымкой тумана, походила на равнину, покрытую снегом. По небу шли низкие, кучевые облака.

Путешественники с охотой взялись за работы по свертыванию лагеря, потому что это несколько спасало от пронизывающего насквозь холода и сырости. Иззябшие туземцы собрались у костров и грели нагие тела, покрытые утренней росой. Одновременно, они пекли на кострах бататы и завтракали, запивая их водой из свернутых в трубку листьев. Позавтракав и выкурив оригинальные бамбуковые трубки, они готовы были в дорогу.

Тучи вскоре разошлись, медленно исчезая вдаль. Стало припекать солнце, разгоняя туман. Среди носильщиков, как всегда при распределении груза, возникла суматоха. Каждый из них пытался заполучить себе по возможности легкую и удобную ношу, так что Смуге, с помощью усердного Айн'у'Ку, пришлось довольно долго наводить порядок.

Неизведанная и совершенно дикая дорога вела поначалу по ровной возвышенности, поросшей остролистной травой кунаи, достигающей высоты почти человеческого роста. Широкая равнина, покрытая травянистой растительностью напоминала зеленовато-желтое море, совершенно неподвижное в безветренную погоду, над которым, здесь и там, как и в ав-

стралийской степи, поднимались вверх островки эвкалиптовых деревьев.

Поход через саванну, поросшую травой, в которой низкорослые туземцы скрывались с головой, вынудил Смугу предпринять особые меры предосторожности. Экспедиция шла по местам, совершенно неисследованным белыми, куда не заходили даже военные патрули, а в траве кунаи легко было нарваться на засаду. Ведь губернатор Порт-Морсби говорил, что часто в мнимо безлюдной степи путешественников встречал град отравленных стрел и копий. Поэтому Смуга построил караван по-походному. Вместе с Томеком и Динго он выдвинулся несколько вперед, составив авангард. Они внимательно следили за поведением пса, который не раз в прошлом предупреждал их об опасности. Томек и Смуга внимательно всматривались в дрожащее марево на горизонте и тщательно оглядывали местность вокруг; время от времени один из них становился на плечи другому и через бинокль изучал окрестности.

За ними впереди каравана ехали Вильмовский и Бентли. Затем следовали девушки в обществе Бальмора и Карского; далее тянулась цепь туземных носильщиков, идущих гуськом. Арьергард каравана состоял из капитана Новицкого и двух мельбурнских препаратов — Станфорда и Уоллеса. В таком порядке караван шел несколько часов.

К полудню равнина стала переходить в холмистую местность. Саванны низменности все чаще уступали место лесистым холмам, которые вскоре перешли в отроги главной горной цепи, являющейся как бы-становым хребтом всего острова. Вдали, на горизонте, выросла основной массив горной цепи с отдельными высокими вершинами, выделяющимися на фоне раскаленного добела неба, как древние рыцарские замки.

Смуга довольно долго любовался горным пейзажем. Потом обратился к Томеку:

— Не понравится это нашему капитану... Он не любит лазить по горам.

— Горы всем нам за шкуру влезут,— ответил юноша.— Однако прежде чем мы дойдем до них, нам

придется пробиться через джунгли. Я только что видел джунгли в бинокль.

— Ты прав, в этой стране нам скучать не придется.

— Я как раз сегодня утром об этом думал,— сказал Томек.— Нам удалось хорошо ознакомиться с островом от моря, а теперь мы знакомимся с ним, так сказать, изнутри.

— Давай, задержимся на том холме и подождем подхода каравана,— предложил Смуга.— У нас есть в запасе немного времени. Прошу тебя, расскажи о своих наблюдениях. Интересно, отличаются ли они от моих?

— Хорошо! На последней нашей стоянке я сделал в путевом журнале следующую запись относительно топографии¹ Новой Гвинеи.

Томек уселся на камень; достал из кармана записную книжку и стал читать:

«Южное побережье острова с обеих сторон отличается обрывистыми, влажными берегами, за которыми простирается холмистая местность, поросшая травой кунаи, с редкими, отдельно стоящими деревьями. Если идти с юго-восточного края острова по направлению на запад, то в низких местах можно встретить кокосовые пальмы и великолепный буш. За ними простираются обширные болота, по которым текут крупные реки, позволяющие проникать в глубь болотистой местности.

К северо-западу от юго-восточного побережья в глубь острова ведут холмистые саванны, поросшие коварной травой кунаи и группами диких фруктовых и эвкалиптовых деревьев. По мере удаления от берегов, саванна постепенно переходит в сильно пересеченную местность и исчезает у подножия горных хребтов, отрогов главной цепи, проходящей через весь остров с востока на запад. Горные склоны и долины покрыты тропическими джунглями».

— Ты очень верно описал природу и строение острова, Томек,— похвалил Смуга.— Я с тобой совер-

¹ Топография — описание рельефа суши и отдельных ее элементов, то есть высоты, наличия рек, лесов, человеческих поселений и т.п.

шенно согласен. Продолжай тщательно записывать все, что достойно внимания, ведь мы входим в совершенно неизведанные края.

— Приму это во внимание,— ответил юноша.— Но вот, подходят наши.

— Все ли в порядке, Ян?! — воскликнул встревоженный Вильмовский, который вместе с Бентли быстро выдвинулся вперед.

— Пока что да. В порядке! — ответил Смуга.— Впереди начинаются джунгли. Нам надо сплотить ряды, и не растягиваться в слишком длинную колонну.

Некоторое время караван продолжал идти по широкой долине, но вскоре группы эвкалиптовых деревьев превратились в сплошную колоннаду древесных стволов, окрашенных в светлые тона от красноватого до желтого. Экспедиция была уже на пороге джунглей, которые вскоре показались перед ней во всей красе.

Наташа, Збышек и Джемс Бальмор впервые очутились в тропическом лесу. Пораженные его величием, они умолкли и даже несколько испугались его вида. Они представляли себе джунгли как некую труднопроходимую сумрачную чащу деревьев, кустарников и лиан¹. В действительности же они очутились среди высоких, слабо разветвленных деревьев с редкими листьями, благодаря чему они пропускали достаточно света. Даже там, где лианы сплошь опутали верхушки деревьев, солнечные лучи, отражаясь от толстых, блестящих, кожистых листьев, освещали джунгли тонкими полосками света и мерцающими бликами.

Вопреки представлениям молодых друзей Томека,

¹ Лианы — лазающие или вьющиеся растения, отличающиеся способностью прикрепляться к соседним деревьям или другим опорам; относятся к достопримечательностям жаркого климата. Лианы чаще всего встречаются в тропической Америке (в частности, в Бразилии), в юго-восточной Азии, на Малайском архипелаге и в Африке. Название «лианы» перешло из языка населения Антильских островов. Французские ботаники приняли это название в качестве научного термина. Вьющиеся и лазающие растения встречаются также и в умеренной зоне. К ним относятся: вьюнок, мышиный горошек и другие бобовые, некоторые подмаренники, ломонос, плющ, хмель и т.п., но только немногие из них имеют древовидные стебли.

джунгли отнюдь не были одинаковыми по виду и колориту. Над вершинами низких деревьев вздымались высоко вверх настоящие лесные великаны, что вызывало суеверную тревогу. Кроны различных, растущих рядом, деревьев поражали разнообразием форм; одни из них были конусообразными, другие круглыми, третьи и четвертые узкими или, наоборот, широкими. Отдельные стволы резко выделялись своей светлой окраской от зелени подлеска. Деревья редко вращались в землю глубокими корнями. Чтобы, однако, противостоять сильным бурям, они широко простирали когтистые корни по поверхности земли, иногда из середины ствола выпускали так называемые придаточные корни, которые внизу поддерживали дерево, опираясь о землю, иногда корни срастались сплошной стеной, создавая мощные, вертикальные ограждения, за которыми удобно было скрываться и людям, и животным.

Разнообразные лианы, которые в зоне умеренного климата принадлежат к травянистым растениям, здесь, благодаря обилию солнечного света и влаги, в большинстве случаев превращаются в древесные виды. Они обвивают стволы деревьев, их ветви переходят с одного дерева на другое, опоясывают одревесневшие стебли бамбука, достигающие нескольких метров высоты. Стебли лиан, иногда толщиной в руку, похожи на прочные витые канаты или на плоские изогнутые пояса. Некоторые из них душат¹ в своих объятиях дерево-кормильца, которое начинает сохнуть с вершины.

Обилие влаги и света благоприятствует развитию эпифитных растений, то есть проводящих всю свою жизнь на других растениях. В отличие от паразитов, эпифиты питаются не за счет соков других растений, а получают пищу из окружающей среды. Некоторые виды эпифитных водорослей, папоротников и мхов растут прямо на земле, другие устраиваются на толстых, горизонтальных ветвях деревьев, в трещинах коры и в изгибах лиан. Кроме споровых растений, на деревьях селились также сосудистые — папоротники и

¹ Душат только некоторые виды *Ficus*.

цветоносные. Благодаря этому, джунгли походили на огромную оранжерею, наполненную тяжелым ароматом цветов, свисающих с деревьев ярко-желтыми и ярко-красными фестонами. Молодые путешественники восхищались видом разнообразных по цвету орхидей, головки которых выглядывали из зеленой чащи.

— Какие красивые орхидеи! — воскликнула Салли, останавливаясь у свисающей ветви дерева.— Томек, достань мне хотя бы один цветок!

Но юноша, вместо того чтобы исполнить просьбу Салли, резко оттолкнул ее и прежде чем она сумела сообразить в чем дело, одним ударом приклада штуцера размозжил голову зелено-желтой древесной змеи.

Салли побледнела, но быстро совладала с собой и сказала:

— Ах, Томми! Ты напрасно ее убил, ведь она, кажется, не ядовитая.

— Ты права, но я это сделал инстинктивно,— ответил Томек.— С тех пор, как я тебя нашел заблудившейся в австралийском буше, ненавижу змей. Все мы тогда очень боялись, что тебя укусила ядовитая гадина.

— Ты все еще помнишь это? — обрадовалась Салли и обняла Томека.

— Динго тоже пострадал от укуса ядовитой змеи в Африке. Ведь он тогда, вероятно, спас мне жизнь,— добавил Томек.

Слушая эту беседу, старшие члены экспедиции улыбались, а толпа папуасов окружила Томека и Салли, приветствуя их криками радости. Предприимчивый Айн'у'Ку успокоил носильщиков и, радуясь не меньше их, спрятал еще судорожно дергающееся тело змеи в свою корзину с продуктами.

— Молодой мастер — хороший глаз, быстрый рука, ол райт,— удовлетворенно сказал он.— Вечером моя изжарит змея. Моя будет хороший ужин, ол райт.

— Томек, неужели он и в самом деле собирает есть эту гадость?! — недоверчиво спросил Збышек.

Прежде чем Томек успел дать ответ, послышался зычный голос капитана Новицкого, который как раз подошел во главе арьергарда.

— Что ж тут удивительного? Африканские негры

тоже пожирают змей. У них это большое лакомство! В свое время я тоже пробовал съесть кусочек. Мясо — белое и вкусом напоминает угря.

— В самом деле? Вы не шутите?! — возмутился Джемс Бальмор.— Думаю, что цивилизованный человек не притронулся бы к такой гадости!

— Видимо, наш капитан «дикарь»,— шутливо заметил Томек.— Во время многочисленных экспедиций он приобрел странные вкусы. Например, в Хотане, в Китайском Туркестане, он с удовольствием лакомялся пиявками в сахаре, которых я ему подбрасывал со своей тарелки в качестве закуски.

— Ты, браток, прекрасно это придумал,— признался капитан.— Благодаря этому, я выиграл дуэль на рюмки со знакомым пандита Давасармана, потому что пиявки, будучи обитателями вод, непрерывно возбуждали у меня жажду.

— Что ж, обладая столь неприхотливыми вкусами можно не умереть с голоду даже в джунглях, где обычно мало съедобной дичи. Зато здесь множество насекомых, пауков, членистоногих, огромных дождевых червей, ужей и ящериц,— с притворной серьезностью вмешался Бентли.

— Эти яства я еще не пробовал, но кто знает, как это будет, когда кишки начнут играть марш? — ответил Новицкий.

— В путь, господа, в путь! — скомандовал Смуга.— Скоро вечер, и нам надо выбрать место для ночлега.

Густой и высокий подлесок сильно затруднял движение по джунглям. Здесь, как и всюду в светлых лесах, преобладали папоротники с вертикально расположенными листьями. Среди них часто встречались древовидные папоротники, увенчанные большими кронами листьев, достигавшие большой высоты и часто поддерживаемые придаточными корнями. Встречался также и бамбук, разные виды бегонии с яркими листьями странной формы и другие, неизвестные нашим путешественникам, растения с пестрыми хвостатыми листьями, обсыпанные цветами и разноцветными плодами.

Теперь впереди каравана шли два туземца, вооруженные длинными ножами. Им приходилось проре-

зять ими дорогу среди колючего кустарника, состоявшего преимущественно из панданусовых растений. От колючек, которыми усеяны стволы панданусов, очень страдали нагие туземцы. Кроме того, различные насекомые, которых здесь было предостаточно, впивались в кожу между пальцами босых ног папуасов, причиняя им немалые страдания.

Несколько часов ходьбы по тропическим зарослям сильно измучили путешественников. Поэтому они все чаще стали спотыкаться о корни и камни, с трудом перебирались через поваленные бурей стволы деревьев, которые были так изъедены разными насекомыми и грибами, что рассыпались в прах, даже под легким давлением ноги. Они уже не могли любоваться белыми чашечками цветущих розелл с красными лепестками цветов. Громкие крики попугаев казались им издевательским смехом птиц, удивленных бессилием людей перед лицом грозной мощи беспредельной тропической пуши.

Однако Смуга не обращал внимания на усталость девушек и непрерывно требовал ускорить шаг. На этой географической широте, как правило, погода к вечеру ухудшалась. Вечерние дожди выпадали здесь ежедневно, притом с удивительной регулярностью, независимо от поры года, причем в период дождей шли дольше и были интенсивнее. На небосклоне, который просвечивал между кронами деревьев, уже виднелись темные тучи.

Смуга хотел разбить лагерь еще до начала дождя; всем путешественникам необходимо было хорошенько отдохнуть. Поэтому, как только он заметил холм с росшим на нем мощным деревом с раскидистой кроной, он дал сигнал остановиться на ночлег.

Белые путешественники немедленно взялись за разбивку палаток, для которых выбрали место в тени дерева; туземцы принялись рубить ветви кустарников, из которых строили себе шалаши для укрытия от дождя. Развели костер. Прежде чем девушки выбрали продукты к ужину, первые, крупные капли дождя с шумом упали на твердые листья дерева-великана. Молния прорезала черные тучи, по окрестным горам прокатилось эхо грома. На землю ручьем полился

дождь. Костер погас. Мужчины стали крепить расчалки палаток, спасать от дождя багаж экспедиции. Острые слова команды Смути кое-как удерживали порядок среди работающих, но порывистый ветер срывал брезент, причинял новые беды. Вскоре все промокли до нитки. У подножия холма образовался шумный грязный ручей. Под ударами бури деревья в джунглях клонились долу и зловеще трещали. Вой ветра в лесу наполнил его таинственными звуками и голосами.

— Все — в палатки! — скомандовал Смуга, убедившись, что старания путешественников напрасны, потому что тропический ливень усилился и им не избежать урона в багаже от бури и дождя.

Как вдруг над самым холмом небо разверзлось ослепительной молнией. Раздался оглушительный гром. Огненный шар ударил в огромное дерево, стоявшее на вершине холма. Столетний великан в одно мгновение превратился в пылающий факел. В лагере слышались крики испуга; с вершины расколотого ствола на головы путешественников полетели горящие ветки и... человеческие черепа и кости.

Жуткие подарки, посыпавшиеся с дерева во время сильной бури, произвели потрясающее впечатление. При свете молний лагерь казался разрытым кладбищем. Испуганные девушки спрятали лица на груди Вильмовского, случайно оказавшегося вблизи; Джемс Бальмор побледнел, казалось, он сейчас упадет в обморок; Збышек Карский и остальные стояли ошеломленные близким ударом молнии и падающими вокруг человеческими останками.

Один лишь Смуга не потерял присутствия духа. Он сразу же сообразил, какое впечатление произведет на суеверных туземцев этот странный случай. Поэтому, как только понял, что все его товарищи целы и невредимы, Смуга, стараясь перекричать шум бури, громко скомандовал:

— Новицкий и Томек ко мне, остальные в палатки!

— Сто дохлых китов в зубы! — выругался Новицкий.— Что за дьявольская идея, бросать в человека мертвыми башками, как мячами?!

— Я в первый момент испугался,— добавил тяжело дыша Томек, так как ветер мешал ему говорить.— Что это вы держите в руке?!

Новицкий подсунул приятелю под нос человеческий череп и сказал:

— Мне это ударило в спину!

— Ужасный подарок...— буркнул Томек, недоверчиво поглядывая на треснувший, горящий ствол дерева.

— Надо успокоить туземцев! — крикнул им Смуга.— Они, наверное, перепугались... Утром не оберемся хлопот с ними.

Прежде чем три друга очутились в большой палатке, где их товарищи готовили ужин, прошло немало времени.

— Носильщики очень перепуганы? — обратился к друзьям вошедший в палатку Вильмовский.

— А как же, удар молнии как раз в то дерево, на котором жители джунглей хоронили своих мертвецов, они приняли как предупреждение со стороны духов умерших предков,— ответил Смуга.

— Мы все не на шутку испугались,— заметил Бальмор.

— Я впервые в жизни по-настоящему боялась,— призналась Салли.

— Придется нам всю ночь сторожить лагерь,— сказал Бентли.— Если носильщики нас оставят, мы окажемся в очень тяжелом положении.

— С нами такой случай уже был в Африке,— заметил Томек, снимая мокрую рубашку.— К счастью, здешние туземцы боятся ходить ночью по джунглям.

— Верно,— согласился Новицкий.— Они сидят в шалашах, как суслики в норах. Ночью они нам не подстроят каверзы.

— Я с вами согласен, ночью они не уйдут, а к утру придется их как-нибудь воодушевить,— сказал Смуга.— Они очень суеверны.

ХІ

«ТАИНСТВЕННЫЕ СИЛЫ»

Буря прекратилась только к вечеру, когда уже совсем стемнело. На безоблачном небосклоне засияла луна. Цикады начали свою монотонную песню.

Путешественникам пришлось взяться за уборку лагеря. Они собрали упавшие с дерева человеческие останки и закопали их в яму. Потом привели в порядок багаж, уложив его так, чтобы не подмок. Развесили одежду на веревках для просушки. Спать легли только поздней ночью, выставив часовых.

Смуга опасался, что случайный удар молнии в дерево с останками покойников испугает суеверных папуасов и те откажутся идти дальше. Поэтому он решил вместе с Новицким и Томеком не ложиться спать этой ночью, чтобы при случае помешать носильщикам бежать ранним утром. Сопровождаемый Динго, он обошел лагерь и сел у костра рядом с друзьями. Задумавшись, стал набивать трубку табаком.

— Разнюхали что-нибудь новое? — шепотом спросил Новицкий.

— Во всяком случае, для нас ничего хорошего, — ответил Смуга. — Носильщики собираются по несколько человек у костров, будто бы для того, чтобы выкурить трубку и, если никого из нас нет вблизи, о чем-то советуются вполголоса.

— Вы правы, после такого совещания они могут заартачиться. Не надо было устраивать стоянку под деревом-кладбищем.

— Откуда мы могли знать, что на дереве лежат останки покойников? — возразил Томек. — Наши носильщики тоже ничего не знали. Трудно перед выбором места на ночлег осматривать в джунглях все соседние деревья...

— Ты помнишь, браток, похороны Черной Молнии в Мексике? Индейцы тоже положили его тело на ветви дерева, — сказал Новицкий.

— Правильно, капитан! Обычай хоронить покойников на деревьях довольно распространен среди первобытных племен.

— Черти меня берут, как подумаю, что эти кости лежали здесь на дереве спокойно многие годы, и как раз сегодня вздумали посыпаться на наши головы,— возмутился Новицкий.— Видно, какой-то дьявол наслал на нас эту бурю!

— Дорогой капитан, наши носильщики думают так же, как вы,— заметил Томек и тихонько засмеялся.

Смуга тоже улыбнулся, потому что знал суеверие добродушного моряка. Выпустил из трубки синее облачко табачного дыма и спросил:

— Время уходит, Томек. Не придумал ли ты какой-нибудь волшебный трюк для наших носильщиков?

— Есть у меня одна идейка,— ответил Томек, хитро улыбаясь.

— Фокус? Какой? — заинтересовался моряк.

— Не сразу, капитан, не сразу! — возразил Томек.— Волшебники неохотно делятся своими секретами с другими!

— Руки у меня чешутся, как услышу твои шутки,— с нетерпением сказал Новицкий.

Хорошо зная слабости капитана, Смуга улыбнулся. Томек подмигнул Смуге, но удовлетворить любопытство Новицкого не спешил.

— Говори, браток, что ты выдумал!

Томек помолчал еще немного, поддразнивая капитана, но потом сжалился над ним и сказал:

— Что ж, по старому знакомству скажу только, что я намерен пригрозить туземцам большим несчастьем. Я подожгу воду в ручьях и реках.

— Ой, браток, не говори чепухи! Хотя я и знаю, что ты хитрущая лисица, но боюсь, что близкий удар молнии развалил клепки в твоей башке! Ведь тебе придется доказать им, что можешь поджечь воду, но это же ерунда!

— Сразу видно, что вы не очень прилежно учили физику в школе,— отрезал Томек.— Весь фокус — проще простого и даже, можно сказать, наивен. Достаточно использовать различие в удельном весе двух жидкостей.

— Скажите, Смуга, что за околесицу несет этот парень? — спросил сбитый с толку моряк.

— Он совершенно прав,— ответил Смуга, который

сразу догадался, что решил предпринять Томек.— Хорошо, согласен, горячая вода может поразить воображение туземцев.

— Послушай-ка, браток, возьми меня в помощники. Ты знаешь, что меня хлебом не корми, только дай позабавиться фокусами,— обратился Новицкий к Толеку.

— Что вы думаете об этом? — притворяясь серьезным, спросил Томек у Смуги.

— Если не согласишься на просьбу капитана, я сам готов сгореть от любопытства,— ответил Смуга.

— Что ж, нельзя рисковать жизнью столь важной личности. Хорошо, согласен, будете мне помогать.

Обрадованный капитан хлопнул Томека по спине, нагнулся к нему и воскликнул:

— Ну, теперь говори!

Смуга снова набил табаком трубку. Искоса взглянул на Динго. Пес спокойно лежал у костра. Он только время от времени поднимал голову, прядал ушами и вслушивался в тишину ночи.

Новицкий вел с Томеком тихую беседу. Он удовлетворенно похлопывал его по спине и торжественно обещал образцово сыграть свою роль.

Завтракали путешественники на рассвете. У костров, где собрались туземцы, царила тревожная тишина. Сегодня они не очень спешили к завтраку. Они передавали из рук в руки длинные, толстые бамбуковые трубки. Не выполняли приказаний Айн'у'Ку. Наконец, один из носильщиков встал. Его примеру последовали еще несколько человек. Они подозвали Айн'у'Ку и стали что-то объяснять ему. Встревоженный бой бросал смущенные взгляды в сторону белых путешественников; в конце концов, он подошел к ним в сопровождении толпы носильщиков.

— Они не идти дальше, мастер, ол райт! — кратко заявил Айн'у'Ку.— Они требовать деньги сейчас, ол райт.

— Договор был, что они дойдут с нами до Пополо,— ответил Смуга.— Скажи им, что плату они получат только в Пополо.

Айн'у'Ку перевел носильщикам слова Смуги. Они

долго советовались друг с другом, после чего один из них обратился к бою:

— И что же они решили? — кратко спросил Смуга.

— Они дальше не идти, они вернуться без плата, ол райт,— ответил Айн'у'Ку.

— Почему они срываю́т договор? — продолжал спрашивать Смуга.

— Духи говорят: не идти дальше. Идти дальше, кости твои лежать на земле. Духи послать гром и предупредить, ол райт,— пояснил бой.

— Мы не позволим никому обидеть наших носильщиков. В Пополо они получают плату и вернутся в свои деревни. Скажи им это,— приказал Смуга.

Несмотря на длительные убеждения боя, который, видимо, пользовался и своими собственными аргументами, ему не удалось переубедить носильщиков. С их стороны последовал лаконичный ответ:

— Духи говорят не идти дальше. Канак не идти,— перевел Айн'у'Ку.— Злые духи делать так, что канак погибнуть! Дальше джунгли жить очень много злой людей.

— Злые люди ничего вам не сделают. У нас есть карабины, а духов мы успокоим своими заклинаниями. Скажи им, что с нами они будут в полной безопасности и могут не бояться,— ответил Смуга.

Айн'у'Ку перевел туземцам слова Смуги. С сомнением кивая головами, они снова стали долго совещаться. В конце Айн'у'Ку объявил решение:

— Они говорить мастер не есть шаман, мастер не может заклинать злые духи. Плохие люди бояться только колдовство, ол райт!

— Мы сильнее ваших злых людей и духов,— резко заявил Смуга.— Если носильщики не пойдут с нами в Пополо, мы сожжем воду в реках. Вы все умрете от жажды...

Айн'у'Ку недоверчиво повторил туземцам слова Смуги. На этот раз он вызвал только кратковременный спор и смех. Полностью сбитый с толку, бой сказал:

— Мастер не может гореть вода, вода гасить огонь, ол райт!

— Ах, вы так считаете? Прекрасно, мы вам пока-

жем нашу силу. Дай одному из них ведро, пусть принесет воды из ручья!

Приказ был исполнен незамедлительно, потому что капитан Новицкий вручил ведерко самому старейшему носильщику. Прежде чем тот вернулся с ведром воды, весть о колдовстве разнеслась по всему лагерю.

Любопытные туземцы мигом окружили Смугу, который с совершенно равнодушным видом курил трубку.

Обыкновенно папуасы носили воду в толстых бамбуковых стволах, закупоренных с обеих сторон деревянными пробками, поэтому туземец, неся воду в открытом ведре, растерял по дороге чуть не половину ведра.

— Айн'у'Ку, скажи им пусть попробуют, вода ли это,— приказал Смуга, когда ведро очутилось перед ним.

Несколько носильщиков, зачерпнув пригоршнями воду, отпили немного и утвердительно кивнули головами в знак того, что у них нет сомнений. Впрочем, они видели, что воду принес из ручья один из их товарищей.

Не спеша, Смуга выбил пепел из трубки и подождал Томека.

— Теперь очередь за тобой, дружище,— по-польски сказал он.— Сыграй свою роль так, как когда-то в Африке!

Томек кивнул головой и нагнулся над ведром.

— Почему так мало вода? — спросил он на ломаном английском языке, чтобы как можно больше носильщиков поняли его слова.— Моя зажигать целые реки! Айн'у'Ку, долей еще много-много вода! Дай мне ту, которую ты принес нам сегодня утром!

Капитан Новицкий только этого и ждал. Он немедленно подал бою ведерко. Туземцы, стораая от любопытства теснее сплотились вокруг Томека, а их товарищ собственноручно долил доверху ведро, стоявшее перед Томеком.

— Теперь ваша хорошо смотреть! — громко сказал Томек.

Он выпрямился перед ведром и, протянув вперед

обе руки, стал делать ими кабалистические знаки. Остановился в неподвижности и стал медленно произносить «заклятие» на польском языке:

«Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье,
Тот дорожит тобой, как собственной кровью.
Кто потерял тебя. Истерзанный чужбиной
Пою и плачу я лишь о тебе единой»¹.

Услышав такой «призыв к сверхъестественным силам», Смуга чуть-чуть не разразился смехом. Чтобы не выдать себя, он быстро спустил голову на грудь. Вильмовский покраснел и закрыл лицо ладонями. Збышек Карский от удивления широко открыл рот. Капитан Новицкий не хуже других своих соотечественников знал знаменитое произведение «Пан Тадеуш» Мицкевича, и с превеликим трудом пытался сохранить подобающую серьезность. В конце концов, он овладел собой и воскликнул:

— Ах, что б тебя кит проглотил!

А Томек, не спуская глаз с толпы туземцев, мрачным голосом закончил «заклинание» и воскликнул на ломанном английском языке:

— Вода гореть!

Медленно достал из кармана коробок со спичками, вынул одну из них, зажег и поднес к поверхности «воды» в ведре.

Из уст папуасов вырвался стон ужаса и величайшего изумления. Вода в ведре горела ярким пламенем. Сгорбившись, они с опаской, шаг за шагом, стали отходить от ведра, в котором пылала вода.

Из-под полуприкрытых век Томек следил за их поведением. Радуюсь впечатлению, которое сн вызвал у туземцев колдовством, Томек снял куртку и быстрым движением накрыл ведро. Через минуту открыл. Вздых облегчения вырвался у туземцев. Огонь погас.

— Спроси у них, Айн'у'Ку, пойдут ли они с нами теперь. Если не пойдут, я прикажу поджечь воду в ручье, — заявил Смуга.

Пораженный и испуганный невиданным колдовст-

¹ Перевод С. Мар (Аксеновой). Томек читает на память начало поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш».

вом бой, спешно обратился с вопросом к товарищам. На этот раз ответ был получен немедленно.

— Теперь они все идут до Пополо, ол райт! — сказал бой.— Мастер много великий шаман!

— Уже поздно, быстрее распределяй багаж и в путь! — приказал Смуга.

На этот раз носильщики без споров и пререканий брали на плечи багаж, по указаниям Айн'у'Ку; они все еще находились под впечатлением «колдовства» и обсуждали необыкновенное событие. Тем временем друзья окружили Томека.

— Томми, как ты это сделал? Я впервые видела такой фокус! — голосом полным восторга кричала Салли.

— Ты был великолепен! — восхищалась Наташа.

— Вода ли была во втором ведрке, поданном тебе капитаном? — с сомнением спросил Джемс Бальмор.— Видимо, в этом кроется весь секрет твоего фокуса?!

— Сегодня утром, как только я проснулся, капитан затребовал у меня литр керосина...— сказал Збышек Карский.

— Я сразу догадался,— добавил Бальмор.— Должен сказать, что даже в цирке мне не приходилось видеть столь мастерски разыгранного фокуса!

— Если не захочешь писать книг, как тебе советовал Новицкий, то на старость у тебя будет еще одна специальность в руках! Можешь стать неплохим престижитатором,— пошутил Збышек.

— Перестаньте насмехаться надо мной,— возмутился Томек.— Это же очень плохо, что на свете есть люди, которых можно одурманить подобными глупостями!

— Правильно, мы согласны с тобой, но ведь не мы виноваты в том, что колониальные правительства не заботятся о просвещении папуасов, которые отличаются суеверием и предрассудками,— ответил Збышек.

— Чем более отстали в своем развитии завоеванные народы, тем легче ими управлять,— серьезно сказала Наташа.— Подобную политику по отношению к туземным народам ведет и царизм в Российской им-

перии. Но я верю, что скоро пробьет час их освобождения.

— Мы очутились в трудном положении, и у нас не было выбора,— вмешался Бальмор.— Никакие разумные аргументы не убедили бы так наших носильщиков, как непонятный им, но чудесный опыт с горячей водой.

— Только поэтому я и согласился проделать этот фокус,— сказал Томек.— Папа возражает против таких методов. Посмотрите, как он нахмурился.

— О, господин Вильмовский это весьма благородный человек,— сказал Бальмор.— Он, наверное, хорошо понимает наше положение и не винит тебя.

— Я это знаю, но мне все равно неприятно,— ответил Томек.— Напомните мне сегодня вечером, чтобы я рассказал вам, как в Африке мне пришлось применить подобный фокус для того, чтобы сломить сопротивление злого шамана, которому я потом объяснил в чем заключается мой опыт и рассказал об этом всем нашим носильщикам.

— Ты действительно здорово поддел этого шамана,— смеясь, признала Наташа.

— Я лишил его возможности обманывать наивных людей его племени,— закончил беседу Томек.

* * *

Караван опять шел полувоенным строем. Люди медленно взбирались на пологий горный склон по едва заметной, дикой тропе. По сторонам росли группы панданусов, похожих на огромные свечи с зеленчми языками пламени.

Смуга и Томек значительно выдвинулись вперед. Время от времени они, дойдя до сравнительно чистого места, останавливались и в бинокль смотрели, не сбился ли караван с пути.

Салли, шедшая с группой молодежи, высмотрела Томека в авангарде, когда тот остановился на вершине скалы, чтобы через бинокль наблюдать за растянувшимся караваном, и воскликнула:

— Ого, они опять остановились и смотрят на нас в бинокль! Поэтому мы тоже можем минуту отдохнуть!

— Хорошо, носильщики отстали от нас, подождем пока подойдут,— согласился Вильмовский.

Бентли присел на поваленный ствол дерева. Остальные последовали его примеру. Вильмовский раскурил трубку, молодежь стала с любопытством осматриваться вокруг. Среди многочисленных отрогов горной цепи дремали туманные долины, по которым вились быстрые горные речушки. Глубокие долины и ущелья в горах манили взор своей кажущейся близостью, но в действительности, чтобы добраться до них, надо было совершить многодневный переход, то спускаясь, то взбираясь на крутые горные склоны. С вершины горного хребта, по которому пробирался вперед караван, казалось, что местность покрыта толстым, пушистым, зеленым ковром.

— Как же живописны эти вечнозеленые леса! — восхищенно сказал Збышек.— Я прямо-таки не могу оторвать взгляд от этого великолепного и сурового ландшафта!

— Ты думаешь, что в тропическом лесу все деревья покрыты листьями, цветами и плодами непрерывно и всегда? — спросил Вильмовский.

— Конечно, ведь мне не раз приходилось читать книги путешественников, где они пишут о вечнозеленых лесах в жарких странах,— ответил Збышек.— То, что я теперь вижу, полностью подтверждает их сообщения.

Вильмовский снисходительно улыбнулся и сказал:

— И все же ты ошибаешься, мой дорогой! Рассказы о вечнозеленых джунглях — результат поверхностного с ними знакомства. Достаточно немного более тщательных наблюдений, чтобы убедиться в ошибочности такого суждения. Только немногие виды растений джунглей растут и развиваются непрерывно, у всех остальных существует ясно выраженный цикл интенсивного развития, чередующегося с отдыхом¹. Причина ошибки заключается в том, что у разных

¹ К числу вечнозеленых деревьев, наряду с несколькими другими видами, принадлежат: хлебное дерево (*Artocarpus incisa*) *Morinda citrifolia*, *Albizia falcata*, *Filicium decipiens*.

пород чередование отдыха и развития не совпадает по времени. Поэтому в джунглях деревья, временно сбросившие листья, растут рядом с другими, у которых листва находится в стадии полного развития.

— Первый раз слышу об этом,— изумился Збышек.— Неужели путешественники, бывавшие в джунглях, ошибались?

— Нет, они только исходили из поверхностных наблюдений. Поскольку в тропических лесах всегда преобладают деревья в полной стадии развития листьев, эти леса оставляют впечатление «вечно» зеленых. Зная, что деревья, принадлежавшие к одному и тому же виду, цветут в разное время, эту ошибку легко понять. Но в тропическом лесу так бывает не везде и не всегда.

— Вот об этом я и хотел сказать,— вмешался Бенгли.— Значительная часть растений отличается оригинальным свойством распускаться и зацвести в одно и то же время, даже в один и тот же день, притом на значительных площадях. Достаточно, к примеру, указать на орхидеи.

Беседа прервалась, потому что на тропе показался Айн'у'Ку во главе вереницы носильщиков. Бенгли встал со ствола дерева, на котором сидел, и сказал:

— Ну, пора в дорогу! Наши разведчики тоже, видимо, отдохнули!

Путешественники продолжали взбираться на вершину горного хребта и, в конце концов, очутились на узкой грани, висевшей над глубокой пропастью. Вокруг не было никаких следов пребывания человека. На совершенно дикой тропе лежал слой увядших и высохших листьев, под которыми путешественникам угрожали ловушки в виде камней или корней деревьев, о которые они то и дело спотыкались. Огромные стволы деревьев покрывал мох, низко свисающие, сломанные бурями ветви преграждали дорогу. Кроны густо росших здесь деревьев смыкались вверху, создавая плотный покров, поэтому внизу царил полумрак, полный тревожной тишины.

В молчании караван пробивался через лесную глушь. Идущим впереди, часто приходилось расчищать дорогу остальным, ножами срезая лианы. И

только лишь около полудня, измученные путешественники со вздохом облегчения и радости увидели перед собой длинный, мягко спускающийся вниз горный склон. Правда, и теперь приходилось с трудом пробиваться через чащу тропической зелени, но уже не было опасности, оступившись, скатиться в пропасть. Все яснее слышался шум ниспадающих вод ручья, протекавшего внизу в долине. Лес постепенно редел, солнечные лучи стали проникать через листву, рассеивая полумрак.

Смуга дал знак остановиться на привал на берегу ручья. Ширина его здесь не превышала тридцати метров; перейти на противоположный берег можно было не замочив ног, перескакивая с камня на камень. Теперь, после сильного ливня накануне, вздувшиеся зеленоватые воды с шумом перекатывались через ослизлые обломки скал и поваленные стволы деревьев.

Сначала никто не думал о переправе или обеде, настолько все устали. Бальмор сразу же расстелил одеяло для девушек, мужчины уселись на замшелые камни и поваленные стволы. Смуга и Томек наблюдали за порядком среди носильщиков, которые складывали багаж.

Капитан Новицкий уселся рядом с Салли и сказал:

— Тебе еще не надоела эта дьявольская экспедиция? Вижу, Наташа уже спустила нос на квинту! Вы устали обе, но все же я советую проверить, не искусили ли вас эти противные зверки.

— О каких зверках вы говорите? — спросила Салли, подозрительно глядя на моряка, известного любителя шуток.

— Неужели вы сами ничего не заметили?! — удивился Новицкий. — С деревьев на нас сыпались пиявки, как бывало грушки в саду моего дедушки в Яблонне под Варшавой, а они ничего не заметили!

— Не путайте нас, капитан! — воскликнула Наташа.

— Он не шутит, даю слово! — сказал Станфорд, который вместе с Новицким шел в арьергарде каравана. — Наши носильщики, почти всю дорогу сбрасывали с нагих тел противные создания! Они им особенно

досаждали. Я заметил, что местность здесь роится от наземных пиявок¹.

— Верно, они так и кишели в траве, на кустах и деревьях,— добавил Новицкий.— И в самом деле умнейшие животные! Они умеют пронюхать близость жертвы на некотором расстоянии, потому что сыпались с листьев на наших нагих носильщиков целыми отрядами. Вы только посмотрите, как они их покусали!

Испуганные девушки тотчас же стали осматривать ноги, но к счастью, длинные ботинки с крагами и одежда спасли белых путешественников от нападения паразитических червей. В это время к группе беседующих подошел Томек; увидев, что девушки осматривают свою одежду, он спросил:

— Неужели вас покусали пиявки? Одна присосалась у меня к шее. Я не мог ее снять, пока она не напилась крови до отказа. Наташа, дай мне немножко ваты и марганцовки². Мне необходимо дать ее носильщикам, чтобы они промыли раны от укусов пиявок.

— Может быть, помочь тебе? — предложила Наташа.

— Спасибо, не надо, лучше отдохни. Мы со Смугой справимся без тебя.

— Это дело мужское, уважаемая! — сказал Новицкий.— Подожди, браток, я пойду с тобой! Ты же знаешь, что в случае нужды я могу даже пулю вырезать из раны. Сделаю только один глоток ямайского рома и буду готов!

¹ Наземные пиявки (*Haemadipsa seylonica*), несмотря на большие размеры, в некоторых местах являются врагами человека. В Новой Гвинее они особенно распространены в долине Ванана, где превратились в настоящее бедствие. Ряд известных видов пиявок обитает в водах, питается кровью рыб. К числу наиболее известных форм принадлежат: медицинская пиявка (*Hirudo medicinalis*) и некоторые виды рода *Haementeria*, а также конская пиявка (*Limnatis nilotica*), питающиеся кровью млекопитающих и человека. Известны случаи смерти людей и животных от удушья, когда пиявка вползает в дыхательные пути во время питья воды из водоема, особенно ночью.

² Марганцовокислый калий ($KMnO_4$) — соль гипермарганцовой кислоты, отличающаяся ярко-фиолетовым цветом. Окислительное и дезинфицирующее средство.

Оказалось, что туземцы легко переносят боль. Из ран на их телах сочилась кровь. Кроме того, во время марша через джунгли под кожу им впились клещи и другие мелкие кровососущие насекомые. Папуасы срывали пиявок с помощью заостренных палочек и бамбуковыми ножами вырезали впившихся под кожу клещей. Никто не жаловался и не показывал страданий.

Смуга приказал Айн'у'Ку принести воды из ручья. Любопытные туземцы сейчас же окружили его плотным кольцом. Появление Томека и Новицкого еще больше подогрело их любопытство. Видимо, после утреннего показа «горения» воды они ожидали нового доказательства волшебной силы молодого мастера.

— Всыпь в ведро побольше марганцовки,— обратился Смуга к Томеку.— После укуса пиявок трудно остановить кровотечение из ран. Я думаю, что в слюне этих червей есть какое-то вещество, препятствующее свертыванию крови. Кроме того, им надо смазать марганцовкой между пальцами ног. Некоторые из них вырезали себе целые куски мяса, вместе с насекомыми.

— Хорошо, я сейчас приготовлю раствор,— ответил Томек, открыл банку с марганцовокислым калием и всыпал довольно большую дозу кислоты в ведро с водой.

В толпе носильщиков послышался глухой вздох удивления. Они смотрели на воду, которая приобретала все более темный, фиолетовый цвет.

— Мастер много великий шаман! — воскликнул Айн'у'Ку.

— Великий шаман! — как эхо повторили за ним остальные туземцы.

— Вот, брат, дела! — по-польски шепнул капитан Новицкий.

— Голову даю на отсечение, что ты станешь здесь царем шаманов!

Трое друзей не покладая рук работали над дезинфекцией ран. Все носильщики стремились «намаститься» волшебной водой. Даже те, у кого не было открытых ран, чтобы не отстать от других, наносили

себе ножевые раны и бежали к нашим друзьям за новой порцией чудесной жидкости. Никакие убеждения не помогали. И только когда весь раствор был израсходован, путешественники могли уйти на заслуженный отдых.

ХII

ДОЛИНА СОЛНЦА

Путешественники отдыхали на берегу ручья. Туземцы начали подготовку к переправе на противоположный его берег. Они приволокли из джунглей несколько пучков длинных тонких лиан и сплели из них прочный, гибкий канат. Группа носильщиков направилась по берегу, вверх по течению ручья. Когда они отошли примерно на расстояние 150 метров от места будущей переправы, один из туземцев подпоясался канатом, крепко связав его узлом, и бросился в пенистые воды ручья. Оставшиеся на берегу товарищи держали пловца, как бы на привязи и, постепенно отпуская канат, удлиняли конец, к которому был привязан смельчак. Громкие крики туземцев встревожили девушек.

— Этот человек тонет! — воскликнула Наташа, ладонью заслоняя глаза от солнечного света.

— Скорее, мы должны спасти его! — закричала Салли.

— Успокойтесь, пожалуйста, он не утонет, не бойтесь,— сказал Бентли, наблюдая в бинокль за движениями пловца.

— Очень уж сильное течение и множество водоворотов...— продолжала Наташа.— Он утонет!..

— Ничего с ним не случится, ведь он на привязи. Конечно, если не нападут крокодилы,— ответил Бентли.

— Здесь водятся эти гадины?! — встревожился Новицкий.

— Черт возьми, мы забыли о крокодилах...— воскликнул Томек.— Один только Смуга стоит с винтовкой в руках. Капитан, пойдем к нему.

Через минуту Томек и Новицкий, вооружившись штуцерами, подошли к Смуге.

— Молодец, парень,— похвалил Новицкий туземного пловца.— Хотя он всего лишь сухопутная крыса, однако прекрасно себя чувствует в воде!

Не спуская взгляда с пенистых волн ручья, Смуга в ответ согласно кивнул головой. Сильное течение сносило пловца и он несколько раз перекувыркнулся в воде. Державшие канат туземцы бежали за ним вдоль берега ручья.

— Бентли говорит, что здесь есть крокодилы,— сказал Томек, внимательно исследуя взором обрывистые берега.

— С этим необходимо считаться,— ответил Смуга.— Думаю, что во время паводкового повышения уровня воды крокодилы попрятались в береговых норах. Они не любят слишком сильного течения.

Путешественники умолкли, потому что как раз пловец нырнул, чтобы обойти очередной водоворот. Прошло несколько секунд томительного ожидания, пока его кудрявая голова и коричневые плечи опять показались в пенистых струях воды, ожесточенно бившей в крутой берег. Сделав несколько сильных движений руками, пловец приблизился к обрыву, с которого свисали обнаженные корни деревьев. Ему удалось ухватиться рукой за ослизлый корень. Некоторое время он оставался в этом положении, потом одним мощным рывком подпрыгнул и ухватился второй рукой за корень. Медленно подтянулся на руках вверх и ногами коснулся берега.

Вскоре он очутился на суше. Отвязал канат, прикрепил его конец к стволу дерева, крепко затянул узлы; сделав это, он присел на землю, видимо, для того, чтобы отдохнуть после долгого ныряния. На своем берегу носильщики последовали его примеру и тоже, привязав конец каната к дереву, уселись на отдых. Таким образом, через ручей был переброшен толстый канат, сплетенный из лиан, соединивший оба берега гибким мостом.

Весьма довольный Айн'у'Ку подошел к Вильмовскому и доложил:

— Много очень хороший мост готов, ол райт! На-

ша может идти, только смотреть на фуа¹, они много очень люди кай-кай², ол райт!

— Он с ума сошел! — возмутился Джемс Бальмор.— Через этот его «мост» даже канатоходцы не пройдут!

— Вы правы, а кроме того, он говорит, что здесь есть крокодилы,— поддержал Бальмора Новицкий.

— Смотрите, смотрите, они и в самом деле намерены переходить через ручей по канату! — встревожилась Наташа.

Хотя носильщики и не собирались устраивать цирковое представление, они все же деятельно готовились к переправе.

Собственное скромное имущество они привязывали лианами к голове, багаж крепили к длинным жердям. Два человека подхватывали одну такую жердь за оба конца и смело влезали в воду. Свободной рукой они придерживались за канат, протянутый через стремительный ручей, и переходили на противоположный берег.

К счастью, ручей в этом месте был не глубок; вода доходила папуасам по грудь, а очень малорослым — по шею. Все они кричали как одержимые, надеясь этим отогнать крокодилов.

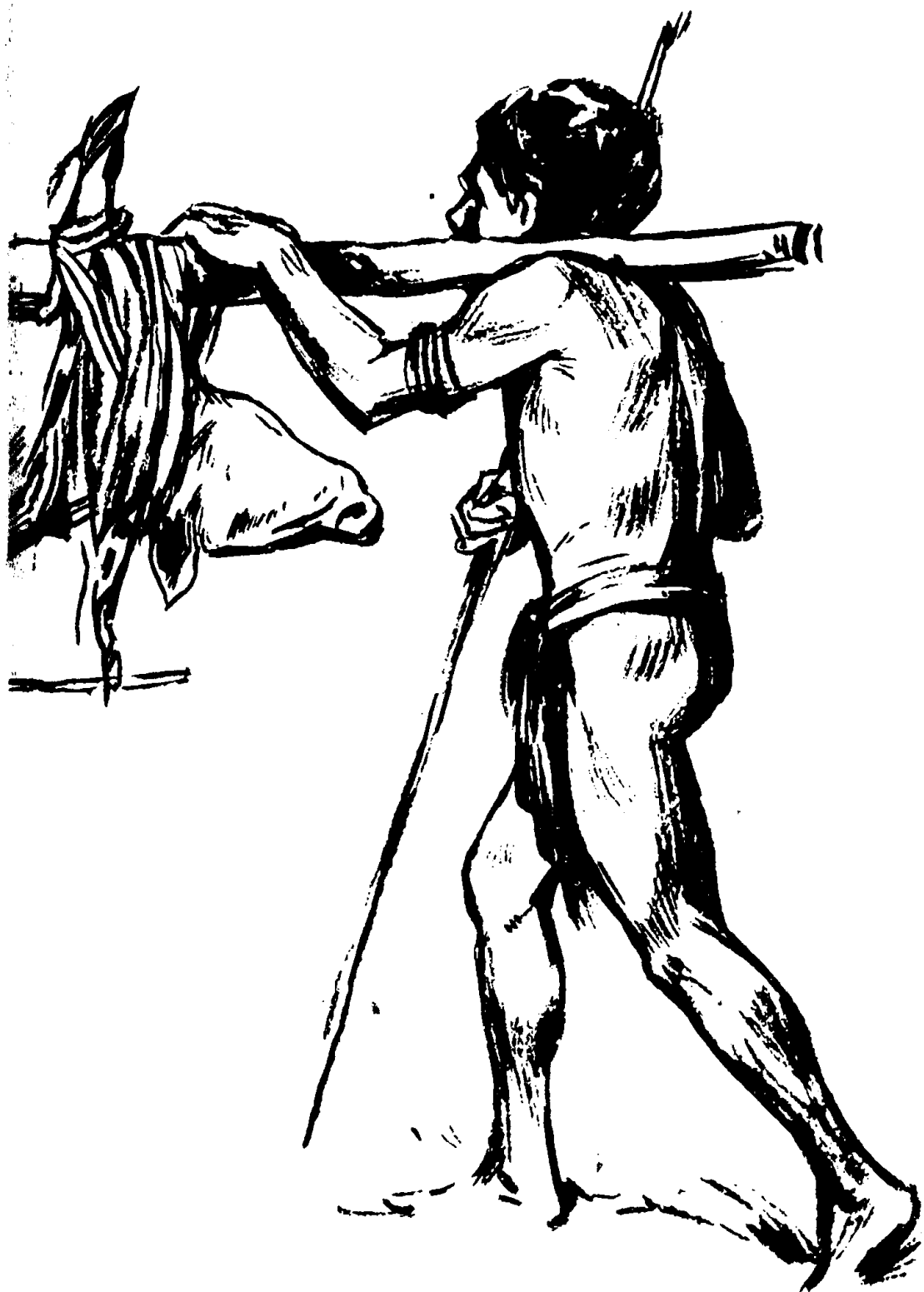
Первые носильщики уже выходили на противоположный берег, часть еще только-только входила в воду. Хуже всего обстояло дело с животными, взятыми в экспедицию для снабжения свежим мясом во время похода через джунгли, где почти невозможно прокормить многочисленную группу туземцев одной лишь охотой на диких животных. Поэтому Бейтли перед походом купил несколько живых свиней и пару десятков кур. Брать их с собой надо было в живом виде, потому что при тропической жаре не удалось бы сохранить их мясо в пригодном для еды состоянии. В походе, как и во время переправы, несчастных животных несли на жердях вниз головой, причиняя им невыносимые страдания.

— Сто дохлых китов в зубы! Бедные поросята за-

¹ Фуа — на местном наречии — крокодилы.

² Кай-кай — есть.

хлебнутся в воде,— говорил капитан Новицкий, наблюдая за ходом переправы.

— Невозможно смотреть на это...— сказала Салли и отвернулась.

— Это жестоко, но мы не можем голодать сами и заставить голодать тяжело работающих носильщиков,— вмешался Смуга.— Я боюсь, что после такой переправы нам придется за раз съесть весь наш свежий провиант, а потом...

— Нечего заранее тревожиться,— перебил его Новицкий.— Давайте подумаем лучше, как мы переправим через ручей наших дам.

— Раньше во время переправ мы счастливо попадали на мелкие места или перебирались по висячим мостам из лиан,— сказала Наташа.— Течение здесь очень сильное. Мы промокнем до нитки...

— А мы перенесем вас на другой берег,— предложил Томек.— Низкорослые туземцы уходят под воду почти с головой, но такой великан, как наш капитан, может этого не опасаться, вода ему достанет только до плеч. Мы смастерим что-то вроде паланкина, ручки которого можно будет взять на плечи. Вы и ног не замочите.

— Прекрасная идея, браток,— похвалил Новицкий.— Твой папаша почти одинакового роста со мной. Вдвоем мы их как-нибудь переправим. Давай, за работу!

Не прошло и получаса, как Новицкий с Вильмовским, неся на плечах паланкин, вошли в воду. Сидя на носилках, шатавшихся из стороны в сторону, Салли немного побледнела от впечатления, но вскоре, действительно не замочив ног, очутилась на другом берегу. Пришла очередь Наташи. Потом, примерно таким же образом, путешественники переправили оружие и амуницию. Одним словом, переправа прошла счастливо, без осложнений, и путешественники, не теряя больше времени, отправились в дальнейший путь.

На следующий день, после перехода через еще более крутой, чем первый, горный хребет, караван очутился в широкой долине реки Дилава. Перед взором путешественников, которые много дней пробирались

через мрачные, безлюдные леса, покрывавшие горные склоны, предстала живописная и заманчивая картина. В долине, наполненной светом и воздухом, росли арековые пальмы¹, увенчанные султаном перистых листьев, дикие банановые деревья с большими, зелеными, постоянно дрожащими листьями, коричные деревья², издающие сладковатый запах, саговые пальмы³, напоминающие великолепные колонны с капителями из длинных, расположенных веером, листьев. То, что здесь росли саговые пальмы говорило о близости реки и плодородии почвы. Действительно, вскоре взорам путешественников открылись обработанные поля с посевами батата, таро и ямса.

Внезапно, где-то вдали послышался тягучий звук, очень напоминающий гудение раковины, если подуть в нее, как в трубу. Смуга сразу же остановился и знаком приказал остановиться и Томеку. Они стали прислушиваться. Далекое гудение замерло где-то в отрогах гор.

— Смотрите! — вполголоса воскликнул Томек.

Смуга немедленно взглянул по направлению, показанному Томеком. Впереди над вершинами деревьев показалось дрожащее в мареве беловатое облачко, поднимающееся вверх.

— Это, пожалуй, какие-то великолепные, огром-

¹ Арековые пальмы в диком виде (*Areca catechu*) растут на островах Малайского архипелага. Ореховые косточки плодов арековой пальмы идут на приготовление жевательного бетеля. Из нарезанных пластинками орехов арековой пальмы с листьями бетеля (*Pipee betle*) — растения семейства перечных, и небольшого количества извести готовят жевательную смесь.

² Коричники (*Cinnamomum*) — тропические деревья или кустарники с плотными кожистыми листьями и желтовато-зелеными или беловатыми мелкими цветами. Высушенная кора культурных пород этих деревьев применяется в кулинарии (корица). Ценные продукты, такие как коричное масло, камфорное масло и другие медицинские препараты тоже получают из плодов и древесины коричников.

³ Саговая пальма (*Metroxylon gumphii*) — встречается в восточной части Малайского архипелага. Ствол этой пальмы покрыт огромными колючками. В западной части растет такая же пальма, но лишенная колючек. Цветут и плодоносят только один раз в жизни, после чего отмирают. Из растертой массы ствола саговой пальмы получают крахмал — саго.

ные мотыльки...— прошептал Томек, очарованный красивым явлением.

Смуга приник глазами к окулярам бинокля.

— Нет, это не мотыльки! — сказал он.— Черт возьми, ведь это белые какаду!¹ Они живут стаями... Короткие хвосты, на головах желтые венчики... Да, это, несомненно, какаду! Кто-то вспугнул их с дерева...

— Думаю, что вблизи есть туземная деревушка,— заметил Томек.

— Ты, несомненно, прав,— согласился Смуга.— Надо подождать, пока подойдут остальные.

— Видимо, кто-то притаился там, потому что птицы никак не могут успокоиться,— шепнул Томек.

Вскоре из-за холма показалась группа, шедшая во главе каравана.

— Что случилось, Ян? — спросил подходя Вильмовский.

— Где-то вблизи находится человеческое поселение,— пояснил Смуга.— В глубине долины, впереди, кто-то вспугнул стаю белых какаду. По-видимому, нас заметили туземцы, и теперь наблюдают за нами. Посмотрите на Динго! Он все время стрижет ушами!

— Мы слышали странный звук! Возможно, это был предупредительный сигнал,— добавил Томек.

— Я никак не предполагал, что в этой горной стране можно встретить столь очаровательные уголки,— удивленно сказал Збышек, любуясь пейзажем, открывшимся его взору.

— Настоящий райский уголок в океане сумрачных джунглей,— вмешался Бальмор.

Томек нагнулся к уху Збышека и шепнул:

— Видимо, капитан прав, утверждая, что Бальмор пишет стихи. Ты заметил, как он выражается?

Збышек утвердительно кивнул головой. Из-за холма показалась вереница носильщиков.

— Збышек, прошу вас потребовать от них, чтобы

¹ *Cacatua galerita* — подсемейство гладкоязычных попугаев. В тропиках встречается везде в низинных районах. Рост небольшой, соответствует размерам наших грачей или ворон.

соблюдали тишину, и пришлите ко мне Айн'у'Ку,— распорядился Смуга.

Прежде чем Збышек успел выполнить приказание Смуги, носильщики сами прекратили монотонную песню. Они сразу же увидели вертевшуюся в воздухе стаю какаду и поняли, что это значит. Носильщики, вооруженные копьями, сильнее сжали их в руках. Айн'у'Ку подошел к Смуге.

— По моим расчетам, мы уже находимся на твоей родине,— сказал путешественник.— Узнаешь ли ты окрестности?

— Моя может узнать, а может нет, моя не знает, ол райт! — ответил босс-бой.

— Ты не уверен, ну что ж, трудно, идем дальше! Держите винтовки готовыми к выстрелу, но стреляйте только по моей команде,— сказал Смуга.— Бальмор, немедленно предупредите товарищей из арьергарда!

Разведчики из авангарда, теперь уже в обществе Айн'у'Ку, опять направились к голове каравана. Смуга держал Динго на поводке; он внимательно следил за поведением собаки и одновременно обшаривал глазами соседние кустарники. Он был уверен, что папуасские воины поджидают европейцев в засаде. Шерсть на спине у Динго вздыбилась, и он ни на минуту не переставал ворчать. Смуга оглянулся на караван. Носильщики шли теперь не гуськом, а плотной толпой. В конце каравана виднелась мощная фигура капитана Новицкого, который значительно превышал ростом всех туземцев. Предупрежденный Бальмором о возможности засады, Новицкий не позволял никому отставать, а сам внимательно осматривался по сторонам. Осторожность Новицкого несколько успокоила Смугу. Он мог не опасаться за тылы.

— Уже показалась деревушка! — тихо сказал Томек.

— Обрати внимание на Динго! Видишь? Видимо, кто-то наблюдает за нами из кустов,— ответил Смуга.

— Я уже давно заметил это,— сказал Томек.

Наступила та предвечерняя пора, когда солнечные лучи ежедневно ведут борьбу с кучевыми облаками, появлявшимися на горизонте. Туземная деревушка казалась издали весьма живописной. На фоне темной

зелени дома, позолоченные лучами солнца, выглядели словно огромные улы, поставленные среди деревьев. Однако достаточно было подойти ближе, чтобы убедиться в их весьма неказистом виде. Вблизи оказалось, что это ни что иное, как жалкие шалаши. Некоторые из них были построены на сваях, довольно высоко над землей, другие — сплетены, как гнезда на срезанных вершинах деревьев. Кровля крыш, выгнутых полукругом вверх, сделана из толстых тяжелых листьев панданового дерева. Узкий, мрачный вход в стене дома выходил на обширную площадь и заслонялся свесом крыши, под которым находилась небольшая платформа — нечто вроде веранды. На веранду вела с земли лестница, сплетенная из древесных ветвей.

Как правило, большую часть дня туземцы проводили на верандах домов, но сейчас там не было ни души. Одни лишь струйки дыма, проникавшего через неплотную кровлю домов, свидетельствовали о том, что деревушка обитаема.

Первыми въехали в деревушку Смуга и Томек. Динго, которого Томек держал на поводке, продолжал стричь ушами, к чему-то принюхивался и подвывал. Крайняя хата была построена на сваях на высоте трех-четырех метров над землей. Дверной проем, видневшийся в стене, был закрыт двумя древесными ветками, уложенными крест-накрест.

— Посмотрите, пожалуйста, между сваями, под полом дома развешаны гамаки,— обратился к Смуге, Томек.— Видимо, туземцы отдыхали на них перед нашим приходом и спрятались, как только их о нас предупредили часовые. Возможно, теперь они сидят в домах, а может быть, скрылись где-нибудь вблизи среди высокой травы.

— Ты, кажется, не ошибаешься! Через щели в крышах проходит дым,— сказал Смуга.

— Влезу на веранду и загляну внутрь хаты,— предложил Томек.

Он начал было подниматься по лестнице, но его задержал Айн'у'Ку:

— Там нет папуас, твоя видит знак на дверь, ол райт!

— Что за знак? Неужели эти две ветки, уложенные наперекрест? — спросил Томек.

— Твоя хорошо говорить, — согласился босс-бой. — Такой знак говорит: никого нет, твоя не входи, духи сторожат дом! Твоя не слушай будет очень много-много плохо, ол райт! Твоя оставить вещи в лесу и поставить такой знак, никто не тронет! Твоя понимает?

— Спасибо тебе, Айн'у'Ку, за предостережение, я тебя прекрасно понял. Ветви, поставленные наперекрест, означают, что входить в дом и прикасаться к предметам, там находящимся, нельзя. Они кому-то принадлежат и этот кто-то вернется за ними. Так?

— Твоя хорошо говорит, ол райт! Духи сторожат такой дом! Томек соскочил с лестницы на землю.

— Что будем делать? — обратился он к Смуге.

— Может быть, нам удастся выманить туземцев из их укрытия, — ответил Смуга и позвал: — Збышек, подай, пожалуйста, табак и соль!

Караван остановился в нескольких метрах от крайней хаты деревушки. Збышек быстро выполнил приказание. Смуга сорвал с ближайшего дерева два листа, положил на камень, на один из них насыпал немного соли, на второй положил табак. Потом, вместе с Томеком они сели, скрестив по-турецки ноги, на землю и, как ни в чем не бывало, закурили трубки.

— Айн'у'Ку, скажи им, что табак и соль мы дарим старейшине деревушки, пусть он без опасений придет и возьмет их себе, — приказал Смуга.

— Айн'у'Ку рупором приложил руку ко рту и стал громко говорить. Прошло немного времени и из травы, росшей на краю деревушки, показался малорослый старик. Он осторожно, шаг за шагом, подошел к камню, на котором лежали подарки. Не отрывая глаз от белых путешественников, он протянул руку, взял лист с горстью соли и сразу же всыпал ее себе в рот. Потом понюхал табак, свернул его вместе с листом в длинную сигару и спокойно произнес какую-то команду.

Томек побледнел от неожиданности. Всего лишь в нескольких метрах от них из высокой травы показались воины. Они держали в руках натянутые луки.

Некоторые были вооружены копьями. Их лица были размалеваны красной и желтой красками, на шеях они носили ожерелья из собачьих зубов и раковин.

Динго присел, словно для того, чтобы броситься на туземцев, но Смуга придержал его рукой.

— Посмотри, ведь мы и не предполагали, что были здесь на волосок от смерти,— буркнул он Томеку.— Они все время целились в нас из луков...

Только теперь стала заметна разница в цвете кожи между старейшиной деревушки и остальными воинами. Кожа у старейшины была несколько светлее. Один из воинов подал ему бамбуковую трубку, в которой сверху были выжжены два отверстия. Старейшина вставил «сигару» в одно из отверстий. К другому приник ртом. Ему поднесли горящую ветку. Старейшина закурил «сигару», наполнил всю трубку дымом, затянулся и передал трубку Смуге.

Несомненно, это был своеобразный способ показать гостю уважение, поэтому Смуга, сохраняя полную серьезность, тоже приложил рот к отверстию в трубке и медленно выпустил клуб дыма. Томек последовал его примеру. Старейшина улыбнулся. Воины сняли стрелы с тетивы луков. Смуга повернулся к своим и дал знак, позволяя им подойти ближе. Они полукругом окружили Смугу и Томека, которые поднялись с земли.

Теперь началась церемония встречи. Старейшина подошел к Смуге. Ткнул себя пальцем в грудь и несколько раз произнес:

— Галум'ур'и!

— Смуга,— ответил путешественник, поняв, что туземец сказал, как его зовут.

Смуга не ошибся, старейшина крепко обнял Смугу, несколько раз повторяя его фамилию. Потом рукой погладил гостя по телу и, приблизив к Смуге лицо, потерся носом о его нос. Стал что-то говорить. К счастью, язык его был понятен Айн'у'Ку, который сразу же стал переводить его слова на свой искаженный, но понятный белым путешественникам английский язык.

— Мы с радостью приветствуем вас в нашей деревне и принимаем в наше племя,— говорил старейши-

на.— Наша земля — ваша земля, наши дома — ваши дома, наши женщины и дети — тоже ваши. У нас нет ничего, кроме овощей, и мы вам дадим их. Дадим вам еще одну свинью, чтобы отблагодарить вас за то, что вы пожаловали к нам.

Старейшина повернулся к воинам и крикнул им что-то на местном наречии. Те ответили громким криком. Видимо, этот крик выражал согласие на предложение старейшины, потому что несколько воинов сразу же побежали в буш, простиравшийся за деревушкой. Вскоре они вернулись, неся на плечах, подвешенную за ноги к длинной жерди свинью. Они с размаху бросили ее на землю к ногам путешественников. Один из папуасов ударил свинью палицей по голове, так что мозг брызнул во все стороны. Другие стали свежевать свинью бамбуковыми ножами, тогда как остальные воины стали красить тела желтой краской. Из буша вышли мальчики и девочки, приветствуя гостей зелеными ветками. Старейшина племени стал делить дары. Смуга получил корейку. Томеку достался один из окороков. Остальные белые тоже получили соответствующие порции. Носильщикам отдали внутренности и голову. Смуга хотел отдать свою порцию старейшине, но Айн'у'Ку отсоветовал говоря, что это было бы крайне невежливо по туземным понятиям. Свинья жила в этой деревушке, поэтому считалась равноправным членом деревенского общества, а съесть своих ведь никак нельзя.

— Что за околесицу он несет? — возмутился капитан Новицкий.

— Нетрудно понять скрытый смысл такого обычая, если здесь и в самом деле процветает людоедство,— ответил Смуга.— Будет лучше всего, если мы отдадим им одну из наших свиней.

— Таким образом будет и волк сыт и овца цела...— согласился Новицкий.

XIII ЛЮДИ И ПОЛУБОГИ

После того как дары были разделены, женщины принесли овощи. Они клали к ногам путешественников продукты, выращенные ими на своих участках. Это были: полосатые тыквы, стебли сахарного тростника, таро, бататы и зеленые побеги местного боба, которые после варки напоминали по вкусу спаржу. Хотя это были подарки, поднесенные в доказательство дружественных чувств, вежливость требовала взаимных подношений. Поэтому Смуга приказал Збышеку раздать женщинам по ложке соли. Папуаски были очень довольны подарками и сразу же стали прятать соль в свернутые в трубку листья. Мужчинам Смуга раздал по куску черного прессованного табака.

Началась подготовка к пиру. Мужчины разложили костер, женщины следили за тем, чтобы лежавшие в костре плоские камни накалились добела. Два пожилых папуаса занялись свеживанием свиньи, подаренной путешественниками, причем совершенно не заботились о чистоте нарезанных кусков. На дно, выкопанной в земле продолговатой ямы, женщины уложили раскаленные камни, прикрыли их ароматными листьями и бросили на них куски свинины, вместе с грязными внутренностями и овощами. Загруженную доверху яму прикрыли слоем песка.

Радушные туземцы приготовили такую же «печь» для гостей, но белые путешественники не решились воспользоваться ею. Дело в том, что, по уверениям губернатора, в стране фьюджи процветал каннибализм. Если это правда, то, возможно, на камнях, гостеприимно предложенных белым, туземцы жарили тела убитых врагов. Осторожный Новицкий, вместе с девушками приступил к приготовлению ужина. Изумленные папуасы окружили их нестройной толпой, громко делясь впечатлениями от виденного. Они впервые наблюдали, как люди занимались «излишним», по их мнению, трудом по очистке мяса и овощей. Им трудно было понять, зачем белые люди берут с собой в путешествие такое количество разных пред-

метов. Личное имущество папуаса не мешает ему даже в далеких путешествиях. Любой из них был совершенно доволен, если располагал копьем, каменным топором, разноцветными перьями, военными красками, бамбуковой трубкой, горстью табака и несколькими сладкими клубнями батата. Богачом считался тот, у кого была свинья. Ничего удивительного не было в том, что, расположенный близ дереvушки, лагерь белых путешественников стал предметом общего любопытства.

Кратковременный дождик, выпавший вскоре, не прервал подготовки к ужину. Вильмовский, Томек и Бентли, воспользовавшись услугами Айн'у'Ку в качестве переводчика, старались собрать как можно больше сведений о быте туземцев. Им удалось даже заглянуть в крупнейшее сооружение, стоявшее в конце улицы — эмоне. Оказалось, что мужчины и старейшины племени собираются в эмоне на совещания. Здесь же живут холостые члены племени. Обе стороны улицы застроены домами, принадлежавшими отдельным семействам. Дома эти назывались эме и хозяйничали в них женщины. Внутри эме царила вечная темнота. При слабом свете раскаленных углей, тлевших в глиняном желобе в полу хижины, с трудом можно было различать силуэты ее обитателей. В домах господствовал неприятный запах человеческих отходов, сажи, немых тел и сушеной листвы, покрывающей крышу.

Когда последние лучи заходящего солнца осветили долину, в дереvушке заканчивался вечерний пир. Томек быстро поужинал, уселся близ костра и стал записывать дневные впечатления. Он занимался этим ежедневно.

Писал он довольно долго. Как только закончил, к нему подседа Сали и спросила:

— Ты, видимо, сегодня сделал ряд интересных наблюдений. Ты работал значительно дольше, чем всегда...

— Да, моя дорогая, сегодня мне удалось собрать массу интереснейших этнографических сведений, — признал Томек. — Не только я, но папа и Бентли были поражены увиденным.

— Ах, значит, потому они закрылись в палатке и ведут там оживленную беседу? — догадалась Салли.

— Да, они разрабатывают научное сообщение на эту тему, — подтвердил Томек.

— Почему же ты не принимаешь участия в совещании? — удивленно спросила Салли.

— Мы распределили задачи между собой. Они занялись племенной организацией, а я изучением племенных легенд.

— Ты можешь рассказать нам о том, что тебе удалось открыть? — и не ожидая ответа, вполголоса позвала: — Капитан! Наташа! Томек сделал интересные наблюдения! Хотите послушать?

Капитан Новицкий сейчас же уселся у костра рядом с Томеком. Наташа и молодые люди тоже расселись вокруг.

— Смуга, Станфорд и Уоллес первыми заступают на вахту. Значит, у нас времени хватит! С удовольствием послушаю твой рассказ, — заявил Новицкий, набивая табакотрубку.

— Вы помните наши беседы о Новой Гвинее, которые мы вели до начала экспедиции? — спросил Томек.

— Прекрасно помним! — ответил Збышек. — Ведь мы столько раз обсуждали разные детали путешествия!

— Что касается топографии страны, то наши предположения оправдались полностью, — сказал Бальмор.

— Да, с этой точки зрения все в порядке, мы не встретились с неожиданностями, — ответил Томек. — До сегодняшнего дня мы не ожидали открытия каких-либо особых новостей в обычаях и быте туземцев. Мы полагали, что у папуасов нет племенной организации. Даже губернатор из Порт-Морсби убежден в этом.

— Верно, он, помнится, говорил, — вмешался Новицкий, — что папуасы совершенно дикие люди, не вышедшие из состояния анархии¹.

¹ Анархия — безвластие, безначалие, состояние общества, характеризующееся отсутствием организованной власти, законов, общепринятых норм поведения.

— Мы тоже так думали,— сказал Томек.— Сегодня мы убедились, что наши предположения совершенно ошибочны. Дело в том, что отдельные племена фьюджи, к которым принадлежат и мафулу, управляются утаме, то есть местной аристократией.

— Интересно! — удивился Новицкий.— Кто такие эти утаме?

— Легенда об их происхождении входит в мифологию¹ племен фьюджи,— ответил Томек.— По местному поверью первые жители Новой Гвинеи были дикими бесполоыми существами, стоявшими на уровне животных. У них не было домов, они не держали собак, не разводили свиней, не знали земледелия. И только бог Тсидибе принес в страну фьюджи семена различных растений, пары разных животных и настоящего человека, названного утаме.

Бог Тсидибе дарил диких обитателей Новой Гвинеи благосклонностью. С помощью утабе, первого человека, полубожественного происхождения, он разделил дикие племена и одарил их способностью к размножению. Так возникли два класса людей: один привилегированный, происходящий от божественного утаме, представители которого называются ан'ита, то есть «красивые и добрые», и второй, а'гата, или булуранис — подданные, потомки первобытных диких жителей острова.

Бог Тсидибе дал булуранис особую организацию. Он разделил их на племена и во главе каждого племени поставил семью утаме.

Самый старший из каждой семьи утаме становится вождем племени. Утаме пользуются огромным влиянием, так как папуасы убеждены, что благополучие племени, способность размножаться зависят только от утаме. А утаме пользуются неограниченной властью над всеми членами племени, могут объявлять войну, но никогда не носят оружия, ибо считаются людьми, приносящими мир. Если утаме случайно очутится на поле боя, его никто не тронет, потому что жизнь утаме почитается «святой».

¹ Мифология — собрание древних легенд, объясняющих естественные явления действиями сверхъестественных сил. Сказания о легендарных лицах, божествах, духах и т.п.

— Хороши же люди мира, которые объявляют войны и могут приговорить любого из подданных к смерти! — возмутился Новицкий.

— Утаме лично никогда не командует воинами и не принимает участия в битве, — ответил Томек. — Войну ведет Эмель'у'Баби — «отец копья». Кроме него, утаме располагают рядом старших вождей, администраторов и младших вождей, занимающихся вопросами имущества, питания и тому подобное. Их положение у фьюджи соответствует министрам у европейцев.

— Вот уж никак не предполагал, что у людей, ходящих нагишом и часто не умеющих сосчитать до пяти, у которых, вдобавок, отсутствует понятие о времени, есть правительство, организованное, как в Европе, — удивленно сказал Новицкий. — Это действительно сюрприз! Теперь я понимаю, о чем так страстно спорят твой папаша и Бентли, уединившись в палатке!

— Да, сообщение об этих фактах вызовет в Европе огромную сенсацию! — признал Джемс Бальмор.

— Представляет немалый интерес, каким образом передаются по наследству функции вождя в семействе утаме, — добавил Томек. — Если у старшего утаме нет сына, власть переходит к брату или к одному из его сыновей, а если и у того нет потомка мужского пола, вождем племени становится сын дочери утаме. Существуют также твердые правила, кто и с кем может вступить в брак¹ и какую занимать должность.

¹ Первые данные о жизни и быте папуасов были сообщены русским путешественником Миклухо-Маклаем. В 1914—1920 годах польский этнограф, исследователь первобытной культуры, профессор Бронислав Малиновский находился в Океании на островах Тробриан, расположенных вблизи восточного побережья Новой Гвинеи, где занимался изучением социологической стороны примитивных культур. Его наблюдения доказали сходство обычаев островитян Тробриана и жителей Новой Гвинеи. На основании исследований Малиновского, можно прийти к выводу, что в некоторых областях жизни «дикие» народы достигали большей степени развития, чем некоторые цивилизованные народы.

Малиновский родился в Кракове в 1884 году, умер в США в Нью-Хейвен в 1947 г. Автор многих трудов, из которых важнейший, опубликованный на английском языке «Плавание по Тихому океану». После опубликования этого труда, в 1922 году, Малинов-

— Томми, ты уже знаешь, кто в этой деревушке считается утаме? — спросила Салли.— Я не заметила никого, кто бы чем-нибудь выделялся среди остальных!

— В этом нет ничего странного, ведь авторитет утаме вытекает из самого факта власти ему данной. Внешне он ничем не отличается от других туземцев. Здешний утаме, это тот невзрачный мужчина, который вышел из кустов нам навстречу,— ответил Томек.

— Вы заметили, что цвет кожи у него светлее, чем у других? — вмешалась Наташа.

— И папа, и Бентли сразу обратили на это внимание,— ответил Томек.— По их мнению, в течение многих веков в Новой Гвинее селились люди разных континентов. Высадившись на побережье, они постепенно оттесняли туземцев в глубину острова и частично смешивались с ними. Таким образом, здесь появились многочисленные типы рас и множество языков. Видимо, первыми в Новую Гвинею прибыли малорослые пигмеи¹, после них появились негроиды², потом представители веддийско-австралоидной расы³ и, наконец,— европейцы⁴, благодаря которым в Океании возник полинезийский тип. Некоторые европейцы, во время длительного плавания на восток по собственной воле, или по необходимости, селились на островах и смешивались с туземным населением. Бентли убежден, что бог Тсидибе и потомки первого утаме происходят от группы европеоидов, которые после высадки на берегу Новой Гвинеи пересекли

ский получил звание профессора Лондонского университета.

¹ Пигмеи — общее название ряда низкорослых племен Центральной Африки, Юго-Восточной Азии и Океании.

² Негроиды — основная человеческая черная раса. В широком смысле в эту расу, кроме негров Африки, входят представители коренного населения Австралии.

³ Веддийско-австралоидная раса — входит в состав черной расы, образовалась путем смешения индейцев с жителями индонезийских, малайских и индокитайских областей.

⁴ Европеиды — европеоидная раса, одна из основных человеческих рас, носившая прежде название «белой». Распространенное среди некоторых европейцев убеждение в якобы превосходстве белой расы лишено всяких оснований и является проявлением расизма.

горный хребет и спустились в долины, где обитали примитивные фьюджи. Видимо, им не трудно было создать миф о своем божественном происхождении и захватить в свои руки власть.

— Весьма логический вывод,— сказал Джемс Бальмор.— Лучше организованные и отличающиеся интеллигенцией пришельцы, захватили власть и землю.

— Я так не сказал,— возразил Томек.— Земля осталась собственностью булуранис, то есть первобытных жителей. Она находится в их общем, совместном владении. Если утаме хочет что-либо посеять для себя, он должен просить общину выделить ему участок земли.

В беседах об обычаях папуасов время проходило незаметно. Шумная прежде деревушка, заметно притихла. Женщины и дети собирались в сторонке, мужчины садились вокруг костров, разведенных рядом с домами. К числу величайших удовольствий туземцев принадлежали табак и бетель. Поэтому одни из них торжественно и сосредоточенно передавали из рук в руки толстые бамбуковые трубки, другие — жевали бетель. Некоторые прямо брали в рот листья бетеля, предварительно посыпав их пеплом из костра. Другие готовили жвачку более изысканным способом. Из банки, сделанной из плода тыквы, они деревянной ложкой доставали известь, полученную из молотых раковин, сыпали ее на листья бетеля, и перед тем как свернуть в трубку, клали в середину орехи арековой пальмы, добавляя еще и горсточку табака. Любителей бетеля всегда легко узнать по красновато-коричневому цвету зубов¹ и кроваво-красным губам.

Белые путешественники умолкли. Из находившихся рядом джунглей слышалось неумолчное пение цикад. Темные силуэты хижин на сваях, огненные блики костров, ползающие по нагим телам молчали-

¹ Листья бетеля посыпают известью для того, чтобы нейтрализовать кислоты. Во время жевания порции бетеля происходит химическая реакция извести с соком плода арековой пальмы, который приобретает интенсивный красный цвет. Бетель действует бодряще и освежающе, дезинфицирует рот, укрепляет десны, но все же вредно действует на организм человека.

вых туземцев, и светлое, усеянное звездами, небо представляли незабываемую по живописности и оригинальности картину. Вдруг кто-то из туземцев, сидевших у костра, медленно и робко затянул песню. Вскоре мотив подхватили новые голоса и вот уже все обитатели деревушки стройно запели печальную песню.

— Как печально они поют... шепнула друзьям Наташа.

— Даже Вильмовский и Бентли прервали работу, чтобы послушать печальную песню туземцев,— добавила Салли.

В это время к группе заслушавшейся молодежи подошел Смуга.

— Подумайте только, казалось бы, люди примитивные, а сколько у них романтизма? — сказал он.— Айн'у'Ку говорит, что они поют песню о любви.

— И правда, я никак не заподозрил бы их в этом,— ответил Новицкий.— Днем они заставляют своих черных красоток работать хуже скотов, а по вечерам поют им о любви!

— Что город, то норов, капитан. Что деревня, то обычай,— заметил Вильмовский, который подошел к костру в обществе Бентли.— Мы интересовались обычаями наших хозяев. Они тоже задали нам несколько вопросов. Они, например, интересовались, сколько у нас надо платить родителям девушки за такую жену, как Наташа или Салли. Я ответил, что у нас за жен не платят. Они с пониманием кивнули головой, причем один из воинов сказал: «И правильно, белые женщины ничего не стоят, им надо помогать в работе».

— Да, да, совершенно верно! Папуасские женщины выполняют все тяжелые работы, поэтому за жену здесь надо платить одну или даже две свиньи,— смеясь добавил Бентли.

Девушки расхохотались, но беседа сейчас же прекратилась, потому что туземцы стали готовиться к танцам. На середину площадки вышли три папуаса с оригинальными барабанами в руках. Длинный корпус этих барабанов был уже в середине, чем по концам, и по форме напоминал древние клепеидры, употребляв-

шиеся в старину вместо часов¹. Барабаны вскоре загудели... Обитатели деревушки и носильщики, нанятые белыми в Порт-Морсби, начали танцы.

— Время спать,— сказал Смуга.— Танцы, видимо, будут продолжаться до утра, а нам надо уже завтра добраться до Пополо.

* * *

Утро настало туманное и влажное. Несмотря на бессонную ночь, носильщики с охотой взялись за работу. Караван поджидал только возвращения женщин, посланных за водой к протекавшему довольно далеко ручью. Смуга был недоволен непредвиденным промедлением. Туземная деревушка находилась на берегу довольно большого ручья, но ее обитатели утверждали, что в ручье обитают злые духи и всякого, кто отважится пить из него воду, постигнет беда. Поэтому женщины ежедневно ходили к отдаленному ручью и приносили ее в деревушку в бамбуковых сосудах, делая запас воды, по мнению шаманов, пригодной для питья. Смуге такое промедление было очень не на руку, но он не позволил никому из членов экспедиции брать воду из ближнего ручья.

— Неужели мы должны прислушиваться к мнению суеверных дикарей? — возмутился Джемс Бальмор.

— Мы могли бы опровергнуть утверждения шаманов и напиться этой воды, ведь она, видимо, не принесет нам вреда, как утверждают эти шарлатаны,— добавил Збышек.

— Довольно пустой болтовни, господа! — упрекнул их Смуга.— Вы новички в путешествиях такого рода! Вам еще многому надо учиться. Бывает, что смешное, казалось бы, поверье может быть вполне обосновано.

— Вы в самом деле так считаете? — удивленно спросила Наташа.

— Да, конечно,— ответил Смуга.— Вы не думаете,

¹ Старейший ударный музыкальный инструмент, распространенный у многих народов, даже находящихся на низкой ступени развития. Барабаны бывают различными по форме и по размерам. Барабаны в форме клепсидры распространены, в основном, в Азии.

что вода в этом ручье может содержать вредные минералы?

— Или, может быть, какие-нибудь гниющие растения делают ее не пригодной для питья? — добавил Томек.— Впрочем, я заметил, что местные жители бросают в воду ручья всяческие отходы и мусор.

— Нам они тоже советовали следовать их примеру,— вмешался Вильмовский.— По бытующему здесь поверью, шаман, если захочет околдовать кого-нибудь, обязательно должен располагать предметом, принадлежавшим жертве. Туземцы верят, что всякий предмет, брошенный в воду, становится недостижимым для злых духов и шаманов.

— Это смешное суеверие никому не вредит. Впрочем, кто его знает, может быть, вода в ручье и в самом деле вредна,— сказал Смуга.— Было бы глупо, если бы мы из-за такого пустяка рассорились с туземцами.

— Ну, вот и конец ожиданиям! Идут женщины с водой — воскликнул Новицкий.

На краю дереvушки показалась вереница женщин. Они несли на плечах по две бамбуковые трубы, заткнутые с обеих сторон деревянными пробками из стволов ароматных растений. Все присутствующие стали утолять жажду. Некоторые туземцы набирали воду в свернутые в трубку листья, другие пили прямо из бамбуковых труб.

Во время ночного гулянья обитатели дереvушки подружились с носильщиками из Порт-Морсби, поэтому многие жители во главе с утаме решили сопровождать караван по дороге в Пополо. Все они, не исключая утаме, добровольно взяли на себя часть поклажи. Караван отправился в путь.

Носильщики чувствовали себя превосходно. Как и все обитатели морского побережья, они боялись горных племен, которые не раз нападали на береговые дереvушки. Теперь онџ в мире и согласии шли вместе со своими вековыми врагами, делились с ними бетелем, признанным здесь повсеместно символом мира. Дружба заключена благодаря белым путешественникам, которые оказались действительно могущественными чародеями. Из близкого уже Пополо они соби-

рались вернуться в родные деревушки на берегу моря. Поэтому теперь они шли в радостном настроении, пели хором песню, наскоро сочиненную местным поэтом, в которой прославлялись подвиги великих белых путешественников¹.

Веселое настроение не прошло даже и после того, как во время одного из постоев утаме заявил, что пора уже возвращаться домой. Эти слова, сказанные им спокойно, были единственным приказом, изданным за все время похода. Путешественникам представился случай убедиться, каким огромным авторитетом пользовался утаме среди своих людей, которые без малейшего протеста сразу стали собираться в дорогу и прощаться с белыми путешественниками и носильщиками из Порт-Морсби.

— Посмотрите-ка, друзья, невзрачный парень этот утаме, а каким пользуется уважением у своих,— сказал капитан Новицкий, наблюдая за поведением туземцев.— Нам бы поучиться дисциплины у них!

— Они его уважают как родного отца,— заметил Томек.— Я только что размышлял об этом и мне пришло в голову интересное сравнение.

— Что за сравнение? Что ты там выдумываешь? — спросил Новицкий.

— Поведение утаме напоминает мне до некоторой степени Смугу. Он тоже пользуется огромным авторитетом и приказания издает не повышая голоса, так как и утаме.

— Ты попал в самую точку,— правильное замечание! — удивленно воскликнул Новицкий.— Но все же есть и разница. Смуга мужчина видный, а этот — карлик!

— Дело не во внешности, а во внутренних достоинствах.

— Ты, видимо, прав, потому что если бы командо-

¹ У папуасов поэтическое творчество неразрывно связано с песнями и танцем. Талантливые барды сочиняют слова для песенок называемых «олове», которые поются во время танцев, и «майаме» — посвященные выдающимся событиям в жизни племени или в жизни великих людей. У первобытных людей эти песни никем не записываются, а передаются из поколения в поколение, подвергаются естественному отбору и в итоге составляют неписанный эпос.

вали только самые сильные и высокие, то я, несомненно, был бы вождем! Что ж, мои родители хотели, как можно лучше, и одарили меня силой и ростом, только я слишком мало заглядывал в книги,— печально сказал Новицкий.

— У вас нет причин жаловаться, капитан. Пополнить знания никогда не поздно, а вот я хотел бы пользоваться таким уважением и любовью, каким вы пользуетесь у своего экипажа. Все они готовы идти за вами в огонь и воду!

— Ты в самом деле так считаешь?! — обрадовался Новицкий.

— Лучший пример этому — я сам,— ответил Томек.— Папа постоянно твердит, что я вам подражаю во всем...

— Вот уж действительно из нас два сапога пара! — ответил Новицкий.— Ты стараешься подражать мне, а я — тебе. Ты знаешь, я решил, что буду так же красиво писать в корабельном журнале, как это делаешь ты!

Говоря это, капитан Новицкий достал из большого левого кармана блузы толстую записную книжку.

— Посмотри-ка, сколько я здесь уже нацарапал,— сказал он.— Я составляю рапорт о каждой моей вахте на суше. В свободное время ты прочтешь и кое-что исправишь в моей писанине, хорошо?

— Можете рассчитывать на меня,— заверил Томек Новицкого.— Я вижу, вы приняли близко к сердцу это дело, недаром вы поместили тяжелый журнал в кармане на левой стороне груди.

— Не смейся, браток, ты же знаешь, что лала у меня тяжеловата для пера и мне приходится нелегко...

Караван опять тронулся в путь. Носильщики шли бодро, близость цели придавала им сил. Горные цепи все выше и выше громоздились на горизонте. Однако караван очутился на плоскогорье Пополо только лишь перед самым закатом солнца. Айн'у'Ку выбежал вперед, уверяя, что узнает родные места. Вскоре путешественники вышли на берег какой-то реки. На противоположном берегу виднелась деревушка, окруженная деревянной стеной из заостренных кольев.

И на этот раз тоже никто не вышел приветство-

вать путешественников, но Айн'у'Ку, не долго думая, вброд переправился через реку. Побежал к деревушке; приложив руки рупором ко рту, он стал что-то громко выкрикивать. Из-за ограды выглянули головы обитателей деревушки. Видно, они узнали Айн'у'Ку, потому что ворота широко отворились. Пожилой туземец, отец Айн'у'Ку выбежал навстречу сыну. Сначала он крепко обнял сына, несколько раз громко произнося его имя. Потом положил свою голову на плечо Айн'у'Ку и стал тереться носом о его нос, ощупывая сына левой рукой, подобно слепцу, который может узнать дорогого человека только ощупывая его пальцами.

— Я очень рада, что парню удалось найти близких,— сказала Салли, обращаясь к Томеку.

— Теперь он не захочет идти с нами,— заметил Збышек.— Видимо, он давно уже не был дома.

Короткое сообщение Айн'у'Ку развеяло все опасения туземцев. Они толпой вышли встретить путешественников. Все они как можно скорее хотели увидеть могущественных белых чародеев. Вскоре весь караван очутился внутри деревянного ограждения.

Путешественники с интересом рассматривали деревушку и ее обитателей. Дома туземцев свидетельствовали о крайнем примитивизме племени мафулу. Большинство из них помещались в обыкновенных шалашах, кое-как сложенных из веток и прикрытых толстыми, похожими на кожу листьями. Шалаша, на первый взгляд, казались большими ульями, куда человек только с трудом на четвереньках пролезал через узкую щель, заменявшую дверь. В качестве поддерживающего каркаса, при постройке шалашей использовались часто стволы растущих пальм, которые со всех сторон застраивались стенами из листьев и веток. Живые кроны этих «колонн» часто напоминали огромные зонты, распростертые над зелеными хижинами. Только лишь дом холостяков — эмоне, построенный на сваях, да хижина миссионера, несколько напоминали человеческие дома.

Но в деревушке белых путешественников ожидал неприятный сюрприз; после официальных приветствий к ним подошел туземец, одетый в длинную до пят рубашку, и сказал:

— Моя кис-баибе¹, великий белый отец идти к большая вода, ваша может спать его дом, ол райт!

Айн'у'Ку спешно пояснил его слова. Оказалось, что миссионера нет в деревушке. Он отправился на побережье.

— Когда вернется большой белый отец? — спросил Бентли.

— Очень много, много лун,— ответил туземец.— Злые духи гневаться на великий белый отец. Он строить дом молитвы, злые духи гневаться, трясти земля, горы, деревья, ломать дома. Великий белый отец говорить: наша строить другой дом, другой крыша. Злые духи не разрушить его и идти прочь за горы к злым люди. Мы хороший люди!

Говоря так, туземец гордо показал на распятие и свисток, висевшие у него на груди.

— Вот беда, видимо, недавно здесь произошло землетрясение,— догадался Бентли.— Миссионер, на помощь которого мы рассчитывали, ушел на побережье, наверное, за более прочным строительным материалом.

— Не повезло нам,— опечалился Вильмовский.— Ждать его возвращения значит потерять множество времени.

— Мы еще подумаем, что нам предпринять. Теперь следует отдохнуть,— решил Смуга.— Кис-баибе советует воспользоваться домом миссионера. Это превосходно. Мы предоставим его нашим дамам.

— Совет хорош, им там будет удобнее, чем в палатке,— согласился капитан Новицкий.

Хижина, в которой жил миссионер, была построена из грубо отесанных стволов пальм. Щели между ними закрывали прибитые снаружи большие куски древесной коры, но из-за частых в этих краях бурь и ветров в стенах было множество щелей, через которые можно было свободно наблюдать за всем, что делается внутри хижины. В одном из окошек торчал обрывок проволочной сетки. Перекосившаяся дверь была грубо сколочена из пальмовых стволов, распиленных вдоль. Кровля двухскатной крыши состояла из

¹ Кис-баибе — помощник миссионера.

травы и листьев. Сколоченная на живую нитку хижина представляла и в самом деле жалкое зрелище, но зато с веранды, пристроенной к хижине со стороны противоположной улицы, открывался поистине прекрасный вид. Плоскогорье, со всех сторон окружали горные цепи, которые на севере переходили в огромный массив вздыбившихся вершин. Пурпурные лучи заходящего солнца придавали картине таинственное очарование.

Смуга поднял деревянный засов и отворил дверь. Вся меблировка малой комнатки состояла из двух кроватей, сделанных из бамбуковых стеблей, переплетенных лианами. Вместо стола посередине комнаты стоял большой деревянный ящик, а вместо стула — такой же ящик поменьше.

Капитан Новицкий разочарованно осмотрелся вокруг и сказал:

— Что ж, мои дорогие, завидовать вам нечего!

— Гостиница скромная, но аромат коричных деревьев делает приятным пребывание в ней, — сказал Томек, внося в хижину подручный багаж девушек. — Щели в стенах тоже не лишены достоинства. Вы сможете любоваться живописным видом не вставая с постелей!

— Дохлому киту в зубы, такие виды! — буркнул Новицкий. — Пошли, браток, надо помочь при разбивке лагеря. Я порядком проголодался!

— Совершенно верно. Мы должны приниматься за работу, — ответил Томек. — У меня тоже живот подвело.

XIV

ОХОТА НА РАЙСКИХ ПТИЦ

Протяжный крик ночной птицы вырвал Томека из дремотного состояния. По давней привычке, прежде чем окончательно проснуться, Томек правой рукой коснулся рукоятки револьвера, заткнутого за пояс. Томек приподнялся на локоть и высунул голову из шалаша, построенного на ветвях раскидистого дерева.

Где-то вблизи послышался шум крыльев, после чего воцарилась тишина. В джунглях стояла непроницаемая темнота. Это безошибочно указывало на то, что близится утро.

Успокоившись, Томек снова прилег на постель из ароматных листьев и трав. Крик птицы не разбудил отца. Несколько минут Томек прислушивался к его глубокому, немного тяжеловатому дыханию. Осторожно накрыл отца своим одеялом. Утро вставало прохладное, и воздух в палатке был пропитан сыростью.

Молодой человек думал о том, облегчит ли охоту предложенный туземцами способ? Они строили на ветвях деревьев шалаши и, засев в них, стреляли из луков птиц, не подозревающих об опасности. Вильмовские решили воспользоваться опытом туземцев, и вот уже четвертую ночь они сидят на дереве в шалаше, сплетенном из веток и лиан, и наблюдают за райскими птицами, жирующими на рассвете на растущих вблизи пандановых деревьях, усыпанных плодами. До сих пор сведения о жизни и обычаях райских птиц были весьма скудны, поэтому наблюдения за ними в естественных условиях могли принести пользу орнитологии¹; кроме того, данные наблюдений можно было использовать в зоологических садах для правильного содержания райских птиц в условиях, близких к естественным.

За четыре дня у Вильмовского накопилось немало полезных наблюдений. Места здесь совершенно безлюдные, даже туземцы не посещают их. Поэтому райские птицы совершенно свободно и безбоязненно жируют на пандановых деревьях до тех пор, пока жаркие солнечные лучи не заставляют их укрыться в тенистом буше.

Накануне вечером Вильмовский убедился, что располагает уже вполне достаточными сведениями о жизни королевских райских птиц², обитающих в ни-

¹ Орнитология — наука о птицах.

² Королевская райская птица (*Cicinnurus regius*) принадлежит к числу красивейших птиц Новой Гвинеи, хотя встречается редко. Обитает в местностях, расположенных ниже 600 м над уровнем моря.

зинных областях Новой Гвинеи. Утром Томек и его отец намеревались подстрелить одну из них, а если удастся, то и несколько. Томек был рад предстоящему окончанию охоты, потому что уже стосковался по Салли. Он всегда беспокоился о ней, если обстоятельства вынуждали их временно расставаться. Томек знал, что Салли очень хотела похвастаться охотничьим успехом во время этого первого в ее жизни путешествия по дикой стране и опасался, что в погоне за приключениями, Салли может совершить необдуман- ный поступок, который поставит ее в опасное положение. Отправляясь с отцом на несколько дней в джунгли, Томек поручил Новицкому опеку над Салли. Он был уверен, что верный друг готов отдать за нее жизнь. Все же, несмотря на это, он стремился как можно скорее вернуться в лагерь.

Тревога Томека не была лишена оснований. Прошло уже больше трех недель с тех пор, как они расстались в Пополо с носильщиками, нанятыми в Порт-Морсби. С помощью верного Айн'у'Ку им удалось нанять новых носильщиков и, не дождавшись возвращения «великого белого отца», отважно направились в неизведанную страну, простирающуюся к северу от плоскогорья Пополо. Теперь они разбили лагерь вблизи территории воинственных таваде, при одном только упоминании о которых носильщики мафулу бледнели от страха. Правда, словоохотливый Айн'у'Ку поддерживал дух своих соплеменников рассказами о необыкновенном могуществе белых волшебников, но предусмотреть как поведут себя мафулу в момент истинной опасности, при встрече с врагами, очень трудно.

Думая о Салли, охоте и ожидающих в глубине джунглей опасностях, Томек и не заметил, как ночь внезапно сменилась днем. И только шум, поднятый попуаями, вернул Томека к действительности. Он выглянул из шалаша. На дворе стало светло. Томек повернулся к отцу. Вильмовский как раз проснулся, сбросил с себя одеяло и уселся на постели.

— Ты давно не спишь? — спросил он у сына.— Я ничего не слышал. Ты отдал мне свое одеяло, а сам, наверное, замерз?

— Перед рассветом меня разбудил крик какой-то ночной птицы, а потом я уж не мог заснуть,— ответил Томек.

— Давай позавтракаем,— предложил Вильмовский.— Потом займем место в засаде и начнем охоту. Возможно, нам сегодня посчастливится...

Из подручного мешка Томек достал остатки запасов продовольствия: несколько сухарей, небольшую коробку мясных консервов и манерку с водой. Охотники молча съели скромный завтрак и осторожно раздвинули стену шалаша, в котором сидели. Скрываясь среди листвы деревьев, они могли свободно наблюдать за всем, что делается вокруг, не привлекая к себе внимания шумных, пернатых обитателей джунглей.

В тропическом лесу пробуждалась дневная жизнь. Многоголосый птичий хор приветствовал наступление нового дня. Среди цветов, гирляндами свисавших с ветвей деревьев, оживленный разговор вели разноцветные попугаи.

Небольшие, белые какаду¹ с желтовато-серыми клювами стаями обсели дикие фруктовые деревья; родственные им черные какаду, птицы довольно крупного размера, жировали на ореховых деревьях, легко разгрызая мощными клювами твердые орехи; на темно-зеленом фоне листвы блестело оперение не очень крупных лори², красного цвета с добавкой светло-зеленых и пурпурных тонов. В густом подлеске, у подножья деревьев, слышалось воркование диких, лесных венценосных обыкновенных и всеобразных голубей. Это преимущественно наземные птицы. Они летают мало и редко, взлетая на деревья только в случае грозящей опасности. Венценосных голубей, самых крупных птиц из отряда голубиных, легко узнать по голубовато-серому оперению с пурпурно-черным налетом на груди и по характерному венцу на голове, похожему на развернутый веер. У некоторых пород этих голубей венцы по форме на-

¹ *Probosciger aterrimus*. В Новой Гвинее водится свыше 46 видов попугаев.

² *Lorius roratus pectoralis*.

поминают обыкновенную метелку, у других — они выглядят, как продолговатые, треугольные, разноцветные флажки¹.

Отец и сын Вильмовские с любопытством наблюдали за крикливыми обитателями джунглей. Вдруг среди птичьих голосов послышался неприятный, тягучий свист. Вильмовский предостерегающе коснулся рукой сына. Томек кивнул головой, давая знать, что понял предостережение. На жировку прилетели райские птицы. Вскоре несколько этих ярких птиц, махая крыльями, уселись на раскидистых ветвях пандановых деревьев.

Томек сосредоточенно наблюдал за поведением птиц, но уже через минуту тихо и разочарованно шепнул:

— В чем дело? Я вижу только самок?!

— Тише, слушай! — успокоил его отец.

Они умолкли. Тягучий, вибрирующий свист опять раздался невдалеке, к нему присоединились и другие голоса. Вильмовский привстал на колени; осторожно выглянул из шалаша. Некоторое время неподвижно застыл в одном и том же положении, потом опять спрятался в шалаше и взволнованно сказал:

— Томек, пара великолепных самцов устроили необыкновенное зрелище. Отсюда наблюдать за ними нельзя, нам придется сойти на землю!

— Они же улетят, если заметят нас! — ответил Томек.

— Не думаю. Бентли уверял, что в начале свадебного токования самцы собираются на выбранных с этой целью деревьях. Будто бы в это время они так заняты собой, что к ним можно подойти на близкое расстояние.

— Что ж, придется рискнуть! — разочарованно ответил Томек, так как опасался, что в случае неуспеха, они не смогут сегодня вернуться в лагерь.

¹ *Goura coronata* и *Goura victoria*. Новая Гвинея — родина венценосного голубя. Великолепные короны этих птиц в свое время шли на украшение дамских шляп, как и перья райских птиц. Это стало причиной истребления голубей. В настоящее время венценосные голуби находятся под охраной.

— Бери фловер¹, я возьму двустволку,— сказал Вильмовский.

Томек первым вылез из шалаша на толстый сук дерева, с которого свисала лестница, сплетенная из лиан. Спустив лестницу до земли, Томек стал сходить по ней вниз. Охотники двигались медленно и осторожно, боясь каким-либо резким движением вспугнуть птиц. Поэтому пока они вдвоем очутились на земле под деревом, прошло много времени. К счастью, в этой местности еще никто не занимался охотой, и непуганные птицы еще не были знакомы со злейшим врагом всего живого в джунглях — человеком. Томек проверил заряжено ли ружье, взял его на ремень через плечо и только после этого, с малокалиберной винтовкой в руке, направился вслед за отцом. Вскоре они, пробираясь от ствола к стволу, очутились совсем близко от токующих птиц. Поведение птиц было так забавно, что Томек совсем забыл все свои личные дела.

На верхушке дерева сидели три самца, причем все они стремились во что бы то ни стало перещеголять соперников в пышности. Два самца королевской райской птицы с ярко-пурпурными перьями на спине, зелеными на груди, оранжевыми на голове и краснорубиновыми на шее гордо топорщили маленькие веера светло-желтых перьев по бокам груди. Они переступали с ноги на ногу, трепыхали красно-коричнево-зелеными крыльями и, жеманно, с самолюбованием, поглядывали на торчащие на коротком хвосте рулевые перья, лишенные вееров, но изогнутые на концах.

Третий самец принадлежал к виду так называемых райских птиц апода². Ростом он значительно превышал соперников. Уселся на нижней ветви дерева,

¹ Фловер — малокалиберное огнестрельное ружье с легким патроном, калибра 6 или 9 мм. Звук выстрела слабый. Первые ружья этого типа изготовлялись курковыми, нарезными и гладкоствольными. Характерная особенность фловера — шестиугольное сечение ствола. В настоящее время малокалиберные винтовки изготовляются по образцу армейских, центрального боя с затворами.

² *Paradisaea apoda* (безногая райская птица). Латинское название напоминает о легенде, связанной с райскими птицами.

вблизи взъерошенных гордецов-соперников и, словно намереваясь броситься на них, поднял вверх растущие у него с боков кисти длинных, нежных желтовато-белых перьев, которые как пелериной закрывали ему спину. Желтое пятно на голове, зеленое блестящее горлышко, коричневые крылья, спина и грудка дополняли его свадебный наряд.

В немом восхищении Томек наблюдал за красивыми птицами. Не удивительно, что о них люди создали столько романтических легенд. Томек даже забыл об осторожности, он все ближе и ближе подходил к токующим самцам. А они, словно зная о восхищении, охватившем юношу, продолжали токовать как ни в чем не бывало, позволяя без помех любоваться собой. Птицы то и дело поднимались в воздух, садились на нижние суки, поворачивались к Томеку то боками, то хвостами, простирали крылья, пыжились и только их неприятные голоса нарушали гармоническую картину.

Томек прямо-таки не верил собственным глазам. У него не было сомнений. Райские птиц прекрасно знали о том, что за ними наблюдают люди, во всяком случае, заметили их. Но продолжали хвастаться своим великолепием. В конце концов, жировавшие неподалеку самки обратили внимание на серенады своих женихов. Три из них, трепеща крыльями, уселись на ветвях соседнего дерева; перекосив головы, они стали следить за поведением самцов, словно за актерами, играющими на сцене.

Вильмовский опять коснулся сына рукой. Вздрыгнув от неожиданности, Томек взглянул на отца. А тот взглядом показал ему на малокалибровку. На мгновение Томеку стало жаль великолепных птиц, которых приходилось лишиться жизни в таких обстоятельствах. Но он понимал, что нельзя терять времени. Птицы в любой момент могли улететь. Солнце поднялось и стало довольно сильно припекать. Томек тихо вздохнул, оперся левым боком о ствол дерева и медленно поднес к плечу винтовку. В этот момент большая райская птица пронзительно крикнула. Томек увидел открытую грудь птицы. Уверенно нажал курок. Самец затрепетал крыльями, почти коснулся брюхом ветки,

на которой сидел, и бессильно свалился на мягкий мох у подножия дерева.

Остальные самцы не обратили никакого внимания на тихий звук выстрела и на внезапное исчезновение соперника. Они продолжали пыжиться друг перед другом, что позволило Томеку перестрелять их одного за другим. Самки тоже не чувствовали опасности. Они подлетели к женихам, удивляясь их внезапному падению. Только когда Томек подстрелил одну из них, сорвались с места, пытаясь улететь, но Вильмовский выстрелил сразу из обоих стволов, положив их на месте.

— Великолепная охота! — воскликнул Вильмовский. — В одной засаде сразу три пары.

— Вот повезло нам, папа! — радовался Томек, не подозревая того, что только громкий звук выстрела из ружья спас жизнь, по крайней мере, одному из них.

Занятые охотой отец и сын Вильмовские не видели, что за ними уже длительное время наблюдает притаившийся в кустах неизвестный туземец. Это был молодой воин племени таваде, проводивший разведку на землях мафулу. Его нагое, коричневое тело было раскрашено черными и белыми полосами. Красно-желтые круги вокруг черных, как уголь, глаз и кость казуара, продетая через ноздри, придавали его лицу выражение жестокости и дикости.

Разведчик таваде впервые в жизни увидел неизвестных ему белых людей. Сначала он испугался, приняв их за духов, но вскоре любопытство преодолело страх. Таваде с дрожью в сердце наблюдал за колдовством белых, которые из длинных палок на расстоянии убивали райских птиц. Видимо, неизвестные белые существа хотели украсить головы перьями собственноручно убитых птиц, чтобы отводить от себя стрелы и копья врагов.

Когда один из белых духов поднял странную, тихо гремящую палку, от чего великолепная птица повалилась на землю, молодой таваде побледнел от ужаса! Потом он наблюдал, как гибли другие птицы. По извечному закону племени таваде, убивать райских птиц имели право только великие вожди. Поэтому разведчик, возмущенный до глубины души, положил стрелу

на тетиву лука и прицелился в белое привидение, нарушившее племенные законы. Как вдруг второе привидение подняло свою палку. Ужасный гром, вид падающих двух птиц сразу вконец поразили молодого воина. Разве мог он поднимать руку на столь могущественных духов?

Воин осторожно спустил тетиву и снял стрелу. Он знал, что никому не дано убить духа...

Неизвестные существа скоро ушли, взяв с собою мертвых птиц. Они оставили в лесу только шалаш на ветвях дерева. Таваде был убежден, что в лесу есть еще и другие белые духи. Он без оглядки бросился по направлению к пограничной реке. Он первый принес в свою деревушку весть о появлении в их краях могущественных белых духов.

* * *

Благополучное возвращение Вильмовских с охоты, продолжавшейся несколько дней, вызвало среди обитателей лагеря понятную радость. Друзья обступили охотников со всех сторон, искренне поздравляя с успехом. Три пары райских птиц — великолепная добыча! Томек радостно прижал Салли к своей груди и, не выпуская ее рук из своих, удовлетворенно выслушал похвалы. Он любил, когда его хвалили за меткость стрельбы.

— Ну, ну, славно вы отличились! — зычно гремел Новицкий. — Однако хорошо, что вы уже вернулись! Мы стали беспокоиться...

— В особенности одна дама никак не могла дожидаться вашего возвращения, — весело добавил Збышек.

— Кого же из нас она ждала с таким нетерпением? — пошутил Вильмовский.

— И вас, и Томека, — не теряя самообладания ответила Салли.

— Не думайте только, что она тосковала по таким чучелам! Вы обросли бородами, как пираты, — подшучивал Новицкий. — Просто она хотела как можно скорее похвастаться своей крысой!

— Томми, не верь коварному капитану! — возрази-

ла Салли.— Мне, конечно, интересно, обрадуетесь ли вы моей находке, но я в самом деле тосковала по вас!

— Не дуйся на меня, красавица,— весело ответил Новицкий.— Я начал об этом, чтобы они, наконец, обратили внимание на тебя!

— Салли, о какой крысе говорит капитан? — заинтересовался Томек.

— Мисс Салли тоже сопутствовала удача на охоте,— вмешался Бентли.— Эта крыса и в самом деле весьма редкий экземпляр, мой друг!

— О, если так, то надо на нее посмотреть,— сказал Вильмовский.— Где же вы держите эту крысу?

— В нашей лаборатории,— ответила Салли.— Капитан уже почти закончил препарирование шкуры.

Походная «лаборатория» находилась в палатке из противомоскитной сетки, в которой можно было работать и по вечерам, при свете керосиновой лампы. Охотники направились туда веселой толпой. Внутрь палатки вошли только Вильмовские и Салли. На подручном столе, сделанном из досок деревянного ящика, лежала натянута шкура животного, хвост которого был покрыт чешуей.

— Впервые вижу подобный экземпляр,— изумился Вильмовский.— Эта крыса по росту не меньше кролика! Ни в одном из европейских музеев нет такого экземпляра!

— В Сиднее есть один, но сильно изъеденный насекомыми,— вмешался Бентли.— Для нас это крупная удача¹.

— Ты его сама поймала? — спросил Томек.

— Поймать его мне помог Динго, но я сама выследила крысу! — ответила Салли.

— Это замечательно! — признал Томек.— Где ты ее нашла?

— Здесь, на нашей полянке,— ответила Салли.— Я в первый момент очень испугалась.

— Ничего удивительного, это крупное животное,— сказал Вильмовский.

— Капитан лично снял с него шкуру. Ему при-

¹ *Hyomys goliath* — грызун, встречающийся редко в музеях.

шлось потрудиться, пока смазал мышьяковой мазью все самые маленькие фалдочки,— говорила Салли.— В противном случае насекомые могут отложить в них яйца и шкура пропадает.

— Вижу, что ты неплохая ученица препаратора,— похвалил Томек.

— Мы с Наташей нашли нескольких жуков,— добавила Салли.— Они гнездятся под камнями и в прогнивших стволах деревьев.

— Что ж, если такая удача будет нам сопутствовать и дальше, мы скоро организуем целый походный музей,— пошутил Томек.

— Пополнился и наш гербарий¹. Мы собрали много образцов орхидей,— с гордостью заявил Бентли.— Как жаль, что крупные цветы не поддаются сушке. В них слишком много влаги... Но мне удалось сделать несколько весьма удачных фотографий.

— Сушилка работает во всю ивановскую,— со смехом сказал Новицкий.— У нас скоро не хватит полотенца, чтобы утереться после мытья!

Томек с любопытством осмотрел легкую палатку, которую охотники называли походной лабораторией. На полочках из досок сушились на солнце различные ветки растений и цветы. Одни из них были завернуты в бумажные конвертики, другие — прикрыты влажными полотенцами, чтобы не поблекли.

— Мы успеем еще ознакомиться с собранными вами коллекциями. Вы дайте нам сначала чего-нибудь поесть, горяченького,— сказал Вильмовский.— Мы с Томеком четыре дня питались сухим пайком!

— А мы как раз варим фасоль на обед,— сообщил Новицкий.— Идем отсюда, а то вид этих червей у меня отбивает аппетит!

— А где же Смуга? — спросил Томек.

— Вот именно, я тоже хотел об этом спросить! Что случилось с Яном? — добавил Вильмовский.

— Пошел с Динго побродить по окрестностям,— ответил Новицкий.— Ведь надо же знать, что делается

¹ Гербарий — коллекция засушенных растений, листьев, цветов. Для ботаники, в частности для систематики, классификации растений и других научных исследований флоры, гербарии представляют большую ценность.

вокруг. На время своего отсутствия он передал командование мне. Я даже думал, что он вернется вместе с вами. Он немного беспокоился о вас и говорил, что заглянет в ваше укрытие, чтобы узнать, все ли в порядке у вас.

— Мы его не встречали. Когда он ушел из лагеря? — с некоторым беспокойством спросил Вильмовский.

— Сегодня, еще до рассвета, — ответил Новицкий. — Может быть, он раздумал и пошел в другом направлении?

— Возможно... Будем надеяться, что он скоро вернется, — ответил Вильмовский. — Теперь давайте пообедим!

* * *

Смуга вернулся в лагерь только перед самым закатом солнца. Увидев друга целым и невредимым, Вильмовский облегченно вздохнул. Наташа принесла миску горячего супа и Смуга, отложив в сторону оружие, с аппетитом принялся за еду.

— Я голоден, как волк, — сказал он, поглядывая на Вильмовских. — Динго поймал себе по дороге какое-то пернатое существо на закуску, а мне пришлось только слюнки глотать.

— Где ты был так долго, Ян? — спросил Вильмовский. — Капитан говорил, что ты собрался навестить наш шалаш!

— Да, я действительно собрался было навестить вас, но изменил намерение. Я нашел лучшее место под лагерь, чем здесь. Там прямо пройти нельзя от птиц и орхидей.

— Это далеко отсюда? — заинтересовался Вильмовский.

— Гм... Не так уж далеко. Хорошо, что вы вернулись. Я прошу тебя, Андрей, Томека, Бенгли и капитана на совещание. Нам надо обдумать дальнейший маршрут. Потом, мне очень интересно услышать ваш рассказ об охоте.

Вильмовский внимательно посмотрел на Смугу, который как всегда прекрасно владел собой. Но ка-

кое-то неясное чувство подсказывало Вильмовскому, что у Смуга есть важные новости.

Как только путешественники уселись вокруг костра, Смуга набил табаком трубку и сказал:

— Андрей, расскажи подробно все, что вы видели и слышали во время охоты на райских птиц.

Пока Вильмовский давал отчет о четырехдневном сидении в шалаше, Томек подбросил в костер свежих веток, чтобы дымили. К вечеру москиты прямо-таки не давали жить...

— Нет сомнений, вам удалось собрать ценный материал и сделать важные наблюдения, — признал Смуга, внимательно выслушав рассказ Вильмовского. — Ты все уже рассказал?

— Да! — твердо заявил Вильмовский. — Возможно, Томек может что-нибудь добавить?

— Нет, я ничего добавить не могу, — возразил юноша.

Смуга выпустил клуб дыма на комара, сидевшего у него на руке, взглянул на Томека и спросил:

— А в последнюю ночь, в шалаше, тебя ничто не тревожило?

— Нет, я ничего не заметил...

— В самом деле, ничего не случилось достойного твоего внимания? Припомни-ка хорошенько? — настаивал Смуга.

— Сейчас... перед самым рассветом я проснулся от крика какой-то ночной птицы. Потом послышалось трепыхание крыльями, но, видимо, не это вас интересует?

Смуга не ответил. Он задумчиво курил трубку, поглядывая то на Вильмовского, то на Томека. Наконец сказал:

— В стране, где отовсюду может грозить неизвестная опасность никогда не надо забывать об осторожности. Возможно, что крик ночной птицы вблизи вашей стоянки был вызван нападением хищника, но это мог быть и сигнал о присутствии в джунглях врага.

— Ян, ты там был сегодня! — вполголоса воскликнул Вильмовский. Мы сделали ошибку и ты считаешь нужным нас упрекнуть?

Смуга загадочно улыбнулся и ответил:

— Да, ты прав, я был там еще до того, как вы сошли на землю, чтобы подстрелить райских птиц. Теперь не время говорить, что я на вашем месте, возможно, вел бы себя совершенно также, как и вы! Нет, я, возможно, сам тоже не обратил бы внимания на крик ночной птицы. Мы, поляки, пока гром не ударит не перекрестимся... Во всяком случае, ты Томек сделал бы хорошо, если бы сейчас же после рассвета обследовал окружающую местность. Другой раз помни об этом! За вами следили... У подножия дерева, на котором был ваш шалаш, я заметил следы босых ног туземца.

— Черт возьми, ты правильно нас упрекаешь в беспечности! — признал Вильмовский.

— Как вы установили это! — спросил Томек, взволнованный услышанной новостью.

— Когда я подходил к вашей стоянке, Динго стал проявлять явное беспокойство, — сказал Смуга. — Он меня и привел к следам, оставленным туземцами. Это были совсем свежие следы. Идя по ним я быстро обнаружил воина, следившего за вами. Я стал наблюдать за ним. Он отнюдь не был мирно настроен, но, видимо, очень испуган. По-видимому, он впервые видел белых людей. Несмотря на это, еще немного и мне пришлось бы застрелить его. Когда ты, Томек, стал стрелять райских птиц, он прицелился в тебя из лука. К счастью, звук выстрела из ружья Андрея испугал его. Он побежал, а я направился по его следам.

Вильмовский вытер рукою пот, выступивший на лбу.

— Только случай позволил нам избежать смертельной опасности, — сказал Вильмовский после минутного молчания. — Ты прав, мы были очень неосторожны.

— Это прекрасный урок всем нам, — сказал Новицкий. — Надо быть бдительнее.

— Правильно, капитан, я поэтому и рассказал вам обо всем, — ответил Смуга. — Следивший за вами молодой воин, был, видимо, разведчиком племени таваде. Он скрылся за рекой, которая, по сообщениям мафулу, считается границей между территорией их и таваде.

— Видимо, это храбрец, раз отважился ночью бродить по джунглям,— заметил Томек.

— Смелая, глубокая разведка по неприятельским тылам,— сказал Новицкий.

— Что ты думаешь делать, Ян? — спросил Вильмовский.

— Мы слишком долго стоим на одном месте,— ответил Смуга.— Мы должны, как можно скорее, свернуть лагерь и отправиться навстречу опасности. За первым разведчиком пойдут другие. Наболтают о нас, Бог знает чего. Надо предотвратить это.

— Совершенно согласен с вами! — поддержал Смугу Бентли.

— Если наши носильщики откроют, что за нами следят таваде, они не пойдут с нами дальше,— сказал Вильмовский.— Далеко отсюда до пограничной реки?

— Каравану придется тащиться туда почти целый день,— ответил Смуга.— Бентли, скажите, сколько времени вам надо, чтобы закончить препарирование райских птиц, добытых Вильмовскими?

— Послезавтра на рассвете все будет готово.

— Крыса, пойманная Салли, тоже уже почти готова,— заявил Новицкий.

— Прекрасно! Завтра мы начнем подготовку к дороге! — решил Смуга.— Прошу о нашей беседе ни кому ни слова!

— Вы правы, но часовых надо удвоить,— заметил Новицкий.

— Ты, капитан, и ты, Томек, смотрите в оба,— закончил совещание Смуга.

XV

НИ ШАГУ ДАЛЬШЕ, НЕ ТО ПОГИБНЕШЬ!

По расчетам Смуги, до пограничной реки караван мог дойти за один день. В действительности же за один день караван прошел всего лишь половину дороги.

Слишком уж часто останавливались носильщики. То у них развязывался багаж, то ими овладевала не-

преодолимая усталость, то им мешали встречные препятствия. Вильмовский то и дело доставал подручную аптечку. Вспыльчивый капитан Новицкий подгонял отстающих, но ни убеждения, ни угрозы не действовали. В этот день носильщики во время марша не пели, как это делали обычно, что весьма красноречиво свидетельствовало об их плохом настроении. Они украдкой переговаривались друг с другом и с опаской поглядывали на север, где виднелись высокие горные вершины, господствующие над горной страной.

Смуга успокаивал друзей и требовал, чтобы они не показывали носильщикам волнения. Он прекрасно знал причину медлительности носильщиков. Они боялись близости реки, отделявшей их от таваде.

Местность постепенно менялась. Теперь караван шел по дну глубоких, болотистых ущелий, где запах гниющих растений смешивался с ароматом великолепных цветов, свисавших с деревьев. Джунгли в этих местах были не очень густые. В них часто встречались дикие фруктовые деревья. Вспугнутые караваном тучи различных птиц, то и дело срывались с деревьев, на которых жировали, и наполняли лес криками.

Спущенный с поводка, Динго несколько раз исчезал в близких кустах, но не проявлял беспокойства, какое всегда охватывало его, если вблизи таилась опасность. Томек внимательно следил за поведением своего любимца. Отметив про себя, что собака не чувствует опасности, Томек решил поохотиться, чтобы добыть свежее мясо для носильщиков. Смуга не возражал, но просил молодого друга не отходить слишком далеко от каравана. «Живые» запасы продовольствия уже давно кончились, и Смуга подумал, что хороший мясной ужин улучшит настроение перепуганных мафулу.

Взяв штуцер и малокалибровку, Томек свистом позвал собаку. Динго подбежал к нему.

— Ищи, Динго, ищи! — скомандовал ему Томек.

— Если тебе потребуется помощь, дай сигнал выстрелами из штуцера, — предупредил на прощание Смуга.

— Хорошо, хотя сомневаюсь, удастся ли мне найти такого крупного зверя, которого без посторонней

помощи не унесу,— ответил Томек и, не теряя времени, отправился вслед за Динго.

Вскоре Томек отошел от каравана настолько, что перестал слышать шаги носильщиков. Опытный в таких делах Динго, выбежал вперед. Он стриг ушами, нюхал воздух, кружил по джунглям; вдруг он остановился, шерсть его на загривке вздыбилась, словно он почуял крупного зверя.

Томек удивился поведению пса. Закинув малокалиберное ружье за спину и взяв в руки заряженный штуцер, он направился в глубину зарослей вслед за собакой. Сделав несколько шагов, Динго опять остановился и оглянулся на Томека. Юноша осторожно раздвинул рукой ветки, мешавшие ему смотреть. На небольшой болотистой полянке паслись огромные птицы. Это были казуары¹, птицы лишенные крыльев, но обладающие мощными ногами. Казуары бродили по болоту и прилежно ловили жаб.

Во время путешествия по Новой Гвинее путешественники уже не раз видели казуаров, но чуткие птицы, почуяв издалека толпу людей, убегали с необыкновенной быстротой. И только теперь Томеку представился случай наблюдать вблизи этих сухопутных птиц. Томек убедился, что в диком состоянии, на свободе, эти птицы ничем не отличаются от виденных им в зоологических садах. Оперение у взрослых экземпляров почти черное, голова и верхняя часть шеи — обнажены. Шкура в местах, лишенных оперения, собранная в фалды, была фиолетово-голубовато-черного цвета. Спереди на шею виднелись две особенно длинные фалды. На своих трехпалых ногах серовато-желтого цвета, казуары рысью бегали по поляне, причем туловища их, лишенные хвостов, оставались в горизонтальном положении. Около самок бродили смешные детеныши с светло-коричневым, пушистым оперением и несколькими полосами черного цвета на спине. Они с необыкновенной жадностью бросались

¹ Казуары (Casuarii) — отряд бескилевых птиц. Всего два семейства — эму (Dromiceidae) и казуары. Родина казуаров — острова на Тихом океане, начиная с островов Серам и Буру, Новой Гвинеи, Новой Британии и кончая северной Австралией. Прежде встречались также в Тасмании.

на жаб и ящериц или пожирали плоды деревьев, сбрасываемые их матерями. Эти последние не всегда могли достать клювом плоды, поэтому стряхивали их, ударяя ногами в ветку или ствол дерева.

Томек не долго наблюдал за казуарами. Он уже знал их обычаи. Он знал также, что они отличаются прекрасным зрением и слухом, да и нюх у них был развит лучше, чем у других птиц. Поэтому, не желая быть преждевременно обнаруженным, Томек наклонился к Динго, показал ему головой на казуаров и дал знак окружить поляну. Умный пес вздыбил шерсть, махнул хвостом и исчез в кустах. Томек стоял, держа штуцер в руках, готовый выстрелить в любой момент. Взглядом он выбирал птиц помоложе, потому что мясо старых казуаров твердое и невкусное.

Динго много раз участвовал в подобной охоте и превосходно понял немой приказ. Через несколько минут он выбежал на поляну с противоположной стороны. Хрипло лая, Динго пытался направить птиц на место, где стоял Томек. Испуганные вначале, казуары скоро поняли, что враг слабее них. Охваченные бешенством, они бросились на бедного пса, стараясь ударить его клювом или мощными ногами. Но Динго, опытный в охоте на разного зверя, ловко увертывался от ударов, которые могли поломать ему кости. Томек не хотел рисковать и подвергать лишней опасности своего любимца. Он уже высмотрел двух молодых казуаров. Как только они показались в поле его зрения, Томек моментально нажал курок и послал в казуаров две пули одну за другой. Сразу же выстрелил третий раз, давая тем самым Смуте условный сигнал.

Две птицы упали на поляну, остальные исчезли с необыкновенной быстротой. Томек послал Динго на встречу друзьям, а сам сел на кочку, поросшую травой, и стал ждать.

Не прошло и четверти часа, как в лесу послышались громкие крики. Томек сразу узнал зычный голос капитана Новицкого и весело ответил:

— Ауу! Я здесь! Убил двух казуаров!

Через несколько минут выбежали из кустов сначала Динго, а потом запыхавшийся капитан Новицкий.

— Умнейший пес! — воскликнул Новицкий.—
Сразу повел нас к тебе!

— Благодаря ему, мне удалось кое-что подстрелить на ужин,— ответил Томек.

— На безрыбье и рак рыба! — сказал моряк, взглянув на убитых птиц с неохотой.

— Не очень аппетитно выглядят эти птицы...— буркнул Бальмор.

Капитан Новицкий шепнул Томеку на ухо:

— Ты заметил, что наши носильщики тревожно оглядываются в лесу? Они ни за что не хотели отойти от каравана! Они, видать, чего-то боятся!

— Они знают, что таваде близко...— тоже шепотом ответил Томек.

Он подмигнул другу и, желая придать папуасам смелости, сам подвел их к мертвым птицам. С тех пор, как Томек показал папуасам фокус с «горением воды», он пользовался у них непререкаемым авторитетом. Несмотря на это, теперь папуасы тревожно поглядывали на окружающие поляну кусты и переговаривались только вполголоса. Не теряя времени, они быстро срубили две бамбуковые жерди, подвесили к ним убитых птиц и тронулись в обратный путь, взяв на плечи концы жердей. Вскоре они догнали караван. Вид убитых казуаров несколько улучшил настроение туземцев. Папуасы любят мясную пищу; кроме того, они очень ценят перья из крыльев казуаров, больше похожие, впрочем, на роговые иглы, из которых они изготовляли украшения, продаваемые через носовой хрящ.

К вечеру караван наткнулся на лесную полянку, лежавшую на мягком склоне горы. Смуга решил остановиться здесь на ночь. Для девушек разбили палатку, а мужчины решили переночевать у костра, чтобы отправиться в путь еще до рассвета, не теряя драгоценного времени на свертывание лагеря.

С наступлением темноты настроение у папуасов явно упало. Они сбились в тревожную кучу вокруг костра и молча прислушивались к таинственным голосам, доносившимся к ним из близких, погруженных в мрак джунглей. По местным суевериям, ночью лес становится прибежищем духов, голоса которых слышались в шуме деревьев и в криках ночных птиц.

Поэтому боязливые папуасы опасались даже глядеть в сторону темного леса. Чтобы избежать необходимости выходить в лес по естественным надобностям, они жевали листья какого-то растения; жвачка эта, видимо, замедляла обмен веществ в организме.

Белые путешественники отнюдь не считали, что находятся в безопасности. Правда, наивные рассказы о лесных духах их не пугали, но сознание, что таваде за ними следили, требовало соблюдения мер предосторожности. Смуга, Новицкий и Томек, сменяя друг друга, обходили лагерь кругом, выходили на опушку джунглей, внимательно наблюдая при этом за поведением Динго. Остальные белые мужчины держали ружья в боевой готовности, туземцы не выпускали из рук копья и палицы. В лагере никто не пытался затянуть песню, не слышно было громких бесед. Лагерь походил больше на военный бивак перед битвой, чем на мирную ночевку охотников.

Москиты не давали покоя путешественникам всю ночь, поэтому все с облегчением встретили наступление туманного утра. Прежде чем солнечные лучи разогнали влажную мглу, караван отправился в путь. К удивлению белых путешественников, носильщики изменили тактику. Теперь они не только не задерживались в пути, но, наоборот, ускорили шаг. Однако так как и накануне старались идти сплошным рядом, не растягиваться в цепочку. Шли молча, не пели обычных песен.

— Видимо, спокойная ночь приободрила их,— говорил капитан Новицкий, который вместе с Томеком и Смугой шел впереди каравана.

— Вряд ли это так. Я опасаясь, что дело обстоит совершенно иначе,— ответил Смуга.

— Вы полагаете, они захотят уйти от нас? — спросил Томек.

— А как же! — согласился Смуга.— Они, вероятно, решили бросить нас на берегу пограничной реки.

— Вы правы, как пить дать! — воскликнул Новицкий.— Шпарят вперед, чтобы как можно скорее отправиться назад!

— Я этого ожидал,— ответил Смуга.— Думаю, Томек, тебе опять придется стать чародеем...

— Я скоро исчерпаю все свои фокусы,— с беспокойством ответил молодой человек.

— Может быть, еще раз покажешь «горящую воду»,— предложил Смуга. Это произвело на них сильное впечатление.

— Покажи им шутку с монетой, которая в свое время так понравилась африканскому шаману,— посоветовал Новицкий.

— Не плохая идея,— похвалил Смуга.— Можно также зажечь костер с помощью линзы. А может быть, ты сам придумаешь что-либо другое?

— Как видишь, браток, унывать нечего,— сказал Новицкий.— Вскоре ты станешь самым знаменитым колдуном во всей Океании!

Местность постепенно понижалась. Густые заросли бамбука, пальмовых деревьев, острой, как нож, осоки, мешали движению каравана. Запах гниющих растений указывал на близость реки. Влажный грунт становился все мягче и мягче. Нередко приходилось идти прямо по обширному болоту, оставляя за собой следы в виде небольших лужиц черной, жирной воды.

Тяжелая дорога через густые заросли вконец измучила путешественников. У всех болели ноги, порезанные длинными, острыми стеблями травы. Только лишь к вечеру караван достиг низких, болотистых берегов реки. Смуге пришлось немало потрудиться, пока он нашел место, подходящее под разбивку лагеря. Джунгли захватили здесь каждую свободную пядь земли. Мощные деревья, словно внезапно остановившиеся среди марша великаны, низко склонились над руслом реки, запустив в ее желтые воды путаницу своих корней. Смуге удалось найти участок песчаного берега. Выстрелом он согнал с него дремавших на солнце крокодилов и приказал носильщикам снять багаж. Туземцы спешно выполнили приказание и тесной толпой уселись на песке. Время от времени они бросали пугливые взгляды на противоположный, тихий, но враждебный берег реки.

Звероловы с тревогой наблюдали за поведением папуасов; их мрачное молчание не предвещало ничего хорошего. Вильмовский подошел к Смуге и сказал:

— Я опасаясь, Ян, что мафулу не пойдет дальше.

— Возможно заартачатся, но будут вынуждены пойти, иначе — конец нашего путешествия,— ответил Смуга, набивая трубку табаком.

— Ты уверен, что тебе удастся принудить их? Я прошу тебя, будь осторожен!

— Я не думаю заставлять их силой,— ответил Смуга.— Я постараюсь убедить их пройти с нами до ближайшей деревушки. Потом, пожалуйста, пусть возвращаются, если захотят.

Они умолкли. Смуга выкурил трубку и достал бинокль из подручного мешка. Он долго наблюдал за всем, что делается на противоположном берегу реки, но кроме непроходимой, зеленой чащи джунглей, преграждавших путь к таинственным деревушкам людоедов и охотников за человеческими головами, ничего не заметил. Спрятав бинокль на место, он обратился к Вильмовскому:

— Андрей, возьми в помощь Бентли, Збышека и Бальмора, пусть они займутся носильщиками. Густые заросли наверняка здорово им досадили. У них, видимо, немало ран. Потом пусть идут сюда для переговоров.

Носильщики несколько оживились, когда Вильмовский стал готовить «чудесное» лекарство из марганцовокислого калия. Все они охотно позволили себя смазать фиолетовой жидкостью, потом, по приказанию Вильмовского, расселись на песке, близ того места, где стоял Смуга. Когда раны последнего носильщика были смазаны, самый старый носильщик поднялся с земли и подошел к Смуге. Однако прежде чем он успел что-нибудь сказать, Смуга заявил:

— Я знаю, что хочешь мне сказать! Вы хотите возвратиться в свои дома. Хорошо, я согласен. Все вы получите столько раковин, сколько мы вам обещали.

Довольный гул голосов убедил путешественника в том, что он попал в точку. Смуга улыбнулся и сказал:

— Может быть, кто-нибудь из вас хочет получить еще больше ракушек? За них он может купить даже поросенка. У многих из вас еще нет жен, а чего стоит мужчина, у которого нет женщины, работающей на него? Кто будет работать на ваших полях?

Айн'у'Ку перевел слова Смуги землякам. Они ут-

вердительно кивали головами. Оказалось, что все хотели получить много-много ракушек.

— Если пойдете с нами до ближайшей деревушки таваде, мы вам дадим много-много ракушек. Все вы сразу разбогатеете, — искушал Смуга.

Папуасы сразу же опечалились. Их старшина сказал, что между таваде и мафулу идет война. Если они перейдут реку, никто не вернется домой.

— Таваде много плохой человек. Они каи-каи человек. Пусть ваша туда не ходит! Ол райт! Канак не хочет раковин, канак хочет домой. Ол райт! — твердо заявил Айн'у'Ку.

— Скажи им, Айн'у'Ку, что мы не боимся таваде, — потребовал Смуга. — Стоит нам захотеть и их воины станут не больше жабы, а кто станет бояться такого маленького человека?

Смуга достал бинокль и предложил папуасу взглянуть через него. Тот отступил в испуге, потому что чаща леса на противоположной стороне реки вдруг приблизилась к нему так близко, что казалось достаточно вытянуть руку, чтобы коснуться свисающих веток деревьев. Успокоив его жестом руки, Смуга поднес бинокль к глазам папуаса обратной стороной. Папуас онемел от изумления: противоположный берег был очень далеко, а все предметы уменьшились в размерах. Смуга позволил ему взглянуть через бинокль на крокодила, отдыхавшего на песчаной отмели, и на собственных товарищей папуаса. Туземец то и дело ахал от изумления, когда люди и предметы удалялись от него или, наоборот, приближались. Конечно, любопытные носильщики стремились заполучить волшебный предмет, чтобы посмотреть через него, и спрашивали всех ли таваде можно сделать маленькими людьми.

Смуга терпеливо убеждал их, что таваде не посмеют напасть на караван. Он заявил, что молодой мастер может не только «зажечь воду» в реках, но и сжечь все джунгли, потому что у него есть волшебный камень, способный перенести огонь с солнца на землю. Туземцы выразили желание немедленно посмотреть на эти чудеса. Томек еще раз «зажечь воду» в ведре, а потом при помощи двух стеклышек от карман-

ных часов поджег кучу хвороста. Носильщики, изумленные столь явным доказательством могущества белых волшебников, провели бурное совещание и, в конце концов, согласились сопровождать путешественников до ближайшей деревушки таваде. При этом они потребовали обещания, что белые волшебники будут сопровождать их на обратном пути до пограничной реки.

Река эта не была ни широкой, ни глубокой. Из желтоватой мутной воды торчали верхушки огромных камней, по которым можно было легко перейти на противоположный берег. Несмотря на это, папуасы не спешили начинать переправу. Заметив это, капитан Новицкий решил придать им смелости. Не обращая внимания на то, что река кишела крокодилами, он смело спрыгнул с берега на ближайший камень, торчавший из воды. Поскользнулся и чуть было не упал, но удержался. Держа в одной руке карабин, капитан в несколько прыжков достиг противоположного берега.

— Черт возьми, надо быть моряком, чтобы проделать такую штуку, — воскликнул Бентли.

— Привык к акробатике, лазая по реям, — вмешался Вильмовский. — Но для нас с вами это дело рискованное. Неудачный прыжок грозит падением в воду, а там поджидают крокодилы.

Папуасы, затаив дыхание, следили за действиями капитана. Убедившись, что он счастливо перебрался на противоположный берег, и на земле таваде ничего плохого с ним не приключилось, они с охотой взялись за сооружение «моста». Выбрали дерево, росшее на самом берегу реки, и стали подрубать его топорами. Через минуту дерево зловеще затрещало, наклонилось и рухнуло так, что вершина его очутилась почти на другом берегу. Теперь уж, не раздумывая долго, носильщики перешли через реку. Переправа закончилась через каких-нибудь полчаса.

В авангарде каравана теперь шли: Новицкий, Смуга и Томек. Они медленно пробивали себе дорогу в чаще береговых зарослей. От полуденной жары птицы попрятались в свои тенистые укрытия. Только иногда змея или ящерица выскакивала из-под ног путешест-

венников. Носильщики шли плотной толпой в некотором отдалении от авангарда.

До самого вечера караван не встретил каких-либо признаков существования человека. На ночь путешественники остановились в глубоком ущелье. Звероловы до рассвета, меняя друг друга, стерегли лагерь, чтобы успокоить туземцев. Папуасы, видимо, боялись. Они тревожно сидели у костров и любой слышавшийся звук заставлял их хвататься за оружие. Только вид рослого капитана Новицкого успокаивал их.

Как только свет нового дня проник в чашу джунглей, Смуга дал команду к отправлению в путь. Он повел караван прямо на север. Стояло раннее утро. Трое друзей медленно пробивались через чашу.

— Взгляните на Динго!..— вдруг шепнул Смуга.

Пес поднял морду вверх и тревожно нюхал воздух. Потом взъерошил шерсть на загривке и глухо заворчал.

— Укороти поводок, брат, держи его крепко...— вполголоса сказал Новицкий. Одновременно взял винтовку на изготовку.

— Не стреляй! — предупредил Смуга.

— Они сидят на деревьях...— шепнул Новицкий.

— Возможно, это только разведчики... Подождем наших...— ответил Смуга.

Звероловы остановились. Смуга спокойно достал трубку, набил ее табаком и закурил, поглядывая то на Динго, то на вершины деревьев. Пес продолжал нюхать воздух, смотрел вверх и ворчал. Прищурив глаза, Новицкий глядел на вершины деревьев, не снимая пальца со спуска винтовки. Томек тоже держал штурцер под мышкой, готовясь стрелять прямо с бедра; левой рукой придерживал поводок Динго.

Так прошло несколько минут, которые Томеку показались вечностью. Потом слышались голоса и топот ног. Подошла главная колонна каравана. Впереди шел Бентли, Айн'у'Ку, Бальмор, Збышек и обе девушки, за ними носильщики. Вильмовский в обществе австралийских препараторов замыкал шествие. Смуга поднес к губам свисток. Раздались два резких свистка. Условный сигнал опасности не изменил походный

порядок каравана. Только руки белых путешественников коснулись оружия.

— Вперед! — приказал Смуга.

Отстранив Томека, Новицкий выдвинулся вперед. Томек насупил брови, потому что перед лицом опасности не любил прятаться за спинами товарищей. Но теперь он не посмел воспротивиться капитану. Новицкий и Смуга относились к нему как к родному сыну, и он слушался их так же, как родного отца. Вскоре капитан остановился и повернулся к друзьям.

— Мы наткнулись на тропинку, — вполголоса сообщил он. — Взгляните вниз, на тропинке видны следы человеческих ног...

Смуга и Томек были превосходными следопытами и быстро определили, что человеческие следы на тропинке ведут в обоих направлениях.

— Пойдем налево, на севере скорее можно ожидать наличия деревни, — решил Смуга.

Новицкий снова шел впереди. Тропинка стала подниматься в гору. Динго ерошил шерсть, ворчал, обнажал клыки, но в чаще у дороги царила тишина. Таваде были невидимы, как духи.

Протоптанная людьми тропинка, вилась по пологому склону. Новицкий как раз миновал поворот и внезапно остановился. Поперек тропинки был устроен завал из тростника, связанного крест-накрест.

— Посмотрите, это, пожалуй, какой-то знак, — обратился моряк к друзьям.

Смуга повернулся назад и дал каравану сигнал остановиться.

— Айн'у'Ку, иди-ка сюда! — позвал он.

Босс-бой подбежал к Смуге. Он увидел завал. Его лицо посерело от страха и он отступил на несколько шагов назад.

— Ты знаешь, что значит этот знак! — спокойно спросил Смуга.

— Знак говорит: военная тропа, не идти дальше! — шепнул Айн'у'Ку.

Капитан Новицкий вопросительно взглянул на Смугу.

— Если теперь вернемся, то нам не удастся пройти

через страну таваде,— тихо сказал Смуга.— Мы должны сохранять... хладнокровие. Я попытаюсь пройти первым!

Моряк гневно насупил брови, заступил ему дорогу и сказал:

— Извините, если не хотите меня обидеть, соблюдайте распределение функций. Вы назначили меня и Томека вооруженными стражниками. Мы обязаны идти вперед! Я пойду первым, если со мной что-нибудь случится, Томек меня заменит!

Смуга бросил на Новицкого обиженный взгляд, но через мгновение на его губах появилась ироническая улыбка.

— Я жалею, что не назначил тебя поваром. С тобой меньше было бы хлопот,— ответил он.

Капитан повеселел и сказал:

— Нам не впервые танцевать такой танец, но вы нужны экспедиции больше, чем я! В случае необходимости вы и Томек поддержите меня огнем!

— Ничего не поделаешь, приходится уступить! Помни, что ты многим рискуешь...

Капитан только сверкнул глазами и повернулся налево кругом. Прижал приклад винтовки к бедру, положил палец на курок и, готовясь к выстрелу в любую минуту, ногой сбросил завал с тропинки и смело пошел вперед.

Смуга, Томек и верный Айн'у'Ку шли за ним в нескольких шагах. Оружие они держали на взводе, потому что Динго дрожал как в лихорадке. Охотники знали, что за ними наблюдают. В любой момент могли посыпаться копыта и стрелы из луков.

Томек оглянулся назад. Там, на некотором расстоянии от него, он увидел Бентли и побледневшего Бальмора. За ними шли девушки. У всех в руках были винтовки. Носильщики в испуге остановились. Не приходилось сомневаться, что в случае атаки, Вильмовский и оба препаратора не удержат их от панического бегства.

Новицкий не оглядывался назад. Мерным шагом он шел навстречу опасности. Капитану не было известно чувство страха, если дело касалось только его собственной жизни. Вдруг он увидел новое препятст-

вие на пути. Поперек тропинки торчали три копья, остриями направленные к нему.

— Мастер! Ни шагу дальше, а то погибнешь! — раздался предостерегающий крик Айн'у'Ку.

Новицкий догадался, что означают торчащие поперек дороги копья. Не долго думая, он левой рукой вырвал их и бросил в сторону. Ускорил шаг. Прищурив глаза, чтобы не мешали солнечные лучи, он внимательно рассматривал зеленую чащу. Вдруг услышал свист стрелы, выпущенной из лука. Отскочить, однако, не успел. Заостренное крючком острие впилося ему в левую сторону груди.

XVI

КРАСНАЯ РАЙСКАЯ ПТИЦА

Пораженный стрелой прямо в грудь, Новицкий зашатался, но удержался на ногах. Услышал крик ужаса, вырвавшийся из уст друзей, и сразу выпрямился.левой рукой вытер со лба холодный пот. Глубоко вздохнул. Не чувствовал боли. Он с удивлением посмотрел на стрелу. Торчала в его груди, причем древко стрелы поднималось и опускалось в ритме дыхания. Сразу же понял, в чем дело. В кармане на левой стороне груди он носил толстую записную книжку, которая на суше заменяла ему корабельный журнал. Меткая стрела, направленная прямо в сердце, впилась в записную книжку. Это и спасло капитана. С чувством облегчения Новицкий сразу же вырвал стрелу и направился в лесную чащу. Пользуясь стволом, как палкой, раздвинул ветки кустов; то, что там увидел, могло испугать самого мужественного человека. В темной зелени джунглей стоял целый отряд папуасских воинов с луками и копьями в руках. Выглядели, как скелеты, потому что тела их были размалеваны поперечными белыми полосами. Глаза окружены красными и желтыми кольцами. У многих из них торчали в мочках ушей и в хрящах носов какие-то странные украшения. Во главе отряда стоял воин с оригинальным ожерельем на шее, сделанным из лиан.

Новицкий сразу угадал, что это он стрелял в него из лука, так как стрелы у воина не было. Его голова была украшена великолепным султаном из перьев райской птицы. Видимо, это был вождь...

Ужасного вида воины, затаив дыхание, наблюдали за действиями белого великана. А тот подал незадачливому стрелку стрелу, которую вынул из... собственной груди.

Воины таваде отступили на шаг, с глухим возгласом ужаса. Они дрожали от страха. Они впервые встретились в лесу с духами, находившимися там среди белого дня. Если бы не то, что «телеграф» джунглей уже предупредил о приходе духов, они, наверное, разбежались бы сразу, как только увидели их. Элеле Когхе, бесстрашный вождь таваде, не хотел войны со сверхъестественными существами. Теперь он не сомневался, что это духи. Ведь только духи могут не бояться предостерегающих знаков на тропе. Элеле выстрелил в огромного белого духа, чтобы окончательно убедиться, что это не человек. Элеле Когхе — меткий стрелок. Он знал, что стрела попала прямо в сердце. Она не принесла вреда! Значит, это в самом деле дух, а не человек! Ведь вот он, стоит рядом и протягивает ему стрелу, вырванную из сердца... Но уже подбегают остальные духи...

Новицкий жестом руки остановил друзей. Пригласил вождя таваде подойти ближе. Элеле Когхе понял и последовал приглашению Новицкого. Капитан вложил стрелу ему в руку и потер носом о нос таваде.

Воины радостно закричали. Желая ближе взглянуть на духов, толпой вышли из укрытия... Элеле Когхе тоже преодолел страх. Он прижался головой к груди могущественного «духа» и стал рукой ощупывать его тело. Новицкий достал из-за пояса стальной нож и вручил его вождю.

Воины таваде начали ритмически топтать ногами. Это, видимо, было условным знаком, потому что из чащи вышли новые отряды таваде и присоединились к воинам, стоявшим вокруг белых охотников. Элеле Когхе поняв, что духи не понимают его слов, стал жестами приглашать их в свою деревню. Вскоре все воины таваде и члены экспедиции белых в полном

согласии пошли по тропинке вверх по горному склону.

— Ты ранен? — тревожно спросил Смуга, как только улучил минутку, чтобы подойти к моряку.— Ты великолепно себя держал с ними! Я никак не ожидал, что ты способен на такое самообладание...

— Я ранен? — удивился Новицкий.— Нет, после такого выстрела можно быть только покойником. У моего нового знакомого рука меткая, ничего не скажешь! Попал прямо в сердце! Не смотрите на меня, как на сумасшедшего! Покойный мой папаша всегда повторял мне: учись, Тадек, наука всегда тебе пригодится. И правда, пригодилась!

— Что ты за ерунду плетешь? — тревожно спросил Смуга, внимательно смотря на моряка.

— Вы уцелели благодаря корабельному журналу! — воскликнул Томек, который сразу догадался в чем дело.

— Корабельный журнал? — удивился Смуга.

— Вот именно! Я хотел поупражняться в записях,— стал объяснять моряк.— Поэтому в кармане на левой стороне груди ношу с собой записную книжку, которая здесь, на суше, заменяет мне корабельный журнал. Я записывал в ней свои вахты, а Томек исправлял мои ошибки...

— Черт возьми, ведь эта книжечка спасла тебе жизнь! — воскликнул Смуга, обнимая капитана.

— Вот вам лучшее доказательство пользы науки,— сказал Новицкий.

Томек остановился, чтобы подождать остальных товарищей и рассказать им о счастливой случайности, спасшей капитана, потому что все знали о стреле, попавшей ему в грудь, и опасались за жизнь отважного моряка. Ведь туземцы часто применяли отравленные стрелы, рана от которых могла быть смертельной.

Вскоре воины таваде привели караван в деревушку, расположившуюся на вершине горного хребта. Начались торжественные речи, дополненные жестами, после чего туземцы пригласили «белых духов» в эмоне, чтобы совершить церемониал курения трубки. Старейшинам деревни Смуга подарил множество мелких вещей и попросил вождя разрешить экспедиции разбить лагерь в ближайшей долине.

Воины и женщины нестройной толпой проводили путешественников до места, выбранного под лагерь. Пир, данный в честь путешественников, на который ушло несколько свиней, продолжался почти до утра.

* * *

Белые путешественники начали изучение обширной страны таваде и ловлю животных и птиц. Грозные воины относились к ним доброжелательно. Поэтому большинство мафулу решили остаться в экспедиции.

Вильмовский делал все возможное, чтобы заставить враждующие племена заключить мир. Воинственные таваде пошли на уступки, потому что очень боялись «белых духов», их «гремящих» палок и волшебной силы. Они согласились получить выкуп за прекращение войны. После долгих переговоров решено, что таваде вернут мафулу взятых в плен женщин, а мафулу выплатят им вознаграждение в виде двадцати голов свиней. Обрадованный таким оборотом дела, Вильмовский прибавил к этому выкупу десять стальных ножей, пять зеркал, пять топоров, три горсти небольших раковин и двадцать ожерелий из стекляруса. Правда, мафулу утверждали, что коварные таваде вернули им самых старых женщин, но все же военные действия были прекращены.

Мир для народов — благо. Так было и теперь. Воины, женщины и даже дети свободно посещали лагерь белых путешественников. Сначала они с боязливым вниманием рассматривали собранные звероловами коллекции флоры и фауны. Потом, приободренные Салли, они стали приносить ей различные растения и разных зверьков. Салли не довольствовалась этим — она научила детишек ловить великолепных мотыльков, водившихся на берегу реки, притом ловить их так, чтобы не попортить их крылышек, и вскоре стала обладательницей интересной коллекции бабочек Новой Гвинеи.

Смуга, Томек и Новицкий прилежно занимались охотой на райских птиц. Они уходили подчас далеко, в такие места, куда не ступала нога даже местных ту-

земцев, и из каждого похода приносили ценные трофеи.

Удача сопутствовала охотникам так, что Бентли и Вильмовскому приходилось работать с утра до вечера. Препараторы часто оставались до глубокой ночи, чтобы не допустить повреждения скоропортящихся в жарком климате шкурок животных и птиц.

Наташа почти все свое время посвящала лечению туземцев, среди которых были широко распространены разные болезни. Поэтому таваде были весьма частыми гостями в лагере, причем их детское любопытство не раз мешало путешественникам работать. Туземцы непременно хотели присутствовать во время бритья, умывания и одевания белых, наблюдали за ними во время еды и работы. Самые, казалось бы, обыкновенные предметы домашнего обихода вызывали у них удивление, во всех действиях белых они подозревали волшебство. Хуже всего приходилось Салли и Наташе, которым упрямое любопытство туземцев не давало прохода, так что им даже мыться приходилось в палатке, плотно закрытой со всех сторон.

Вильмовский не прекращал этнографических исследований. Внимательно наблюдая за поведением туземцев, он пришел к выводу, что среди таваде все еще распространен каннибализм. Невдалеке от дереvушки была свалка, на которой лежали человеческие кости. Видимо, это были останки съеденных врагов. Среди таваде существовал обычай убивать стариков, когда они от старости и болезней не могли больше воевать и работать. Правда, делали это не ближайшие родственники, а посторонние люди, как правило, жители соседней дереvушки. Однако родственники просили их об этом. Впрочем, старики прекрасно знали, что приходит время расставаться с жизнью, и не раз сами за несколько часов до смерти, принимали участие в погребальных торжествах. Они не боялись смерти, ведь когда-то они также поступили со своими родителями. «Услужливые» соседи отдавали родственникам убитого его кости, и те старательно хранили их в своих шалашах. Иногда сын, идя ко сну, клал под голову череп отца, надеясь получить во сне «хороший совет» от покойника.

Вильмовский, конечно, стремился изменить варварские обычаи туземцев. Но стоило ему в беседах с таваде осторожно коснуться этой темы, как хорошие до того отношения сразу же стали портиться. Сначала мужчины, потом женщины и дети перестали посещать лагерь.

Звероловы заметили перемену в поведении туземцев. Поэтому однажды вечером, Вильмовский позвал в палатку Айн'у'Ку.

— Ты знаешь, почему таваде стали нас избегать? — спросил он босс-боя.

Мафулу в испуге опустил голову и сказал:

— Есть очень много плохо... Шаманы говорят, что вы садить души люди в мертвый птицы, цветы, ол райт!

Вильмовский насупил брови. После минутного молчания спросил опять:

— Кого из нас шаманы обвиняют в этом?

Босс-бой тревожно оглянулся на дверь, наклонился к Вильмовскому и тихо ответил:

— Белую Мери¹, которая принадлежать молодой белый колдун.

— Ты же знаешь, что это ложь! — возмутился Вильмовский.— Мисс Салли не обидит даже муху!

— Белая Мери много добрая,— признал Айн'у'Ку.— Шаманы много злые на ваша и мафулу...

— Спасибо, друг, ты мне сообщил много важного,— ответил Вильмовский.

Встревоженный Вильмовский, немедленно позвал друзей на совет. Все пришли к выводу, что пора уходить из страны таваде. Опасаясь за свое влияние, шаманы могли решиться на опасные действия. К сожалению, многочисленные коллекции экспедиции требовали еще многих стараний, а бросить их на произвол судьбы нельзя. Отъезд пришлось отложить. Путешественники просили Салли соблюдать сугубую осторожность, а Томеку поручили ни на шаг не отходить от нее. Салли совсем не испугалась тревожных вестей. В последнее время ей мало приходилось встречаться с Томеком, который часто уходил в джунгли на охоту.

¹ Белая Мери — белая женщина на языке англо-пиджин.

Она даже обрадовалась, что он теперь будет проводить время с ней.

Спустя несколько дней Салли и Наташа в сопровождении Томека, как всегда вооруженного штуцером, направились к берегу ручья. Они решили прополоскать выстиранное белье.

Узелок с бельем Салли положила на землю, а сама собралась было босыми ногами войти в воду мелкого ручья, как вдруг заметила водяную змею. Томек, конечно, сразу же прогнал пресмыкающееся и сел, внимательно наблюдая за всем, что происходит в воде. Девушки стали доставать из узелков разные мелочи и полоскать их в ручье. Среди беззаботной беседы они и не заметили, как из ближайших кустов выполз туземец, прильнул к земле, и воспользовавшись тем, что молодые люди заняты собой, выхватил из узелка Салли пару толстых шерстяных чулок.

* * *

На краю дереvушки таваде, в хижине, стоявшей на высоких сваях, сидели два человека. Несмотря на царившую внутри темноту, в одном из сидевших можно было легко узнать Элеле Когхе. Отблеск углей, тлевших в желобе на полу хижины, играл на его пурпурном султানে из великолепных перьев райской птицы. Этот султан послужил туземцам поводом назвать своего вождя Красная Райская Птица.

Элеле Когхе внимательно и сосредоточенно слушал слова шамана и время от времени сам задавал ему вопросы. Он тревожно глядел на ужасные маски, висевшие под скатом крыши, и на чудодейственные бубны, с помощью которых шаман беседовал с духами. Элеле плохо себя чувствовал в хижине шамана. Он знал, что в ней обитают таинственные силы и что даже вождь мог войти в хижину только после того, как шаман испросит разрешение у могущественных духов.

— Нас обманули,— говорил великий шаман.— Эти белые совсем не духи. Они такие же люди, как мы!

— Но почему у них другая кожа, чем у нас? — спросил Элеле.

Глаза шамана сверкнули и он с гневом ответил:

— Потому что они укрывают свое тело одеждой и постоянно обливают себя водой. Это очень расточительные и непрактичные люди. Они то и дело меняют одежду и заставляют нас кормить овощами даже этих противных мафулу!

— За это они дают нам разные вещи,— возразил Элеле.

— Глупец, они дают, потому что знают, что все вернется к ним, когда твоя душа очутится в мертвом теле птицы или в лепестках увядшего цветка!

Закаленный в боях воин побледнел от страха.

— Это злые люди! — продолжал шаман.— Они бросают чары на всякого, кто взглянет им в глаза. Только поэтому твоя меткая стрела не пробила сердце того человека! Но не он, и даже не молодой колдун опасны!

— Ты уже говорил, что хуже всех молодая женщина, которая целыми днями мучает убитых птиц и животных,— вмешался вождь.

— Да, ты совершенно прав! — согласился шаман.— Этот молодой без нее ничего не может сделать, он все время просит у нее совета.

— А та, вторая женщина?

— Нет, она не причастна к колдовству!

Сделай так, чтобы белые люди не могли поселить мою душу в тело птицы или лепесток цветка,— стал горячо просить шамана Элеле Когхе.

— Ты должен соблюдать древние обычаи!

— Что я должен сделать?

— Убивай мафулу и поедай их, потому что только так ты сможешь уничтожить всех врагов. Когда ты пожирал сердца убитых врагов, мужество и сила входили в твое тело. Тогда все жители нашей деревни были сыты и приносили мне много даров...

— Ты советуешь напасть на деревню белых людей? Они будут защищать подлых мафулу!

— Нет, с ними мы сведем счеты потом. Сначала я всем покажу свое могущество! В этой стране нет шамана могущественнее меня! Я могу любого человека лишиться жизни, даже умертвить белую женщину, заклинаящую души воинов таваде в птиц и цветы.

— Ты в самом деле решишься на это? — изумился Элеле Когхе.

— Не пройдет и два раза по три луны, как белая женщина будет мертва!

— Рука человека ее не убьет! Она знает ужасные заклятия...

Шаман мрачно улыбнулся. Встал и принес из угла комнаты корзину, сплетенную из лиан. Приподнял крышку. Элеле Когхе в испуге отпрянул. На дне корзины лежала свернутая в кольцо змея. Вдоль ее туловища серо-стального цвета, от головы до хвоста сияла широкая красная полоса. Это была самая ядовитая змея из обитающих в Новой Гвинее. Шаман закрыл крышку и отнес корзину на место. Потом уселся рядом с вождем и сказал:

— Ты знаешь, что укус этой змеи смертелен для всякого человека. Эта змея не испугается даже женщины, способной заклинать души таваде! В тело змеи я вселил душу воина, племя которого живет там, где скрывается солнце...

— Это охотник за человеческими головами? — в испуге спросил Элеле Когхе.

— Да, и он выполнит любое мое приказание...

— Значит, ты прикажешь ему убить белую женщину?

— Да, и тогда белые люди потеряют свою колдовскую силу. Ты убьешь всех белых и всех мафулу!

— Пусть будет по-твоему, — ответил Элеле Когхе и коснулся правой рукой ожерелья из лиан, на котором каждый узелок означал убитого врага.

Чтобы скрыть злорадную усмешку, шаман опустил голову на грудь. Не поднимая головы, тихо сказал:

— Теперь ты уходи. Мне надо поговорить с духами. Твоя душа останется в твоём теле. Белые люди ее не возьмут...

Элеле Когхе украдкой вышел из хижины. Сошел по лестнице на землю и побежал к эмоне, чтобы немедленно передать воинам важные вести. В этот вечер в деревушке таваде загремели барабаны, а танцы продолжались до рассвета.

В то время, как воины танцевали вокруг костров, шаман втянул лестницу внутрь хижины, чтобы никто

не мог в нее войти. Из-под кровли достал небольшую деревянную дудку, закупоренную пробкой. Открыл ее и понюхал. Еле заметный чужой запах вызвал улыбку на его губах. Потом шаман приготовил вторую бамбуковую трубку потолще и принес корзину с ядовитой змеей. Открыл крышку. Пресмыкающееся, толщиной в руку взрослого мужчины, блаженно дремало после сытного завтрака. Правой рукой шаман ловко схватил змею у самой головы. Змея проснулась, гневно сверкнула глазами, раскрыла пасть и обнажила ядовитые зубы, но укусить своего мучителя не могла. А тот, шепча заклинания, хвостом всадил змею в бамбуковую трубку. Вынув из меньшей трубки дамские чулки, шаман свернул их в клубок и заткнул им отверстие трубы, в которой сидела змея.

Злобно усмехаясь, шаман положил трубу близ раскаленных углей и сам сел рядом. Много трудов стоило шаману добыть одежду белой женщины, которая пользовалась любовью и симпатией не только женщин и детей таваде, но и суровых воинов. Влияние белых людей сильно мешало шаману. Они лечили лучше чем он, давали лучшие советы и нарушали древние обычаи племени. Поэтому шаман решил как можно скорее избавиться от непрошенных гостей. Он тайно распространял всякие небылицы о белых людях, и до тех пор восстанавливал против них население деревушки, пока не убедил всех, что необходимо нанести белым решительный удар.

Взглянул на бамбуковую трубу. Змея плохо переносила жар углей. Шаман взял в руки камень и стал ритмически бить им по трубе. На его устах играла дьявольская усмешка, ибо он знал, что даже легкие удары внутри трубы превращались в гром. Терпеливо бил камнем по трубе. Взбесившаяся змея уже, наверное, кусала чулок, замыкавший ее тюрьму. Запах одежды белой женщины теперь будет постоянно вызывать инстинктивную злобу змеи. И ужасная смерть постигнет белую женщину...

XVII

КОВАРНЫЙ УДАР

Четыре дня подряд мучил шаман несчастную змею. Он морил ее голодом, припекал на горячих углях, бил камнем по бамбуковой трубе, где сидела змея, шепча ужасные заклинания. Пока он занимался этим, два его ученика, которых он прочил себе в заместители, тайно вели наблюдения за лагерем белых охотников на райских птиц. Хитрый шаман знал все, что делается в лагере, и исподволь готовился выполнить свой подлый замысел.

Разведчики донесли шаману, что начальник белых охотников уже несколько раз ходил на запад. Из этого шаман заключил, что белые намерены отправиться туда, на запад, в страну охотников за человеческими головами. Это было бы весьма на руку шаману. В той стороне обширные болота отделяли страну таваде от страны племени ку-ку-ку-ку. Места там были очень удобны для засады. Неожиданное нападение заставит носильщиков, да и белых, разбежаться, что позволит таваде начать ужасную охоту!

Шаман дал вождю Элеле Когхе подробные указания относительно намеченной операции. В деревушке таваде из ночи в ночь гудели барабаны. Воины раскрашивали тела красками войны, танцевали ночи напролет. Зловеще улыбаясь, шаман удовлетворенно потирал руки. Белые путешественники уже не отваживались посещать деревушку. Таваде тоже старались избегать встреч с ними; они с нетерпением ждали сигнала к нападению, чтобы захватить и уничтожить мертвых животных и цветы, и тем помешать белым вселить туда их души. Кроме того, они верили словам шамана, который убеждал их в том, что если белые спокойно уйдут из джунглей, в ней погибнут все звери, птицы и цветы. Туземцы точили острия копий и готовили луки.

В один прекрасный день шпионы донесли шаману, что белые уже закончили все приготовления к походу и, видимо, на рассвете тронутся в путь. Белые предприняли все меры предосторожности. Они вооружили

палками, изрыгающими огонь и гром, даже нескольких носильщиков мафулу. Шаман немедленно вызвал Элеле Когхе. Вдвоем они разработали план действий во всех подробностях.

Вечером в деревушке барабаны загудели в ритме военного танца. Все ее обитатели вышли на широкую улицу между хижинами. Шаман появился в огромной, остроконечной маске. Его шею украшали ожерелья из собачьих и свиных зубов и ракушек. Все тело шамана с головы до ног было раскрашено в красный, белый, желтый и черный цвета. В правой руке он держал череп своего предшественника, а в левой — волшебную кисть.

Увидев это, все присутствующие задрожали от страха. Шаман одевался так только тогда, когда намеревался просить совета у бога, обитающего в каменной пещере, в глубине джунглей. Самые храбрые воины, если кому-нибудь из них приходилось проходить вблизи скалы, внутри которой жили могущественные боги, дрожали от страха. Поэтому тревожные взгляды сопутствовали шаману до тех пор, пока он не скрылся в темной чаще джунглей.

Очутившись в джунглях, шаман присел на камень. Зачем ему ходить в пещеру?! Он прекрасно знал, что кроме летучих мышей в ней никого нет. Из поколения в поколение шаманы таваде передавали сказку об ужасных духах, будто бы обитающих в одинокой пещере. Они заботились также о том, чтобы никто не усомнился в их правдивости. Несколько смельчаков, пытавшихся проникнуть в пещеру, погибли при весьма таинственных обстоятельствах. Но сам шаман не боялся мести богов, он не боялся ходить в одиночестве по ночным джунглям. Он очень хорошо знал всех «духов», с которыми вел «беседу» с помощью чародейских барабанов. Теперь шаман сидел под деревом и прислушивался к звукам, доносившимся из деревушки. Шаман вернулся в деревню к ошеломленным танцами таваде только на рассвете. Все обитатели деревушки выстроились перед ним в ожидании вестей от богов.

Шаман остановился между двумя отрядами воинов напротив Элеле Когхе и важно обратился к нему:

— Я говорил с духами, обитающими внутри горы... Они очень разгневаны. Они говорят, что нельзя жить в мире с белыми людьми, которые заклинаят души таваде в мертвых животных, птиц и цветы, чтобы потом подвергать их ужасным мучениям. Я с трудом испросил прощение у грозных духов... Они еще раз обещали вам свою милость. Не пройдет и одна луна, как белая женщина погибнет, а вождь Элеле Когхе даст сигнал к нападению на белых. Вас ожидает великая победа!

— Кто убьет белую женщину? — тревожно спросил Элеле Когхе. Он боялся, что шаман поручит ему эту неблагородную роль.

— Это сделаю я с помощью змеи, в которую я вселил душу храброго охотника за человеческими головами,— ответил шаман.— Вскоре вы увидите белую женщину мертвой. Тогда молодой белый охотник потеряет свою волшебную силу.

— Хорошо, мы сделаем по-твоему...— решил Элеле Когхе.— На рассвете мы отправимся на место засады. Будем ждать смерти молодой женщины.

* * *

Глухо гремели барабаны. Светало. В джунглях проснулись птицы и к звукам барабанов присоединили свои голоса. Элеле Когхе и шаман отправились во главе отряда воинов таваде в джунгли. Широкой дугой они обошли лагерь белых охотников и направились к западу. Здесь, через болото вела только одна, доступная для людей тропа. Именно на ней шпионы шамана видели несколько дней назад Смугу, и на ней, по совету шамана, воины решили устроить засаду на белых.

Укрыв отряд воинов в ближайших зарослях, Элеле Когхе отправил разведчиков в сторону, откуда должны были прийти путешественники. Разведчики вскоре вернулись с вестью, что караван идет по пути, указанному шаманом. Видимо, духи из горной пещеры дали ему хороший совет.

Правильность предвидений шамана несколько успокоила таваде. Они не боялись битвы, даже с силь-

нейшим противником¹, но на этот раз приходилось иметь дело с белыми могущественными чародеями. Останется ли такое нападение безнаказанным? Если надо противостоять таинственным духам, простого человеческого мужества мало... Кроме того, таваде трудно было понять, почему эти добрые и спокойные белые духи, как уверяет шаман, так сильно ненавидят таваде. Ведь лекарства белых быстро излечивали раны от укусов пиявок; их советы тоже бывали лучше, чем советы шамана. Белые никого не пугали злыми духами, не боялись молнии, грома и землетрясения. Все чудесные явления они объясняли просто и понятно.

Вождь Элеле Когхе, подобно своим воинам, тоже мучился сомнениями. Как и все остальные, он очень боялся духов и чародеев. Напуганный и раздраженный шаманом, он согласился напасть на белых людей. Он вступил на тропу войны и знал, что если ему суждена победа, то об его мужестве и храбрости многие поколения таваде будут слагать песни. Но Элеле Когхе не чувствовал радости, когда думал о скорой смерти веселой, доброжелательной и мудрой белой женщины. Если бы не то, что, по словам шамана, она вселила его душу в тело мертвой райской птицы, Элеле Когхе ни за что на свете не согласился бы напасть на белую женщину...

Элеле Когхе прекрасно понимал, что теперь уже поздно менять принятое решение. Воины воодушевлены боевыми танцами, извечный инстинкт борьбы, веками воспитанный в их душах, глушил дружественные чувства по отношению к белым. Воины жаждали крови и ужасного пира.

К вождю подбежал новый разведчик. Караван белых охотников приближался к болотам. Элеле Когхе вопросительно взглянул на шамана. Тот кивнул головой и встал с места, на котором сидел. Вождь приложил руки рупором ко рту. Раздался пронзительный

¹ Значительно позже, чем события, о которых рассказывается в этой книге, воины таваде не раз оказывали ожесточенное сопротивление белым колонизаторам, ведя с ними успешные бои, будучи вооружены только луками и коньями против винтовок и даже пушек.

крик райской птицы. Воины вышли из укрытия и направились вслед за Элеле Когхе.

Там, где тропа начинала спускаться в широкую болотистую низменность, Элеле Когхе разделил воинов на два отряда. Один из них замаскировался в кустах, чтобы ударить по тылам противника, второй, во главе с Элеле Когхе, отошел по тропинке в глубь болота.

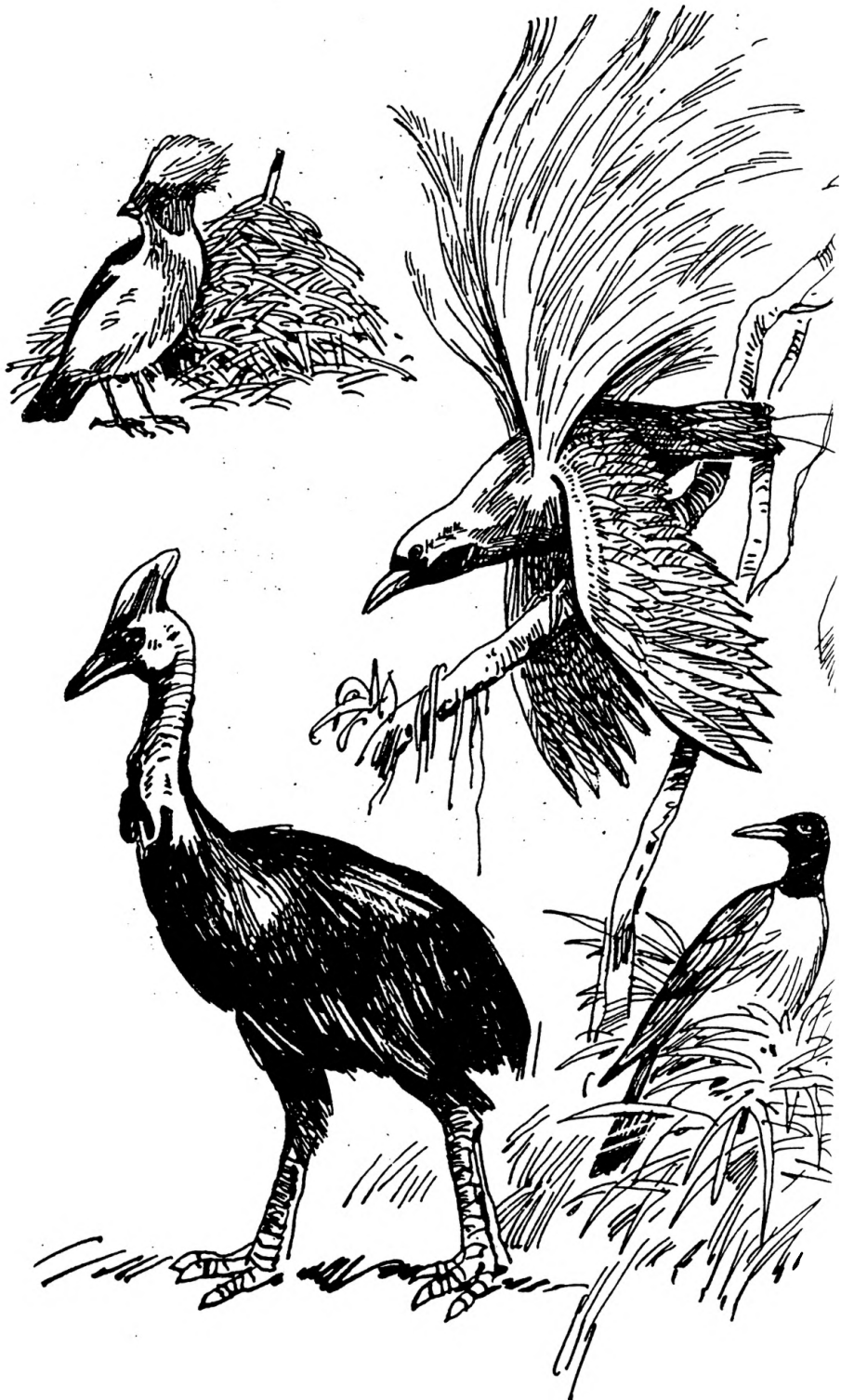
Шаман притаился в кустах у тропы, между обоими отрядами. Здесь тропа вела через густые заросли. В кустах, на самом краю тропы, шаман положил толстую бамбуковую трубу, закрепил ее колышками, вбитыми в землю, и тщательно замаскировал зелеными ветками. К выступающему из одного конца трубы клубку из чулок шаман привязал длинную тонкую лиану, а сам, держа в руках конец лианы, удалился в кусты на безопасное расстояние.

Шаман присел за стволом дерева, прислушался. Как только белая женщина очутится рядом с отверстием трубы, он дернет за лиану, вытащит комок, затыкающий отверстие. Разъяренное пресмыкающееся воспользуется случаем, чтобы выползти на свободу, почувствует знакомый запах и поступит так, как во время мучений: вопьет ядовитые зубы в ногу белой женщины. Смерть наступит быстро, движение каравана нарушится... Элеле Когхе и его воины закончат дело...

* * *

Караван охотников спешно приближался к болотам. Глухой гром барабанов и ночной танец таваде не обещали ничего хорошего. Уже несколько дней ни один из таваде не приходил в лагерь охотников, но Смуга и Томек быстро обнаружили следы разведчиков, наблюдавших из укрытия за жизнью лагеря.

Звероловы не хотели битвы с туземцами. Поэтому, как только они убедились, что стали нежелательными гостями, сразу же постарались, как можно скорее, уйти из страны таваде. Они уже собрали множество экземпляров флоры и фауны, располагали прекрасной этнографической коллекцией. Бенгли все чаще стал с

вождедением поглядывать на горы, громоздившиеся в центре острова.

Мафулу обрадовались уходу из страны таваде. Они не доверяли своим исконным врагам. Мафулу тревожно прислушивались к зловещему гудению барабанов. Теперь они весело шли за вооруженным авангардом белых людей.

Хотя Смуга и не ожидал засады, он все же принял меры предосторожности. Вместе с Новицким, Томеком, Бальмором и Бенгли он занял место впереди каравана. Шествие замыкали: Вильмовский, Збышек и два препаратора — Станфорд и Уоллес. Обе женщины шли впереди носильщиков, сразу же за вооруженным авангардом.

Тропинка, по которой двигался караван, становилась болотистее. Деревья росли реже, между кочками, поросшими остролистной травой, чернели мутные лужи воды. Смуга уже не раз бродил по этим местам, поэтому уверенно шел по дорожке, протоптанной среди влажного болота.

Салли с сожалением оглянулась на живописную долину, где охотники провели несколько спокойных недель. Немного опечаленная, она обратилась к Томеку:

— Все хорошее быстро кончается. Нам было хорошо в той красивой долине. Мне не хотелось бы слишком долго бродить по болотам.

— Не печалься, Салли! Не пройдет и нескольких дней, как мы опять разобьем лагерь в какой-либо прекрасной долине. Смуга уверен, что нам удастся дойти до центра острова,— утешил ее молодой человек.

— Здесь мрачно и сыро,— жаловалась Салли.— Посмотри, даже Динго вертит носом, недовольный болотом.

И правда, Динго выказывал явное беспокойство. Он поднимал нос вверх, что-то вынюхивал, словно чуял опасность. Томек тихо свистнул два раза. Смуга и Новицкий замедлили шаг. Через минуту Томек и Салли подошли к ним.

— Динго стал беспокоиться,— кратко заявил Томек.

— Я не заметил следов на тропе,— ответил Смуга.

— Я тоже ничего не заметил,— добавил Новицкий.— Может быть, какие-нибудь молодцы притаились в чаще?

— Видимо, таваде хотят убедиться, в самом ли деле мы уходим,— вмешался Джемс Бальмор.

— Я предпочел бы никого не встретить в этом болоте,— буркнул Смуга.

— Разве нет другой дороги? — спросил Новицкий.

— Нет. Это единственная тропа, ведущая на запад...— ответил Смуга.— Держите винтовки наготове, вперед!

Но не успели они сделать и двух шагов, как Салли пронзительно вскрикнула... В это же мгновение Динго вырвал поводок из рук Томека и, как молния, бросился на серовато-стальное тело змеи с красной полосой вдоль спины. Змея свернулась, как пружина, но Томек был столь же быстр, как и Динго. В одно мгновение пять пуль, выпущенных из револьвера, разможило большую, плоскую голову гадюки.

Капитан Новицкий подхватил смертельно напуганную Салли под руку. В это время Динго, как стрела, бросился в кусты. Джемс Бальмор храбро побежал вслед за собакой. Вильмовский, находясь в арьергарде каравана, не знал, что случилось впереди. Однако услышав крик Салли и заметив смятение впереди каравана, побежал на помощь Бальмору. Держа наготове винтовку, Бальмор бежал за Динго. Он слышал его ворчание и короткий лай. Бальмор не сомневался, что пес бросился на кого-то, притаившегося в кустах вблизи тропинки. Бальмор с размаху выскочил прямо на туземца, который острым ножом из кости казуара пытался защититься от клыков взбесившегося Динго.

— Брось нож! — крикнул Бальмор, совсем забыв, что туземец не понимает по-английски.

Шаман замахнулся ножом. Неопытный Бальмор, вероятно, получил бы удар и погиб, но Динго бросился на шамана, пытаясь схватить его за горло. Шаман отпрянул в сторону и ему удалось избежать острых клыков собаки. Левой рукой Бальмор успел схватить руку шамана, вооруженную ножом, но вдруг оступился, и его ноги увязли в трясине. Бальмор пошатнулся,

выронил из рук винтовку, упал на спину, увлекая за собой шамана. Свободной рукой Бальмор уперся в грудь противника, пытаясь оттолкнуть его, потому что сильный папуас мог подмять его под себя. Острие костяного ножа медленно приближалось к груди англичанина. Пальцы Бальмора, сжимавшие руку шамана, вооруженную ножом, стали ослабевать. Смерть заглянула Бальмору в глаза, тем более, что Динго почему-то притих и прекратил атаки на туземца. Бальмор закрыл веки... Его покинули силы.

В этот момент на место борьбы прибежал Вильмовский. Отбросив в сторону винтовку, он схватил шамана за шиворот левой рукой, а правой выкрутил ему руку, сжимавшую нож. Не прошло и минуты, как обезоруженный и связанный шаман уже лежал на земле.

Тяжело дыша, Бальмор поднялся на ноги.

— Это он испугал Салли? — тревожно спросил Вильмовский.

— Кажется, на нее бросилась змея. Динго побежал в джунгли, а я — за ним, — ответил Бальмор. — Видимо, этот человек сидел в засаде у тропинки.

Вильмовский насупил брови. Внимательнее взглянул на пленника.

— Это шаман таваде, — после минутного молчания заявил он. — Давай, скорее возвратимся к нашим... Дело выглядит очень подозрительно.

Вильмовский поднял с земли винтовку и, подгоняя впереди себя испуганного шамана, поспешно направился к тропе. Громкие команды Смути и глухой ропот перепуганных мафулу свидетельствовали о том, что произошло несчастье. Вильмовский прикладом подогнал папуаса. Почти бегом выскочил на тропу. Носильщики бросили тюки по обеим сторонам тропы, так что образовалось нечто вроде баррикады. Под ее защитой собрались все участники экспедиции. Смертельно бледная Салли сидела на расстеленном одеяле. Рядом, наклонившись над ней, стояли Томек, Смуга и Новицкий.

Как только Смуга увидел Вильмовского, он сказал, обращаясь к нему:

— Возьми на себя команду, Андрей! Змея укусила

Салли, но, отнюдь не случайно! Посмотри-ка, что я нашел в кустах близ тропы.

Говоря это он показал Вильмовскому бамбуковую трубку и комок из чулок, с привязанной лианой.

— Это наверняка его рук дело,— добавил Смуга, кивнув в сторону папуаса.

— Это шаман таваде,— сказал Вильмовский.— Разве?..

— Не будем терять времени! — перебил его Смуга.— Стреляйте во всякого, кто покажется из чащи. А этого преступника держите под строгим караулом! Мы им потом займемся.

Вильмовский понял, что каждая упущенная минута может грозить Салли смертью. К счастью, Наташа уже раскладывала рядом с ней подручную аптечку.

— Слушай, красавица, ты в своей Австралии привыкла к разным гадинам,— говорил капитан Новицкий.— Ты лучше других знаешь, что надо делать в таких случаях...

От волнения и страха Салли не могла произнести ни слова. Ведь она знала, что для ее спасения надо немедленно вырезать мясо в месте укуса. Положив голову на плечу сидевшего рядом с ней Томека, она судорожно схватила его за руку.

— Ничего не бойся,— успокаивал ее моряк, пытаюсь улыбнуться, чтобы развеселить Салли.— Я еще потанцую на твоей свадьбе. Рука у меня легкая. Посмотри на Смугу! Парень силен, как дуб, потому что я собственноручно вынул из его плеча пулю, полученную им от хунхузов в Маньчжурии.

Новицкий пытался разговорами отвлечь внимание Салли от ножа, который он промывал спиртом из банки. Взглядом дал знать Томеку, чтобы тот придержал Салли. Молодой человек обнял девушку, крепко прижав ее к груди.

Нога Салли была уже обнажена. Новицкий сразу же после укуса змеи задержал кровообращение в ноге, перевязав ее пояском выше и ниже колена. Спиртом обмыл края ранки.

Смуга взглянул на часы.

— Скорее,— потребовал он.

Новицкий кивнул головой. Четыре маленькие кро-

воточащие ранки были не очень глубоки. К счастью, прежде чем углубиться в ногу девушки, зубы змеи прошли через текстильную ткань ботинка, что значительно ослабило укус. Новицкий взял нож. Смуга придержал вторую ногу девушки. Томек побледнел, когда почувствовал как пальцы Салли впиваются ему в руку. Девушка застонала...

— Все в порядке, готово...— с облегчением вздохнул Новицкий, нажимая пальцами на рану, чтобы выдавить побольше крови.

Салли медленно приходила в себя. Новицкий уже заканчивал перевязку ноги. Делал это ловко и быстро. Только лишь капли пота на его лбу свидетельствовали о пережитом волнении.

Все облегченно вздохнули. На лице девушки появился румянец. Она сквозь слезы улыбнулась встревоженным друзьям. Дрожащей рукой достала из кармана носовой платок и наклонилась к лицу Новицкого. Вытерла ему пот со лба. Моряк схватил маленькую ручку девушки, поцеловал ее и быстро встал, чтобы скрыть слезы, навернувшиеся ему на глаза. Ведь он любил Салли, почти так, как и Томека.

— А ну-ка Смуга, давайте сюда этого подлеца...— хрипло сказал он.

Смуга кивнул Бальмору. Тот подтолкнул шамана к Новицкому. Жилистой рукой моряк схватил шамана за горло. Не говоря ни слова достал из-за пояса нож, которым только что делал операцию Салли.

— Нет! Нет! — крикнула Салли, закрывая глаза от ужаса.

Моряк не ударил шамана, но и не опустил руку с ножом.

— Я не выздоровею, если вы его убьете...— пригрозила Салли.— Пусть себе идет куда хочет!

В этот момент к Новицкому подошел Вильмовский. Тихо, но решительно и твердо приказал:

— Оставь его в покое, Тадеуш, возможно, это будет для него худшее наказание, чем смерть, которую он заслужил даже по здешним законам.

Моряк еще колебался некоторое время; потом взглянул на Томека. Тот всецело был занят Салли, которую поддерживал, обнимая ее одной рукой. То-

мек смотрел на Салли с такой нежностью, что добродушный моряк сразу забыл о мести. Спрятав нож за пояс, он выпустил дрожавшего от страха шамана.

— Айн'у'Ку, скажи ему, что он свободен и пусть уходит отсюда,— сдавленно сказал моряк.

Шаман продолжал стоять в полном недоумении. Он никак не мог понять странностей этих белых людей. Видимо, они и в самом деле духи, раз девушка не погибла от укуса змеи и не позволила убить его, шамана.

Бормоча какие-то невнятные извинения, а может быть, заклинания, шаман стал неуверенно отступать. Смуга, который ни на секунду не перестал наблюдать за тем, что происходит в ближайших кустах, крикнул:

— Внимание! Они нападают на нас! Без приказа не стрелять!

Все вскинули винтовки.

С ветки росшего вблизи дерева соскочил воин таваде, вооруженный луком. Путешественники сразу узнали вождя Элеле Когхе, так как только он один носил на голове пурпурный султан из перьев райских птиц. По его краткой и резкой команде появилась толпа таваде, вооруженных луками и топорами. Они окружили караван плотным кольцом.

Белые путешественники подняли винтовки, готовясь к сопротивлению.

— Без моей команды, не стрелять! — повторил Смуга, сделав несколько шагов по направлению к Элеле Когхе, целясь в него из револьвера.

А вождь, не обращая внимания на Смугу, подошел к шаману. Мрачно взглянул на него. Несколько мгновений стоял без движения, как бы продолжая внутреннюю борьбу, но быстро справился с собой и сказал громко, так чтобы слышали все:

— Ты обманул нас, ты, сын таракана! Уходи из нашей деревни вместе со своими помощниками!

Белые путешественники стояли в полном недоумении. Они знали уже немало слов на языке таваде. Знали также, что назвать кого-нибудь в этой стране сыном таракана значит нанести ему тягчайшее оскорбление. Кроме того, жест вождя, показавшего шаману дорогу из деревни в болота был и без того красноре-

чив и понятен. Вождь изгнал хитрого мошенника из деревни таваде.

Шаман отступил и вскоре исчез среди болот. Эле-ле Когхе бросил на землю лук и стрелы. Взглянул на Томека, продолжавшего держать Салли в объятиях, потом перевел взгляд на лицо девушки. Медленно направился к ней. Мягким движением руки отстранил Смугу, пытавшегося преградить ему путь. Никем не задержанный, Элеле подошел к Салли. Долго, в молчании смотрел на нее. Казалось, что выражение дикости постепенно сходит с его лица, раскрашенного в военные цвета.

Элеле Когхе повернулся к Смуге. Широким жестом руки он дал ему понять, что перед белыми путешественниками открыты все пути. Они могут вернуться в долину, могут уйти совсем из страны таваде. Потом он сломал зазубренную стрелу и куски положил к ногам Салли.

В толпе таваде раздались пронзительные крики. Воины сняли стрелы с тетив и опустили луки вниз. Расступились в стороны. Дорога на восток и запад была свободна.

— Опустить ружья! — дал команду Смуга.

И вдруг произошло событие, за которым присутствующие следили, затаив дыхание. Храбрый вождь таваде снял с головы великолепный пурпурный султан и положил его к ногам Салли. С его точки зрения это был неслыханный по ценности дар, так как, по верованиям таваде, султан хранил Элеле Когхе от гибели в бою.

Салли инстинктивно поняла важность момента. Она почувствовала, что должна показать воину, как она благодарна за столь ценный дар. Дрожащими от волнения руками, она вынула из мочки уха серьгу и подала ее Элеле Когхе. Вождь принял подарок. Не отрывая взора от Салли, он вонзил острие серьги себе в ухо, так что по его шее и груди потекла струйка крови. Низко поклонился белой женщине и отступил в чашу джунглей. За ним исчезли и воины таваде.

XVIII

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ГОЛОВАМИ

Полтора дня караван брел через обширные, коварные топи, в которых кишели всякого рода земноводные, пресмыкающиеся и среди них пиявки. Четверо мафулу несли Салли в наскоро изготовленном паланкине, со всех сторон закрытом противомоскитной сеткой. Томек и Наташа ни на шаг не отходили от Салли.

Опечаленный болезнью Салли, Томек старался отгадать и предупредить все ее желания. Он подавал ей воду, когда она хотела пить, вытирал лицо и руки, кормил во время постоев. Салли благодарила слабой улыбкой и ежеминутно впадала в тревожный сон.

Караван остановился на отдых. Мафулу осторожно поставили паланкин на пригорок, поросший сухой травой. Салли спала. Ее грудь поднималась и опускалась в неровном, тяжелом дыхании. Томек удостоверился, что под москитьеру не пробралось ни одно насекомое, способное потревожить больную, потом отозвал друзей в сторону.

— Салли несколько не лучше,— тихо, с тревогой сказал он.— Она даже говорить уже не может...

— Не пугай меня, браток,— сказал Новицкий.— Я очень глубоко вырезал укушенное место, тщательно выжал кровь из раны. Совсем не много яда могло попасть в кровь.

— Капитан прав, не теряй надежды, Томек,— вмешался Смуга.— После такой операции на ее месте всякий бы плохо себя чувствовал. Это естественно. Подстрели-ка попугая. Дадим ей бульону для подкрепления сил.

Томек взял малокалибровку, свистнул Динго и исчез в кустах. Как только он удалился, Смуга тяжело вздохнул и сказал:

— Я не хотел беспокоить Томека, но мне тоже не нравится состояние Салли.

— Ее укусила очень ядовитая и опасная змея, но капитан прекрасно справился с задачей, словно всю жизнь провел у нас в буше,— сказал Бентли.— Любой

австралийский поселенец должен знать, как поступать в таких случаях. Мне приходилось видеть не мало людей, укушенных ядовитой змеей. По-моему, нет никакого повода к тревоге. Салли выздоровеет!

— Спасибо вам, Бентли, за добрые слова! Вы будто бальзам пролили на мою кровоточащую рану! — растроганно воскликнул Новицкий.— Я предпочитаю погибнуть сам, чем видеть несчастье этой милой голубки! Что Томек сделает без нее?!

Все растроганно умолкли; Новицкий сам выглядел больным. Лицо мрачное, глаза подпухли и покраснели.

— Приободришь, Тадек! — прервал воцарившееся было молчание Вильмовский.— Салли молода, сил ей не занимать, она выдержит кризис. Не будем ей показывать, что мы встревожены.

— Поверьте мне, Бентли знает, что говорит,— добавил Смуга.— Уже возвращается Томек, сварил бульон, капитан!

Поев бульона, поданного ей Томеком, Салли почувствовала себя лучше. Караван продолжал путь. Смуга стремился по возможности быстрее пройти болота и выйти на плоскогорье. Горный воздух помог бы Салли выздороветь.

На следующий день вечером экспедиция остановилась на ночлег среди каменных осыпей горного склона. На рассвете, однако, путешественники снова начали спускаться по тропе вниз. Смуга то и дело опережал караван и просматривал местность в бинокль.

— Впереди опять болото, Ян? — с тревогой спросил Смугу Вильмовский, который теперь заменял Томека в авангарде каравана.

— Нет, кажется, на плоскогорье сухо,— ответил Смуга.— Видна травянистая степь и буш. Я высмотрел на двух горных склонах столбы дыма. Туземцы не жили бы в болотах.

— Прекрасно! — обрадовался Вильмовский.— Надо поскорее устроить стоянку. Салли необходим покой и длительный отдых.

Еще до того, как солнце оказалось в зените, караван вышел на равнину, покрытую высокой травой кунаи. Смуга повел караван прямо к горным склонам,

на которых раньше видел дым от костров. По всей вероятности, там находятся туземные деревушки. Смуга и Новицкий шли впереди каравана. Они внимательно осматривали местность. Трава доходила им до пояса, ветер дул сзади, поэтому нельзя было полагаться на чутье Динго.

Как вдруг откуда-то со стороны, но довольно близко, раздался пронзительный крик. В высокой траве, как из-под земли, показались темно-коричневые фигуры воинов. Из-за продолговатых щитов слышался опять крик, от которого леденела кровь в жилах: «Га-га-га-ааа!» На караван посыпались стрелы, что привело к некоторому замешательству. Белые путешественники немедленно ответили выстрелами из винтовок. К счастью, на этот раз носильщики мафулу не поддались панике. За эти несколько недель пребывания в обществе белых мафулу убедились в том, что белые — друзья канаков. Поэтому они, перед лицом опасности, взяли сразу сторону белых. В одно мгновение мафулу соорудили вокруг паланкина баррикаду из тюков и сами взялись за оружие. Винтовочный огонь охладил пыл нападающих. Словно злые духи, они исчезли в высокой траве, унося с поля боя своих мертвых и раненых.

Взяв с собой Динго, Смуга отправился в разведку. Вильмовский и Новицкий занялись перевязкой раненых. Мафулу прекрасно переносили боль и не испугались полученных ран. Правда, большинство стрел попало в тюки с багажом, но четыре из них ранили людей. Мафулу сами отважно вырвали стрелы из ран, прежде чем Вильмовский приступил к перевязке.

Смуга скоро вернулся с хорошими вестями. Видимо, напавшие на караван туземцы впервые встретились с огнестрельным оружием, потому что потерпев неудачу, бежали в недалекие горы. Пока что опасность миновала, но надо было найти место под разбивку лагеря, где естественные условия позволяли бы организовать оборону против возможного нападения туземцев. Осторожный Смуга стремился избежать встречи с враждебно настроенными племенами, поэтому повел караван на северо-запад.

Вильмовский время от времени доставал бинокль;

он тщательно изучал окрестности, но несмотря на это, капитан Новицкий раньше Вильмовского, притом невооруженным глазом, обнаружил полосу дыма, поднимающуюся вверх у подножия горного склона.

— Андрей, посмотри-ка направо! — воскликнул моряк.— Там, над вершинами деревьев, поднимается столбик дыма!

— Черт возьми, у тебя прекрасное зрение! — ответил Вильмовский, посмотрев через бинокль в сторону, указанную моряком.— Теперь я вижу деревушку, окруженную высоким частоколом!

— Если так, пойдем к этой деревушке,— решил Смуга.— Нам необходимо, во что бы то ни стало, прийти к соглашению с туземцами.

— А если они опять встретят нас выстрелами? — спросил Новицкий.

— Мы не можем пробивать себе дорогу силой,— ответил Смуга.— Видимо, в этой долине обитает много туземных племен.

Некоторое время путешественники шли молча. По приказанию Смуги мафулу шли теперь плотной группой, в центре которой находился паланкин с Салли. Рядом с паланкином шли Наташа, Збышек и Бальмор.

Караван приблизился к укрепленной деревушке. Динго обеспокоенно прядал ушами, нюхал воздух и искал следы на земле. Вдруг он дернул поводок и потянул за собой Томека. Молодой человек вскинул штуцер и сошел с тропинки за собакой. Вскоре слышался его голос:

— Эй, ей! Посмотрите-ка, что обнаружил Динго!

Рядом с круглой хижинкой, покрытой крышей из травы, путешественники увидели небольшую будочку, стоящую на столбе и сделанную из древесной коры. В будке белел человеческий череп, лежащий на груде костей.

— Оригинальная могила предка или военный трофей охотников за человеческими головами,— вполголоса сказал Бентли.

Новицкий подозрительно посмотрел на хижину, стоящую рядом. Низкий, овальный вход в нее был

закрыт решеткой, сплетенной из бамбуковых прутьев.

— Похоже на то, что хозяин дал драпака от нас,— буркнул моряк.

— Черт с ним, с хозяином. Здесь нам нечего делать,— ответил Смуга.— Идем в дереvушку. Там мы узнаем, в чем тут дело!

Караван остановился не доходя нескольких метров до частокола, перед которым был выкопан глубокий ров. По углам крепостной стены стояли башенки для часовых. Скрытые там воины напряженно следили за всеми движениями белых людей.

Вильмовский вышел на край глубокого рва, как раз напротив крепостных ворот. Положил на землю подарки для вождя дереvушки: два ожерелья из стекла, зеркала, перочинный ножик, предварительно показав, как им пользоваться, немного прессованного табака и горсть соли. Постарался дать понять жестами, что жители дереvушки могут беспрепятственно взять себе подарки и вернулся к своим.

Видимо, внутри частокола туземцы прекрасно поняли язык жестов, потому что вскоре ворота открылись и за ними показалась толпа воинов, ноги которых были окрашены в красный и желтый цвета. Воины носили на головах султаны, в руках держали щиты, луки, копья или палицы с выступающими острыми краями камней. Через ров воины перебросили два длинных бревна. Один из них, соблюдая осторожность и прикрываясь щитом, перешел по бревнам через ров. Поднял с земли подарки, сразу же отступил назад тем же путем. Ворота закрылись. За ними слышались голоса изумления и восхищения.

Довольные произведенным впечатлением, белые путешественники прислушивались к голосам, доносившимся из-за частокола. Видимо, подарки сделали свое дело. Действительно, вскоре в воротах показался пестро раскрашенный туземец; жестом руки он пригласил караван в дереvушку и немедленно скрылся за частоколом.

Смуга внимательно наблюдал за поведением вооруженных жителей дереvушки. Женщин и детей нигде не видно. Смуга стал подозревать, что туземцы готовят ловушку. Сказал несколько слов Вильмовскому и,

взяв с собой только Томека, Бентли и Айн'у'Ку вошел в ворота, приказав спутникам держать ружья наготове.

В знак приветствия папуасы поднесли путешественникам бамбуковые сосуды с водой, приглашая их напиться. Чтобы отвергнуть подозрения в том, что вода может быть отравлена, один из туземцев сам отпил по глотку из каждого сосуда.

Призвав на помощь Айн'у'Ку, Смуга пытался начать переговоры с жителями деревушки. Оказалось, однако, что босс-бой понимал только немногие слова. Смуга не удивился этому. Он знал, что в Новой Гвинее жители соседних деревень говорят на разных языках. Он начал длинный разговор с помощью знаков¹. Воспользовавшись этим, Томек и Бентли стали незаметно рассматривать деревушку и ее жителей.

Деревня состояла из десятка с небольшим усадеб, разделенных друг от друга бамбуковыми плетнями. Усадьба в свою очередь состояла из двух или даже трех круглых хижин с конусообразными крышами, покрытыми травой, свесы которых спускались почти до самой земли. Полы в этих хижинах, настланные из бамбуковых жердей, несколько возвышались над землей. Над деревушкой, окруженной со всех сторон мощным частоколом, господствовали сторожевые вышки, стоявшие по четырем углам стен.

Томек коснулся руки Бентли и сказал:

— Взгляните-ка на площадь в центре деревушки...

— Я уже заметил,— вполголоса ответил Бентли, бросая взгляд на прямоугольную, плотно утоптанную площадь. В центре ее лежали, уложенные широким кольцом, прекрасно отполированные, украшенные картинками и бусинами человеческие черепа.

— Неужели мы попали к охотникам за челове-

¹ По числу языков и наречий Новая Гвинея занимает одно из первых мест в мире. Языки и наречия меняются там от деревни к деревне. Например, в Динава (Хребет Оуэна Стэнли) приказание «разложить костер» на местном наречии звучит «алоба ли», а в Фуле, расположенном всего лишь 18 миль дальше, «аукида путе». До 1930 г. в Новой Гвинее зарегистрировано около 80 языков, хотя в действительности их, наверное, еще больше. По этой причине среди папуасов распространен язык жестов.

скими головами? — тревожно спросил Томек, не отрывая взгляда от ужасного круга из черепов.

— Во всяком случае, это не военные трофеи, — ответил Бентли. — Мне кое-что известно о суевериях и обычаях папуасов. Они, например, верят, что злые и добрые духи, определяющие судьбу всякого человека, находятся в голове. Поэтому они собирают черепа. Это одновременно и культ предков, и талисман, защищающий человека от пури-пури, то есть колдовства. Желая испросить совета или узнать будущее у духов покойников, папуасы часто, отходя ко сну, кладут под голову череп какого-нибудь заслуженного предка. Черепа таких предков они, как правило, хранят в Доме духов, куда мужчины собираются на совещания. Впрочем, они иногда хранят их в своих хижинах или укладывают так, как здесь, в магический круг.

— Мне приходилось встречаться с подобными верованиями у северо-американских индейцев, — сказал Томек. — Вождь Черная Молния перед тем, как принять важное решение, тоже проводил целые ночи в кругу, составленном из черепов предков!

Во время этой беседы Бентли внимательно следил за всем, что происходило вокруг. Вдруг он побледнел, придвинулся к Томеку и шепнул:

— И все же это, несомненно, охотники за человеческими головами! Взгляни на прямоугольное строение в конце площади. Это Дом духов! Ты видишь черепа, украшающие его крышу?

— Вижу! Но почему вы считаете, что это охотники за головами? Ведь вы сами утверждаете, что папуасы хранят черепа предков в Доме духов!

— Эти черепа не принадлежали предкам нынешних обитателей деревушки! Присмотрись-ка к ним получше! Все они лишены нижней челюсти! Этим и отличаются черепа врагов от почитаемых черепов великих предков, — сказал Бентли.

— Я этого не знал, — ответил Томек, взволнованный не меньше чем его собеседник.

— Это значит, что мы попали в страну охотников

¹ Сведения об этом читатель найдет в книге «Томек на тропе войны».

за человеческими головами,— продолжал Бентли.— Мужчина становится здесь воином только после того, как добудет несколько вражеских черепов.

— Надо сейчас же сказать об этом Смуте,— посоветовал Томек.

— Он как раз делает знак, чтобы мы подошли к нему,— заметил Бентли.

Томек и Бентли подошли к Смуте. Видимо, он пришел к какому-то соглашению со старейшиной деревни, потому что воины сняли стрелы с тетивы луков, а на порогах хижин показались женщины и дети.

— Они дадут нам немного продуктов и мы отправляемся в путь. Недалеко отсюда течет река, на которой есть небольшой островок. Там мы остановимся на несколько дней.

— Это очень хорошо. Нам пригодится естественная защита,— сказал Бентли.— Это охотники за человеческими головами!

— Я это знаю,— кратко ответил Смуга.— Мы поговорим об этом потом, а теперь вернемся к нашим!

Караван расположился на отдых у самых ворот деревушки, поэтому друзья быстро очутились среди своих.

— Ну, какие новости у вас? — спросил Вильмовский.

— Нам удалось раздобыть важные сведения,— ответил Смуга.— Эти туземцы принадлежат к племени бена-бена. Они потому так бдительно охраняют деревушку, что находятся в состоянии войны с соседним племенем ку-ку-ку-ку.

— Почему папуасы непрерывно ведут войны между собой? — спросил Збышек.— До сих пор нам не приходилось встретить на этом острове местности, где бы не велась война!

— Суеверия, племенная вражда, религиозные верования — вот причины, вызывающие постоянную войну между племенами,— ответил Смуга.— Вот теперь, например, они ведут войну с племенем ку-ку-ку-ку потому, что те утверждают будто бы по наущению бена-бена «злые духи» во время последней бури бросили «огненный шар» на Дом духов в деревушке ку-ку-ку-ку. Дом сгорел от удара молнии и все черепа тоже

сторели. Конечно, шаманы племени ку-ку-ку-ку заявили, что племя бена-бена навлекло на них гнев «злых духов». Им надо возможно скорее раздобыть новые черепа, которые предохранят племя ку-ку-ку-ку от новых козней злых духов.

— Одним словом, поводом к войне послужил случайный удар молнии,— удивленно заметил Бальмор.

— Землетрясения и бури часто разрушают хижины туземцев Новой Гвинеи,— вмешался Вильмовский.— Поэтому они не строят домов из прочного материала.

— Вся беда в том, что суеверные папуасы считают, что бури и землетрясения вызывают их соседи, которым они сейчас же стараются отомстить,— сказал Бентли.

— Я думаю, что по пути сюда на нас напали воины племени ку-ку-ку-ку,— заявил Вильмовский.

— Мне кажется, ты прав,— согласился Смуга.

— Скорей бы очутиться на острове,— сказал Томек.— Бедной Салли опять стало хуже!

— Река очень недалеко отсюда,— утешил его Смуга.— Мы сейчас пойдем туда. Женщины уже несут продукты.

Действительно, в воротах показалась группа папуасских женщин. Они несли сетки из лиан, наполненные овощами. Вскоре женщины стали класть к ногам путешественников бататы, кукурузу, стебли сахарного тростника, огурцы и дикие плоды. Смуга подарил каждой из них стеклянные ожерелья, что вызвало среди женщин радостное волнение. Старейшина деревушки в свою очередь подарил путешественникам довольно крупного поросенка, за что Смуга вручил ему стальной топор. Таким образом, недоверие туземцев было окончательно сломлено.

К каравану присоединился небольшой отряд воинов бена-бена, чтобы показать дорогу к острову на реке; вооруженные копьями, луками и со щитами в руках, воины шли в авангарде каравана рядом со Смугой. Не прошло и часа, как путешественники услышали плеск воды.

Ширина русла реки в том месте, куда подошли путешественники, не превышала шестидесяти метров. Над водой свисали ветви огромных деревьев. Узкий и

довольно длинный ровок, покрытый буйной зеленью, находился несколько ниже по течению. Воины бена-бена достали из укрытия четыре большие лодки. Они были выдолблены из целых стволов деревьев. Чтобы обеспечить их устойчивость на воде, каждая лодка была снабжена боковыми поплавками из древесины легкой породы.

Переправа длилась не долго. В каждой лодке могли поместиться двадцать человек, поэтому все путешественники переправились на остров одновременно. Место под разбивку лагеря оказалось идеальным. Глубокое, быстрое течение реки отделяло островок от берегов, что, несомненно, препятствовало неожиданному нападению извне.

Энергичный Смуга никому не разрешил отдыхать, хотя все достаточно устали. Он разделил участников экспедиции на группы и каждой из них дал определенное задание. Таким образом, пока одна группа расчищала место под разбивку лагеря, вторая занялась устройством баррикады из срубленных деревьев для защиты от стрел, выпущенных с одного или другого берега реки. Третья группа занялась сортировкой багажа и приготовлением ужина.

Воины бена-бена обещали снабжать путешественников свежими овощами и разрешили пользоваться лодками. Однако оставаться на острове не хотели. Война требовала их присутствия в родной деревне. На этот раз роль гребцов на лодках взяли на себя мафулу.

Разбивка лагеря закончилась еще до наступления темноты. Мафулу расселись вокруг костров. Таинственные, тихие берега реки, укутанной темной, зеленой чашей, не располагали к веселью, танцам и песням. Мафулу в молчании курили трубки, жевали бетель, чутко прислушивались к ночным голосам, доносившимся из глубины джунглей. Белые охотники до поздней ночи работали в походной лаборатории, потому что от любого недосмотра могли погибнуть коллекции, собранные с таким трудом. Одна лишь Салли отдыхала в палатке под опекой Наташи и Томека.

Все участники экспедиции вскочили с постелей на рассвете. Смуга передал команду Вильмовскому, а сам

в обществе капитана Новицкого и Томека переправился на левый берег реки. Он решил разведать ближайшие окрестности лагеря. На этот раз охотники не взяли с собой Динго. Верный пес всю ночь провел у постели больной, проявляя явное беспокойство, что очень волновало всех присутствующих.

Три друга осторожно пробирались через густые заросли. Первым прервал молчание Новицкий.

— Мне кажется, Смуга, что плохи дела у нашей Салли,— тревожно сказал он.

Смуга исподлобья взглянул на Томека, глубоко вздохнул и ответил:

— Все бы отдал за то, чтобы она в этот момент очутилась в Сиднее в больнице.

— Сто дохлых китов в зубы! Мы должны немедленно отправляться в обратный путь! — воскликнул Новицкий.

Смуга остановился. Положил руку на плечо Томека и сказал:

— С того самого дня, как Салли укусила эта проклятая змея, я ищу самую удобную дорогу к берегу моря. Даже если Салли выдержит первый приступ болезни, ей нужен будет врачебный уход. Сегодня я хочу разузнать, в каком направлении течет эта река. По моим расчетам, это, возможно, Пурари, или один из ее притоков. Мы сможем поплыть на лодках.

— Спасибо...— тихо прошептал Томек, с дрожью в голосе.— Знаю, что вы, также как и я, опасаетесь за жизнь Салли...

— Не будем терять драгоценное время на пустые разговоры! — горячо сказал Новицкий.— Отправляемся в путь!

Около полудня охотники решили вернуться в лагерь. Сомнений не было — река течет на юг. Желая несколько сократить дорогу, Смуга решил обойти излучину реки по хорде. Поэтому друзья шли теперь прямо через джунгли, что значительно сокращало путь. Они уже подходили к берегу, как вдруг Томек нагнулся, потом стал на одно колено, что-то рассматривая на земле.

— Подождите,— тихо сказал он.— Я вижу следы босых ног!

Не говоря ни слова, Смуга остановился рядом с Томеком. Внимательно рассмотрел следы.

— Здесь прошли несколько человек. Шли к реке,— через минуту подтвердил он выводы Томека.

— Они были здесь всего лишь несколько часов назад...— заявил молодой человек.

— Может быть, это бена-бена тащили провиант для нас? — буркнул с надеждой в голосе Новицкий.

— Нет, деревушка бена-бена находится к северо-востоку отсюда,— возразил Смуга.— А следы ведут к юго-востока.

— Возможно это ку-ку-ку-ку,— добавил Томек.— Давайте, скорее вернемся в лагерь!

— Не спеши так, Томек. Если эти молодчики и в самом деле притаились близ нашего лагеря, то нам представляется прекрасный случай проучить их и раз навсегда остудить их воинственный пыл,— сказал Новицкий.

— Ты прав, мы должны узнать, что им здесь нужно,— согласился Смуга.— Пойдем по следам!

Он тронулся первым, держа наготове винтовку. Следы вели прямо к реке. Смуга шел медленно и осторожно. Жестом приказал друзьям обращать внимание на верхушки деревьев, где могли скрываться враги. Вскоре послышался шум быстрого течения реки. Впереди в чаще виднелся просвет. Смуга остановился, повернулся к друзьям и приложил палец к губам, требуя соблюдения тишины. Взглядом показал на вершину прибрежного дерева.

На толстой ветви этого дерева сидел темнокожий воин. В руках он держал лук и оперенные стрелы. Он почти не отрывал взгляда от лагеря на острове, который был хорошо виден с высоты. Новицкий вопросительно взглянул на Смугу. В этот момент послышался шелест ветвей. Смуга инстинктивно отпрянул в сторону. Острие копья попало в ствол дерева всего лишь на шаг от его груди. Несколько воинов ку-ку-ку-ку появились, как из-под земли. В прибрежных зарослях началась рукопашная схватка. Один из папуасов прыгнул с дерева прямо на Томека. Тот потерял равновесие и упал на землю, потянув за собой папуаса. К счастью, ловким движением тела Томеку удалось

повернуться на спину и схватить нападающего за кисть правой руки, в которой тот держал острый бамбуковый нож. Ударом колен Томек перебросил воина через себя. С револьвером в руке вскочил с земли, но прежде чем ему удалось нажать курок, Смуга метким выстрелом положил папуаса.

Капитан Новицкий отбросил в сторону бесполезную в этой чаще винтовку. Его твердые, как камень, кулаки обрушились на головы врагов. Через несколько минут ему удалось рассеять напавших папуасов, которые в лесной чаще тоже были лишены возможности пользоваться копьями и луками. Смуга то и дело нажимал на курок револьвера, делая выстрелы один за другим.

Услышав шум битвы на берегу реки, Вильмовский организовал помощь; вскоре от острова отчалили две лодки, полные вооруженных мафулу. Гром винтовочного залпа заставил воинов ку-ку-ку-ку быстро ретироваться. Они скрылись в кустах еще до того, как лодки под командованием Вильмовского пристали к берегу реки.

XIX

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ САЛЛИ

Стоял тихий, погожий вечер. Полный лик луны медленно поднимался по небосклону. Томек и капитан Новицкий дежурили у костра, горевшего у входа в палатку, где спала больная Салли. Друзья молчали, изредка перекидываясь отдельными словами; они сосредоточенно прислушивались к голосам, доносившимся из джунглей, плотной чащей окружавшей одинокий остров на реке.

Уже три дня путешественники стояли в лагере, расположенном в самом центре страны охотников за человеческими головами. Каждый вечер они видели костры, разложенные туземцами на склонах окрестных гор. Очевидно ку-ку-ку-ку собирали силы для нового нападения. Передовые стражи их день и ночь таились в прибрежной чаще по обоим берегам реки,

ожидаая удобного момента для нападения. В джунглях непрерывно гудели военные барабаны.

Охотники отдавали себе отчет в безнадежности положения, в каком они очутились. Остров осаждали воины кровожадного племени ку-ку-ку-ку. Вопреки обещаниям, бена-бена не принесли экспедиции свежих овощей. Видимо, они не могли пройти к реке, так как воины ку-ку-ку-ку окружили остров тесным кольцом. Смуга два раза пытался пробиться к деревушке бена-бена, но всякий раз вынужден был отступить под градом оперенных стрел и под оглушительные, леденящие кровь в жилах, крики воинов ку-ку-ку-ку.

Сегодня на вершинах окрестных гор виднелось еще больше сигнальных костров, чем когда-либо раньше. Новицкий и Томек мрачно поглядывали на мерцающие огни и ежеминутно бросали взгляды на вход в палатку Салли. Больная уже два дня не хотела ничего есть. Горячка пожирала последние силы Салли. Пробуждаясь от беспокойной дремоты, она еле-еле могла приподнять веки. Все члены экспедиции дрожали за ее жизнь. С мужественного лица Томека не сходило выражение крайнего отчаяния. Салли умирала, а он ничем не мог ей помочь... Новицкий сидел в полном молчании. Он видел горе друга, да и сам страдал не меньше Томека.

Вдруг в кустах послышался шелест. К костру подошел Смуга.

— Как дела? — кратко бросил он, садясь на стоявший у костра пень дерева.

— Без перемен... — ответил Новицкий, тяжело вздыхая.

— Мне кажется, что в болезни Салли наступил кризис, — сказал Смуга. — Крепче держись, Томек. Не теряй надежды, Салли выздоровеет, если доживет до утра...

Спазм сжал ему горло. Минуту Смуга сидел с опущенной головой и только, когда полностью овладел собой, тихо продолжал:

— Томек, мы друзья твои и Салли. Ваше горе — наше горе. Помни об этом и тебе, возможно, станет легче...

Молодой человек посмотрел на друзей. Бледность покрыла его лицо. На дрожащих губах замерли слова...

После длительного молчания Смуга произнес:

— Если ку-ку-ку-ку до утра оставят нас в покое, мы на лодках пойдем вниз по реке. Нам необходимо вырваться из окружения. У нас не хватает продовольствия...

— Не бойтесь, здесь мы, если и помрем, то отнюдь не с голоду,— мрачно ответил Новицкий.— Посмотрите сколько костров полыхает сегодня в горах! Я уверен, что на рассвете папуасы нападут на нас.

— К утру лодки будут готовы в путь,— ответил Смуга.— Все, кроме часовых, работают без усталости. К счастью, светит луна и нам не надо разводить костры. Ку-ку-ку-ку не заметят наших приготовлений к отъезду.

— Ах, чтоб их кит проглотил, этих тараканьих сынов! — в сердцах выругался Новицкий.— И что им надо от нас?!

— Черепа белых людей, видимо, у них в большой цене,— ответил Смуга.

— Ну, не так-то легко они добудут наши!..— буркнул Новицкий, и с такой силой сжал кулаки, что громко затрещали кости.

— Думаю, мы с ними справимся. Приходилось бывать в худших переделках,— сказал Смуга.— На рассвете мы можем встретиться с различными сюрпризами с их стороны. Вы сменяйте друг друга у постели больной. Вы обязаны сохранить силы к предстоящему бою. Я сейчас пришлю к вам Наташу.

Смуга удалился. Новицкий тяжело встал и заглянул в палатку. Салли лежала на раскладной кровати под плотно закрытой москитьерой. В слабом свете керосиновой лампы черты ее лица, казалось, обострились, как это бывает у тяжело больных. Новицкий украдкой смахнул слезу, набежавшую на глаза, и опять уселся рядом с Томеком.

— Все еще спит, бедняга...— тихо сказал он.— Ты, браток, вздремни хоть немножко. Ведь ты не спишь уже три ночи подряд. Ты обязательно должен отдохнуть перед тем, как начнется проклятый кавардак! От

меткости глаза и твердости руки может зависеть жизнь каждого из нас!

— Вы тоже ведь не спите вместе со мной,— ответил Томек.— Я хочу быть рядом с Салли, когда она проснется.

— Ложись спать! — настаивал Новицкий.— Как только Салли откроет глаза, я тебя позову.

Томек подбросил в костер дров и улегся здесь же на земле. Он постепенно перестал отгонять moskitov. Серебристые голоса тоундул и неумолчное пение цикад стали постепенно удаляться от него. Усталость взяла верх над горем. Томек заснул. Осторожно накрыв его одеялом, капитан Новицкий на цыпочках вошел в палатку. Сел у койки, на которой лежала Салли. Его взгляд скользнул по бледному, исхудалому личику девушки. Капитан напряг всю силу воли, чтобы не расплакаться, как ребенок.

Вскоре в палатку вошла Наташа. Нежно коснулась рукой моряка. Тот приложил палец к губам, требуя тишины. Наташа уселась рядом с капитаном. Закрыла лицо руками. Она плакала.

Вдруг из уст Салли сорвался глубокий вздох. Она проснулась. Новицкий и заплаканная Наташа сейчас же вскочили с мест. Склонились к ложу больной.

— Где Томми? — тихо спросила Салли.

— Спит у входа в палатку. Я сейчас его разбужу,— поспешно ответил Новицкий.— Он три ночи не спал...

— Не будите его...— шепнула Салли.— Теперь я не хочу его видеть.

— Почему это, голубушка?! — удивился Новицкий.— Томек мне ни за что не простит...

— Пришла, видно, моя смерть,— тихо сказала Салли слабым, прерывающимся голосом.— Я не хочу, чтобы он это видел.

— Салли, ты не умрешь! — воскликнул Новицкий.— Томек с ума сойдет от горя! А я... я...

Капитан не мог говорить. Он наклонился к больной, схватил ее маленькие ручки в свои большущие лапы. От ужаса у него стали дыбом волосы на голове.

— Поцелуйте меня... от Томека,— попросила Салли.— Скажите ему, что мое единственное желание в

жизни — быть вместе с ним. Я надеялась, что мы поженимся. Мне было бы легче умирать, если бы Томек был моим...

Новицкий до крови закусил губы. Он судорожно сжимал руки девушки, будто хотел этим удержать ее от смерти.

— Томек принадлежит только тебе, — глухо сказал он. — Как только мы очутимся на «Сите», я как капитан, сам сочетаю вас браком. Поверь мне!

— Это будет уж слишком поздно, капитан... — шепнула Салли.

— А вы не можете сделать это сейчас? — спросила Наташа. — Ведь и на суше вы остаетесь капитаном!

Видимо, в голове капитана зародилась какая-то идея, потому что у него заискрились глаза. Он наклонился к Салли и спросил:

— Ты окончательно решила выйти замуж за Томека?

— Такова моя последняя воля... — ответила Салли и на губах ее появилась слабая улыбка, осветившая бледное личико.

— Ты будешь его женой! Наташа, разбуди Томека!

Через несколько минут в палатку вошел Томек. Он хорошо владел собой. Уселся на койке рядом с Салли. Обнял ее и прижал к сердцу.

— Салли, дорогая, мне Наташа все сказала! Ты хочешь быть моей женой? — спросил он.

— Очень хочу, Томми...

— Капитан, можете ли вы совершить обряд бракосочетания? — обратился Томек к другу.

— Совершить такой обряд я могу только на судне. Возьми ее на руки и пойдем!

В глазах Томека отразилось удивление, но он, не колеблясь ни минуты, осторожно взял Салли на руки и отправился вслед за капитаном. Головка Салли тяжело склонилась на плечо Томека.

По дороге Новицкий зашел в свою палатку и вышел оттуда в капитанской фуражке на голове. Он повел друзей к берегу острова, где мафулу готовили лодки в дорогу. На воду уже были спущены четыре длинных плота из бамбуковых бревен, уложенных поперек двух челнов, выдолбленных из древесных стволов.

Мафулу занимались погрузкой на плоты тюков с багажом.

— Зажечь факелы! — громко потребовал Новицкий.

Смуга хотел возразить, но увидев Томека с Салли на руках и Новицкого в капитанской фуражке, сообразил, что происходит нечто значительное.

— Зажечь факелы, — повторил он приказ капитана.

Мафулу немедленно подняли с земли бамбуковые жерди. В расколотых концах жердей торчали смолистые щепки. Это были факелы, подготовленные мафулу на случай ночной атаки врага. Вскоре красноватый свет факелов осветил берег острова.

Держа на руках Салли, Томек подошел к отцу.

— Папа, Салли и я решили вступить в брак, — спокойно заявил Томек. — Просим твоего родительского благословения.

Вильмовский с нежностью взглянул на бледное личико больной девушки. Осторожно взял ее на руки.

— Неси ее на лодку, Андрей, — спешно потребовал Новицкий. — Как капитан я могу сочетать их браком только на судне.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — серьезно ответил Вильмовский. — Потом в ближайшем порту мы этот брак утвердим официально.

Наташа уже успела уведомить всех о критическом состоянии Салли и о ее последней воле. Поэтому друзья Томека шли вслед за Вильмовским в полном сознании важности события.

Бальмор и Збышек расстелили на одном из плотов одеяло, Вильмовский положил Салли на эту временную постель. Томек стал на колени рядом с лежащей Салли. Одним прыжком около них очутился Динго. Новицкий присел на фальшборт, ограждающий плот.

Смуга объявил боевую тревогу... Он приказал вооруженным мафулу окружить плот тесным кольцом, и сам взял в руки винтовку. Новицкий достал из кармана подручный корабельный журнал, носивший явные следы стрелы, выпущенной некогда Элеле Когхе. Нашел чистую страницу и стал задавать вопросы:

— Хотите ли вы стать мужем и женой?

— О, да, дорогой капитан, да! — шепнула Салли.

— Мы твердо решили,— заявил Томек.

— Я давно это предвидел, поэтому эти вопросы задал вам только потому, что этого требуют формальные правила,— сказал Новицкий.— Где свидетели?

— Я буду одним из них,— вызвался Вильмовский.— Пожалуйста, капитан, я отдаю молодоженам обручальные кольца — мое и покойной жены.

— А я буду вторым свидетелем,— сказал Смуга.

Новицкий вручил Салли меньшее обручальное кольцо.

— Немного великовато,— буркнул он.— Носи его на среднем пальце, а то потеряешь.

— Хорошо,— шепнула Салли.

— Будешь ли ты любить и уважать Салли и не оставишь ее до смерти? — обратился капитан к Томеку.

— Буду всегда ее уважать и не хочу больше жить без нее,— ответил молодой человек.

— Не говори чепухи, браток, потому что я, как пить дать, побью тебя в день свадьбы,— рассердился Новицкий.— Отвечай только: да или нет!

— Да, капитан! — твердо сказал Томек.

— Помни, что ты должен отдавать ей все деньги. Женщины лучше ведут хозяйство, чем мы!

— Буду отдавать, капитан.

— Ладно, а теперь ты, Салли! Будешь ли всегда любить Томека? Ты знаешь, что я люблю его, как собственного сына!

— Никогда не перестану любить его...— ответила Салли.

— Я не спрашиваю тебя, будешь ли хороше́й женой, потому что знаю, лучшей он нигде не найдет,— продолжал Новицкий.— Пригласите ли вы меня крестным отцом, когда у вас появится первенец?

— Да,— ответили молодожены.

— Я, капитан «Ситы», записываю в корабельный журнал, что сегодня я сочетал вас законным браком в присутствии свидетелей. С этого момента вы являетесь мужем и женой. Желаю вам примерной супружеской жизни! Послушай, голубушка, раз мы исполнили твою волю, ты обязана выздороветь! Теперь, браток, можешь поцеловать жену! Поспеш, а то уже светает!

Лучи восходящего солнца окрасили небо в розовый цвет. Немного смущенный, Томек взглянул на друзей, собравшихся на плоту. Все были взволнованы и серьезны. Наташа плакала от радости. Томек наклонился к Салли. Как раз в этот момент Динго хрипло залаял. На левом берегу реки раздался пронзительный боевой клич воинов ку-ку-ку-ку. Из чащи джунглей выбежала толпа туземцев, раскрашенных в цвета войны. Одни из них стали стаскивать на воду длинные лодки, садились в них и, скрываясь за продолговатыми щитами, направлялись к острову, другие садились верхом на деревянные колоды и плыли рядом с лодками.

— Напали на нас! — крикнул Бентли.

— Женщины за баррикаду! — дал команду Смуга.

Томек подхватил Салли на руки, свистнул собаке и в сопровождении Наташи побежал к палатке, защищенной баррикадой из толстых бревен. Смуга быстро расставил своих людей по заранее намеченным местам, чтобы избежать замешательства во время боя. Все, кому были розданы ружья и винтовки, должны были отразить первый приступ врагов. Люди Смуги притаились в кустах и за деревьями, на берегу острова, напротив места, куда направлялись лодки папуасов.

Томек уложил Салли на походную койку. Прижал ее голову к своей груди, а Салли, как и положено храброй жене путешественника, шепнула:

— Иди, мой милый, помоги нашим. Им, наверное, нужна твоя помощь. Мы здесь с Наташей не дадим себя в обиду... Иди, не теряй напрасно времени!

Томек поцеловал руку Салли. Нежно погладил ее по голове...

— Динго! Береги хозяйку, — приказал он собаке, которая сразу же улеглась рядом с койкой. Томек подхватил штуцер, стоявший рядом, и выбежал из палатки. Притаился за деревом недалеко от капитана Новицкого и Смуги. Щелкнул затвором штуцера.

Несколько длинных лодок уже подходило к берегу острова. Воины, прячась за щитами, держали наготове острые копья. Размалеванные белыми полосами, воины выглядели, как скелеты. В каждой лодке

четыре человека гребли длинными, бамбуковыми жердями.

Смуга внимательно наблюдал за тем, что делается на реке. Когда лодки подошли на расстояние нескольких метров от берега, он медленно поднял ствол винтовки и приказал:

— Целиться в гребцов! Огонь!

Несколько папуасов упали в воду. Лишенные управления, лодки стали поворачиваться по течению и, подхваченные быстрой стремниной, поплыли вниз по реке. Одна из лодок перевернулась вверх дном.

Все же две лодки пристали к берегу острова. Несколько папуасов очутились на берегу. Раздался зловещий, пронзительный, боевой клич охотников за человеческими головами.

— Капитан! Атакуй их во главе с мафулу! — приказал Смуга.

Носильщики знали, что их жизнь, да и жизнь остальных членов экспедиции висит на волоске. С отчаянием обреченных они бросились на врагов. Со штуцером в руках, Томек побежал на помощь Новицкому, который был незаменим в рукопашной схватке. Действуя прикладом ружья, моряк раздавал направо и налево молниеносные и сокрушительные удары. Вскоре вокруг него образовалось свободное поле. Томек выхватил револьвер и стал посылать в неприятелей пулю за пулей. Мафулу, воодушевленные их примером, быстро прижали нападающих к самой воде. Бой продолжался на берегу.

Барабан револьвера у Томака опустел очень быстро. Презарядить его времени не было, и Томек заткнул револьвер за пояс. В последний момент ему удалось прикладом штуцера отбить копьё, направленное острием в грудь. Прежде чем папуас сумел опять поднять копьё, Томек отбросил штуцер в сторону и обеими руками ухватился за древко. Папуасский воин сразу же выпустил копьё из рук, бросил щит на землю и выхватил из-за набедренной повязки нож. Благодаря капитану Новицкому, Томек хорошо владел приемами рукопашной борьбы. Он не растерялся — одним прыжком очутился лицом к лицу с ужасным охотником за человеческими головами. Пышный сул-

тан на голове папуаса свидетельствовал о том, что Томек ввязался в борьбу со знаменитым воином. Безошибочный рывок за кисть левой руки и подхват локтя врага вынудили воина выпустить нож. Он попытался схватить Томека за горло, но тот дал ему подножку. Они упали оба. Вдруг смертельные объятия папуаса ослабели. Лежа на спине, Томек увидел, что папуас взлетел вверх. Оказалось, что Новицкий вовремя поспешил на помощь другу. Новицкий размахнулся, и папуас в одно мгновение описав в воздухе широкую дугу, плюхнулся в воду.

В это время на левом берегу реки послышался неопределимый гам. Триумфальные возгласы мешались с криками о помощи. Ку-ку-ку-ку в панике прыгали в свои лодки и возвращались на противоположный берег, где неожиданно разгорелась отчаянная битва.

— Это бена-бена атакуют наших врагов! — крикнул Вильмовский.

— Мы должны им помочь, — сказал Смуга. — Капитан, собирай добровольцев!

Мафулу, разъяренные борьбой, уже садились в лодки, брошенные папуасами, спасавшимися бегством вплавь, через реку. Смуга взял с собой только Новицкого и Бальмора. Остальные белые путешественники с отрядом мафулу должны были остаться на острове.

— Черт возьми, ведь там разгорится настоящая драка и резня! — встревоженно сказал Бентли.

— Надо напугать туземцев, они тогда прервут битву, — предложил Вильмовский. — Томек, принеси сюда ракеты¹.

Томек побежал в лагерь. Вскоре вернулся, держа в руках три ракеты, прикрепленные к длинным жердям. Вильмовский и Томек закрепили жерди с ракетами в земле с некоторым наклоном к горизонту. Томек достал из кармана коробок со спичками и стал поочередно поджигать бикфордовые шнуры, свисавшие у каждой ракеты. Прозвучали мощные взрывы. Одна за другой ракеты понеслись на противоположный берег

¹ Это были сигнальные ракеты, то есть наполненные материалом, горящим во время полета и выделяющим дым разного цвета.

реки, оставляя за собой длинные хвосты красного дыма. Прочертив широкую дугу, ракеты исчезли в чаще леса. Шум битвы внезапно прекратился. Послышались крики ужаса. Воины бежали на юго-восток.

* * *

Новицкий и Смуга вернулись на остров спустя час.

— Ку-ку-ку-ку разгромлены,— сообщил Смуга, усаживаясь возле костра.— Кто это придумал трюк с ракетами?

— Я,— кратко ответил Вильмовский.— Мне хотелось прекратить бессмысленное кровопролитие.

— Это тебе прекрасно удалось, Андрей,— сказал Новицкий.

— Ку-ку-ку-ку бежали так быстро, что только пятки сверкали! А как себя чувствует наша Салли? Она очень перепугалась?

— Не обращая внимания на шум битвы, она сразу же после бракосочетания крепко заснула. Так сильно ослабела, бедняжка,— сообщила Наташа.

— Будем надеяться, что она выдержит кризис, и теперь уж, пожалуй, не умрет...— робко сказал Томек, ища глазами подтверждения своей надежды у друзей.

— Я ей дал лучшее лекарство,— хвастливо заявил Новицкий.— Исполнение заветного желания, преодолет яд коварного шамана.

— Позволим ей отдохнуть еще денька два,— решил Смуга.— Потом на плотах отправимся вниз по реке. Бена-бена еще сегодня обещали принести нам запас продовольствия. Устроим свадебный пир. Ведь сегодня радостный день для нас всех...

XX

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Вот уже десять дней экспедиция охотников за райскими птицами шла на плотах вниз по реке. Горевшие по ночам военные костры туземцев остались позади; умолкло гудение боевых барабанов.

Теперь уже шесть длинных лодок, связанных по две и покрытых настилом из бамбуковых жердей, находились в распоряжении экспедиции, команду над которой взял на себя капитан Новицкий. Мафулу охотно превратились в гребцов. Багаж и многочисленные образцы флоры и фауны были размещены на помостах между лодками. Белые путешественники могли вывезти из глубины страны собранные коллекции только на лодках. В бою с ку-ку-ку-ку погибли пять носильщиков, несколько других получили довольно серьезные ранения и не могли тащить на себе тяжелый груз.

Путешествие на лодках позволяло создать также некоторый комфорт для Салли, выздоровление которой медленно подвигалось вперед. Она целыми днями могла спокойно лежать на мягкой постели под балдахинном из древесной коры и москитьерой. На ночь ей разбивали палатку на суше.

Все свободные минуты Томек посвящал жене. Вот и теперь он, сидя на помосте рядом с постелью Салли, говорил:

— Мы скоро выберемся к морскому побережью. Если это действительно Пурари, то вскоре будем в Порт-Морсби. Там мы тебя покажем врачам, и ты быстро восстановишь силы.

— Из-за меня вам пришлось прервать экспедицию,— с сожалением сказала Салли.

— Ничего подобного,— возразил Томек.— Правда, мы очень опасались за тебя, но ускорить возвращение нам пришлось из-за враждебного отношения туземцев.

— Ты так говоришь, чтобы меня успокоить и утешить...— недоверчиво продолжала Салли.

— Не будь ребенком, моя дорогая. Ты же прекрасно знаешь, какие условия встретила экспедиция в глубине острова. Обитатели Новой Гвинеи все еще находятся на уровне развития людей каменного века, причем их понятия о мире и природных явлениях весьма примитивны и вовсе не развиваются. У них нет календаря, они не умеют считать, верят в существование духов и боятся всего, что им непонятно. Кроме того, они всецело находятся в руках шаманов,

которые не останавливаются ни перед чем, чтобы сохранить свое влияние на туземцев. Это они постоянно восстанавливали папуасов против нас.

— Возможно, ты прав, ведь даже укус змеи был вызван происками шамана. Мне становится лучше от сознания, что экспедиция возвращается не только по моей вине,— сказала Салли.

— Шаманы уверяли своих соотечественников, что мы вселяем души папуасов в мертвых животных и птиц, чтобы потом мучить души несчастных,— продолжал Томек.— Даже во время нашего пребывания на речном острове, эти шарлатаны восстанавливали против нас бена-бена, требуя чтобы те перестали нам помогать.

— Томми, никто мне не говорил об этом! — изумленно сказала Салли.

— Ты была слишком слаба, и мы не хотели тебя беспокоить,— ответил Томек.

— Почему же шаманы восстанавливали племя бена-бена против нас. Ведь мы помогли им разгромить ку-ку-ку-ку!

— Сейчас я тебе это объясню. Незадолго до нашего отправления с острова на лодках Бентли отправился в джунгли на поиски редких растений. Ему удалось найти незнакомый, весьма оригинальный вид орхидей. Корни растения, подобно корням знаменитого азиатского жень-шеня¹, напоминали миниатюрную фигурку человека. Бентли был восхищен своей находкой и собрался было выкопать орхидею, но сопровождавшие Бентли туземцы племени бена-бена стали резко возражать и даже угрожать ученому. Оказалось, что туземцы считают эту орхидею талисманом необыкновенной силы и пользуются этим цветком во время волшебств и обрядов. Они верят, что в корнях орхидеи находятся люди, поглощенные цветком.

— Но ведь это форменная чепуха,— возмутилась Салли.

— Конечно, но Бентли все же пришлось отказаться-

¹ Жень-шень (*Panax ginseng*) — травянистое, многолетнее растение семейства аралиевых. Применяется в медицине. Встречается в Восточной Азии, в частности в Корее и Китае.

ся от надежды заполучить редкий цветок и пополнить тем свою коллекцию.

— Очень жаль... Это был бы крупный успех!

— Не печалься, дорогая,— утешил ее муж.— На следующий день Смуга и Бентли тайно отправились в джунгли и принесли орхидею. Теперь она находится на личном попечении Бентли, который держит цветок в плетеной корзиночке, выложенной внутри влажным мхом.

— Лишь бы удалось довести цветок в целости и сохранности!

— Бентли надеется довести. Мы только потому так часто останавливаемся в пути, что Бентли надо ухаживать за живыми орхидеями. Он их подкармливает какими-то грибочками, за которыми усиленно охотится.

— А я думала, что мы останавливаемся из-за моей болезни,— кокетливо заметила Салли, улыбаясь Томеку.

— Теперь ты знаешь правду, и ни о чем больше не беспокойся!

Салли снова улыбнулась и продолжала беседу:

— Скажи, Томми, ты остался бы жить в этой стране? Я думаю, что белому человеку было бы очень трудно жить в обществе таких отсталых людей, как папуасы.

— Не знаю сумел бы я долго прожить здесь, но мне приходилось читать о людях, которые жили среди папуасов очень долго. Например, русский путешественник Миклухо-Маклай, о котором мы когда-то уже говорили, или поляк Ян Кубары¹, который почти двадцать семь лет провел среди жителей Океании,— ответил Томек.

— Ян Кубары? — с любопытством спросила Салли.

¹ Ян Кубары, польский этнограф и исследователь Океании, родился в 1846 году в Варшаве, умер в 1896 году на острове Понапе. Был представителем гамбургской торговой фирмы Д. Годфрея на Океанию. Собирал и высылал в Лондон хозяину фирмы этнографические экспонаты. Написал несколько книг, в частности: «Картины с островов Мореплавателей», «Острова Нукуоро», «Путешествие по Микронезии», «Мореходство и международная торговля Каролинских островов». Этнографические исследования опубликовал на немецком языке.

— Да, Ян Кубары — один из лучших исследователей и знатоков народов Океании.

— Расскажи мне о нем!

— Это был необыкновенный человек. Обладал даром привлекать к себе сердца туземцев. У них не было тайн от него. Поэтому Кубары удалось прекрасно изучить обычаи жителей Океании. Туземцы считали его своим человеком, потому что он женился на девушке с острова Палау, и от этого брака у него родилась дочь. Кубары много путешествовал по Меланезии, Микронезии и Полинезии, исследовал Тихий океан. Поселился на острове Понапе в восточной части Каролинского архипелага. Там, в Мпемпе, он построил научную лабораторию. Много времени посвящал туземцам; воспитывал их и обучал. Ничего удивительного нет в том, что туземцы очень уважали его. Несколько лет прожил на острове Новая Британия в порту Константина, названном так русским путешественником Миклухо-Маклаем, о котором я уже говорил и о котором нам рассказывала Наташа... Как видишь, можно жить среди туземцев и чувствовать себя хорошо.

Беседа молодых людей была прервана зычными командами капитана Новицкого. Лодки стали приставать к берегу. Среди деревьев, росших в саванне, виднелись дымы костров. Поэтому, как только лодки пристали к берегу, Смуга позвал Томека и нескольких мафулу, чтобы в сопровождении Динго отправиться в деревушку. Экспедиция нуждалась в свежих продуктах.

Динго, которого Томек держал на поводке, вел себя беспокойно. Убедившись в этом, Смуга стал внимательно рассматривать местность, поросшую высокой травой кунаи. Он легко убедился, что за ними следят, и шепнул Томеку:

— В траве укрываются туземцы, которые следят за нами и постепенно отступают к деревушке.

— Будем внимательны, деревушка уже близко,— ответил Томек.

— Отдай поводок Айн'у'Ку, а сам приготовь штуцер,— приказал Смуга.

Когда до деревни, окруженной бамбуковым часто-

колом, оставалось всего лишь около двухсот шагов, перед ними, как из-под земли, появились несколько воинов. Стрелы на тетивах луков не предвещали ничего хорошего.

Смуга уселся на землю и дал приказ остальным последовать его примеру... Рядом с собой положил щит одного из мафулу и стал раскладывать на нем подарки. Среди них были два зеркала, перочинный ножик, табак и соль. Жестом руки пригласил туземцев приблизиться, а сам закурил трубку.

Воины вполголоса совещались. Прошло довольно много времени, прежде чем один из них подошел к щиту. Он не удивился и не испугался, увидев зеркала и перочинный нож. Его поведение свидетельствовало о том, что он знаком с этими предметами. На соль и табак — товары весьма привлекательные во многих местностях острова — еле-еле взглянул. Туземец стоял в нерешительности, нагнувшись над щитом. Смуга положил на щит стальной топор и нож.

— Здесь до нас уже бывали белые люди...— шепнул Томеку.

Увидев ценные подарки, туземец снял стрелу с тетивы и отложил лук в сторону. Присел рядом со щитом. Гортанным голосом сказал что-то воинам, стоявшим сзади него. Те опустили луки и копья, после чего подошли к белым путешественникам. Смуга угостил их табаком. С помощью Айн'у'Ку начал переговоры.

Томек украдкой наблюдал за туземными воинами. Большинство из них носило в волосах с правой стороны головы небольшие, каменные кружочки. Томек знал, что это значит. Такой кружок имели право носить только воины, собственноручно убившие врага и отрезавшие у него голову. Томек воспользовался тем, что Айн'у'Ку был занят переводом слов Смуги, шепнул:

— Они носят знак охотников за человеческими головами...

— Я уже заметил это,— тихо ответил Смуга.— Это для нас прекрасная новость. Ты помнишь, что нам говорил Бентли?

Томек утвердительно кивнул головой. Он прекрас-

но помнил рассказ Бентли об экспедициях в район Пурари, состоявшихся в последнее время. Именно здесь, по берегам этой реки, туземные охотники за человеческими головами носили каменные кружки с правой стороны головы. Выходит, что Смуга был прав, считая реку, по которой они плывут, — Пурари. Значит, экспедиция находится на правильном пути.

После длительных колебаний и совещаний туземцы согласились впустить путешественников за частокол, ограждавший деревушку, чтобы они могли закончить переговоры со старейшиной. Оказалось, однако, что старейшина спит в Доме духов, а разбудить его никто не решался. Дело в том, что по верованиям папуасов душа человека во время сна оставляет тело и витает в пространстве. По их мнению, сны — это отражение событий, происходящих с душой во время ее отсутствия в теле... Поэтому туземцы никогда не будили спящих, опасаясь, что души их не успеют вернуться в тела.

К счастью, громкие переговоры разбудили старейшину, и он, получив от Смуги щедрые подарки, обещал снабдить караван продовольствием. Поджидая возвращения с поля женщин, посланных за овощами, путешественники занялись ознакомлением с деревушкой. Старейшина и толпа воинов неотступно следовали за ними, но не мешали им и охотно давали объяснения.

На окраине деревушки стояло несколько клеток, сплетенных из бамбуковых стеблей. Заинтересовавшись ими, путешественники подошли ближе. В клетках, носивших название «казуарии», содержались живые казуары. Вид их был достоин сожаления... Слишком тесные клетки не позволяли птицам лежать на полу, настланном из узких стеблей бамбука. Скользя по гладким, округлым бамбуковым стеблям, птицы переступали с ноги на ногу. О муках, которые им приходилось терпеть, лучше всего свидетельствовали искривленные когти на ногах бедных птиц. Путешественники догадались, что туземцы держат казуаров на мясо и ради перьев, которыми местные воины украшали головы. И действительно, часть казуаров была уже лишена красивейших перьев, так что просвечива-

ла голая шкура. Вблизи клеток со взрослыми птицами бродили два птенца, разгребавшие мусор в поисках пищи.

Увидев маленьких смешных птенцов, Томек обратился к Смуге со словами:

— Как вы думаете, продадут ли нам туземцы птенцов казуаров? Я хотел бы подарить их Салли. Говорят, что маленькие казуары легко привыкают к людям и ходят за ними как собаки.

Смуга взглянул на птенцов, покрытых с ног до головы желтовато-серым пухом с темными полосами.

— Превосходная идея, — ответил он. — Попытаемся купить!

Томек стал владельцем двух птенцов и двух клеток за три ожерелья стеклянных бус. Обрадованный полученными подарками, старейшина выдал воинам какое-то приказание. Те вскоре привели и вручили путешественникам двух жирных, откормленных псов. При этом старейшина сказал, что у него слишком мало свиней и он не может их дать. Мафулу приняли псов с большим удовольствием. В некоторых районах острова папуасы откармливают собак и употребляют их в пищу, в частности во время торжественных племенных пиров.

Вскоре появились женщины, несшие за спинами сетки, наполненные овощами. Однако старейшина не хотел отпустить путешественников из деревни, пока они не выкурят с ним трубку в Доме духов. Делать нечего, Смуге пришлось принять приглашение. По дороге к Дому духов старейшина остановился у своей хижины. На ее пороге сидели две жены старейшины, причем одна из них кормила грудью ребенка, а вторая — поросенка. Старейшина с гордостью показал Смуге поросенка. Видимо, он хотел похвастаться богатством.

По лестнице Смуга и Томек поднялись на веранду Дома духов. В обществе шамана, старейшины и нескольких воинов, они вошли внутрь.

Пока старейшина медленно набивал табак бамбуковую трубку, путешественники с интересом разглядывали внутреннее убранство Дома духов. Стены украшали военные трофеи. Главное место среди них

занимали отполированные до блеска человеческие черепа и совершенно целые головы, покрытые кожей, которые при обработке сохранили прежние черты лица погибших.

Затаив дыхание, Томек бросал взгляды на мрачные трофеи. На его лбу выступили маленькие бисеринки пота. Он побледнел, и едва не потеряв сознания, с трудом прошептал:

— Голова атамана пиратской шайки...— тихо сказал он.

Смуга взглянул на стену, в которую всматривался Томек. Некоторое время он сидел неподвижно, потом буркнул:

— Поделом вору и мука. Носил волк — понесли и волка. Значит, мы встретились с ним, но не так, как он хотел. Жаль, что этого не видит Новицкий...

Туземцы были очень рады впечатлению, какое произвела на путешественников голова пирата. Можно даже предположить, что их пригласили в Дом духов только для того, чтобы показать эту голову, потому что шаман вдруг встал с места, снял голову с гвоздя и подал ее Смуге.

Томек закрыл глаза. Он боялся упасть в обморок.

Смуга не потерял самообладания. Взял в руки ужасный трофей и внимательно его рассмотрел. Впервые за все время путешествия по Новой Гвинее ему удалось увидеть столь мастерски препарированную человеческую голову. Кожа на голове, волосы и черты лица были сохранены до мельчайших подробностей. Даже выражение лица было точно передано. Опущенные веки глаз оставляли впечатление, что атаман шайки пиратов погружен в глубокий сон. Смуга провёл рукой по лицу пирата. Нашупал под пальцами мягкие вкладыши, позволившие дикому художнику придать правильные черты лица жертве ужасного обычая¹.

¹ В Меланезии есть мастера, умеющие препарировать голову трупа так, что черты лица сохраняются почти без изменений. С этой целью они снимают кожу с черепа и длительное время коптят ее. Удаляют мускулы. После копчения кожу смягчают, для чего мочат ее в воде, осуществляют другие операции и натягивают на голый череп. Между костями черепа и кожей закладывают пучки трав

Смуга вернул голову пирата шаману и спросил, не пожелает ли он продать ее. Шаман решительно отказался. У папуасов голова белого человека ценилась необыкновенно дорого. Не обескураженный отказом Смуга, выразил желание купить голову одного из туземцев. На лицах папуасов мгновенно отразился гнев. Не обращая на это внимания, Смуга предложил за голову папуаса свои карманные часы со звоном. Папуасы понятия не имели для чего служат часы, но тикание и звон всех очень поразили. И все же они резко отказались продать голову.

Оставаться в деревушке дольше не было смысла, тем более, что у папуасов настроение менялись часто, притом иногда неожиданно. Смуга простился с хозяевами и отправился в обратный путь в сопровождении женщин, нагруженных корзинами с продовольствием. Вскоре белые путешественники открыли причину малой заинтересованности папуасов подаренной им солью. Вблизи деревушки они обнаружили примитивную солеварню. Оказалось, что туземцы добывают соль из стеблей растения пит-пит¹. Желая ознакомиться с местным способом добычи соли, Смуга остановился в солеварне. Оказалось, что туземные солевары сначала связывают стебли растения в пучки, потом сжигают их на раскаленных углях. Пепел собирают в выдолбленном из ствола панданового дерева корыте, внизу которого проделано отверстие, закрытое фильтром из травы. Собранный пепел промывают водой, в которой растворяются минеральные соли. Воду сливают в специальные сосуды и ставят их на огонь для выпаривания. На дне сосудов осаждается соль кирпичневатого цвета.

Потрясенный видом мертвой головы пирата, Томек не обращал внимания на солеварню, но Смуга тщательно описал все детали оборудования.

После ухода из солеварни, Томек в качестве проводника выдвинулся вперед вереницы женщин-носильщиц. Смуга замыкал шествие. Недалеко от берега

и мха, одновременно моделируя черты лица, причем достигают иногда поразительного сходства с живым оригиналом.

¹ Соль, получаемая из этого растения, уступает по солености каменной.

реки им пришлось идти через полосу кустарника. Смуга шел ни о чем не подозревая, как вдруг из кустов показалась черная, обнаженная рука, коснувшаяся его плеча. Смуга выхватил было револьвер, но увидел шамана, который жестом требовал молчания. Удивленный Смуга подошел к шаману. А тот, не говоря ни слова, ткнул Смуге в руки круглый сверток и пальцем показал на карман, в котором путешественник носил часы.

Смуга побледнел, но не решился проверить содержимое свертка. Без лишних слов достал часы и вручил их шаману.

Как только они очутились на берегу реки, где стояли лодки экспедиции, Смуга распорядился погрузить продукты и немедленно отправляться в путь. Когда они отчалили, Вильмовский спросил:

— Зачем такая спешка, Ян. Ведь туземцы приняли нас доброжелательно? Мы оставили превосходное место для ночлега.

— Ты так думаешь? А по-моему, нам надо как можно скорее отъехать отсюда подальше. Потом я тебе скажу почему.

Вильмовский больше не спрашивал. Он слишком хорошо знал Смугу, чтобы сомневаться в целесообразности его действий. Вильмовский доверял опыту друга.

В этот день им удалось пройти довольно большое расстояние от места стоянки. Смуга разрешил Новицкому пристать к берегу только перед самым закатом солнца. После ужина Смуга пригласил Вильмовского, Томека, Новицкого и Бентли в свою палатку на совещание.

— Ты спрашивал, Андрей, почему я поспешил удалиться от деревушки, жители которой встретили нас доброжелательно? — спросил он.

— Папа, это были...

— Не говори ничего! — кратко остановил Смуга Томака и, обращаясь к Вильмовскому, продолжал: — Посмотри-ка, что находится в этом свертке?

Смуга подал Вильмовскому круглый сверток. Тот осторожно развернул листья, в которые был завернут круглый предмет, и остолбенел от удивления. Все сто-

яли, как пораженные громом. При свече рассматривали ужасный трофей. Первым овладел собой капитан Новицкий.

— Ах, чтоб тебя кит проглотил! Ведь это же башка атамана пиратов!

— Как вы достали эту голову?! — шепотом спросил Томек.— Ведь папуасы и слышать не хотели о ее продаже!

— В дороге меня догнал шаман и отдал за часы. Перед своими он, видимо, объяснит продажу головы кознями злых духов или еще как-нибудь,— ответил Смуга.

— Признаю теперь, что ты был прав, требуя от нас спешного отъезда,— заметил Вильмовский.— Ведь это ужасно...

Бентли молча вытирал капли пота со лба.

— Эх, этот мошенник немало принес людям горя,— сказал Новицкий.— Всех его грехов не списать и на воловьей шкуре, но он, видимо, расплатился сполна. Вероятно, он отправился на поиски золота, как и говорил нам на судне. Интересно, что случилось с его товарищами по шайке?

— Их, пожалуй, съели людоеды...— ответил Вильмовский.

— Думаю, ты прав,— согласился Смуга.— Давайте пока что никому не скажем об этой трагедии. Остальные участники экспедиции могут увидеть голову пирата только в Сиднее.

— Так будет разумнее,— согласился Вильмовский.

* * *

Экспедиция еще восемь дней шла на лодках вниз по Пурари. На девятый день, путешественники увидели по обоим берегам реки вымерший мангровый лес. Куда ни посмотреть, отовсюду торчат голые стволы деревьев с обломанными ветками, побелевшие от тропического солнца. В воздухе носится душный запах гнили. В этом кошмарном лесу обитали только огромные крабы, противные насекомые да москиты, которые не давали путешественникам покоя с утра до ночи.

— Что за катастрофа произошла здесь? — удивленно спрашивал Збышек, против воли понижая голос.

— А это для нас хорошая примета, — ответил Смуга. — Это остатки мангровых лесов.

— Какова причина гибели всех деревьев? — спросила Наташа. — И почему вид мертвого леса хорошая примета для нас?!

— Мангровые деревья, чтобы жить, требуют соленой воды. Если море отступит от берега, мангровые леса погибают. Мы, видимо, приближаемся к месту впадения реки в море.

Слова Смуги подтвердились буквально через два дня. Мертвый лес кончился, и теперь по обоим берегам реки зеленели густые мангровые леса. Лодки опять мчались по реке в туннеле из ветвей зеленых деревьев. У подножия перевитых лианами лесных великанов простиралась трясина, кишевшая ядовитыми змеями и крокодилами.

Однако прошло еще два дня путешествия по воде, пока лодки вышли в открытое море. Обрадованный видом прозрачной морской воды, Томек нагнулся к Салли.

— Конец нашим приключениям, дорогая! — шепнул он. — Мы все так опасались за твою жизнь! Теперь ты уже скоро выздоровеешь. В Порт-Морсби можно рассчитывать на помощь хорошего врача.

Салли улыбнулась и застенчиво спросила:

— Я знаю, что была лишней обузой для вас. Скажи, теперь, когда все самое худшее осталось позади, ты не жалеешь, что женился на такой неудачнице?

— Не говори чепухи, голубушка! — подражая голосу капитана Новицкого, ответил Томек. — Честное слово, ты героиня! В критические минуты ты прекрасно владела собой и старалась ободрить нас. Я горжусь такой женой!

Салли обняла мужа и через минуту спросила опять:

— Томми, возьмешь ли ты меня в следующую экспедицию?

— А что же я делал бы без тебя? — ответил Томек вопросом на вопрос и сразу же добавил: — Всегда, когда мне приходилось быть далеко от тебя, я очень тосковал и считал дни до новой встречи...

— В самом деле?!

Взволнованный Томек утвердительно кивнул головой и сказал:

— Теперь мы всегда будем вместе ездить в экспедиции. Но сначала немного отдохнем. То, что нам удалось собрать в Новой Гвинее, даст нам деньги, необходимые для окончания университета. Нам еще надо много учиться. Хороший специалист должен обладать глубокими знаниями. Кроме того, надо устроить судьбу Збышека и Наташи...

— Ты, Томми, прав, как всегда! Я восхищаюсь твоей силой воли. Ты умеешь сочетать работу с учением. Я должна стать такой же умной и сильной, как ты.

Салли умолкла. Положив голову на плечо Томеку, она закрыла глаза. Возможно, она вспомнила битву в джунглях и ужасные крики охотников за человеческими головами. А может быть, думала об ожидающих ее экзаменах или о новых, необыкновенных приключениях?

ЭПИЛОГ

Со времени путешествия Томека Вильмовского и его друзей по Новой Гвинее прошло уже больше шестидесяти лет. За это время ученые накопили много новых сведений о крупнейшем острове Тихого океана. Позднейшие исследования показали ошибочность суждения о том, будто бы центральный горный массив Новой Гвинее представляет из себя сплошную стену, непригодную для жизни людей.

Еще в 1925 году Чемпион и Адамсон обнаружили, что в горах, в глубине острова живут неизвестные раньше туземные племена. В 1928 году Чемпион и Карриус прошли по трудному маршруту Флай-Сепик, с севера на юг острова. В 1933 году австралиец Лейги в обществе Джима Тэйлора дошел до истоков реки Пурари в долине Вагхи и обнаружил подходы к высокогорным лугам. Спустя пять лет, тот же Тэйлор, теперь уже в обществе Блэка, совершил путешествие по маршруту Хаген-Сепик.

Накануне второй мировой войны на картах Новой Гвинеи оставалось уже мало белых пятен. Во время войны выявилось крупное стратегическое значение острова. В войне с Австралией японцы временно оккупировали ряд прибрежных районов Новой Гвинеи.

Военные действия не привели к каким-нибудь новым географическим открытиям на острове. Только лишь после войны экспедиция Кленси, снаряженная одной из австралийских нефтяных компаний, добралась в 1954 году до совершенно отрезанной от остального мира высокогорной долины, названной по примеру сказочной тибетской Долины счастья — Шангрила.

Еще более удивительные результаты для географической науки принесла экспедиция, организованная редакцией одного французского журнала в 1959 году. В экспедиции приняли участие шесть человек: Эрве Мэгре, Тони Солнье, Жильбер Сартр, Жерар Делойе, Ж. Борд-Паже и Пьер Доминик Гессо.

Они пересекли всю тогдашнюю голландскую часть Новой Гвинеи, проделав 200 километров на самолете и совершив сто девятидневный марш пешком через центр острова. Отважные французы встретили во внутренней части Новой Гвинеи племя папуасов, жившее на уровне каменного века, придерживавшееся обычаев каннибализма и занимавшееся охотой за человеческими головами. Представители этого племени до прибытия к ним французов никогда не видели белых людей.

Таким образом, со времени путешествия Томека, не так уж много перемен произошло в жизни и обычаях исконных жителей Новой Гвинеи.

Колонизаторы занимались исключительно поисками полезных ископаемых. Золотые россыпи были весьма быстро исчерпаны. Колониальные плантаторы стали разводить на побережье острова каучук, кокосовые пальмы, земляные орехи и бананы, почти совершенно не интересуясь жизненными проблемами туземного населения. За малейшую провинность они жестоко карали туземцев, широко применяли телесные наказания, бросали в тюрьмы. Нельзя поэтому удивляться тому, что туземцы питают к белым и их

богам большое недоверие. Многие туземцы продолжают жить по обычаям предков, глубоко верят в разные волшебства, сверхъестественные силы, а в глухих уголках острова занимаются каннибализмом и охотой за человеческими головами.

Законы белых, подчиняться которым заставляли силой, столь же непонятны туземцам, как и религиозные верования пришельцев. Погибая от различных бедствий и болезней, постоянно голодая, туземцы не принимали и не понимали европейской цивилизации.

Благодаря усилиям прогрессивных наций, после второй мировой войны, и в особенности благодаря ширящемуся пламени освободительного движения самих колониальных народов, постепенно исчезают последние бастионы колониальных империй. Первый район Новой Гвинеи, который получил независимость, а именно бывшая голландская часть острова, был раньше самым отсталым в экономическом и социальном отношениях районом. В настоящее время этот район, под названием Западного Ириана вошел в состав Индонезийской республики. Хотя и с величайшими трудностями и перебоями, культура, благодаря просвещенным представителям папуасов, все же проникает в гущу населения Новой Гвинеи.

Прежние варварские обычаи, так же как и каннибализм, должны отойти в прошлое и уступить место новой жизни нашей эпохи. Видимо, скоро получит независимость и вторая, австралийская часть Новой Гвинеи — Папуа.

Над крупнейшим островом Тихого океана уже всходит заря свободы.

Содержание

ТАИНСТВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ТОМЕКА

I.	В тайге	7
II.	Сибирская охота	19
III.	Встреча с тигрицей	28
IV.	Боцман попал в передрагу	38
V.	Капитан Некрасов	53
VI.	По Амуру на пароходе	62
VII.	В ловушке	74
VIII.	Фу Чау	89
IX.	Снежный барс	100
X.	Битва с краснобородыми	112
XI.	Среди бурятов	123
XII.	Корень, рожденный молнией	132
XIII.	Сибирский легион свободных поляков	143
XIV.	Грозное предупреждение	158
XV.	Поединок	169
XVI.	Павлов	188
XVII.	В стране якутов	195
XVIII.	Тяжелое испытание	208
XIX.	Похороны ссыльного	217
XX.	Гнев Бога огня и грома	228
XXI.	Неожиданная помощь	244
XXII.	Не подведет ли пандит Давасарман?	255

ТОМЕК СРЕДИ ОХОТНИКОВ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ГОЛОВАМИ

I.	Пролог. Isla De La Mala Gente	261
II.	Встреча в Сиднее	273
III.	Победит ли Салли?	286
IV.	Подготовка экспедиции	299
V.	На волосок от смерти	308
VI.	Пираты южных морей	321
VII.	Капитан Новицкий атакует	335
VIII.	Проводник из племени мафулу	348
IX.	На пороге неисследованной страны	361
X.	Дыхание джунглей	372
XI.	«Таинственные силы»	382

XII.	Долина Солнца	395
XIII.	Люди и полубоги	406
XIV.	Охота на райских птиц	420
XV.	Ни шагу дальше, не то погибнешь!	434
XVI.	Красная райская птица	447
XVII.	Коварный удар	457
XVIII.	Охотники за человеческими головами	469
XIX.	Последняя воля Салли	481
XX.	Возвращение экспедиции	491
	Эпилог	504

Альфред Шклярский
СОЧИНЕНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ
ТОМ 3

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *Л. Чуланова*
Компьютерная верстка *И. Понятых*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 16.07.95 г. Усл. печ. л.
28,56. Уч.-изд. л. 29,0.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Шклярский А.

Ш66 Сочинения: В 4 т. Т. 3: Таинственное путешествие Томека; Томек среди охотников за человеческими головами: Романы /Пер. с польск. — М.: ТЕРРА, 1995. — 540 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-00168-6 (т. 3)

ISBN 5-300-00156-2

Дальний Восток и Новая Гвинея — именно в эти, отдаленные друг от друга на многие тысячи километров, места попадает Томек Вильмогский и его друзья. Здесь их ждут увлекательные приключения. Много нового узнает читатель и о первозданной природе, обычаях жителей тех стран, куда заносит судьба героев повествования.

Ш 4804010100-217 Подписное
А30(03)-95

ББК 84.4П